

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4

ОРЕЛ – 2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Александрова А.П., Алексеев А.П., Зайченкова М.С., Иванов А.Е., Изотов В.П., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Колесникова А.Ф., Львова С.И., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Оскотская Э.Р., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Репин О.А., Седов Е.Н., Серегина Т.В., Тер-Минасова С.Г., Тыртышников Е.Е., Уман А.И., Шабанов Н.К.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Антонова М.В., Аронова С.А., Бахвалова Т.В., Гелла Т.Н., Изотов В.П., Крючкова Т.Б., Литвин Ф.А., Марковичева Е.В., Минаков С.Т., Михальченко В.Ю., Михеичева Е.А., Назарова Г.Ф., Никифоров В.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Рымшина Т.А., Селютин В.Д., Серегина Т.В., Тюркова Г.Н., Уман А.И.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95,
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

Содержание

ЭКОНОМИКА

<i>Е.И. Алехин</i> ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КРИТЕРИЕВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	7
<i>Д.В. Ермолаев</i> СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ	15
<i>И.Б. Загайтов, Н.А. Турищев</i> КРИЗИС НЕ ВСЕГДА И НЕ ДЛЯ ВСЕХ – БЕДА	18
<i>О.В. Корева</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИЙ И ПРОГРАММ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНО–КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА	22
<i>В.В. Печенкина, Н.В. Агошкова</i> УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	29
<i>Е.В. Сибирская, О.А. Строева, Е.В. Петрухина</i> РАЗРАБОТКА ИНФРАСТРУКТУРЫ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА	38
<i>Е.В. Сибирская, О.А. Строева</i> РОЛЬ И ФУНКЦИИ БИЗНЕС-ИНКУБАТОРА В РАЗВИТИИ БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	47

ИСТОРИЯ

<i>А.Ю. Друговская</i> ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ ГЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ	51
<i>М.И. Лавицкая</i> РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ В ПЕРИОД С 1864 ПО 1917 ГОД	56
<i>Т.С. Милукова</i> К ВОПРОСУ О РОЛИ ЗЕМСТВ В ПРОВЕДЕНИИ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ	65
<i>А.Ю. Савосичев</i> ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЬЯКОВ И ПОДЪЯЧИХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ	69
<i>А.Н. Судакова</i> МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МЛАДШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ В 1924 – 1930-х гг.	74
<i>А.В. Федосов</i> ГОТЫ И ПРАСЛАВЯНЕ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ	83
<i>А.В. Штепа</i> ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (2000-2010 гг.)	89

ФИЛОСОФИЯ

<i>А.В. Абрамов</i> ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ И ДУХОВНОСТИ У ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА И ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА	95
<i>О.А. Ежова</i> СПЕЦИФИКА ЛИЧНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ	99
<i>Т.В. Казарова</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА	104
<i>З.И. Комарова</i> ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ НАУЧНОМ И ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ	111
<i>С.В. Кузнецов</i> В.В. НАЛИМОВ О РОЛИ НАУЧНОЙ МЕТАФОРЫ В ФИЛОСОФИИ	117
<i>О.А. Мамонько</i> КАТЕГОРИЯ «СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ»: ОБЪЕКТИВНЫЙ И СУБЪЕКТИВНЫЙ АСПЕКТЫ	122
<i>Е.М. Мартынова</i> ФЕНОМЕН СМЕХА В АНОМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	126
<i>Д.Н. Минаев</i> ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ СУЩНОСТИ СОЗНАНИЯ	132
<i>Д.Н. Наумова</i> О ПРОЦЕССАХ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	139
<i>Д.Г. Смирнов</i> «ВИДЕТЬ ИЛИ ПОГИБНУТЬ»: ЭВОЛЮЦИЯ УНИВЕРСУМА И НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ	142

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Д.Л. Гуревич</i> ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ И КРИТЕРИИ НОРМАЛИЗАЦИИ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА БРАЗИЛИИ ..	149

Л.И. Жолудева ВОПРОСЫ ИМЕННОЙ МОРФОЛОГИИ В ПЕРВОЙ ГРАММАТИКЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА - «LA GRAMMATICHETTA VATICANA» (COD. VAT. REG. LAT. 1370) ЛЕОНА БАТТИСТЫ АЛЬБЕРТИ	155
М.В. Зайцева ИЗ «СЛОВАРЯ СЕМЕЙНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.С.ВЫСОЦКОГО»: МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРНЫМ СТАТЬЯМ МУЖ И ЖЕНА	161
В.Т. Захарова СТОЛИЦА И РЕВОЛЮЦИЯ: МИФОПОЭТИКА УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-Х гг.	164
В.В. Изотов ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА В МЕТАПОЭТИКЕ САШИ СОКОЛОВА	171
И.В. Карпова, Н.А. Мартынова КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПОСРЕДОВАННОГО ДЕЛОВОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ	175
О.С. Клокова НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ..	179
Т.В. Ковалева, М.Ю. Мишина СТИХОТВОРЕНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПАРУС» И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕГО МОТИВОВ В ЛИРИКЕ К.М. ФОФАНОВА	184
М.В. Козьменко У ИСТОКОВ ДРАМАТУРГИИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА: НЕИЗВЕСТНАЯ ПЬЕСА О ЗАКОНЕ И ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ...	192
В.Н. Криволапов О БИБЛЕЙСКИХ ПРООБРАЗАХ ГЕРОЕВ ГОНЧАРОВСКОГО РОМАНА («ОБЛОМОВ»)	199
И.В. Лукин МИФОПОЭТИКА «ОТЛУЧКИ» В РАССКАЗЕ А.П. ПЛАТОНОВА «РЕКА ПОТУДАНЬ»	204
М.Ю. Мишина ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ Д.М. РАТГАУЗА (К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ) ...	212
Т.В. Нерушева ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	218
А.А. Новикова СОЮЗ ИБО В РОМАНЕ Н.С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ»	224
Н.В. Новикова «НРАВСТВЕННЫЙ ТОЛЧОК ПРОБУЖДЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОВЕСТИ» (ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ЖУРНАЛЕ «ЗАВЕТЫ»)	227
Е.В. Озерова О ПРЕИМУЩЕСТВАХ КОНТУРНОГО ПОДХОДА К ОПИСАНИЮ ИНТОНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	235
С.В. Федотова ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ПОД «БРИТВОЙ ОККАМА», ИЛИ ОПРАВДАННОСТЬ ПРИУМНОЖЕНИЯ ТЕРМИНОВ (ПОЭТИКА – МЕТАПОЭТИКА – ПОЭТОЛОГИЯ)	238
А.А. Черкаска, П.А. Ковалев РИФМЕННЫЙ ДИСКУРС И АРХИТЕКТОНИКА РУССКОГО СТИХА	245
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	
А.В. Батищев ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	249
Н.А. Коханик ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРА	252
Е.В. Куканова МОДЕЛЬ ПОЭТАПНОГО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА БУДУЩИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОУ В УСЛОВИЯХ ВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ	256
Е.В. Марковичева, И.Р. Левина РОЛЬ УЧЕБНОГО КУРСА «СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ» В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	262
Т.А. Мищенко, Ю.А. Шевцова «К БАБУШКЕ ИЛИ В ДЕТСКИЙ САД?» – СТРАТЕГИЯ ВОСПИТАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МАРКЕР ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ	268
Е.С. Саватеева К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	274
Н.Д. Соболева ОБ ИНТЕГРАТИВНОМ ХАРАКТЕРЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ	277
Е.А. Хованская ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	281

Е.А. Чертыковцева НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ИСКУССТВА НА ХГФ ВУЗОВ	289
Е.В. Шамарина О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПСИХОЛОГО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКАМИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ППМС-ЦЕНТРА	294
В.Н. Юшин, И.В. Корогодина ФРАКТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БАЗОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ КАК ОСНОВА ПРОЕКТИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНЖЕНЕРНОМ ВУЗЕ	303
Е.З. Яхнина О ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «СПЕЦИАЛЬНОЕ (ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОЕ) ОБРАЗОВАНИЕ» К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ОБУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЮ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЮ УСТНОЙ РЕЧИ ЛИЦ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА	310

ПРАВО

А.П. Александрова ПРАВОСУДИЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТЮДОРОВ	317
О.М. Ефремова ФУНКЦИЯ ЮСТИЦИИ И ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ	321
Ю.Е. Жиронкина ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ МЕДИЦИНСКОЙ ТАЙНЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	329
Е.А. Загудаев ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СВОДА ЗАКОНОВ ГРАЖДАНСКИХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1832 ГОДА (ГРАЖДАНСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТОРОНА)	332
Д.А. Кузин ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	335
Д.А. Лукашевич РОЛЬ ОБЩЕСОЮЗНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РАЗРУШЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА СОЮЗА ССР	340
В.А. Никифоров МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОРГОВОЕ ПРАВО КАК МЕЖСИСТЕМНОЕ КОМПЛЕКСНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	347
В.А. Никифоров КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПРАВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ЭТАПЕ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО)	349
В.А. Никифоров, М.А. Соболева К ИСТОРИИ ВОПРОСА О СТАНОВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПРАВА КАК МЕЖСИСТЕМНОГО КОМПЛЕКСНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	353
И.В. Орлов ИСТОЧНИКИ ТАМОЖЕННОГО ПРАВА ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	357
М.В. Ситников О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТУРЫ И ДРУГИХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ И США	361
Р. Ю. Чепрунов АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПУТЬ РЕОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СПОСОБА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЧЕТАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗМА И ДЕЦЕНТРАЛИЗМА В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ	365

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

И.П. Булыко ПНЕВМАТОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ ЭККЛЕЗИОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ В БОГОСЛОВИИ КАРДИНАЛА ИВА КОНГАРА	374
О.В. Давыденков К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ VI ВЕКА: УМЕРЕННОЕ МОНОФИЗИТСТВО	378
Ж.В. Латышева О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОНИМАНИЯ ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	384
В.В. Петрунин СОЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА ПРАВОСЛАВИЯ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПРОЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	390

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Л.А. Кузнецова ТРАДИЦИИ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ	393

А.С. Новоженкина СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ТЕЛЕЭКРАНА КАК СПОСОБУ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗРИТЕЛЯ.	396
Н.И. Радвил ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИЗАЙНА ОБЪЁМНОЙ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ	400
А.С. Хворостов ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ РИСУНКА В ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ ДЛЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ.	404
А.С. Хворостов ПРАКТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ НА ПЛЕНЭРЕ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ.	408
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ.	412
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ.	413
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ	414

Е.И. АЛЕХИН

кандидат физико-математических наук, доцент, зав. кафедрой математического и информационного анализа экономических процессов Орловского государственного университета
E-mail: e.alekhin@mail.ru
Тел. 8 920 816 04 76

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КРИТЕРИЕВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье предложен новый способ определения критерия устойчивого развития и сформулированы требования к нему.

Ключевые слова: устойчивое развитие; критерии устойчивого развития; индикаторы устойчивого развития.

Начиная с середины XIX века наблюдалось резкое ускорение научно-технического прогресса. Произошел коренной переворот в научных представлениях человечества, впоследствии сопровождаемый крупнейшими сдвигами в технике, возникновением новых областей науки и новых отраслей производства. Как следствие, резко усилился расход невозобновляемых видов сырья, все больше пахотных земель и лесов выбывает из экономики. В 1970-е годы человечество прошло точку, в которой годовой экологический след был равен годовой биоемкости Земли [1]. С этого момента население планеты потребляет возобновляемые ресурсы быстрее, чем экосистемы успевают воспроизводить их, и выбрасывает в атмосферу больше углекислого газа, чем экосистемы способны поглотить. Таким образом, на протяжении последних десятилетий мы постоянно находимся в ситуации, которую можно охарактеризовать как «экологический перерасход».

Возможным решением назревших проблем сегодняшнего дня является переход к устойчивому типу развития (sustainable development), который предполагает постепенное восстановление естественных экосистем до уровня, гарантирующего стабильность окружающей среды. Обычно под «устойчивым развитием» понимается такое экономическое и социальное развитие страны (региона), при котором удовлетворение сегодняшних потребностей не окажет негативного влияния на возможности удовлетворения потребностей будущих поколений. Иными словами, устойчивое развитие призвано решить проблему гармоничного взаимодействия между биосферой, с одной стороны, и человечеством – с другой.

Устойчивое развитие предполагает одновременное решение разноплановых и во многом противоречивых проблем экономического роста при

условии сохранения качества среды обитания, оцениваемого в первую очередь с позиций экологии и социальной сферы.

Формирование удобных и эффективных методов и инструментов измерения устойчивого развития, позволяющих дать однозначную трактовку полученных результатов, представляет высокую ценность как с исследовательской, так и с управленческой точек зрения. Однако данная задача не имеет простого и очевидного решения. На протяжении уже почти двадцати лет, прошедших после Конференции Организации Объединенных Наций (ООН) по устойчивому развитию в 1992 году, ведущие международные организации и отдельные исследовательские коллективы разрабатывают и предлагают различные методологические подходы к количественной оценке устойчивости. Одной из первых разработок в данной области была система индикаторов, сформированная Комиссией по устойчивому развитию ООН в 1996 году. В настоящее время собственные методики оценки разработаны такими крупными международными организациями, как ООН, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирный банк, Европейское сообщество и т.д. В России разработками этой тематики занимается, в частности, Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации¹.

Несмотря на то, что к настоящему моменту накоплен значительный методологический и практический опыт в данной области, на сегодняшний день еще не сформирован общепринятый теоретико-методологический подход к анализу и оценке устойчивого развития.

Можно считать, что уже в Декларации Первой конференции ООН об окружающей среде

¹ <http://www.sustainabledevelopment.ru>

(Стокгольм, 1972) [2] была отмечена связь экономического и социального развития с проблемами окружающей среды. В такое понимание развития важный вклад внесли научные доклады Римского клуба и особенно доклад Д. Медоуза «Пределы роста» (1972 г.) [3], в котором формулировались идеи перехода цивилизации от экспоненциального экономического роста к состоянию «глобального динамического равновесия», от количественного роста – к «органическому» (качественному) и «новому мировому экономическому порядку».

Большое влияние на формирование концепций развития с учетом социальных и экологических приоритетов как в теоретическом, так и в практическом планах, оказал доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) – «Наше общее будущее» (1987), выполненный по заданию Организации Объединенных Наций комиссией под председательством Г.Х. Брундтланд². Целью доклада являлась разработка глобальной программы изменений в мировом развитии. В докладе были предложены долгосрочные стратегии в области улучшения жизни людей, охраны окружающей среды, которые позволили бы обеспечить устойчивое развитие мировой экономики на длительный период, рассмотрены способы и средства, используя которые мировое сообщество смогло бы эффективно решать социальные и экологические проблемы.

Кроме того, важное значение для осмысления того, что сделано и делается в плане разработки концепции устойчивого развития, имеют документы Конференции ООН по окружающей среде и развитию (июнь 1992) в Рио-де-Жанейро (Бразилия), известной как «Саммит Земли». В ней участвовали 176 представителей правительств, более 100 глав государств, около 10 тыс. делегатов, 1400 представителей неправительственных организаций, а также около 9000 журналистов. Этот форум стал самым крупным в мире за всю историю человечества. В ходе Конференции было выявлено, что охрана окружающей среды и социально-экономическое развитие имеют огромное значение для устойчивого развития на основе Рио-де-Жанейрских принципов. В целях обеспечения такого развития была принята программа «Повестка дня на XXI век»³, которая заключается в поиске баланса между тремя направлениями развития человечества на пути

к устойчивому развитию: социальным, экономическим и экологическим; и Декларация Рио по окружающей среде и развитию⁴, отразившая эволюцию мировых представлений по экологическим вопросам в течение 20 лет после Стокгольмской конференции, которая определяет новую повестку дня для устойчивого развития: «Для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него»⁵.

В самом общем виде условие устойчивого развития во времени с учетом основных параметров можно представить в следующем виде [4]:

$$F_{t+1}(L, K, P, I) \geq F_t(L, K, P, I), \quad (1)$$

где $F(L, K, P, I)$ – функция устойчивого развития; L – трудовые ресурсы; K – искусственно созданный (физический) капитал, средства производства; P – природные ресурсы (природный капитал); I – институциональный фактор.

Возникает естественный вопрос об измерении величин, входящих в формулу (1), т.е. о выборе функции устойчивого развития F и ее аргументах.

Начнем с функции F . Ее параметры являются видами капитала, при этом предполагается, что один вид капитала (например, природный P) может быть замещен другим, например, искусственно созданным K . Важно, чтобы общий капитал не уменьшался с течением времени. Поэтому логично будет представить функцию F в виде аддитивной свертки ее параметров. Мы будем искать функцию устойчивого развития как взвешенное среднее ее аргументов:

$$F = k_L L + k_K K + k_P P + k_I I, \quad (2)$$

где $k_L + k_K + k_P + k_I = 1$.

Компоненты L , K , P и I могут быть вычислены с помощью соответствующих индикаторов. Индикаторы – это показатели, которые характеризуют изменение состояния экономики, социальной сферы и окружающей среды во времени.

Индикаторы устойчивости естественным образом должны удовлетворять следующим основным критериям [5]:

- иметь возможность использования на макроуровне в национальном масштабе;
- сочетать экологические, социальные и экономические аспекты;

2 Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future 1987. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm>.

3 Повестка дня на XXI век. Материалы конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21.

4 Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.

5 Там же.

- быть предельно ясными и иметь однозначную интерпретацию для лиц, принимающих решения;
- иметь количественное выражение;
- опираться на имеющуюся систему национальной статистики и не требовать значительных затрат для сбора информации и расчетов;
- быть репрезентативными для международных сопоставлений;
- иметь возможность оценки во временной динамике;
- иметь ограниченное число и др.

Добавим еще одно условие, менее очевидное, – желательно ограничиться наименее возможным количеством индикаторов. Часто для вычисления функции устойчивого развития используется огромное число индикаторов, но в последние годы намечается тенденция к уменьшению их количества. Так, Комиссия устойчивого развития ООН сократила более чем в 2 раза число первоначально предлагаемых 130 показателей. Соответствующей комиссией ОЭСР предлагается 10 базовых экологических индикаторов, Европейским Союзом – 11 индикаторов. В США по основным критериям были отобраны 400 показателей, и последующий отбор по дополнительным критериям сократил их число до 40. Семь базовых индикаторов были выделены в Великобритании⁶.

С уменьшением числа индикаторов уменьшается и детальность описания ситуации в регионе. Кроме того, существует еще один чисто математический аспект: если число переменных в функции F мало, то сама функция получается недостаточно устойчивой по отношению к изменению веса отдельного параметра. С другой стороны, при большом числе индикаторов они неизбежно будут коррелировать друг с другом, а наличие корреляции обычно означает избыточность учитываемой информации, что ведет к проблемам с определением правильных весов и, как следствие, к ошибкам в вычислении функции F . Кроме того, при этом страдает универсальность описания ситуации: понятно, что отдельные индикаторы, учитывающие, например, экономическую ситуацию в одном из регионов, могут просто не иметь общепринятого смысла в другом. Характерный пример приведен в книге [4]: в некоторых засушливых регионах вода считается даром Бога, поэтому она не продается и не покупается. Соответственно, невозможно учесть цену этого ключевого для такого рода региона ресурса.

Для того чтобы скомпенсировать небольшое число используемых в настоящей работе показате-

телей, с целью возможно более полного описания ситуации в регионе, в качестве индикаторов, там, где это, по нашему мнению, необходимо, будем использовать агрегированные (или интегральные) индексы, построенные с учетом большого числа отдельных слагаемых.

Рассмотрим некоторые из наиболее часто употребляемых индексов, предложенных различными структурами ООН и Всемирного Банка. В первую очередь речь идет о так называемых «зеленых счетах». Статистическим отделом Секретариата ООН предложена система эколого-экономического учета (СЭЭУ – System for Integrated Environmental and Economic Accounting, 1993), направленная на учет экологического фактора в национальных статистиках. Эколого-экономический учет затрагивает вопросы включения в национальное богатство наряду с капиталом, произведенным человеческим трудом, природного капитала, а также дает возможность оценивать экологические затраты (истощение и воздействие на качество природных ресурсов). Расширение экологически скорректированных макроэкономических показателей происходит за счет рассмотрения природных активов: возможна корректировка не только ВВП, но и чистой добавленной стоимости и национального богатства. Среди чисто экологических агрегированных индикаторов наиболее методологически и статистически продвинутыми являются разработки Всемирного фонда дикой природы (ВВФ) [6]. Перечислим некоторые из этих индикаторов:

Индекс скорректированных чистых накоплений (Adjusted net savings) был разработан экономистами Всемирного банка. В различных работах на русском языке он может иметь и другие названия: индекс адаптированных чистых сбережений, «истинные» сбережения, Скорректированные «истинные» сбережения и т.д. Цель разработки индекса – предложить альтернативный ВВП инструмент измерения благосостояния общества: накопленный доход корректируется исходя из динамики истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды.

Индекс реального прогресса и индекс устойчивого благосостояния (Genuine Progress Indicators и Index of Sustainable Economic Welfare) являются попыткой создать адекватный измеритель экономического благосостояния, усовершенствовать показатель ВВП с учетом экстерналий. Индекс реального прогресса отражает следующие слагаемые: преступность и распад семей; домашняя и добровольная работа; распределение дохода; истощение ресурсов; загрязнение; долгосрочный экологический ущерб; изменение свободного времени; расходы на оборону.

Индекс развития человеческого потенциа-

6 Геоглобус. ру. Устойчивое экономическое развитие и экологическая сторона производства. [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://www.geoglobus.ru/ecology/practice3/nature12.php>.

ла (ИРЧП, Human development index) вычисляется организацией ООН United Nations Development Program⁷. ИРЧП – это совокупный показатель уровня развития человека в стране, поэтому иногда его используют в качестве синонима такого понятия, как «качество жизни». Он формируется с помощью следующих индикаторов: ожидаемая средняя продолжительность жизни населения страны; уровень образованности и стандарт жизни населения страны, который измеряется ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Индекс демонстрирует средний уровень достижений страны по трем базовым измерениям: долголетию и здоровью, доступу к знаниям и достойному уровню жизни. В 2010 г. методика расчета ИРЧП была изменена. В этом же году семейство индикаторов, которые измеряют качество жизни населения, было расширено. В дополнение к ИРЧП были введены три новых индикатора: Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), Индекс гендерного неравенства (ИГН) и Индекс многомерной бедности (ИМБ).

Экологический след (The Ecological Footprint). Этот индикатор был разработан Вильямом Ризом (William Rees) в 1992 году. Данный показатель измеряет потребление населением продовольствия и материалов в эквивалентах площади биологически продуктивной земли и площади моря, которые необходимы для производства этих ресурсов и поглощения образующихся отходов, а потребление энергии – в эквивалентах площади, необходимой для абсорбции соответствующих выбросов CO₂. Метод экологического следа позволяет сравнивать фактическое давление общества на природу.

Биоемкость (Bioscarcity, показатель предложен Всемирным фондом дикой природы – WWF), включает пашни, которые могут быть использованы для производства продовольствия, волокон и биотоплива; пастбища, которые могут быть использованы для получения таких продуктов животноводства, как мясо, молоко, кожа и шерсть; морские и пресноводные рыбные промыслы; леса, способные как служить источником древесины, так и поглощать CO₂. Количественная оценка биоемкости учитывает как площадь имеющихся территорий и акваторий, так и их продуктивность на единицу площади. Например, продуктивность пашни в странах с сухим и/или холодным климатом может быть ниже, чем в более теплых и/или влажных странах. Если территории или акватории страны отличаются высокой продуктивностью, ее биопродуктивность, выраженная в глобальных гектарах, может быть

больше, чем ее продуктивная площадь, выраженная в гектарах. Аналогичным образом, рост урожайности сельскохозяйственных культур приводит к повышению биопродуктивности⁸.

Индекс «живой планеты» (Living Planet Index) для оценки состояния природных экосистем планеты исчисляется в рамках ежегодного доклада Всемирного Фонда Дикой Природы. Индекс измеряет природный капитал лесов, водных и морских экосистем и рассчитывается как среднее из трех показателей: численность животных в лесах, в водных и морских экосистемах.

Индекс экологической устойчивости (ESI, Environmental Sustainability Index) рассчитывается Центром по экологическому законодательству и политике Йельского университета (США) для 146 стран мира⁹. Индекс ESI сформирован из 21 экологического индикатора, которые, в свою очередь, рассчитывались на основе использования 76 наборов экологических данных о состоянии природных ресурсов в стране, уровне загрязнения окружающей среды в прошлом и сегодня, усилиях страны в сфере управления экологическим состоянием, способности страны улучшать экологические характеристики и прочее.

Индекс ESI количественно определяет способность той или иной страны защищать свою окружающую среду как в текущий период времени, так и в долгосрочной перспективе, исходя из пяти критериев: наличие национальной экологической системы; возможность противодействия экологическим влияниям; снижение зависимости людей от экологических влияний; социальные и институциональные возможности страны отвечать на экологические вызовы; возможность глобального контроля за экологическим состоянием страны.

Однако сложность агрегирования при расчете индекса экологической устойчивости и отсутствие данных подвигли к продолжению исследований, и с 2006 г. группой экспертов из Колумбийского и Йельского университетов (США) был предложен индекс экологической эффективности (The Environmental Performance Index, EPI). В отличие от ESI для расчета EPI применяются строгие требования к данным, не допускается использование расчетных данных (для ESI существовала возможность условно рассчитывать недостающие данные). Индекс экологической эффективности – комбинированный показатель, который измеряет достижения страны с точки зрения состояния экологии и управления природными ресурсами. Данный

⁸ http://www.wwf.ru/data/pub/reports/wwf-lpr2010_rus_part01-2.pdf

⁹ www.yale.edu/esi

⁷ www.undp.org

индекс рассчитывается для того, чтобы снизить давление на окружающую среду и, как следствие, на здоровье человека, стимулировать жизнеспособность экологических систем и стабильное управление природными ресурсами.

Впервые индекс экологической эффективности был опубликован в 2006 г. Тогда экологическое состояние стран мира оценивалось по 16 ключевым показателям, сгруппированным в шесть основных групп: экологическое здоровье, качество воздуха, состояние водных ресурсов, биологическое разнообразие, продуктивность природных ресурсов и устойчивое энергетическое развитие.

Рейтинг глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index) разработан организаторами Всемирного экономического форума (World Economic Forum). Этот индекс ежегодно определяется для 117 экономик мира и публикуется в форме так называемого «Глобального отчета о конкурентоспособности»¹⁰.

Индекс экономической свободы разработан интеллектуальным центром фонда Heritage Foundation¹¹. Он ежегодно публикуется в Wall Street Journal. Индекс экономической свободы формируется из таких десяти индикаторов: торговой политики страны, фискальной нагрузки со стороны правительства, правительственной интервенции в экономику, монетарной политики, потоков капиталов и иностранных инвестиций, банковской и финансовой деятельности, политики формирования цен и оплаты труда, прав на частную собственность, политики регулирования, неформальной активности рынка. Эти десять индикаторов получают, используя 50 наборов разнообразных данных экономического, финансового, законодательного и административного характера.

Упомянем также такие индексы, как Ущерб для здоровья населения от загрязнения окружающей среды (Environmental Health Damage) и Индекс реального прогресса (Genuine Progress Indicators).

Индекс процветания стран мира Института Legatum (The Legatum Prosperity Index) – комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира с точки зрения их благополучия и процветания¹². Индекс составляется на основе различных 79 показателей, объединенных в восемь категорий, которые отражают различные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния: экономика; предпринимательство; управление; образование; здравоохранение; безо-

пасность; личные свободы; социальный капитал.

Рейтинг каждой страны определяется путем вычисления средневзвешенного значения указанных индикаторов, каждый из которых определяется в качестве основы процветания. Показатели базируются на статистическом анализе, социологических исследованиях и экспертных оценках участников опроса.

Международный индекс счастья (Happy Planet Index, HPI) представляет собой индекс, отражающий благосостояние людей и состояние окружающей среды в разных странах мира, который был предложен New Economics Foundation (NEF) в июле 2006 года. Главная задача индекса отразить «реальное» благосостояние наций. Он отражает средние годы счастливой жизни страны на единицу планетарных потребляемых ресурсов, характеризует эффективность, с которой страны преобразовывают конечные ресурсы земли в благосостояние граждан. Каждое государство оценивается по трем параметрам: удовлетворенность граждан своим уровнем жизни, продолжительность жизни и «экологическая нагрузка» – количество земли, необходимой для обеспечения населения продуктами питания и нейтрализации отходов промышленного производства. Кроме того, при подготовке исследования были использованы результаты опросов общественного мнения.

Существуют и другие индикаторы, с различных точек зрения характеризующие различные аспекты жизни региона.

Теперь наша задача заключается в выборе наиболее адекватных индикаторов для компонент функции устойчивого развития F .

Трудовые ресурсы L естественно характеризовать численностью населения данной страны. При этом неявно предполагается, что численность экономически активного населения пропорциональна общей численности. Поскольку в дальнейшем при вычислениях все данные будут унифицированы, то такого рода замена не должна приводить к дополнительным математическим искажениям. Естественно, что характеристику трудовых ресурсов нельзя ограничить только их количественной оценкой. Качество трудовых ресурсов мы отождествим с качеством жизни населения, описываемым Индексом развития человеческого капитала – ИРЧП.

Искусственно созданный (физический) капитал K региона (или страны) будем описывать с помощью ВВП. При этом необходимо учитывать, что источники роста ВВП могут быть различными. Если рост этого показателя сопровождается ростом задолженности, то вряд ли можно вообще говорить об устойчивости развития – жизнь в долг, как правило, неустойчива. Таким образом, для описания капита-

¹⁰ www.weforum.org

¹¹ www.heritage.org/research/features/index

¹² The Legatum Prosperity Index. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.prosperity.com/>.

ла K будем использовать две переменных – ВВП и общий объем задолженности страны. Возникает естественный соблазн использовать для измерения этого вида капитала один из перечисленных выше «зеленых» индексов, например, индекс скорректированных чистых накоплений. Но в данном случае основное достоинство «зеленых» индексов обращается, на наш взгляд, недостатком – в них уже учтено влияние промышленности на экологию. Поскольку природный капитал P нами рассматривается как отдельная переменная, возникает дополнительная корреляция между капиталами K и P , что приводит к сложностям с определением весов в формуле (2).

Для описания природных ресурсов (природного капитала) P у нас имеется как минимум два подходящих показателя – экологический след и биоемкость. Первый из них, как упоминалось выше, описывает степень воздействия человека на природу региона. Второй – биоемкость – описывает «запасы» пашен, пастбищ, лесов и акваторий, пригодных для производства продукции и, таким образом, больше соответствует понятию «капитала».

Наибольшие проблемы возникают с институциональным фактором I . Он должен характеризовать совершенно особый вид капитала – капитал накопленных человечеством институтов, регулирующих отношения людей друг с другом, с обществом и с государством. Такой капитал трудно выразить в денежной форме. С другой стороны, переменную I нельзя просто вычеркнуть из формулы (1). Резкие изменения, ломка привычного уклада жизни, привычных институтов сильно сказывается (позитивно или негативно) на восприятии человеком окружающего мира. Но если имеют место такого рода изменения уклада жизни, то не приходится говорить об устойчивости.

Мы предлагаем использовать для измерения институционального фактора опросы людей, в результатах которых отражалось бы их субъективное мнение о своей жизни. Поскольку такого рода опросы в настоящее время не проводятся, мы предлагаем характеризовать переменную I Международным индексом счастья. На наш взгляд, на настоящий момент времени НРІ является наиболее адекватным измерителем капитала I .

Таким образом, для описания компонент функции устойчивого развития F предлагается использовать следующие индикаторы: x_1 – численность населения страны, x_2 – ИРЧП, x_3 – ВВП, x_4 – государственный долг, x_5 – биоемкость, x_6 – международный индекс счастья.

Для исследования были выбраны следующие страны: Россия, Австралия, Беларусь, Бразилия,

Великобритания, Германия, Индия, Испания, Италия, Китай, Латвия, Литва, Норвегия, США, Украина, Франция, Эстония, Япония. Выбор обусловливался двумя факторами – эти страны имеют развитую экономику, которая наибольшим образом воздействует на окружающую среду и, кроме того, они представляют основные регионы мира.

Отобранные индикаторы x_i были унифицированы таким образом, чтобы наилучшим условиям по каждому критерию соответствовало значение, равное 1, а наихудшим – 0:

$$\tilde{x} = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}} \quad \text{или} \quad \tilde{x} = \frac{x_{\max} - x}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (3)$$

где $\tilde{x}_{\min}$ – наименьшее значение исходного показателя, $\tilde{x}_{\max}$ – наибольшее значение исходного показателя.

Если исходный показатель x связан с анализируемым интегральным свойством экономического развития монотонно-возрастающей зависимостью (т.е. чем больше значение x , тем лучше), то используется первая из формул (3), в противном случае (чем больше значение x , тем хуже) – вторая.

Для реализации этих преобразований необходимо было определить для каждого анализируемого частного критерия $\tilde{\delta}$ значения $\tilde{\delta}_{\min}$ и $\tilde{\delta}_{\max}$. В данном исследовании в качестве пороговых величин были взяты фиксированные за весь исследуемый промежуток времени значения по каждому показателю исследуемой выборки.

В дальнейшем не будем ставить тильду над символом унифицированной переменной, поскольку неунифицированные переменные в тексте статьи далее нигде не встретятся.

После унификации переменных необходимо выбрать значения коэффициентов при переменных L , K , P и I . Поскольку нет оснований выделять один из перечисленных капиталов, естественно положить $k_L = k_K = k_P = k_I = \frac{1}{4}$. Веса при индикаторах x_i также естественно выбрать одинаковыми за единственным исключением: коэффициент при переменной x_4 – государственным долгом положим втрое большим, чем коэффициент при x_3 – ВВП.

Таким образом, окончательно для функции устойчивого развития F будем иметь:

$$F = \frac{1}{8}x_1 + \frac{1}{8}x_2 + \frac{1}{16}x_3 + \frac{3}{16}x_4 + \frac{1}{4}x_5 + \frac{1}{4}x_6. \quad (5)$$

На построении функции F обычно заканчиваются статьи по количественному анализу устойчивости развития. Страны (или регионы) классифицируются по значению этой функции, причем неявно предполагается, что чем больше значение функции F ,

тем устойчивее развитие данной территориальной единицы. Заметим сразу, что данное утверждение неверно. F характеризует данное *состояние*. А речь вообще-то должна идти о *развитии*. Другими словами, необходимо учитывать динамику процесса. Некоторые авторы, осознавая эту трудность, вместо капиталов в формулу (2) включают соответствующие им индексы с целью учесть динамику развития за год. В этом случае мы имеем еще одну трудность. Поясним ее. Изобразим изменение показателя F для Японии за период 2000–2011 годы (рис. 1):

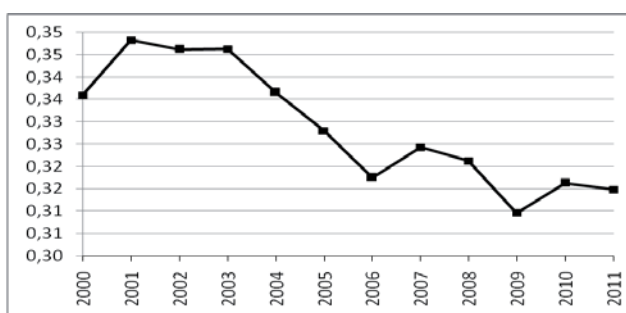

Рис. 1. Значения функции устойчивого развития F для Японии.

В 2000 году значение функции F увеличивалось, и мы должны прийти к выводу, что развитие в этом году было устойчивым. В следующем году, однако, развитие становится неустойчивым, затем снова устойчивым и т.д. Абсурдность выводов очевидна. С целью разрешить данную ситуацию мы предлагаем модифицировать формулу (1), отслеживая изменения функции F в среднем: будем признавать развитие устойчивым, если выполняется следующее соотношение

$$\frac{\Delta_t \bar{F}_t(L, K, P, I)}{\Delta t} \geq 0. \quad (6)$$

Заметим, что с математической точки зрения функция $\bar{F}_t(L, K, P, I)$ представляет собой функцию регрессии F на t . Таким образом, для определения типа развития нужно сначала построить регрессию функции F на t , а затем выяснить знак у коэффициента регрессии.

К сожалению, нельзя остановиться только на этом этапе. Как известно, на основании экспери-

ментальных данных невозможно абсолютно точно доказать или опровергнуть любую гипотезу, в том числе и гипотезу об отсутствии (или наличии) тренда. Поступим обычным образом: сформируем нулевую гипотезу $\dot{f}_0$: в представленных данных тренд отсутствует. Тогда в качестве альтернативной гипотезы естественно выбрать утверждение $\dot{f}_1$: в представленных данных тренд имеется. Проверяя гипотезу с помощью t -критерия, вычислим вероятность ошибки первого рода (p -значение) – вероятность того, что, отбрасывая нулевую гипотезу, мы допускаем ошибку. Естественно в таком случае отождествить величину $\gamma = 1 - p$ с вероятностью наличия тренда у функции $\bar{F}_t(L, K, P, I)$.

Полученные выводы, естественно, будут зависеть от величины временного интервала, на котором происходит изучение поведения функции F . Очевидно, что для достаточно большого интервала времени (50 лет и больше) практически для всех стран исследование покажет наличие положительного тренда, поскольку прогресс развития во всех областях за такие промежутки времени очевиден. Мы ограничимся рассмотрением развития стран за период с 2006 по 2011 годы. Начальная дата выбрана таким образом из двух соображений: во-первых, до 2006 года значения Индекса счастья не публиковались (имеются данные за 2006, 2009 и 2012 годы, в промежуточных точках значения этого показателя интерполировались линейной функцией), и, во-вторых, в связи с имеющимся в наличии мировым экономическим кризисом рассмотреть поведение экономики стран, захватывая несколько (не очень много) предкризисных лет.

Мы предлагаем следующую интерпретацию параметра γ : если $\gamma \leq 0.4$, то будем считать тренд отсутствующим. Действительно, даже при $\gamma = 0.5$ нельзя утверждать, что тренд есть – вероятности его наличия и отсутствия одинаковы. В диапазоне вероятностей (0.4 – 0.6] можно осторожно предположить наличие тренда, при еще больших значениях о тренде можно говорить уже вполне уверенно. Интерпретация различных значений γ предложена в таблице 1.

Таблица 1.

Типы развития

Вероятность γ	Вывод	Тип развития (положительный тренд)	Тип развития (отрицательный тренд)
[0 – 0.4]	отсутствие тренда	необходимо дополнительное исследование	необходимо дополнительное исследование
(0.4 – 0.6]	слабо выраженный тренд или отсутствие тренда	слабо выраженное устойчивое развитие	слабо выраженное неустойчивое развитие
(0.6 – 0.8]	выраженный тренд	устойчивое развитие	неустойчивое развитие
(0.8 – 1]	ярко выраженный тренд	ярко выраженное устойчивое развитие	ярко выраженное неустойчивое развитие

Интервальная оценка на основе табл. 1 типа развития страны имеет еще одно дополнительное преимущество: она становится менее зависимой от значений коэффициентов при капиталах в формуле (2). Небольшое изменение величин коэффициентов теперь уже не будет приводить к качественному изменению выводов о типе развития.

Приведем теперь результаты расчетов по формулам (5) и (6) с учетом классификации на основе табл. 1:

Приведенные результаты в целом соответствуют текущим представлениям об устойчивости развития стран. Исключением является вывод о неустойчивости развития Китая, связанный с усилением негативных последствий его экономического роста.

Таблица 2.

Тип развития в исследуемых странах за период с 2006 по 2011 гг.

Страна	Знак тренда	Вероятность наличия тренда	Тип развития
Испания	–	0,973	Ярко выраженное неустойчивое развитие
Италия	–	0,969	Ярко выраженное неустойчивое развитие
Китай	–	0,711	Неустойчивое развитие
Япония	–	0,767	Неустойчивое развитие
Литва	+	0,767	Ярко выраженное устойчивое развитие
США	+	0,817	Ярко выраженное устойчивое развитие
Германия	+	0,856	Ярко выраженное устойчивое развитие
Латвия	+	0,892	Ярко выраженное устойчивое развитие
Бразилия	+	0,917	Ярко выраженное устойчивое развитие
Великобритания	+	0,940	Ярко выраженное устойчивое развитие
Норвегия	+	0,986	Ярко выраженное устойчивое развитие
Беларусь	+	0,987	Ярко выраженное устойчивое развитие
Украина	+	0,987	Ярко выраженное устойчивое развитие
Россия	+	0,994	Ярко выраженное устойчивое развитие
Австралия	+	0,994	Ярко выраженное устойчивое развитие
Индия	+	0,995	Ярко выраженное устойчивое развитие
Эстония	+	0,997	Ярко выраженное устойчивое развитие
Франция	+	0,998	Ярко выраженное устойчивое развитие

Библиографический список

1. Доклад «Живая планета 2012. Биоразнообразие, биоемкость и ответственные решения». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.wwf.ru/resources/publ/book/584>.
2. Стокгольмская декларация по окружающей среде 1972 г. (The Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.bellona.ru/pravo/law/stockholm_1972.
3. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й., Бернс В.И. Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба «Сложные положения человечества». М.: Изд-во Московского университета, 1991 (Meadows Donella H., et al. Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. Universe Books. 1972).
4. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. Под ред. Колесова В.Н. М., 2008. С. 421.
5. Бобылев С.Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение. М., 2007. С. 12.
6. Приоритеты национальной экологической политики России. Под ред. В.М. Захарова. М., 2009.

E.I. ALEKHIN

ABOUT DEFINITION OF CRITERIA OF A SUSTAINABLE DEVELOPMENT

In article the new way of definition of criterion of a sustainable development is offered and requirements to it are formulated

Key words: sustainable development; criteria of a sustainable development; indicators of a sustainable development.

Д.В. ЕРМОЛАЕВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

E-mail: den-puma@yandex.ru

Тел. 8 910 701 60 06

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье представлена классификация компонентов безопасности, проанализированы функциональные составляющие и структурные элементы экономической безопасности. Раскрывается понятие кадровой безопасности предприятия, а также приводится ряд факторов, непосредственно влияющих на кадровую безопасность. Установлена взаимосвязь экономической безопасности с процессом производства, обществом, государством и особенностями его развития.

***Ключевые слова:** экономическая безопасность, функциональные составляющие, элементы безопасности, кадровая безопасность, предприятие.*

Функциональные составляющие экономической безопасности предприятия – это совокупность основных направлений его экономической безопасности, существенно отличающихся друг от друга по своему содержанию.

Выделяют следующие функциональные составляющие экономической безопасности предприятия:

- финансовую;
- интеллектуальную и кадровую;
- технико-технологическую;
- политико-правовую;
- экологическую;
- информационную;
- силовую [2].

Необходимо заметить, что экономическая безопасность предприятия, в свою очередь, является составной частью системы безопасности предпринимательской деятельности, наряду с:

- техногенной;
- экологической;
- информационной;
- психологической;
- физической;
- научно-технической;
- пожарной.

Как видно из данной классификации, компоненты данных систем безопасности во многом пересекаются, а при детальном анализе можно даже прийти к выводу, что все компоненты безопасности предпринимательской деятельности входят в систему экономической безопасности предприятия. Все зависит от того, в широком или узком смысле воспринимать экономическую безопасность.

Необходимо пояснить некоторые составляющие экономической безопасности предприятия:

- финансовая безопасность рассматривает

и регулирует вопросы финансово-экономической состоятельности предприятия, устойчивости к банкротству, определяет параметры платежеспособности и другие «денежные» характеристики;

- силовая безопасность занимается режимами, физической охраной объектов и личной охраной руководства, противодействием криминалу, взаимодействием с правоохранительными и другими государственными органами;

- информационная безопасность основана не только на защите собственной информации, в том числе конфиденциальной, но и проводит деловую разведку, информационно-аналитическую работу с внешними и внутренними субъектами и т.д.;

- технико-технологическая безопасность предполагает создание и использование такой технической базы, оборудования и основных средств производства и таких технологий и бизнес-процессов, которые усиливают конкурентоспособность предприятия;

- правовая безопасность подразумевает всестороннее юридическое обеспечение деятельности предприятия, грамотную правовую работу с контрагентами и властью, решение иных правовых вопросов [8].

Кроме этого, некоторые ученые выделяют также кадровую безопасность предприятия. Кадровая безопасность предприятия – это процесс предотвращения негативных воздействий на экономическую безопасность предприятия за счет рисков и угроз, связанных с персоналом, его интеллектуальным потенциалом и трудовыми отношениями в целом [8]. По мнению И.Г. Чумарина, кадровая безопасность является важнейшей составляющей экономической безопасности предприятия. Такую точку зрения можно объяснить тем, что очень часто эко-

номическую безопасность предприятия разрушают именно внутренние угрозы, а они исходят, в первую очередь, от персонала предприятия, его кадров, и устранить данные угрозы зачастую можно путем проведения целенаправленной работы со службой безопасности, отделом кадров, менеджерами по персоналу и, непосредственно, персоналом организации. С кадрами предприятия связаны также и некоторые внешние угрозы. Однако, все составляющие экономической безопасности равнозначны. Конечно, в обеспечении любой составляющей системы экономической безопасности предприятия участвует персонал, именно поэтому некоторые исследователи и не выделяют такой составляющей, как кадровая безопасность. Но понятие кадровой безопасности есть, оно довольно узкое и подразумевает под собой работу с персоналом, направленную на предотвращение и устранение угроз, исходящих непосредственно от него.

Существует ряд факторов, от которых зависит кадровая безопасность предприятия:

1. Найм. Под этим кратким словом понимается целый комплекс мер безопасности при приеме на работу и прогнозирования благонадежности. В условное наименование первого фактора «найм» входит рассмотрение вопросов безопасности компании на таких этапах в работе менеджера по персоналу, как поиск кандидатов, процедура отбора, документальное и юридическое обеспечение приема на работу, испытательный срок и даже адаптация.

2. Лояльность. Комплекс мер по установлению позитивных отношений работников к работодателям. От того, кем ощущает себя сотрудник предприятия, зависят и проблемы предприятия. В эту составляющую работы по предотвращению угроз безопасности традиционно вкладывается мало средств. Однако экономя на этом, предприятие вынуждено будет затратить еще больше ресурсов на мероприятия следующего, третьего блока.

3. Контроль. Он представляет собой комплекс мер из установленных для персонала, в том числе для администрации, регламентов, ограничений, режимов, технологических процессов, оценочных,

контрольных и других операций, процедур безопасности. Этот комплекс уже непосредственно нацелен на ликвидацию возможностей причинения ущерба и отрабатывается, как правило, службой безопасности или другими подразделениями, но в меньшей степени службой персонала [8].

Но в то же время некоторые ученые рассматривают иной перечень структурных элементов экономической безопасности. По их мнению, она выглядит так:

1. защита коммерческой тайны и конфиденциальной информации;
2. компьютерная безопасность;
3. внутренняя безопасность;
4. безопасность зданий и сооружений;
5. физическая безопасность;
6. техническая безопасность;
7. безопасность связи;
8. безопасность хозяйственно-договорной деятельности;
9. безопасность перевозок грузов и лиц;
10. безопасность рекламных, культурных, массовых мероприятий, деловых встреч и переговоров;
11. противопожарная безопасность;
12. экологическая безопасность;
13. радиационно-химическая безопасность;
14. конкурентная разведка;
15. информационно-аналитическая работа;
16. пропагандистское обеспечение, социально-психологическая, предупредительно-профилактическая работа среди персонала и его обучение по вопросам экономической безопасности;
17. экспертная проверка механизма системы безопасности.

Из всего вышеперечисленного становится видно, что все составляющие экономической безопасности глубоко связаны с процессом производства и оказывают на него огромное влияние, но в то же время во многом зависят от факторов, исходящих от общества и государства, что придает проблеме экономической безопасности особое значение в связи с современными особенностями развития экономики России.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 10.07.2007г.). Электрон. дан. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=112770> Загл. с экрана.
2. Гончаренко Л.П. Процесс обеспечения экономической безопасности предприятия. Справочник экономиста № 12, 2004.
3. Гусев В.С. Экономика и организация безопасности хозяйствующих субъектов. СПб.: ИД «Очарованный странник», 2010. 452 с.
4. Козивкин В.В. Экономическая безопасность промышленного предприятия [Электронный ресурс].

В.В. Козивкин. Электрон. Дан. – Режим доступа: http://secandsafe.ru/stati/pravo/ekonomicheskaya_bezopasnost_promyshlennogo_predpriyatiya. – Загл. с экрана.

5. Комплексная система безопасности предпринимательства. Мир безопасности, 2010.
6. *Коротков Э.М.* Управление экономической безопасностью предприятия. Э.М. Коротков, А.А. Беляев. Менеджмент в России и за рубежом № 12, 2011. С. 112-119.
7. *Рубцова Л.Н.* Экономическая безопасность: теория и практика. Липецк: ЛГТУ, 2011. 109 с.
8. *Чумарин И.Г.* Что такое кадровая безопасность. Кадры предприятия №2, 2003.
9. Экономическая безопасность в условиях рынка. Под ред. С.С. Ильина. М.: МГУ Право и экономика № 12, 2011. С. 125-132.
10. Экономическая и национальная безопасность. Учебник. Под ред. Е.А. Олейникова М.: Экзамен. 2010. 766 с.

D.V. ERMOLAEV

THE COMPONENTS OF THE ECONOMIC SECURITY OF THE ENTERPRISE

The article presents a classification of security components, analyzes the functional components and structural elements of economic security. It expands the concept of enterprise security personnel, as well as provides a number of factors directly affecting the safety of the personnel. It gives the interrelation of economic security to the process of production, society, state and peculiarities of its development.

Key words: *economic security, functional components, security elements, personnel security, enterprise.*

И.Б. ЗАГАЙТОВ*доктор экономических наук, профессор Воронежского государственного аграрного университета**E-mail: isaak.zagaytov@mail.ru**Тел. (473) 27 38 41***Н.А. ТУРИЩЕВ***кандидат экономических наук, доцент кафедры технологии и предпринимательства Орловского государственного университета**Тел. (4862) 76 17 00***КРИЗИС НЕ ВСЕГДА И НЕ ДЛЯ ВСЕХ – БЕДА**

Мировая экономика последние годы переживает серьёзные экономические и финансовые потрясения. Не обошли они стороной и Россию. Ряд экспертов предрекают новую волну кризиса уже в 2012 году. Правильно оценить, понять происходящие в экономике процессы, определить меры по смягчению их последствий – важнейшая задача экономической науки.

Ключевые слова: кризис, фазы кризиса, платёжеспособный спрос, внутренний спрос, импорт, экспорт.

Кризис в экономике и социальной сфере – это такая система отношений, которая не обеспечивает условий даже простого воспроизводства материальных благ, услуг народонаселения. Отсюда различные названия отдельных видов кризисов – промышленный, аграрный, финансовый, торговый, демографический, общий кризис народного хозяйства (трансформационный).

Главный показатель начала кризиса – снижение уровня (индекса) соответствующих характеристик хозяйственной деятельности в течение достаточно продолжительного периода, примерно 6 месяцев. Кризис считается завершённым, а не случайно приостановившимся, если в течение такого же времени начинается восстановление экономики и социальной сферы.

Поэтому последний промышленный и финансовый кризис, который Россия пережила вместе с «семёркой» дружественных нам капиталистических стран, завершился 2 года тому назад. Ныне большинство ранее пораженных кризисом стран находятся в фазе депрессии и восстановительного роста – на Западе темпом от 1 до 4 процентов в год, в РФ – около 4%. В соответствии с теорией коротких циклов конъюнктуры К. Маркса (длинные циклы конъюнктуры называются «кондратьевскими»), следует ожидать, что в ближайшее время наступит фаза подъёма, примерно до 2017 года. Правда, для РФ она может оказаться короче ввиду сохраняющейся трагедии нашего машиностроения, а особенно станкостроения, электроники и производства композитов.

С демографическим кризисом в РФ ситуация значительно хуже. Он продолжается 20 лет, и в пер-

спективе 4–7 лет будет обостряться.

Экономические кризисы могут быть двух видов: либо это кризисы дефицита товарной продукции, либо кризисы перепроизводства. В первом случае их причиной, как правило, становятся стихийные бедствия и социальные конфликты. Причем, при любом способе производства – от первобытного общинного до социалистически организованного. Во втором случае кризис связан с интересной особенностью только капиталистической системы ведения хозяйства. С тем, что предприниматели в погоне за прибылью стремятся производить продукции больше, продавать её дороже, а платить за труд – по возможности скромнее. [1]

Под действием данного противоречия регулярно через 8–11 лет капиталистический рынок оказывается перегруженным товарами, не находящими сбыт по ценам, доступным для покупателя и одновременно сохраняющим приемлемую прибыль для капиталиста. Тогда объём продаж сокращается, что вызывает снижение производства, рост безработицы, обнищание значительной части населения.

Однако долгожители капиталистических стран хорошо знают, что кризис перепроизводства, подобный тому, с которым мир столкнулся в конце 2008–2009 гг., далеко не всех приводит в уныние. Если для одних он – беда, то для других – мать родна. Беда для тех, кто остался без работы, кто не может продать свою даже высококачественную продукцию. А если эта продукция произведена из сырья, приобретенного в кредит, то производитель не способен рассчитаться по долгам и налогам, значит, вынужден объявить себя банкротом.

Кризис – беда и для тех, кто вложил последние

сбережения в строительство жилья, а оно не вводится в эксплуатацию, поскольку застройщик попал под банкротство. Беда для бюджетников – учителей, медиков, коммунальщиков, военнослужащих, пенсионеров, чьи доходы напрямую связаны с сокращением поступления налогов в бюджет.

Ну а у тех, кто располагает большими сбережениями, появляется хорошая возможность дешево купить имущество банкротов; заменить часть своих наёмных рабочих более дешевыми, оставшимися без работы. Для них открывается ещё и возможность повысить ставку процента за кредит; повысить своё благополучие за счёт снижающихся в ходе кризиса цен на сырьё, материалы, товары потребительского назначения.

Вот почему история кризисов – это история не только миллионов несчастных судеб, но и большой радости обладателей быстро разбухших кошельков. В качестве примера можно сослаться на официальные публикации деклараций о доходах некоторых наших популярных граждан. Среди них отметим, в частности, Ольгу Шувалову, которая не числится тружеником на каком-либо предприятии, но уже в предкризисном 2008 году смогла заработать 361 миллион рублей, а в кризисном 2009 году сразу увеличила свой доход до 642 миллионов.

Не будем вдаваться в детали выполнявшихся ею финансовых операций, тем более что она, видимо, держала их в секрете даже от своего супруга И. Шувалова, первого вице-премьера по экономике. Обладая он её знаниями и умениями, не стал бы убеждать страну, что кризис нас обойдёт стороной, а постарался бы реализовать в интересах России хотя бы те финансовые операции, которые в кризисном году озолотили О. Шувалову.

Предупреждён – уже частично вооружен. А предупреждений о грядущем кризисе было немало, и не только в 2008 году. Еще в 2006 году мы опубликовали прогноз, согласно которому кризис ожидал РФ в 2009–2011 гг. и, соответственно, предложили ряд мероприятий, которые должны были локализовать его негативные последствия. Этот прогноз экономист И. Шувалов сумел не заметить, а вот юрист по образованию О. Шувалова использовала и встретила кризис во всеоружии творческого интеллекта.

А вот более близкий нам пример. В период последнего кризиса в области окончательно рухнули и под шумок за бесценок оказались в «нужных руках» такие две крупные системы, как ОАО «Орловская Нива» и «Развитие».

Само собой разумеется, что если отдельные граждане могут неплохо зарабатывать на экономическом кризисе, то тем более такие возможности имеются у некоторых государств. И за примерами

далеко ходить не нужно.

Так в годы Великой депрессии, поразившей ведущие капиталистические страны в 30-ые годы прошлого века, СССР ускорил темпы индустриализации производства – благодаря падению мировых цен на необходимые ему машины и оборудование, благодаря притоку квалифицированных специалистов из страдавших от безработицы западных стран. Точно так же в ходе последнего кризиса коммунистический Китай тоже немало приобрёл на падении цен необходимого ему сырья, оборудования, технологий. Используя свои финансовые резервы, он и сегодня активно и практически повсеместно скупает технологически необходимые ему предприятия в развивающихся странах. [2]

В известной мере то же демонстрируют Вьетнам, Индия, частично Бразилия. Но не только те государства, которые в той или иной мере ориентированы на некапиталистический путь развития, – от кризиса кое-что выигрывают и некоторые вполне капиталистические государства. Во-первых, это импортёры энергоресурсов. Во-вторых, это производители предметов регулярного массового и элитарного спроса, использующие не только отечественное, но и импортное сырьё. В-третьих, это производители вооружений, отправляемых на экспорт в районы военных конфликтов.

До тех пор, пока Россия остаётся страной капиталистической, причем, основательно привязанной к мировому рынку в качестве поставщика сырья и квалифицированной рабочей силы, рассчитывать на некие приобретения от следующего экономического кризиса на Западе (согласно нашему прогнозу, опубликованному в 2009 году, новый кризис следует ожидать в 2017–2019 гг.), нам не приходится. Задача должна быть иная – минимизировать вероятные негативные последствия грядущего экономического спада.

Чтобы такую задачу решать, прежде всего, нужно отрешиться от надежды, что всё устроится само собой, с помощью «невидимой руки рынка» и последовательного отказа от государственного регулирования развития народного хозяйства, в частности, расширением масштабов приватизации производственных ресурсов.

Наоборот, только государственный, а не эгоистический частный интерес, должен быть мотором структурной перестройки народного хозяйства – в направлении повышения темпов роста производства, с одновременным развитием рынков сбыта для отечественной продукции. А уже затем приводные ремни от этого мотора – в форме налогов, кредитов, дотаций, квот, привилегий и т.д. – должны убедить каждого производителя, что ему может

быть выгодно только то, что выгодно государству.

При таком подходе станет ясно, что за время, отпущенное России до наступления следующего кризиса перепроизводства, необходимо максимально мобилизовать ресурсы накоплений в развитие внутреннего рынка сбыта. Практически это означает, что необходимо максимизировать темпы восстановления отечественной перерабатывающей промышленности, прежде всего, машиностроения и его сердцевины – станкостроения; электроники, производства композитных материалов, сельского хозяйства.

Одновременно нужно решать проблему расширения платёжеспособного спроса предприятий и населения. Укреплять возможности повышения устойчивости внешнего рынка за счёт интеграции с перспективно надёжными союзниками и переориентируя внешнеторговый оборот на страны с объективно более устойчивой экономикой, каковыми являются, в первую очередь, государства, выбравшие некапиталистический путь развития.

Сегодня можно лишь сожалеть, что подобные решения, которые за несколько лет до начала последнего кризиса предлагались нашему руководству, в то время восприняты не были, и экономика продолжала развиваться по либеральным рецептам элитной профессуры из Московской Высшей Школы экономики. В итоге, как видно из таблицы, падение ВВП у нас оказалось много большим, чем в ЕС, в Японии и США.

Таблица
Динамика ВВП в 2009 г., в % к 2008 г.

Страны	Индекс ВВП	Страны	Индекс ВВП
Россия	– 7,9	Китай	+ 9,1
США	– 2,6	Вьетнам	+ 5,3
Германия	– 4,7	Индия	+ 7,4
Япония	– 5,2	Беларусь	+ 0,2
Латвия	– 18	Польша	+ 1,7
ЕС	– 4,0	Узбекистан	+ 8,1

Обнадёживает, что в последнее время некоторые высшие руководители страны декларируют понимание необходимости активной диверсификации экономики – путём существенного разворота внешней торговли на восток и юг, восстановлением отечественного машиностроения, развитием переработки отечественного сырья, оживления животноводства и др.

Хотелось бы надеяться, что эта стратегия не окажется очередной жертвой идеи приоритетного внимания к запросам отечественной и зарубежной олигархии, настаивающей на еще одной волне приватизации, включая ВТБ и Сбербанк.

Хотелось бы надеяться, что на тактическом уровне управления экономикой будут учитываться такие антикризисные мероприятия, как сбалансирование внешнеторгового оборота и сокращение внешней задолженности; стимулирование долгосрочных контрактов по импорту необходимых нам товаров в фазе депрессии, а долгосрочных экспортных контрактов – в фазе подъёма. Что главным ориентиром управленческой деятельности станет не экспортное направление, а растущая ёмкость внутреннего рынка, что возобладает понимание – *экспорт не может, а потому и не должен быть целью экономического прогресса. Его функция велика, но состоит она лишь в том, чтобы содействовать эффективному решению внутригосударственных социально-экономических проблем.*

В этой связи необходимо заметить, что сегодня, спустя всего два года после завершения пережитого странами «восьмёрки» серьёзного экономического кризиса, *объективных внутренних условий для второй волны спада производства в России нет.* Его и не должно быть, если наше государство, во-первых, последует примеру Китая, США и ряда других стран, которые стремятся повысить объём внутреннего платёжеспособного спроса населения. Во-вторых, если проявляя заботу о развитии отечественной экономики, государство остановит вывоз российского капитала, сбалансирует внешнеторговый оборот, обеспечит своих производителей дешевым кредитом, основательно сократит рост паразитарных доходов экономической и политической элиты.

Однако новый кризис нас обязательно накроет, если будет сохраняться тот курс экономической политики, который недавно подарил нам ситуацию 2008–2009 гг. И он тем быстрее проявит себя в качестве второй волны минувшего кризиса, чем последовательней мы будем двигаться по ориентирам, которые удобны олигархическим структурам. Поэтому *запугивание второй волной кризиса – это для одних «реформаторов» – идеологическое обоснование стремления начать новое наступление на доходы населения, а для других – оправдание позиции, согласно которой можно всё улучшать, ничего не меняя в главном – в отношениях присвоения условий и результатов производства.*

Исходить нужно из того, что минимизацию негативных последствий кризисов, угрожающих России в рамках капиталистической системы хозяйства, можно обеспечить лишь в том случае, если в управлении экономикой начнёт преобладать ориентация производства непосредственно на потребление трудящегося населения, не останавливаясь перед преодолением тех традиционных форм ры-

ночных отношений, которые порождают кризисы перепроизводства.

А поскольку реализация таких нерыночных форм потребления, как преодоление бедности, бесплатное образование, здравоохранение, коммунальное, научное обслуживание могут быть реализованы в основном через государственные структуры управления социально-экономическим развитием, то естественно, что государство не только не должно уходить из экономики, – его роль в экономике должна повышаться. А в тех случаях, когда государственные чиновники неэффективно управляют процессами социально-экономического развития, нужно заменять управленцев, а не государственную собственность – частной. [3]

С закономерностями общественного развития никому и никогда не позволено не считаться. Что от этого бывает, хорошо известно как на государственном, так и региональном уровне. Орловская область

имеет богатый опыт в этом отношении.

Сегодня важно понять, что с разрушающимся потенциалом, созданным предшествующими поколениями, выживать в кризисе будет всё труднее. Вступление страны в ВТО потребует от каждого хозяйствующего субъекта продуманной и взвешенной экономической политики. Придётся находить своё место в общественном разделении труда, памятуя о том, что сложившаяся структура производства во многих случаях не конкурентоспособна. Потребуется серьёзное совершенствование всего хозяйственного механизма, направленное на более гармоничное сочетание государственного и рыночного регулирования.

Предстоит непростой край работы. Важно не упустить время и решать все вопросы экономически и технологически грамотно. Настаёт время серьёзной проверки управленческих кадров.

Библиографический список

1. Загайтов И.Б. Основы теории экономических патологий. Ч 1. Воронеж: ФГОУ ВПО ВГАУ, 2007.
2. Загайтов И.Б. Основы теории экономических патологий. Ч 2. Воронеж: ФГОУ ВПО ВГАУ, 2008.
3. Загайтов И.Б. Основы теории экономических патологий. Ч 3. Воронеж: ФГОУ ВПО ВГАУ, 2009.

I.B. ZAGAYTOV, N.A. TURISHCHEV

CRISIS NOT ALWAYS AND NOT FOR ALL – THE TROUBLE

The world economy endures last years serious economic and financial shocks. They haven't avoided and Russia. A number of experts predicts a new wave of crisis in 2012. Correctly to estimate, understand processes occurring in economy, to define measures on softening of their consequences – the major problem of an economic science.

Key words: crisis, crisis phases, solvent demand, internal demand, import, export.

О.В. КОРЕВА

кандидат экономических наук, доцент Орловского государственного университета

E-mail: olga_koreva@mail.ru

Тел. 8 920 287 86 27

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИЙ И ПРОГРАММ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье исследуются концептуальные подходы к реформированию жилищно-коммунального хозяйства. Обосновывается необходимость модернизации ЖКХ на основе стратегии инновационного развития. Рассматривается содержание стратегии инновационного развития ЖКХ и направления ее реализации.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, реформирование, модернизация, стратегия инновационного развития, программно-целевое управление.

В условиях рыночной экономики инновации способствуют интенсивному развитию экономики, обеспечивают ускоренное внедрение последних достижений науки и техники в производство, полнее удовлетворяют потребителей в разнообразной высококачественной продукции и услугах. Именно поэтому многие зарубежные развитые страны, сделавшие инновации приоритетным направлением развития, занимают в настоящее время передовые позиции в мире по всем показателям развития экономики. Так, например, США, Япония, Германия, Великобритания, Франция в настоящее время развиваются преимущественно на основе активизации инновационной деятельности практически во всех экономических секторах. Россия же по многим экономическим показателям отстает от этих стран, и связано это, прежде всего, именно с отсутствием инновационной активности, что не приносит ей конкурентных преимуществ. Конкурентное развитие стран, в соответствии с теорией М. Портера, происходит на основе факторов производства, инвестиций, инноваций или благосостояния (высший уровень развития). Поэтому российской экономике, чтобы ускорить свое развитие, по всей видимости, необходимо объединение первых трех уровней, но в большей степени сосредоточить свое внимание на инновациях, поскольку основным импульсом развития любого объекта является именно инновация. Вложения не просто в новые объекты, а инвестирование только непосредственно в инновации будет способствовать эффективному управлению деятельностью, росту производства высококачественных услуг и продукции. Поэтому инновации (новшества, нововведения) необходимо также вводить в существующие системы управления и создавать новые структуры систем управления – инновационные структуры. Как раз одной из при-

чин отставания России от развитых стран является нарушение в системах управления, заключающееся, прежде всего, в отсутствии на всех уровнях иерархии систем управления научного подхода к управлению, и в большей степени это касается сферы ЖКХ. Но курс на инновационное развитие требует пересмотра взглядов на управление в сфере ЖКХ и внедрения нового вида управления, то есть инновационного управления. Поскольку, как уже говорилось ранее, для успешной реализации реформирования сферы ЖКХ необходимо инновационное развитие, само по себе сочетание целевого, функционального и программного управления для данной сферы можно считать инновационным управлением, так как для этой сферы это является определенным новшеством. Поэтому мы считаем, что необходимо совершенствовать структуру и механизмы управления ЖКХ.

Реформирование российского ЖКХ началось еще в 1990 году, и связано оно было с формированием рыночного хозяйственного механизма в этой сфере деятельности. Основной целью начала реформирования ЖКХ являлось также создание условий для стимулирования жилищного строительства, устойчивого функционирования систем жизнеобеспечения, наведение порядка в обеспечении населения жильем и коммунальными услугами.

Реформирование должно осуществляться на основе применения прогрессивных современных методов управления с использованием новых технологий и материалов, поскольку, как уже доказано опытом многих развитых стран [10], повышение конкурентоспособности отрасли тесно связано с внедрением высоких технологий в производство, в том числе ресурсосберегающих, и расширением выпуска инновационной продукции, обладающей лучшими потребительскими свойствами и

способной успешно соперничать на внутреннем и внешнем рынке с зарубежными аналогами, т.е. активизацией инновационных процессов.

По нашему мнению, реформирование сферы ЖКК должно осуществляться по инновационному пути в следующих направлениях:

- применение инновационных материалов и технологий в жилищном строительстве и в модернизации имеющегося жилищного фонда, что будет способствовать повышению уровня надежности, комфортности и долговечности эксплуатации жилищного фонда;

- модернизация коммунальной инфраструктуры с использованием инноваций, что позволит снизить уровень непроизводительных потерь предоставляемых жилищно-коммунальных услуг, а также получить экономический эффект от рационализации процесса производства-потребления жилищно-коммунальных услуг,

- применение новых инновационных методов управления в жилищно-коммунальном комплексе, способствующих предоставлению качественных жилищно-коммунальных услуг, повышению качества жилищно-коммунального обслуживания потребителей и надежности работы инженерных систем жизнеобеспечения, а также комфортности и безопасности условий проживания населения;

- построение единой организационной системы подготовки и переподготовки квалифицированного персонала с использованием имеющейся и созданием новой региональной образовательной инфраструктуры, что будет способствовать повышению качественных характеристик персонала и повышению уровня эффективности использования его труда.

Инновационная политика в ЖКХ должна формироваться на основе анализа текущего состояния и потенциала жилищно-коммунального комплекса России, комплексного подхода к решению задач государственной инновационной политики, определения стратегий и разработки прогнозов развития инновационной деятельности с учетом мирового опыта, накопленного опыта в этой сфере и перспектив развития мировой науки. Поиск оптимальных направлений инновационной политики и стимулирования технологических изменений в отрасли жилищно-коммунального комплекса, с одной стороны, должен вестись на пересечении прогнозов развития, и имеющихся в России научных и производственно-технологических заделов – с другой. Результатом этого поиска будет ряд перспективных направлений развития указанного комплекса, реализацию которых необходимо осуществлять посредством формирования среды и условий, стимулирующих инновационную деятельность.

Инновационно-инвестиционные процессы в сфере ЖКХ не должны быть стихийными, поэтому они также должны регулироваться с помощью определенных методов. В связи с этим, на наш взгляд, наиболее эффективным управлением инновационно-инвестиционными процессами в системе ЖКХ может быть именно программно-целевое управление. В основе программно-целевого управления лежит программно-целевой метод, применение которого возможно, например, для разработки региональной целевой комплексной программы инновационного развития реформирования системы ЖКХ.

Целевые программы и проекты, разрабатываемые с помощью программно-целевого метода, позволяют концентрировать ресурсы и усилия на решении ключевых задач (социальных, научно-технических, экологических и др.). Каждая программа направлена на решение в установленные сроки той или иной приоритетной проблемы социально-экономического развития в масштабах всей национальной экономики, отдельного сектора, отрасли или региона, а также межотраслевой, межведомственной или межрегиональной проблемы.

Так, например, программно-целевой метод является в настоящее время в России важным инструментом формирования расходной части бюджетов всех уровней [1]. Возможности бюджетного финансирования определяют отбор представленных к утверждению программ. Ряд программ финансируется на совместной основе за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Федерации, а также внебюджетных источников. Таковыми являются федеральные и региональные программы поддержки малого предпринимательства.

Но принятые на региональном уровне отдельные программы по реформированию ЖКК, как правило, не содержат инновационную компоненту. Кроме того, практика реализации региональных программ показывает, что не производится оценка их эффективности, показывающая какой ценой достигаются результаты. Безусловно, региональные программы по реформированию ЖКК позволяют в какой-то степени решать проблему обеспечения граждан жильем за счет «дешевых» бюджетных кредитов, но такие схемы не могут привлечь рыночные средства, инвестиции, кредиты банков, так как плохо поддаются анализу и оценке.

Для того, чтобы активизировать процесс реформирования российского ЖКХ, необходимо разрабатывать и выполнять программы инновационного развития в двух направлениях.

Во-первых, программы, направленные на модернизацию имеющегося жилищного фонда с при-

менением технологически возможных инноваций, и, во-вторых, программы, направленные на формирование жилищного фонда с применением «прорывных» технологий – инноваций в данной сфере деятельности.

Таким образом, на сегодняшний день, спустя годы реформ в сфере жилищно-коммунального хозяйства, многие проблемы и противоречия только обострились, что требует выбора более активной позиции, эффективных и взвешенных действий со стороны муниципальных властей в решении задач управления развитием сектора жилищно-коммунальных услуг. Сформированная на федеральном уровне стратегия реформирования ЖКХ в обязательном порядке требует учета социально-экономических особенностей развития территорий и формирования эффективных муниципальных механизмов управления сбалансированным развитием сектора жилищно-коммунальных услуг.

Федеральная стратегия развития сектора жилищно-коммунальных услуг должна рассматриваться региональными и муниципальными властями как ориентир, набор средств к достижению которого должен быть найден на местном уровне.

Стратегической целью развития жилищно-коммунального комплекса в нашей стране на ближайшие годы является формирование рынка доступного жилья и обеспечение комфортных условий проживания граждан России [7], выполнение которой будет обеспечиваться путем реализации комплекса нормативно-правовых, организационных и финансовых мер и мероприятий, предусмотренных по четырем основным направлениям:

- развитие жилищного строительства;
- совершенствование жилищно-коммунального хозяйства;
- предоставление социального жилья и исполнение государственных обязательств по обеспечению жильем отдельных категорий граждан;
- развитие ипотечного жилищного кредитования населения и рынка жилья.

Модернизация жилищно-коммунального комплекса является одной из приоритетных целей, поставленной Президентом в рамках Национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Обеспечение граждан жильем является важнейшей составной частью стратегии социально-экономического развития Российской Федерации.

Для успешной реализации рассмотренных направлений должна быть разработана стратегия развития жилищно-коммунального комплекса, носящая инновационный характер, то есть стратегия инновационного развития ЖКХ. Данная страте-

гия обязательно должна вписываться в стратегию развития муниципального образования, региона, которая соответственно – в стратегию развития страны, в которых также в свою очередь учитываются инновационные направления. Поскольку, как уже доказано временем, ускорение и целенаправленное инновационное развитие является одним из основополагающих факторов экономического развития развитых стран. Динамичное социально-экономическое развитие многих стран мира стало окончательно основываться исключительно на инновациях¹, последствия которых приняли стратегически важный характер, поскольку способствовали повышению уровня конкурентоспособности отрасли. Повышение конкурентоспособности тесно связано с активизацией инновационных процессов – внедрением высоких технологий в производство, в том числе ресурсосберегающих, и расширением выпуска инновационной продукции, обладающей лучшими потребительскими свойствами и способной успешно соперничать на внутреннем и внешнем рынке с зарубежными аналогами [10]. Именно поэтому в XXI веке важнейшим условием ускоренного прогресса социально-экономического развития России должна являться эффективная инновационная стратегия.

Создание благоприятных условий для эффективного регулирования и развития основных направлений инновационной деятельности в инновационных процессах организаций различных форм собственности в соответствии с целями и задачами инновационной политики государства является генеральной целью инновационной стратегии. Идеология инновационной стратегии заключается в очерчивании вероятных маршрутов, по которым, например, будет сокращаться сфера прямого государственного участия в инновационной деятельности и соответственно возрастать сфера его (государства) косвенного участия. Инновационная стратегия, по мнению В.М. Анышина [2], – это «система долговременных концептуальных установок распределения ресурсов между траекториями инновационного развития системы, а также их перераспределения при изменении внутренних и внешних условий ее функционирования, включающая научно-технический, организационный, мотивационный и материально-финансовый механизмы обеспечения», однако нас в нашей работе интересуют непосредственно сами траектории развития, поэтому мы предлагаем следующее определение стратегии инновационного развития в сфере ЖКХ.

¹ В широком смысле инновация (нововведение) – это синоним успешного производства, внедрения и использования обеспечивающих стратегический выигрыш новшеств в экономической и социальной сферах.

По нашему мнению, стратегия инновационного развития сферы ЖКК представляет собой систему долговременных концептуальных траекторий инновационного развития предприятий жилищно-коммунального комплекса, включающая три основные составляющие: концепцию, то есть общую систему взглядов на перспективы развития объекта управления; макро модель стратегии развития, то есть определение программы трансформации во времени и пространстве; целевые программы, представляющие собой план мероприятий, реализующих концепцию [11], а также научно-технологический, организационный, мотивационный и материально-финансовый механизмы обеспечения.

Представленные нами элементы стратегии неразрывно связаны между собой, каждый из них является логическим следствием и вытекает из предшествующего элемента. Схема содержания стратегии представлена автором исследования на рисунке 1.

Рис. 1. Схема содержания стратегии.

На наш взгляд, стратегия инновационного развития ЖКК предполагает решение задач в следующих направлениях:

- снос ветхого и аварийного жилищного фонда, не подлежащего реконструкции в рамках подпрограммы «Переселение граждан Российской Федерации из ветхого и аварийного жилищного фонда» Федеральной целевой программы «Жилище» [5];
- частичная модернизация старого жилищного фонда с имеющейся инфраструктурой с применением возможных инноваций и его капитальный ремонт;
- полная модернизация устаревшего жилищного фонда с имеющейся инфраструктурой с применением возможных инноваций;
- обязательная модернизация нового жилищного фонда, частично обеспеченного инновациями;

- строительство жилья с обязательным применением всех новшеств, которые существуют.

Предложенный подход позволит достигнуть стратегической цели реформирования жилищно-коммунального комплекса, которой является устойчивое функционирование и развитие жилищной сферы, обеспечивающее доступность и качество жилья для населения, а также повышение качества коммунальных услуг, безопасности и комфортности проживания.

Реализация указанной стратегии предусматривает решение следующих основных задач:

- развитие жилищного строительства,
- совершенствование жилищно-коммунального комплекса,
- исполнение государственных обязательств по обеспечению жильем отдельных категорий граждан.

Таким образом, данный подход, предусматривающий поэтапную и селективную модернизацию жилищного хозяйства, необходимо применять к разработке и реализации программ инновационного развития жилищного хозяйства.

Приоритетные направления инновационного развития жилищно-коммунального комплекса предусматривают:

- формирование экологически чистой и современной среды жизнедеятельности на основе новых технологий реконструкции и модернизации жилищного фонда и инфраструктуры коммунального хозяйства и оптимального развития градостроительных систем;
- разработку новых технологий и технических решений по повышению надежности функционирования систем жизнеобеспечения и жилого фонда городов и поселений на базе автоматизированного диспетчерского управления потребления тепла, воды, электроэнергии и повышения уровня технической и экологической безопасности;
- разработку новых экономических и организационно-технических решений по реформированию и модернизации жилищно-коммунального комплекса;
- создание новых видов эффективных, экологически чистых строительных материалов, изделий и конструкций, прогрессивных технологий и оборудования для их производства, в том числе на основе новых ячеистых бетонов, тепло- и шумоизолирующих материалов, огне- и коррозионных покрытий;
- создание оптимальных методов и технических решений, обеспечивающих повышение безопасности населения, территорий и строительных объектов от опасных природных и техногенных воздействий;
- поддержание на современном уровне

нормативно-правовой и нормативно-технической базы в связи с использованием последних достижений научно-технического прогресса и гармонизации российских нормативов и стандартов с международными;

- широкое использование энергосберегающих технологий межотраслевого применения в строительстве и жилищно-коммунальной сфере;

- разработку и создание отраслевых информационно-аналитических систем на базе современных информационных технологий, в том числе для ведения градостроительного кадастра и градостроительной документации федерального уровня, жилищно-коммунальной сферы, технического учета и технической инвентаризации объектов, технической и технологической модернизацию инфраструктуры, что позволит улучшить качество услуг и резко сократить неэффективный расход ресурсов [3].

Обоснованная стратегия инновационного развития ЖКК предполагает последовательную разработку концепции, макростратегии, прогноза или программы, содержащих методы и мероприятия по осуществлению миссии организации, то есть той главной цели организации, ради которой она была создана и которая характеризует определенные виды ее деятельности. Последовательность разработки стратегии представлена на рисунке 2.

Рис. 2. Схема последовательности разработки стратегии.

Рассмотрим элементы стратегии инновационного развития жилищно-коммунального комплекса. В целом свод принципов и правил управления в организациях излагается в разработанной ими концепции, которая является первым элементом стратегии.

Концепция (от лат. *conceptio* – понимание, система) представляет собой комплекс основополагающих идей, принципов, правил, раскрывающих сущность и взаимосвязи данного явления или системы и позволяющих определить систему показателей, факторов и условий, способствующих решению проблемы, формированию стратегии фирмы, установлению правил поведения личности [11]. Так, миссия организаций сферы ЖКХ, прежде все-

го, заключается в удовлетворении потребностей населения в качественных жилищно-коммунальных услугах.

В современной экономической литературе, посвященной стратегическому планированию, концепция трактуется как общий замысел прогнозов, проектов стратегических программ и планов, выражающийся в формулировке целей и приоритетов социально-экономической системы в плановом периоде и определении путей, форм и методов их достижения [9].

Вторым элементом стратегического планирования является макромодель стратегии, она представляет собой центральный элемент стратегии развития и представляет собой программу трансформации общей системы взглядов на перспективы развития объекта управления (концепции) во времени и пространстве.

Макромодель стратегии развития жилищно-коммунального комплекса включает систему целей развития, ключевых макропропорций и приоритетов, формируемых на основе универсальной укрупненной модели, позволяющей обосновать цели, пропорции и структуру производства, максимизирующие доходы занятого населения и консолидированного бюджета [8].

И, наконец, третьим элементом стратегии инновационного развития является целевая комплексная программа. В общем представлении под целевой комплексной программой (ЦКП), сформированной для жилищно-коммунального комплекса на региональном и муниципальном уровне, понимается система спроектированных во времени и пространстве мероприятий, направленных на достижение существенной для данной отрасли экономики и ее внешней среды цели или целей, сбалансированных по ресурсам, реализуемых с помощью исполнителей под централизованным руководством и опирающихся на определенную концептуальную идеологию поведения организации. В отличие от плана и прогноза, которые соответственно представляют собой в действующей организации форму задания цели и средство изучения возможностей, программа является способом достижения поставленной цели, основанном на построении новой организации из действующих организаций или их частей.

Процесс формирования целевой комплексной программы порождает многоуровневую структуру. При этом на нижних уровнях все базовые элементы программы детализируются, а на более высоком уровне они описываются в достаточно удобной для реализации форме. Детализацию на каждом уровне осуществляют по стандартной схеме из пяти эле-

ментов: «цель», «ресурсы», «структура», «среда» и «время». Именно поэтому мы считаем, что в рамках системного подхода к выработке стратегии поведения организаций на рынке жилищно-коммунальных услуг может иметь успех использование программно-целевого (целепрограммного) метода. Инструментом управления при этом будут являться именно целевые комплексные программы, позволяющие управлять системой ЖКХ по конечным результатам предоставляемых жилищно-коммунальных услуг.

Результатом стратегического планирования является стратегический план развития (отрасли) – управленческий документ, содержащий взаимосвязанное описание следующих аспектов деятельности [6]:

- постановка целей развития;
- определение путей достижения поставленных целей;
- анализ потенциальных возможностей, реализация которых позволит достичь успехов;
- разработка методов организации движения по избранным направлениям;
- использование ресурсов, необходимых для достижения поставленных целей;
- определение способов использования ресурсов.

Данный документ определяет функционирование всех участников процесса управления.

Важнейшим условием результативности и эффективности проведения реформирования ЖКК является формирование механизма управления инвестициями и инновациями в ЖКК. При форми-

ровании механизма управления инвестициями и инновациями в жилищно-коммунальной сфере необходимо учитывать то, что при переходе к рыночным отношениям происходит утрата целостности прежней системы, и становление нового способа развития блокируется цепкостью прежних форм организации. Но не стоит забывать о том, что у имеющихся экономических структур и общественных форм существуют налаженные производственные связи и договорные отношения, которые при этом необходимо регулировать, то есть управлять ими в интересах общества. Поэтому, основываясь на теории регуляции, необходимо сочетание механизмов, способствующих воспроизводству целого, то есть следует добиваться синтеза нового и старого, социального и экономического, соединения старых принципов с требованиями новой модели, и разрабатывать более стройную форму управления общественными отношениями в инновационно-инвестиционных процессах в жилищной системе, которая будет жизнеспособной в течение длительного времени.

Использование научно-методической основы, то есть применение принципов, методов, технологической последовательности проведения конкретных мероприятий, научных подходов к управлению инновациями и определение механизмов управления ими, на наш взгляд, является обязательным условием при разработке программ инновационного развития ЖКК, а также для их успешной реализации, что, в конечном счете, приведет к их результативности и эффективности.

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г. Клуб директоров: опыт программно-целевого управления предприятиями. М.: Экономика, 1989. С. 36.
2. Аньшин В.М. Формирование многоуровневых инновационных стратегий (вопросы теории и методологии): Дис. ... докт. экон. наук: РЭА им. Г.В. Плеханова. М., 1995. С. 28.
3. Жилищная реформа в Российской Федерации: сборник нормативной документации и комментарии. Авт.-сост.: В.В. Павленко, Е.И. Таранцова. Ростов н/Д: Феникс, 2006. С. 6.
4. Николаев Ю.Н. Управление развитием муниципального рынка жилищно-коммунальных услуг: Дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 Волгоград, 2002 192 с. РГБ ОД, 61:02-8/1783-0. С. 5.
5. О Федеральной целевой программе «Жилище» на 2002-2010 годы : постановление Правительства РФ от 17.09.2001 № 675 (в ред. постановлений правительства РФ от 14.02.2002 № 104, от 26.07.2004 № 380, с изм., внесенными распоряжением правительства РФ от 21.10.2004 № 1355-р). Справочно-правовая система «Консультант плюс» : [Электронный ресурс]. СПС «Консультант плюс».
6. Общий и специальный менеджмент: Учебник. Общ. ред. А.Л. Гапоненко, А.П. Панкрухин. М.: Изд-во РАГС, 2001 С. 330-343.
7. О концепции национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» 12 декабря 2005 года. Материал предоставлен пресс-лужбой Росстроя. [Электронный ресурс] – www.chelhouse.ru.
8. Садков В.Г., Самостроенко Г.М. Коцептуально-методические основы стратегического планирования развития территорий. Актуальные проблемы планирования и прогнозирования: Материалы междунар. научно-практ. конф. Орел: Изд-во ОГУ, 2003. С. 12-26.
9. Стратегическое планирование. Под ред. Э.А. Уткина. М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ»,

Издательство «ЭКМОС», 1998. С. 38.

10. *Стрижкова Л.* Инновационная составляющая промышленной политики. Экономист. 2004. № 11. С. 14-29.

11. *Фатхутдинов Р.А.* Стратегический менеджмент: учебник для вузов. 2-е изд., доп. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. С. 387.

O.V. KOREVA

**CONCEPTUAL APPROACHES TO WORKING OUT OF STRATEGY AND PROGRAMS
OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES**

In article conceptual approaches to housing and communal services reforming are investigated. Necessity of modernization of housing and communal services on the basis of strategy of innovative development is proved. The maintenance of strategy of innovative development of housing and communal services and a direction of its realization is considered.

Key words: Housing and communal services, reforming, modernization, strategy of innovative development, programmno-goals management.

В.В. ПЕЧЕНКИНА

кандидат экономических наук, профессор кафедры теории хозяйства и управления человеческими ресурсами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: peshenkinavv@rambler.ru
Тел. 8 910 304 76 01

Н.В. АГОШКОВА

аспирант кафедры менеджмента и управления народным хозяйством Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Тел. 8 960 645 04 55

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье проведен сравнительный исторический анализ условий развития сельскохозяйственной кооперации. Проанализированы условия и факторы, которые в разные исторические периоды способствовали и препятствовали ее развитию. Проведены параллели с современностью, выявлены исторические уроки. Предложены направления совершенствования условий для развития сельскохозяйственной кооперации.

Ключевые слова: исторический опыт, кооперативы, сельскохозяйственная кооперация, условия развития кооперации, факторы развития кооперации, формы кооперации.

В последнее время все чаще в научных дискуссиях и при поиске практических управленческих решений относительно развития отечественного сельского хозяйства и существенного повышения его конкурентоспособности стали говорить о кооперации и интеграции аграрных товаропроизводителей. С началом рыночных реформ в России открылись возможности для научного осмысления и возрождения кооперации. Знание условий и факторов, способствующих успешному становлению кооперации, может содействовать ее развитию, а выявленные исторические уроки – недопущению или нивелированию возможных нежелательных последствий.

Обращение к историческому опыту российского кооперативного движения в настоящее время весьма актуально, поскольку русская дореволюционная кооперация была одной из движущих сил в процессе развития сельскохозяйственного производства и обновления страны. Дореволюционная Россия была крупной сельскохозяйственной страной с хорошо развитым кооперативным сектором. Несмотря на то, что развитие сельскохозяйственной кооперации в России началось несколько позже, чем в развитых странах Европы, она развивалась настолько быстро, что вскоре встала наравне с кооперативным движением ведущих стран мира.

Но простое копирование эффективных моделей развития кооперации из прошлого не даст желаемо-

го результата, т.к. кооперация развивается в определенных экономических и социально-политических условиях, которые постоянно меняются. Изменение этих условий приводит к изменению кооперативных отношений, поэтому кооперация как система отношений находится в постоянном развитии. Устойчивость данной системы определяется не только прочностью ее базовых положений и принципов, но и способностью изменяться вместе с окружающей средой.

Для того чтобы выявить, какие условия экономической и социально-политической жизни влияли на развитие кооперации в прошлом, а также, чтобы извлечь уроки на будущее, проведем сравнительный исторический анализ этих условий.

Главным фактором развития сельскохозяйственной кооперации в дореволюционной России стало складывание определенной экономической обстановки: развитие капитализма, распространение товарно-денежных отношений, специализация регионов и рост торгового земледелия.

После реформы 1861 г. крестьянское хозяйство, оставаясь юридически независимым, попадает под власть торгового, финансового и промышленного капитала и становится полностью от него зависимым в вопросах снабжения, сбыта, селекции, технологии и т.д. Сначала в деревне появляются скупщики сельскохозяйственной продукции, которые, имея денежные средства, приобретают про-

дукцию, рассортировывают ее и выбирают удобный момент для реализации. Затем к скупщикам присоединяются и ростовщики – так появляется целая цепочка посредников на пути движения продукции от производителя к потребителю. Со временем торговцев, заинтересованных в качестве приобретаемого товара, начинает вмешиваться и в организацию самого производства, ставя технические условия, выдавая необходимые ресурсы и превращая своих клиентов в исполнителей собственного хозяйственного плана. Затем деревенский капитализм проникает и в производство, создавая предприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья [4, с. 93].

Происходит втягивание крестьян в товарно-денежные отношения, с одной стороны, а с другой – разорение мелких производителей в деревне. Эти факторы заставляют крестьянина искать способы повышения эффективности и конкурентоспособности мелкого производства. Так появляется другое направление обобществления аграрного производства – сельскохозяйственная кооперация.

Современный исследователь кооперации В. Егоров в работе «Место и роль кооперации в цивилизационном пространстве» отмечает двойственную природу кооперативных предприятий того периода, т.к., с одной стороны, в них проявлялись признаки традиционного общества: прямая демократия, солидарность, отсутствие целевой установки на прибыль, а с другой стороны, кооперация обладала целым рядом характеристик, присущих индустриальному обществу: наличие и широкое распространение частной собственности, коммерческий характер деятельности кооперативов, возможность социальной подвижки кооперативных предприятий в сторону коллективной капиталистической собственности и т.д. [1].

Российская кооперация не возникла сама по себе. Для ее становления и развития потребовалась просветительская и организаторская работа, которая осуществлялась извне крестьянской среды. Инициаторами и строителями первых кооперативов были представители либеральной интеллигенции, а их идеи воплощались в жизнь при активной поддержке государства, имеющего большой арсенал мер правового, экономического и административного регулирования.

Но кооперация в тот период не получила широкого распространения, в том числе из-за недостаточной развитости рыночных институтов и неготовности крестьян к самостоятельному хозяйствованию.

На рубеже XIX – XX вв. кооперативное движение приобретает «второе дыхание» и набирает силу.

Это было связано с наметившимся к концу столетия развитием промышленности, банковского дела, торговли, товарно-денежных отношений в деревне.

В России в конце XIX – начале XX в. происходило формирование аграрного капиталистического рынка. В этом процессе важную роль играло крестьянское хозяйство. В тот период в нашей стране были возможны два пути аграрной эволюции, обусловленные наличием двух типов хозяйств: помещичьего и крестьянского. К началу XX в. формирование аграрного капиталистического рынка не завершилось, сложился лишь единый товарный рынок на продукцию земледелия, а формирование единого земельного рынка значительно отставало из-за наличия дворянского землевладения [2, с. 376]. Дворянское землевладение и существование общины препятствовали формированию единого земельного рынка и сдерживали развитие сельской кооперации.

Отчасти эти противоречия устранила столыпинская аграрная реформа, т.к. главными ее целями было разрушение общины и становление самостоятельных крестьянских хозяйств. В результате этой реформы в России стало преобладать дворовое земледельческое хозяйство, основанное на семейно-трудовом объединении. Изменения в земельных отношениях вызвали рост потребности в улучшенных методах обработки земли, новых сортах семян и породах животных, усовершенствованных орудиях труда и сельхозмашинах. Значительно возросла товарность крестьянского хозяйства, что расширяло возможности его интенсификации. Семейно-трудовое хозяйство увеличивало эффективность использования средств производства, способствовало расширенному воспроизводству и развитию сельскохозяйственной кооперации.

Кооперативы проводили огромную работу по подъему крестьянских хозяйств на средства самого сельского населения. Кредитные товарищества финансировали строительство домов, мельниц, сыроварен, маслодельных заводов, покупку сельскохозяйственных орудий труда.

Кооперация способствовала развитию оптовой торговли, которая сглаживала сезонные и конъюнктурные колебания цен. Такая поддержка была особенно важна для слабых хозяйств, которые вынуждены были продавать большую часть урожая сразу после уборки, когда избыточное предложение снижает цены.

На начальной стадии развития кооперации государство стало одним из активных участников и пропагандистов кооперативного движения. Активная государственная поддержка развития кооперации была связана с тем, что в ней власти видели один из

важнейших способов преодоления аграрного кризиса и приспособления сельского хозяйства к условиям капиталистического производства.

Эта поддержка состояла в формировании законодательной базы развития кооперации и финансовой помощи. Государство принимало участие в создании кредитных товариществ, основной капитал которых формировался из средств Государственного банка.

Так государство, используя кооперацию в качестве инструмента своей кредитной политики, способствовало становлению кредитной кооперации, которая впоследствии стала основой для развития других видов сельскохозяйственной кооперации.

Но для того чтобы кооперация стала результатом инициативы самого крестьянина, потребовалось время, в течение которого вырос культурный уровень крестьян, укрепились экономические отношения в аграрной сфере. Прежде чем Россия стала общепризнанным мировым центром развития кооперации, потребовалось столетие на складывание товарно-денежных отношений в деревне, становление самостоятельности и предприимчивости крестьян, формирование их кооперативного сознания, навыков кооперативной работы. Этот процесс шел очень медленно, методом проб и ошибок. Созданию эффективных кооперативных организаций предшествовала большая работа по анализу среды функционирования хозяйства и выбору направления деятельности и формы организации бизнеса.

Этот опыт показывает, что насаждение кооперативов сверху недопустимо, но во все времена кооперация нуждалась (а в настоящее время особенно) в активной поддержке со стороны государства и интеллигенции.

При поддержке государства и интеллигенции рождалась подлинно демократическая форма хозяйствования, которая сочетала в себе самостоятельность сельских предпринимателей и крупные масштабы их деятельности в рамках кооперации. Демократические принципы, закрепленные в уставах первых российских кредитных кооперативов, делали кооперацию доступной для всякого работающего и рачительного хозяина [7]. Государственная финансовая поддержка стала фундаментом для основания кооперативного банка (Московского народного банка). Организаторская и просветительская работа земств способствовала становлению кооперации и развитию сельского хозяйства. Поддержка земств позволяла выкупать и более рационально использовать земли, приобретать лучший инвентарь. Земские органы создавали специальные склады, выдававшие кооперативным то-

вариществам кредиты в виде товаров: удобрений, различных машин, строительных материалов.

Следует отметить, что государственная политика в отношении кооперативов была очень противоречивой: с одной стороны, государство видело в кооперации эффективное направление развития сельского хозяйства, а с другой стороны, кооперативы подозревались в политической неблагонадежности и поэтому находились под особым контролем государственных органов.

Неоднозначны были и отношения кооператоров к государству и политике. Одни считали государственную поддержку важным условием развития кооперации, другие считали это нарушением принципа самостоятельности кооперативов.

Кооперативное движение всегда было связано с общественной жизнью, являясь одной из разновидностей общественного движения. Периоды подъема кооперации обычно были связаны с нарастанием в стране кризисной ситуации и социальной напряженности. Кооперации удавалось мобилизовать все необходимые ресурсы и на основе этого изменить положение в сельском хозяйстве в лучшую сторону.

О том, что кооперация накануне революции 1917 г. являлась мощным общественным движением, говорит тот факт, что она была экономически самостоятельной силой, имела собственные печатные органы, была связана с широкими массами населения, находилась на легальном положении (в отличие от многих других общественных сил). Кооперативное производство составляло серьезную конкуренцию для государственного и частного секторов экономики, а производимые российскими кооператорами продукты являлись важнейшей частью отечественного экспорта и высоко ценились в мире.

Сельскохозяйственная кооперация представляла собой обособленную, но легитимную идейно-общественную силу, признаваемую государством и всем обществом и оказывавшую влияние на официальную власть. Это была своеобразная организация общественной инициативы, проявлявшаяся в системе объединений и форм деятельности граждан, направленная на защиту индивидуальных и групповых интересов путем самоорганизации крестьянства «помимо» государственного регулирования его жизни. Она эффективно выполняла функции гражданского общества: интегрировала интересы своих участников, осуществляла социализацию сельских тружеников, создала систему норм и ценностей общественной жизни, посредством общественного мнения ограничивала вмешательство государства в дела кооперативов.

На основе кооперативного экономического

уклада развивалось кооперативное движение, которое стало самым заметным течением общественной жизни России в начале XX в. Сочетая в себе хозяйственные и общественные функции, кооперация являлась реальным защитником интересов своих членов и создавала предпосылки для развития гражданского общества, основанного на высоком уровне самоорганизации народа.

Идеологи кооперации видели в ней не только средство смягчения противоречий рыночной экономики, но и один из путей обновления всех сторон жизни общества на демократической основе. Кооперация представляла собой общественно-хозяйственное движение, направленное на достижение социального идеала.

Сейчас в России одной из главных политических проблем является необходимость формирования гражданского общества и развития демократии. Развитие кооперативных процессов могло бы стать серьезной движущей силой на пути к этому.

Даже тяжелейшие экономические условия 1917 – 1921 гг., связанные с революциями, Первой мировой войной, гражданской войной и введением политики «военного коммунизма», нанесшие сельскохозяйственной кооперации серьезный урон, не разрушили ее как хозяйственную систему, а, наоборот, способствовали усилению кооперативного движения, т.к. в кооперации крестьяне видели действенный способ защиты от тяжелых экономических условий. Однако в условиях «военного коммунизма» полнокровная деятельность сельскохозяйственной кооперации была невозможна, поскольку кооперативы превратились в распределительные органы государства. Значительная часть продукции за бесценок отбиралась у крестьян продотрядами. Это привело к тому, что рынок сельскохозяйственной продукции был полностью дестабилизирован, крестьяне сокращали посевы, осуществляли массовый забой скота, снижалось валовое производство продукции.

Характерно, что Октябрьская революция была совершена под кооперативистскими, а не коллективистскими лозунгами, но переход к административно-командной системе устранил экономические предпосылки развития кооперации, хотя ее отдельные виды еще продолжали функционировать.

Крах политики «военного коммунизма» заставил большевиков искать иные пути строительства социализма. В.И. Ленин приходит к мысли о том, что для построения социализма можно использовать кооперирование населения.

В период НЭПа рыночный механизм кооперативных форм деятельности явился важнейшим

условием восстановления кооперации. Развитие получили именно те кооперативные формы, которые соответствовали рыночной системе отношений, свободе предпринимательства, и для которых имелись необходимые материальные и экономические ресурсы. В это время была предпринята попытка с помощью кооперации восстановить сельское хозяйство, увеличив товарность крестьянских хозяйств, накормить городское население и обеспечить сырьем промышленность. Был принят ряд мер, обеспечивавших переход от административно-командных методов управления к рыночным. Развитию кооперации в это время содействовали некоторые партийные и правительственные постановления и декреты об обмене, свободной торговле по договорным ценам, о сдаче в аренду частным лицам и кооперативам государственных предприятий, о замене разверстки натуральным налогом и разрешении крестьянам продавать на рынке ту часть продукции, которая оставалась у них после уплаты налога.

Переход к НЭПу способствовал подъему крестьянских хозяйств. Этот период наглядно продемонстрировал, что мелкое сельскохозяйственное производство, сосредоточенное в частных руках, дает самую большую прибыль. Опора на подлинно кооперативные принципы явилась главным фактором бурного роста сельскохозяйственного производства.

История развития кооперативного движения во время НЭПа ярко свидетельствует о том, как, задействовав экономические стимулы, можно заметно повысить уровень сельскохозяйственного производства и о том, как легко можно разрушить связи, налаженные благодаря труду и предприимчивости крестьян.

Широкий размах кооперативного строительства в годы НЭПа можно объяснить не только тем, что частично были восстановлены рыночные условия экономического развития, но и тем, что происходил он не на пустом месте, кооперативный опыт дореволюционной России не прошел бесследно.

На фоне успешного развития кооперативного хозяйства в годы НЭПа немотивированным выглядело решение сталинского руководства о свертывании относительно либеральной экономической политики. На самом деле не все было благополучно, как кажется на первый взгляд. Несмотря на очевидные успехи развития кооперации в годы НЭПа, существовали реальные глубокие противоречия между кооперацией и государством. Доминирующее влияние государства на макроэкономические процессы и внутрикооперативные дела привело к размыванию социально-экономических

основ кооперации. Макроэкономические и политические процессы приводили к изменению социальной базы кооперации. Привлечение в кооперативы бедноты и рабочих вместе с ограничением и вытеснением зажиточных и богатых приводило к потере кооперацией экономической самостоятельности, поскольку ей приходилось привлекать заемные государственные средства.

Кооперация в годы НЭПа так и не восстановилась как самостоятельная организация, т.к. главными факторами, инициировавшими ее развитие, были не запросы пайщиков и их экономические интересы, а кооперативные управленцы, которые выполняли приоритетные установки по регулированию социального состава, вытеснению частного капитала из торговли и т.д. [3, с. 59]. К тому же период инвестиционной активности и ввода в строй новых производственных мощностей был непродолжительным, уже к концу 1920-х гг. большевиками был взят курс на свертывание НЭПа.

За годы советской власти потребительская кооперация потеряла свою кооперативную сущность и была огосударствлена. Теперь потребительские кооперативы выполняли функции торговых предприятий на селе. Их деятельность основывалась на учете приоритетов государства, а не пайщиков, что было одной из главных причин низкой эффективности работы половины кооперативных предприятий и организаций. На протяжении всего советского периода пайщики все более отдалялись от распоряжения кооперативной собственностью. Учитывая этот факт, в современной кооперативной практике необходимо использование механизмов экономического участия и материальной заинтересованности пайщиков в работе кооперации.

Что касается производственной кооперации, то считается, что она была представлена в годы советской власти колхозами, которые были созданы в конце 20-х гг. для решения обострившейся продовольственной проблемы.

Главная причина продовольственного кризиса заключалась в том, что крестьяне не были заинтересованы в продаже своей продукции государству. Для преодоления этой проблемы необходимо было установить справедливые товарно-денежные отношения между городом и деревней. Но власти не создали экономические механизмы, способствующие заинтересованности крестьян в производстве сельскохозяйственной продукции и ее реализации. Свою негативную роль сыграла и система налогообложения личных крестьянских хозяйств.

В этих условиях большевики посчитали единственно возможным способом решения продовольственной проблемы — использование

принудительных мер. Зажиточное крестьянство, именуемое большевиками кулачеством, было выбито из экономической жизни, что, безусловно, негативно сказалось на общем уровне сельскохозяйственного производства. А артели и совхозы в подавляющем большинстве были наглядным примером разгильдяйства и бесхозяйственности. Ставка была сделана на «середняка» как на категорию трудолюбивого крестьянства, имеющего имущество и положительный опыт ведения хозяйства.

Процесс создания колхозов — коллективизация — преподносился большевиками как продолжение кооперации. На самом деле коллективизация оказалась политикой экспроприации крестьянской собственности. Сталинская модель «кооперирования» не учитывала никаких условий и предполагала сплошную коллективизацию. Таким образом, нарушался главный принцип кооперации — добровольность. Принуждение вело к утрате хозяйственной заинтересованности, поэтому потребовалась особая паспортная система, привязавшая крестьян к колхозам. Отсутствие реального собственника, несущего экономическую ответственность за эффективное использование средств производства, производственного потенциала отрицательно сказывалось на конечных результатах деятельности [8].

По своей сути колхозы существенно отличались от производственных кооперативов в общепринятом понимании. К производственной кооперации их можно отнести лишь условно из-за отсутствия основополагающих признаков — добровольности в организации, паевого характера образования и накопления фондов, невозможности выхода из них с землей и др. Единственный важный признак кооперации в колхозах — это общее собрание колхозников для обсуждения отчетов и решения важных дел (во многих хозяйствах подмененное собранием уполномоченных) и выборы правления и председателя (фактически из предварительно подобранных в вышестоящих органах кандидатур).

Однако некоторые ученые полагают, что советский период — это особый этап развития кооперации. В пользу этого говорит тот факт, что колхозы изначально создавались как кооперативные организации, так как при вступлении в колхоз учитывался паевой взнос (учет паев существовал до конца 40-х годов), кооперативные принципы использовались при организации управления в колхозе, при распределении продукции (до 60-х гг. XX в.) [6, с. 49].

В историческом прошлом страны представлены два варианта перехода от мелкого сельскохозяйственного производства к крупному. Первый — без принуждения, на основе хозяйственной выгоды и соединения частных интересов с коллективными

(кооперация), второй – насильственный (колхозное строительство). Опыт показывает, что через кооперацию этот переход осуществляется легче и безболезненнее, и всякое мелкое хозяйство может участвовать в этом процессе.

Непоследовательная и противоречивая политика российского правительства, отсутствие социальной и экономической свободы, неграмотность и бедность населения препятствовали развитию кооперации и следованию России по эволюционному пути. Государство четко обозначило социально-классовые приоритеты в пользу малоимущих слоев. В то время как для развития производства необходима поддержка не иждивенцев, а предприимчивых и трудолюбивых крестьян.

Во второй половине 80-х гг. XX в. в нашей стране были созданы предпосылки для развития кооперации, государство активно поддерживало этот процесс. Но быстрого подъема кооперативного сектора в этот период так и не случилось. Новые возможности, которые открывал Закон «О кооперации в СССР» 1988 г., трудно было реализовать при отсутствии экономической свободы, рынка капитала, земли, производственных и жилых помещений. Не менее важным фактором, препятствовавшим развитию кооперации, была неподготовленность общественного мнения к правильному восприятию данного процесса (стереотипы советского мышления не позволяли оценить самостоятельность и предприимчивость как проявление положительных качеств). Но в этот период были сделаны первые попытки внедрения кооперативных форм хозяйствования.

Новый этап развития кооперации в России начинается с переходом к рыночным принципам хозяйствования. Приватизация сельскохозяйственных предприятий и появление фермерства способствовали развитию кооперации, но глубокий экономический кризис, в котором оказалась Россия в начале 90-х гг. сдерживал этот процесс. Кооперация, возникшая в этот период, ушла в коммерческую деятельность, не затронув нужд сельского хозяйства.

Экономический анализ исторического опыта развития сельской кооперации в России позволил выявить реалии функционирования кооперативов в тот или иной период времени и провести параллели с современностью.

В современной России в результате многочисленных экспериментов в сельском хозяйстве кооперативное движение фактически разрушено. Новой исходной базой кооперирования явились процессы разгосударствления и приватизации обобщественного аграрного производства. Рыночные институты в нашей стране еще до конца не сформированы,

класс крестьян-собственников в настоящее время только формируется, и они (крестьяне) остро нуждаются в средствах для развития своего хозяйства (что может стать, как и в прошлом, важным стимулом для развития кооперации). Практика создания сельскохозяйственных кооперативов райффайзеновского типа в наше время была бы весьма актуальной. Сейчас часто говорят о нехватке подготовленных специалистов, но в начале XX в. услугами кооперативов пользовались миллионы крестьян, в подавляющем большинстве неграмотных. Столыпинская реформа открыла путь к действительной крестьянской кооперации и на ее основе к общему прогрессу в сельскохозяйственном производстве. Сейчас также необходимы условия, при которых будут формироваться крепкие крестьянские хозяйства.

Особенностью современного этапа является и то, что российским фермерам приходится возрождать кооперативные отношения в условиях уже сформировавшейся системы производственно-экономических связей между крупными агропромышленными структурами с присущими им монопольными действиями.

Исторический опыт показывает, что кооперация, являясь компонентом рыночных отношений, получает свое развитие по мере роста их зрелости. Государство способно регулировать объем и структуру сельскохозяйственного производства, воздействуя на экономические интересы товаропроизводителей, при этом не нарушая рыночных законов. Добровольное и целесообразное вычленение отдельных видов деятельности из крестьянских хозяйств в кооперативные предприятия способствует повышению эффективности сельскохозяйственного производства. В то же время форсированный переход к колхозам и совхозам практически полностью ликвидировал складывавшуюся десятилетиями российскую кооперативную систему.

Поэтому при современном реформировании нельзя не учитывать то, что форсированная ликвидация крупных сельскохозяйственных предприятий государственного или кооперативного типа также не может дать положительных результатов.

Современный этап кооперативного движения начался с распада крупных государственных сельскохозяйственных предприятий и создания на их основе мелких крестьянских хозяйств. В этих условиях село оказалось без материальной и финансовой поддержки, что стало одним из главных стимулов развития кооперации.

Сейчас в России вновь формируются кооперативные институты. Процесс этот идет очень трудно и медленно, кооперативная система должна сформироваться заново, как когда-то она начала формиро-

ваться после реформы 1861 г. Тогда представители либеральной интеллигенции и земств творчески подошли к использованию западного опыта, пытаясь адаптировать его к российским условиям. Сейчас кооперация также нуждается в поддержке не только со стороны властей, но и со стороны мыслящих людей. При этом властные структуры, оказывая поддержку, не должны прямо вмешиваться во внутреннюю жизнь кооперативов, ограничивая их независимость, поскольку исторический опыт ярко свидетельствует о том, что нарушение базовых принципов кооперации приводит к утрате организацией своей кооперативной сущности.

В настоящее время отсутствует достаточная база сельскохозяйственной кооперации. Она представлена в основном владельцами ЛПХ и частью фермеров. Большинство нынешних фермеров – выходцы из колхозно-совхозной системы. У них часто проявляется устойчивый синдром психологической неподготовленности и недоверия к новым кооперативным отношениям. С началом рыночных реформ в России фермеры с недоверием относились даже к традиционным формам кооперации, что было, вероятно, проявлением врожденного консерватизма и традиционной осторожности крестьян по отношению к коренным изменениям форм хозяйствования. Многие из них видели в кооперации принудительную коллективизацию. А боязнь потерять с трудом приобретенную собственность рождала в фермерской среде недоверие к государству. Лишь собственная потребность в сокращении издержек производства, недостаточность финансовых и материально-технических ресурсов заставляла их вступать в кооперативы.

Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует о том, что кооперация – это наиболее эффективный путь развития сельского хозяйства. В условиях неэквивалентного обмена между городом и деревней сельскохозяйственная кооперация может стать мощным рычагом саморегулирования отрасли [См.: 5]. Для того, чтобы осознать это и сделать правильный выбор, современному крестьянству необходимо время. А более всего на данном этапе ему не хватает информационного обеспечения. Большинство крестьян не имеет достаточного представления о своих правах на земельный и имущественный пай, необходимых знаний, связанных с переходом к рынку и реорганизацией сельскохозяйственных предприятий, не говоря уже о преимуществах и формах кооперации, ее правовой основе.

Развитие сельскохозяйственной кооперации на современном этапе сопровождается рядом негативных тенденций:

- насаждаются не свойственные потребитель-

ской кооперации организационно-правовые формы хозяйствования (акционерные общества, товарищества с ограниченной ответственностью и др.);

- происходит монополизация управления руководителями кооперативных предприятий, которые свои корыстные интересы ставят выше интересов пайщиков;

- осуществляется необоснованная коммерциализация деятельности кооперативных хозяйств, подрывающая социальные и экономические основы кооперативного движения;

- утрачивают свою роль и значение общественное самоуправление и контроль, что приводит к нарушению кооперативной идеологии и ухудшению нравственного климата в трудовых коллективах;

- из-за отказа от планирования деятельности потребительских обществ страдает и без того невысокий уровень кооперативного менеджмента [9, с. 104].

- В современных условиях процессы возрождения кооперации идут очень медленно и противоречиво, что обусловлено наличием ряда сдерживающих факторов: слабая социальная база кооперации, что во многом связано с активно развивающимися процессами дифференциации в среде фермеров. Крупные фермерские хозяйства не заинтересованы в развитии кооперации, остальные – еще не созрели для организации кооперативных структур;

- в большинстве колхозов и совхозов приватизация была проведена формально, их работники получили земельные паи условно и не могут ими в полной мере распоряжаться;

- отсутствие навыков хозяйственного самоуправления у сельских жителей;

- отсутствие знаний о роли и возможностях кооперации в рыночной экономике;

- нехватка лидеров, способных возглавить кооперативное движение;

- слабость материально-технической базы крестьянских хозяйств и неразвитость рыночной инфраструктуры;

- противоречивость кооперативного законодательства;

- слабая поддержка кооперативов со стороны государственной и муниципальной власти;

- многоукладный характер аграрной экономики также не способствует развитию кооперации.

Данные проблемы требуют разработки системы мер, которые обеспечат становление нового качества управления кооперативным движением. Преодоление сдерживающих факторов и развитие сельскохозяйственной кооперации будет способ-

ствовать созданию новых эффективных субъектов хозяйствования, поможет основать частный конкурентоспособный сектор экономики, сделать крестьян собственниками имущества и земли, заинтересованными в результатах своего труда, и тем самым сформировать на селе средний класс.

Кроме того, необходимо также извлечь исторические уроки на длительном извилистом пути развития отечественной сельскохозяйственной кооперации, которые помогут избежать ряда ошибок применительно к сегодняшнему дню принятия важных решений в этой сфере. Из того, что можно и нужно учитывать на пути развития кооперации сегодняшнего дня, следует выделить:

1. Необходимость проведения целенаправленной просветительской и организационной работы о сущности, целях, формах и опыте современной сельскохозяйственной кооперации.

2. Учет того факта, что основу кооперации составляют отношения семейно-трудового объединения хозяйств.

3. Для развития кооперативов необходимо ориентироваться в первую очередь на средства самого кооперируемого сельского населения, но важна и поддержка со стороны государства в части повышения доступности для сельскохозяйственных товаропроизводителей кредитных ресурсов, рынков сбыта и факторов производства, правовой защиты.

4. Кооперация ведет к повышению культурного уровня крестьянства, развивает и стимулирует их мотивационные установки, следовательно, ведет к развитию их требований к социальной среде.

5. Процесс кооперирования должен строиться на внутренних стимулах и потребностях к объединению, которые можно поощрять и поддерживать, но не на организованном сверху, со стороны властей, насаждении кооперативов.

6. Использование выгод и преимуществ более крупного производства, к которому ведет кооперация, должно строиться на осознанном выборе крестьянства на основе разделения труда и производственных процессов, с использованием современных договорно-правовых отношений и не должно носить характер насильственного включения мелких производителей в крупные хозяйственные структуры.

В настоящее время сохранились многие условия, и даже стали более благоприятными, для возрождения и развития сельскохозяйственной ко-

операции. Таковыми можно считать современные транспортные системы, развитие рыночных институтов, наличие крестьянских фермерских хозяйств, личных подсобных хозяйств населения, ведущих мелкотоварное производство, и др. К факторам, стимулирующим развитие кооперации, следует отнести: сохраняющиеся «ножницы цен» на промышленную и сельскохозяйственную продукцию; большое количество различного рода посреднических структур в агробизнесе, ущемляющих интересы сельскохозяйственных товаропроизводителей; необходимость покупать по высоким ценам технику, оборудование, удобрения и другие ресурсы.

Для развития кооперации необходимо создать благоприятный инвестиционный климат с целью привлечения финансовых ресурсов населения и отечественного капитала.

Отечественный и зарубежный исторический опыт показывают, что формы и виды кооперации со временем могут меняться, подвергаются пересмотру некоторые принципы кооперации (например, принцип бесприбыльности кооперативов), но нарушение базовых принципов кооперирования (добровольность членства, хозяйственная самостоятельность участников кооперации, экономическая заинтересованность) приводит к тому, что организация теряет свою кооперативную сущность, и это не позволяет в полной мере использовать преимущества, присущие подлинно кооперативным формам.

Таким образом, становится очевидным, что конкретные исторические условия оказывают существенное влияние на развитие кооперации. Кооперация в России имеет длительную историю своего развития. В условиях кризиса и хаоса в экономике она доказывала свою эффективность, создавая систему для наиболее рационального решения своих задач.

Исторический опыт свидетельствует о том, что кооперативная организация функционирует эффективно при сохранении своей самостоятельности и независимости от государственных структур, но требует государственного внимания в вопросах совершенствования законодательства, подготовки кадров, нуждается в поддержке со стороны научной общественности. Насаждение кооперативов «сверху» недопустимо, но государственные власти и мыслящая общественность могут многое сделать для ее развития.

Библиографический список

1. *Егоров В.* Место и роль кооперации в цивилизационном пространстве. Вопросы экономики, 2005, № 4. С. 87 – 98.
2. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. Монография. И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов. М.: «Наука», 1974. 413 с.
3. *Николаев А.А.* Основные виды кооперации в России. Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. 280 с.
4. Потребительская кооперация. Учебное пособие. Под общ. ред. М.В. Сероштан. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2007. 292 с.
5. *Пошкус Б.* Сельскохозяйственная кооперация – мощный рычаг саморегулирования отрасли. АПК: экономика, управление, 2005, № 10. С. 49 – 53.
6. *Романова Ю.А., Клопкова Н.М., Белокопытов А.В.* Роль кооперации в современных условиях развития АПК. Монография. Ю.А. Романова Н.М. Клопкова А.В. Белокопытов. Смоленск, ФГОУ ВПО «Смоленская ГСХА», 2008. 216 с.
7. Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России. Монография. М.: Наука, 1997. 256 с.
8. Сельскохозяйственная кооперация. Учебное пособие. С.П. Бурланков, К.П. Мартынов, С.М. Имяреков, О.И. Шеянов; под общ. ред. С.П. Бурланкова. Саранск, 2006. 268 с.
9. Социальная миссия потребительской кооперации: теория и практика управления. Монография. М.: Наука и кооперативное образование, Российский университет кооперации, 2006. 264 с.

V.V. PECHENKINA, N.V. AGOSHKOVA

**CONDITIONS AND FACTORS OF AGRICULTURAL COOPERATION DEVELOPMENT:
THE COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS**

In the article we give the comparative historical analysis of conditions of agricultural cooperation development. We analyze conditions and factors which promoted and interfered the development of agricultural cooperation during the different historical periods. Parallels with the present are lead, historical lessons are shown. We offer perfect conditions for development of agricultural cooperation.

Key words: *historical experience, cooperatives, agricultural cooperation, conditions of the development of cooperation, factors of the development of cooperation, forms of cooperation.*

Е.В. СИБИРСКАЯ

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры Орловского государственного университета

E-mail: e-sibirskaya@rambler.ru

О.А. СТРОЕВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры Орловского государственного университета

E-mail: startseva-olesya@rambler.ru

Е.В. ПЕТРУХИНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры Орловского государственного университета

E-mail: petrukhinelena@yandex.ru

РАЗРАБОТКА ИНФРАСТРУКТУРЫ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА*

В статье представлена информация о том, что необходимо создавать инфраструктуру в виде институционализированных каналов, располагающих эндаументом и/или широкой базой «доноров», позволяющих заниматься масштабной исследовательской работой для деятельности малых инновационных предприятий.

Ключевые слова: инфраструктура, бизнес, бизнес-инкубатор, предпринимательство, малый бизнес, институционализированные каналы, меры поддержки.

Доля России на международном рынке наукоемкой продукции удручающе мала: по разным оценкам – от 0,35% до 1%. Объемы торговли технологиями также не вызывают оптимизма. В ее структуре преобладают инжиниринговые услуги (85% экспорта и 53% импорта), на долю патентов, лицензий и ноу-хау приходится лишь 3% суммарного объема экспорта и 7% – импорта.

По показателю же изобретательской активности, измеряемому количеством заявок на патенты (включая поданные за рубежом) в расчете на 10 тыс. населения, Россия находится на среднем уровне (2,62), опережая Чехию, Польшу, Венгрию (0,6–0,7), но существенно отставая от государств-лидеров (4,5–5,5). Доля России в общем количестве патентных заявок, подаваемых за год иностранными заявителями в государствах ОЭСР, не превышает 0,5%.

Государство осознает необходимость формирования национальной инновационной системы, увязывающей науку с образовательной сферой и бизнесом и предполагающей отлаженный про-

цесс коммерциализации результатов НИОКР. В августе 2009 года вузы и НИИ получили право самостоятельно создавать малые предприятия для практического внедрения результатов своей интеллектуальной деятельности.

11 февраля 2011 года в ходе рабочей поездки в Томскую область президент России Дмитрий Медведев призвал создавать больше малых предприятий при вузах. «Надо постараться довольно активно наращивать потенциал предприятий при университетах. Они не просто тиражируют уже созданные идеи, а создают новые. А это и есть та самая инновационная экономика.», – сказал президент.

Одной из актуальных проблем современной России является отсутствие институционализированных каналов, располагающих эндаументом и/или широкой базой «доноров», позволяющих заниматься масштабной исследовательской работой для деятельности малых инновационных предприятий. Научная значимость исследования подтверждается отсутствием у малого бизнеса четкого понимания

*Статья подготовлена по результатам выполнения госзадания Орловскому государственному университету (регистрационный номер 8.1445.2011, прикладные научные исследования).

стратегических альтернатив инновационного развития и адекватного формата их обсуждения.

Степень решения проблем – при наличии растущего спроса на исследования для малого бизнеса, необходимо создавать российские институционализированные каналы, способные генерировать все виды инноваций.

В отечественных и зарубежных источниках в открытом доступе (Институт социально-экономических и политических исследований, Агентство стратегических инициатив, Центр стратегических и международных исследований, ИМЭМО РАН, Московский центр Карнеги, Центр экономических и финансовых разработок РЭШ, Brookings Institution, American Enterprise Institute, Carnegie, RAND, Peterson Institution и др.) деятельность малых инновационных предприятий в основном рассматривается в двух позициях: как элемент административно-функционального управления (наблюдения, распределения ответственности и полномочий и т.д.) и как область организации процесса интеграции науки и производства путем развития инновационно-предпринимательских структур и вовлечении в инновационный процесс интегрированных организационных форм, способных создавать готовый инновационный продукт.

Область организации промежуточного звена между наукой и производством, малые инновационные предприятия – создание и развитие инновационной инфраструктуры – инновационных (инновационно-технологических) центров, технопарков, а также малых инновационных предприятий, которые взяли на себя функцию доведения научных разработок до готового продукта для реализации на рынке.

При этом междисциплинарный потенциал данной системы не реализован в полной мере с учетом современных тенденций развития единого информационного пространства, требований инновационных процессов, программно-целевого планирования и политики модернизации.

Комплексность исследования и развития концепции предполагается обеспечить посредством ее коммуникативного взаимодействия с современными технологиями административно-процессного управления и ценностными параметрами деятельности организаций: монетарным, экономическим, социальным, маркетинговым, экологическим и другим.

Одна из ключевых проблем предметной области – отсутствие институционализированных каналов, располагающих эндаументом и/или широкой базой «доноров», позволяющих заниматься масштабной исследовательской работой для деятельности ма-

лых инновационных предприятий.

Организация управления инновационной деятельностью малых предприятий координируется государственными органами власти посредством проведения инновационной политики в виде инновационных концепций и программ развития по повышению конкурентоспособного потенциала малых предприятий, путем привлечения частных инвесторов к реализации инноваций; создания благоприятных условий стимулирования инновационной деятельности.

Проблемы экономических отношений в инновационной сфере связаны с длительным сроком и особо высоким риском вложения в нее – отношения, основанные на купле-продаже – экономической выгоде. Методами преодоления высокого риска вложений в отдельную инновацию являются венчурные фирмы.

Важной проблемой, требующей разрешения, является прямое государственное инвестирование – финансирование из средств федерального или регионального бюджета целевых программ, инвестиционных и инновационных проектов. Расходы государства всегда ограничиваются размерами федерального и регионального бюджетов.

Требуется решение проблема многоканального частного финансирования по вложению инвестиционных средств в широкий спектр экономически выгодных и социальных проектов, в которых участвуют предприятия, инвестиционные фонды, коммерческие банки, региональные государственные органы управления и др.

Теория и практика организации бизнеса глубоко разрабатывалась многими зарубежными учеными. Значительное внимание проблемам малого бизнеса уделяли С.Бир, М. Вебер, Х. Велу, Дж.Л. Дейли, П. Друкер, Ф.Котлер, Г. Картер, К. Кук, Т.Т. Мэгл, А. Олсон, Дж. Нейсбит, Г. Саймон, Р.К. Холден, Й. Шумпетер и другие.

Проблемы развития предпринимательства в экономике России исследовали Л.И. Абалкин, Ю.П. Анискин, Ю.А. Афонина, В.В. Бувей, Е.М. Бухвальд, Л.С.Бляхман, А.В. Виленский, В.И. Верховин, А.М. Игнатьев, М.В.Кузнецов, Е.В. Лапуста, В.Д. Мамонтов, А.И. Муравьева, Ю.М. Осипов, Б.А. Райзберг, А.В. Рунов, Л.Э. Слуцкий, Л.Е. Сорокин, Р.А. Фатхутдинов и др.

Заметный вклад в теорию малого бизнеса внесли А.О. Блинов, И.В. Баранова, В.М. Гальперин, Л.А. Колесникова, И.В. Липски, А.Ф. Сажин, А.Ю. Чепуренко, Б.Г. Ясин и другие экономисты. В их исследованиях достаточно проработан вопрос о методиках разработки программ социально-экономического развития.

Следует отметить, что существенный вклад в исследование вопросов интеграции малого, среднего и крупного бизнеса внесли как зарубежные классики – Р. Солоу, Й. Шумпетер, Дж. Стиглиц, так и отечественные ученые: А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг, Д.С. Львов, В.А. Мау, Б.З. Мильнер, Н.Я. Петраков, А.Г. Поршнев, Ф.И. Шамхалов, в исследованиях которых затрагивались проблемы организации производственных систем и эффективности их функционирования.

Существует большое количество научных трудов в области исследования инновационных процессов, среди авторов научных изысканий, заложивших теорико-методический базис анализа инвестиционно-инновационного развития малого бизнеса, следует отметить Е.Ф. Авдокушина, В.Д. Андрианова, М.М. Богуславского, Н.П. Вознесенскую, Н.Г. Доронину, С.М. Кадочникова, Л.М. Капустину, Г.А. Ковалеву, В.А. Кокша-рова, А.П. Косинцева, А.А. Мальцева, П.В. Михайловского, Н.Г. Семилотину, В.В. Силкина, А.А. Тарабцева, А.Б. Тарушкина, И.З. Фатхутдинова, П. Фишера и других исследователей.

Проанализировав динамику количества малых предприятий в России за последние 10 лет (с 2002 года по 2011 год), можно сделать вывод о том, что начиная с 2002 года количество малых предприятий непрерывно растет. За 8 лет количество предприятий увеличилось практически на 720 тыс.ед., что свидетельствует о том, что малый бизнес в России постепенно достигает своего оптимального состояния и входит в период стабильного, но умеренного роста.

Одним из ключевых факторов, позволяющих сохранить заданные темпы роста количества малых предприятий, является развитие инфраструктуры, обеспечивающей стабильное функционирование малого бизнеса.

В России наблюдается прямая зависимость роста числа предприятий малого бизнеса от роста и расширения инфраструктуры по поддержки малого предпринимательства.

Так в 2002 году насчитывалось 80 бизнес-инкубаторов, а на сегодняшний день функционирует 166. В России бизнес-инкубаторы появились в 1990-х годах. Главное назначение бизнес-инкубаторов, создать наиболее благоприятные условия для стартового развития малых предприятий путём предоставления комплекса услуг и ресурсов. Отличительной особенностью данной формы организации является то, что в первую очередь такая структура занимается развитием не конкретного товара или услуги, а независимого хозяйствующего субъекта.

Также мы рассмотрели динамику развития технопарков в России. В 2001 году действовало порядка 60 технопарков (число технопарков за предшествующие 5 лет увеличилось только на пять единиц). Аккредитацию сумели пройти лишь около 30 технопарков. И только 11 из них были признаны отвечающими международным стандартам. На сегодняшний день в России насчитывается чуть более 60 технопарков. Для сравнения, сегодня в США технопарков более 200 (это более 30% общего числа технопарков в мире), бизнес-инкубаторов более 1000.

Цель создания технопарков – объединить на специальной территории научно-исследовательские организации, объекты индустрии, деловые центры, выставочные площадки, учебные заведения, а также обслуживающие объекты, чтобы сконцентрировать на единой территории специалистов общего профиля деятельности. Ученые могут здесь проводить исследования в научно-исследовательских институтах, преподавать в учебных заведениях и участвовать в процессе внедрения результатов своих исследований в жизнь.

Несмотря на то, что технопарки и бизнес-инкубаторы предоставляют широкий перечень услуг, связанных с поддержкой и развитием малых предприятий, их количества в России не достаточно для помощи хотя бы половине представителей малого бизнеса. Технопарки и бизнес-инкубаторы не обеспечивают комплексность в инфраструктуре поддержки малого бизнеса. В связи с этим ежегодно в России создаются новые и совершенствуются уже имеющиеся объекты инфраструктуры, все это находит свое отражение в количестве объектов малого бизнеса и невысоких темпах роста количества малых предприятий. И связано это именно с несовершенством инфраструктуры, которая находится в стадии развития.

Действующая в регионах инфраструктура поддержки развития малого и среднего бизнеса не только не выполняет полном объеме возложенных на нее функций, но и «оттягивает» существенную часть средств государственной финансовой поддержки, не доходящих до непосредственных производителей товаров и услуг. На сегодняшний день можно сказать о неудовлетворенности субъектов малого предпринимательства в развитости инфраструктуры. И до тех пор, пока не будет налажен контакт между малыми предприятиями и инфраструктурой, непосредственно влияющей на развитие бизнеса, все усилия государства, направленные на стимулирование малого предпринимательства, не будут достигать необходимого эффекта.

Итак, что же такое инфраструктура? Что вклю-

чает в себя инфраструктура поддержки малого предпринимательства?

Изучение вопросов организации экономических систем способствовало появлению множества направлений, в основе разнообразия которых лежат различные определения понятия инфраструктуры.

Современная энциклопедия трактует термин «инфраструктура» (от латинского *infra* – ниже, под и *structura* – строение, расположение) как совокупность сооружений, зданий, систем и служб, необходимых для функционирования отраслей материального производства и обеспечения условий жизнедеятельности общества.

В словаре Ожегова дается следующее толкование понятия «инфраструктура». Это отрасли экономики, научно-технических знаний, обслуживания, которые непосредственно обеспечивают производственные процессы.

Термин «инфраструктура» впервые в экономической литературе появился в конце 40-х гг. XX в. Американский экономист П.Н. Розенштейн – Родан дал объяснение инфраструктуре, как комплекс условий, обеспечивающих благоприятное развитие частного предпринимательства в основных отраслях экономики и удовлетворяющих потребности всего населения.

В диссертации «Инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности в современной экономике» автор С.А. Сухова дает описание становление термина «инфраструктура» в российской науке. Так, в России проблемы функционирования и развития инфраструктуры стали подробно изучать в 70-е гг. XX в. Исследования по вопросам инфраструктуры велись в следующих направлениях:

- политэкономический подход, включающий выяснение функций и сущности инфраструктуры, ее роли в воспроизводственном процессе. Данные вопросы получили освещение в работах В.А. Жамина «Инфраструктура при социализме», А.Ю. Шарипова «Экономическая сущность инфраструктуры при социализме», В.П. Красовского «Инфраструктура и интенсификация экономики»;

- отраслевой подход, нацеленный на изучение проблем развития и размещения отдельных инфраструктурных отраслей и объектов. Исследование инфраструктуры в данном направлении позволило более четко раскрыть ее функциональное назначение в экономической системе. Проблемами изучения инфраструктуры с позиций отраслевого подхода занимались И.Ф. Чернявский «Инфраструктура и эффективность общественного производства», В.Г. Терентьев «Проблемы функционирования и развития инфраструктуры народного хозяйства»,

В.Н. Стаханов «Экономика инфраструктуры общественного производства»;

- региональный подход, выражающийся преимущественно в изучении развития инфраструктуры в конкретных регионах. Значительные внутрирегиональные различия повлияли на уровень развития и размещения инфраструктурных отраслей, эффективность их функционирования. Научные исследования инфраструктуры с позиций пространственной стратегии и региональной политики в 70–80-х гг. прежде всего, были нацелены на разработку исходных положений и рекомендаций, способствующих повсеместному улучшению функционирования инфраструктуры и сглаживанию диспропорций в ее развитии. В этом направлении работали Б. Х. Краснопольский «Инфраструктура в системе регионального хозяйственного комплекса Севера», В. А. Прокофьев «Управление отраслями инфраструктуры в системе региона»;

- оценочный подход, включающий количественное измерение уровня развития, использования инфраструктуры и уровня обеспеченности экономики инфраструктурой.

Вопросами количественной оценки развития и функционирования инфраструктуры занимались многие советские ученые: Л.А. Меркушева «Метод интегральной оценки регионального уровня развития социальной инфраструктуры», Е.В. Серова «Метод оценки уровня развития инфраструктуры», В.В. Иванов «Построение агрегатных показателей уровня развития инфраструктуры», Н. И. Белоусова «Уровень развития, уровень использования и уровень обеспеченности инфраструктурой народного хозяйства».

В общем итоге в российской экономической науке понятие инфраструктуры разделялось на две основные группы: производственную и непроизводственную (социальную). В первую группу включаются отрасли инфраструктуры, непосредственно обслуживающие материальное производство: железные и шоссейные дороги, водоснабжение, канализациям т.д. Во вторую группу входят отрасли, непосредственно не связанные с процессом производства: подготовка кадров, школьное и высшее образование, здравоохранение.

Таким образом, под инфраструктурой следует понимать комплекс мер, направленных на обеспечение устойчивого развития и функционирования поселений и межселенных территорий, а инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности является подсистемой в экономической системе.

Рассмотрев толкование термина «инфраструктура», можно вывести определение интере-

сующей нас инфраструктуры поддержки малых предприятий.

Инфраструктура поддержки малых предприятий – это совокупность государственных, негосударственных, общественных, образовательных, коммерческих организаций, осуществляющих регулирование деятельности предприятий, оказывающих образовательные, консалтинговые и другие услуги, обеспечивая тем самым нормальные условия жизнедеятельности, необходимые для развития бизнеса и обеспечивающие среду и условия для производства товаров, работ и услуг.

Еще одно понятие инфраструктуры малого бизнеса, под которым понимается система организаций, оказывающих содействие субъектам малого предпринимательства на условиях, отличных от коммерческих (льготные кредиты, подготовка кадров, специальные режимы аренды, информационные, консультационные и другие услуги по пониженным расценкам). Инфраструктура призвана предоставлять дополнительные возможности для субъектов малого бизнеса, способствующие преодолению специфических трудностей и проблем, с которыми сталкиваются как начинающие предприниматели, так и предприниматели, уверенно стоящие на ногах.

Цель формирования инфраструктуры малого предпринимательства является обеспечение потребностей малых предприятий, возникающих в процессе организации, ведения и расширения бизнеса. Однако, в настоящее время существует несколько мнений по содержанию структуры инфраструктуры

В диссертации «Инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности в современной экономике» автор С. А. Сухова разделяет инфраструктуру поддержки предпринимательской деятельности на три основных сектора: технологический, финансовый и кадровый.

В создание технологической инфраструктуры вовлечены как государственные, так и коммерческие хозяйствующие структуры, позволяющие создать работоспособную инфраструктуру, обеспечивающую деятельность предпринимательства. Сюда входят инновационные технологические центры, которые ориентированы на оказание различных услуг рентабельным, имеющим перспективы быстрого роста малым инновационным предприятиям. Среди списка услуг, помимо сдачи в аренду помещений с гарантированным энергоснабжением, важную роль играют техническое, информационное и консультационное обеспечение, система охранных мероприятий, а также предоставление системы формальных и неформальных гарантий при поиске и привлечении малыми предприятиями средств

для своего развития.

Кроме того, инновационные технологические центры призваны быть связующим звеном между малыми предприятиями и более крупными образованиями: университетами, академическими и отраслевыми институтами, крупными промышленными предприятиями, в решении самых разных вопросов: от использования результатов фундаментальных исследований до обучения студентов и молодых специалистов и повышения квалификации ведущих разработчиков.

К финансовой инфраструктуре следует отнести все финансовые институты, имеющие прямое или косвенное отношение к прямому инвестированию предпринимательской деятельности. Однако более конструктивные будут те специфические финансовые институты, которые позволяют снижать инвестиционные риски и максимально эффективно использовать свободные денежные ресурсы. В качестве такого инфраструктурного обеспечения выступает венчурный фонд, который позволяет таким инвесторам, как пенсионные фонды, страховые компании и крупные международные корпорации, размещать инвестиции, обеспечивая, с одной стороны, качественный контроль за использованием средств и получение соответствующей прибыли, а с другой – развитие перспективных направлений в рамках стратегических интересов института предпринимательства.

Крайне важную роль здесь играют институты финансовой инфраструктуры, обеспечивающие прямое финансирование на этой стадии и уменьшающие риски (гарантийные фонды). Создание финансовой инфраструктуры в качестве гарантийного фонда позволяет как государству, так и банкам получать дополнительные источники обеспечения предпринимательской деятельности.

В свою очередь банки, имея систему обеспечения, смогут снизить объем средств, отвлекаемых Центральным банком для резервирования необеспеченных кредитов, что позволит им вовлечь в сферу своей деятельности новую перспективную группу клиентов. При этом малые предприятия получают доступ к финансовым ресурсам банка.

Кадровая инфраструктура обеспечения предпринимательской деятельности. Основной риск инвестора в любой стране и любом виде предпринимательства: связан с неадекватным менеджментом. Минимизация этого риска достигается повышением управленческой и предпринимательской культуры, качественным обучением и переподготовкой менеджеров всех уровней, обеспечением их необходимой поддержкой (консалтинговой и информационной).

Процесс создания непрерывного цикла повышения квалификации менеджмента определяется и получением новых знаний в ходе обучения и консультаций, и возникновением системы формальных и неформальных связей всех субъектов научно-технической и инновационной деятельности.

Именно в развитии нематериальной составляющей инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности принимали наибольшее участие международные организации через различные программы технической помощи.

Автор диссертации «Формирование стратегии инфраструктуры малого и среднего бизнеса в Российской Федерации» К.А. Щеклеин предлагает следующую структуру инфраструктуры, которая дифференцируется на пять составляющих (производственно-коммунальная, институциональная, информационная, социальную, экономическую (финансовую)).

Производственно-коммунальная инфраструктура включает в свой состав продукцию, услуги и объекты производственно-коммунальных отраслей, обслуживающих предприятия и организации малого и среднего бизнеса (транспорт, связь, городское хозяйство, линии энергопередач, дорожное хозяйство, канализация и т.п.) К числу основных проблем, которые свойственны этой подсистеме территориальной рыночной инфраструктуры, можно отнести проблему роста цен на энергоносители, существенную дифференциацию отдельных подотраслей и различных регионов по состоянию соответствующих объектов данной подсистемы.

Институциональная инфраструктура состоит из ряда новых институтов, возникших, в основном, в процессе реформирования отечественной экономики. Системообразующую функцию в ней играют подразделения органов государственной власти и органов местного самоуправления, предназначенных по своей компетенции для решения комплекса вопросов по координации и развитию сферы малого и среднего бизнеса.

Информационная инфраструктура включает в себя информационные базы данных, необходимые для принятия взвешенных решений по функционированию и развитию малого и среднего бизнеса. К этой сфере также следует отнести распространение различных схем электронного бизнеса и сервиса, реализуемых в регионах.

Социальная инфраструктура находит в себе отраслевые объекты, связанные с удовлетворением жизненно важных потребностей людей, проживающих и работающих на конкретной территории (торговля и бытовые услуги, объекты образования и здравоохранения, библиотеки и т.д.).

Одна из основных задач территориальных органов власти в сфере функционирования экономической (финансовой) инфраструктуры заключается в том, чтобы разнообразные источники и методы финансово-кредитной политики объединить в систему, позволяющую целенаправленно обеспечивать стимулирование предпринимателей и их участие в развитии местного рынка товаров и услуг. Другой, не менее важной задачей в этой сфере является поиск и апробация новых подходов к финансовой поддержке предпринимателей.

По мнению автора диссертации «Формирование и развитие системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности» С.В. Петровой, современный состав инфраструктурных услуг существенно отличается от первоначального и включает в себя такие новые виды деятельности, как оптовые ярмарки, контрактная система, товарно-сырьевые биржи, лизинговые фирмы, аукционы, оптовая и розничная торговля, информационное обслуживание, консалтинг, информационное и научное обеспечение, образование, повышение квалификации, система финансово-кредитного обеспечения. Экономическое содержание инфраструктуры поддержки раскрывается через систему ее функций: функция создания общих условий, системообразующая функция, функция создания общих условий для инновационного развития, функция обеспечения неразрывности рациональных товарных и денежных, информационных и других потоков, создание общих условий для повышения эффективности воспроизводства в предпринимательском секторе экономики.

Рассмотрев мнения авторов, можно сказать, что такие деления имеют право на существование. Но, по нашему мнению, систему инфраструктуры поддержки малого бизнеса можно разделить на следующие элементы:

- система финансирования малого бизнеса – это и система микрофинансирования, и взаимного кредитования, страхования, и лизинга;
- система, связанная с обеспечением имущественных проблем малого бизнеса – это бизнес-инкубаторы, технопарки и инновационные центры, производственно-технологические центры и т.д.;
- система консалтинга, информационно-консультационная поддержка по всем аспектам ведения предпринимательской деятельности (бизнес-планированию, менеджменту, маркетингу, патентированию, управлению персоналом, бухгалтерскому и налоговому учету, юридические услуги). Сюда же входит получение и обработка информации, производство программного обеспечения, услуги по созданию и использованию баз данных,

развитие электронных форм ведения бизнеса с использованием современных информационных технологий, объединения информационных ресурсов предпринимательства;

- система аутсорсинга и аутстаффинга, связанная с привлечением ресурсов, сторонних организаций с целью профессиональной поддержки бесперебойной работы отдельных бизнес-процессов, тем самым, освобождая компанию от необходимости содержать дорогостоящий штат и предоставляя возможность пользоваться услугами высококвалифицированных специалистов, сюда же входит лизинг персонала;

- система, связанная с подготовкой и переподготовкой, обучением кадров (как специалистов управленческого звена, так и работников рабочих специальностей);

- расширение деловых возможностей малых предприятий – это новый элемент инфраструктуры, которому следует уделять особое внимание в будущем. Развитие межрегиональных и международных связей, способствующее продвижению товаров малых предприятий на межрегиональные и международные рынки, налаживанию различных форм производственной кооперации малых предприятий, включая субконтрактные отношения с предприятиями среднего и крупного бизнеса как внутри страны, так и за рубежом, а также обеспечение участия малых предприятий в межрегиональных и международных выставочно-ярмарочных мероприятиях, конференциях, семинарах, деловых встречах;

- и последний элемент инфраструктуры – это система формирования правовой базы. Данный элемент занимается разработкой законодательно нормативных документов, мониторингом применения законодательства, внесением законодательных предложений по развитию малого бизнеса.

Этот перечень далеко не полный, и функции объектов инфраструктуры нередко дублируются, что, впрочем, не мешает им успешно развиваться. Это обусловлено тем, что спрос на бизнес-услуги со стороны предпринимателей растет. Руководители малых предприятий и предприниматели все более высоко оценивают не только доступ к финансовым ресурсам, но и важность обучения, повышения квалификации, профессиональных знаний в области права и финансов и многие другие преимущества, которые дает взаимодействие с объектами инфраструктуры поддержки предпринимательства.

Основная задача формирования инфраструктуры поддержки малого предпринимательства заключается в создании таких условий его функционирования, которые способны обеспечить предпринимательским структурам необходимую норму

прибыли. Статистика развитых стран показывает, что существенная часть ВВП как развитых, так и развивающихся стран направляется на развитие инфраструктуры поддержки. При этом возрастает организующая и регулирующая роль местных властей.

Задачи, цели и пути формирования системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности, определены ФЗ № 209–ФЗ от 24 июля 2007 года «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и ФЗ № 217–ФЗ от 2 августа 2009 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».

Основными целями государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации являются:

- развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в целях формирования конкурентной среды в экономике Российской Федерации;

- обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства;

- обеспечение конкурентоспособности субъектов малого и среднего предпринимательства;

- оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынках Российской Федерации и рынках иностранных государств;

- увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства;

- обеспечение занятости населения и развитие самозанятости;

- увеличение доли производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров (работ, услуг) в объеме валового внутреннего продукта;

- увеличение доли уплаченных субъектами малого и среднего предпринимательства налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

Одной из основных задач системы государственной инфраструктуры является координирующая, связующая роль в осуществлении деятельности системы поддержки малого предпринимательства по оказанию услуг субъектам малого предпринимательства в целом.

Для выполнения целей и задач государственной политики необходимо создание объектов инфраструктуры, которые будут реализовывать поставленные перед ними задачи, связанные с развитием малого бизнеса.

Действующая система государственной поддержки малого предпринимательства, в том числе созданная при участии государства, имеет ряд недостатков: нескоординированность действий ее отдельных составляющих на всех уровнях; неравномерность распределения (размещения) объектов инфраструктуры поддержки; недостаточный по количеству и качеству объем комплексных услуг. Одной из основных причин этих недостатков является недостаточное финансирование из бюджетов всех уровней.

Важнейшим критерием оценки результативности деятельности инфраструктуры поддержки малого предпринимательства является объем привлеченных средств на нужды субъектов малого предпринимательства.

Объем поддержки малого бизнеса из федерального бюджета в 2010 году составил 24 миллиарда рублей, что в 16 раз больше финансирования, направленного на эти цели в 2005 году, прокомментировала эксглава Минэкономразвития Эльвира Набиуллина.

Как сообщил руководитель Департамента по развитию малого и среднего предпринимательства МЭР РФ Андрей Шаров, 5 млрд. руб. направлены малым и средним компаниям, совершающим реновацию жилого фонда. Деньги им выделены через Фонд содействия развитию ЖКХ. 2 млрд. руб. пошли на реализацию программы по поддержке экспорта. Посредством 1 млрд. руб. государство поддержало малые и средние компании, работающие в научно-технической сфере.

Оставшиеся средства пойдут на реализацию программ по поддержке и развитию малого и среднего бизнеса в регионах. На сегодняшний день принято решение по распределению 30% от общего объема ресурсов – 8 млрд. рублей. В дополнение к ним ожидается еще 5 млрд. руб., итого в регионы в ближайшее время будет направлено 13 млрд. рублей. Из них 1 млрд. руб. пойдет на нужды малого бизнеса Северно-Кавказского федерального округа. 2 млрд. руб. получат 27 моногородов, где, по словам А. Шарова, будут развивать «альтернативный бизнес, чтобы сохранить население, сохранить занятость». 2 млрд. руб. пойдут на поддержку инновационного малого бизнеса. Также средства будут распределены на микрофинансирование, выдачу грантов предпринимателям, субсидирование

лизинга – успешные, хорошо зарекомендовавшие себя направления поддержки малого и среднего предпринимательства.

Контроль за расходованием бюджетных средств идет на уровне Департамента, префектур, которые систематически отчитываются, на что пошли деньги. За законностью и эффективностью использования бюджетных средств, направленных на поддержку малого бизнеса, следят Контрольно-счетные палаты городов и регионов, Министерство экономического развития, Министерство Финансов.

Таким образом, задача инфраструктуры как системы заключается в том, что она должна помогать бизнесу получать ответы на интересующие его вопросы. В законодательстве прописано, что государство помимо заботы о поддержке малых предприятий должно содействовать развитию инфраструктуры поддержки. Государство должно оказывать должное финансирование инфраструктуры, поддерживать ее деятельность для того, чтобы все услуги, которые требуются для малого бизнеса, были доступны предприятиям, которые не имеют для этого свободных средств.

От того, как эффективно действует инфраструктура, зависит то, насколько весомую помощь от государства получают малые и средние предприятия. Поэтому это направление является приоритетным в программе по развитию и поддержке малого предпринимательства.

Учитывая вышеизложенное, для дальнейшего формирования инфраструктуры на федеральном, региональном и муниципальном уровнях считаем необходимым рекомендовать создание специализированных государственных органов исполнительной власти, отвечающие за развитие и поддержку малого предпринимательства на федеральном, региональном и территориальном уровнях. В обязанности которых будут входить: организация согласованности действий всех объектов инфраструктуры, организация встреч представителей инфраструктуры и потенциальных представителей с целью обмена опытом и внедрением нереализованных идей. Только тогда можно будет добиться уменьшения расходования бюджетных средств и повысить результативность действий государственных органов власти по поддержке сектора малого бизнеса.

Итак, развитие инфраструктуры предпринимательства является комплексной, межотраслевой и региональной проблемой, решение которой возможно только при тесной взаимоувязке перспектив развития всех регионов страны с решением задач развития отдельных инфраструктурных отраслей.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24 июля 2007 года N209–ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»;
2. Федеральный закон от 2 августа 2009 года № 217–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».
3. Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru/>;
4. Сухова С.А. Инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности в современной экономике: Дис.... кандидата экономических наук; 08.00.05 Тамбов, 2008. 166 с. ил.;
5. Петрова С.В. Формирование и развитие системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности: Дисертация кандидата экономических наук; 08.00.05 Санкт–Петербург, 2009. 215 с.ил.;
6. Щеклеин К.А. Формирование стратегии инфраструктуры малого и среднего бизнеса в Российской Федерации: Дисертация кандидата экономических наук; 08.00.05 Санкт–Петербург, 2007. 166 с. ил.

E.V. SIBIRSKAYA, O.A. STROEVA, E.V. PETRUKHINA

**DEVELOPMENT OF INFRASTRUCTURE FOR SUPPORT
OF THE ENTERPRISES OF SMALL BUSINESS**

In article information that it is necessary to create infrastructure in the form of the institutsionalizirovanny channels having an endowment and/or wide base of «donors», allowing to be engaged in large-scale research work for activity of the small innovative enterprises is presented.

Key words: infrastructure, business, business incubator, business, small business, institutsionalizirovanny channels, support measures.

Е.В. СИБИРСКАЯ

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры Орловского государственного университета

E-mail: e-sibirskaya@rambler.ru

О.А. СТРОЕВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры Орловского государственного университета

E-mail: startseva-olesya@rambler.ru

РОЛЬ И ФУНКЦИИ БИЗНЕС-ИНКУБАТОРА В РАЗВИТИИ БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ*

В статье представлена информация о том, что основной целью бизнес-инкубатора является: создание и поддержка (инкубация) малых предприятий, выполняющих инновационные проекты, на ранней стадии их деятельности путем предоставления в аренду на льготных условиях нежилых помещений, оборудованных мебелью и техникой, и оказания консультационных, бухгалтерских, юридических и прочих услуг, а также какова его роль в развитии бизнеса в современном обществе.

Ключевые слова: бизнес, бизнес-инкубатор, предпринимательство.

«Инкубация – это уникальное и в высокой степени гибкое сочетание процессов развития бизнеса, инфраструктуры и персонала, предназначенное для создания благоприятных условий для развития и для выращивания новых и малых предприятий, через предоставление им поддержки на ранних этапах развития и становления»

Ассоциация бизнес инкубаторов Великобритании

Самый важный вопрос, остающийся сегодня без ответа: чего все-таки хочет общество от бизнеса? Еще в 2001 году на выступлениях участников Госсовета прозвучали четыре тезиса: бизнес должен обеспечить создание новых рабочих мест, рост налоговых платежей в бюджет, экономическую стабильность и, наконец, стать главным источником инноваций – разрабатывать и внедрять новые технологии [3].

Радикальная либерализация экономических отношений и социальное переустройство российского общества в начале 90-х годов XX века создали предпосылки для рыночных преобразований и интеграции России в мировое общество, выдвинули ряд задач, остающихся актуальными и сегодня. Одной из таких является развитие предпринимательства, создание условий, при которых довольно быстро может возникнуть масса предпринимателей, занимающихся бизнесом.

Время требует быстрой и квалифицированной помощи тем, кто решил или был вынужден занять-

ся частным предпринимательством. Сегодня нужно обеспечить знания основных закономерностей рыночной экономики, а также сформировать условия для овладения практическими навыками частного бизнеса сотням тысяч людей, вставших на путь предпринимательской деятельности. И, наконец, обеспечить масштабность этой работы, развернуть ее во всех регионах России, для чего необходимы тысячи специально подготовленных преподавателей, консультантов и организаторов. Есть одна организация в инфраструктуре поддержки предпринимательства, которая успешно решает все эти задачи. Это бизнес-инкубатор.

Процесс «инкубирования предпринимательства» нацелен на то, чтобы вдохновить – спровоцировать – людей на организацию собственного дела и поддержать начинающие компании в разработке новаторских продуктов. «Инкубирование» означает создание условий, способствующих и благоприятствующих развитию предпринимательства и начинающих компаний [1].

*Статья подготовлена по результатам выполнения госзадания Орловскому государственному университету (регистрационный номер 6.5355.2011, прикладные научные исследования).

© Е.В. Сибирская, О.А. Строева

Бизнес-инкубатор – это организация, которая создаёт наиболее благоприятные условия для стартового развития малых предприятий путём предоставления комплекса услуг и ресурсов, включающего: обеспечение предприятий площадью на льготных условиях, средства связи, оргтехнику, необходимое оборудование, проводит обучение персонала, консалтинг и т.д. Комплекс услуг – секретарских, бухгалтерских, юридических, образовательных, консалтинговых – одно из самых главных условий, потому что именно комплексность имеет значение для стартового развития малых предприятий [6].

Таким образом, предприниматель сосредоточен на одной задаче – начать выпуск продукции (услуги) и выйти на рынок, все остальные проблемы ему помогает решать команда бизнес-инкубатора (администрация, эксперты, консультанты). Она помогает приобрести предпринимателю «свое лицо», статус, представляет его интересы во внешней среде, создает положительный имидж.

Однако, государство, безусловно, по-прежнему играет главную роль в создании рамочных условий для развития бизнеса, в том числе и через бизнес-инкубирование. В большинстве стран (Германия, Италия, Китай, США, Финляндия и др.) бизнес-инкубаторы получают существенную государственную помощь, в некоторых из них приняты специальные законы, определяющие статус и регламентирующие деятельность бизнес-инкубаторов.

Самым большой проблемой при создании бизнес-инкубатора – выделение ему помещения. В нашем государстве до сих пор не решен вопрос по обеспечению площадями организаций, занимающихся поддержкой предпринимателей. Кроме того, наполнение каждого элемента формулы успеха реальным содержанием зависит и от квалификации людей, которые будут заниматься становлением бизнес-инкубатора. Кадровое обеспечение бизнес-инкубирования предполагает несколько составляющих:

- обеспечение компетентными кадрами самих бизнес-инкубаторов (администрация, эксперты, консультанты);
- кадровое обеспечение инкубируемых малых предприятий и обучение предпринимателей;
- повышение компетентности государственных служащих и сотрудников организаций, поддерживающих предпринимательство.

Для создания наилучшей системы условий, касающихся инкубационной среды и услуг, в которой будет обеспечиваться поддержка динамичного развития начинающих и развивающихся предприятий, бизнес-инкубаторам необходимо обладать страте-

гией инкубации, которая учитывает потребности клиентов, а также цели и задачи инкубатора, политикой приема и выпуска клиентов. Кроме этого, руководящая инкубатором группа должна иметь предпринимательский опыт, осуществлять доверительные отношения с клиентами, использовать предпринимательский подход и навыки коммуникации. Основой успеха любого инкубатора также является деловое наставничество, постоянный мониторинг и оценка эффективности деятельности инкубатора. Для выхода бизнес-инкубатора на уровень самоокупаемости через 3-5 лет важно обеспечить его специальным программным обеспечением, организовать тренинги для менеджеров бизнес-инкубатора, создать сети бизнес-агентов всех уровней и проч.

Основными показателями эффективности бизнес-инкубатора, по мнению заместителя председателя координационного совета Национального содружества бизнес-инкубаторов О. Лаптевой, могут считаться не только привлеченные инвесторы и объем инвестиций, но и число «выращенных» предприятий. Необходимо соблюдать баланс между стремлением получить прибыль и вырастить новый бизнес [4].

Бизнес-инкубатор может быть эффективным самостоятельным хозяйствующим субъектом, но при этом:

- площадь бизнес-инкубатора должна быть не менее 650 кв.м.;
- средства на ремонт площадей при создании бизнес-инкубатора должны быть безвозвратными;
- средства на оснащение бизнес-инкубатора должны быть безвозвратными;
- персонал бизнес-инкубатора должен быть подготовлен.

Кроме того, по мнению Э.С. Набиуллиной, министра экономического развития России, «выросшие в бизнес-инкубаторах компании сталкиваются с проблемой доступа к промышленным площадкам, т.е. условия для их послеинкубационного роста не созданы [3].

В России создано уже больше сотни бизнес-инкубаторов – структур для поддержки малых предприятий на начальном этапе их деятельности. Стандартный перечень услуг резидентам: бесплатные (или сдаваемые по льготной цене) офисные помещения, переговорные комнаты, помощь в установлении связей с инвесторами и потенциальными клиентами, а также предоставление консалтинговой и информационной помощи.

Однако пока российские бизнес-инкубаторы рассадниками инноваций не стали. «Их воспринимают исключительно как офисные помещения, – говорит Евгений Кузнецов, директор департамента развития и коммуникаций ОАО «Российская венчурная компания». – Главное отличие бизнес-

инкубатора от любой другой формы поддержки инновационной деятельности – это люди, которые выполняют наставнические функции, функции партнеров по развитию, учителей бизнеса. И вот в этом в России наблюдается острый дефицит» [10].

«В России нужны проекты с упором не на «площади и бухгалтера», а на сеть контактов инкубатора, постоянные мероприятия, знакомства с инвесторами. Из сотни спешно настроенных технопарков мне не известен ни один, которому это удалось», – говорит Елена Масолова, директор по инвестициям AddVenture. Она участвовала в создании бизнес-инкубатора ГУ-ВШЭ и говорит, что он хотя и маленький, но берет качеством [9].

Больше всего бизнес-инкубаторов – 22 – находится в Москве. Среди них: Digital October, бизнес-инкубатор «Строгино», «Главстарт», инкубатор ГУ ВШЭ и другие. В Санкт-Петербурге инкубаторов всего три: «Ингрия», Межвузовский бизнес-инкубатор QD, бизнес-инкубатор технопарка «Смоленка». Всего тремя инкубаторами может похвастаться «научная столица» России – Новосибирск.

Таким образом, бизнес-инкубатор – это структура, специализирующаяся на создании благоприятных условий для возникновения эффективной деятельности малых инновационных фирм, реализующих оригинальные научно-технические идеи. Инновационная организация в зависимости от ее технологического профиля покупает или арендует у инкубатора тот или иной набор инновационных услуг, куда обязательно входит аренда помещения. Инкубационный период организации-клиента длится обычно 2-3 года, реже 5 лет, по истечении этого срока инновационная организация покидает инкубатор и начинает самостоятельную деятельность.

Основной целью бизнес-инкубатора является: создание и поддержка (инкубация) малых предприятий, выполняющих инновационные проекты, на ранней стадии их деятельности путем предоставления в аренду на льготных условиях нежилых помещений, оборудованных мебелью и техникой, и оказания консультационных, бухгалтерских, юридических и прочих услуг.

Бизнес-инкубатор преследует следующие цели: развитие экономики города; развитие высоких инновационных технологий в России; развитие малого бизнеса инновационной направленности, обеспечение благоприятных условий ведения хозяйственной деятельности для малых предприятий-производителей; налаживание связей между крупными промышленными предприятиями и малым бизнесом; стимулирование процесса учредительства и всесторонней поддержки развития но-

вых фирм; создание новых рабочих мест.

Специализация Бизнес-инкубатора – не менее 85% субъектов малого предпринимательства, размещенных в Бизнес-инкубаторе, должны осуществлять свою деятельность в сфере инноваций и высоких технологий.

Задачами Бизнес-инкубатора являются: стимулирование создания новых предприятий в инновационной и высокотехнологической сферах; содействие повышению инновационной активности субъектов малого предпринимательства; привлечение на конкурсной основе субъектов малого предпринимательства инновационной направленности; отбор субъектов малого предпринимательства для размещения в Бизнес-инкубаторе и заключение с ними соглашений о взаимовыгодном сотрудничестве; комплексное и квалифицированное обслуживание субъектов малого предпринимательства на различных этапах развития; оказание консультационной помощи начинающим малым предприятиям по экономико-правовым и бухгалтерским вопросам; осуществление консалтингового сопровождения и трансфера инновационных технологий и продукции Арендаторов бизнес-инкубатора; участие в оказании государственной поддержки инновационных проектов Арендаторов бизнес-инкубатора; взаимодействие с финансовыми структурами и международными организациями, в том числе рискованного финансирования инновационных проектов; формирование информационно – аналитической базы данных о развитии предприятий инновационной направленности для проведения консультационных работ с субъектами малого предпринимательства, размещаемыми в Бизнес-инкубаторе; обеспечение доступа к информационным и экспертным ресурсам.

Свое предназначение инкубатор бизнеса осуществляет посредством выполнения следующих функций:

1. обеспечение систем поддержки фирмам за счет оказания материальной (осязаемая) и нематериальной (неосязаемая) поддержки;
2. достижение успешной стратегии коммерциализации рискованной технологии;
3. бизнес-образовательная функция в виде обучения в свободной обстановке или организации бесплатных семинаров, обеспечение условий для овладения практическими навыками бизнеса студентами и выпускниками университета.

Итак, бизнес-инкубатор – это специальный инструмент экономического развития, предназначенный для ускорения роста и успешной самореализации предпринимателей, предприятий и компаний посредством предоставления им комплекса ресурсов и услуг по поддержке и развитию их деловой активности.

Библиографический список

1. Айгистова О.В. Основы построения бизнес-инкубаторов. О.В. Айгистова, В.Л. Горбунов, В.Ш. Каганов, В.Л. Калинин, Т.В. Ломоносова. М.: ИК «Логос», 1999.
2. Режим доступа: <http://www.businessrealty.ru/>
3. Режим доступа: <http://www.hmaobin.ru/>
4. Режим доступа: <http://www.unibiztv.ru/>
5. Режим доступа: <http://www.siora.ru/ru/>
6. Режим доступа: <http://www.garant.ru/>
7. Режим доступа: <http://www.bishelp.ru/>
8. Режим доступа: <http://www.start-business.ru/>
9. Режим доступа: <http://volbiz.ru/editorschoice/biznes-inkubatoryi-v-rossii-5-shtrixov-k-portretu.html>
10. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1380692.html>
11. Режим доступа: <http://www.unibiztv.ru/news/detail.php?ID=392>
12. Режим доступа: <http://www.ubo.ru/articles/?cat=136&pub=1252>

E.V. SIBIRSKAYA, O.A. STROEVA

**ROLE AND FUNCTIONS BUSINESS INCUBATOR
IN BUSINESS DEVELOPMENT IN MODERN SOCIETY**

In article information that a main objective of business incubator is is presented: creation and support (incubation) of the small enterprises which are carrying out innovative projects, at an early stage of their activity by granting in rent on favorable terms the non-residential premises equipped with furniture and equipment, and rendering of consulting, accounting, legal and other services, and also what its role in business development in modern society.

Key words: *business, business incubator.*

ИСТОРИЯ

А.Ю. ДРУГОВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор кафедры
теологии и религиоведения Курского государ-
ственного университета

E-mail: ss-private@yandex.ru

Тел. 8 (4712) 58 86 46

ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ ГЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ

В статье на основе привлечения широкого пласта исторических источников рассматривается история возникновения и деятельность одного из православных центров России – Глинской пустыни. Первоочередное внимание уделяется благотворительной и духовно-просветительской деятельности обители.

Ключевые слова: православие, Курская епархия, Глинская пустынь, благотворительность, духовно-просветительская деятельность.

Среди православных духовных обителей, славающихся своей благотворительностью, выделялась Глинская Рождество-Богородицкая пустынь. С момента своего возникновения она была средоточием церковной жизни, «истинной школой монашеского делания, школой Христова» [13, с. 11; 8, с. 149]. В отчете Св. Синоду о Курской епархии правящие архиереи называли Глинскую пустынь «лучшей обителью», а ее старцев – «украшением монашества» [13, с. 11; 8, с. 149]. Столь высокую оценку она заслужила потому, что весь внутренний уклад жизни в ней отличался строгостью, подвижничеством, духовностью. Глинские старцы оказывали огромное влияние не только на иноков, но и на все слои общества. Многочисленные паломники со всех концов России устремлялись к ним с целью укрепления своих духовных сил, за советом и наставлением. Обитель была поистине центром духовного просвещения, «духовной школой, в которой постоянно получали духовное православное воспитание... слушатели разных слоев русского общества». Ее можно поставить в один ряд с такими известными православными центрами, как Оптиная пустынь, Киево-Печерская лавра, величая Троице-Сергиева лавра, пустынный Валаам. Все они делали одно общее всенародное, духовно-просветительское дело [14, с. 24-25]. Из Глинского братства вышли и известные миссионеры... Влияние Глинской пустыни распространилось не только по всей России, но и далеко за ее пределами.

Глинская пустынь была основана в конце XVI в. иноками Путивльского монастыря на месте явления чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы в «Глинском» бортном ухожье. После 1648 г. поступила в зависимость Путивльского Молченского монастыря. Петр I подарил ее в составе Крупецкой волости Ив. Мазепе, который в 1706 г. передал ее в ведение Киевской митрополии. В 1731 г.

она была вновь подчинена Молченскому монастырю, а с 1764 г. приобрела самостоятельность. С того же времени она стала заштатной. Располагалась она в 7 верстах от платформы «Глинская пустынь», в 12 верстах от г. Глухова Черниговской губернии и в 40 верстах от Путивля и Рыльска [6, с. 349].

Как отмечал И.И. Златоверховников, Глинская пустынь кроме святынь известна своей благотворительной деятельностью. Она делала пожертвования во время Отечественной войны 1812 г., оказала сильную материальную помощь Казани, опустошенной пожаром. Во время русско-турецкой войны (1877 - 1879) открыла при монастырской больнице вспомогательный лазарет, а в 1890 г. устроила Дом трудолюбия [7, с. 76].

Особенно возросла благотворительная деятельность Глинской пустыни во второй половине XIX в. В отчетах о состоянии Курской епархии за 1862 - 1887 гг. епархиальные архиереи отмечали, что хотя «странным и бедным оказывают вспомоществование все монастыри, но в сем отношении преимущество имеет пустынь Глинская» [13]. Для этой цели здесь была устроена особая гостиница. В деревне Заруцкой и на подворье при Сеймских мельницах пустынь содержала странноприимные дома, где останавливались для ночлега богомольцы, которые не могли без отдыха дойти до обители. Сюда прибывали странствующие подвижники, паломники из дальних мест и из-за рубежа. В странно-приимницах жили также бедные жители ближайших селений, в основном не способные к труду по старости. В странноприимницах ежегодно призревало 15-20 тыс. человек обоего пола. Из них только нищих, обращавшихся в обитель за пособием, было от 1,5 до 4 тыс. человек. Все они жили в обители и получали пищу безвозмездно. Кроме того, беднейшие из них снабжались от обители бельем, одеждой, обувью и деньгами для дальнейшего пути. Больных по-

мещали в больницу или выдавали им лекарства. На содержание странноприимниц ежегодно расходовалось 305 тыс. руб., не считая стоимости выдаваемого хлеба и лекарств [14, с. 71-72].

Чувство сострадания было присуще всем членам братии Глинской пустыни, начиная от настоятеля архимандрита Иннокентия и кончая послушником [1, с. 213-215].

На высоком уровне оказывалась в Глинской пустыни медицинская помощь. В начале 70-х годов XIX в. в больницу Глинской пустыни обращалось до 70 человек в год. Здесь лечились не только монашествующие, но и проходящие богомольцы и странники. Например, в 1873 г. обратились за помощью 63 человека: 37 братьев, 26 богомольцев и странников. Необходимые лекарства, различные процедуры, питание и уход они получали здесь бесплатно. Однако больница помещалась в одноэтажном деревянном здании и была рассчитана на одновременное лечение лишь 10 человек [8, с. 5; 13, с. 322]. Большую помощь в строительстве каменного здания больницы оказал киевский купец К.К. Ховалкин, выделивший на эти цели значительную сумму денежных средств (9555 руб. 90 коп. серебром и 4544 руб. в ассигнациях). Уже в 1877 г. больница была полностью построена и могла вмещать 25 человек. По замечанию посещавшего эту больницу автора книги «Глинская Рождество-Богородицкая обжешительная пустынь», «по обширности здания, количеству белья, посуды, медикаментов, хирургических инструментов» она могла бы вместить значительно больше больных, «а по красоте внутренней и внешней отделки, по высоте палат и богатому запасу всего необходимого такой больницей мог бы гордиться не только какой-либо уездный городок, но и иной губернский».

Автор отмечает также, что больница находилась в саду, где воздух всегда был чистый и влажный, «летом же свежий с бальзамичным запахом растений, особенно же смолисто-соснового леса... вокруг тишина и безмятежие нарушается лишь пением разнородных птиц да звоном церковным» [4, с. 72].

Заведовал больницей назначаемый из числа братии инок-фельдшер, который оказывал помощь больным под руководством врача. Больные распределялись по палатам в соответствии с заболеваниями. Все палаты располагались на первом этаже. Здесь же были приемная и другие специальные отделения больницы. На втором этаже находилась аптека, кельи фельдшера-инока и послушников, ухаживавших за больными. Аптека была «нисколько не похожа на аптечку при обители, а скорее на благоустроенную земскую или частную». Над ней располагалась сушильня для лекарственных трав,

растущих в изобилии в монастырском лесу. Эти травы глинские иноки собирали и сушили по указанию врача и фельдшера.

Следует отметить, что больница осуществляла лечение больных как стационарно, так и амбулаторно. Причем число больных, которым оказывалась медицинская помощь, увеличивалось из года в год. Так, если в 1876 г. в больницу Глинской пустыни обратилось 53 человека (35 иноков и 18 богомольцев), то в 1884 г. число обращавшихся возросло более чем в три раза и составило 161 человек (105 иноков и 56 богомольцев) [13, с. 323].

В монастырь обращались и женщины, которые лечились в странно-приимнице. Ежегодно число их составляло 150. Уход за ними поручался женщинам из числа тех же странниц. Кроме того, в больницу Глинской пустыни обращалось много жителей из близлежащих селений. Здесь они получали медицинские советы и лекарства. Таким образом, бесплатную медицинскую помощь оказывали не только братии, но и населению. Обитель тратила ежегодно на содержание больных и послушников 1500 руб., не считая стоимости питания больных и послушников, за ними ухаживавших.

В годы русско-турецкой войны (1877 – 1878 гг.) в монастырской больнице был устроен лазарет для больных и раненых воинов. Как утверждает автор монографии о «Глинской пустыни» схиархимандрит Иоанн, «все монастыри Курской епархии приняли деятельное участие... в облегчении разнообразных нужд, порождаемых войной», в 7 мужских монастырях были приготовлены удобные помещения для раненых. Но Курское отделение Красного Креста выбрало лазарет Глинской пустыни. 21 августа 1877 г. в лазарет поступили больные и раненые воины, всего 21 человек [13, с. 324].

Лечение в Глинской больнице проводилось под непосредственным наблюдением приглашенного пустынно из Глухова врача при учебных заведениях надворного советника Н.Т. Хоменко. За больными и ранеными ухаживали смотритель больницы фельдшер-монах Дамиан, его помощник монах Моисей и четыре послушника. Больные содержались за счет обители. На содержание лазарета было израсходовано 2000 руб.

К концу 1877 г. из поступивших воинов 19 человек совершенно выздоровели, а два тяжелораненых оставались в больнице. 1 июля 1879 г. в лазарет Глинской пустыни поступили еще 25 воинов, в основном из гвардейских и гренадерских полков, бывших за Дунаем в действующей армии. Эти больные также были размещены в монастырской больнице «с полным удобством и покоем».

Лазарет Глинской пустыни в 1877 – 1879 гг.

посещал уполномоченный Главного управления Общества Красного Креста тайный советник В.Л. Кочетов. Он «остался весьма доволен как помещением больницы, так и всем принадлежащим к содержанию больных и соблюдаемыми в больнице чистотою и порядком» [13, с. 325]. Настоятель пустыни игумен Иннокентий и братия удостоились получить высочайшую благодарность Ее Величества покровительницы Общества Красного Креста императрицы Марии Александровны. 25 января 1880 года игумен Иннокентий, врач Н.Т. Хоменко и смотритель больницы о. Дамиан получили знаки «Красного Креста». Все раненые совершенно поправились к 29 ноября. По словам смотрителя больницы о. Дамиана, выздоровевшие воины, уезжая из монастыря, «со слезами благодарности на глазах молились Всевышнему и, получив благословение, напутствие и иконочки от настоятеля, благодарили отца игумена и братию за братский и сердечный уход за ними». До ближайших пунктов железной дороги или воинских участков их отвозили на монастырских лошадях [13, с. 326; 3, л. 89].

Щедро выделяла средства Глинская пустынь на нужды народного образования. Ежегодно с 1869 г. обитель вносила на содержание духовных учебных заведений Курской епархии по 300 руб. серебром. В 1872 г. пустынь выделила Рыльскому училищу 300 руб. В 1882 г. на вновь организованную домовую церковь во имя преподобного Феодосия Печерского при Курской Духовной семинарии «обитель выделила 50 руб. и разного рода церковные принадлежности: 3 ризы священнических, парчовых; 3 стихаря таких же; 3 подризника шелковых, трое поручей, 3 ораря, 3 пояса...» [13, с. 326].

Таким образом, благотворительная деятельность Глинской пустыни была многогранной и проникнута высокой духовностью. Средства на дело милосердия она приобрела «от своих неустанных трудов и приношений благотворителей». За усердную службу 27 марта 1882 г. отец Иннокентий был представлен к ордену Св. Анны III степени, а 31 мая 1887 г. по указу Св. Синода награжден саном архимандрита. Это был первый Глинский настоятель, удостоенный такого сана, среди всех известных нам настоятелей обители XVIII - XIX веков [3, л. 89; 9, с. 478; 13, с. 328].

После кончины архимандрита Иннокентия в октябре 1888 г. на должность настоятеля обители был избран о. Исайя, и в ноябре того же года он был возведен в сан игумена.

О. Исайя много потрудился для благоустройства и процветания обители. Благоустроил он и больницу Глинской пустыни. Каменное помещение больницы, построенное в 1875 – 1877 гг., впо-

следствии «оказалось сырым и не вполне удобным в гигиеническом отношении». В 1896 г. выстроили новое большое здание монастырской больницы, восточная часть которой была одноэтажная, а западная – трехэтажная (нижние этажи каменные). В верхнем деревянном этаже помещались палаты для больных. Эта новая больница Глинской пустыни стала лучшей в епархии [13, с. 340]. Больница была рассчитана на 30 кроватей. В 1899 – 1911 годах в больнице содержалось 15-16 престарелых монахов, требующих постороннего ухода, который поручался нескольким послушникам [2, л. 7]. Для тяжелобольных и престарелых иноков при больнице была устроена на средства благотворителей просторная и высокая домовая церковь во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

Ежегодно стационарное лечение в больнице проходили от 120 до 240 человек, причем иногда стационарных больных было больше из числа богомольцев, чем из числа братии. Например, в 1902 г. в стационаре лечились 50 иноков и 120 странников и богомольцев. В течение года амбулаторно лечилось около 7 тыс. богомольцев. Всего за год за медицинской помощью обращалось 7-9 тыс. человек из братии и богомольцев. Больные получали бесплатно питание, уход, лекарства, различные медицинские процедуры. Содержание больницы обходилось монастырю ежегодно более, чем в 2000 руб. (не считая отопления, освещения, пищи, одежды для больных и служащих) [13, с. 341, 345-346].

В конце XIX начале XX в. резко выросло благосостояние Глинской пустыни. Так ее монастырское землевладение (за счет многочисленных пожертвований) стало самым большим в Курской епархии. С ростом благосостояния возросла и ее благотворительность. В конце XIX н. Глинская пустынь ежегодно принимала, как правило, до 45 тыс. богомольцев, а в нач. XX в. – свыше 60 тыс. Они размещались в монастырской странноприимнице, на содержание которой обитель выделяла около 6000 руб., бесплатно пользовались жильем, монастырской трапезой, лекарствами, одеждой, обувью, а иногда получали и денежную помощь. В случае нужды жители окрестных деревень пользовались безвозмездно от пустыни хлебом, деньгами, а в случае бедствия (пожара, голода, падежа скота) всегда получали от пустыни пособие.

В 1890 г. при Глинской пустыни был создан Дом трудолюбия для обучения в нем разным ремеслам и грамоте крестьянских детей-сирот. Вначале Дом был рассчитан на 15-20 мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет, однако популярность его среди народа быстро росла, и число обучаемых увеличивалось. Через 10 лет здесь обучалось уже 125 мальчиков, а

в начале XX века – 187. Мальчики по их желанию распределились по мастерским и в течение 5 лет обучались ремеслам – иконописному, портняжному, сапожному, столярному и токарному. К концу XIX века круг ремесел был значительно расширен. Теперь мальчики могли обучаться и переплетному, каретному, корзиночному, шорному, слесарному, позолотному, резному мастерству, выделке из дерева, ложек и палок, выделке ковров, шитью риз, а также садоводству, пчеловодству, огородничеству, рыболовству. Больше всего мальчиков обучалось в живописной мастерской (от 20-27 человек ежегодно). Для обучения детей в каждую мастерскую назначался лучший специалист из монашествующих. Цель создания Дома трудолюбия состояла в том, чтобы приютить сирот, дать им образование и возможность самостоятельно зарабатывать на жизнь, если они останутся в обители [13, с. 346].

Особое внимание уделялось духовно-нравственному воспитанию учащихся. В Доме трудолюбия им преподавались уроки Закона Божия, чистописания и церковного пения. В воскресные и праздничные дни мальчики в обязательном порядке посещали церковь. Кроме учителей, назначался монах, который жил вместе с мальчиками в Доме трудолюбия, стремясь воспитать их в духе истинного православия, следил за поведением учеников.

Монастырь выделял большие средства на содержание детей. В 1890 г. только на оборудование одного из зданий обители для Дома трудолюбия и приобретение различных инструментов было затрачено 1000 руб., не считая средств, расходуемых на полное обеспечение мальчиков.

В нач. XX в. сумма ежегодных расходов возросла до 4500 руб., без уче-та отопления, освещения, одежды и питания. Половина этой суммы восполнялась выручкой от продажи изделий учеников.

По окончании обучения каждому мальчику выдавалось свидетельство за подписью настоятеля и старшей братии о том, какому ремеслу он обучался и каких достиг успехов. Большинство учеников Дома трудолюбия по достижении совершеннолетия оставались в числе братства обители [10, с. 230].

Значительные суммы денег в общей сложности были пожертвованы Глинской пустыней и на другие благотворительные цели. Так, в 1891 году Глинская пустынь пожертвовала много церковных вещей и облачений для храмов военно-врачебных заведений. По информации журнала “Курские епархиальные ведомости”, обитель в 1890 г. выделяла определенную сумму церкви Гроба Господня, но и в пользу православных Святой Земли и русских паломников в Палестине.

В 1911 г. братия Глинской обители пожерт-

вовала на сооружение раки святителя Иоасафа Белгородского 75 руб. 60 коп. Эпизодические пожертвования были оказываемы обителью в пользу Константинопольской Патриархии, а также на устройство церкви в Туркестанском крае (1894 г.). Кроме того, были выделены денежные пособия на содержание Православного миссионерского общества и др.

Благотворительная деятельность Глинской пустыни распространялась и на зарубежные страны. В 1893 г. обитель оказала посильную помощь пострадавшим от землетрясения; в 1897 – 1900 гг. пожертвовала денежные средства в пользу нуждающихся славян и т.д. Все это выливалось в большую денежную сумму. Только на содержание местных духовных учебных заведений ежегодно расходовалось до 950 руб. Кроме того, обитель отпускала лес для школ в селах Пагари и Гудово, пожертвовала в церковь школы слободки Шутовки иконостас, иконы, церковную утварь [4, с. 79; 13, с. 347].

Велика была роль Глинской пустыни в духовно-просветительской деятельности. Понимая важность этой деятельности, игумен Исайя обратился к курскому епископу Иустину с прошением разрешить Глинской пустыни издавать листки и книги религиозно-нравственного содержания [5, с. 514]. Были разработаны правила для издания подобных листков (Советом епархиального братства), и с 1891 г. Глинская пустынь стала издавать духовно-нравственную литературу. Об издательской деятельности игумена Исайи современники писали: «Настоятель Глинской пустыни о. Исайя выделяется из многих игуменов монастырей. Для него дороги приходящие помолиться в пустынь (а их в год пребывает у него до 50 тыс.). Он заботится о всех православных христианах, ради которых и занялся издательской деятельностью» [15, с. 154].

Большой популярностью среди народа пользовались издания серии «Глинские Богородицкие книжки», содержание которых было построено на материале творений святых отцов, проповеднических трудов учителей Святой Православной церкви. Эти «Глинские Богородицкие книжки» были неотъемлемой частью книжных фондов школьных библиотек [11, с. LXXXI]. Информация о выходе в свет очередных изданий “Глинских Богородицких книжек” публиковалась на страницах журнала “Курские епархиальные ведомости” и др. [12, с. 517-520] Одновременно Глинская пустынь приступила к выпуску изданий о самой обители. В 1891 г. было издано подробное историческое описание монастыря «Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь» (М., 1891, 181 с). В 1899 г. вышла книга о вновь устроенном в Глинской пустыни

Спасо-Илиодоровском ските. В 1901 г. был выпущен очерк современного состояния Глинской пустыни (Одесса, 1904. То же. 3-е изд. Курск, 1912, 69 с). Он пользовался большой популярностью и переиздавался с некоторыми дополнениями в 1904 и 1912 годах.

Таким образом, вся история Глинской пустыни, приведенные нами факты, яркие примеры, убедительно свидетельствуют о том, что она являлась одним из центров благотворительности и милосердия в России.

Библиографический список

1. *Архимандрит Иннокентий*, настоятель Глинской пустыни. (Память 17 сент.). Жизнеописания, ... подвижников... Сент. М., 1909.
2. ГАКО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 174.
3. ГАКО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 3.
4. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891.
5. Глинские Богородицкие книжки. Курские епархиальные ведомости. 1893, №23.
6. *Денисов Л.А.* Православные монастыри Российской империи. М. 1908.
7. *Златоверхников Н.И.* Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902.
8. Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни Киев, 1906.
9. Курские епархиальные ведомости. 1882. №10.
10. Курские епархиальные ведомости. 1891, № 14.
11. Народное начальное образование в Курской губернии. Курск, 1897, С. LXXXI (Список книг некоторых ученических библиотек).
12. Объявление об издании Глинских Богородицких книжек. Курские епархиальные ведомости. 1893. № 23. С. 517 - 520.
13. *Схиархимандрит Иоанн (Маслов)*. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI -XX веках. М., 1994.
14. *Четвериков Сергей*, прот. Оптиная пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж. 1926.
15. *Ювачев И.* Глинская пустынь. Русский паломник. СПб, 1906. № 10.

A. YU. DRUGOVSKAYA

ORTHODOX TRADITIONS OF THE GLINSKY HERMITAGE

This article examines the history and activities of one of the Russian Orthodox centers – the Glinsky Hermitage in order to attract a broad stratum of historical sources. The priority is given to charity, spiritual and educational activities of the monastery.

Key words: *Orthodoxy, The Kursk Diocese, the Glinsky Hermitage, charity, spiritual and educational activities.*

М.И. ЛАВИЦКАЯ*доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Орловского государственного университета**E-mail: marinalv2010@yandex.ru**Тел. 8 910 300 96 70***РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ В ПЕРИОД С 1864 ПО 1917 ГОД**

Статья посвящена проблемам развития института русской адвокатуры в пореформенный период. Автор показал эволюционные изменения в системе юридической защиты в России после судебной реформы Александра II до 1917 года.

Ключевые слова: *система юридической защиты, российская адвокатура, судебная реформа.*

Судебная реформа XIX в. установила в судах состязательное начало как основной регулятор судебного процесса. Необходимым же условием введения состязательного процесса явилось учреждение сословия присяжных поверенных. Тогда уже на официальном уровне утвердилось убеждение, что «состязательный процесс есть самый древний, самый естественный, а потому первый, или, лучше сказать, единственный способ судопроизводства» [9].

Российский правовед И.В. Гессен в своем фундаментальном труде «История русской адвокатуры» писал, что «при помощи адвокатов судебное состязание может достигнуть полноты и живости, а эта полнота и живость необходимы для того, чтобы судья мог обозреть дело со всех сторон, проникнуть в самую сущность его и составить себе твердое убеждение: только она может предохранить судью от односторонности взгляда, столь вредной для правильности решения...» [7,36].

Государство постаралось вписать институт присяжных поверенных в судебную систему таким образом, чтобы он отвечал вышеуказанной задаче. Так, согласно ст. 11 Учреждения судебных установлений при судебных местах находились: канцелярии; судебные приставы; присяжные поверенные; кандидаты на должности по судебному ведомству; нотариусы.

В соответствии со ст. 353 Учреждения судебных установлений судебными местами являлись судебные палаты и окружные суды.

Территория России была поделена на губернии и уезды, однако сословная организация присяжных поверенных в России строилась по принципу разделения на округа судебных палат. Всего в России было 14 судебных округов и 14 судебных палат: Петроградская, Московская, Варшавская, Виленская, Киевская, Одесская, Харьковская, Новочеркасская, Тифлисская, Казанская, Саратовская, Омская, Иркутская, Ташкентская. Они рас-

полагались, как правило, в самых больших городах.

В 14 судебных округах действовало 109 окружных судов. Ведущее значение в процессе организации и развития имели два округа – Петербургский и Московский.

В первоначальном образовании сословия присяжных поверенных значительная роль принадлежала Министерству юстиции. Так, согласно ст. 45 Положения о введении в действие судебных уставов в каждой губернии, в которой вводились судебные уставы, образуется, по распоряжению Министерства юстиции, особый комитет для принятия и рассмотрения прошений лиц, которые изъявляют желание поступить в присяжные поверенные. После рассмотрения доставленных прошений и документов этот комитет, состоявший из председателей и товарищей председателей палат гражданского и уголовного суда, а также губернского прокурора, представлял министру юстиции информацию о соответствии лиц требованиям, указанным в законе, после чего последний или утверждал представленные лица в звании присяжных поверенных, или отказывал в этом [11,7].

Что касается численности адвокатов, то в соответствии со ст. 388 Учреждения судебных установлений число присяжных поверенных, признаваемое достаточным, в городах уездных и губернских и в столицах определялось в особой таблице, которую министр юстиции, по представлениям судебных палат, вносил через Государственный совет на высочайшее утверждение.

Статья 396 Учреждения судебных установлений предусматривала, что «на каждые три года устанавливается Министерством юстиции особая такса, которая, по утверждению в законодательном порядке, публикуется во всеобщее сведение: во-первых, для обозначения в судебных решениях количества судебных издержек, подлежащих взысканию с обвиняемого по делу в пользу противной стороны, за наем

поверенного, и, во-вторых, для определения количества вознаграждения поверенных в тех случаях, когда тяжущиеся не заключили с ними письменных о том условий» [14,163].

Как отмечают российские ученые В.М. Ануфриев и С.Н. Гаврилов, «адвокатура может или не иметь никакой внутренней организации, или же быть организованной по одному из трех типов, именно, в виде: государственной службы; сословия, подчиненного дисциплинарной власти администрации или судов; самоуправляющегося сословия... Сущность самоуправления состоит в том, что адвокаты не знают над собой никакой посторонней власти, а подчиняются общей воле своего сословия, образующейся из общей воли всех членов сословия; сословное самоуправление гарантирует адвокатуру необходимую ей независимость от судов и администрации в том смысле, что непосредственным начальством над ней служат ее выборные органы, а дисциплинарным судом является суд товарищей по профессии» [3,42].

Так, применительно к присяжным поверенным стал использоваться новый термин – «сословие», что означало сообщество юристов, объединенных образованием и поведением и исполняющих специфическую общественную функцию. Под «сословием» в дореволюционной России подразумевалась группа лиц, объединенных профессиональными интересами.

Таким образом, присяжные поверенные составляли группу лиц, объединенную по профессиональному признаку и своей социальной роли выполнением функции судебного представительства, а их внутренняя организация строилась именно в виде самоуправляющегося сословия.

Е.Я. Черномордик в своем труде об учреждениях, заменяющих советы присяжных поверенных – окружных судах, подчеркивал, что действительность не оправдывала ожиданий и намерений составителей Судебных уставов в том, что надзор за присяжными поверенными должны осуществлять советы и очень часто по разным причинам, например при введении новых судов, дело надзора за присяжными поверенными поручалось окружным судам [1,52].

Например, Высшим повелением от 5 декабря 1874 г. в России было вообще приостановлено учреждение новых советов. В 1900 г. окружным судам как органам надзора было подведомственно более половины всей присяжной адвокатуры (53%), в частности 55% всех присяжных поверенных и 49% всех помощников. Даже в 1913 г. уже после открытия шести новых советов около трети всех окружных судов (34 из 109) выполняли обязан-

ности советов, и им было подведомственно около четверти (26%) всей присяжной адвокатуры [8,15].

Между тем практика показала, что суды, не имеющие никакой связи с адвокатским сословием, чуждые его нравам, обычаям и интересам, не знакомые с условиями его профессиональной деятельности, не заинтересованные в доверии к нему общества и нравственной за него ответственности, не способны в своей деятельности в качестве дисциплинарного суда устанавливать руководящие правила профессионального поведения.

Несмотря на значительную роль учреждений, заменяющих советы, история показала, что учреждения, часто заменявшие советы в течение 50 лет действия Судебных уставов, заменить их в полной мере не могли. Первичные неразвитые формы сословных организаций постепенно заменялись на сословные органы, изначально предусмотренные законодателем. Фактически это означало известную независимость адвокатуры от государства.

Таким образом, организация присяжных поверенных в присяжной России представляла собой самоуправляющееся сословие присяжных поверенных, объединенных юридическим образованием и выполнением функции судебного представительства. Но любое самоуправляющееся сословие немислимо без самоуправления, без органа, который бы служил его представителем.

Чтобы понять сущность адвокатуры в виде самоуправляющегося сословия, необходимо подробно рассмотреть устройство органов самоуправления, их функции, определить объем принадлежащей им дисциплинарной власти над членами сословия.

Органами сословного самоуправления адвокатуры в императорской России были общие собрания и советы присяжных поверенных.

На всем протяжении развития присяжной корпорации с 1864 по 1917 г.г. наблюдается постепенное разрастание органов адвокатского самоуправления на территориях судебных палат. Так, к 1913 г. органы адвокатского самоуправления были образованы при 9 из 14 сформированных судебных палат: Петроградской (2 мая 1866 г.), Московской (16 сентября 1866 г.), Харьковской (6 мая 1874 г.), Новочеркасской (21 июля 1904 г.), Одесской, Казанской, Саратовской (10 ноября 1904 г.), Омской и Иркутской (24 ноября 1904 г.).

Согласно ст. 358 Учреждения судебных уставов присяжные поверенные округа судебной палаты, если их не менее 20 человек, входили в палату с просьбой избрать совет.

После этого палата назначала одного из своих членов для председательствования в общем собрании присяжных поверенных; он созывал при-

сяжных поверенных на определенный день в местонахождение палаты и по прибытии не менее половины присяжных поверенных открывал общее собрание, где и производились выборы председателя совета простым большинством голосов (ст. 357-360 Учреждений судебных установлений). Далее присяжные поверенные избирали из своей среды для надзора за всеми, состоящими в том же округе поверенными, товарища (заместителя) председателя и сам совет присяжных поверенных количеством от 5 до 15 членов. Причем выборы производились на каждую должность отдельно.

Учреждение совета закон ставил, следовательно, в зависимость от двух условий: наличия определенного числа присяжных поверенных в округе и их договоренности между собой.

Если оба условия соблюдены, палата не вправе была отклонить просьбы о разрешении избрать совет. При отсутствии хотя бы одного из этих условий она не властна была по своей инициативе созывать общее собрание.

Теперь более подробно остановимся на деятельности общего собрания. Оно созывалось не позднее чем через 365 дней со дня избрания первого совета. Иногда присяжные поверенные отступали от этого правила. Повсеместно день общего собрания назначался советом, о нем извещались присяжные поверенные путем повесток и публикаций в газетах. Чтобы постановить решение, имеющее законную силу, общее собрание должно быть правильно созвано советом, а рассматриваемый вопрос, по которому дается заключение совета, должен был стоять в повестке дня.

Председательствовал на общем собрании либо председатель совета, либо член совета, за которого проголосовали присяжные поверенные, либо выборное лицо, не являющееся членом совета. Председательствующего выбирали закрытой (Москва, Петроград) или открытой (Одесса) баллотировкой относительным большинством.

Функции председателя общего собрания были очерчены единообразно во всех округах.

От председательствующего зависела формулировка вопросов и постановка их на обсуждение и голосование. Способ голосования по всем предметам, за исключением выборов, зависел от самого общего собрания: по обычному порядку было принято открытое голосование, которое производилось поднятием руки, вставанием с места или поименно.

Результаты баллотировки заносились в протокол, который являлся бесспорным документом. В случае если на общем собрании планировалось произвести выборы членов совета, то этому предшествовало заслушивание общим собранием отче-

та о действиях совета за минувший судебный год.

Однако ознакомление сословия с деятельностью совета путем чтения отчета на общем собрании имело место только в ранний период существования адвокатуры, когда не был еще принят порядок печатания и предварительной рассылки отчетов. Инициатива печатания отчетов принадлежала Петербургскому округу, где первый печатный отчет охватил период с 1 мая 1876 г. по 1 мая 1877 года.

После обсуждения отчета на общем собрании он подлежал утверждению всеми присутствующими членами, но юридические последствия утверждения отчета не определялись в законе и не были нормированы практикой.

Нужно отметить, что если на общее собрание прибывало менее половины подведомственных определенному совету присяжных поверенных, то собрание считалось несостоявшимся и председатель совета извещал повестками всех присяжных поверенных о том, что в случае неприбытия их к назначенному им для выборов новому сроку совет присяжных поверенных остается в прежнем составе. Любое решение общего собрания принималось большинством голосов и вступало в законную силу с момента его постановления, если не было оговорено иное.

Организационная деятельность присяжных поверенных была тем интенсивнее и планомернее, а формы корпоративной жизни тем законченнее, чем чаще и регулярнее осуществлялся созыв общих собраний.

Итак, предметом ведения общих собраний являлись слушание отчета о действиях совета за истекшую часть года и обсуждение сословных дел. При этом под «сословными делами» и сословие, и совет понимали не только вопросы внутреннего распорядка сословия, но и все вопросы государственного и общественного порядка, так или иначе связанные с сословными интересами.

Безусловно, своим возникновением общие собрания, созываемые не для выборов, были обязаны потребностям организационной работы сословия присяжных поверенных. В итоге общее собрание получило характер «законодательного» органа сословия, источника обязательности принимаемых на нем отдельных норм как для совета, так и для членов сословия.

От деятельности общих собраний присяжных поверенных целесообразно перейти к исследованию деятельности и функций совета присяжных поверенных, который, по мнению известнейшего русского юриста XIX в. Е.В. Васильевского, является частью сословия, плотью от его плоти, костью от его кости, яблоком, которое никогда не падает дале-

ко от своей яблони [6,15].

Так, ст. 357 Учреждения судебных установлений гласила: присяжные поверенные каждого округа судебной палаты избирают из своей среды в порядке, предусмотренном ст. 359-365 Учреждения судебных установлений для надзора за всеми состоящими в том округе поверенными, особый при судебной палате совет, а также председателя совета и товарища председателя, который в случае болезни или отсутствия председателя занимает его место. Количество членов совета – от 5 до 15 человек [14].

Иногородние члены совета мало посещали его заседания, большая часть работы продолжала лежать на членах, живущих в месте пребывания совета. Определение числа членов совета обычно имело место перед выборами в совет. Практика не выработала единообразной формы определения.

Если из числа баллотирующихся избранных окажется менее установленного числа, то баллотировка по общему правилу должна была продолжаться до тех пор, пока не восполнится весь состав совета.

Процесс составления списков кандидатов в члены совета совершался следующим образом. Избирательные списки, напечатанные по утвержденной советом форме, рассылались всем членам сословия с таким расчетом, чтобы вскрытие этих списков могло состояться в фиксированный советом срок – не менее чем за три недели до дня общего собрания. Составление списка происходило на основании поданных записок в открытом заседании совета.

Что касается ежегодного переизбрания совета, то в глазах составителей Судебных уставов это являлось гарантией успешного исполнения им своих обязанностей, как и избрание его большинством сословия. Но в действительности адвокатура не воспользовалась предоставленной ей возможностью ежегодно обновлять органы самоуправления. По разным причинам в большинстве округов выборы происходили не ежегодно. В Харькове в начале 1880-х, в Москве с конца 1890-х гг. нормальным сроком функционирования совета было два года. Но среднее пребывание в совете каждого из членов не ограничивалось двумя годами.

Совет присяжных поверенных как орган управления присяжными поверенными строился по французскому типу. В сферу его обязанностей входили административные и дисциплинарные функции. Профессор Санкт-Петербургского университета, сенатор И.Я. Фойницкий подчеркивал, что функции совета «в высшей степени важны и обширны. Он есть посредник между присяжным поверенным и его доверителем... Он заведует всеми делами корпорации, подвергаясь отчетности перед общим

собранием, и распределяет между присяжными поверенными процентный сбор. В то же время он является непосредственным начальством присяжных поверенных, принимая и увольняя их и определяя с них дисциплинарные взыскания, в этом качестве совет подлежит, за некоторыми исключениями, апелляционному контролю судебной палаты» [15,488].

Прежде чем перейти к обязанностям и правам совета присяжных поверенных, рассмотрим должность председателя совета присяжных поверенных. Учреждение судебных установлений не фиксирует функциональные обязанности председателя совета, лишь неся в себе указание, что голос его при равенстве голосов дает перевес тому мнению, которое им принято.

Председатель совета, по словам К.К. Арсеньева, не обладает никакой особой властью, кроме той, которая принадлежит каждому председательствующему в коллегиальном учреждении. Он управляет прениями в совете, ставит вопросы, объявляет резолюции, следит за тем, чтобы все дела, подлежащие ведению совета, получали своевременное разрешение. Он дает общему собранию словесный и письменный отчет о деятельности совета [4,71].

Со временем значительно увеличился объем полномочий председателя, который стал руководить всей административной деятельностью совета и дисциплинарным производством в его низших ступенях. Он совместно с канцелярией подготавливал заседание совета, заведовал канцелярией, вел переписку с правительственными и судебными местами, докладывал о приеме новых членов в сословие, назначал поверенных по очереди, возбуждал дисциплинарное производство и требовал от обвиняемого объяснений. Передача всех этих функций председателю была вызвана необходимостью освободить совет от дел, не требующих коллегиального разрешения. В случае болезни или отсутствия председателя его обязанности исполнял товарищ председателя, должность которого по мере роста сословия, увеличения количества дел и числа заседаний совета приобретала все большее значение.

Теперь остановимся на полномочиях совета присяжных поверенных. Для легитимности решений совета нужно было, чтобы они принимались законным составом совета. Законность предполагала, что в рассмотрении дел и в принятии решений не принимает участия никто, кроме законно избранных членов совета. Кроме того, определения совета должны были выноситься в заседании совета, состоявшемся в надлежащем месте и надлежащим образом созванном. Надлежащим местом являлось здание судебных установлений в месте пребывания судебной палаты.

Заседание считалось легитимным, когда оно было собрано председателем совета либо состоялось в очередной день, фиксированный самим советом. Фиксируя срок, совет не был лишен права менять его, и в практике это случалось довольно часто.

По способу созыва различались очередные и экстренные заседания, которые созывались исключительно председателем совета. Рост количества экстренных заседаний чаще всего наблюдался в период наступления реакции или революционного подъема, поскольку такие заседания были сопряжены с законотворческой деятельностью правительства, напрямую затрагивающей интересы адвокатуры. Так, в Петербурге за пятилетие с 1901 по 1906 г. созывалось в среднем четыре экстренных заседания в год, что составляло около 10% всех заседаний. В 1906-1911 гг. эта цифра выросла до 22%.

К правам и обязанностям совета присяжных поверенных относилось:

- рассмотрение прошений лиц, желающих приписаться к числу присяжных поверенных или выйти из этого звания, и сообщение судебной палате об их приписке или отказе им;
- назначение поверенных по очереди для безвозмездного хождения по делам лиц, пользующихся на суде правом бедности;
- рассмотрение жалоб на действия присяжных поверенных и наблюдение за точным исполнением ими законов, установленных правил и всех принимаемых ими на себя обязанностей сообразно с пользой их доверителей;
- выдача присяжным поверенным свидетельств о том, что они не подвергались осуждению совета;
- определение количества вознаграждения поверенному по таксе в случае несогласия по этому вопросу между ним и тяжущимся или когда между ними не заключено письменного условия;
- распределение между присяжными поверенными процентного сбора, установленного ст. 398 Учреждения судебных установлений;
- определение взысканий, налагаемых на поверенных как по собственному усмотрению совета, так и по поступающим в совет жалобам;
- назначение по очереди поверенных для ходатайства по делам лиц, обратившихся в совет с просьбой о назначении им таковых (ст. 367 Учреждения судебных установлений).

Кроме этого совет принимал меры к охране дел и бумаг умерших, душевнобольных, арестованных и безвестно отсутствующих присяжных поверенных и их помощников.

Растущий объем дел, с которым члены совета уже не в состоянии были справиться, заставлял корпорацию создавать при совете дополнительные структуры – комиссии, которые состояли из лиц, большей частью не принадлежащих к составу совета, но действовавших в рамках его полномочий. Заседания первых комиссий носили чисто исполнительный характер: приведение в порядок архива, библиотеки, составление извлечений из состоявшихся решений совета.

Всякая комиссия имела цель содействовать совету в его деятельности. Интенсивность образования комиссий при советах была связана с возрастанием дисциплинарной и распорядительной деятельности. Комиссии стали достаточно важным элементом сословной организации адвокатуры как фактор сочетания сословных сил и привлечения к организационной работе рядовых членов.

Вернемся теперь к полномочиям совета. Одной из функций совета было первоначальное рассмотрение прошений лиц, желающих приписаться к числу поверенных. Советы тщательно рассматривали кандидатуры лиц, желающих вступить в сословие присяжных поверенных, чтобы принимать в корпорацию только тех, кто действительно был подготовлен к званию присяжного поверенного.

Теперь обратимся к дисциплинарной практике совета и его контролирующей функции за морально-нравственным обликом членов сословия. Здесь уместно привести пример надзора совета в области карточной игры среди присяжных поверенных. После долгих прений по поводу этого вопроса 1 марта 1909 г. общее собрание Петербургских присяжных поверенных постановило, что за азартную игру в клубах и общественных местах совет имеет право подвергать членов сословия ответственности в дисциплинарном порядке вплоть до исключения из сословия [2,87].

Итак, в деятельности советов ясно обозначались две функции: с одной стороны, установление общих правил, обязательных для присяжных поверенных, создание разного рода сословных институтов, определение общих условий и порядка их деятельности; с другой стороны, осуществление этих правил, направление текущей работы этих институтов. Первую функцию следует отнести к организационной, вторую – к распорядительной. В совокупности организационная и распорядительная деятельность составляли две грани административной деятельности совета и его деятельности по управлению сословием.

За проступки, несовместимые со званием присяжного поверенного, адвокат подлежал дисциплинарной ответственности перед советом присяжных

поверенных, выступавших в качестве первой инстанции, и судебной палатой во второй инстанции. При этом лица, исключенные из числа присяжных поверенных, лишались права повторно поступать в это звание на всей территории России.

Дисциплинарное производство возбуждалось по сообщениям учреждений, частных и должностных лиц, ходатайствам самих присяжных поверенных и их помощников о рассмотрении их действий и по непосредственному усмотрению совета. Так, совет мог возбудить дисциплинарное производство на основании дошедших до него сведений о неправильных действиях поверенного. По форме сообщения подавались в письменном виде на русском языке. По результатам проверки сообщений совет постановлял о возбуждении или невозбуждении дисциплинарного обвинения в зависимости от обстоятельств дела.

При привлечении присяжного поверенного к дисциплинарной ответственности совет приглашал нарушителя на заседание для дачи объяснений лично, а в случае неявки нарушителя постановлял решение на основании имеющихся у него сведений. Постановления совета имели силу, если в голосовании принимали участие больше половины членов (при равенстве голосов голос председателя был решающим). Для запрещения практики и исключения из списков присяжного поверенного необходимо было абсолютное большинство голосов членов совета, т.е. более $\frac{2}{3}$ голосов.

Существовало два вида дисциплинарных приговоров: первый касался постановлений, вынесенных советом, второй – определений палаты. Любое постановление, изданное советами, могло быть отменено судебной палатой по чьим-либо жалобам. Жалобщиками могли являться как наказанные присяжные поверенные, так и прокуроры, причем определения по жалобам и протестам, вынесенные судебными палатами, считались окончательными, а жалобы на них можно было приносить лишь в порядке надзора.

Одной из важных функций совета являлась организация помощников присяжных поверенных, которых адвокаты имели право пригласить только с разрешения совета.

В Учреждении судебных установлений были определены предъявляемые к присяжным поверенным условия, фактически совпадающие с требованиями, предъявлявшимися к судьям. В соответствии со ст. 354 данного акта присяжными поверенными могли быть лица, имевшие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук либо «о выдержании экзамена в сих науках, если они сверх того

прослужили не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел», или состоявшие не менее пяти лет кандидатами на должности по судебному ведомству, или если они занимались судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников [12,71].

Согласно ст. 355 Учреждения судебных установлений присяжными поверенными не могли быть:

- не достигшие 25-летнего возраста;
- иностранцы;
- объявленные несостоятельными должниками (банкротами);
- состоявшие на службе от правительства или по выборам, за исключением лиц, занимавших почетные или общественные должности без жалованья;
- подвергшиеся по судебным приговорам лишению или ограничению прав состояния, а также священнослужители, лишенные духовного сана по приговорам духовного суда;
- состоявшие под следствием за преступления или проступки, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, а также те, которые были под судом за такие действия и не оправданы судебными приговорами;
- исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ или дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат;
- те, кому по суду были воспрещены хождения по чужим делам, а также исключенные из числа присяжных заседателей [12,72].

Вышеуказанным законом был определен и порядок поступления в число присяжных поверенных. Желаящий должен был подать прошение в совет присяжных поверенных, приложив к нему все документы, подтверждающие, что проситель удовлетворяет необходимым по закону условиям. Если совет удовлетворял просьбу кандидата, тот должен был на основании ст. 381 Учреждения судебных установлений дать присягу.

Существенно, что в силу ст. 381 Учреждения судебных установлений каждый адвокат присягал «по правилам своего вероисповедания». Эта норма неукоснительно соблюдалась. Например, у начинавшего в Перми адвокатскую карьеру М.И. Хволоса присягу принимал раввин, а присягавший целовал не крест, а слова Святой Библии; первый адвокат-татарин г. Казани С.Г. Алкин целовал слова Святого Корана, а присягу у него принимал мулла уездной мечети [13,41].

Поскольку Судебные уставы 1864 г. предусма-

тривали несовместимость статуса присяжного поверенного со многими профессиями, в том числе с преподаванием, многим из тех, кто избрал для себя путь адвокатуры, пришлось оставить прежнюю службу.

По уголовным делам присяжные поверенные принимали на себя защиту подсудимых либо по соглашению, либо по назначению председателя суда. В уголовных делах, подлежащих ведению общих судебных учреждений, часто практиковалось назначение официальных защитников. По просьбе подсудимого председатель суда назначал ему защитника из состоящих при суде присяжных поверенных, а за недостатком этих лиц – из кандидатов на судебные должности людей, известных председателю своей благонадежностью. Председатель суда обязан был также назначить защитника по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними лицами от 10 до 17 лет, независимо от желания самих несовершеннолетних, а также их родителей или попечителей. Отказываться от таких поручений присяжные поверенные могли только по уважительным причинам [2,95].

В то же время ст. 400-403 Учреждения судебных установлений присяжным поверенным запрещалось:

- покупать или каким-либо другим способом приобретать права своих доверителей по их тяжбам;
- вести дела в качестве поверенного против своих родителей, жены, детей, родных братьев, сестер, дядей и двоюродных братьев и сестер;
- быть поверенным обеих спорящих сторон или переходить от одной стороны к другой по одному и тому же делу;
- оглашать тайны своего доверителя.

Кроме того, присяжный поверенный, назначенный для производства дела, не мог отказаться от исполнения данного ему поручения, не предоставив достаточных для этого причин. Если же он переезжал в другой город, то обязан был передать находящиеся у него дела, с согласия своих доверителей, другому присяжному поверенному.

Каждый присяжный поверенный обязан был вести список дел, порученных ему, и представлять его в совет поверенных по первому его требованию.

В судебном заседании присяжные поверенные были вправе отстаивать интересы подсудимого всякими законными способами, однако обязаны не допускать «недозволенных» приемов. Так, в силу ст. 745 Устава уголовного судопроизводства в своей речи «защитник подсудимого не должен ни позволять себе нарушать должное уважение к религии, закону и установленным властям, ни употреблять выражения, оскорбительные для чьей бы

то ни было личности» [15,497]. Согласно ст. 395 Учреждения судебных установлений присяжные поверенные могли заключать с клиентами письменные условия о гонораре за ведение дела, а ст. 396 предусматривалась особая такса.

В законе определялось, что размер этой «особой таксы» будет устанавливаться Министерством юстиции по представлениям судебных палат и советов присяжных поверенных каждые три года. Однако такса, впервые установленная в 1868 г., сохранялась весь период существования присяжной адвокатуры в России. При определении размера гонорара в расчет принималась прежде всего цена иска. По делам, не подлежащим оценке, гонорар определялся судом исходя из значения и важности дела для тяжущихся сторон, их материального положения, времени и труда, затраченного поверенным. Эта сумма могла составлять от 50 до 1200 рублей. За ведение дела в первой инстанции присяжный поверенный получал $\frac{2}{3}$ определенного таксой гонорара, во второй инстанции – $\frac{1}{3}$, в кассационном департаменте Сената – $\frac{1}{4}$. Примечательно, что сумма гонорара в случае проигрыша дела уменьшалась: присяжный поверенный истца получал $\frac{1}{4}$, а поверенный ответчика – $\frac{1}{3}$ положенного ему гонорара.

Из вознаграждений, полученных присяжными поверенными, удерживался определенный процент, отчисляемый на вознаграждение присяжных поверенных, которые вели дела по назначению председателей судебных мест. Собранные таким образом средства распределялись Министерством юстиции между судебными округами пропорционально числу защитников, назначенных председателями из числа присяжных поверенных. В рамках судебных округов суммы распределялись советами присяжных поверенных.

Обратимся к вопросу взаимоотношений государства и адвокатуры. Как отмечалось выше, сословие присяжных поверенных в России, хотя и являлось инструментом, созданным государством в рамках судебной системы и, безусловно, подотчетным органам власти в лице судебных палат и Правительствующего сената, тем не менее, имело четкую структуру самоуправляемой корпорации.

При оценке автономии адвокатуры по отношению к государству, считает Н.В. Черкасова, необходимо принять во внимание правовые нормы, регулировавшие отношения между сословием и государством, и особенно ту напряженность, которая существовала между ними. Несмотря на то, что процессуальные права адвокатуры в суде были невелики, она все-таки, с точки зрения идеологов монархической системы государственного устройства, активно участвовала в подрыве государствен-

ной власти самым фактом своего существования.

К концу XIX в. в практике участились случаи обыска защитников при появлении последних в тюрьмах, отмечался рост дисциплинарных дел в отношении присяжных поверенных, нередко были случаи осуждения адвокатов по ст. 279 Уголовного уложения (анархизм). И.В. Гессен по этому поводу писал, что нужно лишь удивляться, как удобно оказалось для правительства использовать либеральные нападки на адвокатуру в целях искоренения ее независимости, т.е. уничтожения самой сущности ее [7,138].

Непоследовательность реформ и деятельность революционно-террористических организаций (народников) привели в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. к обострению социально-политической обстановки в стране.

Собиравшийся продолжить либеральные реформы царь-реформатор Александр II был убит террористами-народовольцами 1 марта 1881 года. После этого новый император Александр III стал на путь контрреформ, а его правительство, из которого были изгнаны либерально настроенные министры (Лорис-Меликов, Милютин, Абаза), взяло курс на укрепление самодержавия, усиление роли дворянства и укрепление репрессивного аппарата. Был издан ряд актов, усиливающих власть Министерства внутренних дел и полиции.

Подобные трансформации не могли не отразиться на институте присяжных поверенных, выражаясь, прежде всего, в выхолащивании его демократических начал. Так, уже 19 октября 1865 г. были утверждены «временные правила», согласно которым должности вновь принятых адвокатов утверждал министр юстиции, чем нарушалось гарантированное Судебными уставами 1864 г. исключительное право советов присяжных поверенных принимать в состав сословия новых лиц. Высочайше утвержденная инструкция от 1 апреля 1871 г. сохранила все пункты этих правил во вновь созданных судебных палатах и окружных судах. Более того, 5 декабря 1874 г. был издан «временный» закон, приостановивший дальнейшее учреждение советов присяжных поверенных, поскольку те якобы не оправдали возложенных на них задач. Появление данного закона явилось частью общего наступления правительства на прерогативы адвокатуры, проводившегося, однако, без заранее разработанного плана, стихийно, сообразно потребностям текущего момента. Только в 1904 г. власти исправили этот закон, в результате чего советы присяжных поверенных открылись при многих судебных палатах.

Еще одним серьезным ударом по формировав-

шемуся сословию присяжных поверенных стала институционализация частных ходатаев. Согласно Закону 1874 г. вести судебные дела разрешалось не только присяжным, но и частным поверенным. Ими могли быть лица, получившие высшее юридическое образование или удостоверившие суд в своих познаниях. Другие требования к кандидатам в частные поверенные были обычными: грамотный, совершеннолетний и не учащийся, не отлученный от церкви и не исключенный со службы, из своего сословного общества или из ходатаев по чужим делам, а также не лишенный по суду всех прав состояния за деяния, влекущие такое лишение прав. Согласно ст. 406 Учреждения судебных установлений женщины не могли получать звание частного поверенного [10,32].

Если сословие присяжных поверенных, по мысли составителей Судебных уставов 1864 г., являлось необходимой составной частью судебного организма, то частные ходатаи с характерной ущербностью знаний и неразборчивостью приемов лишь умаляли достоинство как адвокатуры, так и правосудия в целом. Вот как описывает деятельность частных ходатаев Е.В. Васьковский: «Деятельность этих мужицких логографов приносит огромный вред. В числе зол деревенской жизни, высасывающих здоровые соки народного организма, резко выделяется язва так называемой ходячей, кабацкой или подпольной адвокатуры, не стесненной никаким контролем в праве писать, что угодно, кому угодно и куда угодно, позорящей и унижающей звание адвоката» [5,355].

Главным доводом в пользу учреждения института частных поверенных была малочисленность их сословия. Кроме того, с помощью института «права ведения трех дел» власти стремились упорядочить деятельность многочисленной массы «непатентованных» ходатаев. Этот институт предусматривал допуск любых правоспособных лиц к ведению дел, находящихся в производстве мировых судей, но не более чем по трем делам в течение года в пределах одного и того же мирового округа.

Никаких профессиональных ассоциаций частные поверенные не имели. В отличие от присяжных поверенных на них не лежала обязанность вести дела по назначению суда. Частные поверенные осуществляли главным образом представительство тяжущихся по гражданским делам, хотя не отказывались и от ведения уголовных дел, если это сулило хороший гонорар.

Таким образом, к началу XX в. адвокатская практика (вопреки идее составителей Судебных уставов) не только не сосредоточилась в руках присяжных поверенных, а разделилась между ними, их

помощниками и частными поверенными. Вместо одного сословия образовалось три, за последующие 40 лет сравнившиеся по численности: к 1914 г. об-

щее число присяжных поверенных достигло 5658, помощников присяжных поверенных – 5489, частных поверенных – 5397 [16,95].

Библиографический список

1. Адвокатура России. Под ред. Е.Я. Черномордика. М.: Юрайт, 2010.
2. Адвокатура в России. Под ред. Г.Б. Мирзоева. М.: Юнити, 2010.
3. *Ануфриев В.М., Гаврилов С.Н.* Организация и деятельность адвокатуры в России. М.: Юриспруденция, 2001.
4. *Арсеньев К.К.* Заметки о русской адвокатуре. Тула: Автограф, 2001.
5. *Васьковский Е.В.* Организация адвокатуры. Ч. 1. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1893.
6. *Васьковский Е.В.* Будущее русской адвокатуры. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1895.
7. *Гессен И.В.* История русской адвокатуры. М.: Юрист, 1997.
8. История русской адвокатуры. 1864-1914. Т. 3. Под ред. М.Н. Гернета. М.: Совет присяжных поверенных, 1914-1916.
9. *Лешков В.* Вопросы судопроизводства. Юридическая газета 1866; 1: 5-7.
10. Правила и программы на получение звания частного поверенного, с разъяснениями Правительствующего Сената. Сост. В. Максаков. М., 1908.
11. Положение о введении в действие Судебных уставов. Полный свод Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. 2-е изд. М., 1866.
12. Российское законодательство X – XX веков. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1994.
13. *Смирнов В.Н., Усманов Р.Р.* История адвокатуры Среднего Урала. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1999.
14. Учреждение судебных установлений. Полный свод Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. М., 1866.
15. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Альфа, 1996.
16. *Юрьев С.С.* Адвокатура России. М.: Юрайт, 2011.

M. I. LAVITSKAYA

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN BAR DURING THE PERIOD FROM 1864 TO 1917

Article is devoted to the problems of development of the Russian Bar in the post-reform period. The author has been identified evolutionary changes in the system of legal protection in Russia after the judicial reform of Alexander II to 1917.

Key words: *system of legal protection, the Russian Bar, judicial reform.*

Т.С. МИЛЮКОВА

старший преподаватель кафедры философии и истории Орловского государственного аграрного университета
Тел. 8 910 267 21 86

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЗЕМСТВ В ПРОВЕДЕНИИ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

В статье анализируется участие земств в проведении столыпинской аграрной реформы: расширение правительством полномочий земств, отношение земских деятелей к реформе, проводимые самими земствами мероприятия. В статье использованы материалы Орловской губернии.

Ключевые слова: земства, столыпинская аграрная реформа, расширение компетенций, землеустройство, кредитование.

При проведении аграрной реформы в первых десятилетиях XX в. правительство немалую роль отводило земствам – сельским органам местного самоуправления, созданным «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 г. [3, Приложение].

Их создание было обусловлено трудностями при проведении аграрной реформы 1861 г., когда государство оказалось не в состоянии оказать должную помощь дворянству и крестьянам в перестройке жизни села на капиталистические рельсы. Государство отдавало земствам функции управления так называемыми «...»несущественными» для него хозяйственными делами уезда и губернии» [7, 100]. К ведению вновь созданных органов относились дела народного образования, здравоохранения, обеспечение народного продовольствия, «прекращение нищенства», содержание благотворительных учреждений, тюрем, развитие местной промышленности и торговли, путей сообщения, страхование имуществ, ветеринарная служба, защита посевов от вредителей и др. [3, 175-177, 183-186]. Уездные и губернские земства не имели общероссийских, центральных органов и подчинялись местным губернаторам и министру внутренних дел. Их финансовая самостоятельность была весьма условна, т. к. основой этого вида деятельности являлись «... определенные земские сметы и расклады, составленные ... по уездам и губерниям» [2, 123], после одобрения их земским собранием эти документы «... представлялись на рассмотрение губернатора, который мог их опротестовать в двухнедельный срок» [2, 124].

Земства были представительными общественными органами, члены которых избирались от трех курий, разделенных по имущественному признаку. Своеобразием их состава стало преобладание дворянства, избираемого не только от крупных и средних землевладельцев, но также от малоимущих и

неимущих. Такое представительство объясняется тем, что выбирали лиц, известных своими деловыми и личными качествами, а именно дворяне были «на виду»; они же имели время для занятия общественными делами.

С самого начала своей работы, а затем при ускорении темпов реформирования села в 1880-х гг. земства занимались не только вопросами, непосредственно входившими в сферу их компетенции (например, помогали крестьянам налаживать сбыт продукции, разрешать споры и др.). После земской реформы 1890 г. эти органы внесли исключительно значимый вклад в дело распространения агрономического опыта, агрономического образования, улучшенных орудий труда, создавая опытные участки, поля, сельскохозяйственные выставки, помогая некоторым продолжить свое образование в крупных культурных центрах России.

Несмотря на изначальный запрет органам местного самоуправления заниматься политической деятельностью, в конце XIX – н. XX вв. появилось такое общественно-политическое течение, как земский либерализм: каждодневно занимаясь крестьянскими вопросами, вникая в сущность жалоб, земцы прониклись сочувствием к социальным низам, появилось стремление убедить власти в необходимости дальнейшего реформирования деревни.

Новый этап этого реформирования начался в период революции 1905-1907 гг. В то время крестьян могло удовлетворить, пожалуй, лишь кардинальное решение аграрного вопроса – передача ему всей или большей части помещичьей земли. Положения же столыпинской аграрной реформы были иными и крестьянство, не доверяя властям и не апробированным способам ведения хозяйства, сопротивлялось даже позитивным ее направлениям. В свою очередь, правительство, возглавляемое П.А. Столыпиным, с недоверием относилось к кре-

стьянам, к возможности проявления ими значимой хозяйственной инициативы (что доказала и практика проведения реформы 1906-1916 гг.).

И в этих условиях изменяется отношение государства к органам местного самоуправления как «малозначимым». С 1906 г. был издан ряд законов, указов, расширяющих их полномочия и финансовую самостоятельность. В документе «Главные начала преобразования земских и городских общественных учреждений» [4, 282-288] к компетенции земств были отнесены вопросы издания постановлений и правил по мелиоративным работам, по борьбе с оврагами и песками, охране лесов, по охотничьему и рыболовецкому промыслу. Им вменялся надзор за торговыми операциями, регулирование торговли семенами сельскохозяйственных растений, участие в учреждениях ссудно-сберегательных и крестьянских товариществ мелкого кредита, создание касс мелкого кредита, помощь в получении долгосрочных ссуд. Земства должны были принимать меры по обеспечению продовольствием сельских обывателей, по предотвращению спекуляции продукцией в неурожайные годы; производить страхование и заведовать страховым делом, обеспечивать пожарную безопасность. Расширились и уточнялись действия земств в области ветеринарного обслуживания. Новые возможности давались этим органам и в деле развития путей сообщения, вплоть до заведования и надзора не только за земскими, но и за правительственными дорогами в данной местности, и до права объявлять реки, протекающие по частным владениям и пригодные для судоходства и сплава «реками общего пользования». Предусматривалось участие земств в развитии железнодорожного сообщения, телефонной и телеграфной связи и др. На осуществление этих мероприятий земствам давалось право на получение казенных средств. Им выделялись средства с подоходного налога, с недвижимого имущества, был отменен закон о пределах земского обложения.

Земствам отводилась важная роль в организации помощи, в первую очередь, крестьянам, пожелавшим вести хозяйство единолично. Особенностью же позиции земств в начале проведения аграрной реформы стало скептическое к ней отношение. Возможно, причина была «... в том, что земства, руководимые кадетствующими политиками, были настроены крайне отрицательно к любым, даже полезным стране и народу делам правительства в духе тех высказываний в виттиевском совещании, что “пока у нас такое правительство, ничего полезного оно не сделает”» [6, 219]. Но пусть первоначально без энтузиазма, деятели земств по-прежнему добросовестно выполняли свою работу. Реформа буксовала: крестьяне неохот-

но выходили из общины, неохотно выделяли землю из общинной собственности, неохотно отправлялись на новые места, не хватало средств, имелись транспортные и др. трудности. Кроме того, юридическое оформление права частной собственности на землю и выделение средств на землеустройство, технику и т. д. нуждалось в подкреплении агрономическими знаниями: умением пользоваться техникой, владение приемами обработки земли и др. Распространение этих знаний приобрело значимые масштабы в 1907-1908 гг., а ведь практика земств в этой области имела место еще в XIX в. Потребовались циркуляры, обращения П.А. Столыпина к земцам с призывами к конкретным действиям. Так, начало активной деятельности земств в губерниях Черноземного центра России по проведению в жизнь реформы «... было положено рядом телеграмм... П.А. Столыпина, который при участии Главноуправляющего землеустройством и земледелием... объяснял важность участия местных органов в поддержке нововведений» [1, 150]. При этом особое внимание уделялось оказанию планомерной агрономической помощи. Главноуправляющий ГУЗиЗ (с 1908 г.) А.В. Кривошеин также стремился привлечь земства к оказанию агрономической помощи хозяйствам, выделившимся из общины. С этой целью он произвел государственное финансирование агрономических отделов земств. Например, в 1910 г. размер пособий земствам на эту работу составил 44% от общей суммы ассигнований на агрономическую помощь в районах землеустройства, в 1911 г. – 50%, в 1912 г. – 52% [6, 219]. Мероприятия по осуществлению реформы финансировались и государственными, и земскими органами, наблюдалась тенденция к постоянному увеличению финансовой помощи земств. Например, в Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерниях “... с 1899 по 1910 гг. земские ассигнования на сельское хозяйство выросли с 17,9 тыс. руб. до 761,9 тыс. руб.” [1, 145].

В период проведения реформы средства на нужды землеустройства в целом по стране «... выделялись по следующим основным направлениям:

1. на содержание агрономического персонала (агрономов, инспекторов, специалистов и агрономических старост);
2. на организацию прокатных станций сельскохозяйственных орудий, зерноочистительных пунктов;
3. на мероприятия показательного характера;
4. на снабжение единоличных владельцев сельскохозяйственными орудиями, семенами, удобрениями путем выдачи ссуд и пособий на улучшение животноводства, организацию складов и т. д.;
5. на внешкольное распространение сельско-

хозяйственных знаний» [1, 141-142].

Во всех названных мероприятиях земства принимали участие, особенно активное с 1910-1911 гг. Например, орловский губернатор С.С. Андриевский говорил, что «...постепенно землеустройство переходит в руки губернского и уездного земств» [1, 148]. Была введена земская Агрономическая организация, которая к 1910 г. имелась во всех земских губерниях, работали сельскохозяйственные Советы, агрономические совещания, центры, сельскохозяйственные отделы и общества. Земства проводили показательные мероприятия: создание опытных участков, полей, выставок, образцовых единоличных хозяйств, их смотров-конкурсов. Они устраивали прокатные пункты, семеноводческие учреждения, «питомники», снабжавшие крестьян бесплатно саженцами, создавали холодильные установки, участвовали в обследовании крестьянских хозяйств (и единоличных, и общинных), выясняли целесообразность перехода к той или иной форме ведения хозяйства (хуторам, отрубам), распространяли сельскохозяйственное образование, организовывали курсы и беседы, издавали брошюры, организовывали поездки крестьян и ходоков в разные районы страны с целью приобретения опыта, создавали семенные контрольные станции, помогали крестьянам в обзаведении улучшенными орудиями труда, инвентарем, оказывали ветеринарную помощь, проводили ветеринарное обследование, производили страхование скота, создавали артели по производству мясных и молочных продуктов и многое другое. Большое значение имела деятельность уездных и участковых агрономов, агрономов-практикантов, инструкторов. Например, к «...1910 г. на территории Черноземного центра России... на агрономической службе состояло 106 специалистов...» [1, 154]. А уже к 1914 г. агрономический персонал только одной Орловской губернии «... насчитывал 173 человека» [5, 88]. В 1913 г. в губернии «...имелось 83 показательных поля и 2117 показательных участков, а всего было израсходовано на сельское хозяйство 9828 руб. В 1915 г. оказалось израсходовано на агрономические мероприятия губернским земством 35688 руб, уездными земствами 34309 руб...» [5, 89]. На Орловщине в 1914 г. насчитывалось 214 прокатных станций и пунктов, действовали курсы по повышению агрономических и агротехнических знаний в 11 уездах, при этом половину расходов оплачивал Департамент земледелия, половину – уездные земства. С уменьшением числа рабочих рук в годы войны возросла необходимость в «... сельскохозяйственных машинах. Соответственно усиливается работа агрономов в кооперации, в частности в деле расширения поре-

бительских обществ, объединении их в приездные бюро оптовых закупок.» [5, 91].

Большое значение имела деятельность земств по кредитованию крестьян. При переходе к хуторскому хозяйству на покрытие связанных с этим издержек указом от 15 ноября 1906 г. Крестьянскому банку разрешалось выдавать крестьянам ссуды под залог их земель. Но это было связано с большим числом формальностей и было неудобно для мелкого кредита. В его предоставлении большую роль сыграли земства. Своеобразен факт, что они оказывали помощь не только единоличникам, но и общинникам. И в 1906-1908 гг. издавались указы и положения, облегчавшие мелкий кредит через местные государственные землеустроительные органы, земства и сельскохозяйственные общества, на деятельность которых стали оказывать большое влияние представители земств. Первоначально «размеры ссуды допускались в пределах, не превышающих 150 рублей на один двор, с условием возврата после льготного пятилетнего срока, в течение десяти последующих лет без начисления процентов и пени» [1, 140], а в случаях неблагоприятного экономического положения конкретных хозяйств разрешались безвозмездные ссуды, но не деньгами, а натуральной помощью (мелиоративные работы, техника, семена, хозяйственные постройки, скот и т. д.). «Всего же расходы правительства на землеустройство с 1906 по 1913 гг. составили чуть больше 100 миллионов рублей, из которых около 22 миллионов было отпущено на выдачу крестьянам ссуд и пособий. Однако... данные ассигнования... являлись явно недостаточными и составляли около 4% бюджетных средств, в то время как расходы на содержание полиции, например, были равны 8%, хотя, к чести правительственных органов, необходимо признать, что они... старались исправить положение, что находит подтверждение в количественном росте ассигнований из года в год» [1, 141]. Правительство и земства предоставляли ассигнования на нужды деревни примерно в половинном размере. Между губерниями средства распределялись, исходя из заявленных требований с мест и из количества мелких самостоятельных хозяйств. Но этого не хватало. Начало I мировой войны обусловило отток средств на нужды армии. Но даже в этих условиях земства наряду с государственными органами продолжали оказывать посильную помощь крестьянству, содействуя развитию кооперации, решению агрономических, экономических вопросов (например, сохраняя и создавая кассы мелкого кредита), распространяя знания и др. Но все это было уже весьма бессистемно. Несмотря на все усилия государственных и земских органов, дальнейшее проведение реформы

становилось невозможным в условиях кризисного состояния в экономической и политической сферах жизнедеятельности государства.

В свое время П.А. Столыпин говорил, что для успешного проведения аграрной реформы России необходимо исключительно мирных двадцать лет, в течение которых все нужды ее внешней политики должны быть подчинены нуждам политики внутренней. Страна не получила этих лет мира.

Сначала смерть реформатора замедлила и без того невысокие темпы преобразований, затем вступление России в I мировую войну почти полностью прекратило их. Большевики, придя к власти, изменили аграрную политику государства, при этом земства были ликвидированы. Но положительный опыт деятельности земских органов самоуправления не остается без внимания до настоящего времени.

Библиографический список

1. *Апалькова Ю.И.* История деятельности государственных и земских органов по реализации аграрной реформы П.А. Столыпина. (На материалах Черноземного центра России). Воронеж, 1997.
2. *Жукова Л.А.* Взаимодействие властных структур и органов земского самоуправления в России. 1864-1917 гг. М., 2000.
3. *Лантева Л.Е., Шутков А.Ю.* Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. М., 1999.
4. *Столыпин П.А.* Программа реформ. Документы и материалы. Т.1. М., 2003.
5. *Пурисова Г.Ф.* Исторический опыт земского самоуправления в России. 1866-1918 гг. (На материалах Орловской губернии). М., 1996.
6. *Тюркавин В.Г.* Великолукское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
7. *Чичерова И.А.* Земское и городское самоуправление в России второй половины XIX в. (Историко-правовой анализ). М., 2000.

T.S. MILIUKOVA

THE ROLE OF ZEMSTVO IN THE CONDUCTING ON STOLYPIN'S AGRARIAN REFORM

The article analyzes the participation in the conduct of zemstvo in putting into practice the Stolypin's agrarian reform: expanding powers zemstvo by government, the attitude by the leaders of zemstvo to the reform, undertaken by the zemstvo activities. The article draws Orel.

Key words: *Zemstvo, Stolypin's agrarian reform, extension of competences, land-tenure, credit.*

А.Ю. САВОСИЧЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры
религиоведения и теологии Орловского государ-
ственного университета

E-mail: sawositchev@mail.ru

Тел.: 8 10 205 85 67

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЯКОВ И ПОДЪЯЧИХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье проанализированы работы отечественных историков XIX – начала XX вв., рассматривавших проблему социального происхождения дяков и подъячих XV – XVII вв. Выявлены основные точки зрения, сложившиеся в среде исследователей данного вопроса, рассмотрена источниковая база, использованная авторами, разобраны их методологические подходы.

Ключевые слова: дяки и подъячие; социальный статус; сословная структура; историография, исторические источники, методология.

В российской историографии достаточно работ, посвященных дякам и подъячим. В то же время можно найти сравнительно немного трудов, где одной из отдельных задач исследования было бы определение социального происхождения и статуса служилой бюрократии. При этом, анализируя историографию проблемы, поставленной в нашей книге, следует, на наш взгляд, исходить из комплексного подхода. Необходимо рассмотреть исследования, посвященные дякам не только XV–XVI, но следующего XVII столетия. Эволюция приказной бюрократии на протяжении этих трёх столетий – непрерывный процесс, понять логику которого возможно только, обозрев все его стадии.

Концептуально интересующие нас исследования распадаются на две основные группы. Представители первой придерживаются точки зрения о том, что дяки в большинстве своём были выходцами из рядов дворянства. Другие, напротив, утверждают, что основная масса дяков происходила из сословных групп, не связанных с дворянством. При этом и те, и другие признают факт неоднородности состава дяков и подъячих и почти не polemизируют друг с другом.

Первым мысль о связи дяков с дворянством высказал, по всей видимости, Г.Ф. Миллер, отметив в своей работе «Известия о дворянах российских»: «много нынешних дворянских родов произошли от дяков» [1, с. 226]. Ниже он сделал оговорку: «Редко, чтобы кто из дворян желал быть дяком» [1, с. 230]. Хотя по своему положению в служилой иерархии чин дяка соответствовал дворянским чинам. Почти дословно тот же вывод был повторен И.И. Голиковым [2, с. 283].

Развил идею Миллера и поставил её на твердую почву исторических фактов Н.П. Лихачев. В

1888 г. вышел в свет его фундаментальный труд «Разрядные дяки XVI века». Одной из задач исследования было «провести мысль о том, что все видные дяки XVI века происходили из служилого слоя» [3, с. XII]. Задача эта была блестяще решена [3, с. 135, 137]. Влияние труда Лихачева на всю последующую историографию трудно переоценить. Не будет преувеличением сказать, что его работа стала своего рода «альфой и омегой» для всех исследователей, кто хотя бы в какой-то мере касался вопроса о социальной природе дячества XVI в.

Пожалуй, единственным, кто высказал определенный скепсис по отношению к выводам Н.П. Лихачева, был Н.Н. Оглоблин: «Исследование г. Лихачева сообщает отрывочные и неполные биографические данные только о некоторых дяках. Однако г. Лихачев решается утверждать, «что огромное большинство приказных дяков XVI века, несомненно, дети боярские, повышенные в дячество» (с. 549). Пусть будет пока (то есть, пока не появятся обстоятельные биографии всех дяков) и так ... » [4, с. 119]. То есть, по мнению Н.Н. Оглоблина, выводы Н.П. Лихачева основаны на анализе лишь небольшой части биографических данных о дяках, что порождает сомнения в адекватности самих выводов. Это только одно и при том не главное обстоятельство. Главная причина скепсиса Н.Н. Оглоблина состоит в том, что его собственные выводы о социальном происхождении служилой бюрократии XVII в. существенным образом разошлись с заключениями Н.П. Лихачева о дяках XVI столетия. «Но ведь XVII век не каменными стенами отделён от своего предшественника» [4, с. 118]. Н.Н. Оглоблин пришел к выводу, что столичное дячество в XVII в. комплектовалось в основном из подъячих, а корпус подъячих московских приказов формировался

в меньшей степени из подьяческих же детей, а в большей – из подьячих провинциальных, переведенных в Москву из уездных учреждений [4, с. 121, 122]. Последние же рекрутировались в основном из «простого всенародства»: пушкарей, площадных и губных дьячков, посадских, духовенства, казаков; стрелецких, казачьих и солдатских детей; гулящих людей (дети служилых и тяглых людей, не попавшие в службу и тягло) [4, с. 122-123, 135-136, 141, 146, 150, 223, 235-236]. Получается очень простой силлогизм: раз дьяки происходили в основном из московских и провинциальных подьячих, а подьячие, в свою очередь, были выходцами из «простого всенародства», то и сами дьяки в итоге рекрутировались из «демократических» слоёв населения.

Насколько справедливы замечания Н.Н. Оглоблина Н.П. Лихачеву, если рассуждать не предвзято? Справедливы. Судя по именному указателю к «Разрядным дьякам XVI века», в книге Н.П. Лихачева приведены сведения о 419 дьяках и подьячих. Из этого списка сразу следует исключить 8 фамилий: это те случаи, когда под разными вариантами своего прозвания упоминается один и тот же человек. Из оставшихся 411 имён 99 содержатся только в приложении, которое представляет собой публикацию документов. Таким образом, у Н.П. Лихачева в исследовательской части его труда обнаруживаются разнообразные биографические сведения о 312 дьяках и подьячих. При этом социальное происхождение определено у 60. Последняя величина примерная, ибо не везде Н.П. Лихачев прямо и недвусмысленно указывает на интересующее нас обстоятельство. Часто встречаются косвенные указания: приводятся необходимые данные, а вывод как бы предоставляется сделать самому читателю. Автор этих строк старался выявить и учесть все такие указания, даже самые смутные. 60 из 312 – это около 19 %. Получается, что выводы, полученные при обработке пятой части всего материала, распространены на оставшиеся четыре пятых. Это одно обстоятельство. Второе заключается в том, что перечень дьяков, имеющийся у Н.П. Лихачева, как и полагал Н.Н. Оглоблин, не полон. Автором этих строк выявлены 1542 дьяка и подьячих XV-XVI вв. против 312 в анализируемой работе. У Н.П. Лихачева упоминаются 39 дьяков Ивана III, социальное происхождение определено у 7. В то же время на сегодняшний день известно 62 дьяка, чья служебная карьера приходилась на 1462-1505 гг. 7 из 62 – это только 11 %. Дьяков Василия III у нашего автора 51 (социальное происхождение определено у 13), Ивана Грозного – 173 (39). Нам известно дьяков, состоявших на великокняжеской службе в 1505-1533 гг., 92; в 1533-1584 гг. – 339. 13 из 92 это

14 %, 39 из 339 – 11,5 %.

Думается, что сомнения Н.Н. Оглоблина в окончательности выводов Н.П. Лихачева о социальном происхождении дьяков XVI в. вполне обоснованны. Впрочем, на всю последующую историографию проблемы соображения Н.Н. Оглоблина никакого влияния не оказали. Во-первых, по всей видимости, благодаря непререкаемому научному авторитету Н.П. Лихачева. Во-вторых, наверное, в силу капитальной фундированности труда «Разрядные дьяки XVI века». Спорить с автором можно было только, заново изучив тот же колоссальный объём источников. Притом такой труд имел серьёзные шансы остаться бесплодным, приведя к тем же выводам, к которым уже пришел Н.П. Лихачев.

Безусловная заслуга Н.П. Лихачёва в том, что он разработал методологию проблемы, выработав способы определения социального происхождения дьяков. Во-первых, исследователь обратил внимание на очевидные случаи, когда социальное происхождение дьяков определяется на основании бесспорных антропонимических и биографических данных: при общей относительной редкости фамилии имя потенциального отца совпадает с отчеством потенциального сына. При этом совпадает и сфера их деятельности [5].

Во-вторых, Н.П. Лихачев учёл ситуации менее очевидные: фамилия дьяка совпадает со служилой фамилией, принадлежность которой к дворянству твёрдо установлена. При этом генеалогия фамилии не приводится, и место дьяка в такой генеалогии не определяется [6]. Естественно, что данный метод продуктивен, когда исследователь имеет место с более или менее редкой фамилией, все носители которой точно или с высокой долей вероятности принадлежали к одному роду.

В-третьих, автором приведён ряд прямых указаний источников на происхождение дьяков из определённых дворянских или не дворянских родов [7]. Такие указания были обнаружены Н.П. Лихачевым в родословных книгах и росписях, писцовых и посольских книгах, актовых и делопроизводственных материалах, Тысячной книге.

В-четвёртых, в некоторых случаях социальное происхождение дьяков определено на основании данных о его родственных связях с известной служилой фамилией [8]. В-пятых, иногда приказной деятель служил дворянскую службу до пожалования в дьяки [9].

Если обобщить данные о методологической стороне труда Н.П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI века», то можно выделить несколько обстоятельств. С одной стороны, автор пошёл как бы по пути наименьшего сопротивления. Нетрудно заме-

тить, что его выводы о социальном происхождении дьяков базируются на наиболее очевидных основаниях: твердых антропонимических данных и прямых указаниях источников. Именно таким образом классифицированы как выходцы из дворянства 70 % всех дьяков, чье социальное происхождение определено у Н.П. Лихачева. У читателя может сложиться впечатление, что применительно и к тем дьякам, чья биография специально не исследована у Н.П. Лихачева, проблема решается столь же легко. В действительности, по нашим подсчетам, на основании твердых антропонимических данных и прямых указаний источников можно определить социальное происхождение только примерно 40 % дьяков и подьячих. В остальных случаях приходится прибегать к более трудоёмким методам, не дающим столь очевидного результата.

С другой стороны, Н.П. Лихачев определил лишь сословное происхождение дьяков, что только половина дела. Для построения полного социального портрета дьяков XVI в. необходимо определить их отношение к земле – главному средству производства феодального общества. Приведённые у Н.П. Лихачева данные о вотчинах и поместьях дьяков представляют собой, по сути, случайную подборку и никак не обобщены. Впрочем, это замечание следует адресовать не лично Н.П. Лихачеву, а всей исторической науке второй половины XIX в., которая в принципе мало места уделяла сюжетам подобного рода.

Ну, и, наконец, последнее. Из 312 дьяков и подьячих, чьи биографии приведены Н.П. Лихачевым, собственно дьяков 269. Подьячих, так и не ставших дьяками, только 43. При этом социальное происхождение определено лишь у троих [10]. Что опять возвращает нас к мнению Н.Н. Оглоблина о том, что выводы Н.П. Лихачева нуждаются в уточнении.

На фоне капитального труда Н.П. Лихачева работы его «оппонентов» выглядят не столь основательно. Они проигрывают «Разрядным дьякам» по общему объёму текста, по количеству привлечённых источников и по аргументированности выводов.

А.И. Маркевич, чья «История местничества» вышла в том же году, что и исследование Н.П. Лихачева, отмечал, что дьяки первоначально происходили из рядов духовенства и несвободных слуг, а с формированием слоя подьячих – из среды последних. Впрочем, ниже, на той же странице автор смягчил категоричность своего вывода: «Рекрутировалось оно [сословие подьячих – А.С.] довольно неопределённым образом: из детей духовенства, дворян и детей боярских, выехавших иноземцев, стрельцов, посадских людей и т.п.; лишь

в половине XVII в. сословие подьячих достаточно обособилось, но и тогда были дьяки происхождения не из подьячих, а из дворян» [11, с. 159]. При этом круг источников А.И. Маркевича не очень широк. Тезис о происхождении дьяков из числа несвободных слуг и духовенства подтверждается ссылкой, во-первых, на духовную вел. кн. Ивана Ивановича, опубликованную в первой части «Собрания государственных грамот и договоров», а во-вторых, на ставший впоследствии хрестоматийным пассаж Курбского из его «Истории о великом князе Московском». Происхождение части подьячих из числа посадских проиллюстрировано одним примером с отсылкой к грамоте из первого тома «Актів юридического быта». При этом А.И. Маркевич сообщает читателю лишь выводы, оставляя за кадром всю их аргументацию.

По тому же пути пошли Н.П. Павлов-Сильванский и С.Б. Веселовский. Н.П. Павлов-Сильванский коснулся вопроса о социальном происхождении дьяков в третьей части своего труда «Государевы служилые люди»: «Они составляли особый класс служащих, состоявший по преимуществу из лиц низкого происхождения. Ряды их до указа 1641 г. беспрепятственно пополнялись не только детьми духовенства, но и посадскими и крестьянами, «торговыми и пашенными людьми». Тем не менее, многие дворяне из незначительных или захудалых, «закосневших» родов, которые не могли выдвинуться службой в придворных чинах, избирали приказную службу» [12, с. 157]. Из источников автор сослался только на известный труд Котошихина.

С.Б. Веселовский высказал своё мнение о социальном происхождении дьяков и подьячих в небольшой работе «Приказный строй управления Московского государства», опубликованной в 1912 г. Исследователь сформулировал два тезиса: «Большинство дьяков происходило из подьячих, выслужившихся после нескольких десятков лет приказной работы. Черную работу в приказах исполняли подьячие, набранные из «всенародства», больше всего из детей духовенства и посадских людей» [13, с. 366, 367]. В силу популярного характера работы, ссылок на источники у С.Б. Веселовского здесь нет. Тем не менее, не прислушиваться к мнению автора нельзя. Оно явно основано на обобщении определённого эмпирического материала. О накоплении в творческой лаборатории С.Б. Веселовского просопографического материала о дьяках и подьячих свидетельствует его знаменитый справочник.

Из трудов «оппонентов» Н.П. Лихачева наиболее основательна работа Н.Н. Оглоблина

«Происхождение провинциальных подьячих в XVII в.», которая вышла в 1894 г. в сентябрьском и октябрьском номерах «Журнала Министерства народного просвещения». О том, к каким выводам пришёл исследователь, мы говорили выше при разборе «Разрядных дьяков». Н.Н. Оглоблин, в основном, опирался на прямые указания источников о социальном происхождении подьячих, черпая данные из делопроизводственных материалов Сибирского приказа и иногда Приказного стола Разряда. Естественно, при таких условиях выводы автора базировались лишь на небольшой выборке из всего возможного материала [4, с. 122]. И ещё, что следует отметить: Н.Н. Оглоблин взял только подьячих, только сибирских приказных изб и только за XVII в., разрешив лишь один и далеко не самый важный аспект проблемы социального происхождения служилой бюрократии XVI – XVII вв.

Своего рода промежуточную позицию заняли Б.Н. Чичерин и И.И. Шимко. Первый в своём труде «Областные учреждения России в XVII в.» отметил, что подьячие в региональные приказные избы избирались местным населением или присылались из Москвы. На местах подьячие выбирались «из всяких чинов, «из каких пригоже», кроме тяглых людей» [14, с. 103]. И.И. Шимко в исследовании «Патриарший казённый приказ» пришёл к выводу, что штат подьячих приказа «поддерживался переводом подьячих их других приказов и определением на приказную службу патриарших детей боярских или новых лиц» [15, с. 18].

С.А. Белокуров в своей работе «О посольском

приказе» вопроса о социальном происхождении дьяков и подьячих не рассматривал, но он коснулся другой важной проблемы: о материальном обеспечении приказной бюрократии. Автор привёл сведения о наличии у дьяков дипломатического ведомства земельных владений (правда, только на одном примере и со ссылкой на Н.П. Лихачева), о размерах поместных и денежных окладов служащих Посольского приказа [16, с. 29, 34, 35].

С.В. Рождественский в книге «Служилое землевладение в Московском государстве XVI в.», пожалуй, впервые выделил проблему землевладения дьяков в отдельный аспект исследования. Однако, автор лишь воспроизвел обнаруженные им сведения писцовых книг, не сделав соответствующего анализа и выводов [17, с. 223-224].

Если переходить к выводам, то необходимо отметить следующее. Именно в дореволюционной историографии были выработаны основные концептуальные подходы к проблеме социального происхождения дьяков и подьячих. Был очерчен круг источников, необходимых для её решения. Разработана методика определения источников формирования кадров служилой бюрократии. В то же время в исследованиях авторов XIX – начала XX вв. вопрос о социальном происхождении дьяков и подьячих не был решен, удалось наметить лишь основные контуры решения. Необходимо было введение в научный оборот новых источников и дальнейшее совершенствование методов их исследования. Большой шаг в этом направлении был сделан уже советской исторической наукой.

Библиографический список

1. Миллер Г.Ф. Известия о дворянах российских. СПб., 1790.
2. Голиков И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т.3. М., 1790.
3. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. М.-СПб., 2007.
4. Оглоблин Н.Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Ч.295.
5. 28 случаев. Это, в основном, сыновья дьяков: Григорий Захарович Гнильевский, с одной стороны, Василий и Яков Григорьевичи Гнильевские, с другой; Федор Васильевич Курицын, Афанасий и Иван Федоровичи Курицыны; Елизар Суков и Василий Елизарович Суков; Елизар Иванович Циплятев и Иван Елизарович Циплятев; Тимофей Григорьевич Клобуков, Иван Тимофеевич Клобуков и Григорий Иванович Клобуков; Афанасий Иванович Курцев и Никита Афанасьевич Курцев; Никита Васильевич Мясного и Андрей Никитич Мясного; Митрофан Федорович Карачаров, с одной стороны, Иван Бакака, Иван Чудин и Третьяк Митрофановичи Карачаровы; Иван Тимофеевич Бухарин и Иван Ишук Иванович Бухарин; Яков Андреевич Витовтов, Григорий и Евдоким Яковлевичи Витовтовы; Данила Федорович Вылузга и Елизарий Данилович Вылузгин; Юрий Семенович Дубровский и Казарин Юрьевич Дубровский; Федор Михайлович Мишури, с одной стороны, Алексей и Семен Федоровичи Мишурины, с другой; Никита Губа Семенович Моклоков и Федор Постник Никитич Губин Моклоков; Иван Григорьевич Связев и Захарий Иванович Связев; Игнатий Тимофеевич Сафонов и Денис Игнатьевич Сафонов; Иван Иванович Сукин и Борис Иванович Сукин; Петр Алексеевич Третьяков Лошаков и Третьяк Лошаков; Алексей Григорьевич Щекин и Борис Алексеевич Щекин; Яков Семенович Щелкалов, с одной стороны, Андрей и Василий Яковлевичи Щелкаловы, с другой.
6. 12 случаев: Сапун Аврамов, Яков Андреевич Витовтов, Сыдавной Васильевич Зиновьев, Федор

Михайлович Мишури, Дружина Петелин; Алексей Полуектов, Матвей Третьяк Михайлович Раков; Юрий Сидоров; Дмитрий Тимофеевич Скрипицын; Василий Борисович Тетерин; Нечай Федоров; Андрей Васильевич Шерефединов.

7. 14 случаев. Из дворян: Никита Васильевич Беклемишев; Владимир Елизарович Гусев; Афанасий Игнатьевич Демьянов, Федор Борисович Еремеев; Григорий Дмитриевич Загряжский; Терентий Григорьевич и Федор Федорович Лихачевы, Леонтий Лодыженский; Данила Киприанович Мамырев, Иван Филиппович Стрешнёв, Иван Дмитриевич Ципля и Елизар Иванович Циплятев, Федор Низовцев Языков. Из купечества: Степан Михайлович Соловецкий.

8. Василий Осипович Янов и Третьяк Долматов.

9. Никита Губа Семенович Моклоков, Сарыч Никитич Линёв; Суморок и Меньшик Путятин.

10. Алексей Федорович Мишури; Василий Елизарович Суков и Федор Низовцев Языков.

11. Маркевич А.И. История местничества. Одесса, 1888.

12. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. М., 2001.

13. Веселовский С.Б. Московское государство: XV – XVII вв. М., 2008. С.366, 367.

14. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С.103.

15. Шимко И.И. Патриарший казённый приказ // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.9. М., 1894.

16. Белокуров С.А. О посольском приказе. М., 1906.

17. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897.

A.U. SAVOSICHEV

PROBLEM OF THE SOCIAL ORIGIN OF CLERKS AND PODIACHI IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX-TH CENTURIES

In article works of domestic historians XIX – the beginnings of XX centuries contemplating a problem of a social origin of clerks and podiachi XV are analysed – XVII centuries Are revealed the basic points of view which have developed among researchers of this point in question, the documentary base used by authors is considered, their methodological approaches are disassembled.

Key words: clerks; the social status; class structure; a historiography, historical sources, methodology.

А.Н. СУДАКОВА

аспирант кафедры истории России Орловского
государственного университета

E-mail: Sunduk88888@mail.ru

Тел. 8 920 082 52 12

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МЛАДШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА
КРАСНОЙ АРМИИ В 1924 – 1930-х гг.

В статье рассматривается материальное обеспечение младшего командного состава и санитарно-бытовые условия его существования в 1924 – 30-х гг. XX века. Проанализированы меры по улучшению материального состояния младшего комсостава, предпринятые ЦК РКП(б), а также их эффективность. Прослеживается связь между материальным положением младшего командного состава и его повседневной жизнью.

Ключевые слова: комсостав, РККА, ЦК РКП(б), материальное положение, РВС СССР.

«Армия всегда должна быть готова к войне» [1, 16], истина, которая будучи явной всем, но которая еще была не достигнута советским правительством, обусловила начало реформы вооруженных сил СССР в 1924 году. По окончании гражданской войны перед Красной Армией была поставлена конкретная задача: за счет уменьшения численности увеличить ее боеспособность путем поднятия до высокого уровня квалификации командного и политического состава и улучшения воспитания, обучения и быта красноармейцев. Боеспособность Красной Армии в военное время определялась моральной, материальной и технической подготовленностью ее в мирное время. Все стороны готовности армии, так или иначе, связаны между собой тесной причинно-следственной связью, являя картину общей ситуации, влияющей на поведение и мировоззрение советского командира, его готовности стать на защиту интересов молодой Советской страны.

Влияние материального положения командного состава 20-х гг. XX века на его повседневную жизнь в отечественной исторической науке широко не изучался. Имеются исследования отдельных вопросов по теме, главным образом в работах Конорева В.В.[2], Минакова С.Т.[3] и Здановича А.А.[4]

Мировоззрение и поведение красного командира зависело напрямую от политики, которую проводила партия в отношении поддержки командного состава Красной Армии. Особенно актуально это для младшего командного состава, поскольку именно он непосредственно влиял на красноармейскую массу и был сильнее подвержен изменениям с материальной стороны обеспечения.

Между тем в армии в 1924 году продолжали наблюдаться серьезные симптомы, которые заставляли с тревогой относиться ЦК РКП(б) к материальной стороне обеспечения советского воина. «Товарищи...

относительно морального, духовного состояния Красной Армии могут служить отчасти те данные, которыми мы уже сейчас располагаем. На Западном фронте, например, имели место случаи отказа красноармейцев выйти из казарм на учение – вследствие раздетости и тяжелых условий жизни красноармейца вообще. Мерами административного и политического характера этот случай был ликвидирован. Однако причины, порождающие подобные грозные явления, не устранены. Нечто подобное тому, что произошло на Запфронте, имело место и в Северо-Кавказском военном округе, в одном из эскадронов 14-й кавдивизии красноармейцы, получая негодный хлеб, выпеченный из муки, доставленной из центрального губерний, стали этим хлебом замазывать портреты тт. Троцкого и Ленина, а также вылепливать из этого хлеба пулеметы, которые направлялись на входивших работников полит – и комсостава. И здесь принятыми мерами устранены эти безобразия. Нужны радикальные меры. Дабы избежать повторения и особенно распространения вышеуказанных явлений», – констатировал Климентий Ефремович Ворошилов на Пленуме ЦК РКП(б) 3 февраля 1924 года. [5, 19] Следует отметить, что положение «красноармейской массы» [6, 21] во многом говорит и о положении младшего командира, поскольку оно существенно не отличалось. Обмундирование, например, у красноармейца даже бывало и лучше, чем у младшего командного состава, поскольку суконого обмундирования ему еще не выдавалось. Эти факты существенно влияли на положение армии в целом, что не могло не беспокоить высший командный состав и партию.

К.Е. Ворошилов на том же пленуме отмечал, что, «несмотря на расстановку сил в Политбюро, оборона страны должна быть обеспечена во что бы то ни стало. За это несли ответственность не отдельные

лица, а весь ЦК, вся партия в целом». [7, 26]

В связи со сложившейся ситуацией планировался ряд решительных мер по улучшению материального благополучия красного командира. Главной, и самой необходимой мерой было повышение заработной платы.

Между тем заработная плата начальствующего состава РККА была еще далека от тех норм, которые можно было бы считать удовлетворительными. Дальнейшее увеличение заработной платы стояло в порядке плана улучшения бытовых условий РККА. Но это увеличение навряд ли можно было достичь путем увеличения фонда заработной платы. Выход из положения надлежало искать в мероприятиях внутри Военного ведомства, которые позволили бы при том же фонде заработной платы все же увеличить содержание начальствующему составу РККА. А если не увеличивать фонд заработанной платы, но обеспечивать рост зарплаты по плану, значит, надо сокращать число командного состава... В докладе заместителя Председателя РВС СССР М.В. Фрунзе о состоянии РККА и Флота и мерах по усилению их мобилизационной готовности от 16 января 1925 года рассматриваются следующие данные по этому вопросу «...анализируя рост государственного бюджета в течение предстоящего пятилетия, можно утверждать, что полное образование мобзапасов дело ряда лет, что видно из нижеследующей таблицы, в основу которой положено ежегодное повышение общегосударственного бюджета на 10 % и размер военного бюджета в 18 % от общегосударственного:

Бюджетный год отношение	Общегосударственный бюджет	Военный бюджет	%%
1925/26	2 460 000 000	443 000 000	18
1926/27	2 706 000 000	487 000 000	18
1927/28	2 976 000 000	535 000 000	18
1928/29	3 273 000 000	589 000 000	18
1929/30	3 600 000 000	648 000 000	18
Итого за 5 лет: 2 702 000 000 рублей.			

Считая, что текущая обеспеченность армии и флота мирного времени, учитывая необходимость дальнейшего повышения зарплаты, усиления денежных отпусков на учебные пособия и оборонительные работы, а также расходы на амортизацию имущества – потребуют ежегодных расходов в среднем не менее 430 000 000, а за пять лет – 2 150 000 000, то на накопление мобзапасов остается всего 552 000 000, что составляет всего лишь 25 % всей мобилизационной обеспеченности». [8, 180]

Таким образом, для выполнения всей задачи потребовалось бы не менее 10 лет. Срок этот в

действительности велик, а потому представлялось необходимым его сократить, что возможно было сделать лишь путем повышения процента военного бюджета от общегосударственного. Например, в старой царской армии в 1913 г. военный бюджет составлял 25,76 % от общегосударственного, а бюджет 1924/25 года – всего 17,66 %, необходимость его повысить хотя бы до 25 % была, как говорится, налицо.

К тому же условия ведения войны в начале XX века и принципы территориального строительства Красной Армии, приведшие к росту значения командного состава, побуждали поставить на очередь дня вопрос об организации командного состава и обеспечения его материальной помощью. Отдельно стоит поставить вопрос о материальном обеспечении младшего командного состава, как самого уязвимого в этом отношении.

Находящийся, например, в 1925 году в РККА младший комсостав срочной службы – это комсостав, выпущенный из войсковых школ осенью прошлого 1925 года. Чтобы произвести его полную оценку, необходимо обратиться к тому, что представляли из себя курсанты, обучающиеся в 1925 году в войсковых школах. Важнейший момент в работе войсковых школ – отбор молодняка в 1925 году прошел весьма неудовлетворительно:

По социальному составу: наибольшее количество крестьян, в среднем 85 – 90 %, рабочих же не более 3 – 4 %, остальные – «прочие». В специальных частях процент «прочих» достигал 16 – 25 %. [9, 951]

По партийному признаку: процент партийцев и кандидатов весьма незначителен. Целый ряд школ почти не имели в своем составе коммунистов, а КСМ насчитывались единицами (ПотВО, ККА).

По грамотности: в школах было значительное число малограмотных, а в некоторых – неграмотных. Этому помогала текучесть состава, благодаря чему школы, вначале укомплектованные более подготовленными, после укомплектовывались малограмотными.

Физическое состояние курсантов также было неудовлетворительно, что создавало текучесть состава.

Слишком малый был процент добровольно желающих поступить в школы. Принудительный набор в 1925 году дал плохие результаты, как в смысле социальной и партийной прослойки, так и в смысле общего настроения курсантов.

Нельзя не отметить, что признаку волевых качеств курсантов, к сожалению, не уделялось никакого внимания, а между тем этот признак должен быть объектом особого внимания, наравне и даже в

большей степени с признаками грамотности, социального положения, общего развития и др. [10, 952]

Таким образом, в отношении укомплектования войсковых школ, отбора в них курсантов в 1925 году были значительные недостатки, что при небеспеченности в материальном отношении и руководящим составом учебы дало плохие результаты, которые и стали сказываться, когда эти курсанты стали младшими командирами. Кроме того, выпущенный осенью 1925 года из войсковых школ младший комсостав не пользовался авторитетом среди рядовой массы красноармейцев. Вышеуказанные причины способствовали этому, кроме причин внешнего характера, как, например, плохое обмундирование, изношенное и истрепанное учебой, вынуждающее младшего командира являться перед строем в неряшливом виде, чем вызываются насмешки со стороны молодых красноармейцев, одетых в новое обмундирование. Неавторитетный командир или замыкается в себе, или же переходит на панибратство, совершенно теряя свой командирский облик. [11, 15] Часто несдержанное отношение среднего и старшего комсостава по отношению к младшему подрывало слабый авторитет младшего командира. Не обладая достаточной силой воли и настойчивостью, не воспитанный в этом направлении в войсковой школе, младший командир терялся перед рядовой массой, часто преувеличивая представление о своей безопасности.

Из такого положения вытекает и отношение к службе младшего командира. Имея большую, чем рядовой красноармеец, нагрузку, младший командир тяготился службой и часто не выполнял своих обязанностей. Это еще усугублялось тем, что ротные командиры, из-за отсутствия достаточного числа рядовых красноармейцев (особенно в кадрах тервойск), посылали в караулы и на различные работы младший комсостав наравне с рядовыми красноармейцами. Этим подрывался авторитет младшего командира и еще более перегружал его обязанностями, не давая возможности самоусовершенствоваться. Такое положение вещей создавало угнетенное состояние младшего командира и вызывало небрежное отношение к служебным обязанностям.

Наблюдались также случаи, когда средний комсостав вел себя несдержанно по отношению к младшему командиру. Гневные окрики и выговоры в присутствии рядовых красноармейцев, пренебрежительное отношение к познаниям младшего командира подчеркивали его неавторитетность и еще более угнетали настроение младших командиров. Средний комсостав забывал, что перед ним стоит задача быть ближе к младшему командиру, дотя-

нуть его до себя, отдаляясь сам, он отдалял от себя младшего командира, который, не поддержанный сверху, опускается вниз в смысле своей неавторитетности. [12, 952]

В общем младший комсостав был довольно дисциплинирован. Наблюдающиеся случаи невыполнения приказаний больше относятся к младшему комсоставу, задержанному в армии сверх срока службы (СибВО), но непонимание основ дисциплины – общее явление. Грубое применение своих дисциплинарных прав встречалось очень часто. Рядовые красноармейцы выражали часто большое недовольство излишней суровостью взысканий и даже имелись случаи угроз в адрес младших командиров.

Имеются и обратные изложенному случаи, когда младший командир совершенно не применял своих дисциплинарных прав. Имеются случаи массового неисполнения приказа (СибВО, когда младший комсостав на приказание идти в составе команд на обед ответил забастовкой).

В среднем срочнотрудовой младший комсостав получал от 3 руб. 50 коп. (отдельком) до 5 руб. 50 коп. (помкомвзвода). [13, 952] Этого, в общем, было недостаточно. На эту сумму он не мог удовлетворить своих культурных потребностей, тем более, что младший командир был вынужден для текущей работы покупать бумагу, карандаши, т.к. казенные не всегда выдавались. На почве материальной небеспеченности происходило много недоразумений, жалоб, заявлений и даже зарегистрированы случаи самоубийств.

Обмундирование младшего комсостава, как уже указывалось выше, неудовлетворительно и почти всегда хуже, чем у рядового состава в первый год службы. Невозможность замены обмундирования, неиндивидуальная пригонка его делали вид младшего командира чрезвычайно неуклюжим и некомандирским, не могущим служить примером для рядовой массы.

В отношении пайка также были нарекания. Но это не общее явление. Такие случаи надо отнести или к бесхозяйственности части, или же к привычке младшего командира потреблять пищу дома в большем количестве и неудовлетворительности «калорийным» питанием. В связи с неудовлетворенностью пищей имелись случаи нарекания и недовольство на средний и старший комсостав, «который, получая больше, лучше питается». [14, 952]

Сверхсрочнотрудовой младший комсостав в материальном отношении (жалование) находится в более лучших условиях. Но, как показал опыт, материальная обеспеченность его была недостаточна, и желающих остаться на сверхсрочной службе было

невелико. Норма сверхсрочнослужащих, установленная приказом РВС СССР 1925 года № 990 (около 26 ½ тысяч), далеко не заполнена (имеется в армии около 16 тысяч); 40 % установленной нормы пока пустует.

Из материалов, поступающих в Главное управление и ПУР, тоже отмечается малая заинтересованность в оставлении на сверхсрочной службе. Этому способствовало то обстоятельство, что материальные преимущества, предоставленные приказом РВС СССР 1924 года № 1288 (Приказом РВС СССР № 1288 от 13 октября 1924 г. вводились в действие с 1 ноября 1924 г. «Временное положение о прохождении службы сверхсрочнослужащими младшего комсостава в строевых частях РККА»), [15, 952] не выполняются. Так, например, суконное обмундирование и сапоги, которые должны получать сверхсрочнослужащие, не выдавались. Условия жизни почти ничем не отличались от срочнослужащего младшего комсостава. Неблагоприятные общие условия расквартирования войсковых частей не позволяли выделять помещения для сверхсрочнослужащих отдельно от размещения рядовых красноармейцев, и семейный в большинстве случаев младший комсостав принужден был нанимать квартиру из своего заработка.

В среднем младший комсостав сверхсрочной службы получал жалованье в размере: по первому году службы – от 28 рублей (ком. отделения) до 40 руб. (старшина); по второму году – от 28 до 45 рублей и по третьему – от 30 до 50 рублей.

В то же время было очень мало младшего комсостава, дослужившего до 3-го года службы, и большая часть служит по 1-му или по 2-му году.

Недостаточная материальная обеспеченность, с одной стороны, не привлекала на сверхсрочную службу младший комсостав срочной службы, а с другой стороны, создавала тягу домой у оставшихся на сверхсрочной службе.

Военная подготовка и общее развитие сверхсрочнослужащего мл. комсостава были неудовлетворительны. Имелась необходимость в создании какой-то повторной учебы для сверхсрочнослужащего младшего комсостава.

«В общем и целом надо признать, что политико-моральное состояние младшего комсостава было неудовлетворительно. Это объясняется комплексом причин, изложенных выше. Главное, на что было необходимо обратить внимание, – это: а) улучшение отбора в войсковые школы, введение в признаки, по которым производится отбор, признак волевых качеств. Результаты укомплектования в войсковые школы в 1926 году дают надежду на лучший младший комсостав в будущем; б) подня-

тие авторитета и бережное отношение к авторитету младшего командира; в) поднятие общей культуры во взаимоотношении всего состава армии (главным образом, среднего, младшего и рядового составов); г) улучшение материального положения младшего комсостава; д) выполнение всех преимуществ, предоставленных приказом РВС Союза 1924 года № 1288 в отношении сверхсрочнослужащего младшего комсостава. [16, 1]

В 1926 году младший командный состав продолжает жить в ужасающих условиях. В отношении мобилизационных запасов положение обостряется тем, что до сих пор жили на старые запасы. Комиссия Обороны должна была принять ряд серьезных решений по улучшению мобилизационной подготовки. Катастрофическим продолжало оставаться положение с военной промышленностью. Размер недодела в 1926 году был не меньше 14 млн. руб. Цены несколько не уменьшались, а, наоборот, вырастали. Росла и квалификация командного состава. Необходимо было улучшить положение строевых командиров и в особенности квалифицированных специалистов, находящихся в рядах армии. Младший комсостав должен был быть одет в суконное обмундирование. «Если мы в ближайший год не улучшим материальных и бытовых условий Красной Армии, это будет угрозой для морального состояния наших вооруженных сил», – считал К.Е. Ворошилов. [17, 48]

Состояние и перспективы в строительстве вооруженных сил СССР были следующими.

Во-первых, в соответствии с ростом армии и изменением ее внутренней структуры рос и изменялся военный бюджет.

В абсолютных цифрах динамика ассигнований по Красной Армии за три года представляет следующую картину:

1926/27 г. – 634,5 млн. руб.

1927/28 г. – 742,4 млн. руб.

1928/29 г. – 850,7 млн. руб.

Увеличение в % к предыдущему году по военному и общегосударственному бюджету составляет:

1927/28 год – +17 % воен. бюджет +21,7 % общегос. бюджет

1928/29 год – +14,6 % воен. бюджет +27 % общегосударственный бюджет

Таким образом, рост военного бюджета с 1927 года принял почти стабильную форму, в то же время значительно отставая от роста общегосударственного бюджета. «Этот факт чрезвычайно важен: он говорит, во-первых, о недостаточности ассигнований на оборону, поскольку эти ассигнования систематически отстают от других областей народнохозяйственной жизни; во-вторых, он убе-

тельно опровергает разговоры о «милитаризации» бюджета и о его перенапряженности расходами на армию. По количеству военно-морских расходов на душу населения мы стоим на одном из последних мест. Бюджет Красной Армии в 850 млн. червонных рублей, по сравнению с бюджетом Великобритании в 175 млн. фунтов стерлингов (1.750.000.000 зол. рублей), кажется просто незначительным». [18, 98]

Изменения во внутренней структуре бюджета характеризуются следующей таблицей, отмечающей в % удельный вес того или другого расхода в бюджете: [19, 103]

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Денежное личное довольствие	24,3 %	20,9 %	20,2 %
Административно-орг. расходы	4,6 %	4,3 %	3,7 %
Натуральное довольствие	33,3 %	31,3 %	30,3 %
Техническое снабжение	34,9 %	40,8 %	42,6 %
Учебно-культ. просвет. расходы	2,9 %	2,7 %	3,2 %

Эти процентные отношения указывают на постоянное снижение расходов потребительского характера (денежное и натуральное довольствие) и на постоянный рост расходов на технику и культ.-просвет. нужды. Такое распределение средств внутри бюджета полностью соответствует основным организационным изменениям в структуре армии (рост технических войск) и представляет из себя такой же глубоко прогрессивный факт. Необходимо, однако, отметить, что перелом в расходовании средств был достигнут в значительной мере за счет материально-бытового положения Красной Армии. Ограниченность ассигнований ставила и продолжала ставить перед РВС Союза дилемму: или улучшать быт, или усиливать технику. За последние два года РВС без колебаний выбирал технику. Эта установка остается правильной и в дальнейшем, но усиление техники должно было идти уже не столько за счет материально-бытового положения, сколько за счет общего увеличения военного бюджета.

Во-вторых, материально-бытовое положение Красной Армии. В постановлении Политбюро в отношении материально-бытового положения армии имелась следующая директива: «в течение ближайших трех лет ликвидировать недостатки материально-бытового порядка. Препятствующие нормальному развертыванию боевой подготовки». [20, 97] Уже теперь можно сказать, что это постановление в срок не будет выполнено. Как от-

мечалось выше, потребности вооруженных сил совершенно не укладывались в рамки ассигнований. РВСС принужден был ежегодно перераспределять отпущенные средства, часто принося бытовые нужды в жертву важнейшей задаче – техническому оснащению Красной Армии. Вследствие этого из года в год мы наблюдаем улучшение материально-бытовых условий армии, однако, далеко не достаточное для достижения тех скромных норм, которые были установлены. Особенно тяжело, а в некоторых местах просто катастрофично, обстоит дело с казарменным расположением войск. По отдельным видам довольствия имелась следующая картина.

Питание в армии значительно улучшилось. Калорийность пайка с 3240 калорий поднялась до 3410 кал. В связи с «ржаными» затруднениями в текущем году введена три раза в неделю выдача пшеничного хлеба; это обстоятельство подняло питание до 3609 калорий. В наших условиях нормальным пайком считается 3700 кал. в казарме и 4000 кал. – в лагерно-маневренный период. Таким образом, питание еще не достигло желаемого и необходимого уровня. Но кроме того, далеко не всей армии мы имеем удовлетворительное состояние. Продовольственные перебои еще имеют место в отдаленных местностях, особенно в Дальневосточном крае, где войска целый год сидят на сушеных овощах (все огороды погибли во время разлива). Качественный состав пайка изменился в лучшую сторону, хотя однообразие прежнего солдатского стола («щи да каша – пища наша») далеко не изжито. Еще более неудовлетворительно обстоит вопрос с кухонным оборудованием и созданием культурной обстановки в столовой, что находится в полном соответствии с плохим квартирным положением войск. Слабо организовано в войсках приготовление пищи: в этой области меньше всего изобретательности и больше всего старинки. Поэтому задачей на ближайшее время является не только доведение пайка до установленной нормы, но и рационализация приготовления и оборудования питания необходимыми культурными предметами.

Обмундирование – по ценам 1927/28 года и в стоимости одного годового комплекта повысилось с 51 руб. 30 коп. в 1926/27 году до 57 руб. 28 коп. в 1929 году. Это дало возможность обеспечить кадровый состав сапогами (вместо ботинок), суконным обмундированием в зимний период (вместо летнего), суконной фуражкой (вместо демаскирующей летней), усилить отпуск нательного белья некоторым категориям, дать выходную шинель младшему начсоставу, усилить отпуск спецодежды в морском и воздушном флоте. Но в то же время чрезвычайно

неудовлетворительно обстоит вопрос с обмундированием для переменного состава терчастей, так как до сих пор этого обмундирования недостаточно, чтобы закрепить его индивидуально за каждым переменником, привлекаемым к сборам. Поэтому один и тот же комплект в течение года одевается разными лицами, что влечет за собой изнашивание. Особенно невыгодное впечатление производит изношенное, часто уже ветхое обмундирование на новичков, отбывающих новобранческие территориальные сборы. Поручение Политбюро Реввоенсовету «принять меры к повышению материального обеспечения тердивизий» нельзя считать выполненным. К главнейшим недостаткам обмундирования надо также отнести все еще очень низкое качество тканей. Как правило, вещи не выдерживают установленных для них сроков носки.

Наиболее неблагоприятно обстоит дело с хозяйственным обслуживанием красноармейца. Мы еще не даем в казармы ни зубного порошка (хотя на санпросветчасе и учим гигиене рта), ни зубной щетки (получают только курсанты), ни личного мыла, ни принадлежностей для ухода за платьем и обувью (хотя и требуем содержания того и другого в чистоте). Особенно же плохо поставлено в армии банно-прачечное дело. Причиной здесь является, во-первых, недостаток бань в крупных, перенаселенных гарнизонах и, во-вторых, то обстоятельство, что в текущем году на эту надобность отпускалось на каждого красноармейца 60 коп. в месяц при минимальной потребности в 1 руб. Вследствие этого по целому ряду войсковых частей в прошедшую зиму была отмечена вшивость. РВСС принял решение форсировать устройство в войсках душей – самого дешевого способа мытья.

В денежном довольствии красноармейца никаких изменений не произошло. Выдаваемое ему месячное жалование в 1 руб. 50 коп., конечно, не может считаться достаточным, особенно потому, что красноармеец в натуральном виде не получает целого ряда предметов культурного быта. Но идти здесь на увеличение РВС пока не предполагает, потому что один из множителей настолько велик, что всякая, даже копеечная, прибавка дает очень большую цифру.

Но особенно плохо обстоит дело с квартирным расположением войск. За последние 2 года на строительные нужды было израсходовано 57 млн. рублей, и, несмотря на это, заметного улучшения в этой области констатировать нельзя. Директива Политбюро «обратить внимание на устранение тяжелых квартирных условий войск и начсостава» не могла быть выполнена, так как размер отпускаемых средств далеко не покрывает потребности в них.

Состояние зданий, занятых военным ведомством, к данному моменту таково:

в удовлетворительном состоянии.....	56,01 %
в малоудовлетворительном состоянии...	18,55 %
в неудовлетворительном состоянии.....	25,44 %

Особенную тревогу вызывает третья группа, которая все более приходит в состояние почти полного разрушения. Медленность улучшения квартирного положения войск объясняется, во-первых, тем, что военный жилищный фонд в результате войны был совершенно разрушен и требовал больших капитальных вложений для восстановления; во-вторых, изменение границ на западе и в Закавказье (имеются в виду изменения границ, произошедшие после Октябрьской революции, окончания Первой мировой и Гражданских войн) лишило нас значительной части казарм старой армии и, в-третьих, новые оперативные задачи обороны и рост технических и специальных войск требуют нового строительства в новых пунктах. Поэтому особо невозможное положение продолжает существовать в Белорусском, Средне-Азиатском округах и в Кавказской Краснознаменной Армии, где недостает в % отношении к нормальному размещению:

Белорусский.....	42,5 %
Средне-Азиатский.....	32,7 %
Кавказская Краснознаменная Армия.....	27 %

В некоторых гарнизонах Белорусского округа (например, Бобруйск) перенаселенность достигает угрожающих размеров. Вследствие тесноты красноармейцы размещаются или по 3 на двух койках, или на нарах, или просто на полу. В отношении нормы размещения, по сравнению с другими армиями, Красная Армия стоит на одном из последних мест. Все это усугубляется слабым оборудованием казарменных помещений инвентарем, вследствие чего эти помещения совершенно не создают культурной обстановки, уже необходимой для жизни, учебы и воспитания войск.

Полное изменение недопустимого квартирного положения возможно при затрате таких средств, которые не укладываются в наши пятилетние предположения. Не надо забывать, что строительный вопрос отнюдь не заканчивается казармами. Увеличение мобзапасов и технических средств требует складских помещений, а их состояние на 42 % неудовлетворительно, а по кубатуре – вообще недостаточно. Надо было искать выход, который дал бы возможность добиться перелома в пределах возможных ассигнований. Этот выход РВСС нашел в решительном переходе уже в текущем году к удешевленному типу строительства, вплоть до облегченных конструкций (засыпные бараки) в приграничной полосе, с отказом от внутренних во-

допроводов, канализаций и центральных отоплений. Вместе с общим удешевлением строительства такое решение дает следующую сравнительную таблицу:

	Стоимость одного куб. метра	
	27/28 г.	28/29 г.
1) Казарма рубленая	18 р. 12 к.	14 р.
2) Казарма каменная (трехэтажная)	18 р. 40 к.	16 р.
3) Конюшня на стойло	498 р. – кам.	200 р. – дерев.
4) Складские помещения	9 р. 15 к.	7 р.
5) Квартиры комсостава	27 р.	19 р. 79 к.

И даже при этих мероприятиях и в предположении еще большего удешевления строительства на протяжении ближайших пятилеток на казарменное и складское строительство необходимо израсходовать, по нашим расчетам, минимально 286 миллионов рублей». [21, 104]

За истекший период материальное благосостояние начсостава продолжало улучшаться, но не в такой степени, чтобы покрыть полностью те вопиющие недостатки, которые отмечались в этой области в прошлые годы.

Впервые значительное увеличение денежного содержания начсоставу было произведено к 1 января 1927 г., когда заработная плата была решительно подтянута к среднему заработку по Союзу. За последние два года, кроме подтягивания отдельных групп специалистов в технических войсках, произведено второе общее увеличение заработной платы на 15 руб. в месяц всему начсоставу строевых частей от комвзвода до помощника командира полка. Содержание этих категорий доведено к 1929 году:

комвзвода с 85 руб. до 100 руб.
комроты с 108 руб. до 123 руб.
комбата с 115 руб. до 130 руб.

Материальное положение среднего (комвзвода и комроты) и отчасти старшего (комбат) начсостава остается неудовлетворительным. Высший начсостав, зарплата которого колеблется от 180 руб. до 260 руб., находится в лучшем положении.

Если сравнить зарплату квалифицированных рабочих, например, металлистов, и начсостава РККА, то получаемые цифры говорят об отставании начсостава. Кроме того, необходимо иметь в виду, что рабочий день рабочего строго регламентирован. Этим объясняется, почему квалифицированная рабочая молодежь не шла в военные школы.

Особенно тяжелым было квартирное положение начсостава. Более того, начсостав, безусловно,

находится в несравненно худшем положении, чем остальные группы населения благодаря, главным образом, своей текучести. Военное Ведомство обладало весьма ограниченным количеством зданий; мероприятия местных исполкомов, особенно в перенаселенных пунктах, также были недостаточны. Начсостав в значительной своей части в приграничных местечках принужден был жить на частных квартирах, платя за них несоразмерные с жалованием деньги, этим самым еще более отягощая свой скромный бюджет.

Проблема младшего командира, нужно прямо сказать, к 1930-м гг. была еще не разрешена. Между тем от правильного разрешения этой проблемы в значительной степени зависела боеспособность армии. Младший командир – это примерно тот же самый унтер (унтер-офицер – военнослужащий младшего командного состава. «В русской армии в 1917 г. были звания старшего (взводного) и младшего унтер-офицера, на флоте – унтер-офицер 1-й и 2-й статьи), на котором фактически «держалась» царская армия. И в Красной Армии на младшем командире (отделькоме) лежат чрезвычайно серьезные и весьма ответственные обязанности не только по обучению, но и по воспитанию красноармейцев. По условиям своей работы, находясь в гуще красноармейской массы, младший командир, будучи тесно связан с ней, имеет возможность непосредственного воздействия на красноармейскую массу. Это одно обстоятельство требует, чтобы младший командир был бы и в социально-политическом, и в культурно-бытовом, и в идеологическом отношении вполне «нашим» человеком». [22, 17] Следующий анализ состояния младшего начсостава по социальному, партийному, комсомольскому и политическому признакам подтверждает эту мысль.

Прослойка рабочих в младшем комсоставе возросла по сравнению с 1925 годом на 0,9 % и достигает 21,1 %. Рабочая прослойка в рядовом составе на тот же период возросла на 5,6 % и достигает 18,2 %. Группа крестьян в младшем комсоставе сократилась на 0,2 % (72,8 %), а в рядовом на 7,5 % (75,9 %), группа прочих уменьшилась на 0,75 (в рядовом увеличилась на 1,9 %). Рабочая прослойка в младшем комсоставе сверхсрочной службы на 1. XII – 27 г. ниже на 0,9 % чем во всем младшем комсоставе. Рост рабочей прослойки в младшем комсоставе отстает от роста рабочей прослойки в рядовом составе, и по количеству является далеко недостаточным. Совершенно ненормальным является то обстоятельство, что рабочая прослойка в младшем комсоставе сверхсрочной службы ниже, чем в младшем комсоставе срочной службы.

Партнасыщенность увеличилась к 1. XII – 27 г.

на 3,2 %, комсомольская – на 7,2 %, составляя в общем 37,4 % против 16,4 % в рядовом составе. Среди сверхсрочников этот процент еще выше и достигает 46 %. Общий культурный уровень младшего комсостава далеко недостаточен.

Учитывая все это, РВСС в прошлом году дал директиву об улучшении отбора в полковые школы с тем, чтобы рабочая прослойка в полковых школах была доведена до 30 %, а батрацко-бедняцких элементов до 50 %. Влияние этой директивы в смысле улучшения социального состава младших командиров скажется только в текущем году, после выпуска полковых школ.

В отношении дисциплинированности необходимо признать недостаточную примерность младшего начальствующего состава: на 100 человек младшего начсостава на лето 1927 года приходится 13,1 проступка, средняя цифра по РККА – 12,3. Сверхсрочнослужащий младший начсостав значительно более дисциплинирован: на 100 человек падает 41 проступок. Количество проступков идет главным образом по линии недостаточной культуры, недостатков быта и нечеткой организации службы – 67,8 %.

По политическим настроениям младший комсостав в своей массе растет, но все же недостаточно. Хлебозаготовительная кампания выявила ряд случаев, когда младшие командиры плелись в хвосте, полностью отражая настроения социальных групп. Эта же кампания выявила в ряде частей наличие среди младшего начсостава лиц из социально-чуждых элементов (зажиточных, сыновей попов).

Роль младших командиров, как непосредственных воспитателей красноармейцев, еще очень слаба. Если строевая и боевая подготовка младшего командира значительно повысилась, если он понимает поставленную подразделению задачу и умеет руководить своим подразделением в боевой подготовке, то в быту, в казарме, в ленуголке младший командир недостаточно подготовлен в культурном и политическом отношении и должным авторитетом в глазах красноармейской массы не пользуется. В лучшую сторону в этом отношении выделяется сверхсрочнослужащий комсостав. Это объясняется тем, что полковые школы, давая достаточную теоретическую военную и политическую подготовку, не успевают из-за краткого срока обучения (9 месяцев) привить младшему командиру навыки воспитателя.

Вторым условием разрешения вопроса с младшим комсоставом является подбор и увеличение числа сверхсрочников, которые являются более

авторитетными, лучше подготовленными и более дисциплинированными. До этого года вопрос о создании кадра сверхсрочников упирался в слабую их материальную обеспеченность, а отсюда и незаинтересованность в сверхсрочной службе. Теперь и этот вопрос разрешен благоприятно путем повышения ставок сверхсрочников:

- командир отделения (сверхсрочник) получает 38 р. 80 к.
- пом. ком. взвода – 43 р. 50 к.
- старшина – 61 р. 20 к.

В отношении снабжения обмундированием и др. льгот сверхсрочники приравнены к среднему начсоставу. Это даст возможность сохранить в РККА наиболее ценные элементы (в социальном и специально военном отношении) младших командиров.

Красная Армия имеет надежный, вполне обеспечивающий боеспособность Красной Армии как орудия пролетарской диктатуры политически устойчивый, с хорошими боевыми качествами начальствующий состав. Наиболее насыщенным рабочей и партийной прослойкой является средний командный состав, непосредственно общающийся в повседневном быту с красноармейцами.

Основной задачей должно являться дальнейшее укрепление кадров начсостава, повышение его партийной и рабочей прослойки, особенно в слабых звеньях (морские силы, специальные войска и штабы и особенно преподавательский состав школ и академий). В то же время необходимо уделять еще больше внимания вполне освоенному нами и преданному партии и Соввласти беспартийному начсоставу, его выдвижению, воспитанию и т.д.

Значительного внимания требует к себе также борьба с бюрократическими извращениями в работе начальствующего состава». [23, 105]

Все же следует признать, что материально-бытовое положение Красной Армии к 30-м гг. XX века все еще не гарантировало нормального обучения и воспитания войск, а в отдельных недостатках (казарменное расположение) вреднейшим образом влияло на их политико-моральное состояние. Материально-бытовое положение начсостава было недостаточно удовлетворительным и не соответствующим его служебной нагрузке. В следующем пятилетнем плане предлагалось «обеспечить постепенное улучшение материально-бытовых условий начсостава». [24, 168] Таким образом, строительство армии продолжалось в намеченном направлении.

Библиографический список

1. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 254.
2. *Конорев В.В.* Государственная политика в области культурно-бытового обеспечения командных кадров Красной Армии в 20-е годы XX века. (На материалах г. Ленинграда). Северо-Западная академия государственной службы. СПб., 1997.
3. *Минаков С.Т.* Сталин и его маршал. М., 2004; его же: Военная элита 20-30-х годов XX века. М., 2004 (второе издание – 2006); его же: Советская военная элита 20-х годов. Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль. Орел, 2000.
4. *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная Армия. М., 2008.
5. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 254.
6. Там же.
7. Там же.
8. РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 56.
9. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2161.
10. Там же.
11. *Конорев В.В.* «Государственная политика в области культурно-бытового обеспечения командных кадров Красной Армии в 20-е годы XX века» (На материалах г. Ленинграда). Северо-Западная академия государственной службы. СПб., 1997.
12. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2161.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 44.
17. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 257.
18. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 259.
19. Там же.
20. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 257.
21. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 259.
22. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923 – 1928 гг. Книга 2. М.: Изд-во «Летний сад», 2006.
23. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 259.
24. Там же.

A.N. SUDAKOVA

FINANCIAL POSITION OF RED ARMY'S JUNIOR COMMANDERS IN 1924-1930

The article deals with material support of junior commanders and sanitary conditions of their existence in 1924 – 1930. The measures for improving the material condition of the young commanders, which had been taken by the Central Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks, and how these measures were effective, were analyzed in this article. A connection is traced between the material condition of the young commanders and their daily life.

Key words: commanders, The Workers' and Peasants' Red Army, the Central Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks, the material condition, the Revolutionary Military Council of USSR.

А.В. ФЕДОСОВ

аспирант Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского

E-mail: fedosov-andrey@yandex.ru

Тел. (4832) 51 56 25; 8 961 001 12 19

ГОТЫ И ПРАСЛАВЯНЕ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается история готов (остроготовов) с середины II по конец IV вв. Анализируется «путь в Ойум», характер взаимоотношений готов с коренным населением Северного Причерноморья. Рассматриваются причины экспансии остроготовов после окончания Скифских войн III века, проблема гибели «державы Германариха», последовавших за ней гото-антских войн и роль праславян в данных событиях.

Ключевые слова: готы (остроготы), праславяне, «держава Германариха», гото-антские войны, экспансия готов.

На рубеже Древности и Средневековья произошло событие, которое в течение почти пятисот лет определяло ход исторического развития на огромных территориях Европы, в том числе и на территории современной России. Таким событием явилось переселение готов из Скандзы в Ойум. «Скифские» войны, создание «державы» Германариха, нападение гуннов и разгром готов, их последующий уход из Северного Причерноморья, а также последовавшее за этим развитие праславянства обычно рассматривают в исторической литературе фрагментарно, как цепь отдельных, не связанных друг с другом событий. Причиной этому является скудость, а порой и противоречивость письменных источников. Однако в последние годы появились данные археологических исследований, как отечественных, так и зарубежных, которые позволяют взглянуть на данную проблему несколько по-иному. Основным письменным источником в исследованиях по готскому вопросу является «Гетика» Иордана. Другие источники либо малоинформативны, либо встречаются в исторических документах только в виде упоминаний, не сохранившихся до наших дней. Не углубляясь здесь в подробный анализ «Гетики», можно утверждать, что текст этот полон противоречий и вымысла. Однако большинство историков в своих исследованиях ссылаются именно на него. Поэтому, учитывая слова самого Иордана: «хотя я и не припоминаю самых слов этих книг [имеется в виду 12-томная несохранившаяся «История готов» Кассиодора], однако я уверен, что целиком удержал в памяти и их замысел, и события. Кроме того, я добавил к ним кое-что соответственное из некоторых историй как греческих, так и латинских, перемежая и начало, и конец, и многое в середине собственным своим рассказом» [7, §2-3], мы будем учитывать только те сведения, подлинность которых, по нашему мнению, не вызывает сомнений, да и то только в той части, которая касается истории остроготовов.

Наша цель – показать, что события II – IV вв. были связаны между собой, и основным связующим звеном явились претензии готов на власть в Северном Причерноморье, а также показать существование союза племен для разгрома сил Германариха и Винитария. Историю переселения готов от Скандзы до ухода в Паннонию можно разделить на четыре периода. Первый – от Скандзы до деления на остроготовов и везеготов, второй – «Скифские войны», поражение готов в столкновениях с Римской империей, становление черняховской культуры, третий – начало экспансии племен черняховской культуры, «держава» Германариха, претензии на власть в Северном Причерноморье, четвертый – поражение готов, конец их политического влияния, возникновение праславянских культур.

Готские миграции, положившие начало эпохе так называемого Великого переселения народов, начинаются приблизительно в конце второй четверти – середине II века н.э. Иордан сообщает, что переселение началось по инициативе короля Филимера, который решил вывести свое племя в «страну Ойум», т.е. Скифию [7, §27] (хотя для того, чтобы попасть туда, ему необходимо было только перейти Вислу, которая была естественной границей между Германией и Скифией [7, §31]). Археологические источники свидетельствуют: в указанный им период действительно имело место распространение на юг элементов вельбарской культуры, носителями которой традиционно считаются готы. Переселение не являлось, скорее всего, четко спланированной акцией, затеянной королем. Археологические источники рисуют картину неспешного, растянувшегося почти на столетие, относительно мирного дрейфа готов в южном направлении. По ходу своего движения готы теснили коренные племена (в основном праславянские и близкие к ним), о чем свидетельствует трансформация археологических культур, по территории которых двигались переселенцы.

Так, на востоке пшеворской культуры (Мазовия, Подлясье), населенной в основном вандалами и славянами, с приходом носителей вельбарской культуры в могильниках больше не находят оружия и погребального инвентаря [19, с.39]. На Волыни готы вытеснили с мест обитания представителей зубрицкой группы, ранних славян [9, с.134]. Скорее всего, здесь, по мнению Б.В. Магомедова, произошла описанная Иорданом битва готов со спалами, в которых большинство исследователей видит именно славян. Если так, то это, пожалуй, единственное свидетельство о военном столкновении пришельцев с коренным населением и первое столкновение со славянскими племенами [9, с.125].

Но Иордан пишет, что сражение произошло сразу после форсирования некой реки, разделившей готов, но не сообщает ее названия. Хотя указывает на характер местности. До сих пор у исследователей нет единства в этом вопросе. По нашему же мнению, более важным является вопрос о причинах их разделения. Возможно, это были межплеменные раздоры, но возможно это было и намеренным действием. Было ли это разделение разногласием относительно пути движения или касалось конечной цели переселения? Возможно, дело заключалось в усталости готов. Вероятно, все эти причины имели место. Что же касается названия реки, то вряд ли готы могли обойти громадную заболоченную территорию от Буга на западе до Днестра на востоке по всему течению Припяти, которая, скорее всего, и явилась границей их расселения, что вполне согласуется с археологическими данными, ведь элементы и памятники вельбарской культуры на данной территории и в Прибалтике наблюдаются вплоть до V в.

Вытеснение коренных племен происходит и в верховьях Южного Буга, где до прихода носителей вельбарской культуры функционировали позднезарубинецкие памятники. По поводу их этнической принадлежности до сих пор идут споры. Их приписывают славянам [11], балтам [3, с.78-80], германцам [в частности, бастарнам – 17, с.60], роксоланам или росомонам [18, с.33, 39], некоему неизвестному индоевропейскому народу и их «смесям». Возможно, основным этническим компонентом были венеды – неразделенная еще балто-славянская общность.

В Северном Причерноморье после прихода туда готов произошел второй их раздел по племенной принадлежности на гревтунгов (остроготов, остготов) и тервингов (везеготов, вестготов). Этим событием завершился первый этап переселения готов, который был довольно долгим и относительно мирным. После разделения восточная группа расселилась в Северном Причерноморье, от Днестра до

Дона, а западная – от Днестра до Дуная.

Итак, суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что перед нами не стремительный марш-бросок, а процесс медленного дрейфа довольно большой массы людей из одной местности в другую, с целью расширения своего жизненного пространства. Никакого заранее обдуманного плана похода и видения конечной цели не было, было только общее направление движения – на юг. Возможно, готы имели какие-то смутные представления о тех землях, куда они шли. Ведь готы пустились в путь, привлеченные рассказами о плодородных землях и несметных богатствах южных земель [7, §27]. Более осторожные селились недалеко от прежних мест обитания, те, кто смелее, уходили дальше на юг, за первопроходцами шли новые и новые люди. Еще раз следует отметить, что переселение не было заранее спланированной акцией, иначе бы готы достигли новых земель за год – за два. В пользу этого говорит пример вандалов, которые «на протяжении одного года пришли от океана к нашим границам, несмотря на огромную протяженность [промежуточных] земель» [7, §113] (имеется в виду путь от Балтийского моря до границ Римской империи, около 2 тыс. км). Однако в этом случае данные археологии расходятся с письменным источником, т.к. Иордан прямо указывает на то, что в район Меотиды готы пришли также во главе с Филимером [7, §39]. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с продвижением в сторону Северного Причерноморья отряда воинов во главе с вождем, в то время как остальное племя неспешно продвигалось вслед за ними. В этом случае, это сообщение увязывается с данными археологии о медленном распространении вельбарской культуры на юг.

Приход готов в Северное Причерноморье в III веке был также относительно мирным и спокойным. Источники не позволяют говорить о каких-то крупных военных столкновениях с местным населением в этом регионе в этот период. Тем не менее, приход готов не мог не вызвать раздражения коренных народов своей претензией на власть. По сравнению с коренными племенами, пришедшие племена имели более централизованную потестарную структуру, были более организованы и лучше вооружены [15, §44], а власть готских королей и князей над неготами носила, скорее всего, «заявительный» характер и не была обременительной.

В начальный период активность готов была направлена на провинции Римской империи, которая переживала тяжелейший кризис, известный как «кризис III века», который характеризовался экономическим упадком, разложением армии и императорской чехардой, что и подталкивало варварские

племена к активным действиям. Эти события получили название «Скифских» (т.к. большинство варваров происходило из Скифии) или «Готских войн». Важно, что именно в этот период происходит становление черняховской культуры, которая во многом имеет провинциалноримский характер [20, с.195]. Согласно современным данным, ареал черняховской культуры достигал 400 тыс. км² [5, с.21]. Восточная граница приближалась к Дону, западная – Дунай, а северная – Подесенье.

Несмотря на отдельные успехи (взятие Фанагории, Танаиса, Ольвии, установление на определенный период протектората над Боспором, захват римской Дакии), «Скифские войны» закончились поражением варварских племен. Империя не просто выстояла, но и смогла нанести серьезный урон нападавшим.

Эти события завершают второй этап присутствия готов в Северном Причерноморье. В итоге, не имея возможности получать дань от Рима и военные трофеи, короли гревтунгов постепенно переходят к эксплуатации населения внутренних районов черняховской культуры. Примерно в это же время начинается экспансия готов против венетов киевской культуры. На рубеже III – IV вв. в Правобережном Поднепровье черняховские поселения сменяют киевские [9, с.127]. Впрочем, в этот период готы еще не оправились окончательно от войн с Империей, поэтому в Северном Причерноморье царил относительный мир. Лишь ближе к середине IV века, с приходом к власти короля Германариха (традиционно 350-375 гг.), гревтунги встают на путь активной экспансии. И первой их жертвой становятся племена герулов и венетов.

Германариха оценивают как весьма воинственного правителя. Иордан называет его «благороднейшим из Амалов» и сравнивает с Александром Македонским [7, §116]. Аммиан Марцеллин говорит об «Эрменрихе» как о воинственном царе, «которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов» [1, XXXI, 3]. Иордан пишет, что Германарих владел всеми племенами Скифии и Германии «как своей собственностью» [7, §120], Аммиан фиксирует границы его владений по Дону и Днестру [1, XXXI, 3]. Северную границу владений Германариха он не называет, однако вряд ли «держава» занимала всю территорию черняховской культуры. По мнению Г.С. Лебедева, ее границы совпадали с областью распространения вещей с эмальями [8, с.93], хотя, по археологическим данным, вещи с эмальями встречаются в Прибалтике (Литва, Мазурия), в Верхнем Поочье, Среднем Поднепровье и в Подесенье (урочище «Малинов остров») [19].

Главной целью Германариха являлась попытка создания «державы» – суперсложного вожества (термин впервые употребил Н.Н. Крадин для кочевых обществ), по мнению И.В. Зиньковской, [5, с.7] – на данной территории. Здесь необходимо отметить, что любые объединения того периода: союзы, государства сколачивались мечами – складывались силовыми действиями и принуждением. По Иордану, так действовали готы по отношению к славянским племенам, также поступили впоследствии и гунны в отношении готов. Однако эта попытка привела к нарушению политического баланса сил в регионе. Стремление готского короля создать мощное государство, захватить важнейшие торговые пути (в частности, Волжский путь [21, с.27]) и единолично получать доход с торговли привело к столкновению с интересами других племен, прежде всего гуннов, аланов и славян. В результате в 375 году кочевые гунны, жившие в степях Приазовья (Меотиды), вторглись в пределы его «державы». Они действовали не в одиночку. В ходе их продвижения образовался союз племен, целью которого было уничтожение готского политического влияния в Северном Причерноморье. В этот союз входили соседи гуннов – аланы, которые присоединились к нему, скорее всего, в основном добровольно (сообщения же Аммиана и Иордана о том, что гунны покорили аланов и силой заставили себе служить, на наш взгляд, являются попыткой представить гуннов в самом мрачном свете, как совершеннейших дикарей и чудовищ). Вероятнее всего, в этот союз входили и анты, которые постоянно подвергались притеснениям со стороны готов. Возможно, именно эта ветвь праславянства являлась носителем киевской культуры [4, с.204]. Нужно отметить, что именно славянские племена подвергались наиболее сильному притеснению со стороны готов за все время их движения и присутствия в регионе, и вряд ли они оставались в стороне от этих событий. Поэтому нападение на «державу» Германариха было стремительным и происходило с разных сторон. В результате «держава» пала, а единство готов было расколото. Аммиан пишет, что Германарих старался дать нападавшим решительный отпор, «но так как молва все более усиливала ужас надвигавшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью» [1, XXXI, 3]. Это сообщение никак не вяжется с приведенными выше характеристиками Германариха как великого воителя. По-видимому, удар был настолько мощным (против него ополчились все притесненные и покоренные народы), что король решился на этот позорный, с точки зрения военной традиции германцев, поступок.

Иордан по-другому описывает эти события: Германарих умирает от смертельной раны, полученной от росомонов Сара и Аммия, которые подобным образом отомстили королю за смерть своей сестры Сунильды [7, §129]. Но как бы то ни было, в источниках нет сведений о сопротивлении Германариха и поэтому нельзя отрицать ни мощного удара объединенных сил, ни внутреннего раскола и заговора окружения против стареющего правителя.

По поводу росомонов до сих пор ведутся споры об их принадлежности то ли к сословию в составе «державы» [6, с.35], то ли к какому-то племени, на что прямо указывает Иордан, называя их «вероломным племенем» [7, §129]. Ю.Ю. Шевченко, к примеру, считает «росомонов» носителями почепской культуры и отождествляет с роксоланами, которых он, вслед за Страбоном, считает бастарнами [18, с.39; 14, VII, 3, 17]. В статье Артамонова М.И. «Первые страницы русской истории в археологическом освещении» в журнале «Советская археология» №3 за 1990 г. читаем: «Название этой земли [Росской, Русской] восходит к ираноязычным роксоланам (росаланам), какие по-готски назывались росомонами и при появлении гуннов первыми восстали против готов, а затем вошли в состав гунно-болгар» [2, с.287].

Судя по тексту «Гетики» (единственное упоминание термина), Иордан прекрасно разбирался в племенных принадлежностях, сословных и придворных тонкостях существовавших в то время, и не доверять ему в данном случае, по нашему мнению, оснований нет. Но изучая текст «Гетики», бросается в глаза чрезмерное восхваление готов и их деяний, а также презрение и высокомерие автора по отношению к неготским племенам: «вероломному племени» росомонов, к «достойным презрения» и «негодным для войны» венетов и т.д., что свидетельствует о заказном характере произведения. Заказчиком работы был некто Касталий, которого Иордан упоминает в начале «Гетики» [7, §1]. Однако установить, кем он был, не представляется возможным.

После смерти вождя и гибели его «державы» часть гревтунгов попала в зависимость к гуннам, часть бежала к тервингам за Днестр. Этими событиями завершается третий этап и начинается последний, четвертый этап истории готов в Северном Причерноморье.

Борьба за влияние в регионе продолжалась. Винитарий, контролировавший основные силы гревтунгов, взялся за восстановление «державы», и первый удар им был нанесен по антам. Несомненно, это было местью готов за участие их в войне против Германариха. Вначале Винитарий потерпел пора-

жение, но вскоре взял реванш, распяв антского «короля» Божа, его сыновей и семьдесят старейшин [7, §247]. Локализация этого события археологически не установлена, т.к. неизвестен точный ареал антов конца IV – начала V вв.

Однако поражение Божа вызвало мгновенную реакцию гуннов (на это указывает Иордан [7, §247], и это еще раз подтверждает участие славян в союзе). Король Баламбер (победитель Германариха) направил против Винитария свои войска и войско готов Гезимунда. Дважды верх брал Винитарий, однако в решающей битве на реке Эрак Винитарий погиб, а его армия была разгромлена [7, §249]. В результате гревтунги полностью попали в зависимость от гуннов. Часть их еще вместе с Алатеем и Сафраком бежала за Дунай вместе с тервингами. Другая часть ушла в Крым и на Таманский полуостров, куда еще в начале IV века ушла часть готов, не принимавшая участия в войнах [8, с.118]. Оставшиеся на прежних местах готы теперь находились под политической властью гуннов, часть их ассимилировалась в местной среде, а часть в V веке ушла вместе с гуннами в Паннонию. Черняховская культура, которая достигла расцвета в эпоху Германариха, быстро приходит в упадок и прекращает свое существование. На ее территории возникают культуры: колочинская (преемница киевской), занимавшая регионы к северу черняховской культуры (районы Курска, Брянска, Гомеля), пеньковская, располагавшаяся на ее основной территории (Украина Молдавия), пастырская (культура кутригуров-гунно-болгар [2, с.274]) в устье Днестра и в степи от Днестра до Днестра на территории пеньковской культуры. По этнической принадлежности – это ареал смешения славянских племен с балтами, тюрками, иранцами, гуннами и т.д.

В письменных источниках обычно выделяют два названия славян: склавены и анты, которые происходят от «общего корня» – венедов, по Иордану [7, §34], или споров, по Прокопию Кесарийскому [11, VII (III), 14]. Археологи сегодня почти единодушны в признании принадлежности склавонов пражской культуре [12, с.9; 19, с.157]. Антов большинство связывают с пеньковской культурой [17]. В отношении венетов нет единодушия, однако Щукин М.Б. и Терпиловский Р.В. определяют колочинскую культуру как культуру венетов [20, с.157; 16, с.429]. Тем интереснее для нас значение Подесенья в возникновении этих культур.

В последнее время большое внимание уделяется киевской археологической культуре, которую большинство исследователей, за редким исключением [13], связывают со славянскими или предположительно славянскими древностями. С рубежа III – IV вв. начинается миграционная активность на-

селения киевской культуры Подесенья в северном направлении, вызванная экспансией готов [10, с. 17-18; 16, с. 424]. В первой половине IV в. памятники с деснинской традицией охватывают уже огромную территорию, включающую все Подесенье, верховья Днестра (памятники типа Заозерья с деснинской и смешанной деснинско-верхнеднепровской традицией). В Беларуси (селища Гудок, верхний горизонт Тайманова) они сменяют памятники предшествующего времени – типа Абидни [17].

На рубеже IV – V вв. в лесной зоне Восточной Европы вновь начинаются миграционные процессы. В этот период фиксируется начало продвижения деснинского населения в ареал черняховской культуры, гибнущей под натиском гуннов. Поэтому в формировании пенковской культуры позднекиевскому деснинскому населению, несомненно, принадлежала особая роль [10, с. 75-79]. В это же время очередной приток южного (деснинского) населения фиксируется и в ареале памятников типа Заозерья в Подвинье. Здесь появляются поселения с характерным керамическим набором, имеющим полную аналогию на позднекиевских памятниках Подесенья, такие как Демидовка, Узмень, Слобода-Глушица и др. [17].

Таким образом, в первой половине IV в. на всем предположительно раннеславянском культурно-географическом пространстве складывается социокультурное и территориальное единство славян киевской культуры. Ареал этого единства включает территорию бассейна Западной Двины и Смоленского течения Днестра (памятники типа Заозерья), Белорусское течение Днестра и Подесенье (собственно деснинский локальный вариант, верхний горизонт Тайманова), частично лесостепное Левобережье [17]. По-видимому, именно с представителями этой культуры (венетами) столкнулся Германарих в своих претензиях на гегемонию в лесном ареале Восточной Европы. И именно здесь следует искать общий корень трех славянских народов, о котором писал Иордан. Винитарий же, спустя примерно полстолетия, столкнулся уже с частью этого некогда единого образования, с чем и

связана некоторая путаница: по Иордану, победу он одержал над антами, а прозвище (впрочем, по поводу того, прозвище ли это или настоящее имя, до сих пор нет единого мнения) получил «Винитарий» – «победитель венетов», хотя речь идет определенно об одном и том же племени [17]. Возможно, что антами называлась та часть венетов киевской культуры, которая не покорилась Германариху и выступила против него в союзе с гуннами и аланами.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что:

1. Движение готов не являлось каким-либо переселением. По сути, это медленная экспансия, поиск довольно многочисленным, хорошо организованным народом нового жизненного пространства;

2. Приход в Северное Причерноморье, попытка создания государства Германарихом (кстати, одно из первых государственных образований на территории современной России) явились раздражающими факторами среди коренных (в основном праславянских) народов;

3. Объединение сил коренных народов региона и народов степи – реакция на претензии готов на власть в Северном Причерноморье. Разгром объединенными силами гуннов, алан и славян «державы» Германариха и сил Винитария. Угасание черняховской культуры.

4. Лишение политического влияния готов и их последующий уход стали толчком для развития праславянских племен в данном регионе (праславянские племена – наиболее пострадавшая часть населения за время готского присутствия).

Однако уже после ухода готов археологи находят следы их проживания на территориях славянских культур еще длительное время. Следы эти находят в Поволжье, Поднепровье, Крыму [22]. Что это: «брызги» разлетевшиеся после гуннского нашествия или части ассимилированных готов или вообще отдельные германские племена, отколовшиеся от готского ареала? Тем не менее, присутствие остготов как бы вспахало огромную территорию юго-запада нашей страны для «посева» и «роста» славянства.

Библиографический список

1. Аммиан Марцеллин. Римская история. Пер. с латинского Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. СПб., 1994. 569 с.
2. Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении. Советская археология. № 3. М. 1990. С. 271-290.
3. Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна. М.: «Центрполиграф», 2004. 216 с.
4. Зиньковская И.В. К вопросу об этнокультурных контактах славянского и германского населения в Днепро-Донской лесостепи на рубеже римского времени и раннего Средневековья. Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004. С. 204-207.

5. Зиньковская И.В. Королевство Германариха в истории Восточной Европы IV в.: автореф. дис. ... док. ист. наук. С., 2011. 34 с.
6. Зиньковская И.В. Росомоны Иордана в свете германской эпической традиции. Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. №2. Воронеж, 2008. С.25-36.
7. Иордан. О происхождении и деяниях гетов [сайт]. Режим доступа: <http://www.alanica.ru/library/Iordan/iordan.htm>.
8. Лебедев Г.С. Русь и чужь, варяги и готы. Славяно-русские древности: историко-археологическое изучение Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С.92-97.
9. Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica, Т. 1). Lublin, 2001. 290 с.
10. Обломский А.Н. Днепровское лесостепное левобережье в позднееримское и гуннское время (середина III-первая половина V вв.н.э.). М., 2002. 256 с.
11. Прокопий Кесарийский. Война с готами [сайт]. Режим доступа: <http://www.erlib.com>.
12. Седов В.В. Проблема происхождения и начальной истории славян. «Славяно-русские древности: историко-археологическое изучение Древней Руси». Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С.8-21.
13. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян [сайт]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/191761/read>.
14. Страбон. География. Под общей редакцией проф. С.Л. Утченко. М.: «Наука», 1964. 944 с.
15. Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии [сайт]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tacit.htm>.
16. Терпиловский Р.В. Некоторые дискуссионные проблемы археологии и истории ранних славян. «Славянские древности». Stratum plus. № 5. Кишинев, 2001-2002. С.420-431.
17. Фурсов А.Г. О роли миграций в этногенезе ранних славян. Истоки древнерусской государственности. Санкт-Петербург, 2009 [сайт]. Режим доступа: http://www.archaeology.ru/medieval/med_lib_00.html.
18. Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. Причерниговские памятники начала эпохи Великого переселения народов. Архитектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів: «Сіверянська думка», 1992. С.33-39.
19. Шинаков Е.А. Находки предметов с эмалью позднееримской эпохи в Подесенье и вопросы их происхождения и атрибуции [сайт]. Режим доступа: <http://historfaculty.narod.ru/science/archeology/pogr.php#25>
20. Щукин М.Б. Готский путь. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.
21. Ярцев С.В., Миляева Ю.В. К вопросу о пути проникновения первых германцев в Северное Причерноморье. Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 2009. С.26-28.
22. О готах в Крыму см.: Пиоро И.С. Крымская Готия. – Киев: «Лыбидь», 1990. 200 с.; о Поволжье: Харин Е.А. Русы, булгары и вятичи [сайт]. Режим доступа: <http://www.rtkorr.com/news/2011/09/23/265611.new>

A.V. FEDOSOV

TO THE QUESTION OF THE GOTHIC HISTORY IN THE II – IV CENTURIES

The article concerns the history of the Goths (the Ostrogoths) from the II to the IV century AD. The “way to Oium” and the mutual relations with its indigenous population of the Northern Black Sea region are analyzed. The reasons for the Ostrogothic expansion after the end of the Scythian Wars in the III century are considered. The problem of the “Ermanaric’s power” collapse, the following Gothic-Antes wars and the role of the Pre-Slavs in these events are discussed.

Key words: the Goths (the Ostrogoths), the Pre-Slavs, “Ermanaric’s power”, the Gothic-Antes wars, Gothic expansion.

А.В. ШТЕПА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Тел.: (4842) 79 25 10; 8 920 617 84 63

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (2000-2010 гг.)

Статья посвящена историографическому анализу научной проблемы социального служения Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX вв. в новейших отечественных исторических исследованиях. Отмечены достижения современных российских авторов в выявлении и изучении основных направлений, в рамках которых реализовывалось социальное служение церкви в указанный период, намечены пути дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, историография, социальное служение, благотворительность, вторая половина XIX – начало XX вв.

В рамках социальной истории России, церковной истории проблема благотворительности, организации социальной помощи, содержательно выражавшихся в социальном служении Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), в различных регионах Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. всё чаще выступает в качестве предмета исследования.

Следует признать, что изучение благотворительной, социально-культурной, духовно-просветительской деятельности православной церкви в России актуализируется в настоящее время процессами, связанными с возрождением социально-правового статуса РПЦ в российском государстве и довольно значительным влиянием христианских принципов милосердия на оказание помощи нуждающимся людям различных категорий.

В качестве примера популярности затронутой научной проблемы в отечественных исторических и философских исследованиях отметим, что начиная с 90-х годов XX в. защищено более 25 докторских и кандидатских диссертаций (и это только примерный подсчёт), в которых авторы, анализируя корни и традиции отечественной благотворительности, обращаются к христианским основам и практике социального служения Православной Церкви в ретроспективе её развития с точки зрения права, а также государственно-церковного взаимодействия. Это исследования Зубановой С.Г., Ивановой Л.В., Пашенцева Д.А. и др. [4, 6, 10]. Эти исследования заложили методологические основы, определили ориентиры дальнейших научно-исследовательских поисков по проблеме.

В частности, Д.А. Пашенцев в диссертации «Благотворительная деятельность русской православной церкви во 2-ой пол. XIX – нач. XX вв.», проанализировав благотворительность церкви, выделил три уровня осуществления церковной благотворительности: общецерковный (Синодальный), епархиальный и местный (приходской). Исследователь пришёл, однако, к выводу, что церковная благотворительность, как и вся система общественного призрения в России, не смогла удовлетворительно решить социальные проблемы населения [10, с. 71, 164].

Подчеркнём, что впервые в исторической науке понятие «социальное служение» относительно деятельности Церкви употреблено в 1995 году Зубановой С.Г. в кандидатской диссертации «Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни российского общества». Автор пришла к выводу о духовно-нравственном единстве благотворительности в России XIX в. (единении всех категорий благотворителей – индивидуума, общества, государства, церкви) [4, с. 175-185]. В докторской диссертации С.Г. Зубановой в научный оборот в рамках исторической науки были введены категории, характеризующие различные аспекты социального служения Русской Православной Церкви. В их числе: «микро- и макродименциональная диакония», «духовное врачевание», «пастырское окормление», «духовничество», «святоотеческая литература» [5, с. 27].

Симптоматично, на наш взгляд, появление в настоящее время диссертационных исследований, в которых реализуются попытки проследить историю благотворения в региональном аспекте, что очень важно для воссоздания полной исторической карти-

ны процесса возникновения и эволюции таких важных элементов социокультурной жизни страны, как благотворительность и социальная помощь.

За 2000 – 2010 гг. нами выявлено более десяти диссертационных работ, в которых либо целенаправленно изучаются различные направления социального служения РПЦ во второй половине XIX – начале XX века в регионах Российской империи, либо в рамках другого научного предметного поля исследования аспектам социального служения уделяется достаточное количество внимания. И перечень этот далеко не полон.

Среди выявленных нами работ в четырёх диссертациях А.В. Штепы, Дойниковой Н.А., Реутова В.В., Ивочкина Д.А. социальное служение РПЦ исследуется целенаправленно, соответственно на материалах Калужской, Вологодской, Курской и Смоленской епархий [14, 2, 12, 7]. В диссертации Шуклиной Л.А. анализируется социально-культурная и духовно-просветительская деятельность церкви в Курской губернии [15]. Социальное служение православных монастырей, проявлявшееся в различных формах, стало предметом изучения в кандидатских диссертациях Рузановой Н.П., Запальского Г.М., Кургузова А.В., Першиковой А.Н. (все четыре работы посвящены Козельской Свято-Введенской Оптиной пустыни) [13, 3, 8, 11].

Основные направления религиозно-просветительской, социально-культурной и благотворительной деятельности православных братств, сестричеств, религиозно-общественных организаций в Вологодской, Владимирской, Костромской епархиях представлены в диссертационных исследованиях Ивановой Л.В., Носовой Т.А., Гажва И.А. [6, 9, 1].

Проанализируем содержательную часть некоторых указанных диссертаций более подробно. Так в диссертации Дойниковой Н.А. выявлены основные направления и организационные формы социального служения Церкви в обозначенный период (попечительство и призрение нуждающихся, культурно-просветительская деятельность, участие в трезвенническом движении, милосердно-патриотическая работа в годы народных бедствий; сборы пожертвований, организация приходских попечительств и братств, церковных школ, больниц и богаделен и пр.). Автор, в частности на основе анализа широкого корпуса источников аргументировано доказывает тезис о том, что благотворительно-просветительская и патриотическая деятельность Русской Православной церкви в стране и Вологодском крае являлась в дореволюционное время неотъемлемой частью ее общественной

жизни. Создаваемые инициативой и при непосредственном участии духовенства приходские попечительства и братства совместно с государственными органами, земствами, другими общественными силами содействовали созданию комплексной системы социальной защиты, развитию культуры и грамоты среди населения [2, с. 168].

Отличается оригинальностью по хронологическому охвату диссертационное исследование В.В. Реутова, определившего в качестве основной цели работы изучение эволюции социального служения Русской православной церкви в Курской епархии на протяжении всего XX века, и охватив, таким образом различные этапы истории церковно-государственных отношений в России в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Характеризуя социальное служение в интересующий нас отрезок времени – до падения самодержавия, автор высказывает точку зрения о том, что в силу многих объективных причин, напрямую не зависящих от Церкви, социальная работа не могла развернуться в полную силу. Курская епархия, являясь составной частью РПЦ, испытывала все те же трудности и успехи, что и вся Русская православная церковь. В развитие выдвинутого тезиса В.В. Реутов отмечает, что всё начало XX в. Церковь в лице своего духовенства и активных мирян боролась за выход из-под государственного контроля. Однако император и его правительство, несмотря на множественные обещания, так и не пошли на этот шаг. По мнению историка, стремление властей использовать православие как часть государственной политики для ликвидации социальной напряженности в обществе было ошибкой. Авторитет Церкви падал, и она не смогла предотвратить Февральской революции.

По мысли исследователя, социальное служение Церкви велось в любых условиях и имело много положительных моментов, В.В. Реутов связывает позитив с активной работой церкви в области народного просвещения, правда, при непосредственной поддержке государства. В Курской епархии активно развивалась сеть церковных учебных заведений различных уровней. Наибольшей популярностью среди жителей Курской губернии пользовались церковно-приходские и воскресные школы. Церковно-приходские школы были открыты практически при всех приходах епархии. Например, к началу 1915 г. их насчитывалось 920. Автор доказывает, что начиная с 1901 г. церковно-приходские школы содержались за счет самой Церкви. Конечно, основной упор в этих учебных заведениях делался на преподавание церковных дисциплин. Но в губернии, где основная масса сельского населения

не умела читать и писать, получение основ грамоты было большим шагом на пути прогресса [12, с. 165]. В епархии существовала развитая сеть специальных учебных заведений, таких как епархиальные училища и школы-мастерские при некоторых монастырях.

Деятельность в области религиозно-нравственного и патриотического воспитания распространялась и на взрослое население. Данное направление социальной деятельности реализовывалось через создание воскресных школ, народных библиотек, публичных чтений на религиозно-нравственные темы и церковные братства и общества.

Вполне закономерен вывод курского историка о том, что широкая благотворительная деятельность была развернута в годы русско-японской и первой мировой войн. Церковные структуры, духовенство и верующие Курской губернии оказывали посильную помощь русской армии. Значительные денежные средства жертвовались на нужды Красного Креста, в пользу раненых воинов и на восстановление русского флота. Призывались представителями духовенства дети-сироты, вдовы, родственники погибших и пострадавших воинов. Свое социальное служение духовенство епархии несло и непосредственно на фронте. Некоторые монахини Курской епархии выполняли работу сестер милосердия в военных госпиталях [12, с. 164-167].

Органично дополняют друг друга, закрывая ряд белых пятен в отечественной исторической науке, диссертационные исследования Штепы А.В. и Ивочкина Д.А., посвященные соответственно изучению основных форм, методов и направлений социального служения церкви в Калужской и Смоленской епархиях. Авторы, проанализировав различные источники статистического, делопроизводственного характера, сходятся во мнении относительно того, что духовенство как Калужской, так и Смоленской епархии во второй половине XIX – начале XX столетия охватывало обширное поле социальной деятельности на местах.

Формы и методы социальной работы варьировались в зависимости от потребностей времени и обстоятельств. Священнослужители в указанных епархиях содействовали открытию различных благотворительных учреждений – братств, попечительств, обществ и т.д. Д.А. Ивочкин, в частности отмечает, что церковная благотворительность успешно развивалась на приходском уровне, причем на условиях соблюдения демократических начал, в частности, самоорганизации прихода. Священнослужители постоянно организовывали и участвовали лично в сборе денег, различных про-

дуктов и предметов, необходимых людям, а также на благотворительные нужды, такие как: создание и содержание школ для инвалидов, в которых воспитанники получали не только обеспечение, но и возможность получить профессию.

В то же время трудности в организации благотворительной деятельности связаны, в основном, с разнообразием причин нищенства, суть которых зачастую не было возможным подвергнуть анализу. В результате исследований историками были выявлены случаи симуляции бедности, обусловленные нежеланием работать и другими пороками [7, с. 14-18].

В обобщающих работах, посвященных исследованию организационных форм и направлений деятельности православной церкви в сфере благотворительности и социального служения, как правило, говорится о благотворительной деятельности православных братств и сестричеств, выявляется вклад братств в развитие благотворительного движения в регионах. Однако более досконально эти вопросы изучаются в специальных диссертационных исследованиях. Одной из первых в рамках данного предметного исследовательского поля и изучаемого нами историографического этапа стала диссертация Л.В. Ивановой. Исследовательница сочла правомочным рассматривать православные братства как социальный механизм Русской православной церкви для поддержания и утверждения религиозных ценностей [6].

Целью исследования Т.А. Носовой являлось выявление всех существующих православных братств Вологодской епархии и их классификация. Автор, прежде всего, обращает внимание на структуру, состав и источники финансирования православных братств Вологодской епархии.

Т.А. Носовой достаточно подробно рассмотрена деятельность трёх приходских братств Вологодской епархии (Иоанно-Предтеченского, Благовещенского, Деревянского Христорождественского) и Александро-Невского братства при Никольском духовном училище, чьей главной сферой деятельности была благотворительность. Приходские братства оказывали ежемесячные и единовременные пособия прихожанам преклонного возраста, многодетным вдовам на воспитание и обучение детей, невестам из бедных семей другим категориям «нуждающихся». Исследовательница констатирует, что для большинства православных братств Вологодской епархии «церковно-устроительная деятельность являлась не главной, но и не второстепенной. Задачи ее простирались от поддержки в народе любви к православному храму и богослужению до сохранения культуры и традиций Русской православной церкви». Историк подчёркивает, что

православные братства Вологодской епархии занимали свое место среди культурно-просветительских и благотворительных организаций. Их деятельность способствовала повышению образовательного и культурного уровня населения, обратила общественное внимание на православную культуру и традиции православной церкви [9, с. 19-21].

Вместе с тем вопросы религиозно-просветительской деятельности православных братств Вологодской епархии конца XIX – начала XX вв. освещаются достаточно поверхностно. В некоторой степени (выработка подходов к изучению проблемы) эта лакуна закрывается диссертацией Гажва И.А., написанной, правда, на материалах другого региона – Владимирской и Костромской губерний [1]. В ней проанализирована деятельность Владимирского братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, Александровского православного братства в Костроме, состоящего под высочайшим е.и.в. покровительством, Костромского Федоровско-Сергиевского братства при Костромском кафедральном соборе, приходского православного братства Святителя Николая при Никольской церкви с. Одоевского Ветлужского уезда Костромской губернии и ряда других.

Как уже отмечалось выше, различные направления социокультурной деятельности одной из самых известнейших обителей России – Козельской Свято-Введенской Оптиной пустыни также стали предметом изучения в 2005 – 2010 гг. в кандидатских диссертациях.

Основной целью диссертационной работы Першиковой А.Н. являлось осуществление культурологического анализа феномена старчества в контексте развития русской духовной традиции. В ходе исследования старчество рассматривается как социокультурный феномен, исторически обусловленный духовной практикой поколений и несущий в себе ценностные ориентации, нравственные каноны, а также способствующий сохранению и трансляции культурной традиции в общество. Историк отстаивает точку зрения о том, что в русской культуре старец всегда играл определенную духовно направляющую социокультурную роль в структуре общества, поскольку личность и образ святого подвижника входили в число смыслоорганизующих начал русской культурной традиции [11, с. 3].

А.Н. Першикова выявляет особенности творческого восприятия внутренних основ православия, приведших к формированию новых смыслов в отечественной культуре. Проводит анализ специфики взаимодействия старчества с русской интеллигенцией на примере И.В. Киреевского, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, К.Н. Леонтьева

и императорской семьи Романовых.

В свою очередь Н.П. Рузанова подчёркивает в своей диссертационной работе, что в XIX в. именно в Оптиной Пустыни начинается духовное возрождение, «вокруг старцев восстанавливается единство народа: духовная высота их такова, что перед ними падают социальные и культурные преграды». Знаменитый монастырь был, по мнению автора, в то время отображением жизни Святой Руси [13].

В диссертации Кургузова А.В. проанализирован значительный массив нарративных источников, само происхождение которых позволяет более детально воссоздать образ старца – духовного наставника для людей, представлявших различные сословия. Письма дают возможность судить о том, какие проблемы стояли перед теми, кто обращался к авторитету духовных пастырей. Историк констатирует: «Ответы были конкретны, и нигде не звучало отрешения от этих проблем – будь то семья, отношения родителей и детей, имущественные споры, жизненные планы, военная служба».

Весьма характерно, что, несмотря на разнообразие тем переписки, старцы за всё время своего служения пытались научить людей обретению и сохранению веры в Бога в условиях трансформирующегося мира, причём трансформирующегося всё более и более катастрофично. Исследователь утверждает, что ощущение надвигающейся катастрофы проявляется в письмах очень чётко, но старцы далеки от паники. Они учат людей методам выживания и воспитания в себе внутренней силы, духовной культуры, позволяющей перенести все испытания.

Результаты, полученные А.В. Кургузовым в процессе исследования, привели его к выводу о том, что длительное воздействие старцев на учеников позволяет наблюдать за изменениями, происходящими в личной и общественной культуре России благодаря данному культурному феномену. Происходило формирование и развитие нового социокультурного института России, повлиявшего на значительный пласт отечественной религиозной и культурной жизни [8, с. 21-22].

С позиций современной исторической науки интерес представляет и предметное поле диссертационного исследования Г.М. Запальского. Историк из Москвы поставил цель изучить влияние, которое оказывала Оптина пустынь на формирование духовной корпорации. Напрямую данный сюжет не связан с изучаемой нами проблемой социального служения, однако следует помнить, что многие монашествующие расширяли авторитет и влияние родной обители, помогали ей устанавливать новые связи. Как убедительно доказывает Г.М.

Запальский, они привлекали внимание архиереев и мирян, их охотно приглашали в монастыри. Так, например, в ряде обителей в XIX в. архиереи установили традицию приглашать настоятелей (а также монахов на другие крупные должности) только из Оптиной пустыни. Некоторые из них достигли больших высот на службе, в литературной и научной деятельности, продолжая тем самым служение обществу. Для многих выходцев из Оптиной даже кратковременное пребывание в этой обители становилось важнейшим этапом, о котором они с благодарностью вспоминали [3, с. 21].

Всего с 1825 по 1917 гг. из Оптиной пустыни вышло не менее 445 человек, которые, правда, представляли собой большую, но не вполне однородную группу монашествующих. Заслуга исследователя состоит в том, что ему буквально по крупицам удалось создать базу данных – биобиблиографический указатель воспитанников Оптиной пустыни за указанный период.

Итак, проведённый нами анализ современных диссертационных исследований, посвящённых изучению проблемы социального служения, свидетельствует о непрекращающемся интересе наших

современников к различным аспектам указанной проблемы. Наибольшее внимание за последнее десятилетие привлекает внимание учёных феномен оптинского старчества, изучение роли монастырей и религиозных организаций, православных братств в общественно-политической и социальной сфере жизни в России во второй половине XIX – начале XX веков. Актуальными остаются вопросы, связанные с комплексным изучением основных направлений, форм и методов социального служения русской православной церкви в различных регионах империи. Действительно, география исследований разнообразна: Центрально-Европейская часть России, Юг, Север, Поволжье.

Прошедшее десятилетие с научных позиций можно, на наш взгляд, характеризовать как своеобразный подготовительный этап, нацеливающий современную историческую науку на создание в её рамках обстоятельных обобщающих трудов, в которых бы без всякой идеологической зашоренности была бы представлена объективная картина социального служения самой мощной конфессиональной организации в нашей стране – православной церкви.

Библиографический список

1. *Гажва И.А.* Религиозно-просветительская деятельность православных братств Центральной России во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 20 с.
2. *Дойникова Н.А.* Социальное служение Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX веков (На материалах Вологодской епархии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. 27 с.
3. *Запальский Г.М.* Оптина пустынь и её воспитанники (1825 – 1917 гг.). Автореф. ... дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. 22 с.
4. *Зубанова С.Г.* Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни Российского общества XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995. 180 с.
5. *Зубанова С.Г.* Социальное служение православной церкви в XIX веке. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2002. 408 с.
6. *Иванова Л.В.* Православные братства и сестричества как социальные формы деятельности церкви. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 19 с.
7. *Ивочкин Д.А.* Социальная и просветительская деятельность Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Смоленской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010. 25 с.
8. *Кургузов А.В.* Оптинское старчество как феномен культуры: источники изучения. Автореф. дисс. ... канд. культурологи. М., 2007. 22 с.
9. *Носова Т.А.* Православные братства Волгоградской епархии в конце XIX – начале XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. 22 с.
10. *Пашенцев Д.А.* Благотворительная деятельность русской православной церкви во 2-ой половине XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 183 с.
11. *Перишкова А.Н.* Оптина пустынь как социокультурный феномен. Автореф. ... дисс. канд. культурологи. М., 2008. 24 с.
12. *Реутов В.В.* Социальное служение Церкви в XX веке (На материалах Курской епархии). Дисс. канд. ист. наук. Курск, 2006. 235 с.
13. *Рузанова Н.П.* Социально-историческая роль монастыря Козельская Введенская Оптина Пустынь в общественной жизни России XIX века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2005. 25 с. [Электронный ресурс]: Режим

доступа: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/ruzanova.html>

14. *Штена А.В.* Социальное служение Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX веков (на материале Калужской епархии). Дисс. канд. ист. наук. Калуга, 2005. 320 с.

15. *Шуклина Л.А.* Культурно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в конце XIX – начале XX вв. (По материалам Курской губернии). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Курск, 2005. 26 с. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/schuklina.html>

A. V. SHTEPA

**REFLECTION OF SOCIAL SERVICE PROBLEMS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN THE SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURIES. IN DOMESTIC DISSERTATION
RESEARCH OF RECENT TIMES (2000-2010 YEARS)**

Article is devoted to historiographical analysis of the scientific problem of social service of the Russian Orthodox Church in the second half of XIX - early XX centuries. the latest local historical research. Highlight the achievements of modern Russian authors to identify and explore key areas, which were implemented in the social ministry of the church during this period, the ways of further research topics.

Key words: *Russian Orthodox Church, historiography, social service, charity, and the second half of XIX - early XX centuries.*

А.В. АБРАМОВ

аспирант кафедры философии и религиоведения
Владимирского государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

E-mail: sashabramov@mail.ru

Тел. 8 920 904 85 51

ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ И ДУХОВНОСТИ У ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА И ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

В данной статье анализируется проблема телесности и духовности в онтологии Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника. По данному вопросу делается исторический экскурс в античную эпоху и период средневековья. Выявляются истоки разногласий в учении Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника, и намечается попытка их преодоления.

Ключевые слова: онтология, плоть, религиозная антропология, этика, одухотворенность.

Данная работа посвящена малоизученным вопросам религиозной антропологии, онтологии и этики в учениях двух крупных мыслителей XIX в. Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника (Говорова), которые признаются святыми в РПЦ. Стоит отметить, что распространенная формулировка о том, что эти два мыслителя спорили о природе души и ангелов, является не совсем корректным выражением. Более верным было бы обозначить их взаимоотношения как критику Феофаном Затворником учения о природе души и ангелов, которое он находил в работах Игнатия Брянчанинова, поскольку такая критика появилась в печати после смерти последнего. А предмет их разногласия своими корнями уходит в эпоху античности, а затем получает наибольшее развитие в Новое время в учении Р. Декарта.

В раннее средневековье христианская мысль формировалась во многом под влиянием идей Платона и неоплатонизма, которые она восполняла новозаветным учением Иисуса Христа. Ветхозаветное учение о взаимосвязи тела и души не было достаточно развитым для этого.

У древних евреев, как отмечают специалисты, вообще не было слова для обозначения тела в отличие от души [3, с.118].

Однако если античная (дохристианская) философия подчеркивала телесность души и была пронизана телесно-вещественными интуициями и аналогиями, то христианская мысль обратила внимание на одухотворенность плоти [10, с.25].

Платон в своих диалогах («Пир», «Федр», «Федон» и Государство) рассматривал тело (вслед за пифагорейской традицией) как «темницу» души, с которым она связана на определенное время и в котором душа, по причине стремления к жизни, претерпевает новые воплощения (метемпсихоз). Так в

диалоге Федр он пишет, что «всякая душа ведает всем неодушевленным, распространяется же она по всему небу, принимая порой разные образы. Будучи совершенной и окрыленной, она парит в вышине и правит миром, если же она теряет крылья, то носится, пока не натолкнется на что-нибудь твердое, – тогда она вселяется туда, получив земное тело, которое благодаря ее силе кажется движущимся само собой; а все вместе, т.е. сопряжение души и тела, получило прозвание смертного» [11, с.186]. Вследствие воплощения в тело душа лишается на определенное время своей доли в общении с божественным миром. Христианская мысль гораздо более позитивно относилась к плоти (соме), которую она рассматривала как реальность, обладающую самостоятельными онтологическими, душевно-духовными характеристиками. С телом как плотью связаны в христианстве представления не только об обособленности существования и отношении родства («плоть от плоти») или «сродства», как учил Феофан Затворник, но и специфичность личностного бытия человека, для которого плоть оказывается способом выработки духом самого себя в своих жизненных функциях [10, с.27].

В новоевропейской культуре понятие «тело» задается ближайшим образом через идущую от Декарта оппозицию *res cogitans* и *res cogitata* (мыслящих и телесных вещей), обладающих различной субстанциальностью. В отличие от мышления как субстанции мыслящей вещи, под субстанциальностью тела начинает пониматься чистая протяженность (пространство), в котором каждая телесная вещь представляет собой некое пространственное образование. Такая оппозиция становится общей для множества новоевропейских доктрин, исходящих как из самоочевидной предпосылки из противопоставления природы (телесных вещей) и духа

(мыслящих вещей). Соответственно строится оппозиция «наук о природе» (естествознания) и «наук о духе» [10, с.28].

Именно с этой оппозицией и имеет непосредственную связь критика Феофаном Затворником учения Игнатия Брянчанинова, а Игнатием Брянчаниновым идей Р. Декарта, при этом оба мыслителя опирались на православную парадигму (восточную патристику), но работали в различных научно-исследовательских программах и принадлежали к различным школам. Игнатий Брянчанинов получил светское образование в инженерном училище Санкт-Петербурга и в догматически не решенных церковных вопросах опирался не только на богословские, но и на научные знания. В отличие от него Феофан Затворник имел базовое образование в духовных школах, и сам преподавал в них, пройдя путь от начальника Киево-Софийского духовного училища до ректора Киевской духовной академии. Светские науки он изучал самостоятельно. Поэтому их спор затрагивал не только прикладную, но и фундаментальную проблематику, а именно проблему соотношения светского и церковного знания. Существующие у них расхождения по всеобщим вопросам, в частности, по вопросам онтологии, антропологии, этики, остаются до конца не преодоленными и современной наукой.

По этому поводу справедливо высказывание одного из современных исследователей антропологии, который отмечает, что «дифференциация (светских и церковных – А.А.) знаний уводит науки о человеке друг от друга, накапливая взаимонепонимание. В наибольшей степени пропасть пролегла между учением о телесности и духовности» [7, с.10]. Он отмечает, что исторически не раз возникал соблазн разделить дух и тело до антиномичности, в результате которой зачарованность духовностью приводила к абстрактному видению человека как цельной личности. Такой подход в крайней своей форме выразился в ереси монофизитства [7, с.17].

И хотя мы не способны разрешить подобную дихотомию, по крайней мере, мы можем поставить вопрос об этом. Такова специфика философии, что она ставит вопросы и по таким предметам, на которые в данный момент нет ответа. На эту особенность философского познания обратил внимания еще Б. Рассел. Он писал о том, что: «философия, если она не может ответить на многие вопросы, как мы того хотели бы, обладает по крайней мере силой постановки вопросов, усиливающих интерес к миру, и может продемонстрировать странности и чудеса, лежащие за пределами взгляда даже на простые вещи» [1, с.40].

В своем учении о природе души и ангелов

Игнатий Брянчанинов развивал идею об их относительной бесплотности, ссылаясь на частное богословское мнение христианских писателей, таких как Ириней Лионский, Татиан, Тертуллиан, Ориген, Иоанн Кассиан Римлянин, Григорий Нисский, Макарий Египетский, Иоанн Дамаскин. Согласно их учению душа и ангел имеют некоторую телесную принадлежность.

Так, св. Ириней Лионский утверждал, что душа имеет форму, образ (*figura*) тела и сохраняет этот образ и отличительные черты носимого ею тела и после смерти. После разлучения души от тела на душе остаются некие отпечатки ее тела. Это явствует из притчи о богатом и Лазаре, по которой души узнали одна другую по каким-то признакам. Но главным аргументом, вероятно, являются слова св. Апостола Павла о телах земных и телах небесных (ср.: 1 Кор. 15, 40) о том, что сеется тело душевное, восстает тело духовное (1 Кор. 15, 44). Из этих слов Святые Отцы, например Кассиан Римлянин, а вслед за ним и Святитель Игнатий, делают заключение, «что нет ничего бестелесного, кроме единого Бога» [8, с.145]. Игнатий Брянчанинов отмечает, что естественной бестелесностью обладает только Бог, души же человека и ангелы состоят из эфира и имеют определенную тонкую невидимую оболочку. По его мнению, ангелы называются бесплотными, невещественными потому, что они не имеют твердой оболочки, такой как у людей, и их чувства отличаются от наших чувств тем, что они не зависят от грубой вещественной привязки к материальным предметам [2, с.203,311-312].

В учении о душе человека святитель Игнатий акцентирует внимание, прежде всего, на ее тварной природе. В силу своей тварности она вещественна, т.е. телесна, потому что абсолютно бестелесным может быть только Творящий Бог [8, с.144]. Таким образом, получается, что *душа есть тело без плоти*. Здесь существенным является, прежде всего, вводимое различие тела и плоти, которое позволяет удерживать представление о душе как тварно-телесном образовании. Иначе говоря, субстанциональное единство человеческой природы удерживается за счет вводимого различия тела и плоти. Термин «тело» здесь является абсолютно нейтральным с этической точки зрения. К нему не примешивается ни положительного, ни отрицательного отношения. Тогда как термин «плоть» обозначает такое состояние человека, при котором он живет преимущественно чувственной стороной своего существа, забывая о высшем назначении, не имея духовных интересов и стремлений. [8, с.144-145, 152-153].

В систематизированном виде данная точка зрения представлена в учении Иоанна Дамаскина

(VIII в. н.э.), согласно которому абсолютной бестелесностью обладает только один Бог. Ангелы же и души людей имеют тонкую эфирную оболочку, и они называются бестелесными по отношению к физическим телам людей. Подводя итог по данному учению, он пишет, что «ангел есть сущность мыслящая, всегда движущаяся, обладающая свободною волею, бестелесная... Бестелесною же и невещественною она называется по сравнению с нами, ибо все, сопоставимое с Богом, который один только не сравним, оказывается грубым и вещественным, потому что одно только Божество поистине невещественно и бестелесно» [6, с.187-188].

Феофан Затворник придерживался другой точки зрения, которую также высказывали учителя церкви, такие как Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст. Они учили о естественной бестелесности души и ангелов. Но Феофан Затворник допускал и другую точку зрения, согласно которой душа и ангел являются духовными существами, облеченными в тонкую телесную эфирную оболочку, близкую той, которую излагал Игнатий Брянчанинов [13, с.7-8]. Однако он отвергал учение, которое находил у Игнатия Брянчанинова, признавая его ошибочным. По его мнению, это было «новое учение» ультра-материализма, не допускающее отдельного существования души от тела и считающее, что все ей (душе) приписываемое есть отражение гармонического устройства тел. Это учение лишало природу души и ангелов всякой духовности и отвергало за ними такие духовные качества, как совесть, свобода и сознание. Но это, на наш взгляд, является неверным, поскольку чувства Игнатий Брянчанинов связывал с плотью, а не с телом, как приписывал ему Феофан Затворник.

Такая интерпретация учения Игнатия Брянчанинова Феофаном Затворником была основана и на неверно понятой им метафорической аналогии души и тела по отношению к сущности божества, которую развивал в своих трудах Макарий Египетский и на которую ссылался Игнатий Брянчанинов [9, с.49].

Источником разногласий Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника послужило учение, изложенное в римско-католическом «Богословском словаре» XIX в. аббата Бержье. Оно предписывало сотворенным духам одинаковую сущность с Богом и развивалось под влиянием идеи Декарта, согласно которой все, что вне царства материи (телесной субстанции), принадлежит царству «чистого духа» (духовной субстанции).

По этому вопросу Декарт пишет, что он признает «лишь два высших рода вещей: одни из них – вещи умопостигаемые, или относящиеся к мыслящей

субстанции; другие – вещи материальные, или относящиеся к протяженной субстанции, т.е. к телу. Восприятие, воление и все модусы как восприятия, так и воления относятся к мыслящей субстанции; к протяженной же относятся величина, или сама протяженность в длину, ширину и глубину, фигура, движение, положение, делимость этих вещей на части и т.п.» [4, с.332]. По Декарту, духовная субстанция (*res cogitans*) и материальная (*res extensa*) не имеют ничего общего, но внутри себя воспроизводят различие высшего и низшего, простого и сложного, которое старая метафизика обычно распределяла между духом и материей. В рамках рационализма возникает проблема координации духа и материи, которая вынуждала апеллировать непосредственно к Богу – создателю «предустановленной гармонии», поскольку дух как субстанция оказывался своего рода безличной «духовной машиной» [5, с.707].

Исходя из понятия вещественности ангелов, Игнатий Брянчанинов делает вывод об ограничении их движения в пространстве и времени, ссылаясь при этом и на современную науку своего времени, в частности, химию и математику. Он предполагает, что если согласно химии тело и душа человека имеют между собою нечто общее («сродство»), то из этого утверждения следует, что душа имеет «некоторую свойственную себе вещественность». Поэтому там, где «Декарт видит между грубым веществом и сотворенными духами решительную *противоположность*, наука видит не *противоположность*, а *постепенность* и *сродство*. То, что ограниченный предмет не подлежит нашим телесным чувствам и нашему постижению, никак не дает ему права на свойства, принадлежащие предмету не ограниченному» [2, с.208]. Феофан Затворник критикует это положение, считая, что химия, так же как и математика, не объясняют и не могут объяснить бытие души и ангелов, поскольку они бестелесны. В качестве одного из аргументов в пользу подобного мнения он ссылается на неспособность химии объяснить их природу. Иначе тогда большинство химиков (так же, как и математиков) должны быть верующими людьми, а практика показывает обратное. Отчасти с мнением Феофана Затворника можно согласиться, поскольку нельзя с помощью химических опытов и математических величин изучить бытие духовных идеальных феноменов [13, с.183-184, 193, 195].

Такое разногласие вызвано, с нашей точки зрения, прежде всего отсутствием единого терминологического аппарата в различии определений таких исходных понятий, как тело и плоть. На эту проблему также обращают внимание некоторые современные исследователи. Так, например, одна из них пишет, что

«несмотря на результаты многовекового осмысления телесности человека обзор современной литературы дает основания утверждать, что до настоящего времени не существует четкого единого определения самого понятия «телесность». Поэтому крайне актуально изучение перспективы человеческих тел и телесности с выявлением динамики взглядов о телесности человека, проявленных в основных направлениях, типах и видах концептов телесности» [14, с.4].

Следствием этого является неверное логическое умозаключение Феофана Затворника, приписывающее Игнатию Брянчанинову учение, согласно которому души людей и ангелов являются телами, лишенными разумной свободы и сознания. По этому поводу справедливо замечание иеромонаха Серафима (Роуза), когда он говорит, что епископ Феофан лишь делает презумпированный логический вывод из того, во что, по его убеждению, ве-

рит епископ Игнатий. Но нигде у самого Игнатия Брянчанинова он не может найти в работе места, где бы тот говорил о том, что ангелы (так же, как и души людей – А.А.) лишены разумной свободы и сознания [12, с.221].

Поэтому для развития понятия телесности автор предлагает использовать понятия *естественной телесности* или *плоти* как части тела человека, свойственной его природе, и *телесности* как сущностной характеристике человека, души и ангелов. Это позволит избежать вышеназванных ошибок в суждениях и устранить многие противоречия во взглядах обоих мыслителей. Конкретизируя учение Игнатия Брянчанинова в контексте критики его Феофаном Затворником, автор приходит к заключению, что онтология Игнатия Брянчанинова, как и онтология Феофана Затворника, имеет право на существование.

Библиографический список

1. Бертран Р. Проблемы философии. Избранные труды. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2007. 260с.
2. Брянчанинов Игнатий, епископ. Слово о смерти. М.: «Р. С.», 1991. 317с.
3. Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственное учение от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. 496с.
4. Декарт Р. Соч. в 2 т. Т. I. Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654с.
5. Доброхотов А.Л. Дух. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. I. Ин-т философии РАН, М.: Мысль, 2010. 744с.
6. Иоанн Дамаскин, преподобный. Точное изложение православной веры. Источник знания. М.: Индрик, 2002. 416с.
7. Корольков А. Духовная антропология. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2005. 324с.
8. Лохов С.А. Антропологический холизм в восточно-христианской традиции. Слишком человеческое: диалекты философии. Проблематика одиночества, самоубийства, страдания, православного понимания человека, археоангарда: Философско-антропологические исследования. Вып. 1. М.: Современные тетради, 2006. 215с.
9. Макарий Египетский, преподобный. Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова. М.: Лепта Книга, 2007. 780с.
10. Огурцов А.П., Тищенко П.Д. Тело. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. IV. Ин-т философии РАН, М.: Мысль, 2010. 736с.
11. Платон. Соч. в 4т. Т.2 СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та: «Изд. Олега Абышко». 2007. 626с.
12. Серафим (Роуз), иеромонах. Душа после смерти. М.: «Макао и К», 1991. 247с.
13. Феофан Затворник, святитель. Душа и ангел – не тело, а дух. «Талан», М.: 1997. 53с.
14. Цой М.И. Эволюция концептов телесности человека (философско-антропологический аспект). Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. филос. н.. Тула, 2009. 36с.

A.V. ABRAMOV

PROBLEM OF MATERIALITY AND SPIRITUALITY IN THE DOCTRINES OF IGNATII BRYANCHANINOV AND FEOFAN ZATVORNIK.

The problem of materiality and spirituality in the ontology of Ignatii Bryanchaninov and Feofan Zatvornik is analyzed in this article. It's made a historical excursus in antiquity and the Middle Ages. Also sources of difficulties in the doctrines of Ignatii Bryanchaninov and Feofan Zatvornik are exposed, and attempt to overcome the difficulties is showed in this article.

Key words: ontology, a flesh, a religious anthropology, ethics, a spirituality.

О.А. ЕЖОВА

ассистент кафедры философии и культурологии
Орловского государственного университета

E-mail: ezhova_olly@mail.ru

Тел. 8 920 800 24 67

СПЕЦИФИКА ЛИЧНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ

Статья посвящена анализу особенностей биографии Карлоса Кастанеды в виду неоднозначности утверждений о ней самого автора. В этом проявляется, с одной стороны, влияние особенностей местности, в которой формировалась личность Кастанеды, с другой – влияние социокультурной реальности, связанной с контркультурой, в которой происходило становление научного интереса молодого антрополога, с третьей – обусловленность биографии спецификой самого учения Карлоса Кастанеды.

Ключевые слова: Кастанеда, нагваль, стирание личной истории, измененное состояние сознания, психоделик, видение, контркультура.

Карлос Кастанеда (1926-1998), уроженец Кахамарки (Перу), настоящее имя которого звучит как Карлос Цезарь Сальвадор Арана Кастанеда, вошёл в историю, литературу, философию и культуру во многом благодаря созданному им образу персонажа своего полуполюгендарного учителя, мексиканского индейца племени яки Хуана Матуса.

Многочисленная критика до сих пор неоднозначно оценивает биографию и творчество Карлоса Кастанеды, называя его гением мистификации, выясняет реальность личности Хуана Матуса, выявляет роль Кастанеды для культуры.

Известные факты из биографии Карлоса Кастанеды позволяют утверждать о возможной ложности представленных им сведений, так как часто мыслитель давал интервью, в которых излагал заведомо искаженные сведения о себе и своей повседневной жизни. Так, один из французских исследователей личности и деятельности Кастанеды Кристоф Бурсейе указывает на несостоятельность его утверждений о фактах собственной биографии. Так он говорит, что Кастанеда «...грезит наяву и сам творит свою семейную историю. Если настоящая жизнь его не устраивает, он меняет ее по собственной прихоти, уходя все дальше по лабиринтам лжи» [2, с. 28]. Так, американский антрополог высказывает неточную дату и место своего рождения, указывая на 1935 год и на родину в одних интервью – Сан-Паулу, в других – Италию. Настоящая же дата его рождения относится к 26 декабря 1926 года, а местом рождения является г. Кахамарка в Перу. Помимо искажений фактов своей жизни, Кастанеда выдумывает и биографию своих родителей. Указывая на известность своей семьи, Кастанеда говорит о том, что его отец был учителем литературы, а мать умерла, когда он был еще

ребенком. Однако истинные факты его биографии раскрывают деятельность отца как ювелирного мастера. Смерть же его матери наступает, когда Кастанеде исполнилось уже двадцать два года. Позднее, по прибытии в США, Кастанеда прибавляет к своей фамилии Арана букву «х», представляясь Карлосом Аранхой и утверждая, что является племянником Освальдо Аранхи – одного из политических деятелей Бразилии – и этим подтверждает статус выходца из Бразилии и элитарность своей семьи. По поступлении в Лос-Анджелесский комьюнити колледж (ЛАКК) Карлос Аранха называет себя Карлосом Кастанедой. Это фамилия его матери, лишенная испанского «нь» [2, с. 18-29].

Некоторые исследователи связывают многочисленные искажения фактов своей биографии Карлосом Кастанедой с особенностями учения, якобы переданного ему мексиканским индейцем, магом и «нагвалем» доном Хуаном Матусом. В «Путешествии в Икстлан» учитель высказывает мысль о необходимости стирания личной истории: «Мало-помалу ты должен создать туман вокруг себя. Ты должен стирать все вокруг себя до тех пор, пока ничего нельзя будет считать само собой разумеющимся, пока не останется ничего гарантированного или реального» [7, с. 449]. Однако отдельные факты жизни Кастанеды указывают на его склонность к мистификациям задолго до «встречи» с мексиканским индейцем. Один из товарищей Кастанеды Виктор Делфин «...со смехом говорит о беспрестанном вранье Карлоса: “Это был непревзойденный лгун и искусный соблазнитель”» [2, с. 25]. «Карлос противоречив в своих поступках. Он любит вечеринки и девушек, но держится настоящим аскетом. Не курит, не пьет и окружает себя тайнами. Его однокурсники ничего не знают о нем.

Он не рассказывает, что его отец живет в нескольких сотнях метров от их квартиры» [2, с. 25], – говорит о нем его товарищ.

Согласно сведениям жены Кастанеды Маргарет Раньян Кастанеды, основная его загадка основывалась на том факте, что даже его ближайшие друзья не были уверены в том, что он из себя представляет [10]. Окружение своей жизни тайной у Кастанеды могло быть связано с особенностями местности, в которой происходило формирование его личности. Бурсейе отмечает: «Овеянная мифами и легендами, Кахамарка – излюбленное место “курандеро”. Колдуны, знахари, костоправы – курандеро на свой лад передают знания, дошедшие из глубины веков. <...> уже с пеленок он был окружен суеверием, что говорит отнюдь не в его пользу. В Кахамарке истории о былой славе империи инков перемешаны с легендами» [2, с. 19].

Популярность и известность личности Карлоса Кастанеды связана с его интересом к воздействию психотропных веществ на сознание человека, в частности, активного алкалоида кактуса пейот мексалина. «Когда я познакомился с доном Хуаном, – пишет он, – я был очень прилежным студентом-антропологом и хотел начать свою академическую карьеру, опубликовав как можно больше материалов. Мне обязательно нужно было вскарабкаться вверх по академической лестнице, а для этого, по моим расчетам, не могло быть лучшего старта, чем собрание данных по использованию лекарственных растений индейцами Юго-Запада США» [3, с. 41]. В какой-то степени Кастанеда предвидел свою популярность, он сознательно заинтересовался исследованием воздействия психотропных растений, так как особенностью социокультурной действительности, господствовавшей в 60-х годах в США, было изучение и использование психоактивных веществ. С открытием ЛСД большая часть американского общества, от членов научного сообщества до представителей субкультур, были заинтересованы в измененных состояниях сознания. Увеличивалась численность исследований, посвященных классификациям психоактивных препаратов и проблемам воздействия галлюциногенов на сознание человека. По мнению Кастанеды, публикация им своих исследований мексиканских «растений силы» оказалась бы в тот период особенно актуальной. Как пишет исследователь творчества Карлоса Кастанеды Норберт Классен, «...первая публикация “Учений дона Хуана” была встречена восторженно как литературной критикой, так и представителями контркультуры, которая в конце шестидесятых годов достигла своего расцвета. Один из теоретиков контркультуры, Теодор Роззак, провел в 1968 году ин-

тервью с тогда еще малоизвестным Кастанедой – и лавина обрушилась. Спрос на “Учения...” был столь большим, что издательство “University of California Press” не могло с ним справиться и передало издание книги большому издательству “Ballantine”. И уже в 1969 году первенец Кастанеды был продан в невиданно большом количестве – более 300 000 экземпляров» [12].

Первое произведение Кастанеды, вышедшее в 1968 году «Учение дона Хуана: путь знания индейцев Яки» отражает поиски автора в области возможностей применения психоактивных веществ и их воздействия на сознание человека. Содержание данной работы Кастанеды позволяет рассматривать его систему взглядов в качестве «психоделического мистицизма». Именно таким термином характеризует мировоззрение Кастанеды один из авторов учебной философской литературы Балашов Л.Е., который говорит о том, что философия Кастанеды – это «...результат использования психотропных средств, точнее психоделиков. Это, по существу, психоделическая философия, философия измененного сознания, искусственно вызываемой психопатологии» [1, с. 108]. Однако Норберт Классен видит в этой работе более глубокое содержание идей. Он утверждает об этом произведении: «Ведь он написал “Учения дона Хуана” не для того, чтобы пропагандировать новые возможности бегства от реальности, но чтобы показать легкомыслие нашего кажущегося представления о прочной действительности» [12].

Несомненно, в своих ранних произведениях Карлос Кастанеда поддерживает идею важности употребления изменяющих обычное состояние сознания веществ, необходимых для трансформации привычных стереотипов механизированного стандартизованного общества. Он пишет: «...в то время учение дона Хуана начало серьезно расшатывать мою “идею мира”. Я стал терять общую для всех нас уверенность в том, что реальность повседневной жизни является навсегда чем-то навсегда гарантированным» [3, с. 182]. Для мыслителя психоделики «...должны были помочь, образно говоря, сцементировать части описания, которое я не был способен воспринять иначе. Мое стремление держаться за свою стандартную версию реальности делало меня почти слепым и глухим к целям дона Хуана. Поэтому необходимость использования психотропных растений диктовалась только моей нечувствительностью» [7, с. 434]. Данные мысли вполне отвечали требованиям духа времени, когда происходило повсеместное изучение воздействия психоделиков на сознание, а также и их употребление с целью изменения привычного взгляда на

мир, трансформации пространственно-временных характеристик повседневной картины мира и освобождения от социального давления.

Характерная мысль для контркультуры о психоделических экспериментах связана с наличием роли ситора (учителя или наставника), что перекликается с идеей «настроения и установок» Тимоти Лири. Так, один из теоретиков контркультуры Аллен Гинзберг в одной из бостонских церквей призывал каждого человека отправиться на природу, найти хорошего учителя, или индейского вождя, знакомого с ритуалом пейотля, или гуру, – и проверить свое сознание [см.: 15]. В духе проявления данной идеи контркультуры Кастанеды в своих произведениях осмысливает роль своего духовного наставника – дона Хуана Матуса. Описывая личный опыт приема психоделиков, он также склонялся к мнению о том, что данный опыт возможен только в присутствии учителя-проводника. Кастанеда пишет: «... дон Хуан ввел важнейшую часть своего учения: он снабдил меня некоторым особым консенсусом относительно действий и элементов, ощущаемых мною в неординарной реальности» [4], «...его мастерство в руководстве исходом последующими состояниями необычной реальности с этой точки зрения совершенно очевидно» [5].

Кастанеда осмысливает роль психоделиков даже в сфере воспитания. Называя пейот Мескалитом, Кастанеда пишет: «Он обучает нас тому, как правильно жить, он помогает и защищает тех, кто его знает. Та жизнь, которую вы, ребята, ведете, – это не жизнь. Вы не знаете, какое счастье – действовать сознательно» [9, с. 234]. Более того, по его мнению, именно многочисленные эксперименты с «растениями силы» являлись источником формирования системы взглядов древних Толтеков. «Первый шаг по пути знания Толтеки сделали, поедая *растения силы* из любопытства, от голода или по ошибке. Рано или поздно кто-то из них занялся анализом своих ощущений» [6, с. 14], – поясняет Кастанеда.

Интерес Кастанеды к раскрытию нового, свободного от социального программирования видения действительности посредством психоделиков перекликается с изучением и пропагандированием ЛСД Тимоти Лири. Известны факты некоторого влияния как личности и деятельности, так и идей Лири на становление учения Карлоса Кастанеды. Кристоф Бурсей указывает на то, что Кастанеда начинает собирать связанную с Лири информацию после того, как в 1963 году последний вместе с Ричардом Альпертом организовали движение под названием «Международная федерация за внутреннюю свободу» (ИФ-ИФ). ИФ-ИФ приобрела дом, расположенный в приморской деревушке Зихуатанехо,

превратив тем самым отель «Каталина» в пристанище психоделиков, ставший модным местом паломничества «просвещенных» калифорнийцев [см.: 2, с. 54-55]. В том же 1963 году навесит Тимоти Лири и Карлос Кастанеда с целью обучения у профессора из Гарварда. Появление на страницах книг Кастанеды образа ведьмы с именем «ла Каталина» исследователи связывают с отказом Лири в беседе и обучении Карлоса Кастанеды. Однако, по мнению одного из биографов Карлоса Кастанеды Ришара де Милля, «с 1968 по 1974 год карьера Лири приходит к закату, а звезда Кастанеды, наоборот, восходит. Соответственно, в каждой последующей книге Ла Каталина становится все менее ужасной. В “Учении Дона Хуана” она настолько ужасна, что на нее нельзя смотреть в ее подлинной форме. В “Отделенной реальности” она остается пугающей, но уже превращается в красавицу. В “Путешествии в Икстлан” она получает титул “достойного соперника”, а в “Сказках о силе” Дон Хуан, наконец, признается, что все это время она была другом, намеренно играющим роль врага. Таким образом возрастает великодушие метафор Кастанеды, и в результате он одерживает победу над этой католичкой-отступницей, над этой очаровательной противницей. И он вполне мог позволить себе подобное великодушие, ибо уже в 1969 ученый муж Теодор Роззак со всей искренностью объявляет его работы уникальным по своей важности вкладом в психоделическую литературу, утверждая, что они, похоже, пришли на смену “относительно дилетантским потугам Хаксли, Уоттса, Бэрроуза и Лири”» [14]. Существует также мнение об отсутствии сходства между Тимоти Лири и Карлосом Кастанедой, кроме опыта приема психоделиков. Данного взгляда придерживается Норберт Классен [см.: 11, 13].

Значительную роль в формировании интереса Кастанеды к проблеме воздействия психотропных веществ на сознание человека сыграл английский писатель Олдос Хаксли. Испытав под воздействием мескалина мистический опыт, он написал эссе «Двери восприятия», в котором подробно описывает свой опыт приема этого психоделика, и которое позднее стало культовым текстом для тысяч радикальных интеллектуалов 60-х годов XX века.

Анализ биографии Карлоса Кастанеды позволяет остановиться на факте увлечения автором личностью и идеями английского писателя. Многие из известных биографов Кастанеды признают его интерес к творчеству Олдоса Хаксли, а также последующее влияние его идей на мировоззрение и научную деятельность Карлоса Кастанеды. Однако не все исследователи равнозначно оценивают степень влияния определенных фрагментов целостной системы

взглядов Хаксли на мировоззрение Кастанеды. Так, Кристоф Бурсейе склоняется к тому, что Хаксли заrazil начинающего антрополога интересом именно к пейотным культам, так как творчество Хаксли было главным увлечением Кастанеды, а «Двери восприятия» стали на тот период его настольной книгой [см.: 2, с. 35]. Однако биографические сведения жены Кастанеды Маргарет Раньян Кастанеды открывают более глубокие выводы, касающиеся интереса её мужа к творчеству Олдоса Хаксли. В «Магическом путешествии с Карлосом» она повествует о том, что «Двери восприятия» Хаксли стали главным фактором пробуждения в Кастанеде интереса к мистицизму, так как до прочтения данного эссе «Карлос относился к мистицизму и измененным состояниям сознания как к чему-то низкопробному и не заслуживающему особого доверия» [10].

В связи с изменением отношения государственной власти к применению психоделиков и последующим их запрещении взгляды Карлоса Кастанеды относительно «растений силы» подверглись трансформации. В более поздних произведениях он не настаивает на обязательной стадии ученичества, для которой характерно употребление данных веществ. Кастанеда развивает систему психофизических практик, названных им «магическими пассажами», которые позволяют дойти до уровня восприятия, достижимого средствами употребления «растений силы».

Таким образом, первоначальные исследования Кастанеды в области применения психоактивных веществ и их воздействия на сознание трансформируются в интерес к мистическому объяснению возможностей человеческой психики, в котором идея использования наркотических препаратов приобретает негативную оценку.

Однако перемена оценки влияния психоделиков на сознание субъекта не изменила негативного отношения Кастанеды к проблеме социального воздействия и давления на человека. Ярким примером проявления данного вопроса во взглядах мыслителя является рассмотрение современного ему академического знания, которое он противопоставлял учению дон Хуана, что позволяет сближать позицию Карлоса Кастанеды с идеями контркультуры, для представителей которой школы, колледжи и университеты представлялись в качестве фабрик по производству стандартизованных роботов-конформистов.

Противопоставляя академическую науку западного мира традиции обучения и воспитания мексиканских индейцев, Кастанеда рассматривает собственный диалог с Хуаном Матусом. На вопрос своего учителя: как ты думаешь, мы с тобой равны? – Кастанеда ответил утвердительно, но в действи-

тельности, как он пишет, «...я оказывал снисхождение. Я чувствовал к нему очень большое тепло, несмотря на то что временами я просто не знал, что с ним делать. И все же я держал в уголке своего сознания – хотя никогда и не сказал бы этого вслух – веру, что я, студент университета, человек цивилизованного западного мира, выше, чем индеец» [7, с. 489]. Существенным противопоставлением западному миру с его системой образования традиции индейцев служит ответ Кастанеде его учителя: «Нет, – сказал он тихим голосом, – мы не равны. Я охотник и воин, а ты паразит» [7, с. 489]. Позднее Кастанеда утверждает даже примат шаманского миропонимания над академическим знанием: «...я уже научился смотреть на его образ жизни и на его знание как на высшее достижение» [7, с. 373]. Он видит альтернативу образованию западного типа, не позволяющего воспринимать мир целостно, в различных шаманских техниках, которые были «...направлены на то, чтобы сделать меня самого и мир текучими, поместив все это за границы обусловленности. <...> Текучий воин не может больше принимать мир в хронологическом порядке. <...> Для него мир и он сам не являются больше предметными и плотными» [8, с. 42]. В духе контркультуры Кастанеда повторяет мысль о прикованности людей к собственному рассудку и утверждает необходимость оставить попытки понимания. «Понимание – это очень небольшое дело, совсем маленькое» [9, с. 424], – утверждает он.

Умаление роли академического знания в период контркультуры было связано не только с идеей социальной фабрикации, но в большей степени с релятивизацией истины, которая явилась следствием экспериментов с психоделиками. Как у Кастанеды, так и у других людей, проводивших эксперименты с сознанием, прослеживается связь приёма психоактивных веществ и последующее изменение мировидения. «Я осознавал и окружающее, и процесс мышления, которое оно во мне вызывало, – пишет он. – Но я не мог думать так, как обычно» [8, с. 17].

Нигилизм Кастанеды по отношению к системам рационального объяснения мира не исключает наличие истины вообще и тем более возможность ее понимания отличными от рационализма способами. На смену отказа от рационалистически понимаемой реальности, от рационального способа объяснения мира Кастанеда приводит альтернативный ему способ описания реальности. Устами своего учителя Кастанеда провозглашает новые методы (шаманские техники – «магические пассы», видение, танец и др.) объяснения мира и способа действовать: «...система его знания позволяла систематически различить “видение” и “смотрение”

как два разных способа восприятия. “Смотрение” подразумевает тот обычный способ, каким мы привыкли воспринимать мир, в то время как “видение” обозначает сложный процесс, благодаря которому человек знания, как считается, воспринимает “сущность” вещей мира» [9, с. 183]. Другими словами, под видением Кастанеды подразумевается отвечающее перцептуальной установке проявление мира, находящегося вне реальности.

В концепции «видения» (непосредственного восприятия сути вещей) содержится также мысль контркультуры о переходе человечества на более высокую ступень эволюции посредством развития высшего (космического) уровня сознания. Для Кастанеды вопрос о видении занимает одно из центральных значений в его общей системе воззрений, так как именно этот метод позволяет раскрыть суть механизма всех процессов реальности.

Преимущество видения для мыслителя именно в этом и состоит. Он пишет: «Ты сможешь видеть их такими, каковы они в действительности» [9, с. 209].

Таким образом, Карлос Кастанеда является выразителем периода становления и развития контркультуры, связанной с «культурной революцией». Об этом говорят как факты биографии мыслителя, так и сходные с контркультурным выражением идеи.

Общее между идеями контркультурного сознания и взглядами Карлоса Кастанеды является: иррационализм как способ рассмотрения мира, использование психоделиков для устранения давления социальных стереотипов на мышление и поведение, придание важного значения духовному учителю, отказ от рационализма как универсального метода объяснения явлений и процессов действительности, утверждение иного способа поиска и объяснения истины (видение у Кастанеды).

Библиографический список

1. Балашов Е.Л. Философия. М.: Дашков и К, 2003. 605 с.
2. Бурсейе К. Карлос Кастанеда. Истина лжи. М.: ИД Флюид, 2008. 208 с.
3. Кастанеда К. Активная сторона бесконечности. Колесо времени. М.: Эксмо, К.: София, 2002. С. 5-338.
4. Кастанеда К. Учение дона Хуана. Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1992. С. 391.
5. Кастанеда К. Разговоры с доном Хуаном [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/8312p78.html>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Кастанеда К. Огонь изнутри. Сила безмолвия. Искусство сновидения. М.: Эксмо, К.: София, 2002. С. 5-262.
7. Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. Учение дона Хуана. М.: Эксмо, 2002. С. 427-687.
8. Кастанеда К. Сказки о силе. Второе кольцо силы. Дар Орла. М.: Эксмо, К.: София, 2002. С. 5-242.
9. Кастанеда К. Отдельная реальность. Учение дона Хуана. М.: Эксмо, 2002. С. 175-426.
10. Кастанеда М.Р. Магическое путешествие с Карлосом [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.yugzove.ru/book/margaret.zip>, свободный. – Загл. с экрана.
11. Классен Н. Мудрость толтеков. Карлос Кастанеда и философия дона Хуана. К.: София, 1996. 288 с.
12. Классен Н. Мудрость толтеков в новой эпохе [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/205776/read>, свободный. – Загл. с экрана.
13. Классен Н. Мудрость Толтеков в новой эпохе. Карлос Кастанеда и завещание дона Хуана мечта. К.: София, 1999. 256 с.
14. Милль де Р. Постигание Кастанеды [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://ariom.ru/zip/2001/De-mille.zip>, свободный. – Загл. с экрана.
15. Стивенс Дж. Штурм небеса: ЛСД и американская мечта. М.: Ультра.Культура, 2003. 560 с.

О.А. EZHOVA

THE SPECIFICITY OF PERSONALITY AND WORLDVIEW OF CARLOS CASTANEDA

The article is dedicated to the analysis of the specific characteristics of Carlos Castaneda's biography considering the ambiguity of the author's own interpretations. This reflects, on the one hand, the influence of place, which shaped the identity of Carlos Castaneda, on the second hand - the influence of socio-cultural realities associated with the counterculture, in which a scientific interest of the young anthropologist was formed, on the third hand - the influence of the specific features of the teaching on the biography of Carlos Castaneda.

Key words: *Castaneda, the nagual, personal history erasing, altered state of consciousness, psychedelic, vision, counterculture.*

Т.В. КАЗАРОВА

доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского городского педагогического университета

E-mail: exicution@rambler.ru

Тел. 8 916 554 33 52

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается сущность социально-исторического процесса, начавшегося в России в конце прошлого века и продолжающегося сегодня. Методологическим инструментарием анализа является социально-философское понятие общества. Исходя из дефиниции общества как исторически определенной системы общения, следует вывод, что после разрушения советского типа общества в России происходит процесс формирования иной, по сравнению с предшествующей, социальной системы. Поэтому употребление в социально-философских исследованиях понятий «модернизация общества» или «реформирование» применительно к современной России является некорректным, не отражающим сущности процесса.

Ключевые слова: общество, реформирование, модернизация, трансформация, революция.

Современные отечественные социальные науки активно оперируют понятиями «модернизация российского общества», «трансформация российского общества» и даже «реформирование российского общества». Понятие «общество» является полисемантическим, и каждая область социогуманитарного знания уточняет его содержание исходя из своего предмета. В широком смысле общество есть «совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей» (5; с. 132).

В эмпирических социологических исследованиях российского общества предметом изучения является состояние населения, масс, социальных групп, региональных агломераций и др. Кстати, социолог имеет методологическое основание называть население региона или социальную массу обществом. Но грамотные социологи предпочитают говорить о России как историческом субъекте, как нации, как социокультурном образовании. Однако для социальной философии понятие «общество» имеет принципиальное теоретическое значение, особенно когда предметом исследования является трансформация российского общества, ведь, по сути, предметом исследования является *изменение общества* в России. Какое же общество «трансформируется» или «модернизируется»?

Как известно, в социальной философии (здесь имеется в виду и теоретическая социология) сложились два основных методологических подхода к пониманию общества.

Методологический индивидуализм — «доктрина, утверждающая, что факты, относящиеся к обществу, и социальные явления вообще следует объяснять исключительно на базе фактов об инди-

видах» (4; с.221). Иными словами, общество есть некая интегральная сумма действий, решений и позиций индивидов. Данный подход начали разрабатывать Т.Гоббс, Д.Юм, Ж.-Ж.Руссо, Д.Милль, а наиболее известные представители данного подхода — М.Вебер и К.Поппер. Данный подход определяют как «социологический номинализм» (Ю.Н.Давыдов), проводя тем самым аналогию с дискуссией средневековых реалистов и номиналистов о природе общих понятий. Тем не менее, при решении таких непростых проблем, как соотношение общества и государства, общества и индивидов философы выходили за рамки своей парадигмы, развивая диалектику взаимоотношения социальных субъектов. Т.Гоббс вслед за Платоном и Аристотелем рассматривал общество и государство как тождественные образования, а догосударственную жизнь людей или «естественное состояние» считал досоциальным. «Общество предстает у Гоббса как результат некоторого основополагающего социально-правового акта» (5; с.133), сращенность общества и государства в его концепции указывает, что гражданское (национальное) сообщество возможно только как политически организованное. Развитие исторической науки и этнологии продемонстрировало несостоятельность гоббсовской уверенности в до- и антисоциальном характере «естественного состояния». Этнос или община также являются формами социальности, но складывающимися и функционирующими посредством менее искусственных механизмов. Поэтому в них способы и формы социального взаимодействия, действительно, в большей степени зависят от действий индивидов, чем в условиях государствен-

ной организации. Впрочем, тенденция поиска основы социальности не в политической организации, но в сфере хозяйственных взаимосвязей или в сфере культуры возобладала довольно быстро.

Холистическая методология, иногда ее называют «методология тотального», составляет суть второго подхода к пониманию общества. Онтология социального и трактовка общества как целостности, формирующей индивида и его сознание, наиболее основательно была разработана Гегелем в рамках объективного идеализма. В более узком контексте ее развивал Э.Дюркгейм. Его концепцию нередко называют коллективистской, т.к. основными понятиями дюркгеймовской концепции природы социального являются «коллективное сознание», «органическая солидарность» и др. Холизм как метод трактовки общества рассматривает его как целостность, предстоящую единичному. Это некое «божественное социальное» (М.Маффесоли), подобно Творцу созидующее индивидов «по образу и подобию». В историческом материализме К.Маркса был представлен диалектический вариант холистической трактовки общества. Признавая первичность социальной структуры по отношению к индивиду и ее объективно-экономическую природу, К.Маркс полагал человека свободным существом, способным познавать историческую закономерность и действовать в соответствии с логикой истории. Эта методология была основательно разработана в советском истмате, но там же и трансформирована. Конкретно-исторический тип общества (общественно-экономическая формация), по мысли отечественных философов советской эпохи, «производит» соответствующий тип личностей, которые своими коллективными усилиями воспроизводят бытие и сознание общества. Однако крайняя форма социального холизма была развернута в постмодернизме, хотя его представители никогда не претендовали на создание социологических теорий. В работах М.Фуко, Ж.Делеза, Ф.Гваттари, Ж.Бодрийяра социальные институты, связи и отношения, в системе которых существует индивид, предстают как внешняя, отчужденная от него сила. Социум обладает наиндивидуальной природой, это система складывается и функционирует не просто независимо от воли и сознания людей, но и вопреки их воли и сознанию. Наиболее внятно природа социума была раскрыта Ж.Бодрийяром, увидевшим в знаковых системах, опосредующих связи и отношения между индивидами, генетику социального.

В современной философии существует и третий подход, где пытаются синтезировать рациональные зерна двух методологических позиций и избежать

их крайностей. В частности, по мнению П.Бергера, «социальную структуру нельзя охарактеризовать как некую самостоятельную вещь, отдельно от человеческой деятельности, производшей ее». (3; с.62-63). Но система знаков, деньги, технологии и стереотипы социальной практики «функционируют независимо от моего пользования ими» (3; с.60). Вместе с тем, с точки зрения Бергера, языки, формы политической и экономической организации, культурные и этические нормы являются воплощениями человеческой субъективности. Р.Бхаскар, предлагающий аналогичную концепцию, интерпретирует модель Бергера следующим образом: «общество есть объективация или «овнешнение» человеческих существ. А эти последние, со своей стороны, повторно присваивают или «овнутряют» (интернализуют) в своем сознании общество» (4; с.227). Строго говоря, уже в социально-философской концепции К.Маркса была заложена основа данной модели, о чем упоминает Рой Бхаскар. Сам он является противником бергеровской конструкции, утверждая, что «люди и общество не связаны «диалектически». Однако, по сути, его модель несущественно отличается от концепции П.Бергера и еще менее отличается от концепции К.Маркса. Р.Бхаскар утверждает, что человек и социум – это две онтологические реальности, связанные между собой динамически: социальные структуры могут быть лишь относительно устойчивыми, поэтому направления человеческой деятельности, которые они поддерживают, не могут не быть инвариантными. Общество существует только в человеческом действии, но человеческое действие всегда выражает и использует ту или иную социальную форму (4; с.229). И все же тезис Р.Бхаскара «оно (общество – Т.К.) всегда предшествует им (индивидам – Т.К.) и составляет необходимое условие для их деятельности» (4; с.229) свидетельствует о том, что его теоретическая позиция, как и позиция П.Бергера, развивается в рамках холистического подхода.

Первичность социального (коллективного) по отношению к индивидуальному в процессе антропосоциогенеза имеет серьезное эмпирическое и теоретическое подтверждение. Коллективные схемы действий и коллективные представления генерировались раньше, чем стало возможным индивидуальное «целеполагание» (8). Разумеется, человеческая деятельность, осуществляясь в той или другой социальной форме, модифицирует социальную структуру. Но для того, чтобы человек начал осуществлять деятельность как целеполагающую и рациональную активность, ему необходимо стать человеком, т.е. *оформиться из индивида в личность*, что возможно только в *системе социальных связей*

и отношений. Другое дело, что между типом социальной системы и типом личности нет однозначной каузальной связи.

«Социологический реализм», а именно так дефинируют вышеизложенный подход к пониманию общества, чаще всего не отождествляет социальность и государственность. У К.Маркса, как известно, субстанцией общественного бытия является материальное производство, а государство возникает на определенной ступени исторического развития человечества, имеет классовую природу и в исторической перспективе лишится своего социального основания – классовой дифференциации. В современной философии существует теоретическая установка «развести» не только социальность и государственность, но социальность и хозяйство. Обращаясь к понятию позднего Парсонса «общественное сообщество», Дж.Александр видит в нем попытку объяснить, как сфера солидарности может отличаться от рынка и государства. (1; с.233). Как представляется, здесь Дж.Александром заложена продуктивная основа для уточнения содержания социально-философского понятия «общество». Французское «solidarite» буквально означает общность интересов и совместную ответственность. Является ли солидарность атрибутом исторических субъектов (племен, народов, наций) или она составляет модус их бытия – вопрос, требующий фундаментального философско-исторического исследования.

Резюмируя состояние понятия «общество» в современной философии и социологии, Ю.Н.Давыдов приходит к выводу: «Современной социологии свойственна дискредитация самого понятия «общество», мотивируемая его непреодолимой «двусмысленностью» и «многозначностью» (5; с.134). Вместе с тем, он предлагает следующее, узкое, определение общества: это «структурно определенный тип общения, предстающий как исторически определенная целостность» (5; с.133). Итак, общество в социально-философском понимании – это система связей и отношений (общения), выступающая модусом бытия исторического субъекта, оформляющая общность интересов и обуславливающая совместную ответственность групп и индивидов. Эта система, отличаясь пластичностью и динамичностью структуры, тем не менее, характеризуется темпоральной устойчивостью и качественной определенностью.

История знает различные виды модификации социальной системы. Реформирование, модернизация и т.п. совершенствуют элементы и структуру общества, сохраняя его качественную или типологическую идентичность. Русская реформа 1861

г., отменившая прикрепление крестьян к земле, не меняла в целом сущность российского социума. Общество может подвергнуться разрушению под воздействием совокупности внутренних противоречий и внешних факторов. Так, в частности, шло разложение социальной системы в Римской империи. Как правило, такой процесс продолжается сравнительно долго и медленно. Но есть и иной процесс – слом, сокрушение системы в результате целенаправленных действий, называемых, как известно, революцией, а не реформированием. То есть трансформация общества может быть как эволюционной, так и революционной, когда разрушаются не только формы, но и содержание социальных связей и отношений. Историки и философы правомерно называют события европейской истории XVI-XVIII веков эпохой буржуазных революций, а российские процессы 1917 г. прошлого века – большевистской (социалистической) революцией.

Что произошло в России в конце XX века? Началась модернизация? Увы, началась эпоха новой революции.

Люди старшего поколения помнят идеологию и практику перестройки второй половины 80-х годов, когда, действительно, начинался процесс реформирования и поэтому модернизации той социально-экономической и политической системы, которая называлась «советское (социалистическое) общество». Кстати, короткий всплеск воодушевления и энтузиазма населения в 1985-1989 годах в связи с грядущими реформами лишний раз свидетельствует об общности интересов. Перестроечные реформы должны были усовершенствовать систему, не ломая ее, а только осовременивая, эволюционно развивая как содержание, так и формы социальных связей и отношений. Насколько грамотной была эта программа, насколько она была жизнеспособна – вопрос открытый. Однако вскоре этот процесс остановился и начался другой.

Поскольку всякая социальная система трансформируется в результате сознательных усилий акторов, в качестве которых выступают группы и индивиды, то ее трансформация предполагает некую программу. Была ли такая программа у тех, кто оказался в авангарде политических процессов начала 90-х годов? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, какая социальная группа оказалась в авангарде после 1991 г. И обнаружим, что их было две. Первая была сложной по составу. В нее входили представители партийной номенклатуры, авантюристы всех мастей – от ученых и сотрудников госбезопасности до представителей криминального мира, а также наиболее предприимчивые индивиды из разных слоев общества, жаждавшие экономической сво-

боды. Вторую группу составляли персоны, сохранившие политические и социально-экономические планы перестроечной идеологии и представляющие разные социальные группы. Однако в короткой *политической* борьбе за лидерство вторая группа была уничтожена как социально-политический субъект, а ее отдельные участники либо погибли физически, либо отошли от политики, либо переметнулись в первую. Целью авангарда было разрушение тех политических и социально-экономических устоев, которые препятствовали достижению личных целей: вхождение в мировую элиту, обогащение, обретение властных полномочий или достижение публичности. Революционная идеология разрушения, по интенции напоминавшая идеологию большевизма, составляла суть программы, которой руководствовалась данная группа. И ее программные действия были вполне успешны. Можно сказать, что в 90-е годы над Россией нависала угроза разложения, уничтожения и как исторического субъекта, и как нации, ибо трансформация государства оборачивалась его дисфункцией.

Можно констатировать, что советское общество как «структурно определенный тип общения» перестало существовать в начале 90-х годов прошлого века. Что остается, когда перестает существовать конкретно-историческая система социальных институтов, связей и отношений? Остается население. Ю.Пивоваров дефинирует этот остаток еще жестче – популяция. Не будем употреблять этот биологический термин. Это население, и оно является носителем социальной памяти, социального бессознательного, ментальности и др. Сегодня можно сказать, что нация сохранилась, ибо трансформировалось, но сохранилось государство – атрибут нации. Однако полиэтническая российская нация находится в критическом состоянии, ибо после распада старой ценностно-идентификационной системы активизировались иные типы социокультурной идентификации – этнической, религиозной, конфессиональной, региональной. Все жалкие попытки «придумать» национальную идею только доказывают критическое состояние нации. Социокультурное и экономическое пространство является дискретным как горизонтально, так и вертикально. Разница в уровнях доходов, информационных и рекреационных возможностях разных слоев населения несоизмерима и может способствовать только дальнейшей дезинтеграции нации. Целостность современной России обеспечивает только государство. В России сегодня нет общества. Но осталось население. И пока есть основания считать, что сохранилась нация, пусть и переживающая критическое состояние.

Нацию спасли *органы государственной безопасности*, точнее, их представители, не лишенные гражданской ответственности, которые остановили процесс разрушения государства. Нелишне вспомнить, что первые действия команды В.Путина были направлены на укрепление государства, усиление вертикали власти, снижение напряженности среди населения, уставшего от нищеты и действий политических авантюристов. За 11 лет деятельность нового президента, его преемника и их команд снизила уровень угрозы уничтожения нации, а с другой стороны – создала возможность для конструктивной деятельности, нацеленной на формирование новой социальной системы. Есть основания говорить, что второе десятилетие Россией руководит группа, имеющая конструктивную идеологическую программу, ее цель не разрушение, ибо разрушено все, что можно, но – сохранение населения и стабилизация страны. Даже учитывая, что представителям высшей российской власти отнюдь не чужды приватные интересы и их обеспечение, следует признать, что идеологическая программа как в области экономики, так и в области государственной и социальной политики носит позитивный характер.

В настоящее время в России *формируется* общество как система связей и отношений. Но если учесть, что эта система с необходимостью должна создаваться не только институционально, формально, но посредством консолидации интересов разных социальных групп и слоев, то придется признать, что современная Россия весьма далека от того, чтобы быть обществом.

Итак, во-первых, пора отказаться в социально-философских исследованиях от идеологических слоганов «модернизация общества», «трансформация общества» применительно к современной ситуации в России. Не точнее ли говорить о формировании нового общества – системы социальных связей и отношений, качественно отличающейся от предыдущей – или же, как сейчас принято писать, нового социума. Ибо пока отечественная социальная философия будет рассматривать происходящее в России как трансформацию, модернизацию, а тем более реформирование, что вообще далеко от истины, мы так и не дойдем до понимания сущности процессов. Насколько современной, если толковать буквально слово «модерн», является социальная система, формирующаяся в России, – отдельный вопрос, и он выходит за рамки нашей темы.

Во-вторых, признав, что сегодня идет процесс формирования общества, необходимо указать главного субъекта этого процесса – политическую элиту. Это лишний раз доказывает справедливость утверждения: «Русская Система – это такой спо-

соб взаимодействия ее основных элементов, при котором Русская Власть – единственный социально значимый субъект...» (6; с.186). Однако традиция взаимоотношения власти и общества в России всегда характеризовалась одной специфической чертой: в России *власть никогда не служила обществу*, т.е. не выполняла свою главную функцию. При этом российская власть нередко использовала общество (население) для повышения своего статуса на международной политической арене.

Нынешняя российская политическая элита представляет интерес для мировой элиты постольку, поскольку за ней стоит Россия с ее топливно-энергетическими запасами, огромными территориями и еще окончательно не утраченным культурным потенциалом. Поддержание своего статус-кво инициирует деятельность политической элиты и определяет главные пункты программы:

- сохранение населения и строительство дорог для удержания географического пространства нынешнего *государства*;

- интенсивное освоение новых месторождений и дальнейшее развитие ТЭК для сохранения экономической значимости *государства* на мировой арене;

- перевооружение и реформирование армии для обеспечения обороноспособности *государства*;

- предотвращение нарастания социального недовольства масс (различные социальные программы, компенсации, индексация пенсий, борьба с коррупцией, контроль за действиями администрации и т.п.) в целях предупреждения выступления народа против *государственной власти*;

- интеграция населения с помощью пропаганды спорта, культурно-массовых мероприятий, совершенствования судебной-правовой системы для восстановления в массовом сознании уважения к своему государству и поднятия престижа российского государства на международной арене.

Таким образом, программа властной элиты России нацелена на сохранение, развитие, укрепление Российского государства. Цель, безусловно, исторически оправданная, можно сказать, даже благородная. Поэтому и рождаются следующие сентенции: «Для осуществления государственной политики и создания системы государственного управления необходимо проникнуться духом государственности (державности). ...Государственное мышление в основе своей предполагает в качестве доминанты сознания и системы ценностей *государство* (выделено мною – Т.К.) как историческое образование, оформляющее конкретные культуры и цивилизации» (1; с.277). Но принимая во внимание традиционное «дистанцирование власти от

популяции» (Ю.В.Пивоваров) как специфической черты русской системы, отношение власти к населению как к сырьевому приладку своей машины, не следует надеяться, что формирующаяся социально-экономическая и политическая система будет отражать интересы общества (здесь подразумевается общепотребляемое понятие общества как населения или нации). У нас всегда были *богатое государство и бедный народ, сильное государство и слабое общество*, если иметь в виду способность и возможности населения в воздействии на власть.

Специфика русской системы определяется не только позиционированием власти, но и самим российским обществом. За все время своей истории Россия так и не стала целостностью, со-обществом, оставаясь по преимуществу населением, разделенным на сословия, классы, «прослойки», страты, этнокультуры, конфессии. Даже активная идеологическая и практическая работа по созданию «советского» сообщества, имевшая, безусловно, определенный результат, не только оказалась недостаточно эффективной, но и осталась незавершенной. Советская идеологическая машина, работая на прочность государства, постоянно выискивала среди населения «своих» и «чужих». Современное социально-экономическое и культурное расслоение российского населения сопоставимо с сословным и внутрисословным разделением населения дореволюционной России. Кстати, явный тандем государства с православной церковью в поликонфессиональной России таит в себе перспективу и конфессионального расслоения.

По словам Гегеля, история проходит (происходит) дважды: один раз в виде трагедии, другой раз – в виде фарса. Однако российская история и подтверждает философскую иронию великого диалектика, и заставляет усомниться в ней. Менее чем за сто лет Россия дважды пережила революцию. Но в истории России, увы, даже фарс, как правило, оборачивался трагедией.

Мышление гуманитария так уж устроено, что начало нового века невольно стимулирует ассоциативные аналогии: 1914 год – 2014, 1917 – 2017 и так далее. Впрочем, есть и более серьезное основание для исторических аналогий. В начале XX века аграрная досоветская Россия наконец-то перешла к задачам капитализации экономики, решая их крайне медленно и малоэффективно. Спустя сто лет в уже постсоветской России начался тот же самый процесс. Это аналогия первая.

Аналогия вторая. В двадцатых годах прошлого века в стране шло построение новой социально-экономической и политической системы, основами которой являлись «общественная» (государствен-

ная) собственность, индустрия и однопартийная власть. Этот процесс шел после тяжелейшего периода гражданской войны, вызвавшей не только социальный хаос и разрушение национального хозяйства, но и массовую эмиграцию. Спустя почти век после вакханалии «ельциновской эпохи», оставившей руины фабрик и заводов, на территории которых обосновались рынки и склады, зарастающие поля и стремительно сокращающееся население, утвердившая себя во власти безальтернативно партия «Единой России» поставила цель восстановления и развития национального хозяйства. И опять в системе иных социально-экономических отношений.

Уродливую форму экономической системы, основанной на частной собственности, которая существует в современной России, не стоит объяснять только дефектами приватизации, коррупцией, инертностью населения, бюрократическими проволочками и несовершенством законов.

Причины лежат и в глобальных социально-экономических процессах современности.

Россия начала капитализацию экономики во второй раз в совершенно иных исторических условиях, нежели начало прошлого столетия. И сразу же заразилась болезнью современного глобального капитализма – перебрасыванием капитала из производственной сферы в финансовую. По утверждению П.Друкера, одного из основоположников теории постиндустриальной цивилизации, сегодня деньги сами превратились в товар, а спекуляция на курсах валют в наиболее выгодную рыночную операцию. Как свидетельствует статистика, за последние 20 лет *ежедневный* объем сделок на мировых валютных рынках возрос от 1 млрд. долларов до 1200 млрд., а обмен товарами и услугами – всего на 50%. Аккумулирование финансовыми операциями капитала, который не превращается в прямые инвестиции, уходит не в производство, а в спекуляции, одним из видов которой является и кредитование, считают опасным и уродливым явлением «постиндустриальной» экономики. Анализируя процесс глобализации в области финансов, группа английских и американских экспертов в книге «Глобальная экономика в переходный период» сделала вывод: «По мере того, как финансовые институты и финансовый капитал все больше выходит за границы национального финансового пространства, формируется новая «постнациональная» география. В центре этой географии – группа все более могущественных и влиятельных финансовых структур, состоящая из густой сети финансовых институтов

и рынков, которые распространяют свою власть в глобальном масштабе» (7;78). Мировой экономический кризис 2008-2009 имел именно финансовую, а не производственную природу. Заинтересованность российской элиты не в производственном капитале, а в финансовом, непосредственным участником которого она является, очевидна. Уродливая форма российской экономической системы – это частное проявление уродства всей современной глобальной экономики. Кроме того, утопическая программа по созданию «постиндустриальной экономики» в стране, научный и образовательный потенциал которой невысок, а производство промышленной техники и товаров массового потребления не развито, породила только сектор финансовых и торговых услуг, внутри которого идет своя игра. В России сегодня торговых компаний и банков больше, чем производственных предприятий.

Во-вторых, экономическая система, сущность которой составляют товаро-денежные отношения и частная собственность, вероятно, достигает своего исторического предела, исчерпав свой потенциал. За первой волной кризиса 2008-2009 г.г. нарастает вторая волна. Глобальная экономика входит в стадию системного кризиса. Мировая элита пытается всеми силами сбалансировать систему и предотвратить негативные политические последствия. Немаловажная роль в сохранении экономической и политической стабильности принадлежит национальным элитам. От готовности супербогатого слоя поступиться своими финансовыми интересами ради нации зависит единство и экономическая жизнеспособность национального сообщества. Так, миллионеры Германии предложили увеличить налог на собственную прибыль. А в конгрессе США аналогичное предложение президента Обамы не прошло.

Сегодня в России общество как система социальных связей и отношений, как определенный тип солидарности, т.е. «общество» в социально-философском понимании, находится в процессе формирования. Дезинтеграция российского населения, дистанцирование власти от него, а также всей элиты от нации, критическое состояние самой нации тормозят этот процесс. Вместе с тем они создают трудности как в преодолении частных недостатков новой социально-экономической системы, так и в противостоянии негативным влияниям состояния глобальной экономики. Как и чем завершится процесс «модернизации России», а точнее создание нового общества – вопрос открытый.

Библиографический список

1. *Александр Дж.* После неофункционализма: Деятельность, культура и гражданское общество// Социология на пороге XXI века. М., 1998, С.231-249
2. *Андреев А.П., Селиванов А.И.* Русская традиция. М., Алгоритм, 2004. 277 с.
3. *Berger P. and Pullberg S.* Reification and the sociological critique of consciousness. New Left Review, 1966
4. *Бхаскар Р.* Общества. Социологос – социология, антропология, метафизика. М., Прогресс, 1991. Вып 1.
5. *Давыдов Ю.Н.* Общество. Новая философская энциклопедия в 4-х томах. М., Мысль Т.3, С. 132-135
6. *Пивоваров Ю. Фурсов А.* Русская Система и реформы. «Pro et Contra», 1999, Т.4, №4. С.170- 192.
7. *The Global Economy in Transition.* Harlow, 1996. P.218
8. *Бородай Ю.М.* Эротика-смерть-табу. М., Гнозис, 1996; *Казарова Т.В.* Человек: существование-деятельность-культура. М., Станкин, 1998.

T.V. KAZAROVA

**TRANSFORMATION SOCIAL IN RUSSIA AS THE OBJECT
PHILOSOPHIC ANALYSIS**

The essence of modern social process in Russia is considering this article. A philosophical concept “society” is methodical instrument for comprehension some modern social events. So it is a process is formed another new social system after destruction Soviet system. Therefore a use the concept “modernization society” and “reformation society” isn’t correct in philosophical research modern processes in Russia.

Key words: *a social, a reformation, a transformation, a modernization, a revolution.*

З.И. КОМАРОВА

ассистент кафедры философии и культурологии
Орловского государственного университета

E-mail: Zoe.Komarov@gmail.com

Тел. 8 960 649 61 77

ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ НАУЧНОМ И ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье мы обращаемся к рассмотрению понятия, категориальный статус которого на сегодняшний день не определен, значение размыто, при этом термин, обозначающий его, используется достаточно широко. Нами осуществляется попытка определить место и роль понятия «социальная реальность» в современном отечественном научном и философском дискурсе через анализ употребления данного термина. Исследуются статьи, в которых он используется (проблематика статей, конкретный контекст употребления термина, его синонимы), и определяется круг явлений, для отражения которых выбирается данный термин как более предпочтительный, вытесняя другие, менее удачные в данном случае термины.

Ключевые слова: социальная реальность, общество, социальность, глобализация, мифологизация, демифологизация, индивидуализация, игроизация, инфантилизация, виртуализация.

Ситуация, связанная с использованием понятия «социальная реальность», такова, что, несмотря на введение термина в научный дискурс Шюцом еще в 1952 году, в современной отечественной философской и научной литературе он не имеет четко определенного значения. Как правило, словосочетание «социальная реальность» используется в качестве синонима таких терминов, как «общество», «социальное бытие», «социальная жизнь», «социум», «социальная действительность». Более того, термин «социальная реальность» стремительно вытесняет термин «общество» в описании не только совместной жизнедеятельности современных людей, но даже прошлых эпох. Практически никто из отечественных исследователей, использующих данный термин, не наделяет его каким-либо самостоятельным значением, не рефлексировывает специфику его употребления, уместность использования в различных контекстах, так что функционирование словосочетания «социальная реальность» больше напоминает не научное и философское понятие, а скорее выражение разговорного языка. С другой стороны, частота использования этого термина в современном отечественном научном и философском дискурсе очень высока. Оба эти момента наводят на мысль, что мы присутствуем при втором после Шюца и, думаем, окончательном рождении нового философского понятия, а, следовательно, и при обнаружении, обосновании, исследовании той совокупности явлений, которая фиксируется в понятии «социальная реальность».

Это уникальная возможность – быть современниками подобных процессов. Мы считаем, что изучение процесса формирования понятия «соци-

альная реальность», из интуитивно, и, зачастую, противоречиво используемых терминов позволит осуществить его более глубокую, философскую рефлексию и дать обоснованное и точное определение. Поэтому мы решили исследовать использование термина «социальная реальность» в современных отечественных гуманитарных науках и философии, анализируя статьи, написанные в промежутке с 2006 по 2010 год. Анализ осуществлялся с использованием следующих параметров: 1) раздел философии или гуманитарная наука, в рамках которой используется термин «социальная реальность»; 2) проблемы, в связи с которыми он употребляется; 3) контекст употребления данного термина (особые акценты); 4) его возможные синонимы; 5) наиболее часто употребляемые синонимы.

Исследованные нами статьи относятся к области истории зарубежной философии, истории русской философии, социальной философии, психологии, высшему образованию, социологии повседневной жизни, социологии подсистем и институтов, социологии нормативных и оценочных аспектов культуры, социологии коммуникации, а также написаны на стыке философии и социологии коммуникации, философии и социологии глобальных обществ, философии и социологии ценностей, философии и социологии социализации. Причем, основную часть статей составили статьи по социальной философии, социологии и статьи, написанные на стыке философии и социологии.

Рассмотренные статьи были посвящены следующим проблемам: проблеме структуры социальной реальности, проблеме позитивного конструирования социальной реальности, проблеме коммуни-

кации как процесса, формирующего социальную реальность, проблеме знаковой природы социальной реальности, проблеме виртуализации, мифологизации, демифологизации и ремифологизации социальной реальности, проблеме психологической адаптации личности к социальной реальности в условиях быстрых социальных изменений, проблеме развития концепций социальной реальности. Авторские формулировки данных проблем включают в себя словосочетание «социальная реальность», что следует из названия статей или логики построения текста.

Однако если обратиться к контексту употребления интересующего нас термина, то обнаружится, что в некоторых случаях его использование некорректно. Так, статьи Соколова А.С. «Проблема социальной реальности в классической и марксистской философии», «Гносеологические аспекты социальной философии Нового времени и К.Маркса», «От теории «общественного договора» к «философии истории» XIX–XX веков (предпосылки формирования постклассических моделей социальной реальности); Наймушина Е.А. «Социально-философские и методологические основания современного социологизма»; Александрова В.Б. «Тема социальной реальности в русской философской мысли» [1], посвященные проблеме формирования концепций социальной реальности, нередко являются ретроспективно обращенными, т.е. термин «социальная реальность» используется в них для обозначения совместной жизнедеятельности людей предыдущих эпох: античности, средневековья, модерна. При таком подходе к концепциям социальной реальности относят теорию государства, теорию права, теорию общества. Интересно, что эти статьи написаны в рамках социальной философии. Более характерной и оправданной нам представляется тенденция использования термина «социальная реальность» при осмыслении современности.

Авторы отдельных статей, Говорухина М.Ю. «Социальное конструирование реальности: правила или нормы?», Ступкина А.В. «Идеологическое и прагматическое в структуре социальной реальности» [2], связывают рассмотрение структуры социальной реальности с возможностью таким образом понять ход социальных изменений. Они выделяют в структуре социальной реальности два равновеликих элемента: коллективный и индивидуальный, объясняя социальное развитие через их взаимодействие. Характер развития определяется либо доминированием одного из компонентов, что приводит к разрыву личности и общества (например, аномии), при котором страдают обе стороны, либо – их гармоничным существованием, что приводит к про-

цветанию обеих сторон. Так, под личностными и коллективными компонентами подразумеваются, соответственно, прагматическое и идеологическое в работе Ступкиной А.В. «Идеологическое и прагматическое в структуре социальной реальности» [3], правила и нормы в работе Говорухиной М.Ю. «Социальное конструирование реальности: правила или нормы?» [4]. Таким образом, исходя из позиции авторов, получается, что современные социальные изменения связаны с повышением роли отдельной личности в социальной жизни, с процессом индивидуализации; в этом контексте значение термина «социальная реальность» призвано подчеркнуть наличие указанных изменений в системе «личность-общество». Не случайно авторы рассматривают структуру социальной реальности не как совокупность основных сфер жизни общества, а как систему связей, механизмов взаимодействия личности и общества, которая, следовательно, не сводима к обществу.

Иное, более консервативное использование интересующего нас термина предлагает Тихонов Ж.А., автор статьи «Социальные общности и социальный порядок: детерминизм или конструктивизм?» [5], посвященной позитивному конструированию социальной реальности. Контекст использования данного термина здесь вполне современен. Автор статьи полагает, что понимание структуры социальной реальности позволит гармонизировать конфликтное соотношение процессов глобализации и партикуляризации и выстроить «новый социальный порядок». Этим утверждением он констатирует состояние неопределенного социального порядка, отличающее современное человечество, состояние такого порядка, который еще похож на прежний, но уже имеет новые черты. Таким образом, данный автор использует термин «социальная реальность» для подчеркивания высокой динамики социальных изменений, акцентирования отсутствия социальной стабильности, характеризуя современное социальное состояние как переходное.

Подобное видение современной социальной ситуации мы находим и в статье Ивановой Е.М. «Полилог как тип диалога в современном обществе: интервальный подход» [6], посвященной проблеме коммуникации как процесса, обеспечивающего существование социальной реальности. В ней говорится о том, что современный мир утратил коммуникативную устойчивость. Под воздействием непрерывных, идущих на большой скорости информационных потоков и безостановочной коммуникации, социальность теряет свою устойчивость, размывается прежний порядок, и она не может структурироваться заново. Возникают па-

радоксальные ситуации: «стандарты и нормы социального взаимодействия людей существуют, но в определенной жизненной ситуации они могут не срабатывать» [6, с. 40]. Единственный способ адаптироваться к данной ситуации, по мнению автора, – поменять способ коммуникации с диалога на полилог, в основе которого лежит интервальный подход. Последний предполагает, что главную роль в процессе коммуникации играют субъективные миры (от принадлежности к определенной культуре, социальному слою до мировоззрения и психологического состояния) его участников. Они своего рода интервалы, не преодолев которые, невозможно вступить в этот процесс. Получается, что коммуникацию задает и определяет каждый конкретный человек. И вполне закономерно, что индивидуализм, коммуникативная неустойчивость, отсутствие коммуникативных гарантий и коммуникативная непредсказуемость – характеристики, свойственные актуальной социальности, которая потеряла устойчивость и для обозначения которой автор периодически использует термин «социальная реальность». Ей предшествовала стабильная форма социальности, которая в научном и философском дискурсе всегда обозначалась как общество. Автор статьи употребляет подчас термины «общество» и «социальная реальность» в качестве синонимов, но на примере этого текста хорошо видно, что их смыслы не могут быть равнозначными. Автор не раз указывает, что современность – неопределенное состояние, переходное, период смены диалога на полилог, период, когда одновременно используются оба типа коммуникации, но когда в то же время становится понятно, что прежний, как не соответствующий современным условиям, вскоре отойдет, а новый окончательно утвердится.

Нам представляется уместным экстраполировать данные выводы на понятия «общество» и «социальная реальность». Очевидно, что первое из них не может отразить всей полноты происходящих в социальной жизни людей изменений, но оно еще используется, используется как бы по инерции. Понятие «социальная реальность», не обретшее пока четких границ, указывает на изменившийся характер социальности, иной тип совместного бытия людей. Язык, выдавая нам эту терминологическую неопределенность, отражает действительность с математической точностью, поскольку в его поле зрения попадают только те явления, которые имеют объективный характер.

Это наше предположение подтверждает статья Вупнерук Е.А. «Установки на изменение и сохранение как основа развития личности» [7], посвященная проблеме психологической адаптации личности

к социальной реальности в условиях быстрых социальных изменений. Она представляет для нас особый интерес, т.к. ее автор, используя термины «общество» и «социальная реальность» как синонимы, делает попытку дать четкую дефиницию интересующего нас понятия. Она пишет: «социальная реальность определяется нами как поток бесчисленных ситуаций, с которыми человек себя идентифицирует или от которых он себя отличает» [7, с. 47]. Более того, она оговаривает и структуру социальной реальности, за основной элемент которой принимает среду идентификации как совокупность ситуаций и возможности для реализации определенных потребностей. Так, социальная реальность включает пять сред идентификации: 1. вещи, 2. места, 3. люди, 4. организация, 5. информация. Выбор данной трактовки структуры социальной реальности автор объясняет тем, что «определяя социальную реальность через систему сред идентификации, можно выйти на проблему познания индивидуального способа включения личности в социальный мир» [7, там же]. Таким образом, понятие «социальная реальность» определяется автором относительно личности.

В статье Куриленко Е.Н. «Игровые практики в социальной реальности молодежи» [8], посвященной способу адаптации молодежи к современным условиям, при определении социальной реальности акцент ставится на ее процессуальном характере. Автор пишет, что социальная реальность есть объективно сложившаяся система социальных отношений, в структуру которой входят не только объективные образования общества (большие и малые группы, социальные институты), но и устойчивые поведенческие состояния отдельных индивидов и целых групп. Более того, он подчеркивает, что для современной социальной реальности характерен ряд динамических характеристик: нестабильность, связанная с высокой скоростью жизненных процессов, приводящей к ситуациям риска, возникновению тревожности, неудовлетворенности; интенсивные изменения социальных норм и ролей, размывание субкультур, связанные с изменениями культуры под быстрым и интенсивным воздействием глобализации; интенсивная смена форм самоорганизации молодежи; необходимость постоянного изменения в рамках вторичной социализации. В подобных условиях игровые практики, по мнению автора, «...позволяют молодому человеку хотя бы на время избежать бесконечных динамических изменений, их хаотичного восприятия» [8, с. 159], но в то же время приводят к продлению сроков первичной социализации, стиранию видимых возрастных граней между жизнью ребенка и взрослого [8, с. 158],

что по праву, мы считаем, можно назвать процессом инфантилизации. Таким образом, для современной социальной реальности характерны процессы игризации и инфантилизации. В то же время они непосредственно связаны с формированием молодежи в условиях виртуальной реальности, существование которой, в свою очередь, поддерживает еще и процесс виртуализации социальной реальности.

В статьях Выповой М.Ю. «Конструирование социальной реальности в новостных программах (на примере сообщений об изменении тарифов цен)»; Ильиной Н.Б. «Способы виртуализации социального дискурса»; Кардинской С.В. «Диспозиция эксперта в структурах медиаполя»; Фомина А.П. «Виртуализация социальной реальности в современном мире»; Агапова О.Д. «Феноменология: от анализа сознания к анализу социального бытия» [9], посвященных виртуализации социальной реальности, авторы используют интересующий нас термин для того, чтобы подчеркнуть, что мы живем в условиях виртуально сконструированного мира, который создают и воссоздают прежде всего масс-медиа. «Современное общество – это общество средств массовой информации... где слово и образ творят социальную реальность» [10]. У исследователей нет единого мнения относительно того, сама ли социальная реальность самоконструируется или ее, объективную и субъективную, подменяют на виртуальную, но они сходятся на мысли о том, что современная действительность многообразна, текуча, непредсказуема и сложна как для отражения в СМИ, так и для познания. Поэтому «...главной задачей здесь является адекватное понимание и неискажение ... сущности человека» [11]. Таким образом, получается, что индивидуализм, характерный для современной ситуации, возникает в связи с размыванием сущности общества, его структуры, потерей ощущения действительности; и только существование личности обладает подлинностью, реальностью, не вызывает сомнений. По этой же причине «социальная реальность» определяется исследователями относительно личности, ее состояний, поведения.

Именно в такой ситуации, как отмечают в своих статьях, посвященных проблеме мифологизации, демифологизации и ремифологизации социальной реальности, Залунин В.И. «Диалектика мифологизации и демифологизации социальной реальности в кризисном социуме», Туркулец С.Е. «Взаимодействие мифа и права: горизонты преемственности», Калустьянц Ж.С. «Социально-философская детерминация исторической памяти» [12], возникает вопрос: «как возможно общество?». И если следовать их логике, миф, по сути своей со-

причастный «биохимии» социальности» [13, с. 6], является «...выражением и способом, осуществлением структуры и структуриации...» [13, с. 10], в процессе мифологизации выстраивается социальная структура, т.е. упорядочивается социальность, то общество – это и есть упорядоченная социальность. Но когда в общественной жизни происходит дезорганизация, что сопровождается процессом демифологизации, переходящим в ремифологизацию, то эта структура распадается. Именно к такому состоянию общественной жизни, свойственному современной ситуации, приковано внимание исследователей и с ним связано активное использование понятия «социальная реальность». Поэтому мы предполагаем, что данное понятие отражает именно дезорганизованную общественную жизнь, то есть неорганизованную социальность. Таким образом, из всего этого следует, что общество и социальная реальность являются только формами существования социальности. Напомним, что подобная интенция присутствует в рассмотренной выше работе Ивановой Е.М. [6], посвященной проблеме коммуникации как процесса, обеспечивающего существование социальной реальности. Автор этой статьи ссылается на исследователя Петрову Г.И., которая отмечает, что в данный момент «... социальность... потеряла устойчивость...». Далее она пишет, что «...все увеличивающаяся информация не дает обществу возможности остановиться в непрекращающемся движении, упорядочить себя в каком-то состоянии» [6, с.40], то есть получается, что на данном этапе социальность не может оформиться в общество. Тогда нам ничего не остается, как предположить, что речь идет об иной форме существования социальности, альтернативной обществу, – социальной реальности.

Мы обнаруживаем использование этих трех терминов и в работе Цыганкова В.В. «Теоретико-методологические основы исследования знаковости социальной реальности» [14], посвященной проблеме знаковой природы социальной реальности. Однако здесь какие-либо разграничения между ними вообще отсутствуют. Используя эти термины, автор выражает ту мысль, что социальное бытие как таковое знаково по своей природе. Именно для обозначения социального бытия вообще, точнее сказать, некоего социального первообразования, социальной субстанции, очевидно, и используется данными авторами термин «социальность». Хотя в более ранней трактовке термина, принадлежащей Момджяну К.Х., он означает родовое свойство человека, «...универсальный способ существования, отличающий любого члена общества... как надприродного существа...» [15].

Как и в связи с чем изменился смысл, вкладываемый в это слово? Мы думаем, что современное активное использование термина «социальная реальность» предусматривает использование термина «социальность» в его новом значении. Современные исследователи хотя интуитивно, не всегда последовательно заменяют термин «общество» на термин «социальная реальность», но делают это не случайно, поскольку именно он указывает на происходящие в современном мире изменения. Но это возможно только потому, что данные термины однопорядковые, обозначают ту или иную форму совместной жизнедеятельности людей. Следовательно, открылась терминологическая лакуна: не хватает термина, который должен обозначать саму совместную жизнедеятельность людей, своего рода социальную субстанцию или социальное первообразование. Эту лакуну и пытается заполнить термин «социальность».

Использование данных терминов исследуемыми нами авторами происходит интуитивно. Картина, которую мы описали в своей работе, постоянно меняется, дополняется, очертания ее не четки, не точны. Это становится особенно хорошо понятно, если взглянуть на обилие синонимов словосочетания «социальная реальность», используемых исследователями. Их можно разделить на две основные группы: к первой будут относиться термины («социум», «социальный порядок», «социальная система», «социальное целое»), близкие по смыслу понятию «общество», указывающие на консолидированность, упорядоченность, структурированность, предсказуемость совместной жизнедеятельности людей. Во вторую группу войдут такие термины, как: «общественная жизнь», «социальная жизнь», «социальная среда», «социальный мир», «социокультурная реальность», «социальная действительность», делающие акцент на динамичности, изменчивости совместной жизнедеятельности людей, на ее индивидуализации, непредсказуемости, на размытости социальных структур. Термины первой группы употребляются в большем количестве статей, из чего следует, что понятия «общество» и «социальная реальность» должны принадлежать к одному и

тому же смысловому ряду. Тот момент, что набор терминов второй группы более вариативен, говорит о смысловом отличии понятий «общество» и «социальная реальность»: каждый термин из этого набора указывает на сущностные характеристики именно понятия «социальная реальность». Хотя термин «социальная реальность» употребляется на данный момент по большей части интуитивно, он является одним из наиболее распространенных в современном научном и философском дискурсе. Этот термин, используемый для обозначения формы совместной жизнедеятельности людей заменяет собой термин «общество». Его распространенность, очевидно, связана с тем, что на сегодняшнем этапе развития социальность меняет форму своего бытия. Следовательно, роль понятия «социальная реальность» заключается в передаче, фиксации именно современного состояния социальности, отличающегося переходным характером, коммуникативной непредсказуемостью, отсутствием социального порядка, стабильности, коммуникативных гарантий. «Социальная реальность» как понятие призвано отразить высокую скорость социальных изменений, даже процессуальность, текучесть, свойственную современной социальности, которая не может быть выражена, не может существовать в устойчивых структурах, институтах, связях. Сегодня преимущественной формой бытия социальности выступает не общество, поскольку бытие это существует только здесь и сейчас, ускользая, исчезая, меняясь в перманентной динамике различного характера: в глобализации, индивидуализации, инфантилизации, игроизации, виртуализации, мифологизации, ремифологизации, демифологизации. Отсюда и «социальная реальность» – словосочетание, в котором существительное означает отвлеченное качество «присутствовать», «наличествовать», и в то же время означает некую среду, что в совокупности с прилагательным дает требуемое временем понятие. Оно стремится занять свое законное место в одном ряду с понятием «общество», отстоящим на порядок ниже от понятия «социальность», поскольку, как и понятие «общество», оно обозначает определенную форму социальности.

Библиографический список

1. Соколов А.С. Проблема социальной реальности в классической и марксистской философии. Петрозаводск, 2006, с. 8-33; Гносеологические аспекты социальной философии Нового времени и К.Маркса. Философия и общество. 2009. №2. С. 82-99; От теории «общественного договора» к «философии истории» XIX-XX веков (предпосылки формирования постклассических моделей социальной реальности). Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №90. С. 8-16; Наймушин Е.А. Социально-философские и методологические основания современного социологизма. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №67. С. 188-192; Александров В.Б. Тема социальной реальности в русской философской мысли. Управленческое консультирование. 2010. №1. С. 208-219.

2. Говорухина М.Ю. Социальное конструирование реальности: правила или нормы?. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №32. С. 66-70; Ступкина А.В. Идеологическое и прагматическое в структуре социальной реальности. Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. №5. С. 261-266.
3. Ступкина А.В. Идеологическое и прагматическое в структуре социальной реальности. Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. №5. С. 261-266.
4. Говорухина М.Ю. Социальное конструирование реальности: правила или нормы? Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №32. С. 66-70.
5. Тихонов Ж.А. Социальные общности и социальный порядок: детерминизм или конструктивизм? Теория и практика общественного развития. Электронное периодическое издание. 2010. №2. С. 21-26.
6. Иванова Е.М. Полилог как тип диалога в современном обществе: интервальный подход. Вестник Томского государственного университета. 2009. №327. С. 40-41.
7. Вопнерук Е.А. Установки на изменение и сохранение как основа развития личности. Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2009. Т. 62. №1-2. С. 46-52.
8. Куриленко Е.Н. Игровые практики в социальной реальности молодежи. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2009. №3. С. 156-161.
9. Выпова М.Ю. Конструирование социальной реальности в новостных программах (на примере сообщений об изменении тарифов цен). Вестник Удмуртского университета. 2009. №3-1. С. 121-130; Ильина Н.Б. Способы виртуализации социального дискурса. Вестник Удмуртского университета. 2006. №3. С. 26-34; Кардинская С.В. Диспозиция эксперта в структурах медиаполя. Вестник Удмуртского университета. 2007. №3. С. 39-44; Фомин А.П. Виртуализация социальной реальности в современном мире. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №56. С. 16-28; Агапов О.Д. Феноменология: от анализа сознания к анализу социального бытия. Вестник Чувашского университета. 2009.
10. Агапов О.Д. Феноменология: от анализа сознания к анализу социального бытия. Вестник Чувашского университета. 2009.
11. Фомин А.П. Виртуализация социальной реальности в современном мире. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №56. С. 26.
12. Залунин В.И. Диалектика мифологизации и демифологизации социальной реальности в кризисном социуме. Вестник ЧитГУ, №3 (48), 2008, с. 5-12; Туркулец С.Е. Взаимодействие мифа и права: горизонты преемственности. Вестник Бурятского государственного университета. 2009. №6а. С. 207-213; Калустьянц Ж.С. Социально-философская детерминация исторической памяти. Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2010. №1. С. 41-45.
13. Залунин В.И. Диалектика мифологизации и демифологизации социальной реальности в кризисном социуме. Вестник ЧитГУ, №3 (48), 2008, с. 10.
14. Цыганков В.В. Теоретико-методологические основы исследования знаковости социальной реальности. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №96. С. 144-147.
15. Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Момджян К.Х. Философия: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 267.

Z.I. KOMAROVA

CONCEPT OF «SOCIAL REALITY» IN CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC DISCOURSE

The term «social reality» is one of the most popular now, but the concept of «social reality» hasn't well-defined meaning. The main aim of our research is to define a place and a role of this concept in contemporary Russian philosophical and scientific discourse. Then it can help to realize deeper philosophical reflection of this concept. That's why we analyse some articles, which include this term (problems of this articles, context of using and synonyms of «social reality») and so we define phenomenons, which are designated by the term «social reality» more accurately than the other terms.

Key words: social reality, society, sociality, globalization, mythologization, demythologization, individualization, igroization, infantilization, virtualization.

С.В. КУЗНЕЦОВ

аспирант кафедры философии и культурологии
Орловского государственного университета

E-mail ogyfil41@rambler.ru

Тел. 8 920 805 69 00

В.В. НАЛИМОВ О РОЛИ НАУЧНОЙ МЕТАФОРЫ В ФИЛОСОФИИ

В статье раскрывается сущность и значение метафоры для философского и научного дискурса. Сквозь призму исторического процесса рассматривается генезис метафоры, ее роль в становлении философских представлений о языке и сознании. Тщательным образом анализируются потенциальные возможности научной метафоры на примере использования силлогизма Бейеса в философской концепции В.В.Налимова. Выдвигается тезис об объясняющей силе силлогизма Бейеса при изучении универсальных философских категорий.

Ключевые слова: метафора, смысл, силлогизм, сознание, смысловой континуум, универсум.

Термин «метафора» имеет древнегреческие корни и является производным от греческого глагола “*μεταφερω*”, что означает «переносить», а в буквальном переводе имеет значение «перенесённое слово». Под метафорой в обыденном и поэтическом значении подразумевают слово или некое выражение, используемое в переносе смыслов. В основании этого слова или выражения лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим объектом на основании общих признаков. В лингвистике метафору определяют как некоторое *сходство* между областями «темь» и «носителя», либо как взаимодействие между данными областями.

В философском дискурсе метафора стала изучаться в неразрывной связи с процессами сознания. Философы также использовали проблему метафоры в отношении к постановке гносеологических и даже метафизических вопросов. Одним из первых философов, выделивших метафору как неотъемлемую часть структуры философского знания, стал Аристотель.

Используя метафоры как своеобразный критерий, Аристотель жестко разделяет риторику и логику, значение которых было слито у софистов. Те, в свою очередь, в процессе логических доказательств нередко применяли чисто риторические приемы, используя многогранность слов и их не всегда устойчиво сложившееся значение. Аристотель же видит логику и поэтику как различные сферы человеческой деятельности. Философ отделяет истинные, то есть логические, умозаключения от мнимых, то есть метафорических, тем самым отказывая метафоре в участии в познавательном процессе. Эта тенденция на долгие века будет закреплена в философии, а сама метафора станет предметом изучения риторики, а не философии.

Ярким примером критического отношения

философов Нового времени к метафоре, является известное замечание Гоббса, который отмечает феномен метафоры следующим образом: «Метафора является средством, особенно непригодным для языка науки, средством, препятствующим человеку в поиске истины» [1,64]. Философ сравнивает метафору с блуждающими огнями. Рассуждать с их помощью – считал он, – значит обречь себя на анализ бесчисленных нелепостей. Для философов-логиков того времени метафора как форма мышления, стоящая в пику логизации языка, подлежала изгнанию из философии, упразднению из строгих логических рассуждений.

Первая в истории философии попытка рассмотреть метафору в связи с важнейшими философскими проблемами, а именно проблемой познания истины, была предпринята Ф. Ницше. Он одним из первых понял, насколько важно внести вопрос о сущности проблемы языка в сферу интересов философии.

Метафора понималась Ницше как паттерн языкового поведения, при помощи которого возможно описание мира и его познание. Все истины в силу того, что основой знания является человек, а не бытие, – есть перенос свойств субъекта на мир. Зафиксированные истины нашей культуры представляют собой метафоры, превратившиеся в языковые конвенции, метафоричность которых на данном этапе развития человеческого общества и языка забыта.

Ницше поясняет, что метафора является не только лингвистическим феноменом, но и процессом, в ходе которого человек познает мир. Метафорическая истина, по Ницше, есть бесконечный творческий акт, в пределах которого границы мира постоянно расширяются.

В XX веке вследствие появления неклассиче-

ских форм философствования, охарактеризованных отступлением от рациональной традиции, а также в силу произошедшего «лингвистического поворота» изменилось и отношение к языку и метафоре. Язык выходит на авансцену философского анализа, он предстает неотъемлемым элементом человеческого сознания и опыта. А сама метафора начинает рассматриваться в тесной связи с процессами, протекающими в сознании субъекта. Изменилась роль метафоры и в постановке гносеологического вопроса. Метафора стала не просто одним из многих языковых явлений, как считалось ранее. В философском дискурсе XX века метафора начинает восприниматься как один из способов человеческого мышления.

Акцентирование пристального внимания философского общества на проблеме метафоры и ее роли в процессе познания сильно повлияло на научные представления о ней. Дело в том, что наука начала XX века столкнулась с серьезной проблемой омертвления научного языка, а это, в свою очередь, могло повлечь резкое снижение эвристических и гносеологических возможностей науки. По этому поводу А. Пуанкаре высказывался следующим образом: «Чистая логика никогда не может привести нас ни к чему, кроме тавтологии. Она не может создать ничего нового» [2,37]. Ученые осознали острую необходимость обогащения бедного языка логики современной науки посредством интеграции в него обширного многообразия метафорического языка.

Обнаружилось, что метафора также является организующим средством для науки. Тем самым метафора не только обеспечивает науку новым словарем, но и выступает конститутивным элементом научной теории. Выполняя данную функцию, метафора задает целостное видение какой-либо предметной области. Научная метафора играет роль организатора концептуальной системы научной теории.

Науке известно множество примеров участия метафоры в роли организатора концептуальной системы. Известный физик Р. Бойль, открывший законы идеального газа, считающийся одним из основателей современной химии, часто прибегает к метафоре для описания движения частиц-корпускул. Движение частиц им описывается с помощью метафоры муравейника. Корпускулы движутся так же хаотично, как носимые муравьями муравьиные яйца. Другим известным примером использования метафоры в науке является использование М. Фарадеем аналогии между волнами на поверхности воды и явлениями электромагнетизма.

Таким образом, можно увидеть, что метафора является конституирующей основой для многих научных теорий. Но можно показать, что и жизнь целостной науки во многом определяется метафорой.

Анализируя научное знание в целом, мы увидим, что метафоры пронизывают всю науку, начиная от названия научных объектов и заканчивая фундаментальными теориями. Наука представляет собой область пересечения деятельности различных метафор. Примером этому может служить метафора «поля», присутствующая во всех известных науках, от математики до социологии. К примеру, в лингвистике под полем понимают совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих сходство обозначаемых явлений.

Аналогичным образом можно говорить о понятии «ткани», которое на сегодняшний день имеет значение для математики и биологии. В биологии, например, под тканью понимается совокупность клеток, выполняющих одни и те же функции. В математике же тканью называется совокупность трёх или более семейств гладких линий на плоскости, таких, что через каждую точку проходит точно по одной линии каждого семейства, и линии разных семейств имеют не более одной общей точки.

Таким образом, можно утверждать, что каждый раз при освоении какой-либо области реальности мы находим в ней знакомые структурные элементы. Нередки случаи, когда метафора одной научной области заимствуется другой научной дисциплиной. Такое заимствование иллюстрирует идею подобия различных уровней реальности как универсуму, так и друг другу, так как каждый из них содержит весь находящийся в универсуме набор структур и смыслов. Таким образом, это еще больше подчеркивает важность метафоры для научного дискурса. К тому же складывающаяся тенденция позитивна для общего понимания структуры человеческого мышления и процессов познания.

Среди отечественных философов, исследовавших феномен научной метафоры, можно выделить В.В.Налимова. По характеру своих научных взглядов Налимов – синтетик. В своем стремлении объединить математику, философию, лингвистику и эзотерические учения разного толка Налимов находит возможность выстроить мощное эвристическое основание для своего учения о Всеобщем. Для обоснования своей позиции Налимов применяет положения, взятые из статистической математики, формулы, при помощи которых Налимов не вычисляет, но наглядно демонстрирует мир вероятностного.

Будучи математиком по образованию, Налимов утверждает, что Вселенная воспринимается человеком через время, пространство и число. Поэтому свойства Универсума могут быть выражены лишь математическим образом. Однако Налимов не скрывает, что сами математические формулы, зада-

ющие функции вероятностного исчисления, играют роль метафор, а не являются логически выверенными положениями.

Ученый настаивает на том что, «метафоры в науке присутствуют на каждом шагу, и мы даже не замечаем их». Метафора рассматривается им как неотъемлемая часть научных, так и философских построений. «Быть научным – значит быть метафоричным, способным создавать плодотворные метафоры, возбуждающие воображение и тем самым расширяющие наше взаимодействие с миром. С развитием науки увеличивается степень метафоричности её гипотез» [3,98].

Будучи не только ученым, но и философом, Налимов интенсивно использует перенос научных элементов в свои философские построения, превращая научные идеи в неотъемлемую часть своих философских изысканий.

Ярким примером проникновения научной метафоры в философию Налимова является использование известной в математике формулы Бейеса для построения общей теории смыслов философа. Налимов не исключает возможность теоретико-вероятностного описания семантических явлений. Он считает, что необходимо интенсивное метафорическое использование математики при моделировании семантического мира.

Налимов применяет логическую формулу Бейеса для конструирования смыслового фильтра, который мультипликативно взаимодействует с функцией, задающей исходный смысл. Сама формула выглядит следующим образом:

$$p(u/y) = kp(u)p(y/u),$$

где: $p(u/y)$ – условная функция распределения, определяющая семантическую структуру будущего текста, возникающего после эволюционного изменения y ; k – константа.

Формула Бейеса является силлогизмом. Силлогизм – это форма умозаключения, при котором из двух суждений логически вытекает третье. Следовательно, в нашем случае из двух посылок $p(u)$ и $p(y/u)$ следует текст с совершенно новой семантической структурой – $p(u/y)$.

Суть формулы Бейеса заключается в том, что и обе посылки, и возникшее из них следствие носят вероятностный характер. Такая вероятностная логика имеет диалектический характер и обладает уникальной объясняющей способностью в рассмотрении проблемы целостности смыслов. Это происходит потому, что логика Бейеса имеет ряд характерных черт. Во-первых, байесовский силлогизм выстраивает такую языковую систему, в которой присутствуют два взаимно дополняющих друг друга начала. С одной стороны, это континуаль-

ное начало – семантически нагруженная числовая шкала u , и начало дискретное, а именно построенные на этой шкале функции распределения, которые «изначально определены статистическими параметрами» [4,73]. Во-вторых, такая языковая система абсолютно исключает возможность образования внутри нее атомарных смыслов. Изменения на семантическом континууме определяются через вероятностную меру. Значит появление атомарного смысла просто невозможно. Это качественно отличает логику Бейеса от логики Аристотеля, в основании которой фундаментально присутствуют точечные смыслы. Важной чертой аристотелевской логики является возможность применения в ней знака дизъюнкции. Если же мы обратимся к рассмотрению семантического континуума с позиции логики Бейеса, то обнаружим, что между подмножествами на шкале смыслов нельзя будет поставить твердый знак дизъюнкции. В связи с этим язык байесовской логики по-гегельски диалектичен, т.е. он совершенно не исключает противоречий. Это происходит в силу того, что он изначально, будучи механизмом описания всего семантического универсума, потенциально содержит в себе все возможное богатство суждений. Таким образом, можно сделать вывод о том, что логика Бейеса является открытой системой, она подвержена спонтанному появлению смыслов. А само появление новых смыслов обусловлено их вероятностной природой. Тем самым, язык и рождающиеся в нем смыслы свободны от законов аристотелевской логики. Поэтому отсутствует жесткое разграничение истинности и лжи.

Таким образом, для стороннего наблюдателя байесовская логика выглядит чем-то алогичным. Но для смысла, спонтанно появляющегося на вселенском континууме, именно такой механизм взвешивания наиболее эффективен.

Из работ ученого мы видим, что понятие «смысл» – не атрибут мира аристотелевской логики, а, скорее, неотъемлемая категория бытия. Таким образом, В.В.Налимов становится на позиции философской герменевтики, придавая категории «смысл» онтологический статус. Смыслы для философа, так же как и физические константы, лежащие в основании антропного принципа, существуют объективно и изначально. Имеют характер несотворенного. Но сущность смыслов может быть схвачена лишь в их динамике, в их постоянном изменении.

Изменение смыслов Налимов прослеживает в тексте, культурной среде, в универсуме всей Вселенной. Налимову все сущее представляется в виде абстрактно разворачивающихся в бытии текстов. Поэтому к исследованию проблемы

бытия Налимов подходит как герменевт, изучающий природу и сущность текстуальности. Текст в этом случае представляется как структуры, организуемые вероятностным взвешиванием смыслов. Взвешивание – это придание атомарным смыслам вероятностной меры.

Метод вероятностного взвешивания позволяет с позиции анти-аристотелевской логики оперировать размытыми смыслами, которые раскрываются лишь на глубинных уровнях сознания. Таким образом, логика Аристотеля редуцирует весь спектр смыслового континуума к атомарным словам с единичным значением, за которыми и скрывается полифония смыслов. Лишь путем разворачивания континуума смыслов мы можем анализировать слова-дискретности посредством дискурсивной логики нашего мышления.

Природа текста двойственна. Один ее уровень характеризуется дискретной, а другой континуальной составляющей. Поэтому семантика задается вероятностно определяемой структурой смыслов. А смыслы – это то, что делает семиотическую систему текстом.

По Налимову, все смыслы изначально соотношены с линейным континуумом Кантора. Это что-то, вроде числовой оси, на которой в порядке возрастания расположены числа. Таким образом, Налимов представляет смыслы как «спрессованные дискретные единицы на оси «Мира» [5,102]. Спрессованность смыслов – это нераскрытый мир, семантический вакуум. Распаковывание осуществляется вероятностным взвешиванием смыслов. Каждому отрезку оси смыслов придается разная мера. Соответственно, семантика каждого конкретного текста задается своей функцией распределения. Таким образом, смыслы в тексте всегда заданы избирательно и определяются с учетом результата их взвешивания. А сам процесс взвешивания смыслов описывается Налимовым при помощи все той же формулы Бейеса, взятой из математической логики. Используя формулу Бейеса не как математи-

ческое уравнение, а как наглядный образ процесса раскрытия смысла на оси универсума, Налимов демонстрирует уникальные объясняющие возможности научной метафоры в отдельно взятой философской концепции.

Но Налимов использует формулу Бейеса не только для объяснения раскрытия смыслов в семантическом пространстве. Философ наделяет ее фундаментальными возможностями, говоря о формуле Бейеса как о силлогизме, который также описывает исторические процессы, культурные явления, сознание человека. Без всяких сомнений, Налимов использует силлогизм Бейеса для описания процессов эволюции. Причем под эволюцией философ понимает «не только изменение биологических видов, но и качественные изменения в неживой природе» [6]. Налимов не скрывает, что эволюции подвержена вся Вселенная.

Ученый стремится использовать формулу Бейеса в качестве инструмента комплексного подхода, в процессе анализа возможностей будущего, определяемого настоящим состоянием системы, которое непосредственно связано с прошлым развитием.

Этот поистине универсальный подход Налимова за всеохватывающий характер, в котором соединяются социальные и духовные явления, Хельмут Лекенхоф определил как «вероятностный метафизический миф» [7,276]. Этот «миф», по мнению Лекенхофа, является новой парадигмой, внутри которой можно увидеть истину с позиции всестороннего подхода. «Миф» Налимова интенсивно использует метафоры, взятые из научного оборота.

Таким образом, можно смело утверждать, что концепция Налимова может служить медиатором при изучении перехода от интуиции к строгому логическому мышлению. Сам же смысловой переход от одного состояния к другому описывается при помощи вероятностного подхода. И именно в этом спонтанном проявлении бытия истина озаряется эстетическим началом.

Библиографический список

1. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 257с.
2. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990. 128 с.
3. Налимов В.В. Реальность нереального. М.:Тбилиси,1978. 112 с.
4. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: «Прометей», 1989. 176 с.
5. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М.: «Прогресс», 1993. 145 с.
6. Иржак Л.И. Биологический аспект глобального эволюционизма. Вероятностные модели В.В.Налимова. Сб.: Мыслители – выходцы из земли коми: В.П. и В.В. Налимовы. М.: Сыктывкар, 2001. 152 с.
7. Лекенхоф Х. Обращаясь к В.В.Налимову. Сб.: В.В.Налимов: Вехи творчества. М.: Водолей – Publisher, 2005. 473 с.

S.V. KUZNETSOV

V.V. NALIMOV ABOUT A ROLE OF A SCIENTIFIC METAPHOR IN PHILOSOPHY

In the article the essence and meaning of the metaphor for the philosophical and scientific discourse is manifested. The genesis of the metaphor, its role in the formation of the philosophical conceptions of the language and consciousness is considered in the light of the historical process. The potential capabilities of the scientific metaphor in philosophy is analyzed to the nail, by way of example of the use of the syllogism of Bayes in the philosophical conception of V.V. Nalimov. The thesis of the explanatory power of the syllogism of Bayes is put forth in studies of the universal philosophical categories.

Key words: a metaphor, sense, a syllogism, consciousness, a semantic continuum, a universum.

О.А. МАМОНЬКО

аспирант кафедры философии и культурологии
 Орловского государственного университета
 E-mail: mamonko-olga@rambler.ru
 Тел. 8 920 283 29 10

КАТЕГОРИЯ «СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ»: ОБЪЕКТИВНЫЙ И СУБЪЕКТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье проводится анализ основополагающей для социальной философии категории социальной реальности, которая в общественной жизни являет собой органическое единство двух аспектов: объективного и субъективного. Исследование аспектов социальной реальности в исторической ретроспективе осуществляется на основе социально-философских взглядов С. Л. Франка, А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана.

Ключевые слова: социальная философия, социальная реальность, общество, С. Л. Франк, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман.

Социальная философия как автономная отрасль философского знания появилась сравнительно недавно. Она активно использует в своей теории многие термины, которые являются важнейшими и в социологии. Но в отличие от последней, социальная философия способна дать этим понятиям более общее и глубокое определение с философских позиций. При последовательном рассмотрении истории социально-философской мысли мы увидим, что традиционно в рамках социальной философии использовались такие понятия, как общество, гражданское общество, государство и т. д. Только в XIX веке после обретения социальной философией самостоятельного статуса проблемное поле этой науки значительно расширяется и в научный оборот вводятся следующие категории: общественное бытие, социальная реальность, социальность и др. Вышеназванные понятия с полным правом можно назвать основополагающими для любой социальной теории, которая изначально конструируется на определенном сущностном фундаменте при посредстве четкого определения категорий и придания им особого смысла.

Категориальный аппарат социальной философии, в отличие от множества других наук, в настоящее время еще недостаточно разработан. Содержание основных категорий данной области философского знания варьируется в зависимости от теоретических и методологических ориентаций научной школы, от мировоззренческой позиции самого исследователя. В конечном итоге смысл категорий социальной философии демонстрирует и уровень развития самой социальной теории на определенном этапе развития социально-философской мысли. Поэтому перед современными исследователями в области социальной теории встает задача четкого определения и разграничения основных терминов данной области философского знания.

В рамках социальной философии смыслополагающим выступает еще сравнительно молодая категория социальной реальности. Несомненно, что она является важнейшим концептуализирующим основанием любой социальной теории.

В целом интерес исследователей к понятию реальности по отношению к общественной жизни был спровоцирован проблемой осмысления онтологического статуса социума. Основной вопрос, поисками ответа на который были заняты исследователи в области социальной теории, гласил: образуется ли на базе общества некий новый объективный тип бытия, отличный от бытия природы, системное органическое единство, в котором целое больше суммы входящих в него частей, или общество есть лишь механическая совокупность входящих в него индивидов? Подробный анализ данной проблемы в полном виде представлен в труде отечественного религиозного философа С. Л. Франка «Духовные основы общества». Исследуя проблему природы общества, мыслитель отмечает: «Мы спрашиваем только: есть ли общество не что иное, как название для совокупности взаимодействия между собой отдельных людей, не что иное, как нами производимое искусственное, то есть субъективное, суммирование реальности отдельных людей, или общество есть некая подлинно объективная реальность, не исчерпывающая совокупность входящих в нее индивидов?» [1, с. 37 - 38]. Мыслитель предлагает отвлеченно-философские термины для определения этих позиций соответственно: «сингуляризм», или «социальный атомизм», и «универсализм». Вышеназванные подходы постоянно сменяют друг друга в истории социально-философской мысли. Но, несмотря на многообразие позиций философов по вопросу природы общества, несомненным остается одно: в основе социума лежит реальность особого типа, обладающая таким же онтологическим

статусом, как и бытие природы.

Основной вопрос, инициирующий все споры вокруг понятия «социальной реальности», заключается в том, является ли она лишь субъективным проявлением совокупности отдельных сознаний индивидов, или в ней есть нечто объективное, благодаря чему общество обладает самостоятельным субстанциальным бытием? По мнению С.Л. Франка и подавляющего большинства современных социологов, общество представляет собой особый тип реальности, обладающий субстанциальным бытием и возникающий благодаря различным формам коллективной деятельности людей, на базе которой создаются различные организационные отношения, детерминирующие существование индивидов в обществе. Лишний раз подтверждая это положение, С. Л. Франк в работе «Духовные основы общества» отмечает: «Общество есть, таким образом, подлинная целостная реальность, а не производное объединение отдельных индивидов; более того, оно есть единственная реальность, в которой нам конкретно дан человек» [1, с. 53].

Феноменологический подход к пониманию природы социальной реальности, абсолютизовавший субъективный ее аспект, получает свое широкое развитие в конце XIX века. Теоретическим источником феноменологической социологии явилась философская теория Э. Гуссерля. В основе его философии лежит концепция «жизненного мира» как истинно подлинного субстанциального бытия, в котором изначально пребывает человек. Именно жизненный мир, еще не закрытый «платьем идей» рациональной и догматической науки, и является истинной, неотчужденной реальностью человека. Феноменологический подход к пониманию социальной реальности заключается, по мнению Терентьева И. А., в том, что «объективно данная реальность и познающий ее субъект являются результатом конститутивной деятельности сознания. Отсюда главная задача исследователя – не изучение общества, а выявление интерсубъективной структуры социальной реальности, конституирование социального мира» [2, с. 37–38]. По мнению сторонников феноменологической концепции, социальная реальность в обществе не обладает объективным, автономным бытием. Она создается в ходе коллективного общения между людьми и представляет собой совместный внутренний, духовный опыт индивидов. Таким образом, в феноменологической социологии социальная реальность является результатом интерсубъективного опыта людей в обществе. А. Шюц является самым ярким представителем этого направления. Под социальной реальностью он понимает «... всю совокупность объектов

и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций... С самого начала мы, - пишет мыслитель, – действующие лица на социальной сцене, воспринимаем мир, в котором мы живем, ... не как субъективный, а как интерсубъективный мир....» [3]. В свою очередь Пахарь Л. И., интерпретируя феноменологически ориентированную позицию Шюца А., в статье «Онтологические основания понятия социальной реальности» отмечает: «...Шюц хочет сказать, что социальная реальность – это внутренний духовный опыт обыденного сознания, навеянный обстоятельствами жизни, который при этом мы воспринимаем не как индивидуально субъективное состояние, а как интерсубъективный мир» [4, с. 130].

Ярко выраженную субъективистскую позицию Шюца А. подвергли критике социологи П. Бергер и Т. Лукман. Во взгляде на социальную реальность мыслители приходят к компромиссу, считая, что она представляет собой единство объективного и субъективного. С одной стороны, социальная реальность представляет собой продукт духовного творческого опыта людей, но с другой стороны, она есть нечто внешнее по отношению к сознанию человека, противостоящее и иноприродное ему. Необходимо отметить, что социальная реальность как результат активных и осознанных взаимодействий между людьми, в отличие от бытия естественной природы, не существует независимо от сознания человека. Но в то же время мы обнаруживаем существование в социальной реальности неких объективных элементов, которые проявляются в виде правовых и моральных норм, ценностей, идеалов и традиций, созданных самими людьми, но в то же время довлеющих над индивидами. Различные нормы, с течением времени закрепляясь в обществе, становятся отчужденными от своих создателей, принимая форму неких объективных и общеобязательных императивов. И они уже самостоятельно начинают диктовать человеку правила его поведения и действия. Таким образом, мы видим, что нормы, являясь по своему происхождению выражением субъективного мира человека, в обществе принимают характер объективно существующих предписаний. П. Бергер и Т. Лукман справедливо отмечают, что субъективная сторона социальной реальности реализуется в процессе опредмечивания субъективного опыта человека, его овеществления, объективирования во вне. Говоря словами русского религиозного философа Н. А. Бердяева, «творение восстает против своего творца, более не повинуется ему» [5] и начинает жить самостоятельной, авто-

номной жизнью. Необходимо отметить, что Бергер и Лукман считают, что предметный, овеществленный, то есть объективированный, мир является вторичным по своему происхождению и зависимым от субъективного опыта человека.

Отечественный философ С.Л. Франк, так же как и П. Бергер и Т. Лукман, признает доминирование духовных явлений в общественной жизни над материальными, то есть преобладание субъективного аспекта социальной реальности над объективным. В своей монографии «Духовные основы общества», целиком посвященной социальной проблематике, мыслитель отмечает: «Несмотря на всю свою связь с физической действительностью и соприкосновение с ней, общественная жизнь, как таковая, сама не может принадлежать к миру физических явлений просто потому, что она в своем внутреннем существе, то есть в тех признаках, которые конституируют явление в качестве общественного, вообще чувственно не воспринимаема, извне не дана. Она познается в некоем внутреннем опыте. ...Что такое есть социальное бытие и как совершается социальное явление – этого вообще нельзя усмотреть в видимом мире физического бытия, это можно узнать лишь через внутреннее духовное сопричастие и сопереживание невидимой общественной действительности»[1, с. 66]. И далее он заключает: «Общественная жизнь по самому существу своему духовна, а не материальна»[1, с. 66].

Из всего вышесказанного мы видим, что существуют два аспекта социальной реальности: объективный и субъективный. В любом обществе они органично взаимосвязаны, взаимодействуют и взаимопредполагают друг друга. Социальная реальность как некое целостное образование не может быть односторонне сведена ни к объективной, ни к субъективной стороне. Она представляет собой органическое единство этих двух аспектов. И большинство современных исследователей социальной реальности, таких как Соколов А.С., Терентьев И.А., Макаров В.В., Пахарь Л.И.[6] и т. д., сходятся в этом вопросе. Терентьев И.А. в своем определении социальной реальности показывает сосуществование в ней двух вышеназванных аспектов: «Социальная реальность – наиболее сложный вид реальности, представляющий собой систему объектов, с которой взаимодействует социальный субъект. Она является средой его формирования, объективным условием его и непосредственным предметом социального творчества. Выступая как данность, социальная реальность есть и результат собственной деятельности любого социального субъекта, и социальное пространство его деятельности, которая может быть описана как освоение и

присвоение социального мира»[2, с. 138].

Итак, социальная реальность включает в себе две стороны – объективную и субъективную. Поэтому соотношение этих двух аспектов представит как связь в социальной реальности объективного хода исторического развития общества с субъективной, сознательной деятельностью человека.

Обратимся к более подробному исследованию аспектов социальной реальности. Объективная сторона общественной жизни представляет собой овеществленный, опредмеченный результат совместной деятельности людей в обществе, включая достижения прошлых поколений, которые заложили материальный фундамент для последующего развития общества. Эта сторона представлена различными продуктами человеческой деятельности: орудиями труда, зданиями, транспортными средствами, научно-техническими достижениями, то есть всей материально-технической базой общества. Пахарь Л.И. выделяет несколько особенностей объективного аспекта социальной реальности. В статье «Онтологические основания понятия социальной реальности» она пишет: «... Возникновение [объективной стороны социальной реальности] обусловлено родовой сущностью человека... Развитие человека протекает не путем приспособления к окружающей среде [как у животных], а ее преобразования, изменения. Другими словами, конструирование собственного мира человеком осуществляется в реальной созидательной практике, итогом которой становится мир человека, вся инфраструктура его жизнедеятельности»[4, с. 131]. Вторая особенность заключается в том, что «...объективно для любого человека существует и интересубъективный мир как явление идеального порядка»[4, 131]. То есть ценности, нормы морали и права, веками устоявшиеся традиции, которые изначально являются коллективным интересубъективным плодом человеческого сознания, постепенно становятся объективными, общеобязательными для всех элементами общественной системы, предписаниям которых должен следовать каждый человек в обществе. Третья особенность, по мнению автора, состоит в том, что социальная реальность «... пронизана коммуникативными связями, языковым общением»[4, 132]. Язык, несомненно, является важнейшим и основным средством социализации и инкультурации индивидов. И именно с помощью языка как особой системы знаков, позволяющей человеку описывать окружающий его мир и выражать к нему свое отношение, он создает для себя особый образ социальной реальности. Поэтому у многих народов образы социальной реальности отличаются в силу различия понятий родного языка, которые-

ми оперирует человек.

Процессы и явления духовного порядка в общественной жизни составляют субъективную сторону социальной реальности. К ним относятся многообразные религиозные, философские, научные идеи и т. д. Теоретическая, фундаментальная наука представляет собой всецело явление духовного порядка, результат способности людей к рефлексии и саморефлексии.

В обществе постоянно и непрерывно происходит процесс взаимоперехода субъективных явлений в объективные. Различные идеи и образы науки, религии, искусства, будучи опредмеченными, становятся явлениями объективного характера, воплощаются посредством человеческой деятельности в реальной действительности. Из этого естественно следует вывод, что в обществе нельзя абсолютно разграничивать явления объективного

и субъективного порядка. В рамках социальной реальности они сосуществуют друг с другом и взаимно переплетены.

Таким образом, социальная реальность создается путем совместной субъективной и объективной непрерывной деятельности людей. Исходя из этого Пахарь Л. И. и Макаров В. В. [7] отмечают, что одной из важнейших характеристик социальной реальности выступает ее процессуальность. То есть, социальная реальность не есть некое статичное, неизменное и раз и навсегда застывшее образование. Напротив, она представляет собой постоянно изменяющийся, динамический процесс активной человеческой жизнедеятельности. Благодаря человеческой деятельности социальная реальность на протяжении многих веков существования общества сохраняется как некое целое явление и в то же время постоянно изменяется и обновляется.

Библиографический список

1. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
2. Терентьев И.А. Проблема социальной реальности в истории социально-философской мысли. Теория и практика общественного развития. 2007. № 1. С. 37 – 40.
3. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках. Американская социологическая мысль. М., 1994. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.nsu.ru/psuch/internet/>
4. Пахарь Л.И. Онтологические основания понятия социальной реальности. Булгаковские чтения: Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научной конференции с международным участием. Под общ. Ред. Л. И. Пахарь. Орел: «Картуш», Изд-во ОГУ, 2010. С. 129 - 136.
5. Бердяев Н.А. Человек и машина. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Berd/_ChelMash/php
6. Соколов А.С. От теории «общественного договора» к «философии истории» XIX – XX веков (предпосылки формирования постклассических моделей социальной реальности). Известия Рос. гос. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 9. С. 8 – 16; Терентьев И. А. Проблема социальной реальности в истории социально-философской мысли. Теория и практика общественного развития. 2007. № 1. С. 37 – 40; Макаров В. В. Онтологическая природа социальной реальности. Известия Волгоградского государственного технического университета. 2004. № 7. С. 5 – 12; Пахарь Л.И. Онтологические основания понятия социальной реальности. Булгаковские чтения. Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научной конференции с международным участием. Под общ. ред. Л.И. Пахарь. Орел: «Картуш», Изд-во ОГУ, 2010. С. 129 – 136.
7. Макаров В.В. Онтологическая природа социальной реальности. Известия Волгоградского государственного технического университета. 2004. № 7. С. 5 – 12; Пахарь Л.И. Онтологические основания понятия социальной реальности. Булгаковские чтения: Сборник научных статей по материалам IV Всероссийской научной конференции с международным участием. Под общ. Ред. Л. И. Пахарь. Орел: «Картуш», Изд-во ОГУ, 2010. С. 129 – 136

О.А. MAMONKO

CATEGORY OF SOCIAL REALITY: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE ASPECTS

This article considers the philosophical meaning of category «social reality». The author researches the ideas of S. Frank, T. Berger and other famous scientists and shows the social reality as a unity of objective and subjective aspects.

Key words: social philosophy, social reality, society, S. Frank, P. Berger, T. Lukman, A. Shuts.

Е.М. МАРТЫНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации
E-mail: lm1973@mail.ru
Тел. 8 903 880 42 95

ФЕНОМЕН СМЕХА В АНОМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается феномен смеха в условиях аномальной коммуникации. Проанализированы различные подходы к определению сущности смеха. Предпринята попытка выделить виды смеха, возникающего в межличностной коммуникации, типы аномальных смеховых коммуникативных ситуаций, а также определить функции смеха в аномальной коммуникации.

Ключевые слова: смех, аномальная коммуникация, ненамеренный смех, намеренный смех, аномальная коммуникативная ситуация.

«Театры комедии, театры сатиры, мюзик-холлы всегда были полны народа. Человек инстинктивно тянется к этой смехотерапии от всяких душевных невзгод. А что смех – замечательное лекарство, это давно известно. Когда смеешься, чувствуешь себя бодрым и здоровым. Всех комических актеров, всех, кто обладает волшебной способностью вызывать у человека смех, я назвал бы смехотерапевтами – веселыми врачами. Без чувства юмора не было бы ни литературы, ни искусства» [14].

Мы неслучайно начали свою статью с цитаты из книги замечательного артиста. Большинство из нас относится к смеху и его роли в нашей жизни так же, как и Леонид Утесов. Несомненно, смех – это волшебное снадобье от боли, грусти, жизненных проблем, но в данной работе мы будем рассматривать оборотную сторону медали – смех как отражение аномальной коммуникативной ситуации (АКС) и как причину ее возникновения.

Смех относится к экстралингвистической или внеречевой подсистеме невербального общения. В отличие от улыбки он имеет акустическую сторону и рассматривается как «неконтролируемый или частично контролируемый сигнал» [8, с. 79], так же, как плач, стон, вздох. «Смех – выражающие полноту удовольствия, радости, веселья или иных чувств отрывистые характерные звуки, сопровождающиеся короткими и сильными выдыхательными движениями» [10, с. 676].

С.С. Аверинцев считает, что смех – это «освобождение». Лучше всего соответствует своему понятию смех «невольный», «непроизвольный», т.е. временно отменяющий действие нашей личной воли. Смех относится к разряду состояний, которые можно описать, как не то, что я делаю, а то, что со мной делается [2, с. 8-9].

Н. В. Гладких отмечает, что переживание смешного имеет четырехчастную структуру: в смыс-

ловом плане: реакция на разрыв, идентификация обратимости, радость, разрядка; во внешнем выражении: замирание мышц лица, торможение замирания, улыбка, смех [4].

Как указывает М.Т. Рюмина, смех можно рассматривать с трех точек зрения: 1) как проявление физиологии человека; 2) как проявление его психической жизни; 3) как феномен культуры. В первом случае речь идет о тех физиологических процессах в организме человека, которые позволяют ему осуществлять колебательные дыхательно-выдыхательные смеховые движения. Во втором случае смех выступает как эмоция, выражающая радость и полноту жизни, смех выполняет функцию разрядки, сброса переполняющих человека сил. Первый и второй виды смеха образуют комплекс, который М.Т. Рюмина называет психофизиологическим смехом [12, с. 128].

Культурный смех всегда есть общественное, коллективное явление. Для него свойственно наличие объекта, то есть наличие смешного, над которым смеются [12, с. 135].

М.Т. Рюмина выделяет два направления осмысления и переработки смеха в культуре: 1) доведение всех содержащихся потенциально смыслов в психофизиологическом «праздничном» смехе до определенной законченности. Имеется в виду комплекс, который можно было бы обозначить в его предельном варианте, как «торжествующая телесность»; 2) формирование направленного на некий объект смеха, т.е. «насмешливого смеха», смеха как оберега, средства защиты и одновременно оружия. Главное отличие этих направлений друг от друга заключается в том, что второе имеет предметный характер, направленность смеха на определенный объект, а психофизиологический смех можно считать ненаправленным [12, с. 147].

Положение о так называемой «празднич-

ности» психофизиологического смеха в теории М.Т. Рюминой вызывает у нас некоторые сомнения, поскольку психофизиологический смех не всегда можно назвать праздничным и радостным. Смех также может выполнять защитную функцию. Человек смеется и тогда, когда ему больно, обидно, тяжело и т. п. Эти «отрывистые характерные звуки, сопровождающиеся короткими и сильными выдыхательными движениями», дают разрядку телу и душе. И как бы человек не смеялся: радостно, горько, грустно, уныло и т. д. – это всегда разрядка, краткий миг свободы от переживаний. В смехе звучит та эмоция, которую человек бессознательно в него вложил.

С.А. Троицкий, рассматривая смех как явление социокультурное, указывает на то, что будучи существом, принадлежащим двум мирам: реальному, миру «жизни» и виртуальному, миру культуры, человек оказывается в ситуации двойного существования. Автоматизм проявления смеха определяет существование человека в реальности, но предпосылки проявления смеха, основания для выработки автоматизма производятся полем культуры, состоящим из определенного набора символов. Это поле С.А. Троицкий называет «непрерывным континуумом сознания». В нем выделяется «континуум пристрастной ассимиляции» – основание для существования повседневности. Сбой в заданной автоматической программе «стимул – реакция» С.А. Троицкий называет «прерывом». «Он врывается в беспечный автоматизм и заставляет индивида прервать повседневность. Эта функция сохраняется во всех ситуациях проявления смеха. Исходящая из источника комического некоторая фраза или демонстрация затрагивает в бессознательном воспринимающего соответствующую точку раздражения. Эта точка раздражения является некоторой нормой, усвоенной в процессе жизни в обществе, в процессе культурной жизни» [13, с. 17].

Проанализировав многочисленные работы, посвященные смеху, Л.А. Белашова и Е.П. Попова выделяют две основные, противоположные по сути тенденции его описания: смех рассматривается как отражение реальности и как средство воздействия на реальность. Отсюда два пути для лингвистического послания: от языка к смеху и от смеха к языку: 1) язык (орудие) – смех; 2) смех – язык (отражение) [3]. В первом случае смех выступает как реакция либо на вербальную реплику, либо на невербальное поведение, либо на оба компонента коммуникации в комплексе. Что касается второго случая, то в настоящее время уже существует богатый словарь языковых средств для описания смеховых ситуаций.

А.Г. Козинцев ставит смех на одну ступень со смертью, называя их «великими уравнилителями» [6].

Ему вторит Ф. Кривин: «Смех равняет всех – слабых и сильных, робких и смелых, дураков и мудрецов. И слабые, смеясь, чувствуют себя сильнее, робкие – смелее, и дураки смеются как можно громче, чтобы выглядеть не глупее других, а мудрые только улыбаются, чтоб не выглядеть дураками» [7].

Без сомнения, термины «прерыв» и «освобождение» подходят для описания феномена смеха, но нам представляется необходимым рассмотреть подходы к классификации видов смеха, чтобы более точно определить его сущность, особенно применительно к аномальной коммуникации.

На основе анализа пословиц и поговорок В.И. Даля, касающихся отношения к смеху общества, Л.А. Белашова и Е.П. Попова разграничивают два вида смеха: смех радости, удовольствия и смех насмешливый, оценочный, и подчеркивают, что большинство пословиц, основанных на языковой и контекстуальной антонимии, содержат разные типы противопоставлений, например, смех – горе/беда, смех – грех, смех – слезы, смех – дурак, смех – стыд, смех свой – чужой [3].

С.С. Аверинцев называет два полюса смеха: смех над собой, над своими недостатками, трусостью, гордыней и т. д. и смех хамский, в акте которого смеющийся отделяется от стыда, от жалости, от совести [2].

В.Я. Пропп предлагает классифицировать смех по наличию или отсутствию одного признака – насмешки. Выделяя насмешливый и ненасмешливый смех, В.Я. Пропп считает, что в жизни наиболее распространен первый вид. Объектом смеха может стать физическая, умственная и моральная жизнь человека [11, 18-19]. Однако он указывает, что четкой границы между ними нет, существуют промежуточные, переходные случаи. К переходным случаям В. Я. Пропп относит добрый смех, в котором нет элементов сарказма и злорадства, присущих насмешливому смеху, а только мягкий и безобидный юмор [11, с. 150].

Противоположностью доброго смеха является смех злой. При добром смехе маленькие недостатки тех, кого мы любим, только оттеняют положительные и привлекательные стороны их. Если эти недостатки есть, мы их охотно прощаем. При злом смехе недостатки, иногда даже мнимые, воображаемые и присочиненные, преувеличиваются, раздуваются и тем дают пищу злым, недобрым чувствам и недоброжелательству [11, с. 157].

Психологически злой смех близок к смеху циничному, и тот, и другой виды смеха порождены злыми и злобными чувствами. Но сущность их все же глубоко различна. Злой смех связан с мнимыми недостатками людей, циничный смех вызван радо-

стью чужому несчастью. В.Я. Пропп отмечает, что обычный, насмешливый смех тоже не лишен оттенка жестокости, но это только оттенок [11, с. 159].

Полемизируя с В.Я. Проппом, А.Г. Козинцев указывает на то, что на Западе очень популярна оценочная концепция смеха, основанная на идее насмешки и превосходства. А.Г. Козинцев считает ее «психологической и языковой фикцией». Автор убедительно доказывает, что смех вытесняет собой любое чувство. Он един и не делится на «насмешливый», «добрый», «злой», «жизнерадостный» и т.д. Смеясь, мы опускаемся с уровня полностью окультуренных существ на тот уровень, когда культура все еще казалась нашим предкам чем-то чужеродным. Единственным субъектом смеха является *Homosapiens* – двойственное, в высшей степени коллективистское биокультурное существо. Единственный объект смеха – он же [6]. Таким образом, нельзя не признать, что мы всегда смеемся только над самими собой.

С другой стороны, нельзя не признать и правоту В.Я. Проппа в том, что причины смеха у разных людей могут быть различными, «там, где один смеется, другой смеяться не будет» [11, с. 20]. Примерно о том же говорит юморист Ф. Кривин: «В современном юморе главное – докопаться до смешной сути... Скажи мне, над чем ты смеешься, и я скажу, кто ты...» [7].

Если поддержать идею А.Г. Козинцева, если смех един, то тогда не имеют смысла любые классификации смеха. Но дело в том, что в разных ситуациях мы смеемся по-разному. Например, В.Я. Пропп цитирует слова, сказанные о смехе теоретиком и историком советской кинокомедии Р. Юреневым: «Смех может быть радостный и грустный, добрый и гневный, умный и глупый, гордый и задушевный, снисходительный и заискивающий, презрительный и испуганный, оскорбительный и ободряющий, наглый и робкий, дружественный и враждебный, иронический и простосердечный, саркастический и наивный, ласковый и грубый, многозначительный и беспричинный, торжествующий и оправдательный, бесстыдный и смущенный. Можно еще и увеличить этот перечень: веселый, печальный, нервный, истерический, издевательский, физиологический, животный. Может быть даже унылый смех!» [Цит. по: 11, с. 17].

Нам кажется, что все же целесообразно разделить смех на две категории: намеренный и ненамеренный. Мы согласны с А.Г. Козинцевым в том, что смех чаще всего имеет ненамеренную природу. Мы смеемся, потому что нам смешно. И только отсмеявшись, анализируем свой смех, каким он был – насмешливым, добрым, циничным или ядовитым, как

у героини примера (1).

(1) Я засмеялась. Это случилось непроизвольно, как икота. Я держала в руках самый мой любимый из Ольгиных кувшинов – кубачинский. ...

Мы забыли с кувшином, что мы тут не одни, что Ольга слышит мой смех, а я, отсмеявшись спонтанно, забыла определить характер этого смеха. Видимо, он смеялся ядовито... Я заметила, как второй раз за маленькое время сжались Ольгины пальцы, теперь уже на руке, сжались в кулак настоящий, не умственный. «Сейчас она мне выдаст», – подумала я и даже ожидала этого с некоторым нетерпением. Каково оно будет, ее слово? Про что? Про какую меня? Ту, что принимала ее безоговорочно, или ту, что сейчас над ней смеется [15, с. 346-347]?

Какие же выводы можно сделать из приведенных выше рассуждений? Как **реакция** смех – неконтролируем и неинтенционален, а как **орудие** – интенционален, нацелен на кого-то, т. е. имеет объект или мишень и чаще всего бывает насмешливым.

Проанализировав основные виды смеха, обратимся к определению его функций. По мнению Д.С. Лихачева, «функция смеха – обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества» [9, с. 16].

Смех включает в себе и разрушительное, и созидательное начала. Разрушительная сила смеха проявляется в том, что он возвращает миру его изначальную хаотичность, т. е. разрушает всю знаковую систему, существующую в мире культуры, и создает свою антикультуру: «мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически не оправданных соотношений, мир свободы от условностей, а потому в какой-то мере желанный и беспечный». Но мир антикультуры противостоит не всей культуре, а только осмеиваемой [9, с. 4]. Психологически смех хотя бы на время снимает с человека обязанность вести себя по существующим в данном обществе нормам, облегчает человеку жизнь, излечивает психологические травмы, успокаивает.

С.А. Троицкий так же, как и Д.С. Лихачев, указывает на амбивалентность смеха: с одной стороны, это позитивный феномен, так как он представляет собой способ сплочения группы, с другой стороны, смех выступает и как явление, содержащее в себе деструктивное, агрессивное начало [13, с. 23].

С.А. Троицкий выделяет следующие функции смеха: 1) смех содержит в себе стихию Праздника, освобождает пространство культуры для реализации творческого начала человеческого сообщества; 2) защитная функция (сохранение целостности со-

знания); 3) локализация и культурное оформление агрессии; 4) реализация индивидуальной «воли к власти»; 5) терапевтическая функция; 6) идентификации (способ принадлежности к определенной группе). Смех, принадлежа виртуальному пространству культуры, вписан в социокод, обладает неким значением для членов сообщества [13, с. 24-25].

Обозначим те функции, которые, как нам представляется, свойственны смеху в аномальной коммуникации. Анализируя сущность ненамеренного смеха, мы пришли к выводу, что единственной функцией, которую способен выполнять ненамеренный смех, можно с натяжкой назвать функцию сплочения. Более же верным, на наш взгляд, будет предположение, что ненамеренный смех не выполняет никакой функции, поскольку «это блаженное бесчувствие и безмыслие, вызванное освобождением от серьезности» [6]. Намеренный смех, по нашему мнению, осуществляет две основные функции: защитную и агрессивную. Защитная функция проявляется в стремлении индивида обезопасить себя, свой мозг от разрушительного воздействия окружающего мира. Агрессивная функция (смех как орудие, оружие) тесно связана с защитной, хотя и является по сути ее противоположностью. Тем не менее она часто активизируется индивидом в желании защитить себя.

Агрессивную функцию выполняют все разновидности насмешливого смеха. Не согласимся с В.Я. Проппом в том, что насмешливый смех и так называемый добрый смех не несут в себе агрессии. Насмешка, какой бы безобидной она ни казалась, всегда есть проявление агрессии. Подтверждениями этого служат словарное определение: «обидная шутка, издевка» [10, с. 357], а также внушительный синонимический ряд с доминантой «насмешка»: *насмешка, глумление, издевательство, издевка, укол, ипилька, желчь, острота, шутка, ирония, карикатура, пародия, сарказм, сатира, эпиграмма, юмор* [1]. Поэтому ситуации, в которых происходит высмеивание, осмеяние, пусть по-доброму, кого-либо, отражают феномен агрессии и являются потенциально аномальными.

Сегодня можно смеяться над чем угодно, только бы смеяться, а, значит, улучшать себе настроение. Причины смеха кроются во всех компонентах коммуникативного акта: коммуникантах, обстоятельствах общения, процессах вербализации и понимания и т. д. Смешное находят даже в трагическом. Ввиду разноплановости смеха, невозможно учесть все виды смеховых ситуаций, которые могут послужить причиной возникновения коммуникативных аномалий. Поэтому мы рассмотрим самые очевидные и поддающиеся анализу и оценке случаи.

Первая предлагаемая нами классификация АКС основывается на делении смеха на ненамеренный и намеренный.

Как мы уже отмечали выше, любая смеховая ситуация с проявлением ненамеренного смеха является потенциально аномальной. Смех – явление неконтролируемое, а значит, эта несдержанность в любой момент может задеть чувства собеседника и стать причиной возникновения коммуникативных аномалий: коммуникативного дискомфорта и коммуникативного конфликта.

Вспомним оппозиции, предложенные Р. Юрениным. В зависимости от сложившейся ситуации любой из перечисленных им видов смеха может либо спровоцировать АКС, либо сигнализировать о ее возникновении. Но прежде всего в списке будут стоять слова с отрицательной коннотацией. *Это – гневный, глупый, гордый, снисходительный, презрительный, оскорбительный, наглый, враждебный, иронический, саркастический, грубый, бесстыдный, издевательский смех.* Пример (2) иллюстрирует АКС, инициируемую мерзким пренебрежительным смехом Кости, смехом превосходства, агрессии и обиды.

(2) *И хотя в таком его заключении сквозила некоторая примитивная поверхностность восприятия серьезных вещей, я все же почувствовал, что он глубоко задет: как же, все культурное человечество что-то важное исповедует, а он, великий Костя, ничего этого не знает.*

– *А мне можно будет почитать?* – спросил Шурик, и Костя расхохотался, *его мерзкий пренебрежительный смех* ничем не отличался от смеха Долинина или Касторского.

– *А ты напрасно смеешься, Костя,* – сказал я угрюмо. – *Шурик такой же человек, как и мы с тобой. Просто жизнь у него была прескверная, и он многого не добрал...*

Костя потемнел лицом. (Ю. Азаров. Подозреваемый)

Второй вид АКС возникает в случае использования намеренного смеха в качестве орудия, т. е. агрессии.

(3) – *Ну и не к чему это, Марья,* – мирно вздохнул Копнев, – *зачем обижать человека? Он тебя не трогает... зла мы от него...*

– *Считай, считай белье-то!* – крикнула она и с силой грохнула об пол тук свежего, еще сырого белья, – *считай, знай, заступничек! Знаю я, чем он тебе угодил, знаю!* – *она злобно засмеялась,* – *погоди, я и до твоей Машки доберусь! Обнаружу я ваши сады-лавочки! Вон видишь, какие у меня зубы? Живьем слопаю, как только узнаю!* (Ю. О. Домбровский. Леди Макбет)

Злобный смех Марьи в примере (3) можно назвать агрессивным. Мы возвращаемся к первоначальному пониманию смеха – оскаливание рта, чтобы показать врагу свои зубы, свое оружие.

Вторая классификация АКС основывается на оппозиции «один – много», т. е. противопоставлении одного человека большинству. Любое выделение одного из массы – неверно, осуждаемо, право всегда большинство, т. е. для одного ситуация изначально аномальная. Отсюда два вида АКС: 1) один смеется – все остальные не смеются; 2) все смеются – один не смеется. В первом случае коммуникант может смеяться, так сказать, один против всех. «Искаженная пословица: «Хорошо смеется тот, кто смеется в последний раз». Искажено совсем немного, но уже крылатая фраза летит в другом направлении: не туда, где хорошо смеются победители, а туда, где смеются побежденные, которым ничего, кроме этого, не остается» [7].

Причины возникновения АКС второго типа следующие: 1) нежелание примыкать к большинству (из чувства противоречия, несогласия, плохого самочувствия и т. д.); 2) коммуникант на самом деле не находит ничего смешного в данной ситуации; 3) коммуникант становится всеобщим посмешищем и ему не до смеха. Случай, иллюстрирующий последний тип, произошел на открытии памятника В.И. Ленину, его описал в своей книге С. Довлатов (пример 4).

(4) Музыка стихла. В наступившей тишине кто-то засмеялся. Через минуту хохотала вся площадь. Лишь один человек не смеялся. Это был ленинградский скульптор Виктор Дрыжжак. Выражение ужаса на его лице постепенно сменялось гримасой равнодушия и безысходности.

Что же произошло? Несчастный скульптор извлек две кепки. Одна покрывала голову вождя. Другую Ленин держал в кулаке [5, с. 293].

Рассматривая успешность межличностной коммуникации, мы пришли к выводу, что при появлении смеха в диалогическом взаимодействии важное значение приобретает **одинаковое** понимание обоими коммуникантами причины и вида смеха, а также совместное желание посмеяться над чем-то. Ведь когда один участник общения смеется, а другой не понимает причины, последнему зачастую приходит в голову мысль, что собеседник смеется над ним. Это может привести к возникновению АКС.

(5) Видно было, что ему хочется поскорее влезть на эту восхитительную, огромную песчаную кучу, но он хочет быть аккуратным мальчиком, старается застегнуть подтяжки, и не может, и сердится на эту глупую задержку. Все эти переживания так ясно были написаны на его расстро-

енном лице, и нос был так сердито вздернут вверх, и светлые, как песок, волосы так смешно торчали из-под панамки, что Аля засмеялась. Мальчик тут же обернулся и увидел глупую тетю, которая смеется непонятно над чем, бессмысленно сидя на поломанной скамейке.

– Чего ты смеешься? – спросил он, глядя на Алю серьезными светлыми глазами. – Это подтяжка сломанная, а так я уже умею застегивать.

– Я не смеюсь, – ответила Аля. (А. Берсенева. Полет над разлукой)

В случае несовпадения в понимании вида смеха может сложиться такая ситуация, когда один коммуникант считает, что он смеется добрым смехом и ничего обидного здесь нет, а другой думает иначе, и коммуникация терпит неудачу.

(6) – Это – такое крапивное семя... это, братец ты мой, у бога самая плохая выдумка – бабы! Я бы их, чертей вредных, всех до одной перевел, чтобы они и не маячили на свете! Вот я какой на них злой зараз! И чего ты смеешься? Дурачье дело – над чужой бедой смеяться! Подержи возжси, я слезу на минуту.

Прохор долго шел пешком, а потом угнездился в саях и разговора больше не заводил. (М.А. Шолохов. Тихий Дон)

Одним из отдельно стоящих случаев смеха, инициирующим аномалию в коммуникации, можно считать возникновение смеха при его запрете. В культуре, этикете существуют запреты, когда смеяться нельзя.

(7) Она рассказала ему все. Когда она с неожиданной для себя гордостью произнесла: «Меня победила система. Со мной соперничала она, а не женщина», врач не то что засмеялся, но, в общем, был к нему близко, к смеху. Широкой ладонью он закрыл рот, но ведь Ольга не сумасшедшая, видела, как он спасался, «чтоб не заржать мне в лицо», скажет она мне потом. Очень не скоро, между прочим.

Но тут надо разобраться в этом жесте прикрытия. В сущности, незтичном, с точки зрения деонтологии. Долга должного. Не имеет права смеяться доктор, какую бы чухню ни принес ему в клюве больной. Он больной – раз сидит на приеме, даже если он здоровее тебя во сто крат [15, с. 96-97].

В создании АКС может сыграть роль физиологическое неприятие участником общения чужого смеха. Пример (8) служит иллюстрацией случаев, когда коммуникант просто издает неприятный смех, что негативно влияет на отношение к нему собеседника и итог коммуникации.

(8) По рядам прошел шум, сперва слабый, как

звук начинающегося дождя; потом обрушился ливень. Были в нем отдельные струи – восклицания, словно бы в мою пользу: «Недобросовестно!», «Какой-то цирк!», но громче всего слышался смех. Смеялись почти все: и благополучно-розовощекий, и тонконосый рублевский святой, и стенографистки за столом. **Но гаже всех смеялся Фонарин. Он косо разинул щербатую, желтозубую пасть. Он торжествовал, он был счастлив. Я его ненавидела.** (И. Грекова. В вагоне)

Подведем итог наших рассуждений. Смех – явление сложное, не до конца изученное, как феномен психической жизни почти всегда неконтролируемое, одна из немногих невербальных реакций, которая в любом своем виде может спровоцировать возникновение АКС. В данной статье мы попытались описать возможные виды аномальных смеховых ситуаций. Но следует заметить, что виды смеха и типы АКС не исчерпываются предложенными нами классификациями.

Библиографический список

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс]. «Грамота. РУ», 2002. Режим доступа: www.gramota.ru (дата обращения: 26.11.2010).
2. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура. М.М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 7-19.
3. Белашова Л.А., Попова Е.П. Смех в языке [Электронный ресурс]. Материалы международной заочной конференции «Актуальные проблемы науки и образования». Серия «Гуманитарные науки». Ставрополь: СевКавГТУ, 2009. Вып. 1. Режим доступа: http://science.ncstu.ru/conf/past/2009/apno/probl_lingv (дата обращения: 23.12.2010).
4. Гладких Н.В. Катарсис смеха и плача. Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). Томск: Изд-во ТГПУ, 1999. Вып. 6 (15). С. 88-92.
5. Довлатов С. Встретились, поговорили. СПб.: Азбука, 2003.
6. Козинцев А.Г. Человек и смех [Электронный ресурс]. СПб.: Алетейя, 2007. Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/11_k/koz/inzev_05.htm (дата обращения: 22.12.2010).
7. Кривин Ф. Хвост павлина [Электронный ресурс]. Ужгород: Изд-во «Карпаты», 1988. Режим доступа: <http://bookz.ru/authors/krivin-feliks/kriv17/1-kriv17.html> (дата обращения: 25.12.2010).
8. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2002.
9. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978.
11. Пропи В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Издательство «Лабиринт», 1999.
12. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
13. Троицкий С.А. Социальная природа смеха. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2006.
14. Утесов Л. Спасибо, сердце! [Электронный ресурс]. М.: Вагриус, 2006. Режим доступа: <http://bankknig.com/knigi/95312-leonid-utesov.-spasibo-serdce.html> (дата обращения: 13.12.2010).
15. Щербакова Г. В поисках окончательного мужчины. М.: Эксмо, 2010.

E.M. MARTYNOVA

THE PHENOMENON OF LAUGHTER IN THE ANOMALOUS COMMUNICATION

The article describes the phenomenon of laughter in the conditions of anomalous communication. The different approaches to the definition of laughter are analyzed. The types of laughter in the interpersonal communication, the kinds of anomalous communicative situations, the functions of laughter in the anomalous communication are defined.

Key words: laughter, anomalous communication, unintentional laughter, intentional laughter, anomalous communicative situation.

Д.Н. МИНАЕВ

аспирант кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета

E-mail: nora20122006@yandex.ru

Тел. 8 953 620 93 62

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ СУЩНОСТИ СОЗНАНИЯ

В центре внимания статьи развитие методологических оснований, происходившее в рамках апробирования исследовательских программ, изучающих ментальную сферу. Данное философское рассмотрение характерно тем, что предполагает корреляцию между исследовательской методологией и мировоззренческими основаниями, когда речь идет о сознании как объекте исследования. Данное исследовательское обобщение не предполагает обращения к ординарной оппозиции «идеального-материального» и стремится к поиску нового формата координации между исследовательскими программами, изучающими ментальную сферу, с ориентацией на единство философского познания.

Ключевые слова: апперцепция, восприятие, мышление, психика, умозрительный подход, натуралистический подход.

Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu, nisi intellectus ipse.

В сознании нет ничего, кроме ощущений, за исключением самого сознания.

На протяжении всей истории человеческого познания и в каждую эпоху не угасает стремление к обнаружению предельного смысла, вносящего ясность в саму природу познавательных способностей. Стремление к раскрытию собственного основания есть неотъемлемое свойство разумности, атрибутивная причастность к которой определяет человеческих существ как вид (*homo sapiens*) и выражается в тенденции к самопознанию, необходимо присущий разумным существам¹.

В древние эпохи это стремление органично вплеталось в ткань традиций, проявляясь в мифологии и духовно мистических иллюминациях, предшествующих философскому стилю мышления. Философия, возникающая относительно недавно, превращает эту склонность человека к самопознанию в систематически организованное предметное поле, наряду с познанием окружающей действительности. Последнее, впрочем, может иметь более насущный характер с точки зрения биологического существа, тогда как для существа разумного самопознание может оказаться более важной задачей, от которой может зависеть также и существование индивида как физико-биологической конгломерации. Исходя из этого, возможно вслед за Шеллингом

представить философию «непрерывной историей самосознания, для которой все известное из опыта служит лишь памятником и документом»[9, с. 228].

Существование гносеологической проблематики в классической философии сознания подтверждает опосредованность этой тематики в более сложные формы исследовательского «вопрошания». А также указывает на особую роль достижений в этих областях для всей совокупности философского знания.

Стремление к раскрытию порождающих основ психической реальности, лежащей в основе всей сознательной деятельности человека, (в том числе, и самого процесса познания) может рассматриваться как фундаментальная задача для философского творчества. И сколько бы философия не искала альтернатив своему применению, проблема природы сознания и «психики» неизбежно вплетается в ткань философской тематики до тех пор, пока не получит достаточного и полного объяснения, если такое вообще возможно.

Кроме того, что посредством мышления человек стремится раскрыть природу самоочевидной данности сознания, вся сфера психической деятельности в своей совокупности предстает в акте рефлексии как субъективная сфера реальности, столь же активная, как и внешний мир объектов. Эта внутренняя реальность опыта в некоторой степени бо-

¹ Стоит обратить внимание, в этой связи, на санскритский термин, служащий обозначением человеческих существ, *manushu* – корень данного слова *manas* – что эквивалентно латинскому *mens* и английскому *mind*.

© Д.Н. Минаев

лее самоочевидна для субъекта познания, нежели реальность предметов и внесубъективных отношений, являющихся сознанию посредством чувств и формирующих то или иное субъективное представление об объективной действительности [3, с. 19].

Актуальность темы исследования сознания для философа определяется тем, что финальная теория природы психической реальности является ключом к окончательному прояснению основных предельных философских вопросов, связанных с гносеологией, а также проблемой соотношения ментального и физического. Более широкое значение раскрытия природы сознания и психики заключается в том, что это может послужить самоопределению человеческих существ по отношению к остальному миру и самим себе в эпоху угасания духовных ценностей и потери устойчивых жизненных ориентиров.

Несмотря на это, примечательно то, что вопрос о природе психики и сознания в дискурсе классической философии никогда не занимал именно центрального места. Притом, что в работах того или иного серьезного мыслителя эта проблематика не могла отсутствовать полностью.

Начиная с Нового Времени, самоочевидная данность сознания самому себе в ментальном акте находит достаточное выражение в декартовском *cogito*, ставшим основанием новой рациональной психологии. Как видно уже из самой грамматической структуры этого глагола, мышление в данном случае происходит от первого лица. В логическом смысле мышление осуществляется через субъект, последний же и есть структурный носитель сознания, т.е. – душа.

Представления о душе как едином носителе всех ментальных способностей наследуются философией из более древних мировоззренческих образований, предшествовавших возникновению философии как специфической формы познания действительности. Длительное время данный концепт выполнял объяснительную функцию, так или иначе интегрируя все представления о ментальной сфере в одно устойчивое понятие. В процессе развития новых отраслей знания, таких как медицина, физиология, биохимия, психиатрия понятие «душа» постепенно демонтируется натуралистической редукцией, уступая место более простым концептуальным образованиям. Оказавшись совершенно чуждым для нового научного мировоззрения, оно вытесняется и из философского терминологического инструментария. Однако необходимость в подобном интегрирующем понятии, обобщающем всю совокупность описаний ментальной сферы, сохранила свою актуальность, особенно в метатеоретических целях.

Неидеалистические, нематериалистические философские направления не смогли сразу найти радикально новой замены данному термину, о чем свидетельствует этимология самого слова «психика». Этот широко используемый термин сохраняет свою актуальность в качестве обозначения базисных для возникновения сознания способностей и по сегодняшний день. Это указывает на то, что представления о душе как о носителе ментальных свойств настолько глубоко укоренено в архетипической матрице общечеловеческих смыслов, что, утратив свою актуальность и корни, поныне «отбрасывает тень» на пострационалистическое мироотношение современных исследователей. Так как редукционистское устранение данного понятия из познавательного контекста спровоцировало необходимость формирования нового интегрального описания природы психических способностей, все значительные направления философской мысли XVIII – XX в. не могли не среагировать на этот синдром поиска нового основания раскрытия природы ментальных явлений в их взаимосвязи с объективной реальностью. И несмотря на огромное количество описательных моделей сознания, до сих пор сама возможность его существования является нерешенной проблемой.

При постановке вопроса о природе сознания необходимо учитывать, что структура этого вопроса уже предполагает то, что сознание актуально существует, тогда как это лишь апостериорное следствие некоторой способности, природа которой не раскрыта. Несмотря на всю кажущуюся самоочевидность, надо учитывать и то, что есть также основания считать существование сознания теоретически недоказанным. На что указывал еще в 1904г. в одном из своих поздних эссе патриарх философии прагматизма и основоположник американской психологии У. Джеймс.

На однозначно поставленный вопрос «Does "Consciousness" Exist?» он отвечал, отрицательно указывая на то, что это понятие всего лишь «эхо», существующее в пространстве философии, занимая место «испарившейся души». Он также пишет: «'Consciousness' is supposed necessary to explain the fact that things not only are, but get reported, are known. Whoever blots out the notion of consciousness from his list of first principles must still provide in some way for that function's being carried on». («Сознание» – это мнимый, но отчасти полезный объяснительный конструкт, объясняющий факт того, что кроме объектов есть что-то, способное сообщать о них в познании. Тот, кто зальет чернилами идею сознания в списке высших принципов, должен предложить альтернативный носитель данной функции») [10, р. 478].

Другими словами, мы не можем бездоказательно утверждать существование сознания как сущности, но также и невозможно исключать существование способностей и феноменов, непосредственно связанных с самим процессом познания и образующих не сводимую «без остатка» к физическим закономерностям сферу реальности, которую для удобства мы будем называть *ментальной сферой*.

Иммануил Кант в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» замечал: «Разрабатываются ли знания, которыми оперирует разум, на верном пути науки или нет, можно легко установить по результатам. Если эта разработка после тщательной подготовки и оснащения оказывается в тупике, как только дело доходит до цели, или для достижения этой цели вынуждена не раз возвращаться назад и пролагать новые пути и если невозможно добиться единодушия различных исследователей в вопросе о том, как осуществить общую цель, – то после всего этого можно с уверенностью сказать, что подобное изучение ни в коей мере не вступило еще на верный путь науки, а действует лишь ощупью» [4, с. 18]. Это замечание справедливо отнести к попыткам различных направлений, исследующих сознание и ментальную сферу, достичь предельно ясного и согласованного описания этих феноменов в рамках единого формата изучения. Из чего следует необходимость предпринять возвращение назад, с целью прояснить возможное развитие данной проблематики на протяжении мировоззренческих трансформаций, сопутствующих генезису философского знания. Возможно, именно это позволит обнаружить определенные тенденции, которые могли бы прояснить положение, в котором находится данная область изучения на данный момент.

Данная задача, впрочем, осложняется тем, что рационалистическая постановка вопроса о «природе души» существует уже примерно 2500 лет. В истории философской мысли это ознaменовано первыми попытками найти физический коррелят ментальных явлений, предпринятый врачами и натуралистами древности, а также расцветом античной философской традиции, заложившей матрицу дальнейшего развития культуры философского познания. При этом не изучен вопрос, насколько эта проблематика едина в своем развитии, заметно, что вопросы тысячелетней давности сохранили свою актуальность, однако очевиден ряд существенных мировоззренческих и культурных трансформаций, произошедших за этот период, повлиявший на основания и задачи философского творчества. Тем не менее, сохраняется вероятность того, что проблематика, волновавшая Платона, Алкмеона

и Аристотеля, сохраняет свое актуальное существование в рамках современных проблем философии сознания при существенных изменениях в терминологии.

Логика развития человеческого познания говорит нам о том, что любые понятия и объяснительные конструкции не возникают на «пустом месте», но, так или иначе, имеют определенную генетическую связь с предшествующими интеллектуальными образованиями. Исходя из того, что человеческий опыт непосредственно связан с психической стороной реальности, то представления о ментальной сфере необходимо присущи любой культурной человеческой общности. Но эти представления на протяжении исторического процесса не могут быть опосредованы от изменения и трансформации общих мировоззренческих структур.

Это также касается и наиболее рабочих терминов философии сознания, среди которых можно выделить такие, как: «психика» (*mind*), «сознание» (*conciseness*), а также «интеллект» (*intellect; intelligence*) и «мышление» (*ideation; mentality*).

Таким образом, общемировоззренческая проблематика, существующая на протяжении развития философии, должна каким-то образом соотноситься с современными вопросами, связанными с изучением сознания, когнитивистики, психологии и другими исследовательскими сферами, стремящимися к раскрытию природы психических явлений.

Необходимость раскрытия данного соотношения вызвана также существенными трудностями, которые связаны с дефинициями этих понятий. Так как дать исчерпывающие определения этим понятиям практически невозможно, но и использование их без базовых определений эвристически неверно, необходимо установить этимологию слов, их выражающих, а также генезис их содержания, приведший к закреплению за ними данной терминологической роли.

Но уже определение этих понятий означало бы некоторую базовую терминологию, связанную с рабочим набором базовых теорий. Так, например, наиболее удобно на данный момент определять «психику» как совокупность всей «высшей нервной деятельности», однако уже в данном случае происходит проблема неясности механизма корреляции многих сложных психических форм, данных человеку в самоочевидности собственного опыта.

Конечно, решение многих познавательных трудностей может заключаться в точном определении объемов этих понятий, а также их референции. Но для этого опять же необходимо рассмотрение генезиса их содержания, а также изучение случаев

семантической аналогии, для чего необходимо обращение к методам компаративистики и лингвистического анализа.

На логическом уровне сторона, проблема определения сознания может решаться путем создания дефиниции «сознание», под которой можно понимать самоочевидную возможность всех чувствующих существ к осмыслению и интерпретации переживаемого опыта, именно в этом плане *сознание* может быть представлено как *адаптивная способность живых существ*, соотнесенная с внешней средой. Это определение можно использовать как ориентирующее, для поиска исходных смысловых форм, легших в основу современной общности концепций, задействующих это понятие.

В случае же уточнения и интерпретации ключевых положений этого определения возникает необходимость описания самой природы психических феноменов и механизма существования сознания. В этом случае любое описание психической сферы будет связано с тем *метатеоретическим подходом*, включающим, в том числе, и набор методов, лежащих в основе общей познавательной стратегии, без которой невозможно представить «психику» и «сознание» как предмет изучения. Взаимосвязанное единство методов познания и мировоззренческих оснований в философском исследовании, направленных на реализацию эвристической задачи, может конструктивно обобщаться под понятием *познавательного подхода*.

Поэтому под *познавательным подходом к ментальной сфере* в данном случае будет подразумеваться конкретный набор принципов, лежащих в основе стратегии изучения, органически связанной с общетеоретическим или мировоззренческим контекстом, исходя из которого осуществляется процесс рассмотрения психической природы.

Понимание внутренних взаимосвязей, возникающих между различными модификациями познавательной деятельности, может быть выражено двояко. Во-первых, гносеологически: в данном случае это будет связано с узким пониманием подхода к проблеме сознания исключительно как *методологической базы*, лежащей в основе первичной структуры изучения и описания предметной сферы. Но если рассматривать тематику философии сознания в совокупности с общемировоззренческим полем конкретного мыслителя, то необходимо расширение понятия «подход» до его предельного смысла – как общего эвристического вектора, имманентно присущего направленности процесса познания и отражающего тем самым характер его мировоззренческих оснований. Т.е. в последнем случае невозможно ограничиться гносеологической про-

блематикой отношения к «сознанию», но надо рассматривать общемировоззренческую канву данного вопроса. Возникновение того или иного познавательного подхода в первую очередь должно быть связано с возникновением определенной нехватки решений, относящихся к задачам познания, или с кризисом взглядов и представлений, существовавших прежде, иначе в подобном просто не было бы необходимости. Таким образом, познавательный подход не возникает сам по себе, и необходимо связан с общефилософской динамикой смыслов, раскрывающейся в исторической перспективе развития философии.

Так мы видим, что традиционные смыслы и представления о психической природе легли в основу *интеллигибельного* или *умозрительного подхода*, само возникновение которого свидетельствует о некотором кризисе мифологической традиции. Характер этого кризиса напрямую выражается также в стремлении поиска некой физической основы или вещественного носителя психической деятельности, что обусловило возникновение естественнонаучной стратегии познания, в основе которой лежит *натуралистический подход*. Такое определение подходов обусловлено тем, что сама реальность психических феноменов предусматривает только два исследовательских вектора:

1. непосредственный взгляд, когда изучающий субъект созерцает собственную психическую природу как бы «изнутри» общности, интроспективно.

2. Когда субъект срамытся получить знания, не вовлекаясь в общность изучаемых феноменов, стремясь к изучению объекта как бы «снаружи», интерналистски.

Умозрительный подход можно рассматривать как интеллектуальное созерцание душой собственной природы. Другими словами, посредством высшей своей способности – ума ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$) психическое существо ($\psi\upsilon\chi\eta$) способно познать собственную суть ($\epsilon\acute{\iota}\sigma\tau\iota\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\ \tau\omicron\ \kappa\epsilon\phi\acute{\alpha}\lambda\alpha\iota\omicron\nu$). Корни этого подхода, по всей видимости, уходят в инициатическую традицию, представителями которой были орфики и пифагорейцы. Систематическое выражение этот подход обретает в учении Платона и становится основным эвристическим вектором для ранних академиков. Практическое выражение он также находит в медитативных созерцаниях Плотина, вслед за которым данный подход становится основой умозрительной психологии ортодоксального христианства.

Натуралистический подход, открытый врачами древности, такими как Алкимеон и Гален, получает лишь фрагментарное воплощение с целью координации психических и соматических процес-

сов. Данный подход стремится к поиску физического носителя ментальных свойств с ориентацией на перспективу объяснить последние через внешние по отношению к мышлению механизмы и события. Вплоть до Нового Времени данный подход не обосновывался теоретически, однако к нему прибегает уже Аристотель в своем изучении природы души, пытаясь совместить его с умозрительной традицией.

Подобно тому, как две логические функции при совмещении дают еще две независимые производные, так и в процессе пересечения двух первичных фундаментальных возникают еще две независимые исследовательские стратегии объяснения сознания.

В данном случае в основании подхода уже заложены некоторые предпосылки для выведения эвристических результатов его применения. Так умозрительный подход предполагает под психической самостью, некоторую сверхсущность в потенции, которой заложена возможность через самопознание постичь абсолютную реальность, выраженную в других высших умозрительных сущностях. Конечно, ни Платон, ни Плотин, ни кто-либо еще, реализующий данный подход, не нуждается в введении термина «сознания» взамен понятию «душа», т.е. в фокусе данного подхода оба этих понятия будут указывать на одну и ту же сущность без каких-либо изменений.

Натуралистический подход может включать в себя *сознание* лишь как собирательный эпифеномен, редуцируемый в дальнейшем к более простым состояниям, например, к биохимии головного мозга.

Но при пересечении этих подходов мы получаем градацию, в которой сознание от абсолютной сущности модифицируется в атрибутивную характеристику сущности (Аристотель, Декарт, Патнем), или же рассматривается чисто как функция, или способность определенным образом организованной системы (Эпикур, Фрейд, Серл), перед тем как превратиться в эпифеномен и исчезнуть под действием натуралистической редукции (Гассенди, Кабанис, Деннет).

Соотнесение данных подходов ставит две существенные проблемы:

1. проблему референции основных философских понятий, использующихся как специализированная лексика в рамках теоретических построений, посредством которой создается специфический контекст познания.

2. Рассмотрение существования познавательных подходов в традициях, не связанных взаимообусловленной динамикой смыслов с западной культурой, т.е. имеющей иные генетические основания в

своих уникальных мировоззренческих доминантах.

Референция терминов, употребляемых по отношению к ментальным событиям и феноменам, сама по себе является актуальной проблемой для современных философов [5].

В современной философии сознания есть две, наиболее известные точки зрения касемо понятий, обозначающих именно сферу ментального. Так или иначе, две независимые альтернативы классической теории референции, выдвинутой Ф. Фреге, согласно которой имя и референт составляют независимо существующие предметы, объединенные логикой через ее законы.

С одной стороны, достаточно известна позиция Х. Патнема, отстаивающего независимость интенционала понятия «от того, что в голове». Здесь возникает существенная трудность касемо именно понятий, означающих психические явления, так как экстенционалы этих понятий не имеют строгого объективного существования. Однако с точки зрения Патнема, один и тот же интенционал может иметь несколько экстенционалов. Именно это положение встречает серьезную критику со стороны другого известного представителя аналитической философии Дж. Серла.

Позиция Дж. Серла сводится к последовательному интернализму и казуальной самореференции интенционального содержания, то есть установление значения, исходя из того контекста, в котором и определяется понятие [11].

Анализ полемики вокруг теории референции не входит в рамки данной работы. Однако, когда речь идет о взаимопересечении различных познавательных подходов и их понятийных оснований, имеющих свою логическую обусловленность, проблема референции понятий, обозначающих ментальные явления, не может быть не затронута. К тому же, в данном случае она усложняется полиморфностью смысловых образований в аспекте их мировоззренческой интерпретации. То есть осуществление исследовательской программы невозможно без создания устойчивой матрицы значений, соотносимых с основным онтологическим базисом. Тем самым проблема референции значений выходит за пределы логико-семантического пространства, превращаясь в общеметодологическую трудность. Это особенно касается понятий и терминов других языковых структур и особенно тех, которые формировались независимо от образования значений, привычных для европейской философии.

При этом соотнесение различных психологических понятий, например, античной философии и древнеиндийской психологии, в том числе и «буддийской науки об уме», может приводить к

серьезным абберациям в построении последующих выводов относительно их содержания и терминологической роли.

Так О.О. Розенберг по этому поводу пишет: «если два термина – один европейский, другой буддийский – даже и соответствуют друг другу, то связанные с ними ассоциации могут быть совершенно иными» [7, с. 82]. Это определяет тот разрыв, который сохраняется между психологической проблематикой различных традиций.

Кроме того, необходимо разделить интенционалы, чье значение формируется мировоззренческой концептуальной схемой самого подхода, и те, что формируются посредством трансмиссии значений между различными исследовательскими направлениями, изучающими сознание и психику вообще. Таким образом, мы можем разграничить две динамики образования значений, происходящие в процессе познавательного генезиса и выражающиеся в структурах основных фундаментальных исследовательских программ. Они в свою очередь сводятся, в конечном итоге, к их логико-методологическому основанию. Этим основанием непосредственно является совокупная область априорных значений, имеющих как чисто логический, так и мировоззренческий характер. Это формирует изначальную философскую матрицу исследования, сам характер осуществления которого является постепенным раскрытием и уточнением последней.

Конечно, это не решает общей проблемы референции понятий связанных с ментальными событиями и явлениями, однако дает возможность поиска адекватного контекста понятия в той или иной семантической структуре, под которой можно понимать как конкретные объяснительные модели, так и картину мира, в рамках которой формируются представления о данной сфере феноменов. С другой стороны, возникает необходимость отражения общего контекста, в рамках которого осуществляется исследовательское описание интересующей нас темы.

При этом надо иметь ввиду то, что: «понятие сознания, используемое в разнообразных философских текстах и дискуссиях, является не продуктом какой-то определенной теории, но узлом, в котором переплетаются разные традиции» [8, с. 174]. Более того, «сознание» в русском языке в наше время, так же как и в других, является частью естественного разговорного языка и тем самым входит в структуру обыденного мышления, что является еще одним следствием самоочевидности для разумного человека способности к «сознанию».

Какова же этимология данного понятия, и почему оно оказалось более приемлемым для современного мышления, нежели понятие «душа»,

выполнявшее те же языковые и мировоззренческие функции в предыдущие эпохи? (Исключением является Буддийская традиция, отказавшаяся от понятия «атмана» – «индивидуального самосознания», как его определение Судзуки, по философским и духовно практическим соображениям).

Сознание в английском языке – «conciseness», во французском «conscience» происходит от латинского conscientia, что в западной схоластике понималось как способность к нравственному выбору, или совесть.

Порой данный термин употреблялся более широко, «охватывая, по сути дела, все феномены человеческой психики» [1, с. 26], о чем говорит сама морфология данного слова, которую можно расшифровать как «совокупное знание» или *cōn-scīo*, что указывает на интегрирующую роль данного феномена относительно остальных психических способностей. Тем не менее, понимание сознания как сущности требует абсолютизации этого понятия до уровня универсальной категории, что не согласуется с его субъективистской трактовкой, на логическом уровне зафиксированной еще Аристотелем.

Наиболее раннее использование понятие «conciseness» в англоязычной философии можно встретить в трудах Шотландских философов и в первую очередь у Хатчинсона, где под ним подразумевается способность к моральному чувству. Есть основания полагать, что подобное понимание является наследием не столько схоластики, сколько протестантской теологии, в которой понятие «сознание» максимально сближается с понятием «совести» [6].

В немецком языке это понятие в смысловом плане близко значению таких терминов, как *bewusstheit* и *bewusstsein*, их роднит также то, что они терминологически оформляются в рамках протестантского письменного языка.

Возможно, что совмещение данных подходов было связано с упадком традиционной преемственности смыслов, которое могло произойти намного раньше, нежели это нашло серьезное культурное выражение.

Само понятие «сознание» как концепт могло сформироваться на основе спекулятивного опыта созерцания особенности ментальных процессов в их модальности, независимо возникающих на основе различных корреляций, но имеющих единую центрированную тенденцию в рамках общего синтетического пространства. Но в настоящее время данное понятие стремится к оформлению всей области ментальных явлений, и, следовательно, к тому, чтобы выступать основой субъективной идентичности личности в ее самопознании. Т.е. занима-

ет системное место понятия «душа».

Можно считать, что в изучении ментальных явлений уже произошел переворот, приведший к возникновению специализированной дисциплины, ориентированной на мир психических феноменов. Другое дело, что данная дисциплина не привела к решению основных проблем в этой области, а, скорее, «наломала дров», т.е. оформила собой пласт специфических и не решаемых в рамках существующего научного инвентаря проблем. Основная трудность их в том, что нет ясности, как и какими методами это вообще доступно исследованию. Не найдя общего методологического основания и четких общепринятых стратегий исследования, психология уже на стадии своего становления «рассыпалась» на множество школ и направлений, не создав тем самым конвенционально выверенного понимания своего предмета. Еще в начале XX в. В. Виндельбанд характеризовал положение психологии следующим образом: «...никогда так много не спорили о задаче, методе и систематическом значении психологии, как в девятнадцатом столетии. В конце концов, естественно возможным выходом

здесь оказалось ограничение этой науки лишь изложением ее чисто эмпирического содержания. Таким образом, психология позже всех частных наук, по крайней мере, в принципе, отделилась от философии» [2, с. 32].

Кроме того, в исследовании ментальной сферы в XX в. получает патологическое влияние квазинаучный метод психоанализа, основывающийся на субъективной интроспекции и методе свободных ассоциаций.

В противоположность ему бихевиористские направления отказываются от обращения к приватному опыту, как и от проблематики, связанной с природой ментального. Если продолжать данный анализ вплоть до современной ситуации, возникает убеждение, что сами фундаментальные подходы не имели в себе эвристической аберрации, собственно говоря, они и не интегрируются последующими философскими направлениями. Существенная аберрация, по всей видимости, порождается совмещением данных подходов, так как в экстенсивном своем выражении их основания противоречивы.

Библиографический список

1. Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П. Феномен сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 367с.
2. Виндельбанд В. Философия XIX века. Фауст и Заратустра. С.-Пб.: Азбука, 2001. С. 31-70.
3. Дубровский Д.И. Проблема сознания: опыт обзора основных вопросов и теоретических трудностей. Проблема сознания в философии и науке. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. С. 5-52.
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: ЧОРО, 1994. 741с.
5. Патнем Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 240с.
6. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408с.
7. Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: Наука, 1991. 295с.
8. Сокулер З.А. Как избавиться от власти «картезианской парадигмы». Философия сознания: классика и современность. М.: Издатель Савин С.А., 2007. С.171-180.
9. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма. Сочинения. Т.1. М.: Мысль, 1987. С. 227-490.
10. James W. Does "consciousness" exist? Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods. Vol.1., 1904. P.477-491.
11. Searle J. Intentionality, an essay in the philosophy of mind Cambridge: University Press, 1983. 278p.

D.N. MEENAEV

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF RESEARCH OF ESSENCE OF CONSCIOUSNESS

The focus of the article is a development of methodological bases, in the network the research programs investigation of mental sphere. The consciousness as an object of researcher suggests a correlation between the research and philosophical bases of methodology, this philosophical consideration of the characteristic that. This research does not suggest a generalization of an appeal to the ordinary binary opposition of "ideal-material", and seeks to find a new format of coordination between research programs investigation the mental sphere, with a focus on the unity of philosophical comprehension.

Key words: *apperception, perception, thinking, mentality, the speculative approach, the naturalistic approach.*

Д.Н. НАУМОВА

аспирант кафедры философии и культурологии
Орловского государственного университета

E-mail: naumova_daria@mail.ru

Тел. 8 920 828 16 52

О ПРОЦЕССАХ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается повышение роли информации в процессе становления информационного общества, необходимость виртуализации пространства как ресурса, объединяющего информацию. Значение и роль интернет-ресурса в процессах обмена информации в современном обществе.

Ключевые слова: информационное общество, коммуникация, информационный взрыв, виртуальная реальность.

Современный мир характеризуется сложностью, противоречивостью и динамичностью процесса развития социальной жизни.

XX век вошел в историю веком научно-технической революции. Информационное общество как социальная, экономическая и культурная система стало объектом внимания исследователей уже с 60-х гг. В эти же временные рамки появился и сам термин «информационное общество», введенный в научный оборот, почти одновременно американскими и японскими исследователями. В этот период исследователи отмечают значительный рост общественной роли знания, коммуникации и информатизации общества. Исследователи определяли в качестве основного параметра общества нового типа знание и основанные на нем технологии доминирования информации, что, в свою очередь, обеспечивает ускорение технического прогресса.

Информация, понимаемая как трансляция знания, имела важное значение во всех обществах. Информационные и постиндустриальные концепции описывают единую реальность, в качестве которой выступает общество, ориентированное на знание и информацию как основной производственный ресурс. Е. Масуда определяет информационное общество как высокую стадию развития постиндустриального общества, а У. Мартин, исследователь информационных технологий в Белфасте, – как «развитое индустриальное общество»[3], Д. Белл выделяет саму информацию в качестве ресурса общественного развития, а М. Кастельс делает акцент на том, что более принципиальным является «технология для воздействия на информацию, а не просто информация, предназначенная для воздействия на технологию, как было в случае предшествующих технологических революций»[4].

Все это привело к оформлению информационного общества как нового уклада социальной жизни. В структуре производства данного общества

доминирующее место занимает коммуникация. В информационном обществе имеет место не только изменение производства, но и всего уклада жизни: повышается значимость культурного досуга, падение интереса к материальным ценностям. Главной особенностью, как указывалось выше, является производство и потребление интеллекта, знания, а как следствие – увеличение доли умственного труда. От человека требуется способность к творчеству, возрастает спрос на знания. Следовательно, человека в условиях информационного общества ставят в рамки, требующие своих правил коммуникации. Для такого образа жизни необходим соответствующий темп общения. Способы коммуникаций между людьми должны быть быстрыми, компактными, точными, мобильными. Обретение значимости нового уровня коммуникации в информационном обществе подтверждает положение Н. Лумана, что культура развивается благодаря изменениям в технике коммуникации в новых условиях [1] или идею М. Маклюэна, что технологии коммуникации выступают в истории в качестве решающего фактора формирования социальных систем [2, с. 20-31].

Социальная организация информационного общества стимулирует главным образом коммуникационную активность, выставляя информацию важнейшим гарантом развития, устойчивости и безопасности общественной жизни.

Следствием роста интереса к информационным потокам стало появление огромного пласта информации, не поддающегося обработке. Возрастание объема информации особенно заметно в середине XX в. Лавинообразный поток информации хлынул на человека, не давая ему возможности воспринять эту информацию в полной мере. В ежедневно появляющемся новом потоке информации ориентироваться становилось все труднее. Подчас выгоднее стало создавать новый материальный или интеллектуальный продукт, нежели вести розыск аналога,

сделанного ранее. Образование больших потоков информации обуславливается:

- чрезвычайно быстрым ростом числа документов, отчетов, диссертаций, докладов и тому подобное, в которых излагаются результаты научных исследований и опытно-конструкторских работ;
- постоянно увеличивающимся числом периодических изданий по разным областям человеческой деятельности;
- появлением разнообразных данных (метеорологических, геофизических, медицинских, экономических и других), записываемых обычно на магнитных лентах и поэтому не попадающих в сферу действия системы коммуникации. Как результат – наступает информационный кризис (взрыв), который имеет следующие проявления [5]:
- появляются противоречия между ограниченными возможностями человека по восприятию и переработке информации и существующими мощными потоками и массивами хранящейся информации;
- существует большое количество избыточной информации, которая затрудняет восприятие полезной для потребителя информации;
- возникают определенные экономические, политические и другие социальные барьеры, которые препятствуют распространению информации.

К 70-м гг. XX века общество сталкивается с проблемой: в мире накоплен громадный информационный потенциал, но люди не могут им воспользоваться в полном объеме в силу ограниченности своих возможностей. Решением возникшей проблемы послужило повсеместное внедрение ЭВМ. Внедрение современных средств переработки и передачи информации в различные сферы деятельности явилось началом нового эволюционного процесса в развитии человеческого общества, получившего название «информатизация».

Информатизация общества – организованный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов [6].

Н. Луман, М. Кастельса, М. Маклюэн, Дж. Семпси, А. Турена, Ю. Хабермас, У. Эко и многие другие современные исследователи в своих работах представляли социум как мир общения, в котором новые информационные средства становятся одним из важнейших инструментов ориентации человека в мире и взаимодействия людей

друг с другом. Основными средствами получения информации были теле- и радиовещания, а также печатные издания. С появлением всемирной сети Интернет зарождается новая коммуникативная среда. Появляется специфическое пространство, которое имеет целью перевод всея и всего в виртуальное состояние. Следует оговориться, что понятие «виртуальность» не несет значение «идеальности, как бы существования», а в данном случае указывает на наличие местопребывания реальных явлений, которые в реальности не представлены вместе. То есть, мы можем говорить о виртуальности как некоем пространстве, позволившем технически соединить вместе несоединимое.

Виртуализация пространства – это неизбежное решение проблемы информационного взрыва. Человек получил доступ к огромному количеству информации, обрел возможность мгновенного обмена продуктами интеллектуального труда. Виртуальная реальность заняла значительное место в процессах коммуникации современного общества. Вопрос о самодостаточности виртуальной реальности спорный. Существует множество положительных и отрицательных моментов в использовании интернета, поэтому однозначного мнения в оценке его на данный момент не существует. Однако, как факт, виртуальная реальность имеет место быть и создает беспрецедентные возможности для массовой коммуникации.

Неотъемлемой частью современного общества является массовая коммуникация, она охватывает все области жизни общества – экономику, политику, культуру, а также международные, межгрупповые и межличностные отношения.

Стремление человека к сохранению знаний предшествующих поколений оптимизировало развитие средств массовой коммуникации и позволило увеличить скорость обмена информацией.

Современное общество производит как культурный продукт, так и его потребителя, что осуществляется во многом благодаря усилиям СМИ. В своей совокупности СМИ создают определенные представления о мире, о человечески наиболее значимых ценностях и понятиях.

Таким образом, социальная сущность массовой коммуникации сводится к тому, что она есть мощное средство воздействия на общество с целью оптимизации его деятельности, социализации индивида и интеграции общества. В составе современных СМИ наблюдается возрастающее влияние Интернета. Однако его влияние не всегда носит положительный характер для общества и личности, о чем не следует забывать пользователям этого ресурса информации.

Библиографический список

1. Луман Н. Невероятность коммуникации // http://soc.pu.ru.8101/publication/pts/luman_c.html/
2. Маклуэн М. С появлением спутника планета стала глобальным театром, в котором нет зрителей, а есть только актеры. Кентавр. 1994. №1
3. Martin W. I. The Information Society. L., 1988. P. 14–15.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 77.
5. Урсул А.Д. Информатизация общества (Введение в социальную информатику): Учебное пособие. М.: 1990.
6. Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации». Принят Государственной Думой 25 января 1995 г

D.N. NAUMOVA

PROCESSES OF COMMUNICATION IN MODERN SOCIETY

The article is devoted to the role of information in modern society which is considered as an information type of society. The author researches a virtual space and shows it as a united resource of modern society.

Key words: *information society, communications, information explosion, virtual reality.*

Д.Г. СМЕРНОВ

кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии Ивановского государственного университета
Тел. (4862) 59 03 21

«ВИДЕТЬ ИЛИ ПОГИБНУТЬ»: ЭВОЛЮЦИЯ УНИВЕРСУМА И НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

В статье с позиций универсумно-синергетического и универсумно-семиотического подходов рассматривается учение французского теолога, антрополога и философа Пьера Тейяра де Шардена об эволюции. «Новое видение универсума», предлагаемое мыслителем, представлено в качестве предпосылки формирования в конце XX – начале XXI века концепции ноосферной истории, как фундаментального процесса развертывания материи в формы духа, раскрывающего план содержания громадной глобальной истории современности.

Ключевые слова: древо жизни, универсум, ноосфера, «внутреннее вещей», закон сложности и сознания, закон организации духовной энергии, ноосферная история

Сосуществовать – это все больше объединяться <...>, единство возрастает лишь на основе возрастания сознания, то есть видения.

... все ценное, все активное, все прогрессивное, с самого начала содержавшееся в космическом лоскуте, из которого вышел мир, теперь сконцентрировано в «короне» ноосферы.
П. Тейяр де Шарден

Ноосферная история – термин, претендующий на задание максимально широкого смысла истории. Ноосферная история в контексте философского (онто-гносеологического) дискурса предстает как единый процесс: с одной стороны, как онтологический процесс *развертывания материи в формы духа*; а с другой стороны – как гносеологический процесс *подстраивания материи под формы духа*, или *подчинения материи формам духа*. Такая постановка проблемы предполагает обращение также к аксиологической и праксиологической составляющим бытия человека в мире. В этом случае ноосферная история представляет собой процесс *обустройства мира под формы духа* [2, с. 4], то есть процесс трансформации материального бытия под конкретно-исторические формы сознательной деятельности людей.

Становление философа

Автор фундаментального труда о П. Тейяре де Шардене С. Г. Семенова замечает, что «с детства Пьера влекла жизнь материи и жизнь духа, а позднее, если уж история, то история универсума в целом – в его истоках, разворачивании и векторе движения», – в котором он чувствует себя «как дома» [1, с. 34].

Знакомство будущего великого ученого с универсумом (наверное, точнее было бы сказать – его первый вход в пространство Плеромы) началось с поисков «чего-то неразрушимого». Сначала это был

металл, но его подверженность коррозии лишило «железо» статуса Абсолюта. Металл сменили «блестящие куски халцедона», которые он собирал вместе со своим отцом на родине в Оверни.

Обратим внимание на тот факт, что и П. Тейяр де Шарден (творец философской концепции ноосферы), и В.И. Вернадский (создатель учения о переходе биосферы в ноосферу) начинали свое восхождение к жизненным пространствам духа одинаково – с обращения к геологии и кристаллографии. Два проницательных ума XX века фактически совершили виртуальное путешествие по эволюции: от мертвой материи к материи живой и, далее, к живому духу.

«Громадная история», универсумная история, ноосферная история: постановка проблемы

В основе философии истории Пьера Тейяра де Шардена лежат фундаментальные онтологические категории «древо жизни», «универсум» и «ноосфера».

Древо жизни демонстрирует «громадную историю» развития жизни. Универсум отсылает к глобальной истории как истории эволюции материи. «Громадная» история, акцентирующая внимание прежде всего на длительности, незаметно становится историей глобальной, которая получает и пространственное измерение. Но для Тейяра исторический процесс не полон без феномена человека – «вершины великого биологического синтеза» [3,

с. 179]. Так возникает идея ноосферы, раскрывающая тайны «планетизации человека».

Категориальная триада «громадная история» – глобальная (универсумная) история – ноосферная история выражает логику постижения Тейяром замысловатостей эволюционного процесса. Этот процесс, по нашему мнению, может быть зафиксирован в термине «ноосферная история», который подчеркивает процессирующую содержательную направленность всей эволюции универсума. На наш взгляд, представления о ноосферной истории более всего отражают смысл размышлений Тейяра.

Процесс разворачивания ноосферной истории, по замыслу Тейяра, предполагает пять этапов – космогенез, геогенез, биогенез, психогенез и ноогенез. Переходы между этими, как их определяет сам автор, осями становления – критические точки «на кривой эволюции» универсума. «Жизнь постольку, поскольку она представляет собой направленный процесс, может идти все далее по своей первоначальной линии лишь при том условии, если в определенный момент испытывает какую-то глубокую перестройку» [там же, с. 126].

Особое внимание мыслитель уделяет последним трем ступеням развертывания универсума. Причину этого можно отчасти усмотреть в том, что данные эпохи могут быть доподлинно реконструированы, проанализированы и, что самое главное, верифицированы. С другой стороны, биогенез позволяет материи продолжить свое развитие на новом уровне организации, который выступает необходимой предпосылкой всей дальнейшей эволюции. Здесь акцент переносится на революционную перестройку при переходе психогенеза в ноогенез, когда «психогенез ступшевается», «сменяется и поглощается более высокой функцией – вначале зарождением, затем последующим развитием духа – ноогенезом» [там же, с. 148]. Земля, по меткому выражению мыслителя, обретает душу.

Категория истории трактуется Тейяром предельно широко. Он выступает против классического для того времени противопоставления: предыстория / история. «В действительности, – пишет он, – такого разрыва не существует. Чем лучше мы начинаем видеть прошлое, тем больше убеждаемся, что так называемое «историческое» время (вплоть до «современного» времени и *включая его*) – это всего лишь прямое продолжение неолита» [там же, с. 166].

Между историческими эпохами эволюции универсума нет непреодолимой пропасти, если мы обращаемся ко «внутреннему вещей». Несмотря на свою внешнюю непохожесть, они связаны воедино фундаментальным механизмом космического эмбриогенеза: «человеческая история на свой лад и

на своем уровне продолжает органическое развитие жизни. Благодаря присущим ей феноменам социального разветвления она *все еще* является естественной историей» [там же, с. 168].

В целом, логика предлагаемого Тейяром подхода позволяет рассматривать всю эволюцию материи как естественную историю, которая проходит четыре стадии: преджизнь (геогенез), жизнь (биогенез), мысль (психогенез) и сверхжизнь (ноогенез). Свойство ноосферности этой истории задает ее направленность, а, точнее, ее процессирующий финал – ноосфера.

«Нить Ариадны» в развитии универсума, по Тейяру, – это возникновение и развитие сначала предсознания, затем сознания, его рост и подъем. Термин «сознание» философ использует в максимально возможном смысле, «в его наиболее общем значении как обозначающий психику всякого рода, от самых элементарных форм внутреннего восприятия до человеческого феномена мыслительного познания» [там же, с. 55].

Универсумно-семиотический и универсумно-синергетический подходы к универсуму

В основе методологии Тейяра лежат два базовых подхода – универсумно-семиотический и универсумно-синергетический. Перерастая рамки неклассической картины мира, ученый заглядывает в мир постнеклассического будущего науки.

Все то, что происходит в процессе эволюции, на громадных исторических промежутках, рассматривается Тейяром в качестве указателей (он фиксирует их и другими понятиями, такими как «знак», «симптом», «символ») на то, что скрыто от нас длительностью и материальностью бытия. Он пишет: «но понаблюдаем немного внимательней вокруг нас – этот внезапный поток церебральности; это биологическое вторжение нового животного типа <...> этот неодолимый разлив полей и заводов; это огромное растущее сооружение материи и идей... Не кричат ли нам эти *знаки* (курсив мой – Д.С.), которые повседневно видим, не пытаясь их понять, что на Земле что-то изменилось в «планетарном масштабе»?» [там же, с. 149]. Эвристическая значимость семиотического подхода, как он проявляет себя у Тейяра, заключается в том, что он придерживается интердискурсивного прочтения этих симптомов, их означаемое лежит в иной сфере, нежели сам феномен или факт. Например, факт биогенеза (биосферы) отсылает нас к психогенезу (психосфере), а факт психосферы может быть адекватно истолкован только в рамках ноогенеза (ноосферы). «В единой природе имеются сферы (или ступени) различных порядков, для каждой из которых характерно преоб-

ладание определенных факторов, не воспринимаемых или не принимаемых во внимание на соседней ступени или сфере» [там же, с. 54], – заключает философ.

Заметим, что семиотическая методология сама по себе не нова для первой половины XX века (Тейяр закончил работу над рукописью «Феномена человека» в 1946 году), но применение ее к анализу эволюции и исторического процесса – это очевидный шаг вперед в отношении остальных подходов к анализу хода истории.

Аналогичной новизной обладают «синергетические» представления мыслителя. Понимание им истории вырастает непосредственно из представлений об эволюции материи, точнее, из комбинаторики составных частей атомов. Суть подобного представления можно выразить следующей формулой: «постепенно *маловероятные* комбинации ... распадаются на более простые элементы, которые снова опускаются вниз, растворяясь в аморфности наиболее *вероятных* распределений» [там же, с. 51].

Логика размышлений подталкивает нас к выводу о синергийной (синергетической) природе эволюции в широком смысле слова и человеческой истории как ее концентрированной формы. Так называемые современной исторической наукой «альтернативы исторического развития» предстают не как пассивные структуры и элементы, отброшенные самим ходом исторического процесса на «обочину истории» (несостоявшиеся *следствия*), а возвращаются в историю как потенциальные *предпосылки и причины* будущей истории.

Сама жизнь, выступая своеобразным перво-двигателем процесса роста сознания, «развивается путем игры шансов, но шансов узанных и схваченных, то есть психически отобранных шансов» [там же, с. 125]. Здесь случайное в эволюции универсума дополняется целесообразным (телеологичным), что в трактовке мыслителя предполагает симбиоз «дарвиновского случая» и «неоламаркистского антислучая» [там же]. Не случайно Тейяр выбирает в качестве эскиза развития жизни образ дерева, ветвящейся структуры (уже упоминавшееся «дерево жизни»).

Синтез этих двух методологий позволяет проникнуть в тайны эволюции, как пишет Тейяр, – открыть всеобщее в исключительном. Это «открытие» предполагает, что «внутреннее вещей» («внутренняя сторона материи») бесспорно существует всегда и везде в природе. Другое дело – уметь увидеть это внутреннее. «У вещи имеется два способа не совпадать по времени с нашим *видением*. Или мы не улавливаем ее потому, что она воспроизводится в столь длительные интервалы, что все наше суще-

ствование целиком заключено между двумя ее появлениями. Или же она ускользает от нас еще более радикально, потому, что однажды появившись, она затем более никогда не повторяется» [там же, с. 87], – констатирует мыслитель.

В рамках современной ему научной парадигмы Тейяр делает ставку на новое видение мира. Он замечает: «настал момент понять, что удовлетворительное истолкование универсума <...> должно охватывать не только внешнюю, но и внутреннюю сторону вещей, не только материю, но и дух» [там же, с. 40].

Решение проблемы соотношения внутреннего и внешнего вещей как раз и позволяет, по Тейяру, обнаружить, узреть таинственную ось эволюции в бурлящем процессе развития материи. Если гипотеза существования двойной (прямой и обратной) связи внешнего вещей и внутреннего вещей верна (правильна), то поверхностные изменения (различные комбинации жизни) могут быть рассмотрены в качестве своеобразных знаков (в терминологии самого Тейяра – «указателей»: «мозг есть указатель и мера сознания»), отсылающих нас к сущности метаморфозы универсума.

Тейяр приходит к фундаментальному выводу: «среди бесконечного числа форм, в которых рассеивается усложнение жизни, дифференциация нервного вещества выделяется, согласно предвидению теории, как знаменательная трансформация. Она придает эволюции *направленность (sens)* и тем самым доказывает, что она имеет смысл (*sens*)» [там же, с. 122]. Соответственно, если естественная история живых существ внешне вырисовывается как постепенно становление обширной нервной системы и развитие мозга, то, следовательно, «внутренне она означает установление психического состояния, соответствующего самим размерам Земли» [там же, с. 122–123].

«Стремление материи к организации»: кривая линия жизни

Ортогенез (традиционно понимаемый как развитие, подчиняющееся требованиям адаптации) рассматривается Тейяром как динамическая и единственно полная форма наследственности. При этом мыслитель не ограничивается сугубо биологическим пониманием. По его мнению, сущность ортогенеза заключается как раз в том, чтобы сосредоточить внимание на свойстве живой материи образовывать систему, «внутри которой ее члены, как показывает опыт, следуют *друг за другом* по все возрастающим значениям центросложности» [там же, с. 94]. «Без ортогенеза, – заключает Тейяр, – было бы лишь распространение *вширь*; с ортоге-

незом обязательно имеется какой-то подъем жизни» [там же].

Подъем жизни подчиняется, по мнению Тейяра, определенной логике. Отправной точкой его размышлений становится инстинкт как «фундаментальная частица» психического, сознания в его максимально широком понимании. (Заметим при этом, что инстинкт представляет собой величину переменную, то есть инстинкты различны по своей сути: Каждый тип насекомого, птицы или млекопитающего имеет свои собственные инстинкты).

Тейяр подчеркивает, что «всякая форма инстинкта по-своему стремится стать «разумом», но только на человеческой линии (по внешним и внутренним причинам) операция удалась до конца» [там же, с. 138]. Инстинкт «дорастает» до разума в рамках эволюции сознания. Центральным показателем этого процесса выступает рефлексия, трактуемая мыслителем как способность уже не просто познавать, а познавать самого себя, не просто знать, а знать, что знаешь.

Говоря о человеке, Тейяр отмечает, что он «представляет собой единственную форму сознания, достигшую состояния мысли, из бесчисленных других форм, испробованных жизнью в животном мире» [там же]. Сознание, в свою очередь, получает возможность мыслить, то есть знать о своем знании. Соответственно, следствие из вышесказанного таково: история жизни есть процесс развития сознания в направлении становления разума. И продолжает: «если история жизни <...> есть, по существу, развитие сознания <...> то неизбежно у вершины ряда, по соседству с человеком формы психики должны доходить до уровня разума» [там же].

Таким образом, можно сказать, что в процессе биосферогенеза сознание «поднимается». Тейяр определяет этот процесс через понятие гоминизации, в узком смысле рассматривая его как «индивидуальный мгновенный скачок от инстинкта к мысли» [там же, с. 147]. Но это еще и «процессирующее филетическое одухотворение <...> всех сил, содержащихся в животном мире» [там же].

История в этом случае предстает как процесс становления духа. Идеи, как результат работы духа, соответственно, предстают в качестве движущей силы человеческой истории. Именно они определяют судьбу конкретных цивилизаций. Например, в Индии: «поскольку феномены рассматривались как иллюзия (майя), а их связь как цепь (карма), то как могли эти доктрины вдохновить и направить человеческую эволюцию? Незначительная ошибка – в определении духа и в оценке уз, связывающих его с сублимациями материи, но в ней заключено все!» [там же, с. 170].

Кривая линии жизни приводит к тому, что удача и успех человеческой истории, как актуализации эволюции универсума, заключаются в совпадении собственно истории с преобразованием ноосферы. Но как достигнуть этого совпадения? «А для этого попытаемся, отвлекшись от внешней стороны событий, расшифровать своеобразную форму духа, возникающего в недрах современной Земли» [там же, с. 172].

Стремление материи к организации находит свое реальное воплощение в человеке. Фундаментальную сущность громадной, и, по существу, ноосферной, истории для человека Тейяр (со ссылкой на Джулиана Хаксли) выражает следующей формулой: «человек есть не что иное, как эволюция, осознавшая саму себя». И, действительно, с этой точки зрения, получается, что «эволюция одушевляет время и пространство».

Законы ноосферной истории

Представления Тейяра об эволюции универсума базируются на современной ему концепции энергетизма. Исходным постулатом его размышлений становится аксиоматическое допущение психической природы энергии. Как естествоиспытатель, он рассуждает о двух ее составляющих – тангенциальной энергии (которая связывает конкретный элемент с другими элементами того же порядка) и радиальной энергии (которая влечет этот элемент в направлении все более сложного и внутренне сосредоточенного состояния).

Важно отметить, что «изменение радиальной энергии в зависимости от тангенциальной <...> происходит через *посредство организации*» [там же, с. 61]. В процессе анализа соотношения радиальной энергии и тангенциальной энергии Тейяр приходит к парадоксальному выводу, что «космическая энергия постоянно возрастает не только в радиальной, но, что более серьезно, и в тангенциальной форме (поскольку напряжение между элементами увеличивается с увеличением их сосредоточенности)» [там же, с. 62]. Этот вывод может быть представлен (закреплен) в виде **закона организации духовной энергии**.

Заметим здесь, что рассмотренный закон элементарен, а, может быть, даже содержательно обогащает биогеохимические принципы, сформулированные В. И. Вернадским («геохимическая биогенная энергия стремится в биосфере к максимальному проявлению» и «при эволюции видов выживают те организмы, которые своей жизнью увеличивают биогенную геохимическую энергию»).

Тейяр приходит к еще одному эмпирическому

обобщению, открывает «качественный закон развития, способный объяснить при переходе от одной сферы к другой вначале невидимое состояние, затем появление и постепенное преобладание внутреннего вещей над их внешним» [там же, с. 58]. Этот закон, который сам Тейяр называет «**законом сложности и сознания**», формулируется следующим образом: «концентрация сознания изменяется обратно пропорционально простоте материального соединения, которое оно сопровождает», или «сознание тем совершеннее, чем более сложное и лучше организованное материальное строение оно сопровождает» [там же].

Эти законы показывают, что эволюция универсума реализуется через посредство усложнения субстрата (носителя энергии) и комплементарного роста (возрастания) энергии. В данном случае Тейяр остается на позициях неклассической парадигмы в науке, останавливается на полпути к информационно-семиотической картине мира.

Два «общих» закона эволюции универсума актуализируются в трех частных законах, индивидуализирующих облик ноосферной истории. Приведем их формулировки, предлагаемые Тейяром.

Закон «автоматического устранения эволюционных черешков» обращает наше внимание на фундаментальное условие опыта, «в силу которого начала всех вещей имеют тенденцию становиться материально неуловимыми» [там же, с. 80].

Закон (прямой и обратной) перспективы «неизбежно затуманивает в поле нашего зрения глубины прошлого и задние планы пространства. То, что очень далеко и очень мало, может быть лишь расплывчатым» [там же, с. 85].

Закон квантования, управляющий распределением сил жизни, гласит, что «они не могут охватить какой-либо район или принять новую форму, не понижаясь до соответствующего уровня. Со времени появления человека эволюционный напор, по-видимому, упал во всех нечеловеческих ответвлениях древа жизни» [там же, с. 218].

Эти, выявленные Тейяром, закономерности истории раскрывают механизмы и суть организации исторического процесса. Эта суть может быть выражена следующим образом.

История развития жизни движима механизмом перераспределения энергии. На этапе биогенеза это перераспределение может быть зафиксировано в феномене цефализации – напор энергии жизни возрастает в тех ответвлениях древа жизни, которые способствуют усложнению психического субстрата. На этапе психогенеза напор энергии жизни усиливается в тех волокнах, которые смогли перейти от рефлексии к мысли, ослабевая в «тупиковых».

Смысл ноосферной истории: планетизация человека

Смысл творимой людьми истории, в которой первую скрипку играет сознание, разум, по мнению Тейяра, заключается в задании перспективы, открытии предметных и идейных миров будущего, создании Идеи. Ибо «человек никогда не сделает ни одного шага в направлении, которое, как он знает, бесперспективно» [там же, с. 184].

Если принять тезис, что человек есть воплощение эволюции, то отныне на нем лежит ответственность за ее разворачивание в пространстве и времени. Смысл здесь заключается не столько в простом возрастании материальной энергии, сколько в качественном ее преобразовании в энергию психическую. Именно человек должен опережающе отражать будущее, руководствуясь знаками (указаниями) жизни, генерируя чувственный образ этого будущего.

Мыслитель пишет, что «даже при обилии материальной энергии, даже побуждаемое страхом или непосредственным желанием, *без вкуса к жизни* человечество вскоре перестало бы создавать и творить для дела, которое оно заранее считало бы обреченным» [там же]. Ноосфера, по Тейяру, и может рассматриваться как этот самый вкус к жизни, в потенции усиливающий процесс усложнения сознания.

Суть анализируемой проблемы Тейяр выразил в своеобразной энтимеме простого категорического силлогизма, в которой опущено заключение. Попробуем его восстановить.

«Эволюция – возрастание сознания.

Возрастание сознания – действие к единению» [там же, с. 193].

Достроим силлогизм – следовательно, **эволюция есть действие к единению**. И это новый, по Тейяру, способ филогенеза, то, что было названо им «планетизацией человека» [там же].

Единое сверхчеловечество, понимаемое как нечто качественно новое, не сводимое к простой сумме индивидов, ассоциируется у Тейяра с феноменом жизни. Только напор сверхчеловечества (по аналогии с напором единой жизни) может привести цивилизацию к следующей критической точке роста сознания. «Мегасинтез в тангенциальном. А значит, тем самым и скачок вперед радиальных сил по главной оси эволюции. ***Чем больше сложность, тем больше сознания*** (курсив наш – Д. С.)» [там же, с. 194].

Сверхчеловечество, как коллективная сверхсложная реальность, как дух, «может быть понято лишь в той мере, в какой мы выходим за пределы его телесных, осязаемых конструкций и попытаем-

ся определить специфический тип сознательного синтеза, возникающий из его трудолюбиво и искусно созданной концентрации» [там же, с. 197]. Этот подход предполагает абстрагирование от реалий наличного бытия, каким бы оно ни было. Это поиск сущего, скрывающегося за видимостью и обманчивостью материального бытия.

Тейяр полагает, что с возникновением человеческого мышления эволюция обретает новую способность – «способность вносить порядок в универсум с помощью его познания» [там же, с. 198]. В свете этой идеи весь эволюционный процесс предстает как постепенный переход от хаоса к порядку, понимаемый как становление все новой и новой сложности.

Результат этого процесса (ноогенеза) есть становление ноосферы – нового «мыслящего пласта», разворачивающегося над миром растений и животных – вне биосферы и над ней. Ноосфера есть, в определенном смысле, момент возвращения эволюции к своему началу. Она содержит в себе «все ценное, все активное, все прогрессивное, с самого начала содержащееся в космическом лоскуте, из которого вышел мир» [там же, с. 150] – все это теперь сконцентрировано в «кроне» ноосферы.

Ее возникновение – это громадное, по мнению Тейяра, событие, произошло незаметно: «человек вошел в мир бесшумно». «Мысль становится множеством, чтобы завоевать все обитаемое пространство поверх любой другой формы жизни. Другими словами, дух ткет и разворачивает покров ноосферы» [там же, с. 155].

Тейяр постулирует: «ткань универсума, став мыслящей, еще не закончила свой эволюционный цикл», следовательно, «мы идем к какой-то новой критической точке впереди» [там же]. Идею конца истории (которую, как оказалось, он предвосхитил) он отвергает и связывает подобные представления с отсутствием «восприятия медленности» истории. «Планетарному движению – планетарное величие», – провозглашает мыслитель, имея в виду то,

что одно поколение не в силах увидеть трансформации Земли.

Предпосылки для нового скачка уже подготовлены самим развитием человечества: «планетизация человечества» и наличие (высвобождение) «незанятых сил». «Как не видеть в этом двойном феномене все те же два взаимосвязанных симптома скачка в “радиальное”, то есть нового шага в возникновении духа» [там же, с. 200]. Но история обманчива, обманчива в силу действия в ней субъективного фактора. Наиболее опасная ошибка человечества – ошибка в определении духа (идеи, концепта) развития. Результат подобной ошибки – «вместо ожидаемого скачка сознания – механизация...» – механизация как материальная оснащенность, обеспеченность, материальный прогресс [там же, с. 203].

Основной вывод Тейяра состоит в том, что «неверно искать продолжение нашего бытия и ноосферы в безличном. Универсум – будущее – может быть лишь сверхличностью в пункте омега» [там же, с. 205], в котором концентрируется «объем бытия», предстающий как «верховный автономный очаг единения». Заметим, что это не просто сумма отдельных сознаний плюс собственно сознательность самого универсума, но их синтез, при котором каждое сознание становится «больше собой», больше отличается от других, чем ближе оно вместе с другими сознаниями приближается к точке Омега. «Чем больше все вместе они становятся другим, тем больше они становятся “самими собой”» [там же, с. 207], – замечает философ.

Обязательным условием Омеги, как это отмечает Тейяр, должны быть реальность и наличность. «Ныне существующей и реальной ноосфере необходим реальный и ныне существующий центр» [там же, с. 212]. Ноосфера (как точка Омега) для Тейяра – реальность. И сколь бы невероятной ни была перспектива, она должна быть достигнута «несомненно, не по необходимости, но неминуемо».

Библиографический список

1. Семенова С. Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2009. – 672 с.
2. Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции. Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 3–21.
3. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.

D.C. SMIRNOV

«TO SEE OR TO BE LOST»:
EVOLUTION OF THE UNIVERSUM AND NOOSPHERIC HISTORY

The evolution doctrine of Pierre Teilhard de Chardin from the positions of universum-synergetic and universum-semiotic approaches is analyzed in the article. «A new vision of a universum», offered by the philosopher, is presented as the precondition of the noospheric history concept formation in the end of the XX and the beginning of the XXI century. Noospheric history is discussed as the fundamental process of expansion of a matter to the forms of a spirit.

Key words: tree of life, universum, noosphere, «internal of things», the law of complexity and consciousness, the law of the spiritual energy organization, noospheric history

Д.Л.ГУРЕВИЧ

кандидат филологических наук, доцент кафедры иберо-романского языкознания Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
E-mail: caipira@yandex.ru
Тел. 8 926 1430424

ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ И КРИТЕРИИ НОРМАЛИЗАЦИИ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА БРАЗИЛИИ

Статья посвящена статусу и проблемам функционирования языковой нормы современного португальского языка Бразилии. Существующая в Бразилии в кодифицированной форме пиренейская (европейская) языковая норма в последние десятилетия утрачивает свою социальную базу, тогда как национальные (бразильские) формы речи активно включаются в круг грамматического и лексикографического описания.

Ключевые слова: бразильский вариант португальского языка, языковая норма, узус, разговорный язык.

В основе противопоставлений пиренейского и бразильского вариантов португальского языка лежит соотношение языковой системы, нормы и узуса, сформулированное Э.Косериу. При единстве языковой системы, подразумевающем общую парадигму функциональных оппозиций, именно их устойчивая реализация, то есть узус, и его кодифицированность – норма – отличают речь бразильцев от речи португальцев. Если пиренейский узус не обнаруживает серьезных конфликтов с кодифицированной нормой, то в Бразилии их соотношение всегда являлось языковой проблемой.

С середины XIX в., когда проблема классификации бразильского варианта португальского языка получила филологическую трактовку, и вплоть до нашего времени были выдвинуты 3 различные точки зрения относительно того, чем же является разновидность португальской речи Бразилии.

Согласно первой точке зрения, бразильский вариант является диалектом португальского языка. Автором этой идеи был знаменитый португальский филолог Лейте де Васконселус. Эта теория была очень популярна в первой половине XX в., ее поддерживали Теофилу Брага, Гонсалвес Виана, Эдгар Саншес, который в своей работе *Língua brasileira* прямо писал: «A nossa língua nacional é um dialeto do português (...) O dialeto brasileiro é a língua brasileira» («Наш национальный язык является диалектом португальского (...) Бразильский диалект и есть язык Бразилии») [13: 67]. Однако, как известно, диалект должен быть сложившейся разновидностью национального языка, имеющего кодифицированную норму, которая обеспечивает стабильность языковой системы и гарантирует успешность коммуникации; диалект имеет территориальные либо

социальные границы; по отношению к кодифицированной норме диалект занимает непрестижное положение. Бразильский вариант не вполне соответствует этой модели. Территориальные границы существуют – это национальная территория Бразилии; социальные границы отсутствуют, поскольку характерные особенности бразильского варианта поддерживаются всеми, кто им пользуется, независимо от социального статуса; что же касается кодифицированной нормы и ее престижа, отчасти еще сохраняющегося, то она достаточно удалена, если не сказать противопоставлена, бытующему в Бразилии узусу. Процесс кодификации бразильского узуса, который должен будет поставить точку в этой контрверзе, идет, но еще не завершен, и при отсутствии собственной сложившейся языковой модели, могущей являться «языком» для реально существующих бразильских диалектов, бразильский вариант вынужден по традиции оглядываться на пиренейский, переставший на самом деле являться универсальной наддиалектной формой языка, которому следует консолидировать разные формы речи и обладать полнотой функциональной парадигмы и по отношению к которому бразильский вариант мог бы являться полноправным диалектом.

Согласно второй точке зрения, бразильский вариант является самостоятельным языком, противопоставленным португальскому в том же смысле, в каком современные романские языки противопоставлены латыни. В числе сторонников этой теории следует назвать, прежде всего, Монтейру Лобату, Эрберт Парентис Фортис, уже упоминавшегося Эдгарда Саншеса, а среди современных лингвистов – Маркус Багну, Шарлотте Галвис, отчасти Фернанду Таралью и Антониу Уайсс. Эта точ-

ка зрения претерпела определенную эволюцию. Во времена Монтейру Лобату язык Бразилии воспринимался как результат изменения и даже порчи системы языка, распространенного в бывшей метрополии (*corrupção da língua-mãe*), приобретая тем самым статус самостоятельного национального языка, который, в рамках традиции защиты и прославления, ничем не уступает в своем разнообразии и своих функциях языку-прародителю, то есть в данном случае – европейскому варианту. В наше время проблема ставится в других терминах, а именно: язык Бразилии, обслуживающий национальные интересы политически независимой страны, осознающей в данный момент свою культурную эмансипацию, не лучше и не хуже языка бывшей метрополии. Как отмечает современная исследовательница Шарлотте Галвес, “*Os brasileiros não falam “errado”, simplesmente falam uma outra língua*” («Бразильцы не говорят «неправильно», они просто говорят на другом языке»). [11: 14] Это попросту другой язык, опирающийся на другие возможности языковой системы, которая претерпела ряд изменений и предлагает варианты, недопустимые для пиренейской модели, – фонетические изменения, морфологические изменения (редуцированность глагольной парадигмы), морфосинтаксические изменения (формы и позиция объектных местоимений), синтаксические изменения (модификация глагольного управления, реализация категории залога, употребление герундия в функции личной формы глагола-сказуемого, тенденция к топиализации). Вопрос, отражают ли эти и ряд других феноменов действительные изменения языковой системы или это еще одна возможность ее реализации – вопрос фундаментальный, который требует отдельного серьезного рассмотрения.

Наконец, согласно третьей точке зрения, бразильский вариант является параллельным пиренейскому языковым образованием, развивающимся на протяжении 500 лет по собственным законам. Бразильские лингвисты, придерживающиеся этой точки зрения (а здесь следует упомянуть таких маститых исследователей, как Серафим да Силва Нету, Маттозу Камара, Эванилду Бешара, Силвиу Элиа, Роза Виржиния Маттус-и-Силва и др.) употребляют термин ко-диалект и утверждают, что португальский язык в Бразилии выполняет те же функции, что и португальский язык в Португалии, и оба они на равных правах соотносятся с абстрактной языковой системой, называемой «португальский язык». В последние десятилетия появляется термин *língua vernácula*, употребляемый большинством современных исследователей примерно в том же значении, в каком Косериу употреблял термин

«норма», т.е. «система обязательных реализаций, принятых в данном сообществе и данной культурой» [1: 37]. *Língua vernácula*, как и косериевская «норма», «соответствует не тому, что можно сказать, а тому, что уже сказано и что по традиции говорится в рассматриваемом обществе» [1: 37]. Термин «национальный вариант», предложенный Георгием Владимировичем Степановым, отражает, в принципе, такое же соотношение между системой, указывающей на открытые и закрытые возможности языка, и узусом, то есть устойчивой реализацией этой системы в конкретных национально-исторических условиях. На современном этапе своего развития, идущего по пути дальнейшей эмансипации от пиренейского варианта, *língua vernácula* (она же национальный бразильский вариант) вплотную подошла к проблеме нормализации, которая предусматривает 2 этапа: 1) стихийный, но в общем объективный, отбор вариантов, предлагаемых узусом и их закрепление в письменных формах речи разных жанров; 2) кодификация отобранных вариантов, их дескриптивная, а затем и нормативизирующая классификация.

До середины XIX в. письменная реализация португальского языка Бразилии опиралась на пиренейскую норму и воспроизводила пиренейские языковые модели, и понятие «*bem escrever*» предполагало обязательное следование образцам собственно португальской письменности. Со второй половины XIX в., главным образом, под влиянием представителей Бразильского Романтизма (Жозе да Аленкара, Гонсалвеса Диаса, Казимиру де Абреу и др.) бразильский вариант начал фиксироваться в литературных текстах, и появились первые попытки осознанного закрепления собственно бразильских языковых вариантов в письменной речи. Стал сокращаться разрыв между устной, социально не престижной, с грамматической точки зрения, «неправильной» речью всех социальных групп Бразилии и речью письменной, грамматическая и стилистическая корректность которой была доступна лишь малой части населения страны. В результате социальных процессов, охвативших почти все столетие, – обретение независимости, отмена рабства, упразднение империи и складывание республики – Бразилия стала осознавать себя как политически и культурно независимая нация, которой следует иметь собственный язык, что, в свою очередь, привело к возникновению антилузитанских тенденций в отношении к родному языку. Проникновение в письменную речь широко употребительных сугубо бразильских моделей получает массовый характер, начинает формироваться бразильский письменный узус.

До 50-х годов XX в. этот процесс шел достаточно стихийно. В художественных текстах бразильских авторов, прежде всего модернистов, таких как Мариу де Андраде и Освалд де Андраде, системно появляются языковые черты, характерные для разговорной речи, имеющие, однако, повсеместное распространение, начиная с попыток отразить фонетические особенности и вплоть до синтаксических. При этом языковая норма, зафиксированная в грамматиках, словарях (снабженных грамматическими пометами, например, указанием на глагольное или именное управление), школьных учебниках и иных пособиях, никак не реагировала на подобные факты. Здесь уместно вспомнить, что языковые отношения между колониальной Бразилией и бывшей метрополией были нетипичны для формирующейся страны Нового Света. В отличие от соседней Испании, заботившейся о распространении и о статусе испанского языка в своих американских колониях, Португалия на протяжении 2-х с лишним столетий (XVI – середина XVIII века) не проводила никакой языковой политики в Бразилии, в результате чего в первые века колонизации на территории страны был более распространен так называемый *língua geral* – койне на основе тупи-гуарани, – нежели собственно португальский язык. С середины XVIII в. ситуация стала меняться, Португалия начала активно «экспортировать» португальский язык, проводниками которого были частные учителя-португальцы, нанимаемые богатыми семьями, церковные деятели, чиновники администрации. Португализации страны способствовал и переезд в Рио-де-Жанейро в 1808 г. короля Дона Жуана со всем двором и несколькими десятками тысяч представителей португальской аристократии. Все это закрепило престиж португальского языка именно в его пиренейском варианте и заклеямило традиционные для Бразилии формы речи как непрестижные. Если добавить к этому тот факт, что Португалия запрещала на протяжении всего колониального периода открывать типографии на территории Бразилии и препятствовала организации университетов, вследствие чего бразильская знать отправляла своих детей за университетским образованием все в ту же Португалию, то нет ничего удивительного в том, что кодифицированная письменная норма, сложившаяся в Бразилии ко второй половине XIX в., практически полностью опиралась на пиренейский вариант.

Изменение отношения в бразильском обществе к собственным национальным формам речи, шедшее подспудно на протяжении XIX – первой половины XX века, в последние 30-40 лет становится основной филологической проблемой Бразилии.

От слепого следования – через школьные учебники и предписывающие грамматики – чужой (пиренейской) языковой норме, не отражающей, а часто отвергающей многие системные особенности бразильского варианта, происходит поворот в сторону фиксации этих особенностей. Первые работы в этом направлении, появившиеся во второй половине 50-х – начале 60-х гг., работы Антониу Уайса, Антенора Насентиса, Маттозу Камара Жуниора, Мириам Лемле были посвящены описанию фонетических черт в языке жителей определенного региона – города и штата Рио-де-Жанейро, – что связано с его тогдашним экономическим и культурно-социальным престижем. В те же годы – в 1958 г. – была предпринята попытка нормализации в области орфоэпии, закрепленная в *Анналах Первого Бразильского Конгресса устной театральной речи* (*Anais do Primeiro Congresso Brasileiro de Língua Falada no Teatro*). Предложенные в этом документе орфоэпические правила в большинстве случаев отражали произношение образованной части населения Рио-де-Жанейро и не стали основой произносительной общепиренейской нормы.

В середине 60-х годов появляется целый ряд работ крупных бразильских филологов – Эванилду Бешара, Селсу Кунья, Силва Нету, Антониу Уайсс, – где четко ставится проблема противопоставления свободно функционирующего узуса, реализующего определенные возможности языковой системы, и предписывающей нормой, запрещающей большинство подобных реализаций. Окончательный сдвиг в области отбора критериев языкового нормирования происходит в 70–80-е годы, когда под влиянием социолингвистических идей Уильяма Лабова языковая норма начинает восприниматься как фундаментальное понятие, консолидирующее любой языковой коллектив. Таким образом, термин *língua vernácula* приобретает новое содержание, это не «речь низов», как было раньше, не просторечие, не «разговорные особенности неформального стиля», а набор языковых правил и норм, встречающихся в речи всех членов языкового коллектива.

Такое теоретическое осмысление статуса национальных форм речи привело к необходимости фиксации тех системных языковых особенностей, которые, с одной стороны, составляют суть феномена под названием *Português Brasileiro*, а с другой, перестают восприниматься языковым коллективом как регионализмы, диалектизмы, просторечные формы и конструкции, то есть как социально непрестижные формы речи. С этой целью в 70-80-е гг. в Бразилии был реализован проект под названием *Norma Lingüística Urbana Culta (NURC)*, заключающийся в фиксации устной речи, формального

и неформального регистра, звучащей в устах носителей языка – бразильцев с высшим образованием, проживающих в 5 крупнейших городах страны. Данные этого репрезентативного исследования – около 2.000 информантов, более 10.000 часов звучания, – отражающие реальный разговорный узуз образованной части населения, системно отличаются от правил, предписанных прескриптивной нормой, зафиксированной в традиционных грамматиках португальского языка и поддерживаемой школьными учебниками и иными рекомендательными пособиями.

Для систематизации данных этого проекта была создана грамматика разговорного португальского языка Бразилии – *Gramática do português culto falado no Brasil*, – где нашли отражение многие особенности бразильского узуса, не отмеченные кодифицирующими грамматиками или отличающиеся от их данных, особенности, пронизывающие всю языковую систему от фонетики через морфологию и синтаксис до прагматики и дискурсивных маркеров. Наряду с этим в последние 30 лет появились словари и грамматики более традиционного характера, учитывающие, однако, в значительной степени сугубо бразильские реализации португальской языковой системы – грамматики Селсу Кунья и Линдлей Синтра, Селсу Педру Луфта, Эванилду Бешара, Марии Элены де Моура Невес, Мариу Перини, а также словари Уайсса, Феррейра, Борба. Эти грамматики и словари нового типа опираются при анализе языковых данных и их отборе с точки зрения узуальности и – читай – нормативности на данные письменных художественных и нехудожественных текстов, созданных в Бразилии в последние 40-50 лет. Многие языковые факты, упоминаемые в этих грамматиках и словарях, противоречат предписаниям более старых нормативных грамматик и словарей, ориентировавшихся на письменные и произносительные образцы пиренейского стандарта.

Итак, обратимся к фактам.

В качестве источника языковых примеров уходящей португалоориентированной прескриптивной нормы были взяты грамматики Роша Лима – *Gramática Normativa da língua portuguesa*; Жозе Маркес да Крус – *Português prático. Gramática*; словарь Франсиску Фернандеса – *Dicionário de verbos e regimes*; рекомендательные пособия – *Manual de Redação e estilo* газеты «O Estado de S. Paulo» – все эти источники были созданы не позже середины XX века, а последний относится уже к нашему времени. В качестве источника узуальноориентированных языковых примеров были взяты грамматики – *Gramática do português falado*

(под редакцией Аталиба Тейшера ди Кастилью), Мария Элена де Моура Невес – *Gramática de usos do Português*; Эванилду Бешара – *Moderna Gramática portuguesa*; словари – *Dicionário de usos do português do Brasil* (Francisco Borba); *Dicionário Houaiss da Língua Portuguesa*; фонетические и фонологические описания – Режина Силвейра – *Uma pronúncia do português brasileiro*; Луис Кальяри – *Elementos de Fonética do Português Brasileiro*.

1. Орфоэпия.

1) Сочетание взрывного согласного с фрикативным или другим взрывным – *dv; tm; dm; bs* и др. – в Бразилии произносится с разбиением группы согласных гласным [i] или открытым либо закрытым [e] в зависимости от региона. Это общебразильская черта. В грамматике Маркеса да Крус примеры типа *ademitir; adevir; adeogado* относятся к произносительным ошибкам. В современных работах (Луис Кальяри; Режина Силвейра) примеры типа [apito] – *apto*; [adjivogado] – *advogado*; [ritimo] – *ritmo*; [pineu] – *pneu* рассматриваются как орфоэпически нейтральные.

2) Перед шипящими в ударном слоге в конце слова в бразильском варианте звучит дифтонг, образуемый прибавлением [i] к ударному гласному – [nois] *nós*; [veis] *vez*. Грамматика Маркеса да Крус квалифицирует это явление как просторечное: «*Treis, nois (gente inculta) por três, nós*». Грамматика Эванилду Бешара, напротив, считает это явление нейтральным и широко распространенным, приводящим, в частности, к омонимии таких слов, как *mas* и *mais*; *paz* и *país*.

2. Глагольное управление.

1) В бразильском узусе глаголы движения в качестве предлога направления часто допускают предлог *em* – *ir em; chegar em* – и это управление очень частотно. Однако традиционными грамматиками оно расценивается как ошибочное. Ср. Роша Лима – *Vou à cidade* вместо *Vou na cidade*; *Cheguei a casa* вместо *Cheguei em casa*. Словарь глагольных управлений Франсиску Фернандеса, опирающийся исключительно на классические литературные образцы, не фиксирует такого употребления. В то же время Словарь современного бразильского употребления Франсиску Борба, где приводятся примеры из письменных текстов, фиксирует такое употребление – *Ja muito na casa de Armando; Cheguei em casa ainda sob o domínio dessas idéias*. Встречается оно и в *Gramática do português falado* – *Sempre que passo lá por perto, vou na Igreja do Rosário; Eu não vou chegar em Belo Horizonte no mesmo dia*. Надо сказать, что такое управление встречается даже у авторитетных авторов – *Não soube que chegou no quarto* (Mário de Andrade).

2) Португальские глаголы *lembrar(-se)* и *esquecer(-se)* имеют двойное управление: они присоединяют прямое дополнение, если стоят в невозвратной форме и дополнение с предлогом, если стоят в возвратной. Нормативными конструкциями являются, таким образом, *Lembro a vida que chegamos a ter*; *Esqueça que ele existe*; *Lembro-me dele*; *Esqueci-me de você*. На таком употреблении настаивает традиционная грамматика Маркеса да Крус и словарь Франсиску Фернандеса, где примеры типа *Eu esqueci disso*; *Ele não lembra disso* считаются неправильными. Вместе с тем, Грамматика современного узуса Моура Невес приводит примеры такого «неправильного» употребления – *Lembro dele na casa da Avenida de Contorno*; *Não esqueça também de mandar cotar*; *O diretor do teatro lembrou-se que não dormira durante a noite*.

3. Употребление личных местоимений в объектной позиции.

Для Бразилии характерно употребление субъектных форм личных местоимений – *ele*; *ela*; *eles*; *você*s – и дативных форм – *lhe*; *lhes* – в объектной позиции, типа *Vi ele*; *Convidei-lhe*; *Vi você* вместо объектных форм *Vi-o*; *Convidei-o*. Употребление типа “*vi ele*” либо вообще не рассматривается традиционными грамматиками, либо трактуется как грубо неправильное – Manual de redação e estilo и грамматика Жозе Маркес да Крус обращают на это особое внимание: *Nunca o vi*; *Nunca o convidei*; *Mandou-a entrar* вместо *Nunca lhe vi* или *Nunca vi ele* или *Mandou ela entrar*. Вместе с тем, несмотря на определенный резонанс в бразильской филологической среде по поводу такого употребления, оно фиксируется в грамматике Моура Невес – *Deixa eu contar. Manda ele fugir daqui*; *Benê levou ele quase à força*; *Encontrou ele morto no baheiro*; в грамматике Português falado – *Pela terceira vez eu vi ele passar pertinho da Madeleine*; *Vou chamar ela, viu?*; в словаре Франсиску Борба – *Eu quero ela para mim*; *Eu trazia ela de volta*.

4. Позиция безударных личных местоимений-клитиков при глаголе.

Позиция местоимений-клитиков регулируется в португальском языке целым комплексом пра-

вил, одно из которых предписывает обязательную постпозицию местоимения, если глагол стоит в форме утвердительного императива. При этом бразильский узус тяготеет к препозиции клитиков в большинстве ситуаций, что влечет за собой появление фраз типа *Me dá isso aí*; *Me diga a verdade*. Грамматика Маркеса да Крус и грамматика Роша Лима квалифицируют такие примеры как ошибочные. Вместе с тем, такое употребление клитиков зафиксировано в грамматике Моура Невес и в Gramática do português falado – *Se é meu amigo, me dê uma solução*; *Me desculpe se você não tem nada com isso*.

5. Пассивные конструкции с рефлексивным местоимением *se*.

В Бразилии нередко, в том числе и в художественных текстах, встречаются конструкции, где переходный глагол утрачивает согласование с подлежащим, это конструкции типа *Vende-se casas*; *Frita-se ovos*. Грамматика Маркеса да Крус и Manual de redação e estilo квалифицируют такие конструкции как ошибочные: *Afinam-se pianos* вместо *Afina-se pianos*; *Alugam-se quartos* вместо *Aluga-se quartos*. Однако в грамматике Эванилду Бешара обе эти конструкции приводятся, причем автор отмечает, что обе они корректны, поскольку несогласованная форма глагола (*Vende-se casas*) указывает на безличность, где “*casas*” выступает как дополнение, а не как подлежащее.

Таким образом, даже самое поверхностное сопоставление традиционных предписывающих грамматик и словарей с современными – описывающими – показывает существенное отклонение бразильского узуса от рекомендованной нормы в разных точках языковой системы. Многие из встречающихся в современных грамматиках явлений морфологического и синтаксического характера несколько десятилетий назад воспринимались как диалектные или просторечные с точки зрения доминировавшей нормы. Включение их в круг грамматического и лексикографического описания свидетельствует как об их широкой распространенности, так и об изменении отношения к социолингвистическому статусу этих форм.

Библиографический список

1. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. М.: УРСС, 2001
2. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М.: УРСС, 2004.
3. Ataliba T. de Castilho (coord. geral). Gramática do português culto falado no Brasil. Vol.1-2, Campinas: Editora da UNICAMP, 2008.
4. Bagno, M. (org.) Lingüística da norma. São Paulo: Edições Loyola, 2004.
5. Bechara, E. Moderna gramática portuguesa. (ed. 37ª). Rio de Janeiro: Lucerna, 2001.
6. Cagliari, Luiz C. Elementos de fonética do português brasileiro. São Paulo: Paulistana, 2007.

7. Coseriu, E. Teoría del lenguaje y lingüística general. Madrid: Gredos, 1967.
8. Cunha, C. F., Cintra, L. F. L. Nova gramática do português contemporâneo. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1985.
9. Elia, S. Fundamentos histórico-lingüísticos do português do Brasil. Rio de Janeiro: Lucerna, 2003.
10. Ferreira Netto, W. Introdução à fonologia da língua portuguesa. São Paulo: Hedra, 2001.
11. Galves, C. Ensaio sobre as gramáticas do português. Campinas: Editora da UNICAMP, 2001.
12. Houaiss, A. O português no Brasil. Rio de Janeiro: Rivan, 1992.
13. Lima Sobrinho, B. A língua portuguesa e a unidade do Brasil. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 2000.
14. Luft, C.P. Moderna gramática brasileira. São Paulo: Globo, 2002.
15. Marques da Cruz, J. Português prático. Gramática. São Paulo: Edições Melhoramentos, s.d.
16. Martins Filho, E.L. Manual de Redação e Estilo de O Estado de S. Paulo. São Paulo: O Estado de S. Paulo, 1997.
17. Moura Neves, M.H. Gramática de usos do português. São Paulo: Ed. UNESP, 2000.
18. Perini, Mário A. Gramática do português brasileiro. São Paulo: Parábola Editorial, 2010.
19. Rocha Lima, C. H. Gramática Normativa da Língua Portuguesa. (ed. 43ª). Rio de Janeiro: José Olympio, 2002.
20. Silva, R.V.M. O português são dois: novas fronteiras, velhos problemas. São Paulo: Parábola Editorial, 2004.
21. Silveira, Regina C.P. Uma pronúncia do português brasileiro. São Paulo: Cortez, 2008.
22. Borba, F.S. Dicionário de usos do português do Brasil. São Paulo: Ed. Ática, 2002.
23. Dicionário Houaiss da língua portuguesa. Rio de Janeiro: Objetiva, 2009.
24. Fernandes, F. Dicionário de verbos e regimes. São Paulo: Ed. Globo, 1965.

D.L.GUREVICH

ATTITUDES TO LANGUAGE NORM AND THE CRITERIA OF NORMALISATION IN BRASILIAN PORTUGUESE

The subject of the article is the actual state and functioning of modern Brazilian Portuguese language norm. The European Portuguese language norm, considered as a standard in Brasil, in the recent decades has been losing its social base, while the national (Brazilian) forms of speech are being actively recognized in grammatical and lexical descriptions.

Key words: *Brazilian Portuguese, language norm, language use, spoken language.*

Л.И. ЖОЛУДЕВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романского языкознания
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

E-mail: l.zholudeva@gmail.com

Тел.: (496)711 12 67, 8 926 977 247 2

**ВОПРОСЫ ИМЕННОЙ МОРФОЛОГИИ В ПЕРВОЙ ГРАММАТИКЕ
ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА - «LA GRAMMATICHETTA VATICANA»
(COD. VAT. REG. LAT. 1370) ЛЕОНА БАТТИСТЫ АЛЬБЕРТИ**

Статья посвящена вопросам именной морфологии в первой грамматике итальянского языка («La grammatichetta Vaticana» Л. Б. Альберти, сер. XV в.). Это сочинение отличается опорой не на литературные образцы, а на современный грамматисту узус. Именная морфология представлена в грамматике полно и системно, а большинство сформулированных Альберти правил действуют и на современном этапе.

Ключевые слова: итальянский язык, грамматика, морфология, ранние грамматики, история лингвистических учений.

Первое грамматическое описание формирующегося итальянского литературного языка относится к середине XV в. [6, с. 270], эпохе, когда после т.н. кризиса вольгаре (эпоха Кватроченто) постепенно меняется отношение гуманистов к народному языку. Их взгляд на современную языковую ситуацию на этой стадии остается во многом ретроспективным – современность оценивается сквозь призму аналогий с античностью [4, с. 27]. Тем интереснее выглядит на этом фоне появление первой грамматики вольгаре, ориентированной одновременно на античный грамматический канон и на современный грамматисту узус [6, с. 270].

Среди наиболее ранних грамматических сочинений, посвященных итальянскому литературному языку, «La grammatichetta vaticana» выделяется не только хронологически – как первый опыт полного системного описания итальянской грамматики. Важен и нетривиален для той эпохи и сам подход Альберти: опора при описании на узус, а не на литературные источники, такие как произведения Данте, Петрарки и Боккаччо [5, с. 93, 100]. Эксперимент Альберти, как мы увидим, оказался вполне удачным, и только по стечению обстоятельств первая итальянская грамматика оказалась надолго забыта, а ее авторство с достоверностью установлено лишь в шестидесятые годы XX века [6, с. 268].

Структура грамматики, согласно оглавлению, такова:

1. алфавит (Ordine delle lettere),
2. гласные (vocali) – раздел, посвященный, по большей части, именной морфологии;
3. глаголы (Sequitano e verbi), с подпунктом «активный залог» (Sequitano i verbi attivi);

4. предлоги (Sequitano le preposizioni);

5. наречия (Sequitano gli avverbi) с подпунктами «междометия» (Interiezioni) и «союзы» (Coniunzioni).

В данной статье мы рассмотрим то, как автор первой итальянской грамматики подходит к проблемам именной морфологии вольгаре. Этот участок языковой системы в XV в. характеризовался значительной вариативностью, что весьма затрудняло кодификацию итальянского языка. Фактически, необходимость в грамматическом описании вольгаре была осознана раньше, чем язык успел пройти стадию стихийной нормализации, отбора вариантов и избавления от неупорядоченной полиморфии. В этом смысле опора на литературные авторитеты во многом помогала грамматистам следующей волны (Ф. Фортунио, П. Бембо) определиться с выбором. Пойдя по другому пути, опираясь на живой, современный ему узус, Л.Б. Альберти был вынужден в выборе вариантов оформления грамматических категорий руководствоваться собственной языковой компетенцией и интуицией, и в этом смысле его грамматика интересна как свидетельство «очевидца» стихийно, подспудно протекающих процессов нормализации вольгаре.

Во вступлении Альберти полемизирует с распространенной в то время точкой зрения, что литературным языком – т.е. языком, обладающим внутренней упорядоченностью, структурой – способны владеть лишь немногие: «Que» che affermano la lingua latina non essere stata comune a tutti e populi latini, ma solo propria di certi dotti scolastici, come oggi la vediamo in pochi, credo deporranno quello errore vedendo questo nostro opuscolo, in quale

io raccolsi l'uso della lingua nostra in brevissime annotazioni" (ср.: точка зрения Леонардо Бруни в знаменитом споре в приемной папы Евгения IV в 1435 г.). Проводится аналогия между латынью и итальянским языком: языковая ситуация в Древнем Риме сравнивается с ситуацией в современной Альберти Италии. Заявляя о своем несогласии с мнением многих своих современников, Альберти аргументирует свою точку зрения не вполне стандартным, эмпирическим способом: путем выявления грамматической структуры у вольгаре.

Ход мысли грамматиста, судя по всему, был примерно таким: поскольку грамматическая норма есть нечто принятое всем языковым коллективом и регулярно воспроизводимое в спонтанной речи, нельзя говорить о том, что это совершенно искусственная форма речи, поддерживаемая усилиями узкой прослойки пишущих интеллектуалов (как это было в случае с ренессансной латынью). При таком подходе обнаружение у вольгаре внутренней упорядоченности и правил ("ammonizioni, atte a scrivere e favellare senza coruttela" – отметим, что письменная речь все же упоминается первой) действительно может служить подтверждением тезиса, приведенного Альберти во вступлении: народный язык может функционировать как общенациональный.

Таким образом, Альберти отталкивается не от внешней лингвистики, он опирается на наблюдения не за языковой ситуацией в Италии (пусть, выбранный Данте в трактате «О народном красноречии»), а за системными противопоставлениями в живом языке Тосканы. После литературного расцвета Треченто произведения Данте, Петрарки и Боккаччо фактически сразу начинают восприниматься как общенародное достояние, и флорентийский (и даже шире – тосканский) вольгаре автоматически получает преимущество перед другими диалектами как территориальная база складывающейся нормы. Для Альберти, таким образом, оказывается решенным вопрос, мучавший Данте: где искать «благоухающую пантеру» – то общее, что интуитивно ощущается между различными вольгаре, но при этом плохо поддается локализации и описанию. Народный язык называется тосканским; по большинству своих особенностей вольгаре, описанный Альберти, действительно соответствует узусу Тосканы той эпохи (в т.ч. там, где наблюдаются расхождения между языком второй половины XV в. и более архаичным языком Трех венцов).

В то же время, в отличие и от Данте [8, с. 19–20], и от позднейших грамматистов-тосканистов, Альберти не ставит знак равенства между языком литературы как общенациональным достоянием и литературным языком, также призванным высту-

пать объединяющим началом, средством преодоления языковой и политической раздробленности. Грамматист как бы и не замечает глубины всех этих расхождений: он создает свое описание флорентийского вольгаре в качестве общенационального литературного языка так, как если бы все дальнейшие споры были решены, и объединение Италии состоялось еще в XV веке. Его взгляд кажется еще более нетривиальным, если учитывать, что Альберти не жил во Флоренции безвыездно: его семья была флорентийской по происхождению, но родился он в Генуе, в изгнании, учился в университетах севера Италии (Болонья, Падуя), а затем много лет жил в Риме, будучи связан с папской курией. Уже хотя бы поэтому Альберти не мог не представлять себе степени расхождения между языком Флоренции (как живым, так и зафиксированным в литературе) и различными вольгаре Италии, которые в грамматике даже не упоминаются.

Для позднейших описаний итальянского языка будет характерна если не опора, то хотя бы отсылка к литературным образцам, даже в тех случаях, когда авторы не относились к лагерю архаистов, победивших в «споре о языке». Здесь, в первой грамматике вольгаре, подобные ссылки на авторитеты отсутствуют.

Грамматика Альберти начинается с инвентаризации графических средств: сначала приводится латинский алфавит, расширенный за счет буквосочетаний *ch*, *gh*, а также *ç*. *U* и *v* противопоставлены (это противопоставление в итальянской графике будет закреплено окончательно только в XVII в.); *j*, *k*, *w*, *y*, а также *h* (вне сочетаний с заднеязычными согласными) отсутствуют.

Буквы и буквосочетания разбиты на шесть колонок по четыре элемента в каждой. Порядок перечисления хаотический (во всяком случае, нам не удалось в нем увидеть логики).

Следующий раздел грамматики озаглавлен "Vocali", «гласные». Он действительно открывается перечислением гласных, причем уже не графем, а фонем: противопоставлены *e* и *o* открытые и закрытые, т.е. приведен весь тосканский набор из семи гласных фонем. Однако на этом фактически заканчивается описание системы гласных. Речь не идет ни о разграничении закрытых и открытых гласных на письме, ни об орфоэпии. Эти дискуссионные вопросы Альберти просто не затрагивает. Единственное наблюдение, касающееся собственно гласных, в этом разделе относится скорее к сфере фоносинтаксиса: "Ogni parola e dizione toscana finisce in vocale. Solo alcuni articoli de' nomi in *l* e alcune preposizioni finiscono in *d*, *n*, *r*". («Все тоскан-

ские слова и высказывания оканчиваются на гласный. Только некоторые артикли оканчиваются на *l*, а некоторые предлоги оканчиваются на *d, n, r*»).

Затем, без всякого отдельного заглавия или переходного абзаца начинается раздел грамматики, посвященный системе имени. По-видимому, Альберти он виделся логическим продолжением раздела о гласных, поскольку именно гласные оказываются основным средством выражения грамматических категорий имени: «*A e nomi maschulini l'ultima vocale si converte in i, e questo s'usa in tutti e casi plurali. A e nomi femminili l'ultima vocale si converte in e, e questo s'usa in ogni caso plurale per e femminili.*» («У имен мужского рода последняя гласная меняется на *i*, и так имя выглядит во всех падежах во множественном числе. У имен женского рода последняя гласная меняется на *e*, и так выглядят все падежные формы женского рода»).

Однако грамматическая характеристика имен начинается не с этого, а с краткого экскурса в историю: «*Le cose in molta parte hanno in lingua toscana que' medesimi nomi che in latino. Non hanno e Toscani fra e nomi altro che maschulino e femminino. E neutri latini si fanno maschulini. Pigliasi in ogni nome latino lo ablativo singulare, e questo s'usa in ogni caso singulare, così al maschulino come al femminino.*» («Многие вещи в тосканском языке имеют те же самые имена, что и в латинском. Среди тосканских имен есть только имена мужского и женского рода. Латинские слова среднего рода делаются словами мужского рода. У каждого латинского имени, как в мужском, так и в женском роде, берется аблатив единственного числа и используется во всех падежах единственного числа»).

Здесь, как и во многих других случаях, Альберти не углубляется в подробности, не упоминает исключения, например, итальянские имена существительные, ведущие происхождение от латинского номинатива. Вероятно, грамматисту представлялось наиболее важным выделить основную закономерность, указать на наличие логики, упорядоченности в эволюции и функционировании языка; описание частностей и отклонений он оставляет другим. Как он сам пишет в разделе, посвященном формам простого перфекта (один из наиболее богатых частностями и нерегулярными формами разделов итальянской грамматики), «*Sonci di queste regole forse altre eccezioni, ma per ora basti questo principio di tanta cosa. Chi che sia, a cui diletterà ornare la patria nostra, aggiungerà qui quello che ci manchi*» («Возможно, существуют и другие исключения из этих правил, но теперь пусть будет достаточно первоначального описания этого множества. Тот, кому будет угодно прославить наше отечество,

добавит то, чего здесь не хватает»).

И все же Альберти приводит наиболее многочисленную группу слов, не подчиняющуюся описанному выше базовому правилу образования множественного числа: «*Alcuni nomi femminini in plurale non fanno in e: come, la mano fa le mani. E ogni nome femminino, quale in singolare finisca in e, fa in plurale in i: come la orazione, le orazioni; stagione, stagioni; confusioni, e simili*» («Некоторые слова женского рода во множественном числе оканчиваются не на *e*, так *la mano* становится *le mani*. И все имена, которые в единственном числе оканчиваются на *e*, во множественном оканчиваются на *i*, например: *la orazione, le orazioni; stagione, stagioni; confusioni* и другие»). Исключением в строгом смысле слова здесь можно назвать разве что пример *la mano – le mani*. Другие реликты латинских падежных форм, не подвергшиеся выравниванию по аналогии и составляющие исключение из правил образования множественного числа в итальянском, Альберти не упоминает, хотя в XV веке таких отклоняющихся форм в узусе было значительно больше, чем на современном этапе.

Далее Альберти рассматривает падежи в итальянском языке. Падеж здесь понимается как семантико-синтаксическая категория, формально выражаемая при помощи слитных форм предлогов с определенным артиклем (исключение составляет вокатив, показателем которого является междометие). Падежей, по аналогии с латинской системой, выделяется шесть, и приводятся они в следующем порядке: номинатив (*EL cielo, E cieli, LO orizzonte, GLI orizzonti*), генитив (*DEL cielo, DE' cieli, DELLO orizzonte, DEGLI orizzonti*), датив (*AL cielo, A' cieli, ALLO orizzonte, AGLI orizzonti*), аккузатив (*EL cielo, E cieli, LO orizzonte, GLI orizzonti*), вокатив (*O cielo, O cieli, O orizzonte, O orizzonti*), аблатив (*DAL cielo, DA' cieli, DALLO orizzonte, DAGLI orizzonti*). Особо оговаривается, что имена, начинающиеся с сочетания *s + согласный*, имеют те же формы артикля, что и слова, начинающиеся с гласного звука.

Описание того, как в итальянском языке выражаются падежные значения, также заставляет разграничивать имена нарицательные и собственные (*Cesare, DI Cesare, A Cesare, Cesare, O Cesare, DA Cesare*): о них говорится, что у них «отсутствуют первый и четвертый артикли». Кроме того, имена собственные, согласно Альберти, не имеют форм множественного числа, а если бы оно было, они вели бы себя как нарицательные.

Затем аналогичным образом производится инвентаризация «падежных форм» женского рода, причем, несмотря на отсутствие различий в формах предлога с артиклем перед словами на гласный и на

согласный (DELLA *stella*, DELLA *aura*, ALLE *stelle*, ALLE *aure*), полностью приводятся парадигмы с обоими примерами.

В разделе об именах отводится место и числительному. Количественные числительные по их словоизменительным моделям уподобляются именам собственным (т.е. не делается исключение ни для числительного *mille*, сохраняющего изменение по числу, ни для *uno*, имеющего форму женского рода). Как и неопределенные местоимения (“*numeri non determinati*” – *ogni, ciascuno, niuno* – Альберти их также относит к числительным), эти имена «не имеют первого и четвертого артикля», т.е. определенного артикля без предлога в синтаксических позициях, соответствующих номинативу и аккузативу. То же самое касается вопросительных (“*nomi che importano seco interrogazione*” – *chi, che, quale*) и указательных (“*nomi che si riferiscono a questi interrogatorii*” – *tale, tanto*) местоимений.

Достаточно подробно описывается функционирование местоимений *chi* и *che*. Разграничивается их употребление при одушевленном и неодушевленном референте (“*Chi s’usa circa alle persone, e dicesi: Chi scrisse? Che significa quanto presso a e Latini Qui e Quid. Significando Quid, s’usa circa alle cose, e dicesi: Che leggi? Significando Qui, s’usa circa alle persone, e dicesi Io sono colui che scrissi*”. «*Chi* используется применительно к лицам, например, говорится: *Chi scrisse? Che* означает то, что в латыни означали *qui* и *quid*. В значении *quid che* относится к предметам, и говорится: *Che leggi?* В значении *qui che* относится к лицам, и говорится: *Io sono colui che scrissi*»).

Особо оговариваются позиционные, синтаксические ограничения на употребление *che* и *chi* (“*Chi sempre si prepone al verbo. Che si prepone e postpone*”. – «*Chi* всегда находится в препозиции к глаголу, *che* может находиться и в препозиции, и в постпозиции»), причем также с опорой на латинское противопоставление *quid, quantum, quale*, с одной стороны (в случае препозиции *che*), и *ut, quod*, с другой (*ut* и *quod* соответствуют *che* в постпозиции к глаголу).

Альберти отмечает возможность несоответствия между грамматической принадлежностью *chi* (он относит данное местоимение к именам мужского рода) и полом его референта: “*Chi di sua natura serve al mascolino, ma aggiunto a questo verbo sono, sei, è, serve al mascolino e al femminino, e dicesi: Chi sarà tua sposa? Chi fu el maestro?*” («*Chi* по своей природе относится к мужскому роду, но в сочетании с глаголом *sono, sei, è* может относиться и к мужскому, и к женскому, и говорится: *Chi sarà tua sposa? Chi fu el maestro?*»)

Наблюдения Альберти, касающиеся функционирования определенного артикля (если оставить в стороне описанные выше формы артикля с предлогом, служащие для выражения падежных значений), сводятся к противопоставлению определенного артикля нулевому для выражения определенности (“*dimostrazione certa e determinata*”) и неопределенности (“*cosa non certa e determinata*”).

Далее Альберти переходит к описанию местоимений, к которым он относит “*e pronomi primitivi*”, т.е. личные местоимения, и “*e pronomi derivativi*” – притяжательные местоимения.

В качестве личных местоимений единственного числа Альберти приводит такой набор форм: *io, tu, esso, questo, quello, costui, lui, colui*. Все они, за исключением местоимений первого и второго лица, изменяются по родам; что касается падежей, здесь их Альберти выделяет пять: номинатив (*io/i’, noi, tu, voi, esso/e’*), генитив (*di me, di noi, di te, di voi, di sé / di si*), датив (*a me / mi, a noi / ci, a te / ti, a voi / vi, sé / si*), аккузатив (*me / mi, noi / ci, te / ti, voi / vi, sé / si*), аблатив (*da me, da noi, da te, da voi, da sé*). Для местоимений второго лица также приводится вокатив (*o tu, o voi*).

Интересно, что, включая указательные местоимения *questo, quello, costui, colui*, а также *lui* в число «примитивных» т.е. личных, Альберти приводит их «падежные» формы отдельно (и только для *questo* и *quello*). Здесь же описывается образование форм женского рода данных местоимений (-*o* меняется на -*a, -u* в *lui, colui* и пр. на -*e*).

Притяжательные местоимения описываются кратко, их «падежная парадигма» полностью не приводится (“*El mio, del mio* ecc.”). Альберти отмечает обязательность артикля в случае приименного употребления притяжательных местоимений (за исключением имен родства в единственном числе), и сжато описывает образование форм женского рода единственного и множественного числа (“*Mutasi, come a e nomi, l’ultima in a, e fassi el singulare femminino: qual a, converso in e, fassi el plurale*” – «Последний гласный, как и у [других] имен, меняется на -*a*, и получается [форма] женского рода единственного числа; этот -*a* меняется на -*e*, и получается форма множественного числа»).

Описав систему притяжательных местоимений, Альберти возвращается к личным местоимениям в косвенных падежах, к омонимичным для датива и аккузатива формам *mi / me, ti / te, ci / noi, vi / voi, si / sé*, противопоставляя их по положению относительно глагольной формы: “... *preposti al verbo, si dice mi, ti, ci* ecc.; <...> *Posposti al verbo, se a quel verbo sarà inanzi altro pronome o nome, si dirà come qui: io amo te*” («... в препозиции к глаголу говорится *mi, ti,*

ci и т.д.; <...> В постпозиции к глаголу, если перед этим глаголом стоит другое местоимение или имя, говорится так: *io amo te*»).

Наконец, Альберти описывает различия в функционировании слов, относимых им к личным местоимениям третьего лица. *Lui* и *colui*, согласно ему, используются применительно к лицам; *questo* и *quello* пригодны для указания на любой объект, как одушевленный, так и неодушевленный. Однако в примерах, приводимых для иллюстрации последнего положения, *questo* и *quello* выступают не как автономные местоимения-подлежащие, а как указательные местоимения, согласованные с определяемым существительным-подлежащим: *Questo esercito predò quella provincia. Questo Scipione superò quello Annibale*. Даже если не затрагивать вопрос о том, насколько эти примеры соответствовали узусу, остается не вполне ясно, ощущал ли Альберти до конца различия между указательными местоимениями и личными местоимениями третьего лица.

Личные местоимения *e*, *el*, *lo*, *la*, *le*, *gli* Альберти рассматривает отдельно от остальных, и не случайно. С его точки зрения, эти слова представляют собой личные местоимения в позиции перед глаголами, а перед именами становятся артиклями, т.е. их принадлежность к той или иной части речи видится как позиционно обусловленная.

Местоимения *egli* и *e'* Альберти описывает как позиционные варианты личного местоимения третьего лица как единственного, так и множественного числа (образованную по аналогии форму множественного числа *egliino*, широко представленную в текстах того времени, Альберти не упоминает): *egli*, с точки зрения грамматиста, является вариантом *e'* в позиции перед гласным или сочетанием «*s* + согласный». Вероятно, здесь Альберти стремился увидеть аналогию с вариантными формами определенного артикля.

В конце раздела грамматист бегло касается проблемы отражения на письме фоновосинтаксического ударения в случае постпозиции личного местоимения или наречия (такие примеры как *darotti*, *stavvi* etc.). Однако здесь не делается попыток более обобщенного взгляда на феномен удвоения; Альберти обещает вернуться к данной проблеме позже: “Ma forse di queste cose più particolari diremo altrove”. Как и во многих других случаях, “particulari” его интересуют куда меньше, чем общие закономерности.

Работа над описанием и улучшением языка виделась Альберти, его современникам и – в

еще большей степени – интеллектуалам XVI века одной из важных составляющих большого замысла: Италия как национальное государство должна обладать национальным литературным языком, без этого невозможно ее политическое возрождение. В эпоху раннего Возрождения итальянские гуманисты попытались воскресить язык, который считали своим по праву, – классическую латынь, однако ей по самым разным причинам все же не удалось «воскреснуть» в качестве литературного языка Италии. Поиски нового идиома, который был бы способен функционировать как общий для всей страны литературный язык, ко второй половине XV века приводят к вольгаре Тосканы, уже зарекомендовавшему себя как язык литературы, популярной на всем Апеннинском полуострове.

Именно язык флорентийской литературы XIV в. – усилиями архаизирующего крыла участников «спора о языке» – в итоге будет описан и предписан в качестве общеитальянской литературной нормы. Грамматика Л.Б. Альберти будет надолго утрачена и забыта, и его подход к описанию итальянского языка не окажет прямого влияния на развитие итальянской грамматической традиции. Тем не менее, этот небольшой труд заслуживает пристального внимания как одна из наиболее ранних попыток увидеть порядок, структуру и складывающуюся норму в кажущемся языковом хаосе.

Не ставя себе цели раз и навсегда установить для итальянского языка законы функционирования, не имея перед глазами опыта предшественников и готовых схем описания вольгаре, Альберти справляется с задачей выделить наиболее общие и регулярно воспроизводимые особенности грамматики складывающегося литературного языка Италии, большинство из которых не претерпит существенных изменений за следующие пятьсот лет. Первому итальянскому грамматисту удалось то, что вызовет куда большие трудности у следующего поколения нормализаторов вольгаре: благодаря своей недюжинной лингвистической интуиции и взгляду на язык как систему, живущую по своим внутренним законам, он безошибочно уловил главные тенденции в развитии нормы итальянского языка на той стадии, когда норма еще только начинает складываться. Для того, чтобы сориентироваться во многообразии форм, конкурировавших между собой в эпоху создания грамматики, Альберти не потребовалось опоры на авторитетные литературные образцы, которые, как покажет опыт Ф. Фортуннио и П. Бембо, подчас ставят больше вопросов, чем разрешают.

Библиографический список

1. *L.B. Alberti* La prima grammatica della lingua volgare. La grammatichetta vaticana. (A cura di Cecil Grayson). Bologna: Commissione per i Testi di Lingua, 1964.
2. *T. De Mauro* Storia linguistica dell'italia unita. Bari: Laterza, 1970.
3. *L. Kukenheim* Contributions a l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française a l'époque de la Renaissance. Utrecht: H & S Publishers, 1974.
4. *C. Marazzini* Da Dante alla lingua selvaggia. Roma: Carocci, 1999.
5. *G. Patota* "I percorsi grammaticali" In: Serianni L., Trifone P.(eds.) Storia della lingua italiana, vol. I "I luoghi della codificazione". Torino: Einaudi, 1993.
6. *G. Skytte* Dall'Alberti al Fornaciari. Formazione della grammatica italiana. Revue Romane, Bind 25. 1990: 2: 269-278.
7. *C. Trabalza* Storia della grammatica italiana. Milano: Hoepli, 1908.
8. *M. Vitale* La questione della lingua. Palermo: Palumbo, 1978.

L.I. ZHOLUDEVA

MORPHOLOGY OF NOUN, PRONOUN, ARTICLE AND ADJECTIVE
IN «LA GRAMMATICHETTA VATICANA»
(COD. VAT. REG. LAT. 1370) BY LEON BATTISTA ALBERTI

The subject of the present article is morphology of noun, pronoun, article and adjective in "La Grammatichetta Vaticana" (Cod. Vat. Reg. Lat. 1370) by Leon Battista Alberti, the earliest grammar of the Italian language (mid XVth century). The main feature of the grammar is, that it is based on the actual language usage of that period, and not on authoritative specimens of creative writing. The problems of morphology are treated by Alberti in a coherent, systematic way, and the main part of the rules formulated still remains valid.

Key words: *grammar, morphology, the Italian language, early grammar treatises, history of grammar.*

М.В. ЗАЙЦЕВА

аспирант кафедры русского языка Орловского государственного университета

E-mail: vpizotov@yandex.ru

Тел. 8 953 610 40 38

ИЗ «СЛОВАРЯ СЕМЕЙНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.С.ВЫСОЦКОГО»: МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРНЫМ СТАТЬЯМ МУЖ И ЖЕНА

Статья представляет собой подготовительные материалы к словарным статьям муж, жена для «Словаря семейной лексики в произведениях В.С.Высоцкого». Анализируется частотность этих слов, их словообразовательные связи, контекстуальная семантика.

Ключевые слова: словарь, словарная статья, словарные материалы, семейная лексика, муж, жена.

Как известно, основа семьи – муж и жена, и не случайно словари определяют слово **семья** прежде всего через отношение мужа и жены: «Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей, детей и других близких родственников, живущих вместе» [11, с.76].

Нам уже приходилось писать о том, что семья в творчестве В.С.Высоцкого изображается довольно специфично [2, с.99-104], и это находит своё воплощение в употреблении практически всех единиц, составляющих лексико-тематическую группу «Семья».

«Словарь семейной лексики В.С.Высоцкого» будет включать: а) все слова, отмеченные в творчестве В.С.Высоцкого, которые обозначают термины родства: отец (папа, батя, батяня и др.), мать (мама, мамаша, мачеха и др.), сын (сын, сыночек и др.), дочь (дочка, дочурка и др.), брат, сестра, дед, бабушка, дядя, тётя (и иные термины родства); б) все слова, обозначающие различные отношения в семье (муж, жена, свадьба, невеста, жених, жениться и т.д.); в) слово семья и его производные. Материалы из этого словаря представлены в ряде наших работ ([2; 3; 4; 5; 6]). По большому счёту, данный словарь – развитие фундаментальной идеи В.П.Изотова о словаре В.С.Высоцкого как множестве словарей самых разных типов: [10, с.4-5]; см. также [9, с.190-191, с.195-197], где обсуждается перспектива описания концептов и мотивов в творчестве поэта.

Слова **муж**, **жена** встречаются в творчестве Высоцкого не очень часто: слово **муж** зафиксировано 20 раз (11 – в поэтических текстах, 9 – в прозаических), слово **жена** – 44 (29 – в поэзии, 15 – в прозе). Интересно отметить, что только два раза оба слова употреблены в одном контексте: «Например, одно дело о разводе. «Он, – говорит **жена**, – давно денег домой не носит, ходит пьяный, а на днях мое пальто продал – и проиграл на бегах». – «Так ведь я ж тебе его и купил», – отвечает **муж**. «Ну, паль-

то еще не повод для развода, – скромно заметил судья, – купит еще». – «Не нужно мне его паршивое пальто, так прохожу, – **жена** не унималась, – я его больше на порог не пушу, у меня из-за него дистрофия, и доктор так и сказал: не пускать на порог». – «Ах, ты еще и доктора успела подцепить! Да я этого доктора так отделаю, что он в свою же больницу и ляжет!» – **Муж** был человек воинственный, по вечерам помогал милиции» (Как-то так всё вышло); «Она бы ни за что не отпустила тебя. И потом, мы **муж** и **жена**, и мы уже не дети» (Где Центр?).

В сценарии «Как-то так всё вышло» рассказывается о ситуации распада семьи, а в сценарии «Где Центр?» – о только что складывающейся, т.е., если можно так выразиться, изображены ситуации пост-семьи и предсемьи.

Слово **муж** имеет два значения: 1. Женатый мужчина (по отношению к своей жене). 2. *Устаревшее и высокое*. Мужчина в зрелом возрасте. || *обычно с определением*. Деятель на каком-либо общественном поприще.

Во втором значении (основном) слово употреблено дважды: «Сей славный **муж**» (Песня Билла Сигера); «Видишь ли, Елена! Сей **муж**, друг мой Колька, придумал такую хреновину – грубо говоря, скафандр» (Как-то всё вышло).

Оттенок этого значения реализован в следующем случае: «Вот три великих **мужа**, – четвёртый – Кокильон!» (Баллада о Кокильоне).

Во всех остальных случаях реализовано основное значение слова **муж**. В большинстве случаев оно функционирует вне связи с семьёй. Так, в стихотворении «Давно я понял: жить мы не смогли бы...» героем является «твой бывший **муж**, твой бывший кровопийца», который упоминает о теперешнем муже своей бывшей жены: «А зря заботишься, хотя и пишешь – **муж**, но, Как видно, он тебя не балует грошом».

Чей-то муж (то в конкретизации, то без неё) упо-

минается в «Поездке в город»: «Сестрин **муж** – ему духи»; «С ейным **мужем** по дохе» и т.д. (подробнее см. [7, с.17-19]); в «Романе о девочках» говорится о муже сестры главной героини: «Ирка меня старше на три года, у нее **муж** – инженер, работает в ящике»; «Максим Григорьевич и ушел ни с чем, только дома ругал Тамарку всякими оскорбительными прозвищами, и мать ими же ругал, и сестру с **мужем**, и целый свет».

Следует отметить, что в творчестве Высоцкого практически не говорится о гармоничных отношениях между мужем и женой: они либо нейтральны (или не описываются), либо отрицательно окрашены. Так, в песне «Про любовь в эпоху Возрождения» «Женское племя смеётся над простодушьем **мужей**», а плотник Иосиф из «Песни про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие» Угрожает жене, уличённой им в связи с ангелом-сатаной: «Ты шутить с живым-то **мужем**! Ах ты скверная жена!». Иногда эти отношения уже в прошлом: «Пережила же она, что он, разведясь с **женой**, даже и не заикнулся о женитьбе на ней» (Роман о девочках); см. также стихотворение «Давно я понял: жить мы не смогли бы...».

Говоря о словообразовательных связях слова **муж**, отметим, что у поэта зафиксировано только четыре слова, относящиеся к этому словообразовательному гнезду с этой вершиной: «Уже трепещут **мужнины** враги» («Мао Цзедун – большой шалун...»); «Какие мы, Томочка, стали взрослые да красивые. Нам, Томочка, скоро **замуж**. Но до **замужества** не мешало бы нам, Тамара, поближе познакомиться!» (Роман о девочках); «Если до **замужья**» («Здравствуй, «Юность», это я...»).

Слово **жена** имеет одно значение: Замужняя женщина (по отношению к своему мужу). Все употребления этого слова можно разделить на две группы.

Первую составляют нейтрально-положительные контексты: «Да у меня француженка **жена**» («Я все вопросы освещу сполна...»); «А кто евонная **жена**?» (О моём старшине); «Сплю с **женой**, а мне не спится» (Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме); «**Жена** ведь провожала, - я с нею говорил» («Экспресс Москва – Варшава, тринадцатое место...»); «Оторвите от **жены**» («Реже, меньше ноют раны...»); «Снимок для **жены**» (Дороги... дороги...); «Ни **жена**, ни я» (Дороги... дороги...); «И **жёны** их водой помянут» («Водой наполненные горсти...»).

Гораздо больше упоминаний слова **жена** в отрицательных контекстах: «Говорят, что **жена** – на одного» («Если б водка была на одного...»); «Но бывает **жена** – на двоих» («Если б водка была на одного...»); Глядь – две **жены**, – ну две Марины Влади! (Бал-маскарад); Заметив слабину, меняет враз **жену** («Мао Цзедун – большой шалун...»); Из постели от **жены** (Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие); Ах ты скверная **жена**! (Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие); Подумаешь – с **женой** не очень ладно («Подумаешь – с женой не очень ладно...»); Пять бы **жён** мне – наверное (Про любовь в каменном веке); Нельзя из людоедок брать **жену** (Про любовь в каменном веке); Дрянь купил **жене** – и рад («Комментатор из своей кабины...»); Жаль, **жена** подложила сюрприз (Песенка про прыгуна в высоту); «Чиню гармошку, и **жена** корит» (Смотрины); «Ну а дома **жена**» (««Не бросать», «Не топтать»...»); «С холодной **женой**» («В белье плотной вязки...»); «А вдруг **жена** у консула и даже хуже – дети» (Дуэт Шуры и Ливеровского).

Отмечено также четыре слова, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной **жена**: «И в который раз **женат**» (Песенка киноактёра); «Он придёт до **женитьбы**» («Говорят, арестован...»); «Я буду пищей для червей – тогда он **женится** на ней» (Про любовь в средние века); Я пошептал на ухо **жениху** – И **жениха** как будто ветром сдуло (Смотрины).

Творчество В.С.Высоцкого активно исследуется в самых различных лингвистических направлениях. Среди них – под разными названиями – присутствует и то, в русле которого выполняется и наше исследование: речь идёт об описании тематических группировок лексики. Так, например, о концептах поэта писали Е.В.Андриенко [1] и Н.В.Закурдаева [8], у Е.И.Солнышкиной находим размышления о концепции свободы в творчестве В.С.Высоцкого [12], и этот список можно продолжить. Для нас принципиально важным представляется, что применительно к описанию групп лексики, объединённых содержательным планом, употребляются такие термины, как концепт, лексико-тематическая группа и т.д.; мы отдаём предпочтение термину лексико-тематическая группа, но об этом – в следующих работах.

Библиографический список

1. Андриенко Е.В. Концепты русской культуры в поэтическом творчестве В.С.Высоцкого: между тоской и свободой: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Владивосток, 2003. 30 с.
2. Зайцева М.В. «Дела семейные» в поэтике В.С.Высоцкого. Язык. Речь. Речевая деятельность. Межвуз. сб. науч. тр. Выпуск 12. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова, 2011. С.99-104.
3. Зайцева М.В. О словаре «Семейная лексика в творчестве Высоцкого». Лексикографические аспекты творчества Высоцкого. Орёл, 2011. С.15-17.
4. Зайцева М.В. Блок словарных статей «отец» в «Словаре семейной лексики» В.С.Высоцкого. Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2011 г.: сб. науч. тр. Воронеж, 2012. С.236-239.
5. Зайцева М.В. Словообразовательное гнездо с вершиной «дети» в поэзии В.С.Высоцкого. Межкультурная коммуникация: лингвистический, социальный и медицинский аспекты: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Курск, КГМУ, 2012 г. 4 с. [Электронное издание] № государственной регистрации 0321201551.
6. Зайцева М.В. «Я люблю, и значит – я живу!» (словообразовательное гнездо с вершиной **любить** как подмножество лексико-тематической группы «Семейная лексика»): на материале поэзии В.С.Высоцкого // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. [Федеральный научно-практический журнал]. 2012, № 4. С.287-289.
7. Зайцева М.В., Изотов В.П. Семейный детектив, или Кто есть кто в «Поездке в город». Лексикографические аспекты творчества Высоцкого. Орёл, 2011. С.17-19.
8. Закурдаева Н.В. Концептосфера В.С.Высоцкого: аксиологические и экзистенциальные концепты: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Орёл, 2003. 23 с.
9. Изотов В.П. Филологический комментарий к творчеству В.С.Высоцкого. Проект. Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. V. М., 2001. С.179-198.
10. Изотов В.П. Лексикографическое представление языка Высоцкого. Лексикографические аспекты творчества Высоцкого. Орёл, 2011. С.4-5.
11. Словарь русского языка: В 4-х тт. Т. IV. М., 1988. 796 с.
12. Солнышкина Е.Н. Проблема свободы в поэтическом творчестве В.С.Высоцкого: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 18 с.

M.V. ZAITSEVA

**FROM THE «DICTIONARY OF FAMILY'S VOCABULARY IN THE WORKS
OF VLADIMIR VYSOTSKY»: THE MATERIALS OF THE DICTIONARY
ARTICLES *HUSBAND* AND *WIFE***

The article constitutes the preparatory materials of dictionary articles husband, wife for the «Dictionary of family's vocabulary in the works of Vladimir Vysotsky». It analyzes the frequency of these words, word-formation regard and contextual semantics.

Key words: dictionary, the dictionary article, vocabulary materials, family's vocabulary, husband, wife.

В.Т. ЗАХАРОВА

доктор филологических наук, профессор, зав.
кафедрой русской литературы Нижегородско-
го государственного педагогического универси-
тета

E-mail: ruslit-ngpu@yandex.ru

Тел. 8 909 295 32 69

СТОЛИЦА И РЕВОЛЮЦИЯ: МИФОПОЭТИКА УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-Х ГГ.

Данная статья посвящена проблеме мифопоэтики урбанистического пространства на примере образов Москвы и Петербурга в прозе русской эмиграции 1920-х гг. о революции – произведениях Б.Зайцева, Ив.Бунина, Л.Зурова. Проведенный анализ свидетельствует, что художественное осмысление мифологемы столицы в эпоху социально-исторического крушения государства способствовало онтологической масштабности отражения происходящего.

Ключевые слова: русская литературная эмиграция, мифопоэтика, мифологема, урбанистическое пространство, художественное сознание, национальные топосы.

Художественное наследие русской литературной эмиграции первой волны убеждает: ощущая свое предназначение в вынужденном изгнании как посланническое, писатели стремились прежде всего запечатлеть *Россию ушедшую*. Во многих художественных произведениях, ставших шедеврами русской прозы XX столетия, в талантливой публицистике ощутимо присутствие мифологемы «*утраченного рая*», весьма многогранно проявляющейся: это характерное свойство прозы Ив. Бунина, Ив. Шмелева, Б. Зайцева, Л. Зурова, В. Набокова и др. Вместе с тем, заметно и то, насколько проникновенным было стремление писателей показать *драматизм произошедшего в стране тектонического разлома*. Зачастую и эта тема решалась авторами в аспекте неомифологического художественного сознания, столь свойственного прозе XX века. В рамках данной статьи ставится задача показать решение темы крушения мира старой России на уровне мифопоэтики урбанистического художественного пространства, – а именно, образов двух столиц, – в прозе Б.К. Зайцева, И.А. Бунина, Л.Ф. Зурова.

В современном литературоведении заметен актуализировавшийся в последнее десятилетие интерес к проблеме урбанизма в русской и мировой литературе. Это выразилось, в том числе, и в выпусках материалов научных конференций, посвященных исследованию различных пространственных «текстов» русской литературы, прочитываемых в аспекте важнейших национальных топосов [1]. Методологической основой таких материалов остается известный фундаментальный труд В.Н. Топорова [2]. Вместе с тем полагаем весьма важным возвращение в научный обиход трудов

Н.П. Анциферова и развитие его идей [3].

Итак, обратимся к мифологеме столицы в творчестве избранных для анализа произведениях. Под мифологемой мы понимаем *индивидуально-авторскую модель сущностных представлений автора, конкретный и одновременно вневременной образ, имеющий онтологическое значение, принимающий черты легендарности*.

Б.К. Зайцев, как известно, был певцом Москвы. Ее поэтический облик импрессионистически-светочно воссоздается на страницах известной повести «Голубая звезда» (1918), посвященной жизни столичной интеллигенции в предреволюционные мирные годы. В эмиграционном творчестве писателя образ Москвы наиболее выразительно запечатлен в рассказе «Улица св. Николая» (1921) и романе «Золотой узор» (1926).

Улицей св. Николая называет Б.К. Зайцев свой родной Арбат. Рассказ этот – очень глубокое, смыслоемкое произведение, перерастающее жанровые рамки: по сути, это лирически окрашенное историко-философское эссе. Охватывая здесь события целого двадцатилетия нового века, Б. Зайцев, по сути, выстраивает здесь свою *траекторию надежды* на будущее России именно в связи с православной верой. Она *укреплена*, как прочитывается в тексте, на мощном фундаменте: три храма во имя особенно почитаемого русским народом святого – Николая Чудотворца – возносят колокольный звон на Арбате: Никола Плотник, Никола на Песках и Николай Явленный. Как точно замечено, это рассказ, «в котором показана вечность, воплощенная в трех церквях Николая Чудотворца – при всех властях, режимах, переворотах [4].

Образом, скрепляющим лирическое движение сюжета в рассказе, оказывается московский извозчик – «седой и старенький», «обликом похожим на св. Николая» [5] (С.161), – так через портретные черты усиливается мотив глубинной связи русского народа со своим любимым святым. Извозчик этот, несмотря ни на какую погоду, ни на какие исторические перипетии, – вплоть до реальных баррикад 1905 г., все-таки «ездит, ровный и покойный, как патрон его, святой из Мирликии» (С.161). Это «ездит» – в настоящем времени применяемый писателем глагол в разных синонимических вариациях – помогает утвердить мысль о незыблемости православных основ в духовном бытии народа: «А седенький извозчик снова невозбранно проплывает по Арбату, снимает шапку у Николы Плотника, и крестится, и крестится на углу Серебряного, где Николай Явленный» (С.161).

И уже прошедший через многие испытания писатель призывал своих соотечественников, посылая им такой императив в будущее: «Не позабывай уроков... Слушай звон колоколов Арбата <...> Плачь с плачущими. Замерзай с замерзшими и голодай с голодными. Но не гаси себя и не сдавайся плену мелкой жизни, мелкого стяжательства, ты, русский, гражданин Арбата... И Никола Милостивый <...> благословит путь твой и в метель жизненную *проведет*» (С.170).

В этом торжественном напутствии ощутимо глубокое постижение художников христианского мировосприятия, на основах которого только и должно строиться бытие; а любимая старинная улица – Арбат – становится символом крепости этих основ не только в столичном масштабе, но и в национальном. Заключительный поэтичный пассаж, являющийся одновременно ностальгическим взглядом в прошлое и мечтательным заглядыванием в будущее, снова рисует картину в *настоящем времени*, создавая тем самым *эффект вневременного единства* бытия в его сущностных, незыблемых началах: «А старенький, седой извозчик, именем Микола, проезжавший некогда на санках по Арбату, на клячонке Дмитровской, тот немудрящий старичок, что ездил при царе и через баррикады, не бояся пуль и лишь замолк на время – *он уж едет снова* от Дорогомилова к большому Афанасьевскому» (С.170).

Образ Москвы имеет концептуальное значение для понимания основных идей романа Б.К. Зайцева «Золотой узор». Буквально с первых страниц в художественное пространство романа входил этот образ, и именно – Москвы православной, с обликом которой связана была вся жизнь главной героини – певицы Натальи Николаевны. Она успевала за-

метить, почувствовать еще в юности древнее, сакральное, кровное, что входило в их жизнь с этим городом: «Вдалеке Иван Великий – золотой шелом над зубчатым Кремлем... И медная заря, узкой полоскою – на ней острей, пронзительней, старинный облик Матери – Москвы...» [6]. Несмотря на признания Натальи Николаевны на этих первых страницах о том, что она «не смела сказать», могла ли она назвать себя христианкою, несомненно и то воздействие, которое оказывал на нее верующий Маркел, водивший ее «к Борису и Глебу, на Двенадцать Евангелий», и тогда чтение Евангелий ее растрогало. И с Маркушей же несли они Никитским бульваром зажженные свечи пасхальные вместе с множеством других людей «в полумраке весеннем», а в светлую заутреню «стояли в Кремле, в древней, покосившейся церковке Константина и Елены, внизу под памятником Александру. Иван Великий и Успенский собор были иллюминированы...» [С.25]. А когда извозчик вез их «в смутно-радостной, пасхальной Москве», «церкви сияющие встречались на пути, люди с куличами и пасхами, дети со свечками. Колокольный гул тучей приветливой стоял над Москвой», и от Андрониева монастыря, обернувшись в пролетке, они увидели «на фоне слегка светлеющего уже неба тонкий ажур иллюминированного Кремля» (С.25). «Вот она...матушка наша...Москва православная,– говорил Маркуша...– Ну, смотри... *все как надо*» (С.26).

На одной странице романа упомянуто столько «знаковых» архитектурных памятников русского православия, что создается впечатление изображаемого в этой экспозиционной части некий прочный, воистину *каменный, рукотворный фундамент*, который всегда был для русских людей и станет впоследствии и для его героини мощной *духовной опорой*. Мы подчеркнули здесь и глубоко символические слова Маркела, скрепляющие эмоциональные впечатления Святой ночи: «...все как надо». Так в самом начале романа Зайцевым интонирован мотив православного мирозерцания в его вековой и мудрой должествующей сути.

Как верно замечено, «топография «настоящего города» – это далеко не все, ибо нельзя при этом не заметить и зайцевской чисто русской «философии города», почерпнутой из традиционного религиозно-философского наследия национального сознания» [7].

Думается, Б.Зайцев в своем восприятии древней столицы как оплота православного мирозерцания русского народа наследовал традициям русской классики, и особенно – М.Лермонтова. В замечательном очерке-эссе «Панорама Москвы» совсем еще юный юнкер лейб-гвардии гусарского полка,

взобравшись на колокольню Ивана Великого, восторженно описывает открывшуюся панораму столицы именно с проникновенным пониманием того, что перед ним – столица великого православного государства: «...Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча... нет! У нее есть своя душа, своя жизнь... Как у океана, у нее есть свой язык, язык сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, как день, как уже со всех ее златоглавых церквей раздастся согласный гимн колоколов...» [8]. И далее Лермонтов своим взглядом выхватывает из открывшейся его взору панорамы именно монастыри, известные храмы, «древние святыни России», собственно Кремль, который поэт называет «алтарем России» [9].

Полагаем, Б. Зайцев, соотечественник Лермонтова, спустя столетие, в начале XX века создававший свои произведения и воспринимавший Москву в том же ключе, – с пониманием сакральной значимости Древней Столицы в сознании своих современников, – самое важное связывал с ее образом.

Во второй части романа, воспроизводящей драматические события революционного лихолетья, возникает мотив защиты, исходящий из одухотворенного образа Москвы. Так, Наталья Алексеевна, возвращаясь поздним вечером домой после «хождений по мукам» в хлопотах об арестованном сыне, отказывается от провожатого, размышляя: «Пожалуй, что и грабят. Это верно. Да уж мне и все равно... Нет, Куда там. Ведь моя Москва, родина и любовь – блестящая ль, разрушенная. Безразлично» (С.263). (Курсив автора). Так Москва буквально вписывается героиней Зайцева в круг самых дорогих для человека жизненно-важных начал.

Однако постепенно образ разрушенного города доминирует на страницах романа, интонируя *мотив отчужденного пространства*, враждебного человеку. После гибели сына в застенках ЧК Наталья Алексеевна так воспринимает окружающее: «Во сне бывает, что все то же видишь, но оно *другое*. Москва стояла как и прежде, такой же снег, такие же дома, и серенькое небо. Но выражение лица! Это не та Москва, которую я знала в юности, где любила, пела, это новый город, полный злобы и безумья. Я не могла медленно ходить. Мне все хотелось бы бежать... Или убежать? Пустыня, галки, мрак – проклятые места» (С.273). (Курсив автора).

На самых «драматичных страницах» романа мотив защиты сохранялся лишь в связи с храмами столицы: «Мы старались проводить больше времени в церквях... Лишь в пении, в словах молитв, чувствовали мы себя свободнее, здесь мы дышали, тут был воздух, свет. Но страшно возвращаться – в полуразгромленный и окровавленный наш особняк» (С.273).

Возникающая в романе Зайцева мифологема отчужденного города соотносима с художественным видением М. Булгакова как автора «Белой гвардии», – произведения, созданного в те же годы, где топоним Города как древней столицы распадающегося государства становится главнейшей концептуальной доминантой (однако, это тема специального исследования).

Типология героев произведений Б.Зайцева такова, что среди них нет образов людей, с отчуждением и нелюбовью относящихся к своей родине, несмотря ни на какие постигшие их бедствия. Так и в романе «Золотой узор»: здесь особенно сильно звучит мотив закономерности постигшего русскую интеллигенцию наказания и вытекающий из этого мотив покаяния, – снимающие осуждение и тем более, ненависть. В финале романа отправляющиеся в вынужденное изгнание герои с радостью видят радугу, вознесшуюся над Москвой, по-прежнему в глубине сердца воспринимаемой «родным городом» (С.294). Очевидно, что отчуждение, враждебность, исходящие из бывшего дорогим пространства, не становятся для них самодовлеющими, главное для писателя и его героев – *утвержденные* в сознании представления о сакральной значимости Москвы как столицы любимой ими России, – не случайно на последних страницах романа всплывают слова Натальи Алексеевны, сказанные когда-то англичанину сэру Генри: «Россия – первая в мире страна» (С.290). Художественно эта идея надежности и вечности того духовного фундамента, на котором покоится столица, решен Б.Зайцевым во многом благодаря мифологеме камня, воплощающей незыблемость национальных святынь [10].

Позднее Б.К.Зайцев в замечательном «Слове о Родине» (1938) писал об усиливающемся с годами *чувстве России*: «Многое видишь теперь о Родине по-иному... чище общетысячелетний облик Родины. Сильней ощущаешь связь истории, связь поколений и строительства и внутренне их духовное, ярко светящееся, отливающее разными оттенками, но в существе своем все то же, лишь вековым путем движущееся: свое, родное» [11]. В этих словах обобщенно сформулирован свойственный многим мыслителям и художникам эмиграции обобщенно-исторический взгляд на Россию как на *духовно-цельный организм*, способный, несмотря ни на что, в глобальном своем бытии оставаться верным своему национальному естеству, своему высшему Божественному предназначению.

Осмысление прошлого с подобных позиций приводило к закономерному стремлению утвердить значимость *вековых традиций*, питавших «живую жизнь» русской духовности.

Постоянная составляющая художественного сознания писателей-эмигрантов мифологема «утерянного рая», чаще всего осмыслялась как *ушедшая государственность*.

В статье «Инония и Китеж», посвященной 50-летию со дня смерти гр. А.К. Толстого (1925), Ив. Бунин писал: «Толстой называл себя «певцом, державшим стяг во имя красоты». Он был, как один из его любимейших образов, как Иоанн Дамаскин, «борец за честь икон, искусства ограда» [12]. На врагов, разрушающих Русь, он, пишет Бунин, «смотрел глазами древней христианской Руси: это воплощение мерзости всего бусурманского, дьявольского...» (С.140). Свои суждения Бунин подкрепляет цитированием Вл.С. Соловьева, писавшего об А.К. Толстом: «...Он мерил благо отечества высшей мерой. И он не ошибался: нам нужно развитие тех христианских истинно-национальных начал, что было обещано светлыми явлениями киевской Руси» (С.141). Приводя строки из лирических произведений А.К. Толстого, посвященных древней Руси, Бунин, как и автор приводимых строк, пытался в прошлом увидеть обнадеживающие знаки-символы чаемого будущего: «Конь несет меня лихой, /А куда? Не знаю!» – надежда высказывалась поэтически недвусмысленно: «Иль влечу я в светлый град /Со Кремлем престольным? / В град, где улицы гудят / Звоном колокольным?» (С.143).

Как видим, в идеальном восприятии Ив. Бунина, «опрокинутом» в прошлое, Москва живет как образ столичного *престольного града*. Что касается времени лихолетья, то его образ, пластично, образно, протокольно и одновременно символично воссозданный в дневниковых записях писателя 1918-1919 гг., названных «Окаянные дни», как раз и содержит в себе заглавный доминантный мифопоэтический образ – *каиновой печати, предательства*. В образ такого мира, мира окаянных дней, вписывается писателем и образ Москвы – расстрелянной, опустошенной, преданной. И так же, как у Б.Зайцева, в этом контексте возникает мотив усиливающейся любви к Москве православной: «Я как раз смотрел в это время на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... Великие князья, терема, Спас-на-Бору, Архангельский собор – до чего все родное, кровное и только теперь как следует прочувствованное, понятное! Взорвать? Все может быть. Теперь все возможно» [13]. И тот же *мотив защиты*, что чуть позднее прозвучит у Б.Зайцева в тексте романа, у Ив. Бунина возникает в его проникновенных дневниковых записях: «А потом я плакал на Страстной неделе, уже не один, а вместе со многими и многими, собиравшимися в темные вечера, среди темной

Москвы, с ее наглухо запертым Кремлем, по темным старым церквам, скудно озаренных красными огоньками свечей, и плакавшими под горькое страстное пение: «Волною морскою... гонителя, мучителя под водою скрыша...» (С.127).

Образ Москвы не раз возникает на страницах дневниковых записей Ив. Бунина, по-разному интонированный (здесь мы обратились лишь к его доминантным значениям), – Бунин, как известно, был по преимуществу московский житель. Образ же Петербурга дан эпизодически, но в очень значимых концептуальных константах. Воссоздавая ситуацию весны 1917 г., писатель рисует образ *неузнаваемого пространства города*: «...я согласился, сел и поехал – и не узнал Петербурга <...> Невский был затоплен серой толпой, неработающими рабочими, гулящей прислугой и всякими ярыгами, торговавшими с лотков и красными бантами, и похабными карточками, и сладями, и всем, чего просишь» (С.69). После поразившего его своей точностью высказывания извозчика о том, что народ стал, «как скотина без пастуха», писателем овладело безысходное чувство: в тексте возникает *мотив потери*: «Я в Петербурге почувствовал это особенно живо: в тысячелетнем и огромном доме нашем случилась великая смерть, и дом был растворен, раскрыт настежь и полон несметной праздной толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев» (С.69).

Как это свойственно Бунину, его зарисовки внешнего мира – никогда не самоцель, за их сиюминутной колоритностью всегда ощутима онтологическая масштабность мышления писателя. Так и здесь: образ столицы огромного государства поражает своей трагичностью, обусловленной неопостижимой абсурдностью происходящего. У Бунина возникает образ города, потерявшего в крушении империи свою исконную сущность – быть главой страны. Эта *мифологема потерянной сущности* мощно интонирована в тексте мотивами *имитации жизни, поругания святынь*. На фоне вечных традиционных ценностей эти мотивы звучат особенно драматично: «В мире тогда была Пасха, весна, и удивительная весна, даже в Петербурге стояли такие прекрасные дни, каких не запомнишь. А надо всеми моими тогдашними чувствами преобладала безмерная печаль. Перед отъездом я был в Петропавловском соборе. Все было настежь – и крепостные ворота, и соборные двери. И всюду бродил праздный народ, посматривая и поплеывая семечками <...> Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным. Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование...» (С.72).

Как видим, у Бунина, – как это будет и у Зайцева, и у Зурова, и у Шмелева, – надо всем изображаемым возносится *интонация великой печали*, библейская интонация, исключая проявление злых, мстительных чувств, и являющаяся залогом будущего воскресения: ведь смерть, по Бунину, была «в этой весне», а о будущей писатель будет молиться потом и в темных маленьких московских церквях, и в храмах прекрасного южного города Одессы уже перед самым отъездом из России – лишь там он находил «мир всего того благого и милосердного, где с такой нежностью утешается, облегчается всякое земное страдание» (С.131).

Духовные устои русской государственности в их многовековом *течении, прирастании* зачастую рождали у писателей внутреннюю соотнесенность с онтологическим топосом реки, мифологемой древа жизни. Так, Ив. Бунин в цитированном очерке памяти А.К. Толстого писал о существовании в творческом феномене писателя *воспоминания* как мистического прозрения, озарения: «...воспоминание это, религиозно звучащее во всем нашем существе, и есть поэзия, священнейшее наследие наше, и оно-то делает поэтов, сновидцев, священнослужителей слова, приобщающих нас к великой церкви живых и умерших. Оттого-то так часто и бывают поэты так называемыми «консерваторами», т.е. хранителями, приверженцами прошлого. И оттого-то так священны для них традиции и оттого-то они и враги насильственных ломок *растущего древа жизни*» [14] (Курсив мой. – В.З.). Художественное мировосприятие одного из самых талантливых представителей младшего поколения писателей русской эмиграции первой волны Л.Ф. Зурова было, как известно, во многом родственно бунинскому, о чем свидетельствует все его творческое наследие. В данной работе обратимся лишь к опубликованным автором отрывкам из неоконченного романа Л.Ф. Зурова «Зимний дворец», посвященного событиям революции и гражданской войны. Судя по этим фрагментам, в присущей автору манере описываемое дается через восприятие героя, – в данном случае офицера Лосева, приехавшего ненадолго в Петроград с фронтов первой мировой войны (первый отрывок называется «Петрополис»).

В лирико-философской прозе Л.Зурова упор делается на интуитивное осмысление происходящего. Его героям во многом помогают в этом субстанциональные жизненные начала – природные, глубинно-исторические – которые они способны глубоко и проникновенно осмыслить. В анализируемом отрывке такую роль играет образ города, данный сквозь призму восприятия героя. Это – город, отчужденный от человека, переставший быть ему

защитой, более того, переставший быть *столицей*, защитой целому государству, – город, ощущавший свою трагическую обреченность: «Бесприютно и странно становилось человеку на пустых площадях, увеличенных туманом, и хотелось скорее их перейти, словно на площади, на открытой неизвестным взорам поляне, человеку угрожала опасность» [15]. (Отчасти сходно воспринимался в те годы Петербург и А.Н. Толстым). [16].

Но в то же время с образом города связаны и обнадеживающие героя чувства: это происходит в ночи, которая для героя тоже является субстанциональным началом, воплощающим знакомые по его романам мотивы непостижимой космической взаимосвязи всего живого: «Трагическая обреченность владела городом. Столицей он уже не был – не было ни столицы, ни прежней России – старая жизнь продолжалась, но все, все летело туда, в какую-то ночь детских снов...и ночь была неоглядна, ирреальна, но реальнее, чем днем: ночью было что-то от вечности, божественной, творческой, ... и хотя на улицах грабили, раздевали, ночью город погружался во тьму. И тут, под осень, была свобода ветру, бандитам... Но все же, во время остановки на набережной, крепко запахнувшись от неевского ветра, поднимая воротник, человек, посмотрев на него неожиданно, первый раз в жизни задумался, словно от ветра, от свободы, широко разлитой кругом <...> у него, как у отвыкшего от воздуха, пьянело сердце, кружилась бедная голова, и он чувствовал, что ... все таинственно изменилось, изменился и он сам, и об этом изменении, как о любви и о смерти, ни передать, ни рассказать, – можно чувствовать только, что то, что совершалось теперь с ним и со всеми, – торжественно, страшно, как в ночном нечеловеческом хорале, в чем участвуют боги и звери, и он сам бог и зверь... Все казалось легко в этой ночи, и величайшие возможности были открыты человеческому сердцу» (С.23).

Есть в цитируемом фрагменте и свойственное писателю, несмотря на такое смиренно мудрое, всепрощающее приятие этой общей национальной судьбы (а, может быть, и благодаря ему), выражение светлой надежды через столь любимый им *образ неба*, всегда выражающий в его произведениях, как и в произведениях Ив. Бунина, Б. Зайцева *прекрасное, целесообразное, объединяющее начало всеобщего бытия*: «А по вечерам, когда прояснялось, когда разливался закат над Невой, отходящим императорским Петроградом, над спутанной и сложной человеческой жизнью, над городом европейских принесенных отовсюду стилей, храмов, дворцов; когда разливался закат над Невой ... над Ладожским озером, принимающим в себя новгородские реки,

изливающиеся в море Невой, – и было видно, что Нева соединена вечно с небом, залита северным осенним закатом, небом, раскинувшимся светло и печально над устающим к вечеру городом» (С.23).

Ю. Мандельштам, высоко ценивший художественные достижения Л. Зурова-романиста, выделил среди доминант его стиля «непрерывную авторскую напряженность, глубокий душевный трепет, доходящий порой до неподдельного пафоса» [17]. «Фраза его, – замечал критик, – богатая образно и ритмически, полностью подчинена этому напряжению, но одновременно упорными повторениями внедряет в наше сознание, наподобие заклинания, некий трагический лейтмотив» [18]. Анализируемые отрывки позволяют увидеть в них дальнейшее устремление писателя по пути такого рода художественного письма.

В эмигрантской критике онтологический характер эмоциональных пассажей Зурова не остался незамеченным. «В произведениях Зурова, – писал С. Жаба, – чудесный, своеобразный язык, всепроникающее чувство жизни, безошибочное чувство вечной России со всей ее горькой и знаменательной судьбой» [19].

Несомненно, фрагменты неоконченного романа Л. Зурова «Зимний дворец» позволяют обнаружить в них черты индивидуально-авторского художественного сознания, присущие писателю, ярко выразившиеся в его романах и, вместе с тем, типологически родственные неореалистическим открытиям русской прозы XX века. Так, в лирико-философской прозе Зурова, отличающейся композиционной фрагментарностью, именно лирическая эмоция, как и в прозе Ив. Бунина, Б. Зайцева, Ив. Шмелева, стала не только стилиобразующим, но и сюжетообразующим фактором. Во многом это объяснялось самим характером этой эмоции, а именно – ее онтологичностью, вскрывающей сущностные пласты национального самосознания. Обрести же онтологическую масштабность изображаемого, проникнуть в эти пласты помогает присутствие в художественном сознании авторов мифопоэтической доминанты. Мифопоэтическое осмысление урбанистического пространства в анализируемых произведениях даже на примере формирования одной из мифологем – *мифологемы столицы* – способствовало глубине осмыслений писателями сути произошедшего в России трагического излома национальной судьбы.

Примечания

1. См., например: Павловский А.А. «Петербургский текст»: задачи исследования. Из истории русской литературы XX в.: сб.ст и публ. СПб, 2003. (Петербургский текст, вып.2); Москва – Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. СПб, 2000; Москва и «московский текст» русской культуры». сб.ст. М., 1998; Москва и «московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей [Текст]. Вып. 5. М.:МГПУ, 2010; Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства [Текст]. – Иркутск: МИОН, 2004. Нижегородский текст русской словесности. Н.Новгород: НГПУ, 2007, 2009, 2011; Орловский текст российской словесности: творческое наследие И.А. Бунина. Орел: ОГУ, 2010 и др.
2. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему). Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс»-«Культура», 1995.
3. См.: Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. М.:ИМЛИ РАН, 2009; Московская Д.С. Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920- 1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
4. Мянговска Иоанна. Русское религиозное сознание в изгнании (на материале тетралогии Б.К.Зайцева «Путешествие Глеба». Z polskich studio slawistycznych, seria X, Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folkloristica. Warszawa, 2003. С.208.
5. Зайцев Б.К. Улица Святого Николая: Повести и рассказы. Вст.ст., сост. О.Михайлова. М.: Худож.лит., 1989. С. 161. Далее ссылки на это издание с указанием страницы.
6. Зайцев Б.К. Золотой узор: Роман. Повести. М.: Интерпринт, 1991. С.21. Далее ссылки на это издание с указанием страницы.
7. Возняк Анна. Культурно-архетипическое паломничество из Москвы в Рим. «Золотой узор» Бориса Зайцева. Pochwala roznorodnosci. ROSJA. Mysl. Slovo. Obraz. Krakov: Collegium Columbium, 2010. С.80.
8. Лермонтов М.Ю. Панорама Москвы. Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Правда, 1990. С.608.
9. Там же. С.612.
10. См. об этом: Захарова В.Т. Мифологема камня в художественном сознании Б.К.Зайцева. Традиции в русской литературе: межвузовский сб. науч. тр. Н.Новгород: НГПУ, 2011. С.132-142.
11. Зайцев Б.К. Слово о Родине. Русская идея. М.: Республика, 1992. С.375.

12. Бунин И.А. Инония и Китеж. Окаянные дни: Неизвестный Бунин. М.: Молодая гвардия, 1991. С.140. Далее ссылки на это издание с указанием страницы.
13. Бунин И.А. Окаянные дни. Там же. С.34. Далее ссылки на это издание с указанием страницы.
14. Бунин И.А. Инония и Китеж [Текст] // Там же. - С.148.
15. Зуров Л. Петрополис (Отрывок из романа). Встреча. Сборник объединения русских писателей во Франции. Париж, июль, 1945. С.22. Далее ссылки на это издание с указанием страницы.
16. См. об этом: Комышкова Т.П. Образ Петербурга в художественном сознании А.Н.Толстого. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №6. Часть 2 (т.1). Н.Новгород: ННГУ, 2011. С.168-173.
17. Мандельштам Ю. Л. Зуров. Поле. Ю. Мандельштам. Круг. Альманах. Книга 3. «Дом книги». Париж, 1938. С.179.
18. Там же.
19. Жабa С. Памяти друга. (К годовщине смерти Л.Зурова). Новый журнал. Нью-Йорк. 1965. № 79. С.522.

V.T.ZAKHAROVA

CAPITAL AND REVOLUTION: MYTHOPOESIS URBANISTIC SPACE IN PROSE OF RUSSIAN EMIGRATION OF 1920S

This article is devoted to the problem of the mythopoesis of the urbanistic space.

The analysis is based on the images of Moscow and Saint Petersburg in the prose of the Russian emigration in the 1920s about the revolution (writers B.Zaytsev, I. Bunyn, L. Zurov). It testifies that the artistic understanding of the mythologem of the capital during the epoch of the social-historic collapse of the state helped to show the ontological scale of the reflection of the happened historical events.

Key words: *the Russian literary emigration, mythopoesis, mythologem, the urbanistic space, the artistic understanding, the national topoi.*

В.В. ИЗOTOB

ассистент кафедры журналистики и связей с
общественностью Орловского государственного
университета

E-mail: rigiy6@yandex.ru

Тел. 8 903 882 68 30

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА В МЕТАПОЭТИКЕ САШИ СОКОЛОВА

В статье рассматриваются окказиональные слова Саши Соколова, являющиеся отражением его метапоэтики. Эти окказионализмы делятся на три группы: слова, созданные от фамилий писателей; слова, обозначающие различные реалии, связанные с творчеством; слова, имеющие отношение к различным творческим артефактам.

Ключевые слова: окказиональные слова, метапоэтика, группы окказиональных метапоэтических слов.

Метапоэтика являет собой стремительно развивающуюся отрасль филологического знания. Под метапоэтикой понимается «поэтика по данным метаязыка (языка, на котором описывается язык-объект) и метатекста, поэтика самоинтерпретации автором своего или другого текста. Таким образом, это те тексты, в которых сам художник-творец выступает как исследователь или интерпретатор, вступая в диалог с собственными текстами или текстами собратьев по перу – других мастеров» [17, с. 14].

Творчество Саши Соколова вполне метапоэтично. Так, например, в своих эссе писатель часто рассуждает о принципах собственных произведений, об истории их создания. Кроме того, писатель довольно часто апеллирует к известным литературно-историческим ситуациям: «Вопросы пленяют нас. Что там себе поддельвал в деревне зимой Александр Сергеевич и как хороши, если конкретизировать, в какой именно степени были свежи розы Ивана Сергеевича? Как – а главное: чем делать стихи и вообще изящное и замечательное? И если нечем, то чем тогда заниматься? Не сочинить ли биографию Навуходоносора, не составить ли мемуары, не податься ли в отцы нации, не причислиться ли к лику святых?» [16, с.42]. Одно из эссе Саши Соколова называется «Palissandre – c'est moi?» (Палисандр – это я?), в котором он выступает против отождествления собственной личности с героем своего самого известного романа «Палисандрия»: «И поэтому я, сочинитель С, перед лицом своих критиков должен голосом вопиющего прокричать слова страшной клятвы: Palissandre c'est ne moi (Палисандр – это не я). Ибо похож ли я на племянника Берии, внука Распутина или хотя бы на гермафродита?» [16, с.60].

Исследователи метапоэтики говорят о расширении её горизонтов, об экспансии метапоэтических исследований в другие гуманитарные сферы: «В процессе глубокого изучения метапоэтики поэзии

разрабатывалась метапоэтика прозы, драматургии. Сегодня появляются работы, посвящённые метапоэтике истории, перевода, рекламы, кино, музыки, живописи. Возникла потребность подвести определённый итог и наметить перспективы изучения метапоэтики, определить её место в ряду других научных метакатегорий» [12, с.11]. На наш взгляд, одной из перспектив исследования метапоэтики является изучения авторских новообразований, в которых в определённой степени можно найти следы самоинтерпретации, диалогов с другими текстами и т.д., т.е. всего того, что составляет сущность метапоэтики как научной категории. Следует заметить, что об окказиональных словах применительно к метапоэтическим описаниям говорится только в работах В.П.Изотова (например [7]).

С точки зрения словотворчества Сашу Соколова следует отнести к тому типу писателей, в произведениях которых окказиональные слова встречаются достаточно умеренно, т.е. нет ни излишнего увлечения словоновшествами, ни практически полного отсутствия их. (О различных аспектах изучения новообразования Саши Соколова см. наши работы [1; 2; 3; 4; 5; 8]).

Словоновшества Саши Соколова, в которых, по нашему мнению, реализована метапоэтическая функция, мы разделили на 3 группы.

Первую группу составляют новообразования, образованные от фамилий различных писателей (отметим, что в творчестве Саши Соколова метапоэтическую функцию выполняют также и новые слова, созданные от фамилий музыкантов, художников и других деятелей искусства, но мы ограничиваемся в данной статье только литературными ассоциациями и реминисценциями).

Вот достаточно интересный контекст употребления окказиональных слов: «Не те же ли самые скромницы разовьют переплёты моих мемуаров,

раздерут их поглавно и постранично и станут читать и заучивать столь же прилежно, взахлёб, сколь мамы, бабули и прабабули оных зазубривали кумиров своих эпох: **мопассанов и миллеров, де сардов и арцыбашевых**» [15, с.146]. Новообразования являются синонимами, имея значение «совокупность писателей, чьё творчество походило на творчество Арцыбашева», «совокупность писателей, чьё творчество походило на творчество Мопассана» и подобные. Однако, если учитывать, что в одном ряду оказались фамилии писателей, чьё творчество ассоциировалось с изображением повышенной чувственности, если выражаться корректно, то значение всех новообразований может быть определено следующим образом: «Совокупность писателей, в чьём творчестве отразились вопросы сексуально-половой сферы».

Большинство новообразований этой группы имеют то же обобщённое значение – «подобно тому, как...», например: «Сколь унизительно оскудела и полиняла земля, подарившая миру десятки **байронов**, сотни фуко и – тысячи геростратов»; «Так, стоило нам тактично заметить вам, что потому-то и потому-то не следует делать то-то и то-то, положим – качаться на стуле, поскольку портится дорогая вещь, и затем, вы рискуете сверзиться и размозжить себе мозжечок, – как Вами овладевали типичные **достоевские** бесы – конвульсии»; «Как всё же в свои семьдесят бывал он **по-диккенсовски** остроумен, по-чаплински находчив и бодр»; «Агриппина расстроилась и (это ли не характерно для русской женщины той эпохи – эпохи быстрых фокстротов, **по-островски** мелких мещанских страстей и ложно понимаемой гордости) вспыхнула отомстить Кербасаеву» [15, с.143; 84; 328] и др.

Особняком стоит следующие новообразования из этой группы: «И что, казалось бы, делать – только не Александру Сергеевичу и не зимой у себя в поместье, а мне, Александру Всеволодовичу, круглый год и в совершенно иной земле, где не пахнет клубника, сирень, черёмуха, деревья забыли свои имена, где о свойствах древесных лягушек можно потолковать лишь с самоотверженным **соколоведом** Доном Бартоном Джонсоном, а на кладбищах вместо мудрых могильщиков с их гуманными лопатами и верёвками работают трубоукладчики и бульдозеры?» [16, с.43]. Значение новообразования – «специалист, занимающийся исследованием творчества Саши Соколова».

Заметим, что нечасто найдёшь у писателей размышления по поводу исследователей своего творчества, а тем более – окказионализмы, обозначающие таких специалистов. Нас известны следующие подобные новообразования: «**СЕВЕРЯНИСТКА**, –

и, ж., сущ. *Шутл.* Поклонница Игоря Северянина. Среди моих **«северянисток»**, / Я помню, были две сестры... («Невесомая. Рассказ в стихах. И.С.», 1924; ПРЯ, л.14)» [11, с.269]; «ЕВТУШЕНКОВЕД, сущ. *Появились евтушенковеды, / создали свой крошечный союз. / В этом никакой моей победы. / Я совсем невесело смеюсь* («Появились евтушенковеды...». 1979, т.5:292)»; «ЕВТУШЕНКОВСКИЙ, прил. *Оказалось – / лишь мечтатель, / Брежневу меливший кий, / евтушенковский читатель- / тракторист ставропольский* (Тринадцать. 1996, т.7:23)» [10, с.90]; «**ИЗОТОВЕД**. На те вопросы нет ответов У будущих **изотоведов** («А чем Изотов был Изотов?..» В18). «Специалист по творчеству Изотова; тот, кто ведает Изотова (Изотовым)»» [7, с.13].

Вторую группу составляют окказиональные слова, обозначающие различные реалии, связанные с творчеством. Среди них можно выделить совокупность новообразований, называющих писателя, определяющих различные его ипостаси: «Не подозревал о нём и лауреат крепостного конкурса **блиц-поэтов** Брежнев» [15, с.86]; «... словом, вместо чего бы то ни было из перечисленного или чего-нибудь в том же возвышенном и нездешнем духе – являешься и живёшь чёрт-те где – лепечешь, бормочешь, плетёшь чепуху, **борзопишешь** и даже влюбляешься...» [16, с.14]; «Пишущие стихи в большинстве случаев очень плохие и невнимательные читатели стихов. Лишённые подготовки, они неизменно обижаются на совет научиться читать, прежде чем начать писать. Никому из них не приходит в голову, что читать стихи – величайшее и труднейшее искусство и звание читателя не менее почтенно, чем звание поэта. Это – прирождённые **не-читатели**» [16, с.149]; «В подтверждение своим размытым умозаключениям мне хочется привести цитату из романа первого русского **нобелианца** Ивана Бунина – «Жизнь Арсеньева»» [16, с.155]; «Но вот меня пригласили в один среднезападный колледж в качестве **писателя-на-постое**» [16, с.146]; «Аз **проэт**. Ход. Про что-с? Ход. Про то-с, как заря с зарёй, ворон с горлицей, град с дождём, а цыганочка с кастаньетами в гуще сандаловой рощи доводит до сандалет: ламца-дрица. **Проэт** – это, если угодно, бастард, помесь прозаика с лириком, полу-полу» [16, с.89]; «Рос тихоня, а вырос **смогист**, колоброд, сладу нету, когда разгуляется, прямо хоть караул» [16, с.89].

Соответственно значения этих окказионализмов: «участник блиц-турнира поэтов»; «заниматься борзописанием»; «тот, кто не является читателем; писатель»; «лауреат Нобелевской премии»; «писатель, находящийся на постое; работающий огово-

рѣнный срок в каком-либо месте»; «поэт и прозаик в одном лице»; «член группы СМОГ».

Ещё четыре новообразования обозначают различные реалии, связанные с различными аспектами творческой деятельности:

- объединение писателей, работающих в определённом жанре: «Вскоре, прозванный в честь своего певца жан-жаком, одуванчик становится эмблемой **ВАМ** – Всемирной Ассоциации Мемуаристов» [15, с.79];

- разновидность литературной деятельности (критик): «Оставь, **назоил** мой досужий» [13, с.36]; «назойливый зоил».

- новый род литературы: «Я хотел бы определить их как лучшие образцы того несомненно особого рода изящной словесности, что, как мне представляется уже много лет, следовало бы называть **проэзией**» [16, с.161];

- псевдоним: «Это верно, дорогой автор, наш отец служит как раз по этой части, по части неприятностей, но отчего вы обязательно хотите указать на титуле своё настоящее имя, почему бы вам не взять **минодвесп**?» [14, с.243].

Третью группу составляют новые слова, имеющие отношение к различным творческим артефактам. Мы отнесли к этой группе 4 слова.

Слово **невермор** совершенно чётко указывает на отсылку не только к «Ворону» Э.По, а ко всей поэтике этого писателя: «Ибо вообразите, какая кромешность, какой дичайший эдгаровский **невермор** – без просветов, будто в чернильном мешке каракатицы» [15, с. 307]. Аллюзия к произведениям Э.По избавляет автора от необходимости описательного объяснения ситуации.

Следующее слово ярко характеризует ту группу людей, которые всегда присутствуют около творческих натур, непонятно чем занимаясь: «Там витийствуют **околоведы**, вещают пророки» [16, с.42] **Околоведы** противопоставляются реальным **–ведам** – специалистам в творчестве какого-либо писателя.

К этой же группе можно отнести и слово **сезамы**, вызывающее устойчивую ассоциацию со сказками «Тысячи и одной ночи»: «Хотелось таких

берегов, где в обиходе иные **сезамы**» [16, с.16]. В данном случае можно говорить, кроме того, и о подчёркивании силы творческого слова.

Пожалуй, самым интересным в этой группе является слово **наоборотно**: «Местами я впадал в несусветности, вдохновенно бредил, и голос мой диаметрально менялся. Я глаголил в обратном порядке, на вдохе, не – из, но – вовнутрь, отчего теснившиеся в плотном теле переживания не находили исхода и буйствовали – и душили. По той же причине революционно менялся порядок слов в моих фразах и букв – в словах: первые становились последними, последние – первыми, а средние так и оставались посредственными. Услышав меня в тот час, Вы, верно, подумали бы, что мной овладели бесы или что я овладел новой группой мёртвых наречий и мучусь их оживить. И в чём-то – были бы правы, ибо словообразование «чернильный мешок каракатицы», употреблённое мною **наоборотно**, звучало довольно по-арамейски» [15, с.294].

Во-первых, это новообразование отмечается в словарях новых слов отдельных авторов: «Препинаний и букв чародей, Лиходей непечатного слова Трал украл для волшебного лова/ Рифм и **наоборотных** идей («Препинаний и букв чародей...»).

Это же новообразование несколько раньше создано А.Вознесенским: «Париж! Как ты **наоборотен!**...» Так что здесь можно говорить о создании одного и того же новообразования разными авторами» [6, с.43]; «**НАОБОРОТНО**, нареч. *Всё наколдованное не случилось, / а получилось – наоборотно* (Колдунчик. 1988, т.6:304) 1. наоборотно < наоборот + но, 2. * наоборотный) + -о» [10, 2009:149].

Во-вторых, это слово напрямую связано с таким способом словообразования как ретроскрипция, которая в творчестве Саши Соколова выступает в ряде случаев как принцип фразо- и текстопостроения (отдельные замечания об этом см. [9]).

Таким образом, окказиональные слова выполняют в метапоэтике Саши Соколова достаточно важную роль, позволяя ему глубже и точнее говорить о проблемах творчества как своего, так и других писателей.

Библиографический список

1. *Изотов В.В.* Новообразования в творчестве Саши Соколова. Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Часть 8 // отв. редактор Е.Н.Ильина; Департамент образования Вологодской обл.; Вологодский гос. пед. ун-т. Вологда: Легия, 2011. С.147-153.
2. *Изотов В.В.* Принципы лексикографического описания новообразований Саши Соколова. Язык как система и деятельность: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения профессора А.Н.Тихонова, Елец, 17-18 ноября 2011 г.: в двух частях. Ч.1/ Отв. редактор В.И.Казарина. Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2011. С.378-381.
3. *Изотов В.В.* Концепт *время*, представленный окказиональными словами, в произведениях Саши Соколова. Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. [Федеральный

научно-практический журнал]. 2012, № 3. С.292-296.

4. *Изотов В.В.* Фрагмент окказиональной языковой картины мира Саши Соколова. Межкультурная коммуникация: лингвистический, социальный и медицинский аспекты: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Курск, КГМУ, 2012 г. 4 с. [Электронное издание] № государственной регистрации 0321201551.

5. *Изотов В.В., Изотов В.П.* ... в каком из бытий... Словарь плюративов Саши Соколова. Орёл, 2011. 18 с.

6. *Изотов В.П.* Окказионализмы В.С.Высоцкого. Опыт словаря. Орёл, 1998. 85 с.

7. *Изотов В.П.* «Словосозданию он светел...» Из «Метапоэтики В.П.Изотова»: Словарь поэтических окказионализмов. Выпуск первый. Орёл, 2010. 30 с.

8. *Изотов В.П., Изотов В.В.* Адгокин и невермор: Новообразования Саши Соколова, созданные окказиональными способами. Словарь. Орёл, 2011. 24 с.

9. *Изотов В.П., Изотов В.В.* Ретроскрипция: некоторые новые вопросы теории. Введение в поэтику словообразования: Коллективная монография. Орёл, 2011. С.14-17.

10. *Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А.* Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко. Майкоп: ООО «Качество», 2009. 304 с.

11. *Никульцева В.В.* Словарь неологизмов Игоря-Северянина. Под ред. проф. В.В.Лопатина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 380 с.

12. Предисловие. Метапоэтика: Сборник научных трудов. Вып.1. Ставрополь: СГУ, 2008. С.11-12.

13. *Соколов Саша.* Между собакой и волком. Роман. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика». 2006. 224 с.

14. *Соколов Саша.* Школа для дураков. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика». 2007. 256 с.

15. *Соколов Саша.* Палисандрия. Роман. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика». 2007. 384 с.

16. *Соколов Саша.* Тревожная куколка: Эссе. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика». 2007. 192 с.

17. *Штайн К.Э., Петренко Д.И.* Язык метапоэтики и метапоэтика языка. Метапоэтика: Сборник научных трудов. Вып.1. Ставрополь: СГУ, 2008. С.14-46.

V.V. IZOTOV

OCCASIONAL WORDS IN THE METAPOETICS OF SASHA SOKOLOV

The article considers occasional words of Sasha Sokolov those are the reflection of his metapoetics. These occasional words are divided into three groups: the words that were formed from the last names of authors; words denoting different realities those are connected with the creativity; the words those are relevant to the different creative artifacts.

Key words: *occasional words, metapoetics, groups of occasional metapoetic words.*

И.В. КАРПОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Орловского государственного института экономики и торговли
E-mail: inkarpova@yandex.ru
Тел. 8 905 504 54 60

Н.А. МАРТЫНОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Орловского государственного института экономики и торговли
E-mail: natmart79@yandex.ru
Тел. 8 910 302 38 77

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПОСРЕДОВАННОГО ДЕЛОВОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Данная статья посвящена рассмотрению когнитивных особенностей опосредованного делового межкультурного общения. Межкультурная коммуникация рассматривается как особый вид общения, предполагающий диалог культур. Аутентичные тексты рассматриваются как вариант опосредованного делового межкультурного общения. Рассматриваются виды умений, необходимых для данного вида общения.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникативно-когнитивные умения.

Межкультурная коммуникация – явление весьма многостороннее и изучается различными дисциплинами. Межкультурная коммуникация может трактоваться в широком и узком смысле. В широком понимании межкультурную коммуникацию рассматривает культурология. Культурология изучает межкультурную коммуникацию как диалог культур и тех общественных формаций, которым эти культуры принадлежат. Анализируя разные культуры, культурология обосновывает законы, характерные для многих культур, и выявляет черты и особенности, являющиеся уникальными и существующие только в одной отдельно взятой культуре. Межкультурная коммуникация может рассматриваться как «обращение языка в область иноязычной культуры» [4,418].

Межкультурная коммуникация одновременно подтверждает и опровергает постулаты нормального общения, впервые сформулированные Х.П. Грайсом, а затем развитые и дополненные другими учеными. С одной стороны, межкультурное общение подчиняется тем же правилам, что и коммуникация внутри одной культуры. С другой стороны, межкультурная коммуникация по сути своей предполагает закономерные нарушения этих правил в силу своей специфики. Принципы кооперации Грайса, которые рассматриваются как необходимое условие успешного общения, не всегда срабатывают в процессе межкультурной коммуникации, а иногда даже становятся препятствием на пути к взаимопониманию. К основным категориям успешного общения Грайса относятся [5]:

1. Категория количества
2. Категория качества
3. Категория уместности
4. Категория способа

Категория количества подразумевает количество информации, достаточной для полноценного процесса коммуникации, то есть высказывание должно быть настолько информативным, насколько это необходимо. При этом информации не должно быть слишком много, так как сверхинформативность может сбить с толку адресата, отвлекая его от главного предмета разговора. Кроме того, как отмечает Х.П. Грайс, если адресат заподозрит преднамеренность многословия адресанта, это даст ему повод усомниться в правдивости передаваемой информации.

Внутри одной культуры нет необходимости эксплицитно выражать всю информацию, поскольку она уже знакома участникам коммуникации как «разделенное знание». Избыточность в таких случаях тормозит ход коммуникации, экономия усилий становится важным фактором эффективного общения.

В межкультурной коммуникации этот принцип может не срабатывать в связи с тем, что возникает дисбаланс между объемами старого и нового знания коммуникантов о родной и чужой культуре и соответственно между понятиями о достаточности и избыточности. Результатом этого дисбаланса может стать нарушение линейности и непрерывности коммуникативного процесса. Поэтому необходимым условием эффективности межкультурной

коммуникации является не «выпадение звеньев», а, напротив, избыточность информации, выражающаяся в повторах, переформулировании сказанного и обязательном осуществлении обратной связи.

Постулат о тождестве может давать сбои в результате различного видения мира. Идентификация новых объектов по аналогии со старыми – то, что на всех этапах познания и коммуникативной деятельности внутри одной культуры облегчает процесс понимания, – в межкультурной коммуникации может приводить к ошибочной референции, неверному установлению родовидовых связей, неправильно определению места предметов в мире или в ряду других предметов и в конечном итоге – к коммуникативным неудачам. Свойство человеческой памяти, благодаря которому выделение определенного понятия автоматически вызывает ассоциации с другими понятиями и, таким образом, позволяет воссоздать логические связи, восстановить в памяти блоки уже известных сведений, в процессе межкультурной коммуникации становится причиной формирования ложных ассоциаций и обращения к неверной информации.

Небесспорным для межкультурной коммуникации является и постулат об общей памяти, так как культурная память включает сложную гамму коннотаций, пресуппозиций, фоновых знаний, знакомство с прецедентными текстами, т.е. ту сферу, где неизбежны существенные межкультурные расхождения.

Культурная память складывается из индивидуального и коллективного компонентов. Объем и характер индивидуальной культурной памяти зависят от свойств идиолектной личности, ее жизненного опыта, уровня образования, интересов, круга общения и т. д. Основу коммуникации составляет коллективная память, включающая как универсальные, так и культурно-специфические компоненты. Соответственно объем общей памяти будет больше для представителей одной культуры, нежели для членов различных культурных групп. Помехами в межкультурной коммуникации может стать недостаток знаний об определенных культурно-исторических событиях, личностях и понятиях, их разная оценка, отсутствие памяти об исторических контекстах употребления идиом и т. д.

Категория качества предполагает искренность и правдивость информации. Искренность при внутрикультурном общении выражается не только при помощи вербальных средств, но и при помощи невербальных (жесты, мимика) и паравербальных средств (паузы, интонация), что весьма сложно при межкультурной коммуникации, так как жесты и интонационное оформление речи в разных языках имеют разное значение. И эти расхождения могут

привести не только к коммуникативному дискомфорту, но и к коммуникативной неудаче.

В результате несовпадения семиотических систем на разных уровнях языка и культуры в межкультурной коммуникации могут наблюдаться нарушения семантической связности, которая является одним из важнейших условий успешной коммуникации. Значимыми для данного аспекта коммуникации являются все виды знаков, употребляющихся в коммуникации на вербальном (фонетическом, грамматическом и лексическом) и невербальном уровнях, т.е. все разновидности кодификации информации в контактирующих культурах. Асимметрия семиотических систем, вызывающая культурно-языковую интерференцию, может приводить к межкультурным коммуникативным сбоям.

Постулаты нормального общения требуют от коммуникантов искренности и правдивости. Однако понятия об истинности суждения в разных культурах могут различаться из-за таких факторов, как относительность понятий времени, пространства, оценочных суждений, этических и моральных норм и т.д. Следствием этих расхождений может стать недоверие участников межкультурного общения друг другу, представляющее собой серьезную коммуникативную помеху.

Категория уместности представляется более важной для межкультурной коммуникации, чем для внутрикультурного общения, так как при внутрикультурном общении участники диалога обладают общими фоновыми знаниями, что позволяет им избежать коммуникативного дискомфорта, несмотря на резкую смену предмета разговора или нежелание следить за мыслью собеседника. Различия в культурной базе собеседников при межкультурной коммуникации может привести не только к коммуникативному дискомфорту, но и к полному непониманию.

Способ коммуникации тоже является важной категорией общения. Х.П. Грайс считает, что основное условие успешного общения – ясность, простота и понятность высказывания. Краткость и последовательность в изложении своих мыслей позволяет сделать общение предельно комфортным для воспринимающей стороны. Нелепость выражения и двусмысленность осложняют процесс коммуникации, создавая аномальные ситуации общения. Обращаясь к собеседнику, участник диалога должен учитывать индивидуальные особенности собеседника, влияющие на успешность коммуникации: его возраст, уровень интеллектуального развития, интересы и т.д. Чем меньше информации о собеседнике мы имеем, тем более последовательно, четко и кратко следует излагать свои мысли.

При межкультурной коммуникации такая категория успешного общения, как категория способа, приобретает особое значение и важность, учитывая то, что коммуникация в данном случае проходит в необычных условиях. Мы не просто имеем дело с собеседником, о котором мало знаем, но мы имеем дело с человеком, погруженным в другой культурный континуум. Межкультурная коммуникация проходит между собеседниками, имеющими разные культурные базисы. В процессе межкультурной коммуникации понятие адекватности не всегда отвечает их ожиданиям.

В условиях расширяющегося международного сотрудничества во всех сферах деятельности особую значимость приобретает обучение опосредованному общению на иностранном языке студентов неязыковых специальностей. Уже в процессе получения образования в высшей школе им приходится иметь дело со статьями по избранному профилю, которые надо уметь читать с теми или иными целями, конспектировать и реферировать. По окончании вуза в процессе работы в сфере финансово-экономических знаний умение не только прочесть, но и написать текст на иностранном языке оказывается очень важным в условиях конкуренции.

Очевидным является тот факт, что на продвинутом этапе обучения иностранному языку у студентов соответствующей специализации должны развиваться профессионально-ориентированные умения работы с такого рода текстами в соответствии с направленностью профессиональной деятельности не только на межрегиональные, но и на международные экономические связи.

Обусловленное социальным заказом общества деловое иноязычное общение как в устной, так и письменной формах, является одной из самых значимых составляющих содержания обучения будущих специалистов. Вузовский курс иностранного языка призван носить коммуникативный характер, поэтому его задачи определяются коммуникативными и познавательными потребностями студентов. В связи с этим на первый план выступает необходимость изучения вопросов взаимодействия коммуникантов в процессе профессионального сотрудничества, например, обмен деловой корреспонденцией, проведение презентаций, совещаний, переговоров, участие в совместных семинарах и конференциях с учетом социокультурной специфики делового партнёра.

До настоящего времени исследование проблем профессиональной компетенции затрагивало преимущественно её лексико-стилистический аспект. Это не было связано с анализом когнитивных аспектов организации профессиональной опосредован-

ной коммуникации, в основе которой, как правило, лежит аутентичный текст специального характера. Речь идёт об использовании текста-реферата в коммуникативной практике будущих специалистов, в котором содержится специальная лексика, используемая в ситуациях непосредственного общения с опорой на аутентичный профессионально-ориентированный текст. Основные функции коммуникации находятся в тесной взаимосвязи с основными коммуникативными интенциями личности в профессионально-ориентированном обмене информацией и при решении практических задач.

Коммуникативно-когнитивные умения, необходимые для успешного делового межкультурного общения, наиболее полно могут быть сформированы при помощи учебного материала – аутентичных текстов. Тексты, отражающие социокультурную специфику делового общения, создают в сознании студентов новые связи и комбинаторику уже имеющихся элементов профессионального знания и деловой культуры, т.е. создают новое знание, необходимое для успешной профессионально-ориентированной коммуникации.

При этом задания когнитивного характера направлены на преодоление рациональным путём трудностей понимания текста не только лексико-грамматического характера, но трудностей стилистического, лингвострановедческого, социокультурного характера. Такие задания призваны осуществлять в реальном смысле познавательное освоение аутентичных профессионально-ориентированных текстов.

Задания коммуникативного характера ориентированы на использование полученной личностно- и ценностно-значимой информации в процессе опосредованного или непосредственного общения.

Для успешного обучения тому или иному виду речевой деятельности следует чётко представлять, какие умения нужно развивать у обучаемого. В методической литературе принято деление выше-названных умений на группы:

- *рецептивных умений*, обеспечивающих восприятие, понимание и извлечение из текста профессионально- и ценностно-значимой информации.
- *репродуктивных умений*, связанных с воспроизведением языкового и речевого материала, содержащегося в тексте, на основе ключевых слов, опорных предложений.
- *репродуктивно-продуктивных умений*, направленных на интерпретацию текста (написание текста реферата).
- *продуктивных умений*, позволяющих использовать интерпретированную информацию в ситуациях опосредованного и непосредственного

общения (ролевые игры, ситуации профессионального взаимодействия).

К доминирующим умениям, на развитие которых следует делать акцент, относятся умения репродуктивно-продуктивного и продуктивного характера. Применительно к реферированию такими умениями считаются:

1. умение определять основную тему и подтемы текста;
2. умение синтаксической трансформации и лексического перефразирования ключевой информации;
3. умение сравнительно-сопоставительного анализа сведений и фактов;
4. умения использования информации в профессионально-значимых ситуациях реальной коммуникации.

Помимо практических умений реферировать профессионально-ориентированные тексты у студентов в процессе чтения, анализа и систематизации текстового материала вырабатываются интеллектуальные умения и способность к критическому осмыслению проблем, заключенных в тексте. Названные умения составляют компетенцию студента в решении проблем. Как указывает Е.С. Полат, под компетенцией решения проблем понимается способность использовать коммуникативные умения для решения межпредметных проблем. Это означает, что информация, заключенная в тексте, содержит сведения и факты из различных научных областей знаний, например, математики, социологии, экономики, и с помощью иностранного язы-

ка эта информация понимается и применяется на практике. Владение компетенцией решения проблемных задач применительно к реферированию позволяет студенту представлять проблему (разрабатывать форму представления информации, например, краткое изложение материала текста или более подробное), решать проблему (искать альтернативные пути, способы решения проблемы, изложенной в профессионально-ориентированном тексте), размышлять над решением (искать дополнительную информацию, уточнять), сообщать решение проблемы (логично и прозрачно излагать текст реферата, пользуясь планом, опорными предложениями).

Таким образом, можно утверждать, что межкультурная коммуникация имеет некоторые отличия от обычного внутрикультурного общения. Межкультурная коммуникация представляет собой особую форму коммуникации двух и более представителей различных культур, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур. Обмен информацией может происходить как непосредственно, то есть лично, так и опосредованно, то есть через аутентичные тексты. Процесс межкультурной коммуникации есть специфическая форма деятельности, которая не ограничивается только знаниями иностранных языков, а требует также знания материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений и т.д., в совокупности определяющих модель поведения партнеров по коммуникации.

Библиографический список

1. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2004. 271 с.
2. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания. Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С.7-22.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, “Перемена”, 2002. 476 с.
4. Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: Изд-во «Союз», 2001. 480 с.
5. Полат Е.С. Разноуровневое обучение. ИЯШ. 2000. № 6. с.6-11 / 2001. № 1. С. 4-14.
6. Grice H.P. Logic and conversation. Syntax and semantics. vol. 3: Speech acts. N.Y.: Academic Press, 1975. 41-58 p.

I.V. KARPOVA, N.A. MARTYNOVA

COGNITIVE PECULIARITIES OF INDIRECT BUSINESS INTERCULTURAL COMMUNICATION

This article is devoted to analysis of the cognitive peculiarities of indirect business intercultural communication. Intercultural communication is studied as specific type of cross cultural communication. Authentic texts are taken as an example of indirect business intercultural communication. Abilities necessary for such kind of communication are described.

Key words: *intercultural communication, communicative-cognitive abilities*

О.С. КЛОКОВА

аспирант кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
E-mail: lady.clockowa@yandex.ru
Тел. 8 920 287 6167

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Статья посвящена рассмотрению основных направлений развития речи учащихся начальных классов. Обращается особое внимание на виды речи, поэтапное развитие речи в начальных классах, уровни работы по развитию речевой деятельности учащихся, виды упражнений по развитию речи.

Ключевые слова: развитие речи, виды речи, лингвистические термины, творческие работы, устные и письменные высказывания, связные тематические тексты.

С древнейших времён краткость и простота в изложении мысли почитались высшей добродетелью. Едва ли найдётся человек, который стал бы отрицать, как важно хорошо владеть словом. Умение говорить убедительно, ясно, точно и кратко – забота и желание каждого из нас. Владение речью приводит человека к успеху, ведь «хорошее слово – половина счастья».

Красноречие было в чести во все времена. В разных странах во время высочайших взлётов культуры народов появлялась наука о мастерстве речи, общения, убеждения словом. Именно так возникла риторика в Древней Греции. В античном мире ей приписывали божественное происхождение. Эта наука оказала сильное влияние на всю европейскую культуру.

Проблема эффективной речи особенно важна сегодня, когда растёт значение правильного, убедительного слова. Современная школа должна подготовить человека думающего и чувствующего, который не только имеет знания, но и умеет использовать эти знания в жизни, который умеет общаться и обладает внутренней культурой. Цель не в том, чтобы ученик знал как можно больше, а в том, чтобы он умел действовать и решать проблемы в любых ситуациях. Приоритетные средства для этого – культура речи и культура общения. Овладение языком, речью – необходимое условие формирования социально активной личности. Научиться ясно и грамматически правильно говорить, обладать хорошо поставленным голосом, излагать собственные мысли в свободной творческой интерпретации в устной и письменной форме, уметь выражать свои эмоции разнообразными интонационными средствами, соблюдать речевую культуру и развивать умение общаться необходимо каждому. Поэтому одной из наиболее важных задач на современном

этапе обучения учащихся мы считаем развитие речевой деятельности.

В начальной школе детей обучают чтению, письму, речи устной и письменной – это есть формирование специфических речевых умений и навыков, то есть видов речевой деятельности. Обычно выделяют четыре основных вида речевой деятельности:

1. Чтение.
2. Аудирование.
3. Устная речь.
4. Письменная речь [11, М.Т. Баранов]

Рассмотрим механизмы речевой деятельности. Человек всю жизнь совершенствует свою речь, овладевает богатством языка. Речь возникает из потребности высказаться, а высказывания человека порождаются определёнными побуждениями. Эту сторону речевой деятельности называют мотивацией речи.

Для ребёнка хорошая речь – залог успешного обучения и развития. Вначале язык усваивается ребёнком стихийно, в процессе общения. Но этого недостаточно, стихийно усвоенная речь примитивна и не всегда правильна. Некоторые очень важные аспекты языка стихийно усвоены быть не могут и поэтому находятся в ведении школы. Это, во-первых, усвоение литературного языка, подчинённого норме, умение отличать литературный, «правильный», от нелитературного, от просторечия, диалектов, жаргонов. Школа учит литературному языку в его художественном, научном и разговорном вариантах.

Это огромный объём материала, многие сотни новых слов, тысячи новых значений уже известных слов, множество таких сочетаний, синтаксических конструкций, которых дети до школы в устной практике не употребляли. И здесь необходима система учебных воздействий на учащихся, нужна

планомерная работа, чётко и определённо дозирующая материал, нужно соблюдение ступеней в формировании речи.

Во-вторых, учащиеся овладевают чтением и письмом. И чтение, и письмо – это речевые навыки, опирающиеся на систему языка, на знание его фонетики, графики, лексики, грамматики, орфографии. Письменная речь всегда строже устной. Она имеет свои особенности в построении фраз, в отборе лексики, в использовании грамматических форм. Овладевая письменной речью, дети усваивают особенности жанров: описания, повествования, письма, заметки в газету, рассуждения.

Третья сфера работы школы по речевому развитию – это доведение речевых умений детей до какого-то минимума, ниже которого не должен остаться ни один ученик. Это совершенствование речи учащихся, повышение ее культуры.

Речь – очень широкая сфера деятельности человека. Выделяют четыре уровня работы по развитию речевой деятельности учащихся [Е.В. Архипова].

1. Произносительный уровень. Произношение звуков родной речи к моменту поступления ребёнка в школу уже в основном усвоено, но из акустического потока выделять конкретные звуки ему нелегко. У некоторых детей есть трудности в произношении некоторых звуков. Произносительная работа планируется по направлениям: техника, орфоэпия, интонация.

Первым направлением является работа над техникой речи, которая понимается как результат правильного дыхания, чёткой дикции: речь усваивается, когда приобретает способность управлять мускулами речедвигательного аппарата. Из этой закономерности обучения речи вытекает принцип внимания к материи языка, к физическому развитию органов речи.

Различают дыхание физическое и речевое. В жизни дыхание является произвольным. В ходе чтения вслух и говорения обычно физиологического дыхания не хватает. В этом случае имеет место речевое дыхание, процесс управляемый, произвольный. «Эта произвольность обеспечивает достаточно быстрый вдох, осуществляемый на паузах, краткую задержку дыхания для удержания взятого воздуха и медленный выдох, необходимый для свободного и естественного произнесения группы слов» [2, 52].

Задачи развития речевого дыхания: во-первых, следует тренировать длинный выдох, а не умение вдыхать большое количество воздуха, во-вторых, необходимо тренировать умение рационально расходовать и своевременно возобновлять запас воздуха во время речи.

Воспитание речевого дыхания, по мнению Е.В. Архиповой, следует осуществлять путём косвенного воздействия на дыхательный аппарат с помощью постановки элементарных действенных задач, «предлагаемых обстоятельств», воображения, ассоциаций. Таковы, например, упражнения с воображаемой свечой, когда учащимся предлагается дуть на пламя свечи с целью отклонить или погасить его. Не менее важной задачей в работе над техникой речи является совершенствование дикционных навыков учащихся, которое состоит в воспитании у учащихся чистоты и ясности произнесения отдельных звуков, слогов, слов, фраз. Здесь следует учитывать недостатки функционирования речевой базы младшей школы. Массовый характер имеет неточная работа артикуляционного аппарата: во-первых, в результате вялости и недостаточной гибкости частей речевого аппарата наблюдается «смазанность речи», неясность, нечёткость; во-вторых, в результате чрезмерной напряжённости мышц речевого аппарата возникает чрезмерная торопливость произнесения. Нередки у младших школьников и индивидуальные дефекты речи: картавость, шепелявость, присвистывание и так далее.

Учёт названных недостатков помогает определить основные направления по их преодолению: проведение артикуляционной гимнастики, направленной на развитие, укрепление мышц губ, языка, челюстей, рта; организация упражнений для отработки артикуляции гласных и согласных звуков (изолированных и в контексте).

Вторым направлением работы по развитию речевой деятельности на произносительном уровне Е.В. Архипова выделяет организацию практического усвоения младшими школьниками орфоэпических норм русского литературного языка.

У ребёнка-дошкольника, который слышит и воспринимает лишь устную форму речи, навыки говорения складываются неосознанно под влиянием естественного речевого окружения. С приходом ребёнка в школу основным механизмом овладения произносительными нормами продолжает оставаться имитация, подражание речи окружающих, причём важнейшим фактором становится звучащая речь учителя. Однако в действие вступает новое существенное обстоятельство – процесс усвоения орфоэпических норм продолжается под значительным воздействием написания, которое является источником наиболее типичных, общих для всех русских младших школьников орфоэпических ошибок. Например, в словах «что», «чтобы» учащиеся произносят «чт» вместо «шт». Подобные ошибки вызваны несоответствием звукового и буквенного составов слова и распространены не только в озву-

ченной письменной, но и в естественной разговорной речи детей.

Задача учителя начальных классов состоит в предупреждении и устранении отрицательного воздействия написания как ведущей причины отклонений от орфоэпических норм. Следует учить детей орфоэпически правильно читать напечатанное и грамотно записывать орфоэпически диктуемое.

Третье направление работы – совершенствование интонационных умений учащихся. Для решения этой сложной задачи учителю необходимо хорошо понимать сущность данного лингвистического явления. «Интонация – это звуковое средство языка, с помощью которого говорящий и слушающий выделяют в потоке речи высказывание и его смысловые части, противопоставляют высказывания по их цели (повествование, волеизъявление, вопрос) и передают субъективное отношение к высказываемому» [14, 47]. В структуру интонации как явления сложного входят такие элементы:

1. Мелодика (повышение и понижение тона).
2. Интенсивность (силовой или динамический момент).
3. Темп или длительность.
4. Пауза.
5. Особый тембр как средство выражения эмоций [Р.Н. Попов].

Своеобразие интонации находит отражение в методических подходах к организации соответствующей работы.

2. Лексический уровень (словарная работа).

Слово – основная единица речи, от богатства и мобильности словаря личности зависит качество речи и успешность общения. С точки зрения механизмов речи, перед школьником стоят две задачи:

1. Количественное накопление в памяти слов с пониманием всех его оттенков значения, их экспрессивных окрасок.
2. Задача активности, готовности словаря к речевой деятельности, то есть быстрого и точного выбора слов, включения их в предложения и текст в прямом и переносном значении.

Рассмотрим источники обогащения словаря младшего школьника по степени влияния на речь детей, которые выделяет в своем исследовании по развитию речи О.В. Колесова:

1. Речевая среда в семье, среди друзей.
2. Речевая среда: книги, газеты, радио, телевидение.
3. Учебная работа в школе (учебники, речь учителя).
4. Словари, справочники.

Наилучший источник обогащения словаря – живое общение, речь, устная и письменная, лите-

ратура: слово в тексте всегда как бы высвечивается семантически и художественно.

Приёмы объяснения значений слов (их семантизация) подразделяются на:

«а) самостоятельные, то есть без прямой помощи учителя: значение слова выясняется по картинке-иллюстрации или по картинному словарю, по сноске на странице учебной книги, по словарю в конце учебника, словарям – толковому, синонимическому и другим, по контексту – по догадке, в результате анализа морфемного состава слова, для иноязычных слов – по значению слова в языке-источнике;

б) с помощью учителя: подбор синонимов, антонимов, паронимов; объяснение значений и оттенков учителем; введение слова в собственный текст, который проясняет его значение; выяснение трудных случаев семантизации этимологическим способом, через словообразование; помощь учителя в поиске слова в словарях; обучение использованию словарей и справочников; помощь в семантизации через иностранный язык» [10, 171].

Школьники любят словарные игры: кроссворды (решение и составление своих), ребусы, шарады. Игровой характер принимают поисковые задачи: исследование происхождения фамилий, имён, топонимов – названий городов, деревень, рек, озёр и так далее (деревня «Катериновка», «Чёрный Дол», «Камышенка», фамилии «Некрасов», «Кузнецов», реки «Десна», «Шуя», имена «Владимир», «Всеволод»).

Обычно методисты выделяют следующие лексико-семантические темы:

- работа с синонимами;
- работа с омонимами;
- работа с антонимами и паронимами;
- работа со словами иноязычного происхождения;
- работа с устаревшими словами;
- работа с многозначными словами;
- работа со словами, имеющими оттенки значения и экспрессивность;
- работа с новообразованными словами;
- работа с фразеологизмами;
- работа с тропами;
- составление тематических групп слов.

3. Грамматический уровень. На этом уровне работы на первое место методисты (Т.А. Ладыженская, Т.П. Сальникова, Е.А. Барина и др.) выдвигают механизм построения синтаксических конструкций: словосочетания и предложения. Это достигается упражнениями, тренировкой, то есть построением словосочетаний и предложений разнообразных типов.

Виды речевых упражнений со словосочетаниями (по М.Т. Баранову):

- установление связей внутри словосочетания, фиксация этих связей на письме;
- толкование значений словосочетаний вне предложения и в нём;
- систематическое изображение связей между словами в словосочетании, то есть моделирование;
- составление словосочетаний разнообразных типов и тематики, выбор подчинённых слов по ассоциации;
- выделение устойчивых сочетаний, толкование их значений, употребление в речи;
- исправление речевых ошибок в словообразовании;
- редактирование текста.

Виды упражнений с предложениями подразделяются М.Т. Барановым на аналитические (разбор предложений) и систематические (построение, конструирование предложений).

По степени активности учащихся и их познавательной самостоятельности упражнения разделяются на: «по образцу», конструктивные, коммуникативно-творческие.

Упражнения на основе образцов:

- чтение и запись образцов, анализ их смысла и формы, оценка предложения, выбор слов, изобразительных средств, выразительное чтение;
- заучивание стихов и прозы;
- составление предложений по вопросам как простейший приём, так как вопрос подсказывает структуру ответа;
- составление предложений, аналогичных данному [11, 238].

Конструктивные упражнения – опираются полностью или частично на правила или модели, придающие целенаправленность работе школьников в составлении или в перестройке предложений.

Виды конструктивных упражнений:

- восстановление деформированного текста;
- деление текста, напечатанного без заглавных букв и без знаков препинания на конце, на предложения на основе смысла и грамматических связей;
- ступенчатое, по вопросам, распространение данного предложения;
- то же упражнение с задачей редактирования, совершенствования собственных предложений и текста;
- соединение 2-3 предложений в одно;
- построение предложений заданного типа или по моделям (с однородными членами);
- выражение одной и той же мысли в нескольких вариантах, с объяснением возникающих оттен-

ков смысла [11, 242].

Творческие упражнения имеют целью свободное составление предложений по предложенным учителем или самостоятельно взятым ситуациям.

Виды творческих упражнений:

- задаётся тема, предлагается картина, что облегчает работу школьников;
- даются опорные слова или сочетания;
- задаётся жанр или тип речи (загадка, пословица и так далее) [11, 249].

4. Уровень текста. Текст обладает единством темы и замысла, относительной завершённостью, определённой внутренней структурой, синтаксическими и логическими связями внутри его компонентов и между ними.

В практике начального обучения приняты следующие виды текстовых упражнений, группирующихся по трём направлениям или методам: «по образцу», конструктивные и коммуникативно-творческие. Упражнения подразделяются также на «устные и письменные:

- устный пересказ прочитанного в различных вариантах;
- различные текстовые выступления учащихся в связи с чтением и анализом произведений литературы, с изучением языковой теории: развёрнутые, обобщающие сообщения, доклады, диалоги, обсуждения;
- различные импровизации: рассказы из жизни, сочинение сказок и рассказов, пословиц и загадок;
- сочинение по самостоятельно выбранной или заданной теме, по картинкам, по предложенному и самостоятельно составленному плану, по началу и концу, по заданной схеме сюжета;
- записи по наблюдениям, ведение дневников;
- различные виды драматизации, инсценировка рассказов;
- статьи в газеты, отзывы о прочитанном» [13, 129].

Развивая связную речь школьников, мы призываем ряд конкретных умений, то есть, учим их. Подчёркнём же умения, которые относятся именно к уровню текста:

- во-первых, умение понять, осмыслить тему, выделить её, найти границы;
- во-вторых, умение собирать материал, отбирать то, что важно и отбрасывать второстепенное;
- в-третьих, умение располагать материал в нужной последовательности, строить рассказ или сочинение по плану;
- в-четвёртых, умение пользоваться средствами языка в соответствии с литературными нормами и задачами высказывания, а также исправлять, со-

вершенствовать, улучшать написанное.

Таким образом, формирование речевой деятельности является важнейшей задачей в развитии младших школьников. Учителя начальной школы

должны всегда об этом помнить и работать над развитием речи учащихся систематически не только на уроках русского языка и литературы, но и на других школьных уроках.

Библиографический список

1. Алиев Ю.Б. Настольная книга школьного учителя. М.: Просвещение, 2000. 336 с.
2. Архипова Е.В. Русский язык и развитие речи. Учебное пособие для студентов пед. вузов. СПб.: ИД Литера, 2004. 96с.
3. Баринаева Е.А. Методика русского языка: учеб. пособие для студентов фак-в рус. яз. и лит. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1974. 368 с.
4. Битянова М. Работа психолога в начальной школе. М.: Совершенство, 1998. 352 с.
5. Сорокина Г.И., Сафонова И.В., Ладыженская Н.В. Детская риторика в 1 классе: метод. рек. М.: Баллас: С-Инфо, 1997.
6. Дидактический материал к урокам чтения в начальных классах. М.: Начальная школа, 1995. 93 с.
7. Колесова О.В. Развитие речи младших школьников на функционально-стилистической основе: дисс. канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2007. 199 с.
8. Ладыженская Т.А. Система работы по развитию связной речи учащихся. М.: Просвещение, 1975 256 с.
9. Маркова А.К. Периодизация речевого развития. Вопросы психологии. 1973. №6. С. 96-106.
10. Методика преподавания грамматики, правописания и развития речи: Учебно-методическое пособие для преподавателей и студентов педагогических учебных заведений. Сост. Т.П. Сальникова. М.: Т.Ц. Сфера, 2001. 240 с.
11. Методика преподавания русского языка в школе: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. Под ред. М.Т. Баранова. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 368 с.
12. Методика развития речи на уроках русского языка: Книга для учителя. Н.Е. Богуславская, В.И. Капинос, А.Ю. Купалова и др.; Под редакцией Ладыженской Т.А. М.: Просвещение, 1991 240 с.
13. Речевое развитие младших школьников: сб. статей. Под ред. Н.С. Рождественского. М.: Просвещение, 1970. 222 с.
14. Современный русский язык: учеб. пособие для студентов пед. ин-в. Р.Н. Попов, Д.П. Валькова, Л.Я. Маловицкий, А.К. Федоров. М.: Просвещение, 1978. 463 с.

O.S. KLOKOVA

SOME METHODOICAL ASPECTS OF WORK ON DEVELOPMENT OF SPEECH OF PUPILS OF ELEMENTARY SCHOOL.

The article considers the main areas of language development of primary classes. Highlights the kinds of speech, gradual development of speech in the elementary grades, levels of development of the speech of students, types of exercises to develop speech.

Key words: speech development, speech kinds, linguistic terms, creative works, oral and written statements, coherent thematic texts.

Т.В. КОВАЛЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета
Тел: 8 910 305 00 43

М.Ю. МИШИНА

аспирант кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета
E-mail: tymishina@mail.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПАРУС» И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕГО МОТИВОВ В ЛИРИКЕ К.М. ФОФАНОВА

В статье исследуются романтические мотивы, архетипические и литературные источники стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус». Выявляется влияние основных мировоззренческих установок поэта-романтика на творчество К.М. Фофанова – одного из выдающихся поэтов конца XIX века.

Ключевые слова: романтизм, лирика Лермонтова, система образов, *alter ego*, метр, ритм.

В истории русской поэзии есть выдающиеся произведения, отношение к которым определяется набором художественных и критических стереотипов. Таким, безусловно, является стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус», аккумулирующее в себе представление о русском романтизме. Чуть ли не с момента создания в нем видели «жажду бурь» [31: 226], «интонацию элегической неудовлетворенности, беспокойного томления» [15: 145], отражение «мятежной, бунтарской души» [35: 259]. Без сомнения, все эти коннотации заложены в образной системе стихотворения, доминантой которой является своеобразный символ романтического мироощущения и внутреннего разлада личности – парус, образ, имеющий специфическую структуру.

Парус, «намек на непостоянство ветра» [34: 593], был одним из атрибутов римской богини судьбы и морской удачи Фортуны, которая «выступала преимущественно, особенно в литературе, как персонификация непостоянства и случайности» [29: 174]. Но при этом и сам парус, точнее – его цвет, зачастую воспринимался в античной мифологии как символ жизни или смерти. Знаком победы Тесея над Минотавром должны были стать белые паруса: «Когда Эгей увидел корабль Тесея под черными парусами (в спешке Тесей забыл переменить паруса), он с горя бросился в море» [28: 657]. Эта антитеза была своеобразно использована И. Козловым в стихотворении «Два челнока» (1833):

*Один челнок был весь в цветах,
И белый парус тихо веял,
Мелькал на светлых он волнах,
И ветерок его лелеял...*

.....

*Другой челнок едва нырял,
Свершая тяжело бег упорный;
С трудом он волны рассекал,
На нем вздымался парус черный;
И гибель вокруг него шумит... [5: 213]*

Образ белого паруса, довольно распространенный в русской поэзии, был использован и А.А. Бестужевым-Марлинским в поэме «Андрей, князь Переяславский», опубликованной в 1828 году. В ней, в частности, есть такие знаменательные строки:

*Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло,
И грустен путник ясноокий,
У ног колчан, в руке весло.
Но с беззаботною улыбкой,
Летучей пеной орошен,
Бестрепетно во влаге зыбкой
Порывом бури мчится он... [13: 161]*

Лермонтовские заимствования из этой поэмы исследованы давно и обстоятельно [19-20; 25; 30]. Но, пожалуй, самую интересную точку зрения по этому поводу высказал В.М. Маркович, считающий, что поэт умышленно использовал в тексте стихотворения штампы романтической эстетики: «...цитата могла вносить в лермонтовский текст остроту злободневного политического намека: она могла напоминать о судьбе ссыльного поэта-декабриста. Но в то же время она могла создать (или усилить) ощущение “вторичности” написанного». [12: 123]

Если с идеей о стремлении поэта воспроизвести романтический «стандарт» можно согласиться, то политический подтекст цитаты не выдерживает критики. Сам Лермонтов считал эту строку своей и

в письме М.А. Лопухиной от 2 сентября 1832 года писал: «Voici encore des vers, que j'ai faits au bord de la mer: Белеет парус одинокий...» (Вот стихи, которые я сочинил на берегу моря...)[8: 586]

Точнее в оценке этой ситуации, на наш взгляд, М.М. Гиришман, отметивший, что стихотворение Лермонтова полемично по отношению к отрывку из поэмы А.А. Бестужева-Марлинского. «При любой трактовке “бури” Марлинского несомненной является здесь включенность субъекта в объективно развертывающийся процесс, а именно такая включенность категорически отвергается в лермонтовском стихотворении, и ценностным и смысловым центром слова-символа “буря” в “Парусе” становится состояние борьбы...»[2: 88] Так заимствование, «то ли в порядке реминисценции, то ли случайное» [30: 48], становится своеобразной начальной точкой двух основных мотивов стихотворения – одиночества и борьбы.

В творчестве самого М.Ю. Лермонтова белый парус появляется впервые в пейзажной зарисовке во вступлении к ранней романтической поэме «Джюлио», интересной прежде всего тем, что в ней поэт использует образы, которые в последующих произведениях приобретут иной, более глубокий смысл. Здесь дается описание предельно конкретизированного, хотя и романтизированного в своей основе северного пейзажа:

*Осенний день тихонько угасал
На высоте гранитных шведских скал.
Туман облек поверхности озер,
Так что едва заметить мог бы взор
Бегущий белый парус рыбака.* [9: 60]

Цвет паруса в лирике Лермонтова символизирует особенное состояние духа. Неслучайно в стихотворении «Желанье», вызывающем прямые ассоциации с «Узником» А.С. Пушкина, парус определяется как «серый и косматый, / Ознакомленный с грозой», напрямую связывающийся с мотивом вольности.

В романе «Вадим» (1832-1834) белый парус уже прямо ассоциируется со свободой: «...здесь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синие странствующие воды и барки с белыми парусами и разноцветными флюгерами. Там люди вольны, счастливы! каждый день видят новый берег – и новые надежды!»¹

В стихотворении «Парус» этот образ-концепт становится способом раскрытия внутреннего мира человека, приемом передачи романтического мироощущения, чувства неудовлетворенности окружающим миром и самим собой.

Лермонтовское представление о парусе как отражении души человека типологически совпадает с размышлениями о своем поколении героя романа Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века» (1836), разочаровавшегося и в идеях революции, и в лозунгах Империи: «Три стихии составляли жизнь, которая раскрывалась перед молодым поколением: позади – прошлое, уничтоженное навсегда, но еще трепетавшее на своих развалинах со всеми пережитками веков абсолютизма; впереди – сияние необъятного горизонта, первые зори будущего; а между этими двумя мирами... некое подобие Океана, отделяющего старый материк от молодой Америки; нечто смутное и зыбкое; бурное море, полное обломков кораблекрушения, где изредка белеет далекий парус или виднеется извергающий густой дым корабль, – словом, настоящий век, отделяющий прошлое от будущего...»[17: 21]

Позже Лермонтовым по мотивам стихотворения И.Х. Цедлица «Das Geisterschiff» будет написан «Воздушный корабль» (1840), в котором концепт «парус» несет в себе аналогичные семантические коннотации:

*По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.* [8: 437]

Выражение «корабль одинокий», которого нет в балладе Цедлица, вызывает прямые ассоциации со стихотворением «Парус»: в обоих случаях поэтом подчеркивается полная самостоятельность плавательного средства, отсутствие на нем людей, а, следовательно, обретение им, как в случае с летучим голландцем, собственной, почти мистической воли. Таким образом, можно говорить о том, что в лирике Лермонтова сформировался единый символический образ одинокого паруса (корабля).

В литературе XIX века, во многом под влиянием М.Ю. Лермонтова, белый парус оказывается образом, хотя и восходящим к архетипической традиции, но полностью переосмысленным в свете романтических представлений и целеустановок. Именно в творчестве романтиков он приобретает качества символа, универсального эстетического знака, обладающего органичностью и неисчерпаемой многозначностью, нераздельной слитостью с образом, но не тождественным ему[1: 378]. Именно об этом писал Ю.М. Лотман, отмечавший, что символ обладает «некоторым единым замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста, <...> символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по

¹ Позже этот мотив будет реализован и в главе «Тамань» романа «Герой нашего времени».

вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее, <...> пронизывая толщу культур, символ реализуется в своей инвариантной сущности. В этом аспекте мы можем наблюдать его повторяемость. Символ будет выступать как нечто неоднородное окружающему его текстовому пространству, как посланец других культурных эпох (= других культур), как напоминание о древних (= «вечных») основах культуры. С другой стороны, символ активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует». [11: 192-193]

Семантика концепта «парус» неоднократно рассматривалась в лермонтоведении. Он воспринимался как «выразительный символ Лермонтовской души» [24: 15], «выражающий его мысль и его настроение» [8: 529], указывающий на «сильную и независимую личность, ее одиночество и трудность ее пути, ее неустанные поиски цели и смысла жизни» [12: 127] и представляющий собой «поэтическое обобщение» всего философского смысла стихотворения [6: 21].

Э.Э. Найдич объяснял строение этого концепта следующим образом: «Сравнение превратилось в символ, отражающий духовный мир. И этот символ стал не просто знаком, не просто удачным выражением какого-то качества или свойства личности, настроения, а образом развертывающимся, вобравшим само движение мысли, “диалектику души”» [18: 129]. Именно потому стихотворение «Парус», построенное как пейзажно-символическая аллегория, является отражением разочарования, вызванного невозможностью обретения гармонии, что в романтической поэзии оказывается неразрывно связанным с мотивом одиночества.

Одним из главных приемов создания лермонтовского «Паруса» является сложная система контрастов, которая детально изучена в литературоведении. Так, Б.М. Эйхенбаум считал, что принцип контраста вообще характерен для «юного Лермонтова». В «Парусе» он находит «контрасты неба и земли, рая и ада, бури и покоя» [36: 18]. С.В. Шувалов отмечал принцип параллельного соединения контрастных тематических рядов. Исследователь обращал внимание на то, что в каждой из трех строф возникает противопоставление мятежного паруса и окружающего его мира (голубой туман моря, игра волн, лазурная струя, золотой луч солнца). «Но наряду с этим здесь можно наблюдать и другой ряд контрастов – именно два последних стиха каждой строфы представляют своего рода антитезу: далекая страна – родной край, парус счастья не ищет – не от счастья бежит, буря – покой. Последняя антитеза особенно эффектна, выражаясь в форме взволнованно-эмоционального

восклицания <...> В результате такой стройной, искусно выполненной контрастной структуры образ паруса, раскрываясь со всей полнотой, проникается глубоким лирическим чувством, и из-за этого паруса легко, как бы сам собою, выступает поэт с мятежной, бунтарской душой» [35: 259].

В.И. Коровин называет лермонтовский прием «контрастом по смежности»: «Образ моря – пространственной безбрежности – контрастен одинокому парусу, затерянному в нем. На этом контрасте по смежности возникают последующие тревожные вопросы, углубляющие контраст: “Что ищет он в стране далекой? / Что кинул он в краю родном?” Здесь внутренне оппозиционны обе части: “ищет он” противостоит “кинул он”, “стране далекой” – “краю родной”... Но вместе с тем эти контрастные формулы объединяются образами моря и одинокого паруса» [7: 44-45]. «Противоречие между “морем” и “парусом”, – уточняет исследователь, – символизирует противоречие между жизнью вообще и человеческой личностью, брошенной в ее океан» [7: 46].

Э.Э. Найдич, напротив, считает, что контраст возникает только в последней строфе: «В отличие от двух первых четверостиший здесь резкий контраст между первой и второй половиной строфы. Происходит это потому, что самый вывод, самая мысль Лермонтова парадоксальна и противоречива» [18: 128]. Причина же парадоксальности заключается в жизненной ситуации, исполненной противоречий: «стремление к активности, мятежности, движению, буре сталкивается с естественным желанием покоя. И оба эти полюса остаются различными сторонами жизни человека» [19: 40].

Использование приемов контраста образов (между парусом и окружающим миром) и противопоставления на пространственном уровне (парус находится между небом и землей), по мнению М.М. Гиршмана, является «предельным выражением романтического мироощущения» [3: 366]. Поэт отказывается от формы привычного лирического монолога и поддерживает дистанцию между субъектом и объектом изображения. В этих контрастах, символизирующих «навсегда потерянное гармоничное целое» [3: 366], выражается трагичность стихотворения.

Таким образом, все исследователи отмечают используемые Лермонтовым контрасты и противопоставления и сходятся в оценке факта невозможности достижения гармонии лирическим героем из-за внутренних противоречий. При этом практически не учитывается то обстоятельство, что стихотворение написано М.Ю. Лермонтовым в восемнадцать лет, и, очевидно, именно молодость, связанная с самоисканиями, желанием свободы, перемен и дей-

ствий, объясняет сугубо романтический характер изображаемого. В этом же 1832 году поэтом были созданы такие шедевры, как «Нет, я не Байрон, я другой...», «Я жить хочу! хочу печали...», в которых безапелляционно утверждаются идеи одиночества и избранничества, борьбы и страдания. Показательно, что в обоих этих текстах наблюдается гиперболизированное сопоставление угрюмого, бурного океана и души поэта. Этот аллегорический импульс получил специфическое воплощение и в стихотворении «Парус», в центре которого оказываются два символических образа, образующих внутреннюю систему противоречий: морская стихия и «не безусловное alter ego поэта» [3: 366] – парус.

Это можно проследить в содержании всех трех катренов. Каждый из них делится на две части: в первой отображается внешнее пространство, при этом образы паруса и водной глади взаимораскрываются через пространственную смежность; а вторая часть передает духовное состояние. Тезис и антитезис разделены на пунктуационном уровне многоточием, усиливающим паузу. В лермонтовских «полустрофах» (термин М.М. Гиршмана [2: 86]) используются разные по эмоциональной окраске предложения: в первом четверостишии пространственная характеристика оформлена как восклицательное предложение с многоточием: «Белеет парус одинокий / В тумане моря голубом!..», а эмоциональная реакция – как вопросительные предложения, передающие настроение неопределенности: «Что ищет он в стране далекой? / Что кинул он в краю родном?» Хотя во втором двестишии, как отмечает М.М. Гиршман, образы остаются пространственными, но у них иная смысловая наполненность, определяемая временными характеристиками: «...крайними точками времени – прошлого (“что кинул он”) и будущего (“что ищет он”))» и потом уже пространства – «в стране далекой – «в краю родном» [2: 86]. Тот факт, что полустрофа представляет собой риторические вопросы, говорит о духовных исканиях alter ego поэта, о неопределенности его жизненных позиций.

Во втором четверостишии пейзаж представлен в повествовательной форме: «Играют волны – ветер свищет, / И мачта гнется и скрипит...», а внутреннее состояние передано восклицаниями: «Увы! он счастья не ищет, / И не от счастья бежит!». Аналогичным является и синтаксическое оформление третьей строфы, в которой наиболее остро проявляются внутренний и внешний конфликты: полная неудовлетворенность личности собой и противоречие «между стихией и человеческим сознанием» [7: 46].

Отмеченная синтаксическая урегулированность

общей композиции объясняется тем, что мелодика пейзажных двестишии медитативна, поэтому и заканчивается каждая из полустроф многоточием, а двестишия, передающие внутреннее душевное состояние (поиск, бесприютность, желание действия, разочарование), маркированы вопросительными и восклицательными конструкциями, близкими «к интонации декламационной (отчасти даже ораторской)» [12: 124].

Контрастивность характерна и для внутренней структуры каждой из полустроф, что проявляется на лексическом уровне. Так, в первой строфе это связано с противопоставленностью двух центральных образов: глагол «белеет» (парус) указывает на белый цвет и в то же время контрастирует на уровне цветописи с голубым «туманом моря», который свидетельствует о неясности пути и неопределенности пространства. Вторая часть четверостишия раскрывает внутреннее состояние специфического лирического объекта, так как выбранный поэтом образ alter ego представляет собой гиперметафоризированную синекдоху: парус является частью целого – корабля² и при этом обладает свойствами личности, которая начинает сливаться с авторским «Я», обладающим «полнотой незнания».

Контрастность подчеркивает и пространственная неопределенность, связанная с использованием двух антитетичных образов: «страна далекая» – «край родной», эпитеты которых являются контекстуальными антонимами. При этом совершенный вид прошедшего времени глагола «кинул» свидетельствует о законченности действия, о невозможности возвращения, в то время как несовершенный вид и настоящее время глагола «ищет» подчеркивает неопределенность состояния лирического героя.

Таким образом, первое четверостишие включает целый ряд противопоставлений: антитетичные образы моря и паруса, разновременные формы прошлого и будущего, характеризующие внутренне противоречивое состояние лирического героя.

Во второй строфе описание строится на соединении двух изначально противодействующих начал: моря и паруса. Но у этих образов есть и некая общность, выраженная соединительным союзом «и» («Играют волны – ветер свищет, / И мачта гнется и скрипит»). Он подчеркивает равноценность, равнозначность образов в их динамической прогрессии. Стихия воздействует на парус, который подчинен ей, но воздействие это неагрессивно, о чем свидетельствует употребление глаголов *гнется* (глагол движения, как и «играет») и *скрипит* (с той же звуковой семантикой, что и глагол «свищет»).

2 Следует отметить, что полногласная форма сущ. счастье используется Лермонтовым намного реже.

Под воздействием стихии парус живет, движется. Не случайно, что в этой строфе в целом сосредоточено более половины всех глагольных форм стихотворения (!).

Основа второй полустрофы – отрицание, выраженное на лексическом уровне частицей «не» в разной семантической функции («счастья *не ищет*», «*не от счастья бежит*»), передает крайнюю неудовлетворенность, глубину внутреннего кризиса личности, не способной найти себя и отрицающей счастье как общечеловеческую категорию. Счастья не было в прошлом, недостижимо оно и в будущем. На это указывает лейтмотивный повтор глагола «ищет», связанный с семантикой фортуны, на одной и той же строчной позиции в первых двух строфах и тавтологизированный поэтизм «счастье».³ При этом глагол «бежит» (в значении «избегать, убежать») с частицей «не» подчеркивает, что лирический объект – не изгнанник, а, скорее – странник.

Следует отметить, что структурная упорядоченность заключительных полустроф первой и второй строфы позволяет говорить о существовании между ними особой логико-семантической связи, определяемой риториками как удвоенный апокрисис («*фигура пояснения, представляющая собой риторический вопрос, ответ на который дает сам автор*» [16: 68]). Ср.:

Что ищет он в стране далекой? → Увы! он счастья не ищет

Что кинул он в краю родном? → И не от счастья бежит!

Синтаксическая и семантическая урегулированность этих строк чрезвычайно велика как в границах строфы (амебейность, инверсированность и т.д.), так и на межстрофическом уровне. Более того, отрицательный ответ на поставленный вопрос дополняется последней полустрофой третьей строфы, содержащей констатацию («*А он, мятежный, просит бури...*») и риторическое восклицание на основе аподозиса («*фигура алогизма, представляющая собой внешне парадоксальное суждение, основанное на контрасте*» [16: 67]). Использование контекстуальных антонимов «буря» и «покой», не заявленных в тексте стихотворения прежде, создает эффект логической ошибки, оксюморонного соединения в рамках суждения двух речевых моделей: вместо покоя (т. е. штиля) лирический герой просит бури, что само по себе является парадоксальным, при этом уточняется, что эта просьба содержит в себе обратный парадокс, так как предполагается, что, возможно, «в бурях есть покой». Тавтологический повтор (буря – бури) на деле является игрой на многознач-

ности (здесь ближе всего оказывается фразеологизм «душевная буря» – неожиданный и сильный всплеск эмоций, образующий с «душевым покоем» устойчивый антонимический комплекс), утвержденной на конституциональном уровне в написанном за месяц до «Паруса» стихотворении «Я жить хочу! хочу печали...»:

*Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан? [8: 331]*

Именно в третьем четверостишии «Паруса» окончательно выявляется конфликт между реальным гармоничным миром и духовным состоянием лирического героя. Поэт детализирует образы, расширяя границы метонимических значений: вместо моря и волн появляется образ светлой «струи» – парадоксальное описание водной стихии, а солнце заменяет луч. Однако, при всей парадоксальности этого изображения, благодаря антонимичным предлогам («под ним» – «над ним») и отсутствию глаголов пространство расширяется, достигая вселенского масштаба, вбирая все окружающее.

Мир, в котором находится лирический герой, представляет собой олицетворение гармонии, о чем свидетельствует употребление на лексическом уровне образов с семой «свет» и их накопление: «луч», «лазурь», «солнце» (на уровне существительных), «светлей», «золотой» (на уровне эпитетов).

Сравнительная степень прилагательного «светлей» раскрывает исключительность, абсолютное совершенство окружающего мира. Это же подчеркивается и архетипической семантикой использованных цветов. Лазурный – цвет «...тайны, глубины, сверхреальности. Он используется для обозначения гиматия Христа, одеяния Богородицы. Это цвет веры, мудрости, покоя, тайны непроницаемой вечности» [14: 80]. Золотой цвет символизирует «энергию солнца и его тепла» [14: 40]. Их выбор не был случайным: «Лермонтов лаконичен, но всегда точен в деталях нарисованных им картин, он никогда не ошибается ни в определении цвета волны и пены, характера шума, производимого волнами и ветром...» [26: 263]

Однако внутренне состояние alter ego поэта диаметрально противоположно состоянию мира, этим и объясняется употребление противительного союза «а». «Парус» остается «мятежным», а главной чертой символизируемого им характера по-прежнему оказывается несогласие с существующим порядком бытия. Его духовная экзистенция – это бунт, а потому для него близко состояние бури, в которой он пытается найти Истину. «Движение авторской мысли <...> идет «по восходящей» – к прозрению,

3 Следует отметить, что полногласная форма сущ. счастье используется Лермонтовым намного реже.

наконец-то открывающему истину. Но истина сама уходит в бесконечность, означая прикосновение к «последним», непознаваемым, согласно концепциям романтиков, тайнам бытия» [12: 130]. Именно это стремление достичь недостижимое раскрывает неординарность натуры лирического героя. В невозможности преодолеть внутренние противоречия и в отсутствии веры заключается глубокий трагизм стихотворения.

Сила воздействия лермонтовского «Паруса» на последующие поколения была настолько велика, что поэты использовали его строки даже для поэтической полемики. Я.П. Полонский, рассуждая о противоречивости характера человека, заимствовал этот основной мотив для создания антилермонтовского парадокса:

*Счастьем вечно недовольны,
Правдой вечно смущены,
В тишину мы просим бури,
В бурю просим тишины.* [22: 343]

В отличие от Я.П. Полонского, К.М. Фофанов в стихотворении «Я сказки медленней пишу...» сохраняет общую направленность лермонтовского пафоса. Его лирический герой максимально приближен к самому автору: он поэт и страдающая личность, постоянно ощущающая неудовлетворенность миром:

*Я сказки медленней пишу,
Чем жизнь свою переживаю.
Я насладиться не спешу,
Но каждый час и день – страдаю.*

Кто много чувствовал, тому
Судьба дала волненья множить... [32: 168]

Парадоксальное использование слова «сказки» в поэтическом мире К.М. Фофанова является устойчивым синонимом понятий «поэзия» и «творчество» как высшей степени выражения духовности: «сказки нежные», «звездные», «сказки, задумчиво чудные...» («Звезды ясные, звезды прекрасные...»), «пленительные сказки» («За городом») и т.д. Как отмечает Е.З. Тарланов: «Мотив дисгармонии повседневной действительности и противоречие «сказок чудных» ее заурядности не просто лежит в основе лирического сюжета многих произведений первого, программного, сборника К. Фофанова, но и насквозь пронизывает все мировосприятие поэта» [27: 59].

Стихотворение медитативно в своей основе: это размышления о жизни и творчестве, которые содержат рефлексивные высказывания самого поэта и выражают «собственные переживания, какой-то момент в развитии его духовной жизни». [23: 67] Наполненное многочисленными реминисценция-

ми (от библейского «Многие знания – многие печали» до пушкинского «Кто жил и мыслил, тот не может / В душе не презирать людей...»), это стихотворение на архитектурном уровне представляет собой пример знаменательных диспропорций: Фофанов прибегает к специфической композиции в графически не выделенной сонетной структуре – аВаВсDcDeeFhFh.⁴ В результате такого членения текст как бы распадается на две непропорциональные части: двестишестистопный с парной рифмовкой разграничивает комплексы мотивов, заимствованные из разных источников. В этой системе эстетических координат шестистишие становится своеобразным поэтическим переложением идеи М.Ю. Лермонтова о буре как источнике жизненных и творческих перемен:

*И, если жизнь течет ровна,
Как усыпленная волна,
Не зная шума дикой бури, –
Душа тоскует и зовет
К своей безоблачной лазури
Грозу и тучи непогод... [32: 168]*

Как и в лермонтовском тексте, жизнь ассоциируется у К.М. Фофанова с водной стихией. Забыть («суестьная тьма») не удовлетворяет лирического героя, и потому он зовет «грозу и тучи непогод», бросая вызов беспросветности бытия, замкнутому кругу успокоения, в котором он находится. Он отвергает монотонный покой и мечтает обрести покой душевный в буре. При этом многоточие, обрывающее стихотворение, подчеркивает, что поэт осознает бессмысленность надежд лирического героя. Гармония оказывается недостижимой.

Гуманистические поиски фофановского героя еще более абстрактны, чем у Лермонтова. В тексте стихотворения не предполагается ответа на вопрос: для чего нужна буря? Если мятежность у Лермонтова имеет целью обретение внутренней свободы, жажду активной, деятельной жизни, то основные характеристики героя К.М. Фофанова – разочарованность, усталость, подавленность. Его страдания носят ярко выраженный личностный характер: сосредоточенность на себе полностью исключает интерес к миру. Очевидно, поэтому в стихотворении К.М. Фофанова отсутствует пейзаж, который связывает лермонтовского героя с мирозданием.

4 См.: «Для строгого сонета существует правило, по которому при наличии опоясанных рифм в катренах третья строка первого терцета рифмуется со второй строкой второго терцета (ccd cdc, или cdc dcd, или ccd cdd, а при трех рифмах – ccd ede); при перекрестных же рифмах в катренах первые две строки терцетов имеют смежные рифмы, последние же строки терцетов рифмуются так: ccd ccd, или cdc ddc, а при трех рифмах ccd eed». [4: 276]

Использует лермонтовские образы К.М. Фофанов и в стихотворении «Над бездной», еще в большей степени передающем пессимистические настроения эпохи безвременья. Если alter ego Лермонтова – парус, то у Фофанова – облако. Так же, как и великий предшественник, поэт конца XIX века строит свое стихотворение как развернутую пейзажно-символическую аллгорию, описывая картину дождя в горах. Символика изначально несет трагическую окрашенность, потому что мир представлен в виде оппозиции: земная жизнь («сумрачная бездна») – небо («ясные небеса»). Такими же противопоставленными оказываются два центральных образа стихотворения (горный поток и облако) и их состояния:

Мне снилась сумрачная бездна,
Обрывы скал по сторонам,
Где рвался к ясным небесам
Поток, бушуя бесполезно.
.....
А в небе облако текло
Стезю светлой и лазурной... [33: 44]

Это противопоставление вытекает из общей концепции действительности, отразившейся на мироощущении поэтов 80-90-х годов. Рожденное небесами облако стремится к буре и испытывает счастье, приближаясь к новому, неизведанному:

Оно – дитя спокойных рек,
Просило бури бесполезной,
И разрыдалось над бездной,
Увидя волн кипящий снег. [33: 44]

Образ «бури бесполезной» прямо связывает фофановское произведение с лермонтовским, утверждая, что буря не способна принести счастье и изменить существующий миропорядок. В конце

стихотворения, как и в его начале, бездна характеризуется атрибутами с негативной семантикой («шум и вой»), при этом автор использует тавтологические комплексы («бездны – бездне», «шумело – шумней – шум») для создания ономотопеического эффекта:

Уже с волною бездны мрачной
Оно шумело заодно.

И только туча набегала,
Шумней был в бездне шум и вой... [33: 44]

Как поэт трагической эпохи, К.М. Фофанов не видит гармонии даже на небе. Счастье и покой не являются абсолютными:

Как будто небо обещало
Ей бури, а себе – покой. [33: 44]

Здесь подчеркивается мысль о фатальном разладе не только на земле, но и во всем мироздании, что отражает уныние, бессилие и тоску, вызванные «атмосферой социальной стагнации 80-х годов» [27: 61].

Для того, чтобы передать состояние дисгармонии, К.М. Фофанов экспериментирует с формой стиха. Он прибегает к скрытой строфике с разной системой рифмования в катренах: кольцевой в 1-й и 3-й строфах, перекрестной во 2-й, 4-й и 5-й. Но наибольший эффект дисгармоничности звучания достигается им за счет частого использования приблизительной женской рифмы (безднА-бесполезнО, прозрачнЫй-мрачнОй, набегалА-обещалО). Нагнетание форм расподобления рифменного созвучия на фоне традиционных мужских точных рифм – это признак новой складывающейся в конце XIX века модернистской традиции, чрезвычайно внимательно относившейся к лермонтовскому наследию.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Символ. Литературный энциклопедический словарь. Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Энциклопедия, 1987. С.378-379.
2. Гиришман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. М.: Языки славянской культуры, 2002.
3. Гиришман М.М. Парус. Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: «Советская энциклопедия», 1981. С.366-367.
4. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.
5. Козлов И.И. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1956 (Библиотека поэта. Малая серия)
6. Коровин В.И. Лирический голос поколения. М.Ю. Лермонтов в школе. Пособие для учителя. Сост. А.А. Шагалов. М.: Просвещение, 1976.
7. Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. М.: Просвещение, 1973.
8. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Т.1. Стихотворения.
9. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. Т.2. Поэмы. – С.60-72.
10. Литература. Справочник абитуриента. Под. ред. В.Е. Красовского М.: Филол. общ-во «Слово», 1998. Русские писатели и поэты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://writerstob.narod.ru/termins/c/cinekdoxa.htm>

11. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. Избранные статьи: В 3 т. – Т.1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: «Александра», 1992. С.191-199.
12. Маркович В.М. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус». Анализ одного стихотворения: межвузовский сборник. Под ред. В.Е. Холшевникова. Л.: ЛГУ, 1985. С.122-132.
13. Марлинский А. (Бестужев-Марлинский А.А.) Андрей, князь Переяславский. Отечественные записки. 1841. Т. XVIII. № 10. Отд. II. С.161-192.
14. Махлина С.Т. Семиотика сакрально-религиозных представлений. СПб.: Алетейя, 2008.
15. Михайлова Е.Н. Идея Личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения. Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сб. первый. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. С. 125-162.
16. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. 2 изд., существенно перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2006.
17. Мюссе А. Исповедь сына века. Новеллы. Л.: Художественная литература, 1970.
18. Найдич Э.Э. М. Лермонтов. Парус. Поэтический строй русской лирики. М.: Наука, 1973. С.122-134.
19. Найдич Э.Э. Этюды о Лермонтове. СПб.: Худож. лит., 1994.
20. Нейман Б.В. К вопросу об источниках поэзии Лермонтова. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1915. № 4. С.121-203.
21. Нейман Б.В. Русские литературные влияния в творчестве Лермонтова. Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. С. 422-465.
22. Полонский Я.П. Полн. собр. стихотворений: В 5 т. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1896. Т. 2.
23. Пospelов Г.Н. Лирика. М.: МГУ, 1976.
24. Сакулин П.Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова. Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С.1-55.
25. Семенов Л.П. К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова. Филологические записки. Воронеж, 1914. Вып. 5-6. С.614-639.
26. Соллертинский Е. Пейзаж в прозе Лермонтова. Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814-1964. М.: Наука, 1964. С. 236-275.
27. Тарланов К.З. Константин Фофанов: Легенда и действительность. Петрозаводск, ПГУ, 1993.
28. Тахо-Годи А.А. Эней. Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т.2. С.656-657.
29. Уколова В.И. Фортуна в мире западного Средневековья. Вестник истории, литературы, искусства. Отд. ние ист.-филол. наук РАН. Т. 1. М.: Собрание; Наука. 2005. С. 174-184.
30. Федоров А.В. Лермонтов и литература его времени. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1967.
31. Фишер В.М. Поэтика Лермонтова. Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С.196-236.
32. Фофанов К.М. Стихотворения и поэмы. М. Л.: Советский писатель, 1962.
33. Фофанов К.М. Стихотворения. В пяти частях. СПб: Изд. А.С. Суворина, 1896.
34. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: Крон-Пресс, 1999.
35. Шувалов С.В. Мастерство Лермонтова. Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сб. первый. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. С.251-309.
36. Эйхенбаум Б.М. Литературная позиция Лермонтова. М.Ю. Лермонтов. АН СССР. Ин-т лит. (Пушк. дом); Подгот. к печати И. Сергиевский, Б.М. Эйхенбаум; Отв. ред. П.И. Лебедев-Полянский; Худож. ред. И.С. Зильберштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1941-1948. Кн. 1. 1941. С. 3-82. (Лит. наследство; Т. 43-44).

T.V.KOVALEVA, M.J. MISHINA

**POEM «SAIL» BY M. J. LERMONTOV AND THE INTERPRETATION
OF IT'S MOTIVES IN K.M. FOFANOV LYRICS.**

The article explores some romantic motives, archetypal and literary sources of the poem «Sail» by M.J. LERMONTOV. It reveals the influence of the romantic poet outlook on the works of K.M Fofanov – one of the greatest poets of the late XIX-th century.

Key words: *romanticism, Lermontov's lyrics, system of images, alter ego, meter, rhythm.*

М.В. КОЗЬМЕНКО

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН

E-mail: bargamot@stream.ru

Тел. 8 910 408 15 16, 8 499 178 34 32

У ИСТОКОВ ДРАМАТУРГИИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА:
НЕИЗВЕСТНАЯ ПЬЕСА О ЗАКОНЕ И ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируется связь неизвестной ранней одноактной пьесы Леонида Андреева «Жекулин» с его творческими поисками этого периода (1902 г.), прежде всего, с проблематикой незаконченной пьесы «Закон и люди». Впервые публикуется текст самой пьесы.

Ключевые слова: русская драматургия начала XX в., текстология, метатекст Леонида Андреева.

Первые драматургические замыслы появились у Леонида Андреева осенью 1901 г. Во второй половине сентября в несохранившемся письме Горькому он сообщает, что задумал пьесу на сюжет рассказа «В темную даль» – произведения, которое очень нравилось адресату. Этот факт отражен в ответном письме Горького от 26 или 27 сентября 1901 г. [3]. Однако уже 13 октября Андреев меняет замысел, говоря об этом в очередном письме Горькому: «Приступаю слегка к драме, но не “В темную даль”, а другую» [2]. Речь идет о пьесе «Брат и сестра» (в позднейшей редакции озаглавленной «Закон и люди»), история создания которой освещена Ю.В. Бабичевой [1]. Начало работы над первой, незаконченной версией драмы – 1 ноября 1901 г. [5]; даты работы над последней, также незавершенной редакцией – 3 ноября – 8 декабря 1902 г. [6].

Смысловым центром этой первой, неудавшейся пьесы, по справедливому утверждению Ю.В. Бабичевой, является понятие закона, который хочет преступить главный герой, влюбленный в родную сестру и близкий по мироощущению к своеобразно истолкованному нищезанятию: «С одной стороны, закон у Андреева – это сила привычек толпы, мещанская тина мелочей, уничтожающая человеческую индивидуальность. <...> В других картинах позднего варианта драмы понятие “закон” трактуется, как роковой и непостижимый биологический закон природы, перед которым бессилён ум человека» [1, с. 260, 261].

Между двумя версиями (ранней и позднейшей) этой драмы Андреев пишет трагикомическую одноактную пьесу, оставшуюся без названия и до сих пор не введенную в научный оборот. Она обнаружена в рабочей тетради писателя, хранящейся в его фонде в Российском государственном архиве литературы и искусства [7, л. 35об.-50]. На первый взгляд, по своим фабуле и проблематике, это – полуанекдотиче-

ский пустячок, созданный в один день (26 сентября 1902 г.) для «разгона руки». Однако этот «опыт драмы» интересен с многих точек зрения. Во-первых, это – первая законченная работа писателя в подобном роде литературы, и потому в ней уже можно попытаться разглядеть некоторые характерные черты будущей, более зрелой драматургии Андреева. Во-вторых, в этой «штучке» своеобразно преломились мучительные поиски разрешения коллизии большой и серьезной драмы «Закон и люди». В-третьих, в ней отразились, опять-таки в весьма необычном ракурсе, некоторые общие образы и темы, важные для писателя в этот период.

Лето 1902 г. писатель провел на даче в Царицыно, и хотя пьеса написана в Москве в конце сентября, свежие дачные впечатления (из Царицына он выбрался только в начале этого месяца) явно отложились в ней. И не только впечатления. В конце той же рабочей тетради находим вклеенную вырезку из газеты, имеющую к сюжету «Жекулина» самое прямое отношение. Воспроизводим ее полностью:

«А-ндр. По дачным местам. Перово. Голодающая дачевладелица. 24-го июля, мирные перовские дачники были встревожены продажей с торгов дачи Цапаевой за невзнос владельцу земли арендных денег. Дело в том, что девятидесятилетняя старуха Цапаева страдает всеми признаками душевного расстройства. Несколько лет не сдает никому своих дач, видя во всех желающих снять их жуликов, а сама питается присылаемой ей соседями пищей и часто голодает; заговаривается, днем спит, ночью – бодрствует, грозит всех застрелить. Немудрено, что при таком состоянии духа она не уплатила свыше 200 р. арендных денег. Одна дача Цапаевой продана вчера с аукциона за 640 р., хотя стоит тысячи полторы. Такая низкая продажная цена зависит от того, что владелец земли сдал находившийся под дачами старухи участок земли дру-

гому арендатору, еще до аукциона, вследствие чего дача продана на слом. Другую дачу сначала было решено снести, затем снос был отсрочен. Но на какое время? Может, на неделю, а может, на два дня.

Во время аукциона произошла грустная история. Распространились слухи, что Цапаева хочет стрелять, и, когда девяностолетняя старуха с бес-связными угрозами выскочила из дачи, – все побежали. Сотский со сторожами задержали старуху, обыскали дачу и нашли револьвер, который, по неосторожности нашедшего, выстрелил. Произошла паника» [7, л. 184].

Андреева, конечно же, не мог не заинтересовать подобный анекдот с трагической подкладкой, и он дает свое переложение казуса в лицах и сценическом обрамлении. Неозаглавленной пьеске нами дано условное название «Жекулин», по имени главного героя, семидесятилетнего отставного чиновника, которым автор заместил полубезумную девяностолетнюю дачевладелицу Цапаеву. Элементы «сумеречного сознания», свойственные прототипу, остались (Жекулина преследуют кошмарные «сонные видения» ночью и «голоса» днем), но главная мотивировка сопротивления героя враждебному окружению – все же не патопсихологическая, а, так сказать, идейная. Он, так же, как и герой-нищанец «Закона и людей», не признает над собою силу подчиняющего всех Закона. Как бы в травестированном модусе перед нами возникает контраргумент против враждебного бытия типичного отчужденного героя из «серьезных» вещей Андреева: «Разве теперь есть закон? Нет теперь закона. *Разве есть такой закон, по которому можно образа лишить?* Не признаю» (курсив мой. – М.К.). Парадокс в том, что «бунтарь» сам в свое время был (в отличие от возвышающегося над окружением героя «Закона и людей») типичным обывателем: его когда-то поймали на взятках и уволили со службы, он выгнал из дома дочь за ее слишком либеральные, по его мнению, взгляды и прическу и, скорее всего, своими упертостью и жестоковейностью свел в могилу собственную жену. Однако за анекдотической фабулой выдворения «сыча» из ветхого, но собственного обиталища (за коим с таким злорадным упоением наблюдает толпа: деревенские мужики и ребятишки) вдруг возникает знакомый «экзистенциальный» метасюжет Андреева – противостояние «общечеловека» и обстающего его недоброго мироздания, Закона, который «лишает образа».

Писатель не мог отказаться от такого колоритного эпизода в газетном заметке, как паника по поводу угроз старухи Цапаевой «всех застрелить». В пьесе он становится кульминационной точкой «самостояния» Жекулина. Толпа, в состав которой,

между прочим, входят вооруженные городовые, бежит перед маломощным стариком, и в этот момент он возвышается над Законом и в каком-то смысле превозмогает его. Как, скажем, превозмог его ценою собственной жизни герой «Рассказа о Сергее Петровиче». Разумеется, эта параллель может показаться достаточно смелой, но, несмотря на существенные различия между двумя этими вещами, можно отметить, что и в «Жекулине» – возможно, в весьма причудливом виде – явлены отблески андреевского метасюжета о Человека и Законе (Некто в Сером, Анатэме и т.д.).

В отличие от «сценически душевной» драмы «Закон и люди», где действие происходит в четырех стенах либо московского купеческого дома, либо подмосковной гостиницы и заключается в диалогах между двумя или тремя персонажами, в «Жекулине» оно вынесено на воздух, во двор деревенского дома. Здесь мы можем наблюдать за довольно интересными попытками Андреева построить массовые сцены; они наполнены динамикой, в ремарках звучит «полилог», голос толпы, который в будущем станет явственной приметой его драматургии (в ближайшие годы эта особенность будет развиваться в ранней редакции пьесы «К звездам» и, разумеется, в «Савве»).

В 1902 г. Андреев еще в некоторой степени ощущает инерцию «орловского колорита», который он так успешно использовал в цикле ранних рассказов («Баргамот и Гараська», «У окна», «Ангелочек», «Молодежь» и др.). Этот колорит ощутим и в «Жекулине». Описываемая деревенская остановка, на первый взгляд, абстрактна и не локализована, но вот в речи героя возникает название орловской улицы – «Карачевская». Подобно речам персонажей из «орловского цикла», диалоги трех старичков, беседующих перед сценой выселения, полны просторечия и диалектизмов («вчера», «проснись», «животная» (в смысле – «животное», «зверь»), «ужака» (уж), «хучь» (хоть), «на покой», «тоцы» (тощи) и т. п.) Диалектизм встречается даже в авторской ремарке: «Понятые и городовые вытаскивают харбары и выносят» (харбары – ветхие пожитки, вероятно, домашнее словечко Андреевых). Речь Петеньки отмечена комически-бессмысленным словом-паразитом «гвардия».

Таким образом, в небольшой трагикомической пьеске отозвались разнообразные смысло- и стили-образующие тенденции этого интереснейшего, во многом переломного периода жизни и творчества Леонида Андреева. Уже вышел первый сборник рассказов, готовится к выходу второй, пишется первая, так и не удавшаяся, большая пьеса, закончена самая первая, не дошедшая до нас версия «Василия

Фивейского». В январе 1902 г. задуман рассказ «Чудо» – этот замысел через три года реализуется как «Савва», а в октябре 1903 г. возникнет идея пьесы «Астроном» (будущая драма «К звездам»).

Интересно и другое: вещичка, которая, казалось бы, столь успешно была похоронена автором на веки вечные в рабочей тетради, отозвалась в другом, весьма известном произведении писателя. Нами уже указывалось на бесчисленные взаимные переключки в творческой лаборатории Леонида Андреева между неопубликованными, неизвестными и самыми громкими, знаменитыми текстами [4]. Удачно найденная в маленькой пьесе фамилия одного из персонажей (Мосягин) будет использована в качестве имени одного из центральных героев «Жизни Василия Фивейского» – того самого бедняка Семена Мосягина, воскресить которого Фивейский попытается в финале повести.

* * *

Пьеса печатается по автографу, вписанному в рабочую тетрадь среди прочих набросков и планов к другим произведениям этого периода. В начале и конце текста дата – 26 сентября 1902 г. Заголовок отсутствует. На обороте предыдущего начальному тексту листа дан перечень трех основных персонажей. Правка незначительна и в данной публикации не отражается. Текст печатается по современным нормам орфографии и пунктуации. Графическое оформление (действующие лица, ремарки и т.п.) приведены к стандартам оформления пьес. Исправление явных опечаток специально не отмечается. Также, как правило, не оговаривается раскрытие сокращений. Редакторские вставки (помимо вышеуказанного раскрытия сокращений) даны в угловых скобках.

Библиографический список

1. *Бабицева Ю.В.* Незавершенная драма Леонида Андреева «Закон и люди». Русская литература XX века (Дюктябрьский период). Сб. статей. Калуга, 1968. С. 254-265. (Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого).
2. *Горький и Леонид Андреев:* Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. (Литературное наследство. Т.72). С. 104.
3. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. В 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. С. 170.
4. *Козьменко М.В.* Проблема «гипер-авантекста» (На материале творческого наследия Л. Андреева). Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 218–225
5. РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 18.
6. РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 19.
7. РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 5. Ед. хр. 1.

M.V. KOZMENKO

BY THE SOURCES OF LEONID ANDREEV'S DRAMATIC ART: THE UNKNOWN PLAY ABOUT THE LAW AND LIFE OF MAN

This article is based on an analysis of the unknown early one-act play by Leonid Andreev «Zhekulin» and its connections with Andreev's creative searches of this period (1902). First of all, with main ideas of incomplete play «The Law and People». The text of the play «Zhekulin» is published for the first time.

Key words: *Russian dramatic art of the beginning of XX century, textual study, Leonid Andreev's metatext.*

Приложение

К статье: М.В. Козьменко

«У истоков драматургии Леонида Андреева:
неизвестная пьеса о законе и жизни человека»

Л.Н. АНДРЕЕВ

<ЖЕКУЛИН>

<ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА>

Жекулин <Иван Алексеевич> – 70 <лет>

Мосягин – 65 <лет>

Петр Иванович <Петенька> – 60 <лет>

<Толпа: двое городских, судебный пристав, понятия и любопытные; плотники; деревенские ребята.>

Страшно запущенный двор. В глубине сцены и налево низенький старый, с проломами забор; налево через него свешиваются ветви из соседнего сада, прямо, через улицу, видны сады и одна-две крыши. Посередине забора забитые ворота и калитка, от последней идет направо тропинка к дому – такому же старому, как и все: конек крыши переломился и концы впились в небо; стены выперло и окна с радужными стеклами провалились. На дворе среди травы валяются старые порывшиеся и почерневшие под дождем опорки, разошедшаяся бочка, куча старого мусору с осколками стекла; у забора, впереди, две ракиты; одна засохла совсем, у другой зеленеет одна только ветка; бурьян и кусты. Летнее погожее утро, часов пять или шесть. Солнце только что взошло и бьет в радужные стекла, бросая длинные тени от деревьев и людей. На солнышке греются трое: владелец усадьбы Жекулин, высокий, сутуловатый старик с бритым, по-чиновничьи, лицом, оборванный, грязный, неряшливый; лицо сурово и озлобленно, в движениях и фигуре остатки былой повелительности; Мосягин – благообразный, туповатый лицом старик, патриархальной складки, одет в ситцевую рубашку и длинные выше колен валенки; третий, Петенька, вида неважного, суетлив и непочтен. Первые двое сидят на бревне, в одинаковой позе, понурив низко головы, и тяжело думают; Петенька полулежит на земле и дремлет. Все дышит дряхлостью и тяжелым мертвым покоем.

Мосягин *(не поднимая головы)*. Опять нынче жарко будет. Жарко, говорю.

Долгая пауза; все в тех же позах.

Петенька. Вчерась Антошка мой десять раз купался, вся морда облезла. Так кожа и ползет. Чудак народ, гвардия.

Пауза.

Мосягин. Иван Алексеич, ты в чиновниках был, скажи ты мне, отчего у меня ноги пухнут. Как жарко, так пухнут, и так трудно двигать, говорю, будто в валенку воды набрал.

Жекулин. Стар ты.

Мосягин. Эка стар! Ты еще постарее, а глянь какой

крепкий. Все говорят: какой, говорят, еще крепкий.

Петенька. Гвардеец!

Мосягин. Все стар, стар, проходу не дают. Вчера невестка говорит, и я слышал: гляньте, говорит, люди добрые, из него песок сыплется.

Жекулин. А ты бы ее за косу.

Мосягин. А сын-то, Васька, говорит: ну скоро, говорит. Скоро. А она-то, невестка, говорит: старый дурак, говорит. Задурили совсем. Прихожу это я в сарай, а корова Пестренка так в навозе и лежит. Убрать, говорю, надо, а она, невестка-то, говорит: куда, говорит, старый пес лезешь, говорит. Все, говорит, без тебя, говорит, исполним.

Жекулин. За косу!

Петенька. Вот тоже Антошка мой; страсть всякую животную любить. Притащил это он, старички почтенные, ужаку: такой смелый, гвардия. А ужака-то из-под печки и ползет, я сижу, а она ползет да на меня уставилась, нечистая сила. Я как чашку об пол, да бежать – испугался очень. Я сижу, а она ползет и языком верть-верть. Ей-богу! *(Смеется, качая головой и хлопая руками по коленям.)*

Мосягин. И пожаловаться, говорю, некому. Вот пойду, говорю, к губернатору, а он, сын-то, говорит: хучь к самому архиерею ступай. К самому, говорит, архиерею.

Петенька *(ужасаясь)*. Ка-а-кие слова!

Мосягин. К самому, говорит, архиерею. А архиерей, говорит, самому тебе палкой и наложит. Палкой.

Петенька. Какие слова!

Жекулин. И верно: наложит. Не ходи жаловаться, старый дурак, не ходи ябедничать, старая скотина.

Бьют тебя дети, стало быть стоишь того. Вон он как скажет, твой архиерей. Знаю я их!

Пауза.

Петенька. А я тебе, Иван Алексеич, тараночки да кваску принес. Покушай, а то очень ты отошал.

Жекулин бьет таранку о бревно, чистит и жадно ест, запивая квасом из кувшина.

Мосягин. Сын-то, Васька, говорит: к тебе дом приходили намеренно смотреть. Дом.

Жекулин *(гордо)*. А я их не пустил.

Петенька *(с восторгом)*. Пххе!

Мосягин. Покупатели, говорит. С переводом долга.

Жекулин. Много их приходило.

Мосягин. Выдворят, говорит, твоего сына. Выдворят. Оно и правда, выдворят. Ох, жарко. Поить в тень. Вон, гляди: колоды, а не ноги. Э-эх! *(Садится.)*

Это у тебя, говорю, Алексеич, намеренно собака всю ночь выла. Лежу я, сну у меня нету. Нету. А она воет, воет, анафема. Ох, думаю, прости Господи, грехи наши тяжкие.

Жекулин *(встает и ходит)*. Ну и выла. Голодная, оттого и выла.

Мосягин. А может, это к выдворению? К выдворению, говорю?

Петенька. А то бывает к смерти или пожару. У Семичевых три дня выла – а на четвертый, на, по-

милуйте, чисто.

Жекулин. Не смеют! Мой дом, от деда, от отца идет. Мой дом!

Петенька. Да ведь и должок-то твой.

Жекулин. Мой дом! Умру тут как собака – ваше добро тогда. У, кровопийцы, искарियोты, закон, <нрзб.> правды<?>! Все отняли. Кровь высосали, теперь на улицу гонят, подушку из-<под> головы тащат! Не пойду!

Мосягин. По закону, говорит. По закону.

Петенька. Вот-вот: по закону.

Жекулин. Так это я по закону 20 лет сижу тут, как домовый, образа лишился, мохом оброс, людей не вижу. По закону? Нет таких законов. Не признаю. Ты, Мосягин, дурак был, дурак и остался, вот что я тебе скажу. Болтаешь: «Закон!», – а сам не знаешь какой. Разве теперь есть закон? Нет теперь закона. Разве есть такой закон, по которому можно образа лишить? Не признаю.

Мосягин. Он и говорит, сын-то: по закону. А я говорю, нет такого закона, чтобы отца дурить. Закон-то, я говорю, поумнее тебя. Плюнул (*смеется и кашляет*).

Петенька. А ты бы, Алексеич, подчинился. Ну чего, в самом деле? Желтое твое житье, что говорить. Ни в баньку ты не сходишь, ни у тебя какого развлечения. Один, как перст. Антошка мой на что там, и то удивляется: что это, говорит, живет-то он так? Правда, что фальшивую монету делает? Чудак народ, гвардия.

Жекулин. Закон! (*Смеется*.) Жил я честно, двор имел, семью, за столом духовенство принимал. Благо-лепно жил, а погляди, что осталось? Был я любим и почитаем; сам его превосходительство, господин губернатор, однажды милостивым разговором меня удостоили – а закон твой собаку из меня сделал. Собаку. Как пес питаюсь крохами, что падают со стола.

Петенька (*стыдливо*). Ну чего поминать. Экой, право, гордый.

Жекулин (*не слушая*). Как пес вою тут по ночам, голодный, жаждущий. И только враны небесные (*показывает на Петеньку*) носят мне кусочки.

Петенька. Ах, какой ты. Эка, таранка – много в ей мозгу.

Жекулин. Спроси, кто был Жекулин Иван Алексеевич? И скажут – благодетель был, милостивец. Говорит: взятки вы брали, господин подсудимый? А я: никаких взяток, ваше превосходительство, я не брал, а приношения принимал. И впредь принимать буду, если Господь Бог службу продолжать позволит.

Мосягин (*сонливо*). Нет, говорю, такого закона, чтобы отца дурить.

Жекулин. За эти приношения я, ваше превосходительство, целые ночи до петухов не спал, трудился. Не в вину, а в честь себе почитаю, ваше превосходительство. А они меня – вон! Вон со службы! Вот он, закон-то твой.

Петенька. Покориться нужно было, Иван Алексеевич. Так и этак. Дети, дескать, и все прочее. Они бы и

того, – поняли. Потому, все нужно растолковать. Вот, <нрзб.>, Антошка мой...

Жекулин. Все отняли! Честь мою отняли, достояние отняли, ошельмовали. Прихожу я после того в церковь, стал на свое место, а народ – шу-шу-шу. Молчу. Смеются, пальцами указуют: молчу. И подходит ко мне сторож и шепчет, грубиян: помилуйте туда, к старушкам-с, тут для чистой публики. Что? Тут для чистой публики. И я его за ухо: вот тебе публика, вот тебе чистая, знай с кем дело имеешь. А меня за это на неделю в тюрьму – к ворами и мошенникам. Тоже по закону. Ошельмовали! С тех пор нога моя в этом городе не была, за калитку не выходил, в церкви не был. Тут я ему молюсь, многомилостивому. Он простит, а нет, в геенну пойду, а не поклонюсь. Петенька. Эх, горе каковое! Стары мы с тобой, Иван Алексеевич. Вон глянь-ка: Мосяга-то заснул. Эй, милый!

Жекулин. Дочь была, дочь отняли. Сын был, сына отняли, жену смертью уморили. По закону.

Петенька. Ну что уж, Алексеевич, зачем лишнее говорить. Дочку-то да сына сам выгнал. Дочка-то, Лизавета, тою ночью у нас и ночевала, с Аннушкой с моей на одной постели. Тряслась, да кричала: убьет! Это про тебя-то. Что ты, говорю, милая, разве он изувер какой? Родительский гнев Бог терпеть велит. А она вот прямо, как ты: не покорюсь! Антошеньки у меня тогда еще на свете не было. Давно это было, годов 15.

Жекулин. Вы, говорит, папаша, не понимаете. Чего такого, дочка, я не понимаю? Учиться, папаша, надо. Учись, дочка, ученье – свет, а неученье – тьма. И работать, папаша, надо. Работай, дочка: потехе время, а делу час. А только блудить, да безобразить, да косу стричь, да какие-то там книжки читать – не позволю!

Петенька. Теперь у нее во какие волосья, Аннушка третьего году ее видела.

Жекулин. Не знаю, что теперь. И знать не хочу. Не хочу, понимаешь! И не говори ты мне про нее: выгоню и тебя, шелудивый!

Петенька. Не серчай. Эка. Не говорить – и не надо. Мне что? Я – сторона.

Пауза. Мосягин слегка похрапывает. По улице изредка мелькают головы прохожих. Жекулин садится на бревно и, наклонясь к Петеньке, шепчет.

Жекулин. Виденья сонные мне бывают. Будто стали мы, я и покойница, Марья Гавриловна, а на нас орда какая-то надвигается. Черная, кричит, и такой тогда страх меня объемлет, что говорю я: побежим, Марья Гавриловна. А она бледная, с венчиком на голове и глаза закрыты, побежим, говорит, а губы-то и не шевелятся. И бежим это мы, и бежим, и бежим, а за нами орда кричит: улю-лю-лю.

Петенька. Это у тебя с отошания. Ешь ты совсем ничего, тебе цыгане и снятся.

Жекулин. И проснись это я: темно, собака воет, и ничего я не понимаю. Ничего. Гудит, идет, люди вертятся, а к чему это? И где моя вина? А то бывает,

голоса мне слышатся. И все один голос: будто кто-то спрашивает: а позвольте спросить, куда пройти здесь на Карачевскую улицу?

Петенька. Ишь ты. Даже голоса!

Мосягин, проснувшись, зевает и крестится. Потом глядит на небо и подымается.

Мосягин. Сын-то, Васька, говорит: чего, говорит, шатаешься, докликаться нельзя. Нельзя, говорит, докликаться. Скажи, говорит, ему, сычу твоему, чтобы он покорился. И в богадельне, говорит, люди живут. Петенька. Оно и справедливо, Алексеич. Чего, в самом деле? Плюнул на них, взял, что дают, да и на покой. Отличное дело. Мы с Антошкой гостевать у тебя будем.

Жекулин. Что дают?

Петенька. Да вообще. Денежки<?>, которые за дом.

Жекулин. Дом мой.

Мосягин. По закону, говорит.

Жекулин. Дом мой.

Петенька. Десять уж лет продается. Вывеска-то уж десять лет висит.

Жекулин. Я сорвал.

Петенька. Эх, Алексеич, ты сорвал, а они опять наклеют.

Жекулин. Я опять сорву.

Петенька. Чудак! Да ведь нельзя же, пойми ты...

Жекулин. Чего пристал, как банный лист? Сам знаю, что продается. Десять лет знаю. Во сне вижу. Будто покойница Марья Гавриловна приходит и со всем прощается. В один угол поклон положит, в другой. Десять лет знаю.

Мосягин. Домой, говорю, надо. А то кликать будут, а я и не услышу.

Петенька. Да и я с тобой. Вечерком-то я зайду к тебе, Иван Алексеич. Молочка принесу, покушай на здоровье.

Уходят, толкаясь, Мосягин впереди медленно, Петенька толкая его от нетерпения. Жекулин сидит понурив голову, потом ходит, приглядываясь к каждой мелочи, прощаясь. Когда он заходит в дом, к забору с улицы подбегают ребята, стучат палками и поют:

Ребята. Сыч, сыч, сыч! Куда деньги закопал? Сыч, сыч! Куда деньги закопал? Сыч, сыч, сыч!

Жекулин бежит, оттягивая одну ногу, к калитке, открывает ее, и ребята разбегаются. Озираясь, Жекулин прячется с палкою за угол и ждет. Входит быстро Петенька.

Петенька. Эй, Алексеич, Алексеич! А-ле-ксеич!

Жекулин (входит). Чего тебе? Что забыл?

Петенька (хватая его за руку). Идут!

Жекулин. Кто?

Петенька. Идут! С городовыми! Дом...

Жекулин быстро запирает калитку, подпирает колом и ждет. С разговорами приближается толпа; дергают калитку, заглядывают в щели. Крики: «Отвори! Полиция пришла! Отвори!» Через забор показывается красная физиономия городского.

Городовой. Извольте открыть. (Срывается и показывается опять.) Тебе говорю! А то ломаем!

Жекулин (спокойно). Не смеешь!

Городовой. Вот я тебе! (Срывается.)

Жекулин гордо ждет, голова его слегка трясется. На заборе показывается какой-то мужик, перелезает и открывает дверь. Жекулин бежит за ним, мужик с хохотом от него. Вваливается толпа: двое городских, судебный пристав, понятые и любопытные. Жекулин смотрит и скрывается в дом.

Судебный пристав. Да это сумасшедший! Позовите его.

Городовой (стучит опасливо в окно). Послушайте, господин. Выходите!

Из толпы: «Так и вышел!»

Мужик. Ребята, бери приступом.

Городовой (докладывает). Не выходит!

Хохот. Советы: «А ты его помани!» Городовой оттесняет толпу и кричит:

Городовой. Выходите, которые любопытные.

Судебный пристав. Как же быть?

Распахивается дверь, и все шарахаются. Торжественно выходит Жекулин: на нем старый вицмундир и фуражка с кокардой.

Судебный пристав. Вы Жекулин?

Жекулин. Титулярный советник Иван Алексеевич Жекулин.

Судебный пристав. Так-с. Так вот (роется в портфеле), извольте очистить эту усадьбу. На последних торгах, состоявшихся 25 сего мая, усадьба эта приобретена купцом второй гильдии Иваном Парфеновичем Самойловым. Повестку изволили получить?

Жекулин. Я ничего не принимаю. Дом мой!

Судебный пристав. Был ваш, а теперь Парфенов. Извольте собрать ваши вещи и уходите.

В толпе: «Так и ушел!» Петенька шепчется с городовым, городской с приставом.

Судебный пристав. Может, для вас что-нибудь сделают. Вы только пока очистите.

Жекулин. Не очищу. Дом мой!

Судебный пристав (начиная горячиться).

Господа, что же это такое? Слушайте, я велю вас вывести силой.

Жекулин. Дом мой!

Судебный пристав. Никитин!

Городовой берет Жекулина за рукав, тот бьет его и кричит:

Жекулин. Кровопийцы, искариоты! Убью! Хриstopродавцы, креста на вас нету! Последнее! Как собаку, на улицу гонят! Умереть не дают. Вон! Убью!

Судебный пристав (кричит). Никитин!

Короткая борьба. Жекулин вырывается и скрывается в дом. Кто-то кричит: «Эй, братцы, берегись!» Выбегает Жекулин; в руках его ружье. Он целится, и все бегут. В калитке давка.

Петенька (кричит). Да оно без курка!

Никто не слышит, и он опять кричит.

Петенька. Не заряжено. Без курка!

Постепенно оборачиваются, останавливаются. Судебный пристав оправляется и гневно кричит:

Судебный пристав. Положите ружье! Вам говорю!

Петенька. Оно без курка, ваше благородие.

Хохот.

Жекулин (трясаясь). Убью! Дом мой!

Судебный пристав. Никитин!

Борьба; у Жекулина отбирают ружье и тащат его к калитке. Он вырывается и бежит, его ловят и опять ведут.

Жекулин (*оглядываясь*). Кровопийцы, искиариоты!

В толпе: «Так-так! Айда, герой! Валяй их, расчесывай!»

Судебный пристав. Молчать!

Жекулин освобождает руку и показывает кулак. Его уводят. Понятые и городовые вытаскивают харбары и выносят. Двор пустеет.

Городовой. Больше ничего нету. Очень там во-няет, ваше благородие.

Петенька. Собака еще в саду осталась, ваше благородие.

Судебный пристав. А ну тебя с твоей собакой. С вами сам собакой станешь. Никитин! (*Уходит.*)

Петенька ходит, осматривает и качает головой.

Петенька. Вот тебе и старичок!

Входит Мосягин.

Мосягин. Он говорит, сын-то: выдворяют твоего сыча. А я говорю: не может этого быть. По закону, говорит.

Петенька (*машет рукой*). Выдворили.

Мосягин. Что-то я не понимаю.

Сидят понурившись, думают. Входят плотники.

Первый плотник. Эй старички, вам тут чего?

Петенька. Знакомые мы.

Первый плотник. Знакомые, так проваливай. Значит, эту самую храмину и ломать. Петр, глянь-ка в середке, нет ли чего. Так. Эх, жизнь еловая! Покурить, старички, нету?

Петенька (*дает кисет*). Ярославский будешь?

Первый плотник. Ярославский.

Мосягин. Отчего это у меня, как жара, так ноги пухнут? Пухнут, говорю.

Первый плотник (*осматривает критически*).

Н-да. Коленки-то подгуляли.

Петр (*входит и смеется*). Клопы одни, да и те тоцы-ы-ы. Ну и смрадно же там, братцы мои.

Первый плотник. Ну, старички, пожалуйста.

Мосягин и Петенька уходят, теперь Петенька впереди.

Петр. Ну, с какого угла валить?

Второй плотник (*берет лом и поет*). Эх, во пиру ли я была, во бесе-душке, я не мед пила, а наливочку.

На крыше показывается первый плотник с топором.

Первый плотник. Ну, Господи благослови.

Э-эх! (*ударяет*).

Звук ударов, ломаемого дерева – и песня.

Второй плотник. Я пила, пила, не шаталася...

Занавес.

Текст пьесы Андреева публикуется впервые.

В.Н. КРИВОЛАПОВ

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой литературы Курского государственного университета

E-mail: vladnik@rambler.ru

Тел. (4712) 51 52 89

О БИБЛЕЙСКИХ ПРООБРАЗАХ ГЕРОЕВ ГОНЧАРОВСКОГО РОМАНА («ОБЛОМОВ»)

Манера письма И.А. Гончарова в заключительной части его романа «Обломов» удивительным образом напоминает манеру древнерусских иконописцев, включая «иконписцев словом», т.е. агиографов. Учет этого обстоятельства открывает возможности существенно новой трактовки образа главного героя романа – Ильи Ильича Обломова.

Ключевые слова: древнерусская живопись, свет, агиография, библейские прообразы.

С каким тщанием оформлял И.А. Гончаров возвышенное, исполненное «содержания» чувство, соединившее Ольгу и Штольца. Конструировались декорации, воссоздающие экзотические красоты Швейцарии и Крыма, выстраивалась прихотливая игра света и тени, призванная оттенить сложнейшие перипетии внутренней жизни героев. Напротив, история любви Обломова и Пшеницыной если и декорировалась, то в лучшем случае с использованием кухонной утвари и «кисейных занавесок» работы Агафьи Матвеевны. Место горных вершин и озер заступили огороды, а светотонировки не было никакой: автор выставил ровный, не меняющейся интенсивности и не отбрасывающий теней свет: «В окна с утра до вечера бил радостный луч солнца, полдня на одну сторону, полдня на другую, не загораживаемый ничем благодаря огородам с обеих сторон» [1, 471].

Последние годы жизни Ильи Ильича представляют собой период его окончательного, физического умирания – духовная смерть настигла его раньше, в момент окончательного разрыва с Ольгой. Так полагал Штолец. Такого умозаключения не избежать, если оценивать ситуацию применительно к шкале постренессансных ценностей. Однако всё решительно изменится, если взглянуть на происходящее с позиций «недосыгаемого» (М. М. Бахтин) для художника эпического прошлого. Текст романа предоставляет необходимые для этого основания. В этом случае бывший «идеалист» предстает как полный триумфатор, ибо он, подобно Емеле-дурачку, женится на царевне и живет в полном согласии со сказочным идеалом: жить-поживать да добра (или детей, как настаивал Н. Д. Ахшарумов) наживать... В этом случае и «неинтересная» подсветка выглядит единственно уместной.

В четвертой части романа Обломов достигает полного бесстрастия, «глухоты и невосприимчивости к мирским возбуждениям», «бесстрастного

аскетического покоя», «высшего порядка» как внутри, так и вокруг себя, включая одежду и обстановку в комнатах и на кухне, т. е. проявляется в качестве потенциально иконописного персонажа. Гончаров же вынужден был искать способов адекватного, художественно убедительного выявления соответствующих потенций, иными словами, логика образа побуждала его написать *словесную* икону.

Задача эта – не из новых, а возможности иконописания словом были продемонстрированы еще на рубеже XI – XII вв. одним из древнейших предшественников Гончарова на ниве словесного творчества – преподобным Нестором, когда он писал «Чтение о житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба». С легкой руки академика А. И. Абрамовича, без достаточных, как нам представляется, оснований заявившего, что в литературно-художественном отношении значение этого произведения невелико [2, VII], «Чтение...» традиционно принижается в сравнении с другой версией жития тех же угодников – «Сказанием и страстью и похвалой святым мученикам Борису и Глебу». Между тем, и Нестор, и неизвестный нам автор «Сказания...» решали одну и ту же задачу: максимально убедительно *засвидетельствовать* святость убиенных князей, что представлялось отнюдь не лишним ввиду того, что Борис и Глеб не соответствовали ни одному из известных православной церкви чинов святости, для них невозможно было подобрать «агиографические образцы» [9, 49]. Автор «Сказания...» с исключительной психологической достоверностью воссоздал внутреннее состояние заглавных героев своего сочинения, которые, подобно Христу во время моления о чаше на Масличной горе, пребывали в «тузе и печали», ожидая неотвратимой гибели. В итоге читатель проникнулся чувством глубокого сострадания к безвинно убиенным юношам, принявшим вольную страсть

пусть и не за Христа, как мученики, но во след Христу, подражая Его смирению. После этого необходимость в *свидетельстве* иного рода отпадала.

У Нестора же главным средством *свидетельствования* является не психология (психологические коллизии его сочинения, действительно, не столь интересны), а пластика: «Чтение...» впечатляет тщательно выписанным жестом, позой, мастерски выстроенной «мизансценой». Нестор исключительно убедителен как иконописец *словом*, многие из его эпизодов – это готовые «клейма» для житийной иконы. Он воссоздает эпизоды, подмечает детали, которые, не имея подчас очевидного свидетельского смысла, сами по себе достаточно выразительны... Борис знает о том, что подосланным Святополком убийцам только продолжающаяся заутреня мешает ворваться в шатер. Он дожидается окончания службы, прощается с «отроками», а после этого без видимой необходимости *ложится* на «одр свой» и громко обращается к убийцам: «... Влезыше, братие, скончайте волю пославшего вы» [2, 11]. Автор «Сказания...» на такие незначачие в смысловом плане детали не обращает внимания, не сообщает, стоял или лежал Борис, когда ему были нанесены первые удары. Нестор же заставляет его лечь, сделать дополнительный жест в самый напряженный момент, сообщив тем самым эпизоду зрительную убедительность.

Глеб, завидев убийц, убеждает телохранителей вложить оружие в ножны и оставить ладью – ему, он надеется, удастся отговорить их от преступления... Нестор изображает плывущую по середине реки пустую лодку, в которой стоит оставленный всеми мальчик («велми детеск»); телохранители, «озираясь», наблюдают за происходящим с берега, гребцы, уронив весла, плачут «по святом». Создается впечатление, будто этот эпизод, обстоятельно, во всех деталях прописанный, предназначен для включения в киносценарий.

Столь же тщательно выстраивается и сцена убийства Глеба. И здесь Нестор старается не упустить ни одной детали... Позади юноши сидел повар, которому «окаянный Горясер» и приказал совершить убийство. Он же, уподобившись «Июде предателю», «изволок нож свой и ять святого Глеба за честную главу, хотя и заклати». Но... Глеб начинает молиться, а читатель, словно в режиме «стоп кадра», еще долго созерцает юношу с запрокинутым к небу лицом, над которым палач уже занес нож. И лишь после завершения пространной молитвы «преже реченый повар, став на колену (очередной жест – В.К.), закла и главу святому и пререза гортань его» [2, 13].

Иннокентий Анненский писал о том, что Гончаров «жил и творил главным образом в сфере

зрительных впечатлений» [7, 211], и слова эти с полным основанием можно переадресовать Нестору-создателю «Чтения...», хотя в иных случаях он мог быть не только иконописцем, но и исключительно убедительным психологом: достаточно вспомнить поразительную достоверность в воссоздании неистовой натуры матери преподобного Феодосия или радости юного инок Варлаама, бегом, через весь Киев, возвращающегося из отцовского дома в Антониевы пещеры, откуда его за несколько дней до этого насильно увели.

Напоминать о возможностях психолога Гончарова излишне. Однако в тех главах четвертой части, где главным действующим лицом является Обломов, писатель остается сам и удерживает читателя по преимуществу «в сфере зрительных впечатлений». Психологии по-прежнему много в сценах Ольги и Штольца, присутствует она в рассказе о потаенной любви Агафьи Матвеевны, в случаях же с Обломовым его внутренние состояния, когда автор изредка проявляет к ним интерес, не воссоздаются, а называются. Но даже подобных случаев немного, ибо Гончаров роли всеведущего автора предпочитает позицию живописца. Оно и понятно, ибо Обломов победил страсти, а бесстрастный человек, во-первых, мало интересен для традиционной психологии, а во-вторых, бесстрастие побуждает художника актуализировать иные, иконописные традиции созидания образа.

Нестор в своей словесной иконе святых страстотерпцев уделит первостепенное внимание жесту. Гончаров – свету, хотя и жест не остался без внимания, но не обломовский. Как ни странно, но в IX главе заключительной части героя почти не видно – описывается окружающая его обстановка и люди, Обломов же появляется исключительно редко: после сообщения о случившемся с ним ударе, после неожиданного приезда Штольца...

Человек, чьи вкусы воспитаны живописью Ренессанса и постренессансной эпохи, сочтет «подсветку» IX главы «неинтересной», однако на словесной иконе она, как уже отмечалось, выглядит единственно уместной. Прежде всего потому, что православная икона, писанная красками, тоже не знает игры светотени: «здесь всё пронизано божественным светом, и поэтому предметы не освещены с той или иной стороны каким-либо источником света; они не отбрасывают теней, ибо теней нет в Царствии Божием» [8, 154]. Источники света указывались и назывались в сцене «допроса», учиненного Штольцем Ольге (гл. IV части четвертой): окно, у которого сидела девушка, подсвечник с двумя свечами... В комнату Обломова свет вливался со всех сторон, поэтому «пронизывал» всё, т. е. эффект

был вполне иконописный. Здесь невозможно было, отвернувшись в сторону, спрятать глаза, как это пыталась сделать Ольга во время «допроса», – тень здесь полностью отсутствовала.

Один источник света в IX главе всё же указывается – это «тихо и покойно утопающее в пожаре зари вечернее солнце» [1, 474], которое Обломов провожал «задумчивым» взглядом. Но этот источник тоже не дает тени, он лишь усиливает интенсивность и насыщенность света. Согласно одному из толкований, оранжевый цвет, преобладающий в закатной палитре, означает «благодать Божию, преодолевающую материальность». Иными словами, это цвет, словно специально предназначенный для того, чтобы служить фоном для «идеалиста», которого окружающий мир угнетает уже фактом своей материальности. Случайно ли уже в первых главах первой части романа солнце названо «любимым светилом» [1, 75] Обломова? И случайно ли несколько раз повторяется картина того, как он провожал это «светило» всё тем же «задумчивым взглядом и печальной улыбкой» [1, 67] то за четырехэтажный дом, когда созерцал его сквозь не очень чистые окна своей квартиры на Гороховой, то «за знакомый березняк», когда мечтал о «райском, желанном житье» [1, 77] в Обломовке?

Закатный пейзаж, хорошо знакомый русскому читателю еще со времен публикации первых элгий Жуковского, вполне соответствовал романтическому мироощущению мечтателя-идеалиста, хотя никаких других атрибутов этого пейзажа не было – если они и появлялись, то лишь в мечтах героя. В реальности же закатный свет контрастировал со звуками материального и отнюдь не идеального мира – «стук топоров, крик рабочих...», а это, в свою очередь, усугубляло душевные страдания Обломова: «Ах! – горестно вслух вздохнул Илья Ильич. – Что за жизнь! Какое безобразие этот столичный шум!.. Когда в поля, в родные рощи?» [1, 77]. В заключительных же главах, в обстановке полного порядка, мира и тишины, когда уже ни о чем мечтать не приходилось и вся полнота бытия сосредоточилась в одной временной и пространственной точке, закатный свет дополнял картину всеобщей гармонии, райской, иконописной тишины и, конечно же, содержал намек на исполнение обломовских чаяний.

Вместе с тем, оранжевые, закатные тона представляют собой лишь оттенок, тогда как бесспорно доминирующим, заполняющим всё жизненное пространство Обломова является беспримесный солнечный свет, наиболее адекватным соответствием которому является золото.¹ Вполне естествен-

ным выглядит замечание, резюмирующее рассказ о пребывании Ильи Ильича в потоках неугасающего света, что он «жил как будто в золотой рамке» [1, 472]. О подобных соответствиях можно говорить и применительно к иконе. Как никто подробно, об этом писал только что процитированный о. Павел Флоренский, убежденный в том, что золото для канонической иконы «является обязательным», ибо оно и «есть чистый беспримесный свет» [10, 116]. Применительно к иконе – не солнечный, а нетварный, свидетельствующий о присутствии в мире божественных энергий. Если вспомнить о том, что фон иконы называется «светом», что «икона пишется на свету» [10, 119], то станет понятно, что золото фона, если оно имеется, – это не декоративные изыски иконописца или прихоть богатого заказчика, а строгое следование каноническому предписанию.

«Византийские иконы и мозаики, – пишет по тому же поводу В. Н. Лазарев, – имеют абстрактный золотой фон, заменяющий реальное трехмерное пространство. Этот золотой фон изолировал любое изображенное на нем явление, вырывая его из реального круговорота жизни. Явление оказывалось тем самым вознесенным в идеальный мир, оторванный от земли и ее физических законов» [5, 18]. Такой же фон использовал и Гончаров, создавая иконописную версию последних лет жизни своего идеалиста, «вырванного из круговорота жизни». При этом у него, иконописца словом, было даже определенное преимущество перед теми, кто традиционно пользовался красками: словом он мог изобразить и сам свет, беспрепятственно вливающийся в комнату сразу со всех сторон, и заключить изображение в символически соответствующую свету «золотую рамку».

На идиллических страницах IX главы, воссоздающих обстановку «высшего порядка», атмосферу чистоты, свежести, света, Обломова практически не видно. Автор описывает не героя, а всё, что его окружает: его присутствие подразумевается, оно ощущается, всё, имеющееся в наличии, возникает вокруг него и лишь благодаря ему, но его читатель не видит. И это не случайно, потому что «покой, довольство и безмятежная тишина», осознание того, что «ему некуда больше идти, нечего искать», сообщали Обломову состояние абсолютной статичности, избавляли от необходимости проявить себя хотя бы жестом. И это опять иконописная черта, ибо в иконе, в отличие от картины, «лики неподвижны и статичны». А «статичность иконы – <...> это преодоление самого времени, как отсутствие движения во времени и пространстве, как жизнь в других измерениях» [6, 52]. Очень скоро и время, и пространство действительно будут преодолены:

¹ «Золото, металл солнца, потому-то и не имеет цвета, что почти тождественно с солнечным светом». [10, 119].

Обломов погрузится в «загадочное состояние», «не сон и не бдение», «настоящее и прошлое сольются и перемешаются» [1, 480] и он окажется подле давно умерших родителей, здесь же будет Агафья Матвеевна... Заметным же Обломов становился только тогда, когда вновь «восставали забытые воспоминания», оживали «неисполненные мечты», т. е. происходила «разбалансировка» его внутреннего мира – и он проявлял себя хотя бы жестом: спал «неспокойно», «вскакивал с постели», иногда плакал «холодными слезами безнадёжности».

В «тонком сне» Обломову мерещилось, будто «он достиг той обетованной земли, где текут реки меда и молока» [1, 480], хотя засыпать для того, чтобы оказаться в раю, не было никакой необходимости – рай окружал героя и наяву. Царство немеркнущего света, где не было никакой тьмы («темная нора» Захара, изобилующая пылью и пауками, своего рода преисподняя в миниатюре, только оттеняла «чистоту и свежесть» остального пространства, подобно тому, как черное пятно вертепа на иконе Рождества Христова символизирует «страну и сень смертную», где пребывали люди, пока не «возсиял» на них свет Боговоплощения), пение птиц (канареек), убажывавшее слух Ильи Ильича, аромат экзотических цветов (гиацинтов), услаждавший его обоняние, – всё это слагалось во вполне «райскую» картину.

В числе агиографических и фольклорных образов Обломова чаще других называют Илью Муромца, упомянутого самим автором среди прочих «наших Ахиллов и Улиссов», т. е. русских богатырей. Возьмемся напомнить еще об одном прототипе. Подобно муромскому богатырю, он также тезоименит гончаровскому герою, и, несмотря на то, что истолкователи романа о нем никогда не вспоминают, писатель напоминает о нем настойчиво, многократно. Речь об Илье Пророке.

Несмотря на то, что библейский сюжет хорошо известен, воспроизведем некоторые обстоятельства... После того, как Илия предсказал царю Ахаву многолетнюю засуху в земле Израильской, а тот воздвиг на него гонения, Илия, по слову Господа, укрылся у потока Хораф, куда «вороны приносили ему хлеб и мясо по утру, и хлеб и мясо по вечеру, а из потока он пил». Таким образом, не имея «трехсот Захаров», он был избавлен от забот о хлебе насущном. Когда поток высох, «было к нему слово Господне: встань и пойди в Сарепту Сидонскую, и оставайся там; Я повелел там женщине вдове кормить тебя». И вдова взялась кормить Илию, хотя в кадке у нее оставалась только горсть муки, а в кувшине совсем немного масла. Она готова была отдать пророку последнее, а сама с сыном готова была умереть. Но «мука в кадке не истощалась, и

масло в кувшине не убывало, по слову Господа, которое Он изрек через Илию» (3 Книга Царств. 17. 6, 9, 16). Так, благодаря библейскому прообразу Обломова, открывается библейский же прообраз вдовы Пшеницыной, отдававшей последнее своему «постояльцу». Однако не это главное.

Одно упоминание имени Илии Фесвитянина актуализирует сферы сакрального, мифологического, архетипического... Имя это относится к категории теофорных, т. е. однокоренных какому-либо из Имен Божиих в Ветхом Завете. В церковной традиции переводить его как «Крепость Господня», однако, Илья – это, фактически, и есть славянская транскрипция одного из главных именований Всевышнего: Ягве, Иегова, Элогим. Имя Обломова включает двукратное напоминание о пророке – он Илья Ильич. Вспоминается о нем и в «Сне Обломова», в связи с тем, что всякий раз на Ильин день гремела над Обломовкой гроза. Опять же на Ильин день, в свои именины, Обломов потрясал гостей изысканностью праздничного стола. А женившись на Агафье Матвеевне и окончательно водворившись на Выборгской стороне (в «Сарепте Сидонской?»), принимал участие в ежегодных пикниках на Пороховых Заводах, которые проходили в Ильинскую пятницу. Даже фамилия главной героини романа происходит от того же имени: «Большой художник не дает зря фамилий своим героям, – справедливо замечает В. Кантор, – <...> почему – Ильинская. Да потому, что она предназначена И л ь е, она – его, Ильинская...» [3, 177]. В устах Захара эта «предназначенность» проявлялась с еще большей очевидностью: в его устах Ольга Сергеевна неизменно оставалась «Ильинской барышней».

Если зря не даются фамилии, то тем более не бывает случайно данных имен – особенно трудно допустить такое, когда сам автор настойчиво об этом имени и, главное, о его библейском носителе напоминает. Почему Илья, а не привычные для русской среды Иван или, скажем, Емеля? Следует учитывать, что художник, подбиравший «неслучайные» имена и фамилии, в течение всей своей жизни упорно стремился к воссозданию в своих произведениях духовных сущностей в предельно очищенном, разматериализованном виде. А из всех «земнородных», сколько их было с момента творения мира, никто не может претендовать на статус «в высшей степени идеалиста» с большим основанием, чем Илия Фесвитянин, что «из жителей Галаадских». И не только потому, что являлся носителем теофорного имени, а и вследствие того, что единственный из всех людей на «колеснице огненной» и «конях огненных», он был «вознесен в вихре на небо», т. е. оставаясь человеком, плотию вошел в Царство

Небесное. Не о том ли мечтал Илья Ильич Обломов, чтобы, оставаясь плотским существом, одновременно стать небожителем, воссоздать вокруг себя

«идеал утраченного рая», где «настанет райское, желанное житье», где «будет вечное лето, вечное веселье, сладкая еда да сладкая лень...» [1, 77].

Библиографический список

1. Гончаров И.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 4.
2. Житие святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати А.И. Абрамович. Пг., 1916.
3. Кантор В. Долгий навек к сну (Размышления о романе И.А. Гончарова «Обломов»). Вопросы литературы. 1989. № 1. С. 149-185.
4. Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986.
5. Рафаил (Карелин), архимандрит. О языке православной иконы. Православная икона. Канон и стиль. М., 1998.
6. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. М. Л., 1991.
7. Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. Б. м., б. г.
8. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990.
9. Флоренский П.А. Иконостас. М., 1994.

V.N. KRIVOLAPOV

THE BIBLE PROTOTYPES OF GONTCHAROV'S HEROES ("OBLOMOV")

This article is devoted to the traditions of Old Russian painting in I.A. Gontcharov's creativity and to bible prototypes of the novel "Oblomov" heroes.

Key words: *light, saintlike, iconology, bible prototypes.*

И.В. ЛУКИН

аспирант кафедры русской литературы
XI–XIX веков Орловского государственного уни-
верситета
E-mail: LUKINGOR@yandex.ru

МИФОПОЭТИКА «ОТЛУЧКИ» В РАССКАЗЕ А.П. ПЛАТОНОВА «РЕКА ПОТУДАНЬ»

В статье вскрываются элементы мифопоэтической традиции в рассказе А. П. Платонова «Река Потудань». Анализ взаимосвязей творчества Платонова с мифологией и фольклором помогает полнее и точнее сформулировать суть основного конфликта и художественной идеи рассказа А. П. Платонова.

Ключевые слова: Платонов, Фирсов, мифология, фольклор, иной мир.

В 1937-ом году вышел сборник рассказов Андрея Платонова «Река Потудань». Название книге дал один из рассказов, включённых в состав сборника, что позволяет считать этот рассказ ключевым в замысле автора.

«Река Потудань» – произведение о судьбах людей, прошедших через испытания гражданской войны. В центре этого рассказа стоит красноармеец Никита Фирсов, который на три года покинул дом, чтобы сражаться с врагами новой власти. По окончании войны Фирсов возвращается в родной город, но вместо радостей мирной жизни, молодого человека ожидают новые мучения. Война слишком изменила Никиту и других демобилизованных солдат, заставила их «жить точно впервые» [12: 425]. Возможно, поэтому в начале рассказа Никита описан как чужак на родной земле: «...точно пешеход был нездешний» [12: 426]. Фирсову тяжело освоиться на прежнем месте, и даже обретение любви становится для него мучением. Начало послевоенной жизни для Никиты сопровождается обилием кошмаров, болезней, он постоянно впадает в беспмятство и безнадежность. Война уничтожила прежнюю человеческую суть Фирсова, ввергнув его в мучительные поиски новой идентичности. В платоноведении широко распространён термин *квасисмерть*, применимый и к главному герою рассказа «Река Потудань»: Фирсов на войне испытывает духовное умерщвление, теряет свою прежнюю личность. Тяжёлое столкновение Никиты с новой реальностью и поиски в ней себя – основной конфликт произведения.

Рассказ «Река Потудань» вобрал в себя многие идеи и мотивы художественного мира Платонова. Н. Малыгина постулирует положение о типичном герое Платонова и замечает, что ему свойственно «погружение на «дно» жизни: в яму, в могилу, «растворение» в космосе, воде, предполагающее будущее воскрешение» [11: 63]. Полагая, что идея жизни, следующей за квасисмертью, позволила рассказу

«Река Потудань» дать имя сборнику 1937-го года.

В изучении художественного мира Платонова важную роль играет поиск интертекстуальных связей его прозы с мифопоэтической традицией. Такой подход оправдан тем, что позволяет отчётливо увидеть идею, подтекст многих произведений Платонова. В частности, рассказ «Река Потудань» несёт в себе элементы фольклорного повествования, насыщен мифопоэтической семантикой иного мира, временной смерти и др. Выявление интертекстуальных связей произведения с архаической традицией подтверждает гипотезу о квасисмерти Фирсова, или, по Н. Малыгиной, «погружения на «дно» жизни» [11: 63]. Связь рассказа «Река Потудань» с мифопоэтическими текстами усиливает и идею возрождения его героев.

Цель статьи – формулировка центральной идеи рассказа «Река Потудань» с помощью анализа его мифопоэтической составляющей.

Роль фольклоризма в платоновском тексте

Многие произведения Платонова начинаются с того, что его герои покидают дом, семью, а затем в уже обновлённом качестве возвращаются на Родину. Так, например, построены рассказы «Возвращение», «Родина электричества», повесть «Джан», в том числе и интересующий нас рассказ «Река Потудань». В.Я. Пропп в книге «Исторические корни волшебной сказки» пишет о том, что множество сказочных сюжетов начинается с ухода, отбытия героев из дома, и именно вокруг этого в фольклорном повествовании разворачивается основной конфликт. Зачастую своего апогея «отлучка» персонажей в сказке достигает во время их смерти или временной смерти. В этой работе мы намерены выявить связь между отлучками героев из рассказа «Река Потудань» и мифолого-фольклорными текстами, которые строятся вокруг подобного мотива.

Уход Никиты Фирсова на войну как литературный аналог мифопоэтической отлучки в иной мир

«Река Потудань» состоит из целой череды уходов, отлучек персонажей этого произведения. Повествование рассказа начинается с того, как Никита Фирсов возвращается домой после гражданской войны, но сведения об отбытии этого героя из родной земли, о том, что происходило на полях сражений, даются автором отрывочно. То есть, о самой первой отлучке Фирсова, которая подготовила его последующее возвращение, мы знаем немного, однако этот элемент имеет в произведении большое значение, служит основанием для последующих событий «Реки Потудани». Перед описанием возвращения с войны Никиты Фирсова Платонов даёт характеристику всех демобилизованных солдат, и здесь необходимо отметить следующие слова: «душа их уже переменялась в мучении войны, в болезнях и в счастье победы, — они шли теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад, потому что они превратились совсем в других людей» [12: 425]. Выше Платонов пишет, что демобилизованные солдаты шли с «обмершим, удивлённым сердцем» [12: 425]. Мы видим, что участники войны совершенно переменялись со времени их отбытия из дома, стали узнавать всё заново, как новорождённые (в этом плане солдаты сближаются с травой, которую Платонов описывает в самом начале рассказа: трава умерла, оказалась затоптанной, но, затем, «опять отросла» [12: 425]). Омертвелое сердце солдат снова начало возвращаться к жизни после гражданской войны, которую можно рассматривать как аналог мифолого-фольклорной временной смерти. Описывая древний обряд посвящения, послуживший основой для многих фольклорных сюжетов, В.Я. Пропп пишет: «Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком. Это — так называемая временная смерть [13: 56] (или *квасисмерть*)».

В связи с мотивами временной смерти и воскрешения в «Реке Потудани» необходимо отметить некоторые детали рассказа, свидетельствующие о его связи с мифолого-фольклорной традицией. Фирсов описан как человек, идущий «По взгорью, что далеко простёрто над рекою Потудань» [12: 426]. При описании родины Фирсова читаем: «То было покато, медленное нагорье, подымавшееся от берегов Потудани к ржаным, возвышенным полям [12: 427]. Из приведённых отрывков следует, что путь Фирсова лежит вверх, он описан как человек поднимающийся. Оппозиция верха и низа имеет большое значение и в мифолого-фольклорных текстах,

и в творчестве Платонова. Описания городов или деревень, расположенных в низине, характеризуются в текстах Платонова наличием интертекстуальных связей с мифопоэтическими описаниями иного мира (см. «Чевенгур», «Родина электричества», «Джан» и др.). Отсюда можно заключить, что отлучка Фирсова на гражданскую войну явилась своеобразной отлучкой в иной мир, расположенный ниже родины главного героя, под нагорьем, которое описано в начале рассказа. В «яме» гражданской войны Фирсов перенёс квазисмерть с последующим изменением своей человеческой сущности (см. первые строки «Реки Потудани»). О том, что Фирсов отлучился когда-то не просто на войну, а в платоновский вариант мифологического иного мира, говорит ещё и само название рассказа — «Река Потудань». Поэтика этого заглавия изучалась многократно, в ракурсе нашей темы укажем на гипотезу Александра Лысова, полагающего, что река в рассказе «...это ещё и *дань по ту сторону* нашего органического бытия, стремление *по ту даль*» [10: 379]. Фирсов возвращается к себе домой из мира, который лежит *по ту сторону* реки Потудань, то есть из мира, сопоставимого с потусторонним измерением сказок и мифологических легенд. Образ реки, как и образ горы, отмеченный нами, служит в мифопоэтическом творчестве обозначением границы между «тем» и «этим» мирами, а, учитывая начало рассказа, где говорится, что красноармейцы «шли теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад» [12: 425], необходимо указать на мифологический образ Забыть-реки (см. об этом образе ниже).

Говоря о мотиве отлучки в «Реке Потудани», следует обратить внимание на то, что Фирсов находится вне дома три года: «Здесь пахло тем же запахом, что и в детстве, что и три года назад, когда он ушёл на войну» [12: 428]. Долгота пути персонажей волшебных сказок к иному миру и их пребывание там связаны, как правило, с числом три (Аф., 129; 130). Это в очередной раз наталкивает нас на связь «Реки Потудани» с мифопоэтической традицией в описании иного мира. Образ Никиты Фирсова также показателен в плане близости платоновского творчества с фольклором. Фирсов в семье своего отца — «последний», третий сын, который, подобно двум своим братьям, отлучился из дома на войну, но единственный вернулся живым. В сказке именно третий, младший сын после обоих своих братьев покидает дом, и только ему удаётся вызволить из иного мира мать или достать предметы, находящиеся в потустороннем измерении (например, молодильные яблоки, живую воду и т.д.).

В.Я. Пропп, анализируя волшебную сказку,

пишет об одном мотиве, который также, по нашему мнению, имеет прямое отношение к отлучке Никиты Фирсова на войну и его пребыванию вне дома. Фольклорист, анализируя сказку «Хитрая наука» (Аф. 249–253), обращается к ситуации, когда отец отправляет сына к обитателю иного царства (лесному учителю, старику, лешему и т.д.). Срок обучения длится в большинстве случаев три года. В начале рассказа «Река Потудань» автор описывает демобилизованных солдат, которые после войны не имели возможности сразу вернуться домой, но «задержались по трудовым армиям, где занимались разным незнакомым ремеслом и тосковали» [12: 426]. Это сходство между фольклорными текстами и рассказом Платонова подкрепляет нашу гипотезу о том, что Фирсов удалился не просто на войну, а в литературный аналог мифологического иного мира.

Различные формы беспамятства Фирсова как отлучки

В рамках «большого» возвращения Фирсова (возвращения с войны, положившего начало действию рассказа) наблюдается локальная отлучка этого героя – сон около ручья. Практически ни одно исследование «Реки Потудани» не обходится без рассмотрения этого важнейшего элемента текста. В.А. Лукин уподобляет сон Фирсова «символической загадке, понять и разгадать которую получатель должен в последующем тексте» [9: 107]. Исследователь соотносит описание сна Фирсова с другими фрагментами «Реки Потудани», раскрывая его смысловое значение. Действительно, сон Фирсова должен быть рассмотрен не изолированно, а в связи с другими сценами, где герои рассказа спят или хотят спать, Никита погружается в состояние беспамятства или бреда. Такой подход обусловлен тем, что сон, амнезия в «Реке Потудани» имеют между собой много общего, несут сходную семантику и имеют одни мифолого-фольклорные истоки.

Ранее было отмечено, что сон Фирсова – отлучка. Согласно славянским мифологическим воззрениям «сон – состояние человека, воспринимаемое как близкое к смерти («вечному сну»)» [4: 445]. М. Элиаде указывает, что «сон (Hypnos) – близнец Танатоса (Смерти), и в Греции, и в Индии, так же как и у гностиков слово «будить» имело сотериологическое значение в широком смысле слова» [14: 430]. А Л. В. Карасёв уже в связи с героями Платонова приходит к выводу, что «сон – временная смерть» и что «заснуть – значит, умереть, а умереть – значит, заснуть» [7: 30]. Таким образом, связь сна и смерти коренится в древних мифологических представлениях, и это проясняет сны героев Платонова.

Необходимо добавить, что по народным пред-

ставлениям сон представляет собой возможность совершить путешествие в иной мир, сон – состояние человека, когда его душа временно покидает тело и способна узнать о том, что находится за гранью жизни (ср. фольклорный жанр обмирания). Большое значение в этом плане имеет то, что Фирсов заснул неподалёку от реки Потудани и ручья, впадающего в неё, ибо «места у воды» являются одним из входов в иной мир, «зону смерти». [См.: 5: 463.].

В народной культуре существуют запреты, связанные со сном: «Опасно спать с открытым ртом, так как в человека может вселиться чёрт или заползти змея» [4: 445]. «Маленькое, упитанное животное, вроде полевого зверька» [12: 426], которое забралось внутрь Фирсова, чтобы «сжечь его дыхание» [12: 426] сходно со змеей, могущей, по народным представлениям, заползти спящему в рот. Конечно, сон Фирсова имеет метафорическое значение, иносказательно повествует о процессах, происходящих внутри главного героя. Так, наблюдается сходство между кошмарным сновидением Фирсова и фигурками, которые он лепил после работы: «он садился на пол и лепил из глины фигурки людей и разные предметы, не имеющие подобия и назначения, – просто мёртвые вымыслы в виде горы с выросшей из неё *головой животного* или корневища дерева, причём корень был как бы обыкновенный, но столь запутанный, непроходимый, *впившийся одним своим отростком в другой, грызущий и мучающий сам себя*, что от долгого наблюдения этого корня *хотелось спать*» [12: 446] (здесь и далее курсивом обозначены места, которые семантически близки со сном Фирсова). Очевидно, что глиняный корень, как и животное из сновидения, также является метафорой. В. А. Лукин полагает, что референтом корня является «мучающее Никиту осознание собственного бессилия» [9: 108]. Это осознание, как видно, неоднократно сопряжено в тексте с мотивом сна, который является в творчестве Платонова формой временной смерти героя. По замечаниям исследователя, референт корня и животного встречается в тексте не один раз и принимает различные формы. Это наблюдается, в частности, в следующем отрывке: «Он [Фирсов – И.Л.] сел на стул и пригорюнился: Люба теперь, наверно, велит ему уйти к отцу навсегда, потому что, оказывается, надо уметь наслаждаться, а Никита не может мучить Любу ради своего счастья, *и у него вся сила бьётся в сердце, приливает к горлу, не останавливаясь больше нигде*» [12: 444] Наконец, при соотнесении описания сна Фирсова и сцены с лепкой фигур из глины с описанием бреда Никиты, находятся места, которые сближают эти три отрыв-

ка и помогают окончательно установить референт животного из кошмара и глиняного корня: «Под вечер он потерял память; сначала он видел всё время потолок и двух *предсмертных* мух на нём, приютившихся погреться там *для продолжения жизни*, а потом эти предметы стали вызывать в нём тоску, отвращение, – *потолок и мухи словно забрались к нему внутрь мозга*, их нельзя было изгнать оттуда и перестать думать о них всё более увеличивающейся мыслью, съедающей уже головные кости. *Никита закрыл глаза, но мухи кипели в его мозгу*, он вскочил с кровати, чтобы прогнать мух с потолка, и упал обратно на подушку» [12: 438]. Сопоставление семантически близких фрагментов текста, связанных с состояниями сна и бреда, даёт основания для вывода, что «упитанное животное» [12: 426] – «это второе «Я» Никиты Фирсова, грызущее и мучающее его» [9: 109] и что «бессилие Никиты Фирсова – «мёртвый вымысел» его второго «Я», подобный страшному сну» [9: 109].

Как видно, сон в «Реке Потудани» сопровождается для Фирсова обилием чудовищ и кошмарных состояний, сон и болезнь Никиты несут в себе танатологическую семантику. В начале рассказа говорится о том, что демобилизованные солдаты «шли теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад» [12: 425]. Этот мотив беспамятства фигурирует и в описании болезни Фирсова и в той части рассказа, где он удаляется в Кантемировку. Описания сна и болезни, во время которой Никита потерял память, семантически близки друг с другом, характеризуются наличием «мёртвых вымыслов» [12: 446]. Состояние беспамятства в рассказе – это временная смерть истинной сути Фирсова, пробуждение его кошмарного второго «Я». Мотивы забвения, сна довольно частотны в мифологии и фольклоре, причём исследователи (например, Элиаде) рассматривают их в совокупности, не проводя чётких разделений. Потеря памяти – один из мифолого-фольклорных признаков нахождения героя в ином мире, а, значит, форма отлучки. На основании сказанного необходимо чётко отметить, что не только сон Фирсова, но и близкая к нему по семантике болезнь этого героя является отлучкой. Об этом говорит, во-первых, амнезия, настигшая Никиту во время болезни, и, во-вторых, следующие строки: «Болезнь стремилась увлечь его на сияющий, пустой горизонт – в открытое море, чтоб он там отдохнул на медленных, тяжёлых волнах» [12: 439]. В.И. Ерёмина, исследуя мифологическую составляющую фольклорного творчества, отметила, что в славянских лирических песнях море является символом всё того же иного мира, в который отправляются либо рекруты, либо

покойники, либо другие персонажи, переходящие в качественно новую форму существования [См.: 5: 26]. То же относимо и к мифопоэтическому образу горизонта [См.: 3: 462].

Но особое значение сон, амнезия, бред и прочие подобные состояния имеют в философской системе гностицизма и в гностических мифах. Хелли Костов отметила, что Платонов, создавая собственную мифопоэтику, во многом ориентировался на русский символизм с его увлечённостью эсхатологией, мистическими учениями и гностицизмом [См.: 8: 48]. Исследователь мифологии и религии Мирча Элиаде отмечает: «Амнезия (т.е. утрата собственной идентичности), сон, опьянение, оцепенение, падение, тоска по утраченной родине выстраиваются в ряд типичных гностических символов и образов» [14: 427] (Все перечисленные учёным явления характерны и для творчества Платонова). Гностики считали, что сон и беспамятство ведут человека к потере его истинного «Я», вернуть которое способны пробуждение и анамнез. В философской системе гностицизма сон и амнезия сравнимы с неведением и смертью, вторгаются человека в плен другой, не принадлежащей ему сущности. В гностических мифах возвращение человеку его истинного «Я» происходит при участии помощника, который помогает ему пробудиться и вспомнить прошлую жизнь. Заключая анализ гностических образов, Элиаде пишет: «неведение, амнезия, плен, сон, опьянение – становятся в гностической проповеди метафорами *духовной смерти*. Знание даёт подлинную жизнь, т.е. спасение и бессмертие» [14: 431]. И, действительно, именно в процессе сна Фирсов едва не стал пленником ложной сути, олицетворённой в виде глиняных «мёртвых вымыслов» [12: 446].

Мифопоэтика образа отца Фирсова. Роль описания зимы

Особого рассмотрения требует образ отца Фирсова. В сказочной традиции все коллизии героев начинаются с отбытия героев из отчего дома, как правило, именно по заданию отца герой волшебной сказки отправляется в иной мир (это подтверждает и сюжет «Хитрой науки», упомянутый выше). Поэтому неоднократные отбытия Фирсова из отчего дома рассматриваются нами как «отлучки». Впервые Фирсов покинул отца, отправившись на войну, затем во время болезни, когда жил в доме Любы. Уйдя в Кантемировку, Никита покинул не только жену, но и в очередной раз потерял связь с отцом. Одно из отбытий Никиты из отчего дома происходит зимой, когда он уехал из города, «чтобы скорее перетерпеть срок до совместной жизни с Любой» [12: 441]. Вероятно, Фирсов покинул отца

и невесту, чтобы ослабить память о ней, то есть в очередной раз забыть. Амнезия – одна из особенностей нахождения мифопоэтических героев в ином мире, что укрепляет гипотезу о связи зимнего отбытия Никиты с мифопоэтической традицией в описании потустороннего пространства. Кроме того, находясь вне дома до весны, Фирсов однажды «спал в пустом классе на полу...» [12: 442]. Н.М. Малыгина пишет, что сон на полу (или земле) неоднократно встречается в творчестве Платонова и символизирует временную смерть героя, являет собой форму его упадка [См.: 11: 55].

Наконец, в тексте присутствует ещё одно, ключевое, отбытие Фирсова из отчего дома – брак Никиты. Перед женитьбой Никиты чувства его отца описываются следующим образом: «Сын вот только явился с войны и опять уходит из дома, теперь уже навсегда» [12: 442]. По замечаниям В.И. Ерёминой, в народном сознании свадьба тесно связывалась со смертью, свадебный и похоронный обряды несли в себе много общего, символизировали переход человека в новое качество, причём, родители невесты всячески подчёркивали в лирических песнях, что их дочь никогда не вернётся из дома жениха [См. 5: 91, 121] (у Платонова обратная ситуация). Однако сомнительно, что свадьба Фирсова в «Реке Потудани» может считаться отлучкой: в сказочном повествовании вслед за отбытием героя наступает его возвращение, а Фирсов покидает отца навсегда. В волшебной сказке свадьба происходит уже после прибытия героев из иного мира, поэтому не может считаться отлучкой. Помимо прочего, сказочная свадьба не акцентирует внимания на потере родителем своего ребёнка; мотивы отлучки и подготовки к пути присутствуют в начале, когда отец или царь отправляют сына в иной мир, но не при описании брака.

Возвращения из иного мира сказочных персонажей, как и возвращения Фирсова из литературного аналога потустороннего измерения, зачастую знаменуются свиданием с отцом после разлуки. Сцены встреч Никиты с отцом присутствуют в рассказе неоднократно: после возвращения героя с войны, после болезни Фирсова (когда «отец обрадовался возвращению сына» [12: 440] из дома Любы). Именно встреча с отцом послужила толчком к возвращению Фирсова в город после зимнего отбытия и бегства в Кантемировку. Это даёт основания утверждать, что безымянный отец Никиты несёт в себе не только черты фольклорного персонажа, посылающего своих детей за грани обычного мира, но выполняет и функции, сходные с функциями сказочных волшебных помощников.

Жизнь героев рассказа «Река Потудань» неза-

долго до свадьбы имеет значение не только в связи с зимним уходом Фирсова из дома (это отбытие послужило во многом своеобразной репетицией, предлюдией к бегству Никиты в Кантемировку). Зима перед браком Никиты и Любы показывает, что приход Фирсова на родину после войны не явился в полном смысле слова возвращением, воскрешением после временной смерти героя, что подтверждают слова: «Река Потудань тоже всю зиму таилась подо льдом, и озимые хлеба дремали под снегом, – эти явления природы успокаивали и даже утешали Никиту Фирсова: не одно его сердце лежит в погребении перед весной» [12: 441]. Этот отрывок относит читателя к началу рассказа, где сердце демобилизованных солдат названо «обмершим» [12: 425]. Зима перед браком Никиты несёт на себе черты фольклорного параллелизма: она сливается с душевным состоянием Фирсова, отражает его состояние. Описание зимы в рассказе соотносимо и с описанием болезни Никиты: «Но деревья, травы и зародыши мух ещё спали в глубине своих сил и в зачатке» [12: 441]. Во время болезни Никита испытал отвращение при виде мух на потолке. Спящие зародыши мух являются метафорой спящей половой силы Фирсова, его нераскрытой энергии (мухи во время болезни Фирсова занимались «продолжением жизни» [12: 438], то есть тем, что сам он долгое время сделать был не в силах). Таким образом, описание зимы в рассказе имеет множество автоинтертекстуальных связей с различными его частями и является метафорическим изображением основного конфликта произведения.

Последняя отлучка Фирсова. Квасисмерть и воскрешение Любы

Пожалуй, всё сказанное о мифолого-фольклорных мотивах отлучки находит отражение в описании бегства Никиты в слободу Кантемировку. Никита удаляется из дома своей жены и находит пристанище на базаре, где проводит время в занятиях грязной работой и сне. Базарный сторож замечает незнакомого бродягу и даёт ему скудное пропитание за выполнение различных чёрных обязанностей: уборку публичных мест, рытьё ям для нечистот и т.д. На базаре Фирсов отвыкает говорить, описывается как «немой человек» [12: 450]. Это в очередной раз наталкивает на связь рассказа «Река Потудань» с мифопоэтической традицией. Немота в народном сознании «выявляет принадлежность того или иного существа к потустороннему миру» [1: 303]. В мифологии немой человек воспринимается как чужой, нечистый (в глазах базарного сторожа Фирсов выглядит «чужим, утомлённым существом» [12: 449]). В связи с мотивами

сна необходимо особо подчеркнуть, что Фирсов, находясь в Кантемировке, постоянно спит – это также относит рассказ к мифопоэтической традиции в описании иного мира и к учению гностиков о состоянии сна как духовной смерти человека, особенно с учётом того, что сон Никиты на базаре соседствует с беспамятством: «Отвыкнув сначала говорить, он и думать, вспоминать и мучиться стал меньше» [12: 450], и «многолюдство народа, шум голосов, ежедневные события отвлекали его от памяти по самому себе и от своих интересов – пищи, отдыха, желания увидеть отца» [12: 450]. Вдобавок, сон Никиты в Кантемировке снова связан с мотивами земли, низа: «он спал на крышке выгребной ямы за отхожим местом» [12: 449]. В другом месте рассказа описано, как Фирсов засыпает «в пустом ящике» [12: 450] (Умозрительно это вызывает ассоциации с покойником в гробу). Базар в «Реке Потудани» характеризуется ещё одним танатологическим мотивом – пищей, которую ест Никита. Фирсову сторож выделяет еду, взятую из помойного места, то есть нечистую, несвежую. Л.Н. Виноградова отмечает: «Обратность того света по отношению к земному миру может быть отмечена и в поверьях, по которым умершие питаются антипищей (падалью, навозом)» [3: 463]. О роли пищи писал и В.Я. Пропп, отмечая, что герой волшебной сказки, стремящийся в иной мир, в избушке яги обязательно должен есть то, что ему предложат. Исследователь замечает, что, по народным представлениям, «человеку, желающему пробраться в царство мёртвых, предлагается особого рода еда» [13: 67] и, «приобщившись к еде, назначенной для мертвецов, пришелец окончательно приобщается к миру умерших» [13: 67]. Итак, базар в Кантемировке несомненно несёт на себе черты мифологического иного мира, царства мёртвых (об этом, помимо всего прочего, говорит и то, что Фирсов попал туда, идя следом за нищим – герои некоторых сказок (например, Аф., 130) попадают в иной мир с помощью проводника, в качестве которого может выступить демонический персонаж или мифическое животное – птица, волк, олень и др.). В художественном мире Платонова это не единственный случай, когда базар отмечен в тексте танатологической окраской. Х. Костов, анализируя мифопоэтику романа «Счастливая Москва», отмечает, что его герой Сарториус проходит своеобразное инициационное испытание на Крестовском рынке, в описании которого исследователь видит элементы мифологического царства мёртвых. По словам Х. Костов, на рынке Сарториус переживает квазисмерть, вслед за которой наступает качественное изменение этого героя, его перерождение, сравнимое с воскрешением [См.: 8: 215]. Базар в

Кантемировке также «умерщвляет» Никиту, лишает его собственного «Я», но затем Фирсов возвращается к Любе возрождённым человеком.

Но больше всего связей описание жизни Никиты на базаре имеет не столько со сказочной традицией, сколько с гностическим мифом «Гимн о жемчужине», который в книге «История веры и религиозных идей» исследовал М. Элиаде. Герой этого мифа – принц с Востока. Он покидает родину и отправляется в Египет, чтобы отыскать жемчужину, укрытую посреди моря. В Египте принца забирают в плен и кормят едой, от которой он теряет память и впадает в крепкий сон. Родители принца узнают о судьбе своего сына и посылают ему письмо с призывом пробудиться ото сна, вспомнить себя и свою миссию. Письмо прилетает принцу в образе орла, превращается в слово и помогает герою вернуть его истинную суть [См.: 14: 427]. В этом мифе принцу удаётся восстать ото сна благодаря родителям, подобно Фирсову, к которому прежние чувства и память возвращаются после свидания с отцом на базаре.

Окончательное возрождение Фирсова начинается в слободе Кантемировке, когда в нём «тронулось сейчас сердце, отвыкшее от чувства» [12: 452]. На базаре во время встречи с отцом у Никиты «ссохлось горло» [12: 452] из-за долгого молчания, которое оказалось, наконец, прерванным. Ранее отмечалось, что горло в рассказе является метафорическим изображением средоточия спящей половой силы Фирсова, именно в горло пытался пробраться зверёк из его кошмара. На базаре отец Никиты пророчит сыну избавление от несчастий следующим образом:

«– У тебя горло, что ль, болит? – спросил отец – Пройдёт!» [12: 452].

Может сложиться впечатление, что мифопоэтические элементы отлучки из дома и посещения иного мира в «Реке Потудани» свойственны только Никите Фирсову. Но в финале рассказа встречается упоминание о том, что невеста Никиты Люба пыталась покончить с собой в водах Потудани. Однако отец Фирсова сообщает сыну эту новость так, будто Люба довела свой замысел до конца: «В реке утопилась» [12: 452]. То есть, Люба, как и Фирсов, испытала квазисмерть, связанную с рекой, несущей в тексте мифопоэтическую семантику иного мира. Причём, попытка самоубийства повредила горло Любы – место, где, по замечаниям А. Жолковского, у платоновских героев находится душа, средоточие их сущности [См.: 6: 45] (незавершённое самоутопление Любы привело к тому, что у неё из горла текла кровь). Квазисмерть Никиты на базаре и квазисмерть Любы во время отсутствия мужа отразились на этих двух героях сходным образом: их

причислили к умершим, у обоих пострадало горло. И Люба, и Фирсов вслед за квазисмертью испытывают воскрешение. Воскрешение Фирсова началось в Кантемировке, когда он вновь обретает память, дар речи и прежнюю силу чувств. А Люба «возвращается к жизни», когда к ней после долгой разлуки приходит муж: «– Иди скорей ко мне! – попросила она своим прежним, нежным голосом и протянула руки Никите» [12: 453]. Следует отметить, что возвращение Фирсова из Кантемировки сходно с его возвращением к отцу после войны: Никита приходит к Любе ночью, его жена спит, как и отец во время прибытия сына; Никита также, как и вначале рассказа, стучит в окно дома. Возможно, сходство этих фрагментов рассказа говорит о кольцевой композиции рассказа с той оговоркой, что приход Фирсова к жене стал окончательным возвращением героя. Если после первого прибытия Никиты он продолжает нести на себе признаки временной смерти, амнезии и инобытия, предречённого сном, то свидание с Любой в конце рассказа является подлинным воскрешением Фирсова. Об этом говорят слова: «сердце его теперь господствует во всём его теле и делится своей кровью с бедным, но необходимым наслаждением» [12: 454]. Теперь сердце Фирсова не названо «обмершим» [12: 425], «не лежит в погребении» [12: 441].

Заключение

Итак, на основе сопоставления рассказа «Река Потудань» с мифологическими текстами мы выделили следующие мифолого-фольклорные элементы отлучки в произведении писателя: отбытие Никиты Фирсова на гражданскую войну (это событие присутствует в рассказе заочно, но имеет основополагающее значение – именно с ухода на войну для Фирсова началась череда временных смертей и воскрешений); кошмар Никиты; его болезнь; зимний отъезд Фирсова из города; побег Никиты в слободу Кантемировку; попытка самоубийства Любы. Необходимо заметить, что отлучка в этой статье понималась шире, чем в книге Проппа «Исторические корни волшебной сказки», – Пропп, говоря об отлучке, подразумевал отбытие сказочных персонажей из дома, мы же добавили в этот термин и мифопоэтический мотив посещения иного мира (такое расширение возможно с учётом того, что сказочные персонажи, покидая дом, отправляются в потусторонние измерения). Каждая из отлучек героев «Реки Потудани» несёт в себе танатологическую окраску, является квазисмертью, за которой следует возрождение. Можно сказать, что Платонов многократно воспроизводит религиозную схему жизнь – смерть – жизнь, и рассказ «Река Потудань» несёт в себе ярко выраженную Пасхальную идею.

Библиографический список

1. Агапкина Т.А. Молчание. Славянская мифология: Словарь-справочник. М.: Международные отношения, 2002. С. 303–304.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки (полное издание в одном томе). М.: Альфа-книга, 2008.
3. Виноградова Л.Н. Тот свет. Славянская мифология: Словарь-справочник. М.: Международные отношения, 2002. С. 462–463.
4. Гура А.В. Сон. Славянская мифология: Словарь-справочник. М.: Международные отношения, 2002. С. 444–446.
5. Ерёмин В.И. Ритуал и фольклор. Ленинград: Наука, 1991.
6. Жолковский А. «Фро»: пять прочтений. Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 23–49.
7. Карасёв Л.В. Знаки покинутого детства (постоянное у А. Платонова). Вопросы философии. 1990. № 2. С. 26–43.
8. Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки: Helsinki University Press, 2002.
9. Лукин В.А. Художественный текст. М.: Ось-89, 1999.
10. Лысов А. «Мой луговой Иордань...» Андрея Платонова (О национальной характерологии и культурно-природных атрибуциях в рассказе «Река Потудань»). «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 376–387.
11. Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. М.: МПУ, 1995.
12. Платонов А.П. Счастливая Москва. Платонов А.П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы. М.: Время, 2011.
13. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство ЛГУ, 1986.
14. Элиаде М. История веры и религиозных идей (от Гаутамы Будды до триумфа христианства). М.: Академический проект, 2009.

I.V. LUKIN

MYTHOPOETICS OF LEAVING IN A.P. PLATONOV'S STORY «THE RIVER OF POTUDAN'»

There are parallels in the article between a story written by A.P. Platonov «The river of Potudan'» and mithopoetical texts. With the help of correlations between Platonov's works and mythology as well as with the folklore the work defines the main conflict and idea of the story «The river of Potudan'».

Key words: *Platonov, Firsov, mythology, folklore, other world.*

М.Ю. МИШИНА

аспирант кафедры истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета
E-mail: tymishina@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ Д.М. РАТГАУЗА (К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ)

Статья посвящена проблемам влияния философской лирики М.Ю. Лермонтова на литературный процесс 80-90-х годов XIX века. Прослеживается влияние основных мировоззренческих установок поэта-романтика на творчество Д.М. Ратгауза.

Ключевые слова: литературная традиция, романтизм, лирика Лермонтова, система образов, метр, ритм.

В современных работах, посвященных исследованиям поэтической традиции, хрестоматийным стало определение В.Я. Брюсовым консервативности поэзии. «Внимательное исследование показывает, как многим каждый поэт бывает обязан своим предшественникам. Едва ли не три четверти своих тем, образов, выражений поэт заимствует у тех, кто писал до него» [1: 183]. В этом наблюдении поэта, критика и теоретика во многом отразилась ситуация, сложившаяся в литературе эпохи рубежа XIX–XX веков, когда поэтический диалог с предшественниками стал своеобразной литературной нормой. Одним из самых востребованных в этом отношении был М.Ю. Лермонтов, творчество которого переосмысливалось с новых эстетических и идейных позиций.

Из всего наследия Лермонтова и сам Д.М. Ратгауз, и его современники особенно выделяли стихотворение «Выхожу один я на дорогу...», положившее начало одной из выразительнейших традиций русского романса. К.М. Фофанов, Д.С. Мережковский, М.А. Лохвицкая, К.Д. Бальмонт, А.А. Голенищев-Кутузов, П. Соловьева, К.Р. (Константин Романов) использовали мотивы этого лермонтовского текста в своем творчестве. Нами установлено девятнадцать произведений, восходящих по своей тематике, настроению и мотивному ряду к стихотворению великого поэта. Примечательно в этом отношении, что именно Д.М. Ратгауз неоднократно варьировал в своей лирике мотивы этого шедевра.

Уже в одном из первых поэтических опытов Даниила Максимовича возникает уникальный лермонтовский мотив, «пронизывающий почти все творчество и выражающий умонастроение поэта». [3: 294] В стихотворении «Одиночество» Ратгауз воспроизводит лирическую модель лермонтовского текста с присущими ей пейзажными атрибутами:

*Вот зажглась в дали туманной
Одинокая звезда.
Одинокий месяц всходит
Из-за темного пруда.
В глубине давно заснувших
Густолиственных аллей
О любви поет и стонет
Одинокий соловей. [4: 8]*

Как и в лермонтовском стихотворении, определяющим настроение лирического героя является ночной пейзаж. Это время суток традиционно воспринимается как сакральное, способствующее самоанализу, раскрывающее тайны, дающее возможность мыслить и творить. Окружающее воспринимается имманентно, а потому в тексте доминируют конкретные существительные: «звезда», «месяц», «соловей», «аллеи», «пруд».

Пейзаж стихотворения Ратгауза лишен космического абсолюта, он более приближен к жизненным реалиям и романтически наполнен. Однако, мир в такой системе координат псевдогармоничен, и эта мысль выражается на лексическом уровне в повторе эпитета «одинокий» по отношению почти ко всем лирическим объектам:

*Одинокая звезда.
Одинокий месяц всходит...
.....
О любви поет и стонет
Одинокий соловей...*

Ощущение трагичности одиночества усиливается образами с семантикой темноты и неопределенности – «даль туманная», «темный пруд», «в глубине густолиственных аллей», которые вступают во внутреннее противоречие с лермонтовской идеей противопоставления земли и неба. Ночь в изображении Ратгауза несет в себе мало света: она в основном ассоциирована с тьмой и одиночеством,

что подчеркивается преобладанием формы единственного числа существительных.

В первых строках стихотворения автором сознательно развенчивается ночной пейзаж: он не несет успокоения и гармонии. Тем самым, поэт подчеркивает отсутствие взаимосвязи в природе, в самих основах бытия. Это отличает мировидение Д.М. Ратгауза от лермонтовского, утверждающего духовность и совершенный характер окружающего мира.

Вторая часть стихотворения «Одиночества» раскрывает духовное состояние лирического героя. Поэт использует восходящую градацию от внешнего описания природы к внутреннему состоянию личности:

*Вот и я здесь, одинокий,
Без желаний и без сил,
Все лучи души усталой
Скукой жизни погасил.
Вот и я здесь одинокий,
Без надежды, без огня,
И небесный свод далекий
Грустно смотрит на меня. [4: 9]*

Подобно ощущениям лермонтовского лирического героя, в художественном мире Ратгауза человек полностью разочарован в жизни. Так же, как все в природе, он одинок, что выражается в знаменательном эпистрофическом повторе: «Вот и я здесь, одинокий». Общность состояний передается соединительным союзом «и». Именно трагичное одиночество, а не достигаемая, как у М.Ю. Лермонтова, гармония, является объединяющим началом во второй части стихотворения Ратгауза. Центральной здесь становится семантика отсутствия, выраженная предлогом «без», управляющим родительным падежом («без желаний», «без сил», «без надежды»). Но наибольшую смысловую нагрузку несет утверждение «без огня», символизирующее отсутствие духовного света. Отрицательное отношение к жизни выражается и в употреблении метафор с негативной семантикой: «душа усталая», «скука жизни».

Лермонтовский лирический герой верит в возможность духовного успокоения в смерти, забвении, как сакральном акте приобщения к природе. Для представленной Д.М. Ратгаузом личности это невозможно. Небесный свод, олицетворяющий духовное начало, отдален от него, он функционирует только на уровне зрительного восприятия, но не душевного взаимопроникновения.

Несмотря на отсутствие раздвоенности в восприятии смерти, характерной для героя М.Ю. Лермонтова, «Одиночество» Д.М. Ратгауза трагичнее, потому что его лирический герой даже в мечтах не допускает возможности гармоничного

единения с природой. Так утверждается отсутствие совершенства в самой основе бытия.

Дисгармоничность состояний распространяется и на структуру стихотворения. На протяжении почти всего текста поэт использует четверостишия с неполной рифмовкой (ХаХа), тем самым разрушая мелодичность звучания. И только в последней графически не обозначенной строфе появляется рифма «одинок – далекий», которая образует за счет эпистрофического повтора рифменную цепь и своей романтической семантикой усиливает впечатление безнадежности. Движение мысли в стихотворении Ратгауза направлено на передачу трагического мировосприятия: от разочарованного лирического героя – к дисгармоничности мироздания, а затем – к отсутствию веры в возможность обретения покоя. Подобное отношение к миру, очевидно, следует объяснять тем внутренним состоянием, которое было характерно для человека эпохи 80-90-х годов, полной разочарований и несбывшихся надежд.

Стихотворение Ратгауза «Забудь» представляет собой внутренний спор с предшественником. В тексте реализуется еще один важный для лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...» мотив – мотив пути, представляющий у Лермонтова «безостановочные поиски истины»[3: 306], движение, ведущее к открытию высших тайн Вселенной.

Но тайны Бытия безразличны лирическому герою Ратгауза. Все его мысли сосредоточены на стремлении обрести счастье. Путь становится в стихотворении символом самой жизни:

*Иду. Обычные тревоги
Мне отравляют мой покой.
Вдали мелькают предо мной
Изгибы частые дороги. [4: 55]*

На первый план здесь выходит личность, бесконечно одинокая и убеждающаяся в бессмысленности поисков радости бытия.

Уже в начале стихотворения движение представлено как длительный процесс, лишь подчеркивающий пустоту жизненного пространства. Важно и то, что причина бессмысленности существования заложена в самом лирическом герое: он человек приземленный, живущий «обычными тревогами». Он еще не познал горя, его беды и невзгоды мало значительны. Именно потому эмоциональный тон в начале стихотворения однороден, что выражается на синтаксическом уровне в системе повествовательных предложений.

Во втором четверостишии эмоциональное напряжение возрастает:

*Иду, и нет конца пути,
И все еще не вижу цели...*

О, где же счастье мне найти? –

Мне дни без счастья надоели. [4: 55]

Дорога представляется бесконечной, конечной цели нет. Отрицательные частицы усиливают трагизм ситуации, как и многоточие, которое призвано акцентировать внимание на продолжительности пути и его бессмысленности.

Эмоциональность усиливает и риторический вопрос, который подчеркивает, что в душе лирического героя нарастает протест: «*О, где же счастье мне найти?*»

Последняя строфа стихотворения еще более явно подчеркивает усиление эмоциональности:

Иду. И вот уж кончен путь.

К чему ж страдал я средь ненастья?

И кто-то шепчет мне: «Забудь!»

В забвенье – цель, в забвенье – счастье!» [4:

55]

Движение от безразличия к фатальному пессимизму раскрывается в стихотворении прежде всего на стилистическом уровне. Если в первой строфе преобладают нейтральные по своей тональности предложения, то вторая строфа намечает некий внутренний взрыв – появляется многоточие, призванное замедлить развертывание эмоций и риторический вопрос, и, наконец, третья строфа наполнена экспрессией за счет риторического вопроса и двух побудительных конструкций.

Путь, принеший лирическому герою только разочарование, характеризуется употреблением ряда лексем с негативной семантикой: «тревоги», «дни без счастья», «страдания», «ненастья».

Самым ярким стилистическим приемом в стихотворении является межстрофическая анафора. Автор максимально акцентирует внимание на этом стилистическом приеме, выделяя главный мотив – мотив движения – односоставным определенно-личным предложением, что призвано подчеркнуть бессмысленность и поисков счастья, и жизни человека:

Иду. Обычные тревоги

Мне отравляют мой покой.

.....

Иду, и нет конца пути,

И все еще не вижу цели...

.....

Иду. И вот уж кончен путь.

К чему ж страдал я средь ненастья? [4: 55]

Общая концепция стихотворения совпадает с общим настроением лермонтовского текста, но она еще более пессимистична: лирический герой Лермонтова чувствует, что помимо бессмысленной жизни есть бесконечность Вселенной, где все подчинено иным, более справедливым законам. Герой

Ратгауза – обыкновенный человек, раздавленный бессмысленностью бытия. Он не способен подняться над обыденным миром, над кругом собственных сомнений.

В стихотворении Д.М. Ратгауза «Погоди» окружающий мир символически отражает духовный мир лирического героя:

Погоди, погоди, –

Смолкнут вопли в груди,

Успокоится сердце больное.

Багровея уж гаснет последний закат,

И последние звезды чуть видно дрожат,

Мчится в мрачную бездну былое. [4: 62]

Пейзаж здесь псевдогармоничен, что выражается в эпитетах «последние звезды», «последний закат». Природа лишена светлого начала, она умирает, «гаснет». В словосочетании «чуть видно дрожат», характеризующем звезды, подчеркивается неясность и нечеткость состояний.

Схожие чувства испытывает и лирический герой. Его бытие «мчится» в мрачную бездну. Настоящее время и несовершенный вид глагола свидетельствуют о том, что данный процесс еще не завершен, однако его семантика – значение быстрого движения – доказывает стремительность происходящего. Существительное «бездна», осложненное эпитетом «мрачная» с семой тьмы, подтверждает потерю светлого начала лирическим героем.

Во второй строфе трагизм описаний нарастает:

Что ни час, что и миг –

Все темней жизни лик,

Холоднее дыхание ночи.

Мгла, тревожная мгла, нависает кругом,

Жизнь прошла пронеслась грустью веющим сном,

И тускнеют усталые очи. [4: 62]

Время ускоряется («*Что ни час, что ни миг...*») за счет восходящей градации. Употребление форм сравнительной степени прилагательных свидетельствует о нарастании процесса единения с темным началом («темнее жизни лик»). При этом существительные с изначально положительной семантикой: «дыхание» (однокоренное со словом «дух») и «лик» приобретают антитетичное, негативное значение. Авторское тире на синтаксическом уровне подчеркивает быстротечность процесса.

Таким образом, в отличие от лермонтовского мира природы, Ратгауз переносит акцент на нарастание тьмы, символизирующей смерть.

Не менее значим для понимания состояния лирического героя образ круга, имплицитно проявляющийся в наречии «кругом»: ускорение времени сопровождается сужением пространства. Эта мысль подчеркивается и глаголом «нависает», и

повтором существительного «мгла», обозначающего абсолютное слияние с темным началом («Мгла, тревожная мгла нависает кругом»). Прошедшее время глаголов («прошла, пронеслась») свидетельствует о законченности процесса, его необратимости. Жизнь сопоставляется со сном, что передает предчувствие близкой смерти, которая и принесет успокоение.

Следует отметить, что общая тональность стихотворения и его идейная направленность были заданы автором изначально в кольцевой композиции, рефренный повтор строк («Погоди, погоди, – / Смолкнут вопли в груди, / Успокоится сердце больное») раскрывает основную мысль автора о том, что дисгармония в мире является источником духовного кризиса, тотальной разочарованности. Трагизм усугубляется неверием в существование гармонии в окружающем мире.

Дисгармония выражается и на уровне структуры стихотворения, представляющем три шестистишия. Каждое из них имеет традиционную для подобной строфы рифмовку тернарного типа (ааВсВ), которую часто применял в своей лирике М.Ю. Лермонтов, но при этом в нарушение традиции в тексте стихотворения применена довольно специфическая модель разноstopного анапеста, балансирующего на грани метрической вольности:

1-2 строфы: Ан 2+Ан 2+Ан 3+Ан 4+Ан 4+Ан 3

3 строфа: Ан 2+Ан 2+Ан 3+ Ан 2+Ан 2+Ан 3

Последняя строфа полностью укладывается в классическую схему тернара (короткие строки рифмуются попарно, длинные замыкают собой трехстишия), но то же время она нарушает метрический строй, заданный первой строфой, в которой второе трехстишие звучит довольно тяжеловесно за счет удвоения стопности на 4-й и 5-й строчках. Такое структурное взаимодействие, очевидно, связано с тем, что автор замыкает свой текст буквальным повтором первых 3 строк, как бы подчеркивая бессмысленное движение по жизненному кругу.

Таким образом, можно говорить о том, что в стихотворении Д.М. Ратгауза «Погоди» по-новому разворачивается лирический сюжет лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...» Общность заключается в единении человека с природой, однако природа в стихотворении Ратгауза дисгармонична, хотя и идеальна внешне. Основное место в системе мотивов здесь занимают проблемы потери природой и человеком светлого начала и быстротечность времени. В лермонтовском шедевре природа является частью света, поэтому лирический герой хочет приобщиться к ней. У Ратгауза отношение с окружающим миром проявляется в постоянном ощущении дисгармонии. Его лирический герой, вслед за лер-

монтовским, осознает бессмысленность жизни, но не сопротивляется забвению и смерти, которые не предполагают слияние с Вечностью, как это формулируется у Лермонтова.

В стихотворении «В полусне» Ратгауз вновь развивает идею дисгармоничности бытия, однако теперь она связана еще и с ощущением зыбкости и неясности, характерной для состояния полусна:

Я слышу речь тоскливую

И тихий, тихий стон...

И душу сиротливую

Объемлет полусон. [4,30]

Следует отметить, что призрачность, неясность заключаются уже в самом пограничном состоянии между явью и небытием. В отличие от других произведений Ратгауза, в которых мир, как и у М.Ю. Лермонтова, был заполнен конкретными, вещественными реалиями, в этом стихотворении представлено зыбкое бытие, без атрибутики и определенных признаков. Это подчеркивается существительным «дымка», обладающим семантической неясностью, а употребление сложного эпитета «туманно-мутная» лишь усиливает ощущение зыбкости бытия.

Если в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» все образы антитетичны, то у Д.М. Ратгауза мир ассоциирован только с потусторонним началом. Лирический герой лишь ощущает это («И кто-то невидимкою витает надо мной»). Сравнение в форме творительного падежа «невидимкою» и неопределенное местоимение «кто-то» добавляют неясности в зрительное восприятие мира и делают его более аморфным.

На уровне звукового восприятия также нет определенности: это выражается в употреблении эпитета «тихий», повтор которого подчеркивает призрачность издаваемого миром стона. Вся картина, когда мироздание «стонет», передает отсутствие гармонии в мире. Многоточие в конце предложения подчеркивает продолжительность действия, делая его протяженностью бессмысленной и иррациональной.

Неопределенность в окружающем мире передается лирическому герою, о чем свидетельствует соединительный союз «и». («И душу сиротливую объемлет полусон»). Следует отметить, что объединяющим началом является также и глубокое ощущение дисгармонии и одиночества, выраженное эпитетом «сиротливая» по отношению к слову «душа», которую «объемлет полусон». Это состояние присуще не только лирическому герою, но и всей природе.

Образ лирического героя обладает внутренней статичностью. Бездействие его выражается гла-

голом «сизжу», отсутствие выраженных действий проявляется и в использовании фразеологизма «чуть дыша», характеризующем невыраженность и неопределенность.

Именно состояние полусна, перехода от реальности к небытию приносит покой лирическому герою и ощущение единения с природой. Успокоение приходит в душу лирического героя, но оно зыбко и неясно. Для художественного мира Ратгауза важно то, что осознание гармонии ощущается лишь в состоянии полусна.

Дисгармоничность образной структуры подчеркивается и на уровне формы. Стихотворение написано 3-ст. ямбом, что не может не восприниматься как своего рода эксперимент. «Размер этот не настолько употребителен, чтобы ощущаться нейтральным и стертым: на общем фоне русских размеров он всегда заметен...» [2: 89]. Следует отметить и то, что разновидность этого размера с чередованием дактилического и мужское окончаний восходит к традиции «патетического стиха» М.Ю. Лермонтова, использованного в стихотворении «В минуту жизни трудную...». Как указывает М.Л. Гаспаров: «Лермонтовский образец задает два мотива – «минуты трудной» и «молитвы чудной»» [2: 99]. В стихотворении Ратгауза реализован первый из указанных М.Л. Гаспаровым мотивов, что позволяет, с одной стороны, соотносить произведение с существующей традицией, а с другой – дает возможность говорить о том, что использование редкого стихотворного размера с закрепленной семантикой выделяет этот текст из общего массива поэзии конца XIX века и придает ему черты творческого эксперимента.

В стихотворении «Умчался день» Ратгауз вновь обращается к основным мотивам «Выхожу один я на дорогу...» В отличие от лермонтовского произведения, в котором определяющим является статичное состояния лирического героя, в стихотворении Ратгауза это состояние представлено как повторяющееся. Это подчеркивается словосочетанием «как в дни былые» и наречиями со значением повторяемости действия («вновь», «опять»), образующими лексическую межстрофическую анафору кольцевого типа:

1 катрен *И вновь душа моя объята*
Туманной мглой. [5: 121]

3 катрен *И ночь пройдет, и день настанет,*
И вновь нависнет тот же гнет...

[5: 122]

Ратгауз использует прием изображения мира как псевдогармонии. Он представляется наполненным жизненными реалиями, о чем свидетельствует упо-

требление конкретных существительных – «река», «закат», «лес», «месяц», из которых два последних образуют образную антитезу: «месяц бледный», ассоциирующийся со светом, и темный лес:

Зажглись светильники ночные,
И месяц, бледный царь небес,
Зашел опять, как в дни былые,
За темный лес. [5: 121]

Ощущение трагичности усиливает мотив утраты света, что на лексическом уровне выражается в употреблении глаголов, обозначающих угасание света в предикативных структурах «огни заката померкли», «месяц зашел». Дисгармоничное начало подчеркивается употреблением антитетичных эпитетов: «темный» (лес) и «бледный» (месяц, характеризующийся через сравнение с царем небес).

Лирический герой ощущает дисгармонию, его чувства и состояние природы едины, что подчеркивается соединительным союзом «и»:

Огни заката померкли грустно за рекой,
И вновь душа моя объята
Туманной мглой. [5: 122]

В отличие от лермонтовского героя, ощущающего дисгармонию от невозможности приобщиться к идеальному миру, лирический герой Ратгауза испытывает угнетенное чувство от восприятия искаженности мира, его болезненности, отсутствия в нем света. Существительное «мгла» с семой тьмы и приданный ей эпитет «туманная», характеризующие духовный мир представленной поэтом личности, усиливают ощущение безнадежности, тогда как краткое прилагательное «объята» подтверждает всепроникновение темного начала во внутренний мир лирического героя. Все в стихотворении объединяет отсутствие света и ощущение дисгармонии, приобретающие в последнем четверостишии временную цикличность:

И ночь пройдет, и день настанет,
И вновь нависнет тот же гнет... [5: 122]

Полисиндетонный повтор союза «и», имеющий четкие библейские ассоциации («И был вечер, и было утро: день первый» Быт. 1: 3-5), и многоточие усиливают впечатление повторяемости, становятся знаком все той же цикличности. Глагол «нависает» сужает духовное пространство лирического героя, как и замкнутый круг времени.

Если лирический герой М.Ю. Лермонтова уверен, что можно достичь гармонии после смерти, то лирический герой Ратгауза осознает невозможность этого, ведь мир и жизнь негармоничны. В этом и заключается трагедия представленной поэтом личности.

Усиливается эмоциональное напряжение и на стилистическом уровне. Поэт использует парал-

тельные риторические вопросы, сама постановка которых свидетельствует о невозможности понять окружающий мир и смысл человеческого бытия:

Кто в тайну вечности заглянет?

Кто жизнь поймет? [5: 122]

Дисгармоничность раскрывается и на уровне ритмической организации текста. Поэт использует несимметричную модель разностопного ямба на основе 4-стопной строки, которая вдвое усекается в четвертой строке четверостишия, придавая строфе специфическое звучание.

Рассмотренные нами тексты стихотворений Ратгауза отражают очень важную для русской литературы 80–90-х годов тенденцию: поэзия эпохи «бездвременья» использовала мотивы лирики М.Ю. Лермонтова, демонстрируя отсутствие новых тем и мотивов. На этом фоне важно, что именно Д.М. Ратгауз, о книгах которого В.Я. Брюсов писал, что в них «собраны примеры и образцы всех избытых, трафаретных выражений, всех истасканных эпитетов, всех пошлых сентенций» [1: 352], вступил в своеобразный диалог с великим предшествен-

ником. Трагическая окрашенность лирики поэта, принадлежавшего к либерально-консервативному лагерю, достигалась созданием картин тотального пессимизма, в которых нет и не может быть гармонии не только в земном бытии, но и после смерти. Для героя Лермонтова присоединение к Вечности – это выход из тупика земных страданий, победа над одиночеством. Лирический герой Ратгауза как бы изначально лишен Света.

Анализ произведений Ратгауза позволяет сделать еще один существенный вывод: каждый из рассмотренных текстов представляется своеобразным поиском новых форм и способов выражения поэтической мысли, который распространяется на уровень стилистики («Одиночество» и «Забудь»), композиции («Погоди») и даже метро-ритмической организации («В полусне»). Это свидетельствует о том, что Ратгауз умышленно использует узнаваемые лермонтовские мотивы для реализации их в новой версификационной форме, что особенно важно в контексте формальных поисков зарождающегося модернизма.

Библиографический список

1. Брюсов В.Я. Н.А. Некрасов как поэт города. Собр. соч.: В 7 т. Т. VI. М.: Художественная литература, 1975. С.183-188.
2. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000.
3. Муравьев Д.П. Одиночество. Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С.294-295.
4. Ратгауз Д.М. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Т.1. СПб, 1906.
5. Ратгауз Д.М. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Т.2. СПб, 1906.

M.J. MISHINA

PHILOSOPHICAL MOTIVES IN D.M. RATGAUZ'S LYRICS (TO THE PROBLEM OF POETIC CONTINUITY)

The article is devoted to the problems of philosophical influence by M.J. Lermontov's lyrics on the literary process of the 80-90s of the XIX-th century. The influence of the basic worldview of the romantic poet can be traced in the works of D.M. Ratgauz.

Key words: literary tradition, romanticism, Lermontov's lyrics, system of images, meter, rhythm.

Т.В. НЕРУШЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Орловского государственного института экономики и торговли
E-mail: doktor_t@rambler.ru
Тел. 8 910 261 47 53

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Предметом рассмотрения статьи являются история возникновения функциональной грамматики и ее сущности, функциональное описание грамматических единиц. В основе функциональной грамматики лежат функционально-семантическое поле (ФСП) и категориальная ситуация (КС). ФСП является многоуровневой и многогранной структурой, включающей в себя морфологические, лексические, грамматические, лексико-грамматические средства языковой системы, КС – описание типовых категориальных ситуаций, базирующихся на определенном ФСП и репрезентирующих элементы его содержания и выражения в высказывании.

Ключевые слова: функциональная грамматика, функциональное описание грамматических единиц, функционально-семантическое поле, категориальная ситуация.

Взаимная связь системного (системно-структурного) и функционального подходов на пути познания сущности изучаемого объекта проявляется во внутренней логике развития научного познания: «Бесконечное углубление в сущность объекта идет от функции к структуре, от нее к более глубокой функции и т. д.» [9, с. 173]. Оба направления научного познания как системно-структурное, так и функциональное охватываются философским принципом системности. Этим определяется необходимость выявления специфических форм и аспектов системности в рамках каждого из направлений: при подходе к объекту со стороны его структуры и со стороны его функций. В лингвистической теории (как и во всякой научной теории) системно-структурное и функциональное направления образуют единство, далекое от отношений равновесия и равномерного распределения его компонентов. Доминирует либо то, либо другое направление, во многом определяя и недоминирующие аспекты анализа. Приведем некоторые примеры из истории отечественного языкознания.

Грамматическая концепция А.А. Потебни, идущая от мыслительного содержания к его языковой категоризации, связанной с формой как способом представления «внеязычного содержания», была преимущественно функциональной. Она строилась на категориальной содержательной основе и включала развернутый анализ выражаемых в речи языковых значений. Функциональная доминанта концепции А.А. Потебни определяла и понимание грамматической формы, в которой он выдвигал на передний план отнесенность к определенной категории [11, с. 35-80].

В грамматической теории Ф.Ф. Фортунатова, напротив, четко выражена системно-структурная доминанта. Она раскрывается в истолковании грамматики как «учения о всяких формах языка» [18, с. 136]. Системно-структурная основа концепции Ф.Ф. Фортунатова определяет и его подход к значениям, базирующийся на понятии языкового знака. Отношения между значениями трактуются им как отношения в пределах определенного класса форм.

Функциональная по своим исходным позициям синтаксическая теория А.А. Шахматова, рассматривающая «способы обнаружения мышления в слове» [20, с.17], основана на соотношении мыслительной структуры (структуры «коммуникации») с односоставной или двусоставной синтаксической структурой предложения. А.А. Шахматов вовлекал в сферу грамматических категорий разноструктурные средства (например, в «категорию повелительного наклонения» он включал не только соответствующие спрягаемые формы глагола, но и такие средства, как молчать! пошел вон! цыц! стоп! [20, с.434]. Тем самым грамматические категории в его истолковании во многих отношениях приближались к категориям понятийным, или семантическим. Специфика функционального подхода заключается в том, что объект изучается с точки зрения его функций, закономерностей его функционирования, его связей с окружающей средой [6, с. 3-4].

Функциональная грамматика трактуется нами как грамматика, нацеленная на изучение и описание функций единиц строя языка и закономерностей функционирования этих единиц во взаимодействии с разноуровневыми элементами окружающей среды; грамматика данного типа рассматривает в единой

системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций; при описании языкового материала используется подход «от семантики к ее формальному выражению» («от функции к средствам») как основной, определяющий построение грамматики, в сочетании с подходом «от формы к семантике» («от средств к функциям») [22].

Включение в сферу исследования разноуровневых языковых элементов может вызвать вопрос о том, уместается ли их изучение в рамках грамматики. Отнесение данного предмета анализа к грамматике основано на ее истолковании как науки, изучающей строй языка и закономерности функционирования его элементов. Строй языка не существует как абстрактный «чисто грамматический каркас» [22]. Он включает грамматические единицы в единстве с их типовыми лексическими репрезентациями, т.е. охватывает все строевое в лексике. Функционирование единиц строя языка (грамматических форм слова, синтаксических конструкций и «строевых лексем» [22]) осуществляется во взаимодействии с элементами внутриязыковой и внеязыковой среды. Включение этого взаимодействия в сферу исследования и описания расширяет ее, но не противоречит сложившемуся пониманию существа грамматики, поскольку в центре внимания остается категориальная основа языкового строя.

В теории систем существуют понятия моносистемного и полисистемного анализа [5, с. 26-33]. Моносистемный анализ предполагает такое исследование сложных объектов, обладающих множеством оснований, при котором как необходимое условие для адекватного познания таких объектов рассматривается их расчленение на качественно однородные узлы и элементы, оперирование «слоями» [22], уровнями. Будучи необходимым элементом научного познания, такой подход все же не раскрывает всей глубины реальных явлений, строящихся на своего рода «пирамиде» (лестнице) оснований. Отсюда вытекает необходимость развития полисистемного анализа, направленного на комплексное изучение сложных взаимосвязей систем отдельных уровней [5, с. 28-30, 32].

Разграничение и соотнесение моносистемного и полисистемного анализа представляется существенным и для лингвистики: оно способствует осмыслению разных направлений и типов лингвистического анализа, в частности, в сфере грамматики. Для традиционной грамматики характерно членение предмета грамматического описания на отдельные подсистемы, что приводит к соответствующему членению самого описания. Вычленяются уровни морфологии и синтаксиса. В

рамках каждого из них выделяются более частные подсистемы. Таковы, например, в морфологии подсистемы частей речи, классов форм, в синтаксисе подсистемы тех или иных типов конструкций (словосочетаний и предложений). В пределах каждого из уровней проводится анализ однородных объектов, базирующихся на едином системном основании, т.е. анализ моносистемный. Поэтому такая грамматика по принципу ее построения и доминирующей направленности описания является уровневой, системно-дифференцирующей.

Грамматика включает в себе функциональный аспект, который подразумевает описание системы средств определенного языка, использующихся в речи.

Особенность функциональной грамматики заключается в комплексном и интегрирующем подходе, при котором за основу берутся семантические категории грамматики и семантические функции, объединяющие разноуровневые языковые средства. Лингвистический анализ при таком подходе направлен на изучение взаимодействия элементов разных уровней на функциональной основе.

Анализируемые единства интегрируют элементы разных уровней (в рамках морфологии, синтаксиса, в сфере «строевой лексики» [22]). Изучение этих средств включает анализ объектов, имеющих разные системные основания, т.е. анализ полисистемный. Поэтому функциональная грамматика – это грамматика разноуровневая и по своей доминанте системно-интегрирующая. Заметим, что традиционная уровневая грамматика включает в себе и аспекты системной интеграции. Это находит выражение, в частности, в стремлении сочетать изучение отдельных подсистем с анализом их связей в составе грамматики как «системы систем» [22].

С другой стороны, функциональная грамматика предполагает необходимость строгой дифференциации элементов разных уровней и выявления специфики каждого из них в реализации изучаемых функций. Таким образом, в каждом из рассматриваемых направлений исследования и описания есть специфические для них аспекты дифференциации и интеграции. Важно, однако, какой из этих аспектов является определяющим по отношению к самому принципу построения грамматики: в одном случае решающую роль играет дифференциация элементов разных уровней, а в другом их интеграция на функциональной основе.

В функциональном направлении грамматических исследований на передний план, естественно, выдвигается понятие функции. Мы исходим из того, что функция языковой единицы – это свойственная ей в языковой системе способность к выполнению

определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция – результат функционирования, т.е. реализованное назначение, достигнутая в речи цель.

Разработка понятия функции в грамматике связана с более широкой проблематикой функций языка [24,16,24,13,14,21]. Каждая конкретная функция той или иной единицы включена в более широкую систему функций языка и речи и в своем проявлении зависит от этой системы. Хорошо известны явления избирательности, ограничений и дополнительных специфических особенностей в реализации функций языковых единиц в разных формах существования языка, типах речи и типах высказывания [10,23,17,1].

Непосредственным предметом анализа являются функции, реализуемые в высказывании (к этой сфере реализации функций относятся рассматриваемые варианты типовых категориальных ситуаций). Высказывание представляет собой минимальное единство, в пределах которого осуществляется функционирование языковых единиц в речи. Имеются в виду высказывания, равные речевой репрезентации предложения, сверхфразового единства или (в некоторых случаях) комплекса таких единств в зависимости от границ относительно законченной реализации анализируемых функций.

Различая вслед за многими лингвистами семантические и структурные функции языковых единиц, мы имеем в виду следующее. Семантические функции включают в себе элементы смыслового содержания (в той или иной языковой интерпретации) и соотносятся с внеязыковой действительностью. Структурные функции служат системно-структурной организации языковых элементов. Не имея смыслового содержания, структурные функции тем не менее косвенно связаны со смыслом, поскольку они включаются в соотношения единиц, являющихся носителями смыслов. Так, согласование прилагательного с существительным по роду, числу и падежу дополнительно (избыточно) подчеркивает связь признака с его носителем, дублируя вместе с тем выражение грамматических категорий существительного [4, с.33-47]. Связи семантических и структурных функций широко представлены в синтаксисе. Семантические функции находятся в сложном соотношении с функциями прагматическими. Последние могут рассматриваться как особый аспект семантических функций, заключающийся в передаче отношения содержания языковых единиц и высказывания в целом к участникам речевого акта и его условиям. Ср., например, прагматический аспект семантической функции побуждения, реализуемой при функционировании

форм типа *иди, идите*. Вместе с тем прагматические функции пересекаются с функциями стилистическими [2].

Функции связываются со значениями языковых единиц: изучение функции той или иной формы охватывает анализ ее значения (значений). Вместе с тем функции не отождествляются со значениями. Функции реализуются при взаимодействии языковых системных объектов [7, 15] и их окружений.

Принцип системности определяет рассмотрение системы во взаимодействии с внешней средой [3,12]. Лингвистическая интерпретация понятия среды подготовлена длительной традицией изучения языковых единиц в их разнообразных окружениях. Среда по отношению к той или иной языковой единице, категории или группировке как исходной системе – это множество языковых (в части случаев также и внеязыковых) элементов (в рамках более широкой системы, вмещающей исходную, а также в различных смежных сферах), играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым эта система выполняет свою функцию.

По отношению к языковым системным объектам могут быть выделены две разновидности среды. Первая среда системно – языковая (парадигматическая). Имеется в виду окружение языковой единицы (категории или группировки) в парадигматической системе языка (ср., например, лексико-грамматические разряды предельных/непредельных глаголов и связанные с ними способы действия, играющие роль среды по отношению к грамматической категории вида). Вторая разновидность – речевая среда. Имеется в виду окружение данной единицы в речи, т.е. контекст и речевая ситуация. Последняя разновидность речевой среды включает внеязыковые социальные факторы и их отражение в сознании говорящего и слушающего.

Контекст включается в понятие внутриязыковой среды (представляя ее речевую реализацию), тогда как речевая ситуация относится к среде внеязыковой. Взаимодействие системы и среды подчинено функции. Без помощи среды та или иная единица языка сама по себе не может выполнить свою функцию.

Функционирование языковых единиц понимается нами как обусловленное строем языка и актуализируемое в речи взаимодействие разноуровневых элементов языковой системы и среды. Самый процесс функционирования осуществляется в речи, однако закономерности, правила и типы функционирования языковых единиц относятся к системе языка.

Сама идея поля коренится в грамматической

традиции. В первую очередь речь идет о понятийных категориях И.И. Мещанинова и о концепции модальности в исследовании В.В. Виноградова. Более ранние источники подхода к грамматическим явлениям наблюдаются в идеях И.А. Бодуэна де Куртенэ о количественности в языковом мышлении, концепции Ф. Брюно и О. Есперсена о грамматических категориях. Если говорить о традиции функциональной грамматики в целом, то она восходит к более широкому кругу исследований и описаний, ориентированных на анализ функционирования грамматических единиц (труды Ф.И. Буслаева, К.С. Аксакова, Н.П. Некрасова, А.А. Потебни и др., в зарубежном языкознании – труды В. Матезиуса, Р.О. Якобсона, Е. Куриловича и др.). Иначе говоря, функциональная грамматика – лишь один из элементов более широкого функционального направления в лингвистике.

Сфера функциональной грамматики пересекается с такими областями исследований, как грамматическая типология, сопоставительная грамматика, грамматический анализ текста, психолингвистика, прикладная лингвистика (в их грамматических аспектах), прагмалингвистика.

Таким образом, функциональная грамматика не является обособленной и изолированной научной дисциплиной. Она выступает как один из пересекающихся компонентов современной системы лингвистических дисциплин и сфер исследования, характеризующихся общей функциональной направленностью.

Истолкование функциональной грамматики характеризуется ориентацией на понятие функционально – семантического поля (ФСП), дающее системное основание для анализа функций единиц разных уровней строя языка.

Каждая грамматика включает в себе функциональный аспект. Он представлен также и в формальной по своей основе грамматике, т.е. грамматике, идущей от формы к значению. Если функционирование грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней становится специальным предметом анализа, то речь уже идет о существенных признаках функциональной грамматики. Если же помимо направления от формы к семантике в грамматическом описании используется противоположное направление – от семантических категорий к формальным средствам их выражения, то тип функциональной грамматики выступает во всей полноте его признаков.

Выделение того или иного ФСП основано на системе языковых средств, выполняющих определенную функцию. Среди этих средств основным является грамматическая категория; они включают

также определенные синтаксические конструкции, группировки лексико-грамматических средств и т.д. Определив полный состав таких средств, можно очертить границы ФСП и наметить структуру поля.

ФСП – это, с одной стороны, грамматические, морфологические и синтаксические средства, а с другой – взаимодействующие с ними лексические, лексико-грамматические, словообразовательные элементы, относящиеся к той же семантической зоне.

Каждое поле включает систему типов, разновидностей и вариантов определенной семантической категории, соотнесенную с разнообразными формальными средствами их выражения. ФСП имеют не только план содержания, но и план выражения.

Понятие ФСП связано с представлением о некотором пространстве. В условном пространстве функций и средств устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения с другими полями. В грамматике, базирующейся на понятии ФСП, принцип системности распространяется на следующие аспекты анализа:

а) рассмотрение поля как системы особого типа (гетерогенной с точки зрения структурно-уровневых признаков ее компонентов); б) анализ структуры изучаемых единств (моноцентрический и полицентрический); в) истолкование плана содержания ФСП (на основе комплекса различительных признаков) как многоступенчатой иерархической системы семантической вариативности (субкатегоризации), соотнесенной с вариативностью средств формального выражения; г) изучение взаимных связей (пересечений) ФСП, рассмотрение их комплексов и группировок, в конечном счете представление определенной совокупности ФСП как системы; д) исследование системной организации семантических функций.

Понятие ФСП необходимо для построения функциональной грамматики, но его нельзя признать достаточным. ФСП связано с парадигматическими отношениями в системе языка, однако анализ должен иметь выход в речь, где парадигматические отношения сочетаются с синтагматическими. Необходимо понятие, которое было бы связано с репрезентациями ФСП в речи, в высказывании. Таким понятием в нашем варианте функциональной грамматики является категориальная ситуация.

Категориальная ситуация (КС) – это выражаемая различными средствами высказывания типовая (выступающая в том или ином варианте) содержательная структура, а) базирующаяся на определенной семантической категории и образуемая ею в данном языке ФСП; б) представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой выска-

зыванием, одну из его категориальных характеристик (аспектуальную, темпоральную, модальную, локативную и т. п.).

Понятие КС, как и ФСП, отражает двусторонний характер изучаемых языковых явлений. Речь идет о содержательных структурах, рассматриваемых в единстве с их формальным выражением в высказывании. Анализируются содержательные структуры, не прикрепленные лишь к какой-то одной грамматической форме (времени, наклонения и т. д.), а связанные с различными средствами высказывания. Доминирующие в содержании высказывания КС в ряде случаев могут быть соотнесены с наименованием типов предложений (высказываний) по господствующему в них содержательному признаку. Ср., например, предложения (высказывания) бытийные, посессивные, квалитативные, компаративные и т. п.

Пересечения семантических категорий (и соответствующих полей) находят соответствие в сопряженных КС аспектуально-таксисных, аспектуально-модальных и т. п. Между семантической категорией и образуемым ею в данном языке ФСП, с одной стороны, и КС, с другой, существуют сложные отношения взаимообусловленности. Наиболее конкретным предметом анализа являются КС, выступающие в том или ином частном варианте. Однако уже в этом, отдельном, явно представлена его связь с общим и зависимость от общего, поскольку тот или иной категориальный аспект передаваемой высказыванием общей ситуации (аспект темпоральный, локативный, количественный, каузальный и т. п.) выделяется на основе определенной семантической категории, имеющей обобщенный статус существования, т. е. существующей не только в данном высказывании, но и во многих других. Поэтому отдельный частный вариант данной КС, выделяемый в содержании высказывания, с одной стороны, служит конкретной основой для выделения категориальных семантических признаков, а с другой – детерминируется уже выделенными в мыслительно-языковом содержательном целом (на базе обобщения множества речевых вариантов) семантическими категориями.

То же относится и к соотношению понятий КС и ФСП. КС – более конкретное явление, потому что оно репрезентируется фактами отдельных высказываний. Именно эти факты образуют конкретную основу для того сложного парадигматического обобщения, каким является ФСП. В этом смысле ФСП производны от КС.

С другой стороны, существующие в том или

ином языке ФСП с их содержательной основой определенной семантической категорией и определенным составом языковых средств, служащих для выражения вариантов этой категории, в известном смысле являются базой для всех частных репрезентаций данного поля в конкретных высказываниях. «Конкретной, наличной формой своего существования единичная вещь обязана той системе закономерности сложившихся связей, внутри которой она возникает» [19, с. 183].

Если понятие ФСП отнесено к определенным группировкам языковых средств в языковой системе, то понятие КС связывает языковую систему (как систему единиц и закономерностей их функционирования) с речью и системой речи. Как типовая содержательная структура, соотнесенная с определенными типами языковых средств, КС относится к языковой системе (в ее динамическом аспекте). Вместе с тем как структура, выступающая в том или ином варианте в высказывании, КС относится к речи.

Исследования ФСП на основе материала, извлекаемого из текстов на данном языке, – это прежде всего исследования типовых КС в их многоступенчатой содержательной вариативности, сопряженной с вариативностью средств формального выражения.

Лишь на этой основе возможны выводы о семантике и структуре изучаемого ФСП как парадигматического единства.

Следовательно, функциональная грамматика может быть определена как грамматика: 1) ориентированная на изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания; 2) предполагающая возможность анализа не только в направлении от формы к значению (от средств к функциям), но и в направлении от значения к форме (от функций к средствам). Грамматика данного типа включает (в той или иной форме) а) анализ системы языковых средств, участвующих в реализации изучаемых функций; б) анализ семантических функций, реализуемых в высказывании, в речи. Для осуществления этих целей служат два компонента: а) описание структуры ФСП в составе системы полей данного языка (полевое структурирование); б) описание типовых категориальных ситуаций (аспектуальных, каузальных, кондиционных и т. п.), базирующихся на определенном ФСП и репрезентирующих элементы его содержания и выражения в высказывании.

Библиографический список

1. Акимова Г.Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1982. 130 с.
2. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. С. 342.
3. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Б.Г. Философский принцип системности и системный подход. Вопросы философии. 1978. № 8. С. 39-52.
4. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 255 с.
5. Кузьмин В.П. Системные основания и структуры в методологии К. Маркса. Системные исследования. М., 1978. С. 26-52.
6. Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск, 1982. 253 с.
7. Мельничук А.С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма. Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С. 38-69.
8. Нерушева Т.В. Выражение категории условия при помощи средств лексической семантики: Дис. к.ф.наук: Орел, 2003. 165 с.
9. Новик И.Б., Мамедов Н.М., Давтян Н.А. Логика научного познания и метод моделирования. Философско-методологические основания системных исследований: Системный анализ и системное моделирование. М., 1983. С. 156-180.
10. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. Под редакцией Б.А. Серебrenникова. М.: Наука, 1970. 602 с.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I-II. 536 с.
12. Садовский В.Н. Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. М., 1974. 279 с.
13. Слюсарева Н.А. Методологический аспект понятия функции языка. Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38. № 2. С. 136-144.
14. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981. 206 с.
15. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование: 2-е изд. М., 1977. 341 с.
16. Степанов Ю.С. Семиологическая структура языка: (три функции и три формальных аппарата языка) Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32. № 4. С. 340-353.
17. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования: Испанский язык Испании и Америки. М., 1979. 327 с.
18. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. М., 1956. Т. 1. С. 23-197.
19. Философский энциклопедический словарь (ФЭС). М.: Советская энциклопедия, 1983. - 840 с.
20. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка: 2-е изд. Л., 1941. 620 с.
21. Шведова Н.Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка. Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 30-37.
22. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24-39.
23. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. 168 с.
24. Якобсон Р.О. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами. Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4. С. 372-377.
25. Halliday M.A.K. System and function in language. Selected papers. London, 1976. 250 p.

T.V.NERUSHEVA

THE FUNCTIONAL DESCRIPTION OF THE LANGUAGE NOTIONS

History of functional grammar and its essence, functional description of grammar notions are the subject for consideration in the article. The functional – semantic field (FSF) and the categorical situation (CS) are the basis of the functional grammar. FSF is multileveled and many-sided notion, involving morphological, lexical, grammatical, lexical – grammatical aspects of the language system, CS being the description of the typical categorical situations, based on the definite FSF and representing the elements of its content and expression in the statement.

Key words: functional grammar, functional description of grammar notions, the functional – semantic field (FSF), the categorical situation (CS).

А.А. НОВИКОВА

аспирант кафедры русского языка Орловского
государственного университета

E-mail: NastyaRing@yandex.ru

Тел. 8 920 286 15 27

СОЮЗ ИБО В РОМАНЕ Н.С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ»

Статья посвящена анализу функционирования конструкций с союзом ибо в романе Н.С. Лескова «Соборяне». Анализируются сложноподчиненные предложения с отношением причины, роль союза ибо как причинного союза, стилистическая функция союза, история и сфера его употребления, а также пунктуационные особенности конструкций с данным союзом.

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение, придаточное предложение, причинные отношения, союз ибо, пунктуационные особенности.

Причинные отношения в прозе Н.С. Лескова выражаются различными сложными конструкциями: сложноподчинёнными предложениями (далее – СПП):

В домике у отца протопопа всякая чистота и всякий порядок, потому что ни сорить, ни пачкать, ни нарушать порядок у него некому;

сложными бессоюзными предложениями:

Они идут спешно: ночь в тихом городке рано собирает всех в гнезда свои и на пепелища свои;

сложными предложениями с разными типами связи:

Не жалею меня, что я одинока: всяк брат, кто в семье дальше братнего носа смотрит, и между своими одиноким себя увидит.

Целью данной статьи является описание результатов анализа функционирования СПП с придаточными причины, которые присоединяются к главному союзом **ибо**.

Методом сплошной выборки из романа Н.С. Лескова «Соборяне» были выписаны СПП с придаточными причины. (Для анализа берутся СПП, состоящие из двух частей: главной и придаточной. Если предложение многокомпонентное, то из него вычленяется СПП с придаточным причины.)

Анализ собранного языкового материала показывает, что в романе придаточные причины присоединяются разными причинными союзами: **потому что, ибо, так как, за то что, оттого что, тем более что**.

Всего из текста в романе выписано 234 СПП с придаточными причины. Конструкции с союзом **ибо** одни из самых употребительных – 51 пример (21,8% всех употреблений). Например:

*Но откупщики не унялись и снова просили отметить указ святейшего синода, **ибо**, при содействии его, общества трезвости разведутся повсеместно.*

«Союз **ибо** – единственный сохранившийся в русском языке союз причины, употребление которого зафиксировано в древнейших памятни-

ках письменности восточнославянских языков» [Преображенская 1979:301].

А.Н. Стеценко считает, что «причинный союз **ибо** возник из сочетаний **и и ибо**» [Стеценко 1977: 249]. С мнением А.Н. Стеценко соглашаются и авторы этимологических словарей: «**ибо** – заимствование из старославянского, где является сращением союзов **и** и **бо**, имевшего значение «потому что» (в украинском союз **бо** с таким значением сохранился и поныне)» [Шанский, Боброва 1994: 101-102; Этимологический словарь русского языка 2008: 155].

По наблюдениям Е.А. Иванчиковой, к концу XIX века союз **ибо** стал активнее употребляться в книжной, преимущественно научной речи [Иванчикова 1964: 187].

В. И. Кодухов отмечает, что союз **ибо** со второй половины XIX века теряет свои позиции в языке художественной прозы [Кодухов 1965: 164].

Наблюдения В.И. Кодухова подтверждаются и материалами М.В. Теляковской: употребление **ибо** в художественной прозе уменьшается [Теляковская 1987: 119].

Союз **ибо** в «Словаре русского языка» дается с пометой устаревший и книжный [СРЯ 1981: 626].

А.К. Федоров отмечает, что во второй половине XIX века союз **ибо** закрепляется в основном в публицистическом и официально-деловом стиле [Федоров 1972: 821].

Т.Н. Мревлишвили отмечает, что уже в 30-40 годы XIX века **ибо** осуждался некоторыми писателями за архаичность [Мревлишвили 1956: 353].

В научной литературе видим, что «обычные условия функционирования союза **ибо** – конструкции с развёрнутой аргументацией, со стилистическими характеристиками книжной, ораторской речи» [Русская грамматика 1980: 582]. В «Соборянах» читаем:

Такой вопрос, откровенно должен признаться, крайне смутил меня, ибо я вдруг стал понимать, ...

В.И. Даль писал, что «*ибо* – союз ныне малоупотребительный» [Толковый словарь живого великорусского языка, 1955: 5], однако в современных толковых словарях даётся помета, что данный союз только лишь принадлежит книжному стилю. Этот союз создает меньшую зависимость придаточного предложения от главного, скорее присоединяет логическое обоснование, причину [Д.Н. Ушаков, 2008: 208].

М.В. Ляпон отмечает, что союз **ибо** недифференцированного значения, специализированный в позиционном отношении, не может начинать собою сложное предложение, закреплён между главной и придаточной частью, либо (при интерпозиции придаточного) – внутри главной части [Русская грамматика 1980: 582]. Анализ предложений с данным союзом показал, что во всех конструкциях союз **ибо** расположен между главной и придаточной частью, в постпозиции:

Проповедует меня исправник гораздо лучше, ибо у него к сему есть такая миссионерская снасть о нескольких концах...

Примеров интерпозиции придаточного нет.

Во всех изученных нами источниках упоминается, что союз **ибо** является книжным или относящимся к высокому стилю. Активное употребление конструкций с данным союзом объясняется тем, что «Соборяне» – роман о священнослужителях, для речи которых характерен высокий стиль не только в церковном служении, но и в повседневной жизни.

Все предложения с союзом **ибо** принадлежат священнослужителям, в основном – протопопу Туберозову, как одному из главных героев. Использование союза **ибо** в речи героями романа – вероятно, влияние духовной литературы.

Мелочь сие; но я ведь мелочи одни и назираю, ибо я в мале и поставлен.

Н.С. Лесков расширяет стилистическую функцию союза, включая его в разговорную речь (50 предложений).

Одна спешность сия сама по себе уже не много доброго предвещала, ибо на добро у нас люди не торопливы, а власти тем паче, но, однако, я ехал храбро.

В разговорной речи употребление **ибо** тоже может объясняться влиянием духовной литературы (потому что наши предки, герои Н.С. Лескова, читали эту литературу постоянно), общением с духовными лицами, что безусловно помогало строить разговорную речь по моделям книжной.

Союз **ибо** используется героями и для передачи речи других персонажей, то есть при цитировании. Туберозов при передаче слов Порохонцева использует **ибо**:

[...но он сказал, что по-ихнему, по-полковому,] не надо о том жалеть, [когда, подписавши, целуешься,] ибо это всегда лучше, чем выпив да подерешься.

Мы видим, что этот союз характеризует именно речь отца протопопа.

В одном случае союз **ибо** употребляется в письменной речи, однако по содержанию это письмо ближе к разговорному стилю. В этом примере союз используется как нейтральный:

Тоже писано: «Кольми паче не дерзали б грабить, под виной жестокого наказания, ибо слуги архиерейские обычно бывают лакомые скотины, и где видят власть своего владыки, там с великою гордостью и бесстыжием, как татары, на похищение устремляются.»

– отец Савелий цитирует письмо духовного лица. В разговоре между двумя духовными лицами на бытовую тему использование **ибо** является данью традиции, привычкой.

Таким образом, конструкции с союзом **ибо** используются:

– в разговоре между духовными лицами (диалоги):

Нет его, нет, братия меж нами! ибо ему не нужно это слабое слово мое, потому что слово любви давно огненным перстом Божиим начертано в смиренном его сердце.

– при цитировании:

...напоминая, что тому, о чём она намекнула, не трудно было стать, ибо был будто бы я столь собою пригож, что...

– в письменной речи героев (письма, дневники):

...пусть всё так и остаётся, ибо все, чем сия минута для меня обильна, мило мне в настоящем своём виде и таковым должно сохраниться.

Можно отметить пунктуационные особенности конструкций с союзом **ибо**. Союз **ибо** может создавать меньшую зависимость придаточного предложения от главного, что иногда находит отражение в пунктуации: перед союзом **ибо** могут стоять различные знаки препинания (точка с запятой, двоеточие, запятая и тире, скобки, точка). В нашей выборке встретился один случай с точкой запятой:

Но правитель, оправляя перед ним свою вину, молвил, что замечаемый в тех уездах голод ещё не есть настоящий голод; ибо хотя там хлеб и пропал, но зато изрядно «родилось просо».

Во всех остальных случаях Н.С. Лесков ставит традиционно запятую, например:

Сколь сие ни забавно, однако я старался рассеять всякие сомнения насчёт своей юности, что мне и нетрудно, ибо без лжи в сем имею оправдание.

Изучив литературу, посвящённую союзу **ибо**, и проанализировав предложения в романе

«Соборяне», мы можем отметить, что такой объём конструкций с **ибо** (21,8%) неслучаен. Н.С. Лесков, описывая жизнь духовных деятелей, обращает внимание на речь героев: высокий стиль характерен для них и в обычной жизни, что является особенно-

стью произведения. Употребление священнослужителями союза **ибо** типично и является больше даже привычкой, потому что анализируемый союз встречается в духовной литературе; всё это приближает союз к нейтральному стилю.

Библиографический список

1. Иванчикова Е.А. Развитие подчинительных конструкций функциональных типов. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчиненного предложения. М.: Наука, 1964. С. 83-256.
2. Кодухов В.И. Сложные предложения с союзом и союзным словом как в русском языке второй половины XVIII века. Вопросы синтаксиса и лексики русского языка. Уч.зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, т. 268. Л., 1965. С. 131-211.
3. Мревлишвили Т.Н. Союз **ибо** у Гоголя. Труды Тбилисского ун-та, 1956, т. 63, С. 353-364.
4. Преображенская М.Н. Сложноподчиненные предложения причины. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М.:Наука, 1979. С. 283-321.
5. Словарь русского языка: В 4 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т.1. А-Й.
6. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1977.
7. Теляковская М.В. Изменения в структуре и семантике сложноподчиненных предложений причинного типа в языке русской художественной прозы с 20-30-х годов XIX века до 80-х годов XX века.: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1987.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: ООО «Дом славянской книги», 2008. 960 стр.
9. Федоров А.К. Система подчинительных союзов в русском языке (Проблема взаимосвязи значения союза и структуры сложного предложения): Дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 1972. Т. I – III.

A.A. NOVIKOVA

USING OF CONJUNCTION ИБО IN THE NOVEL “SOBORIANE” BY N. LESKOV

This article is devoted to using conjunction ИБО in the novel “Soboriane” by N. Leskov. Compound sentences with the reason relation, a conjunction role for as causal conjunction, stylistic function of the conjunction, history and sphere of its use, and also punctuation features of constructions with the given conjunction are analyzed.

Key words: *a compound sentence, a subordinate clause, causal relations, the conjunction ИБО, punctuation features.*

Н.В. НОВИКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и фольклора Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
E-mail: novikovanv@mail.ru,
Тел. 8 905 387 13 78

«НРАВСТВЕННЫЙ ТОЛЧОК ПРОБУЖДЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОВЕСТИ» (ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ЖУРНАЛЕ «ЗАВЕТЫ»)

Статья посвящена такому аспекту вопроса об отношении к Л. Толстому в 1910-е годы, который не входил в поле зрения исследователей. Выявляется круг материалов, посвящённых писателю в журнале, выпускаемом эсерами (рецензии, статьи публицистические и литературно-критические), предпринимается попытка рассмотрения концептуальных суждений «заветовцев» (в контексте современной им религиозно-философской рецепции Л. Толстого), намечаются приоритеты литературно-критической методологии, восходящие к нравственно-этическим урокам писателя.

Ключевые слова: Л. Толстой, журнал «Заветы», публицистика, литературная критика, В. Чернов, Р. Иванов-Разумник, рецепция, «рождение человека».

Ежемесячник с таким поистине программным названием просуществовал недолго: с апреля 1912-го по август 1914-го года. Вышло всего двадцать восемь его книг. Но несмотря на кратковременность пребывания в русской периодике, «Заветы» оставили в ней заметный след. Политическим редактором журнала был В.М. Чернов (1873-1952), один из главных теоретиков и идеологов эсеровской партии, к тому же – талантливый журналист, наделённый публицистическим даром, чутьём литературного критика. Соредактором периодического издания с осени 1912 года становится Р.В. Иванов (Иванов-Разумник) (1878-1946), в ведение которого переходят художественно-беллетристический и критико-библиографический отделы. К началу работы в «Заветах» он уже привлёк к себе внимание газетно-журнальными откликами на произведения современных писателей, книгами философско-публицистического содержания, четырьмя томами сочинений, в которые вошли литературно-критические работы 1904-1911-го годов и двухтомная монография «Великие искания», посвящённая В.Г. Белинскому и Л.Н. Толстому [12]. Особое место в «активе» Р.В. Иванова-Разумника занимала панорамная картина классической русской литературы, которая, по убеждению автора, явилась главной выразительницей философской, социальной и нравственной мысли в России [10].

Благодаря деятельному участию в «Заветах» Р.В. Иванова-Разумника журнал имеет своё лицо, причём «литературно-общественного» характера. «Литература и общественность» – так называется отдел, который ведёт в «Заветах» Р.В. Иванов-Разумник

и в котором печатаются его программные литературно-критические выступления [29]. Обратим внимание на то, что это название аналогично названию обзоров («Литература и жизнь»), которые с 1893 года в журнале «Русское богатство» помещает Н.К. Михайловский. Преемственная связь с его мировоззрением манифестируется «заветовцами» с первого номера журнала. В составлении литературной части «эсеровского» издания явственно ощущается преемственность историко-литературных вкусов, симпатий, воззрений отнюдь не идеологически сиюминутного, не утилитарно-партийного толка¹.

Р.В. Иванов-Разумник, будучи ведущим критиком журнала, исходит из того, что «оценить в должной мере своих современников» можно, памятуя об «истории литературы» как об «очень полезном оселке» [21, с. 97]. Историко-литературная проекция разумниковской критики «запрашивает» насущный потенциал «вечных ценностей» [11, с. 4], завещанных русской классикой, и тем самым предопределяет пути осмысления тенденций и перспектив литературного движения 1910-х годов.

Одно из приоритетных мест и в разумниковском, и в черновском ареопаге занимает Л.Н. Толстой. Политическому редактору «Заветов» роль Л.Н. Толстого в современной истории России видится прежде всего в свете нравственно-

¹ Новикова Н.В. Р.В. Иванов-Разумник – редактор и автор журнала «Заветы» (1912-1914). Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: учеб. пособие для вузов. Под ред. Е.П. Никитиной и И.А. Книгина. Сост., вступ. ст., примеч. Н.В. Новиковой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 3-44.

этических установлений, которые легли в основу специфически толстовского отношения к миру и которые оказались «вняты» В.М. Чернову как деятельному участнику освободительного движения. Программную статью об А.И. Герцене, помещённую в первой книге «Заветов», он завершает словами о ясно сознаваемой моральной ответственности сограждан перед памятью знаменитого соотечественника: «Мы переживали недавно дни великих потерь, великих могил, между ними – день смерти Толстого. Мы знаем, что такие дни суть великие экзамены для всей страны, и прежде всего для её интеллигенции. Такие дни способны давать нравственный толчок *пробуждению общественной совести*» (Курсив автора. – Н.Н.) [38, с. 67]. Вдохновитель одного из отрядов политического движения преклоняется перед величием толстовского духовно-нравственного мира и взывает к читателям, тем самым пропагандируя его с журнальной трибуны. Апелляция идеолога эсеровской партии к авторитету толстовского императива свидетельствует о том, что вопросы морали для него и его единомышленников не были на периферии стратегических планов и тактических забот.

В таких категориях, восходящих к коренным толстовским, отношение к писателю высказывалось многократно, независимо от склада убеждений и политической принадлежности говорящего. Как прав был С.Н. Булгаков: «И в этой власти будить засыпающую совесть заключается то, что объединяет в положительном отношении к Толстому многих людей разных вер и разных настроений» [4, 291]. Вскоре после кончины писателя в отклике «На смерть Толстого», опубликованном «Русской мыслью» в № 12 за 1910 год, он свидетельствовал, как Л.Н. Толстой «могущественно содействовал <...> столько же своей проповедью, сколько и обаянием своей личности» «религиозному пробуждению в нашей среде, скованной духовным параличом мнимой культурности», какую «религиозную непререкаемость» имеет один из «мотивов учения Л.Н. Толстого – его обращение к *личной совести* и к *личной ответственности* каждого» (Курсив автора. – Н.Н.) [4, с. 290]. Философ поворачивает в нравственную плоскость сакраментальный вопрос, приобретший к тому времени уже и общественно-политическое звучание, и наполняет его неотъемлемо толстовским содержанием: «Перед Толстым, во всю его долгую жизнь стоял один чисто русский вопрос: “что делать?”, как праведно жить? Отсюда проистекает та сторона его писательской деятельности, в которой выразилось его нравственное служение и религиозное призвание – быть голосом общественной совести» [4, с. 291].

Если В.М. Чернову булгаковская статья была знакома, то он подхватывает не только пафос проникновенных размышлений её автора о ценности духовно-этического наследия Л.Н. Толстого, но и его выразительную лексику. Однако есть момент существенной разницы двух высказываний. «Быть голосом общественной совести», по С.Н. Булгакову, означает, судя по всему, выражать именно общие, общенародные, а не личные уже запросы и чаяния нравственного содержания. В этом философ видит подвижническое служение Л.Н. Толстого. Воздействие его на соотечественников, убеждён В.М. Чернов, не должно ослабевать после ухода, более того, оно должно стать «нравственным толчком», активизирующим чувство ответственности сограждан за настоящее и будущее. Уроки совести великого старца должны направлять на созидательные свершения, связанные с жизнью общества, его благом. Таким образом, в ключевом слове В.М. Черновым актуализируется оттенок смысла, свидетельствующий о его понимании общественного служения. «Общественная совесть», по В.М. Чернову, выступает как двигатель социально-политических преобразований, по крайней мере для тех, кто осознаёт их необходимость.

Нельзя не отметить и впечатляющую перекличку, объективно выявляющую в начале 1910-х годов, на новом этапе исторического движения, востребованность для «возрождения России» судьбоносного толстовского гения: концептуальные формулировки В.М. Чернова перекликаются с размышлениями Е.И. Аничкова, которые находим в заметке для сборника, подготовлявшегося С.А. Венгеровым к восьмидесятилетию писателя, но не изданного. Почти четырьмя годами ранее В.М. Чернова Е.И. Аничков с тревогой и надеждой писал: «Нам теперь так нужны были “толстовские дни”. Они должны были быть то же, что “пушкинские”: самоиспытание, объединение и новое вдохновение. Этого не случилось. Но если не теперь, то позже “толстовские дни” великого творческого самопознания России наступят» [1, с.312-313].

Примечательно, что В.М. Чернов невольно вступает в диалог и с А.А. Блоком. Черновское осознание личности, творчества, заветов Л.Н. Толстого оказывается созвучным тому, как прочувствовал феноменальное явление поэт. 18 сентября 1908 года он написал короткую заметку для того же юбилейного издания, что и Е.И. Аничков. В ней – необычное ощущение причастности к «недремлющему и незаходящему солнцу Толстого», к «жизни гения», которая «есть непрестанное излучение света на современников», и мысль об интеллигенции, которой «надо торопиться понимать Толстого в юности,

пока наследственная болезнь призрачных “дел” и праздной иронии не успела ослабить духовных и телесных сил» [3, с. 676-677].

Сравнительно недавно опубликованы и другие признания подлинного уважения к духовному учительству Л.Н. Толстого, относящиеся к той поре: о «нравственном влиянии» «яснополянского мудреца» – заметки о встречах с писателем паломников из Америки, о Л.Н. Толстом-учителе (С. Ольденбург) и «пахаре», «равного» которому на «пространствах великой России» «не будет <...> быть может, много десятков лет» (А. Белый), о благоговейном отношении к Л.Н. Толстому рядовых соотечественников, шедших к нему «в поисках веры и смысла жизни» (М. Новиков, А. Бобков и др.) [30, с. 250-275, 288-300, 301-317, 318-346, 347-372]. Следует сказать, что в периодической печати к 80-летию писателя появились и отклики совершенно иного типа [32]. Юбилеем писателя продиктованы и взволнованные слова С.Л. Франка: «Мне кажется, этим случаем следует воспользоваться прежде всего для того, чтобы исправить совершенно ненормальное отношение к Толстому, установившееся в русском обществе. Его хвалят и возвеличивают как бы только для того, чтобы купить этим право не думать о нём и без проверки отвергать его идеи. Из всех современных мыслителей Толстой пользуется наибольшей славой. Но вместе с тем, кажется, наименьшим признанием» [36, с. 151-152].

Идейный вождь «неонароднического», точнее «эсеровского» журнала прочувствованно воспринимает уникальность нравственного достояния Л.Н. Толстого. Быть современником этого человека, по словам В.Я. Брюсова, «много значило» [28, с. 451]. Такая позиция в делящемся споре о Л.Н. Толстом является безоговорочным признанием его влияния, в контексте «Заветов» оно – ключ к журнальному коду, ориентир первостепенной значимости. Как и следует ожидать, В.М. Чернов, с целью развёртывания отправных публицистических положений, обращается к Л.Н. Толстому неоднократно [39, 40, 41]. О глубинном интересе В.М. Чернова к Л.Н. Толстому говорит тот факт, что фигура художника-мыслителя притягивала его внимание и в дальнейшем [42].

Пафос черновского осмысления личности Л.Н. Толстого и его духовно-нравственного наследия подхватывают создатели журнала. Издания произведений Л.Н. Толстого и литература о нём неизменно присутствуют в перечнях книг, «присланных в редакцию для отзыва», материалы о нём регулярны в разделе «Библиография» [6, 7, 8, 25, 26, 31, 37], постоянные авторы журнала высказывают своё понимание толстовского мира в проблемных

статьях [9, 27]. Наконец, великому писателю земли русской уделяется особое внимание в разножанровых работах литературного редактора «Заветов» Р.В. Иванова-Разумника. И каждый раз это не случайное касательство, не дежурная ссылка, а знаковое возвращение к художнику-мыслителю, проповеднику, ревностному хранителю «вечных истин». В начале 1920-х годов критик переиздаёт статьи, опубликованные им в «Заветах». Название сборника и его подзаголовки подчёркивают то, что Р.В. Иванов-Разумник не меняет своих творческих убеждений и методологических принципов. Вышла только первая его часть – «Заветное» [23], во второй, с характерным названием «Вечные пути», предполагалось переиздать «заветовские» статьи 1913-1914 годов. Понятно, что в стране победившего пролетариата книге под таким названием появиться было не суждено: она диссонировала с тенденцией освоения новых «путей», на которых толстовские «вечные истины» предадут забвению, а их горячего сторонника подвергнут преследованию.

Поругание «культуры» Р.В. Иванов-Разумник наблюдал и раньше, в том числе – за пределами Отечества, и знал, что может остановить этот разрушительный процесс. Ещё в 1912 году, в первом «заветовском» очерке – «Человек и культура (Дорожные заметки и впечатления)» [34], критик поднимает проблемы, которые давно вызывают его беспокойство: цивилизации и культуры, духовности и бездуховности, индивидуализма и мещанства. По Р.В. Иванову-Разумнику, «индивидуализм есть примат личности <...> признание человеческой личности первой и главной ценностью», «противоположение мещанству», борьба с которым «равнозначна в этом случае борьбе за индивидуальность» [24, с. 32, 37]. С точки зрения историка «общественной мысли», «индивидуализм» – характерная черта мыслящей интеллигенции. «В противоположность интеллигенции», «этическое мещанство <...> должно характеризоваться отсутствием творчества, отсутствием активности», иначе говоря, «мещанство – это *узость, плоскость и безличность*, узость формы, плоскость содержания и безличность духа» (Курсив автора. – Н.Н.) [24, с. 30]. «Величайшими провозвестниками» «этического индивидуализма» [24, с. 37] Р.В. Иванов-Разумник считал Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, «величайшим представителем мещанства» – А.И. Гончарова [24, с. 243].

Попутчиком автора, едущего в Берлин, оказывается молодой господин, «пропитанный внешней культурой от носка сапог и до пробора на макушке» [34, с. 47]. Два года он, будущий профессор, жил «в некультурной России», «изучая душу её – литературу» [34, с. 48]. Немец признаётся, что «северные

литературы вообще, а русская в особенности <...> теперь в почёте в Германии. Собрания сочинений Тургенева, Гончарова, не говоря уже о Толстом и Достоевском, переведены и переводятся на немецкий язык» [34, с. 48-49]. Но выясняется, что «сама по себе русская литература, вне вопроса о немецком влиянии», «его мало трогает». Для него это «литература гениально диких эксцессов у Достоевского с братией, литература гениально нелепых социальных мечтаний у Толстого и его учеников», «он слишком далёк от интересов и идеалов русской литературы, он хорошо знает её, но он духовно чужой в ней» [34, с. 49]. Для него изучение русской литературы – «выгодное и прибыльное занятие», специализация, благодаря которой «хорошее место обеспечено». Автор резюмирует: «Такого прямого и естественного соединения "духовной ценности" с "внешней формой культуры", то есть "русской литературы" с "хорошим местом", – мне ещё встречать не приходилось» [34, с. 49].

Таким образом, герой и автор очерка – полнейшие антиподы: один – воплощение «холодного профессионализма», глухоты к заветному слову лучших выразителей души «некультурного русского народа» [34, с. 63], другой – убеждённый сторонник и защитник духовного начала отечественной словесности, носитель и сберегатель её нравственно-этического богатства. В этом смысле Л.Н. Толстой – наряду с Ф.М. Достоевским – занимает, по Р.В. Иванову-Разумнику, первенствующее положение. Вершинной русской культуре есть что противопоставить обывательскому прагматизму, обезличенности, «комфортабельной культуре» цивилизованного берлинского (шире – европейского) рая с его «храмами современной культуры» – мраморными «пищеварительными», «жратвенными храмами и клозетами при них» [34, с. 63].

Л.Н. Толстой расценивается публицистом как одухотворённо-творческое явление не только русской, но и мировой культуры, как противник цивилизации, вытесняющей живую душу и этим пагубной для человека. Назревает закономерный вопрос: «Что же? Надо бросить города, бежать в леса, стать на четвереньки и питаться травой? Ведь так пародировал когда-то Вольтер опростительные идеи Руссо, так и теперь ещё возражали Толстому» [34, с. 67]. Р.В. Иванов-Разумник ограждает писателя от примитивных толкований его нравственной философии. Знаменитое толстовское опрощение было следствием глубинной работы души, проявлением аскетической тяги к самосовершенствованию. «Нет, "опрощаться" не надо, – подытоживает критик свои размышления о "человеке и культуре", – надо "усложняться", ибо только дальнейшим

усложнением можно победить то апокалиптическое чудовище, которое называется Берлином, Нью-Йорком, Лондоном – "имена его мнози суть"» [34, с. 67]. Из этого следует, что прочувствованное культивирование «индивидуализма» как явственно выраженного личностного начала может поставить заслон нравственному мельчанию, оскудению, то есть – омещаниванию. Источник вочеловечивающей силы, по убеждению Р.В. Иванова-Разумника, – русская классическая литература, в особенности – беспокойное слово Л.Н. Толстого, взыскующее нравственной справедливости и духовного совершенства. Таким образом, уже с самого начала является основополагающая разумниковская идея, которая, как заметит читатель «Заветов», становится стержнем литературно-критических построений в журнале.

Действительно, приверженность к тому кругу вопросов, которые звучали в первой же «заветовской» статье, к тем идеалам, верность которым подтверждается в ней, Р.В. Иванов-Разумник сохраняет и в дальнейших своих выступлениях на страницах журнала. В октябрьской книге «Заветов» он помещает небольшую заметку «Памяти Л. Толстого» [13]. Поводом для неё становится двухлетняя годовщина смерти писателя, последовавшая за уходом его из Ясной Поляны. Это краткое и эмоционально насыщенное слово о Л.Н. Толстом представляет собой журнальный вариант заключительного фрагмента ещё не вышедшей к тому времени второй части разумниковской монографии «Великие искания» [12, с. 154-156]. Автор датирует работу над книгой 1911-1912 годами, предисловие – октябрём 1912 года [12, с. 160, 8]. Лев Толстой, слава которого как «учителя жизни» была прочна, показывается автором книги не только с величественной, всем открытой стороны, но и с оборотной, трагической. Такой ракурс задаётся уже в предисловии к «историко-литературному очерку», где «великие искания» Л.Н. Толстого называются не иначе как «мучительными», а в послесловии подчёркивается, что «личная трагедия Толстого стала теперь достоянием человечества; достоянием русской литературы остались величайшие художественные произведения Толстого, определяющие значение его в истории этой литературы. Значение это трудно переоценить» [12, с. 7, 157].

Следует уточнить, что Р.В. Иванов-Разумник не был первооткрывателем темы трагического в Л.Н. Толстом. До него появились и разные аспекты её истолкования: в 1908 году Л.И. Шестов писал в статье «Разрушающий и созидаящий миры» о толстовских «невыносимых муках отчаяния» [43, с. 171, 172, 183, 191]; на «величии трагедии Толстого – тра-

гедии гения, преодолевающего свою собственную человеческую гениальность во имя большей, невыразимой, нам едва ли понятной гениальности», на «немоте последней трагической борьбы» настаивал Андрей Белый в работе с красноречивым названием «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» [2, с. 282-283]. Одновременно с Р.В. Ивановым-Разумником «подлинную душевную муку», «ужас жизни и ужас перед жизнью» находил в «Дьяволе» и «Отце Сергии» С.Н. Булгаков [5, с. 74]; «безмолвную трагедию» Л.Н. Толстого, «немую трагедию его жизни» различал В.Ф. Эрн [44, с. 388]. Кстати, эта статья входила во второй сборник «О религии Льва Толстого» и была удостоена резко полемического отзыва [16]. Позже Р.В. Иванова-Разумника Осип Ларин трактует вопрос в духе Л.И. Шестова, склоняясь к мысли о том, что последний – «единственный из критиков, разгадавших в своё время мучительную трагедию Л. Толстого» [27, с. 2].

Р.В. Иванов-Разумник считает, что «поступок великого старца» – его «уход» – приоткрывает «глубокую трагедию», «душевную трагедию», «трагедию жизни» [13, с. 131]. Касаясь интимного, личного, что проступает в произведениях писателя (в «Крестнике», «Отце Сергии», драме «И свет во тьме светит»), критик нащупывает самый нерв толстовской натуры: «соблазн учительства» (Курсив автора. – Н.Н.) [13, с. 131]. Внутренняя потребность проповедовать, как полагает Р.В. Иванов-Разумник, «больно затрагивала» Л.Н. Толстого уже с середины 80-х годов. И если герои Л.Н. Толстого, подобно отцу Сергию, находили в себе силы отрешиться от этого соблазна, то сам художник «соблазн учительства хотел преодолеть <...> хотел – и не мог, не мог в жизни» [13, с. 132]. Он мог только мечтать «уйти от своего дома, от своего учительства, которое поистине было его тяжёлым крестом» [13, с. 132]. Нравственно-философская, этическая высота, на которую поднимает Л. Толстой своего читателя, оборачивается для него трагедией непонимания со стороны самых близких. Мечта «уйти от мнения людей, от славы людской, уйти вглубь России и самого себя» «так и оставалась неисполненной мечтой; Толстой продолжал жить по-прежнему, продолжал писать, продолжал учить, затаив за внешней проповедью внутренние искания. А эти внутренние искания жгли его, как лава под пеплом» [13, с. 132].

В книге, подводя итог своих размышлений о Л.Н. Толстом, Р.В. Иванов-Разумник пишет: «До последней своей минуты не выпускал он пера из рук, весь отдавшись проповеди того религиозно-жизнепонимания, которое объясняло ему всю жизнь, весь мир; и это своё убеждение истины он хотел передать другим, хотя и сознавал, и чув-

ствовал всю муку своего учительства» [12, с. 155]. Ссылаясь прежде всего на «Круг чтения» и «Путём жизни», автор вновь сосредоточивает внимание на сокровенной мысли: «Работы эти были, мы знаем, не только одной внешней проповедью, но и глубоким процессом непрерывного роста души самого Л. Толстого; он давал другим, что переживал он в себе» [12, с. 153].

Притягательная сила нравственной проповеди, которой «начались для него (Л.Н. Толстого. – Н.Н.) девяностые годы» и которой «кончилась его жизнь» [12, с. 155], окружала писателя единомышленниками и спланивала последователей. Но вряд ли кто-то из внимавших Л.Н. Толстому задумывался о той цене, которой оплачено исключительное духовное напряжение. Р.В. Иванов-Разумник приближается к сердцевине характера «великого старика» [13, с. 131], несколькими штрихами воссоздаёт подвижнический склад его души, крупным планом высвечивает драматизм судьбы художника, неуклонно ищущего истину.

Л.Н. Толстой, которого четверть века упрекали в том, что «проповедует он одно, а делает другое», что «говорит, но не делает», нёс эту ношу, по мнению Р.В. Иванова-Разумника, стоически. «А когда он понял, что *должен* человек найти себя во что бы то ни стало, когда решился он сбросить с плеч этот тяжёлый крест, чтобы принять новый искуc – жизнь бездомного и одинокого старика, – на него тогда возложила свой последний крест Смерть...» (Курсив автора. – Н.Н.) [13, с. 133]. Освобождение Л.Н. Толстого от всего, что мешало ему жить в ладу с его суровой, беспощадной совестью, с точки зрения Р.В. Иванова-Разумника, становится «рождением человека» в нём, разрешением трагедии.

Здесь проступают контуры одной из заглавных разумниковских идей, развёрнутое аналитическое обоснование которой тогда оставалось для читателя за кадром. Стремясь проникнуть в заповедные сферы духа «великого искателя» [12, с. 160], рассматривая «историю творчества Л. Толстого <...> а значит и историю жизни» [12, с. 11], исследователь не обходит на этом пути острых углов, но истолковывает вопрос о толстовском трагизме отлично от других. По Р.В. Иванову-Разумнику, «всякая трагедия есть рост души человека» [12, с. 128], а посему она, трагедия, означает не отрицание жизни, а её созидание, тем более удивительное перед лицом смерти. В «Заветах» прочтение современной литературы осуществляется Р.В. Ивановым-Разумником в русле тех представлений, которые проистекают из постижения им в «Великих исканиях» судьбы и много-сложного творческого мира Л.Н. Толстого. Нужно ли специально останавливаться на том, насколько

этот жизнеутверждающий посыл критика и редактора отвечает общественно-литературному статусу журнала?

К уходу Л.Н. Толстого как «величайшему акту <...> внутренней работы» [12, с. 155], поистине трагическому апогею «роста души» писателя-проповедника Р.В. Иванов-Разумник вернётся ещё не раз. Обратимся к рецензии на постановку пьесы Л. Андреева «Профессор Сторицын» в Александринском театре [35]. С точки зрения рецензента, «ни исполнитель главной роли, ни публика в её большинстве не поняли <...> самого основного, с чем нужно подходить ко всей драме!» [35, с. 155]. Судьбу героя пьесы он видит через призму аналогий: «Может ли быть трагическим самый обыкновенный, самый простой смертный, самый обывательский человек? – Ещё бы нет! Трагедия – участь *каждого*» (Курсив автора. – Н.Н.) [35, с. 155]. В связи с этим критик апеллирует к толстовскому Ивану Ильичу, на исходе жизни «познавшему трагедию», и выявляет знаменательное сходство: «Поднимитесь на несколько ступенек выше, и вы от Ивана Ильича подойдёте к профессору Сторицыну. Трагедию переживают гении; на наших глазах произошёл уход Толстого из Ясной Поляны – последний акт трагедии великого человека. <...> Суть же трагедии всегда в том, что *рождается человек* – быть может, уже в минуту смерти своей...» (Курсив автора. – Н.Н.) [35, с. 155].

Отдельным пунктом стоит выделить то, что именно в связи с размышлениями о Л.Н. Толстом и его героях, обретающих человеческое лицо в исключительных обстоятельствах, у жизни на краю, формируется и формулируется разумниковское понимание задач литературной критики. «Мне ценно только в каждой вещи найти её “нетленное”» [35, с. 156], – так ёмко, с предельной личностной полнотой заявляется Р.В. Ивановым-Разумником единый подход к истолкованию любого явления литературной современности. Очевидно, что подход этот по сути своей творческий. В системе разумниковских концептов поиска «нетленного», то есть «души человеческой, вечно способной к вечному рождению» [35, с. 156], – не что иное как желание «вскрыть зерно трагедии в драматической оболочке» [14, с. 51]. Целеполагающее задание для каждого критического разбора в отдельности в конечном счёте сыграет роль концептуально объединяющего их начала.

Мысль о рождении человека через нравственное страдание, перед лицом смерти, занимает центральное место в литературно-критических воззрениях Р.В. Иванова-Разумника, способствует проникновению в художественный мир современного

писателя². В этом убеждают интерпретации романов В. Ропшина «То, чего не было» [17] и Б.А. Зайцева «Дальний край» [19], прочтение «Пятой язвы» А.М. Ремизова и «Никона Староколенного» М.М. Пришвина [14]. Такой путь восприятия человека, завещанный в своё время А.С. Пушкиным, оказывается наиболее органичным для осмысления творческих открытий и преемственных связей в прозе «новых» реалистов. Оценка литературных новинок даётся Р.В. Ивановым-Разумником с помощью устойчивого ряда личностно окрашенных понятий, опирающихся на ценностные моменты общественно-литературного прошлого. Такие нравственно-этические категории, как восходящие, по наблюдениям критика, к толстовским «трагедия», «рождение человека», влекут за собой «веру» – в человека, в жизнь, русский народ, Россию – и тем самым играют заметную роль в выражении магистральной для Р.В. Иванова-Разумника идеи «расцвета» отечественной литературы³.

На толстовское слово проецируется критиком творчество С.Н. Сергеева-Ценского [20]. Распознавая «духовную сущность» [20, с. 134] произведений этого автора, он «тесно связывает» его «со всем прошлым развитием русской литературы» [20, с. 134], прежде всего – с Л.Н. Толстым, опять-таки – со «Смертью Ивана Ильича» и «Хозяином и работником». Уже у начинающего художника Р.В. Иванов-Разумник обнаруживает «вечную тему мировой литературы»: «Никогда не поздно стать человеком, и этим освятить свою жизнь, хотя бы в минуту смерти» [20, с. 139]. Критик обращает внимание на то, что и Иван Ильич, и купец Брехунов «только смертью открывают в себе человека и находят вечное “что-то”, освящающее жизнь» [20, с. 140].

С точки зрения Р.В. Иванова-Разумника, С.Н. Сергеев-Ценский – «один из самых крупных представителей современного “нового реализма”» [21, с. 91]. Критик обосновывает программное суждение отсылкой к классикам: «Глубокая вера в жизнь неразрывна с “трагическим” отношением к жизни, с “трагическим” пониманием её: в этом – всё содержание русской литературы, начиная от Пушкина и кончая Л. Толстым. В это русло входит и творчество С. Сергеева-Ценского» [21, с. 91].

2 Новикова Н.В. «Рождение человека» как «заветная» идея литературной критики Иванова-Разумника. Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературе: Материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 12-15 апреля 2006 г. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, ВолГУ. Волгоград, 2006. С. 122-127.

3 Новикова Н.В. Концептуальные формулы цикла журнальных статей Р.В. Иванова-Разумника. Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». М.: Изд-во МГОУ, 2006. № 2 (27). С. 239-248;

Как видим, генеалогически «новый реализм», по Р.В. Иванову-Разумнику, являет собой «возрождение в новых формах былой религии жизни, религии Человека – той самой, на почве которой родились два величайших реалистических произведения XIX-го века, “Евгений Онегин” и “Война и мир”» [22, с. 107]. С точки зрения Р.В. Иванова-Разумника, «пушкинско-толстовский реализм, <...> основанный на религии жизни, на религии человека» [22, с. 102], востребован наиболее чуткими из современных литераторов, потому что в нём содержится «живое» начало. Не случайно критик называет «величайшей без сравнения вещью всего года» [15, с. 55] повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат», увидевшую свет в 1912 году, – это «юное, гениальное, “прежнее” произведение, утверждающее жизнь и зовущее к вечной борьбе за неё» [12, с. 155].

В одной из «заветовских» статей Р.В. Иванов-Разумник говорит об «иррациональном внутреннем

художественном чувстве», без которого «нет и подлинной критики» [18, с. 151]. Во многом благодаря этому чувству Л.Н. Толстой взят им не только как нравственно-этическая константа в русском художественном сознании, но и со стороны мучительных внутренних борений. Осознание их усиливает читательское ощущение титанической самоотдачи, самопожертвования художника.

Насущность Л.Н. Толстого в современном мире для Р.В. Иванова-Разумника несомненна. Кажущиеся разрозненными обращения к нему в журнале концептуальны: они соединяют все звенья текущего литературного процесса, являются его основой. Сложившаяся у Р.В. Иванова-Разумника система взглядов на Л.Н. Толстого – точка отсчёта в истолковании им новейшей литературы, методологически значимое явление литературной критики ведущего сотрудника «Заветов».

Библиографический список

1. Аничков Евгений. «У каждого народа свои собственные мучения...» К 80-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. (1828-1908). Андрей Белый, Евгений Аничков, И. Бодуэн де Куртенэ. Публикация, подготовка текста и вступительная статья Ф.Л. Фёдорова. Неизвестный Толстой: В архивах России и США: Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. Составитель и редактор И.П. Борисова. М.: АО «ТЕХНА-2», 1994. С. 311-313.
2. Белый Андрей. Лев Толстой. Русские мыслители о Льве Толстом: Сборник статей. Сост. С.М. Романов. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2002. С. 259-285.
3. Блок А. <О Льве Толстом>. Собр. соч.: В 8 т. А.А. Блок. М.;Л., 1962. Т. 5. С. 676-677.
4. Булгаков С.Н. На смерть Толстого. Русские мыслители о Льве Толстом... С. 286-294.
5. Булгаков С.Н. Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н. Толстого. Вопросы философии и психологии. 1912. № 112. С. 55-105.
6. Дерман А. Н.Н. Гусев. Два года с Л.Н. Толстым. Записки бывшего секретаря. Заветы. 1912. № 2. Отд. II. С. 194-196.
7. Дерман А. Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. Заветы. 1912. № 4. Отд. II. С. 185-191.
8. Дерман А. Толстовский ежегодник 1912 года. Заветы. 1913. № 3. Отд. II. С. 224-227.
9. Дерман А. О центральной идее Л.Н. Толстого. Заветы. 1912. № 8. Отд. II. С. 59-72.
10. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века. 3-е изд., доп. СПб., 1911. Т. II. 520 с.
11. Иванов-Разумник. Вечные ценности (Вместо введения). Сочинения. 2-е изд., доп. СПб., 1912. Т. 1. Литература и общественность. С. 3-4.
12. Иванов-Разумник. Сочинения. СПб., 1912. Т. 4. Великие искания. Лев Толстой. 171 с.
13. Иванов-Разумник. Памяти Л. Толстого. Заветы. 1912. № 7. Отд. II. С. 131-133.
14. Иванов-Разумник. Чёрная Россия («Пятая язва» и «Никон Староколенный»). Заветы. 1912. № 8. Отд. II. С. 40-58.
15. Иванов-Разумник. Русская литература в 1912 году. Заветы. 1913. № 1. Отд. II. С. 51-67.
16. Иванов-Разумник. Клопные шкурки. Заветы. 1913. № 2. Отд. II. С. 105-114.
17. Иванов-Разумник. Было или не было? (О романе В. Ропшина). Заветы. 1913. № 4. Отд. II. С. 134-151.
18. Иванов-Разумник. “Полемика” и “критика”. Заветы. 1913. № 5. Отд. II. С. 138-151.
19. Иванов-Разумник. Дальний край. О романе и рассказах Бориса Зайцева. Заветы. 1913. № 6. Отд. II. С. 222-233.
20. Иванов-Разумник. Жизнь надо заслужить (Сергеев-Ценский. Собр. соч., тт. I-VI). Заветы. 1913. № 9. Отд. II. С. 132-154.
21. Иванов-Разумник. Русская литература в 1913 году. Заветы. 1914. № 1. Отд. II. С. 87-99.
22. Иванов-Разумник. Вечные пути (Реализм и романтизм). Заветы. 1914. № 3. С. 93-110.

23. *Иванов-Разумник*. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912-1913 гг. Пг.: Эпоха, 1922. Ч. I. Чёрная Россия. 176 с.
24. *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли: В 3-х т. М.: «Республика»; ТЕРРА, 1997. Т. 1. 416 с.
25. *Ларин О. Ю.* Айхенвальд. Посмертные сочинения Л.Н. Толстого. Заветы. 1912. № 8. Отд. II. С. 192-193.
26. *Ларин О.* Овсяннико-Куликовский Д.Н. Л.Н. Толстой. 4-е изд. Заветы. 1912. № 8. Отд. II. С. 193-194.
27. *Ларин Осип. Л.* Толстой и его трагедия. Заветы. 1914. № 3. Отд. III. Текущая жизнь. С. 1-5.
28. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 2. 635 с.
29. Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы». Учеб. пособие для вузов; под ред. Е.П. Никитиной и И.А. Книгина. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. 268 с.
30. Неизвестный Толстой: В архивах России и США: Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. Составитель и редактор И.П. Борисова. М.: АО «ТЕХНА-2», 1994. 528 с.
31. *Новосельский Р.* Известия Общества Толстовского музея. №№ 3-4-5. 1911 год. Заветы. 1912. № 6. Отд. II. С. 172.
32. *Петровицкая И.В.* Два юбилея (Л. Толстой и русская пресса). Из истории русской журналистики начала XX века. Под ред. Есина Б.И. М., 1984. С. 209-234.
33. Русские мыслители о Льве Толстом: Сборник статей. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2002. 672 с.
34. *Скиф <Иванов-Разумник>.* Человек и культура (Дорожные заметки и впечатления). Заветы. 1912. №6. Отд. II. С. 46-68.
35. *Скиф <Иванов-Разумник>.* Тленное и нетленное («Профессор Сторицын»). Заветы. 1913. № 1. Отд. II. С. 155-156.
36. *Франк С.Л.* Нравственное учение Л.Н. Толстого. К 80-летию юбилею Толстого 28 августа 1908 г. . Русские мыслители о Льве Толстом... С. 151-161.
37. *Цинговатов И.* О религии Льва Толстого. Заветы. 1912. № 9. Отд. II. С. 202-205.
38. *Чернов Виктор.* Не вовремя родившийся. Заветы. 1912. № 1. Отд. II. С. 37-67.
39. *Чернов Виктор.* Этика и политика (Очерки). I. Пути и перепутья. II. Моральное перепутье и религиозные искания. III. Моральный максимализм и моральные идеалы. Заветы. 1912. № 2. Отд. II. С. 55-85.
40. *Чернов Виктор.* Этика и политика (Очерки). IV. Моральный идеализм без идеала. Заветы. 1912. № 3. Отд. II. С. 90-120.
41. *Чернов Виктор.* Этика и политика (Очерки). V. Моральный минимум. Заветы. 1912. № 7. Отд. II. С. 77-97.
42. *Чернов Виктор.* Два полюса духовного скитальчества (Лев Толстой и Глеб Успенский). Новый журнал. Нью-Йорк. 1943. № 5. С. 261-274.
43. *Шестов Л.И.* Разрушающий и созидаящий миры (По поводу 80-летнего юбилея Толстого). Русские мыслители о Льве Толстом... С. 168-210.
44. *Эрн В.Ф.* Толстой против Толстого. Русские мыслители о Льве Толстом... С. 383-414.

N.V. NOVIKOVA

**“MORAL IMPETUS TO THE AWAKENING OF PUBLIC CONSCIENCE”
(LEO TOLSTOY IN MAGAZINE “ZAVETY”)**

The article is devoted to the aspect of the relation to Tolstoy in 1910-s, which was not included in the field of view of researchers. There is a range of materials dedicated to L. Tolstoy in the magazine published by socialist revolutionaries (Essers) (reviews, social, political and critical essays). The author of the article makes an attempt to examine conceptual judgments of the contributors of the magazine “Zavety” (concerning the context of religious and philosophical reception of Tolstoy). The author of the article shows the priorities of the literary critical methodology, going back to the moral ethical lessons of the writer.

Key words: L.Tolstoy, magazine “Zavety”, social and political journalism, V. Chernov, R. Ivanov – Razumnik, reception, “the birth of a human”.

Е.В. ОЗЕРОВА

аспирант Московского педагогического государственного университета

E-mail: ozerova86@gmail.com

Тел. 8 967 098 94 02

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ КОНТУРНОГО ПОДХОДА К ОПИСАНИЮ ИНТОНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается проблема выбора эффективного подхода к описанию интонации английского языка в рамках исследования семантики интонационных конструкций разговорной речи. Анализируется историческое развитие принципов, лежащих в основе каждого из подходов, и делаются выводы о преимуществах и возможных недостатках применения каждого из рассматриваемых подходов.

Ключевые слова: интонация, контурный анализ, уровневый анализ, семантика.

Процесс речепроизводства не протекает хаотично, а по определенным правилам, по социально и лингвистически приемлемым моделям. Эти модели определяются как физиологическими и психологическими особенностями построения речи, так и всей системой конкретного языка. Французский лингвист Э. Бенвенист разграничивает в языке две области: семиотику и семантику. Семиотический способ означивания присущ языковому знаку и придает ему статус целостной единицы, означающей единицы и необходимым материалом выражения. Под семантическим способом означивания, в свою очередь, имеется в виду особый способ означивания, порожденный речью. Смысл в этом случае реализуется как целое и разделяется на отдельные знаки. Э. Бенвенист относит семантический аспект к сфере высказывания и миру речи [1, с. 124]. Итак, язык – это единственная система, где означивание протекает в двух измерениях: означивание знаков и высказывания.

На данном этапе развития современной интнологии одним из наиболее перспективных и актуальных направлений научного поиска является направление, занимающееся вопросами наиболее естественного способа существования языка – спонтанной речи. Однако, в связи со сложностью, полисемантической интонации как предмета исследования, дискуссионными остаются многие проблемы, в том числе проблема поиска интонационных закономерностей передачи смысла (означивания) в спонтанной речи.

Исследование вышеуказанной проблемы следует проводить в рамках определенного подхода к описанию интонации, выбор которого напрямую зависит от поставленных задач. Считаем необходимым в рамках настоящей статьи рассмотреть основные подходы к описанию интонации и определить наиболее эффективный подход в отношении иссле-

дования семантики интонационных конструкций.

Итак, разработка и изучение подхода к описанию интонации начались ещё в XVI–XVII веках в связи с появлением работ Дж. Харта (John Hart, 1551) и Ч. Батлера (Charles Butler, 1634), которые соотносили интонацию с пунктуацией и выделяли четыре тона (level, fall, extra-low, rise) [2, с. 10].

Во второй половине XVIII века и XIX веке появились описания интонации публичной речи, основоположником одного из известных описаний интонации того времени стал Дж. Уолкер (John Walker, 1781), разработавший «теорию интонации», включающую в себя 5 изменений уровня голоса: rising, falling, monotone, fall-rise, rise-fall) и впервые ввел графические обозначения тонов – \ ∨ ^ /— Слова, отмеченные такими знаками, считались «выделенными» [2, с. 13]. Можно сказать, тем самым Дж. Уолкер предвосхитил появление современного термина «ядерный тон».

В целом изучение фонетики получило свое основное развитие в XIX веке и связано с именем британского ученого Александра Бэлла (Alexander Bell), который развил теорию Дж. Уолкера и сгруппировал тоны следующим образом: в связи с открытием связи акцента и последующих изменений голоса (изменение начинается с акцента) он выделил две основные группы тонов – fall и rise, которые в свою очередь подразделялись на простые и сложные с модификациями высокий/низкий. А.Бэлл также изучал значение тонов, но ограничивался только финальными тонами предложения. Подход А. Бэлла к изучению интонации был воспринят Г.Э.Палмером (H.E. Palmer, 1922), который ввел термин «ядерный тон» (nucleus), шкала (head), «хвост» (tail) [4, с. 32]. Именно Г.Э. Палмера можно назвать основателем британского тонового подхода к изучению интонации. В дальнейшем его исследования были продолжены R. Kingdon (1958)

J.D. O'Connor & G. Arnold (1961) и M.A. K. Halliday (1967).

Основа описания форм интонации лежит в тоновом рисунке (contour analysis) согласно подходу Г.Э. Пальмера, которого мы будем придерживаться в дальнейшем [6, с. 105]. Тоновый рисунок основывается на 3 элементах:

- деление речи на интонационные группы;
- выделение слога с ядерным тоном;
- тип мелодики внутри интонационной группы.

При этом наиболее важный элемент – это ядерный тон.

К.Л. Пайк (K.L. Pike 1945), Дж. Тражер и Г.Л. Смит (G. Trager & H.L. Smith), представители американской интонационной школы, анализировали высотные контуры в сочетании с 4 высотными уровнями и 3 терминальными тонами (falling, rising, level). Согласно американскому подходу именно высотные уровни и терминальные тоны являются своеобразными интонемами речи [5, с. 24].

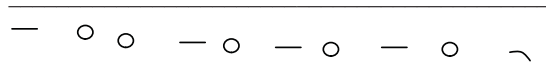
Итак, основное отличие американского и британского подходов к исследованию интонации является приверженность одних (британцы) к контурному анализу, а других – к уровневому анализу.

Мы проводим исследование, руководствуясь положениями контурного анализа, в связи с тем, что уровневый подход кажется нам не состоятельным по следующим основаниям:

- выделение 4 уровней носит условный характер, так как экспериментально доказано, что иногда даже малое изменение высоты может нести существенное значение, в то время как сильное изменение может не передавать значение. Следовательно, можно сделать вывод, что семантика высотных изменений носит относительный характер.

- большинство ядерных тонов английской речи легко укладываются в 3х уровневую систему, хотя мелодический рисунок интонационной группы требует введения большего количества уровней, как например Stepping head:

Why are you always making so much noise?

На наш взгляд, контурный анализ в большей степени способствует систематизации тонов, так как включает в себя исследование ядра и предъядерной части.

По словам А. Кратендена, практически все интонологи единодушны, что в отношении английского языка анализ, включающий в себя полный мелодический рисунок, не должен занимать ведущую позицию, так как при проведении такого анализа не достигается обобщение значений использования схожих тонов [3, с. 47].

С целью выявления парадигматики ядерных тонов в системе интонации считается необходимым ограничиться изучением ядерных тонов, так как каждый вид предъядерной части несет в себе свое определенное значение, что затрудняет абстрагирование. Представляется аксиоматичным, что основная часть смысловой нагрузки ложится на финальную часть предложения.

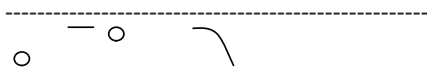
Так, можно привести еще одну фразу как пример, подтверждающий это положение:

Why did you have to do that?

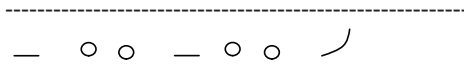
Значение, передаваемое этой фразой, идентично предыдущему, хотя только один элемент мелодического рисунка (ядерный тон) совпадает с предыдущим.

He hasn't gone.

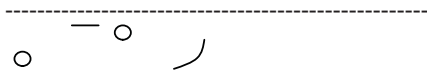

В приведенном примере часть мелодического рисунка, предшествующая ядерному тону, значительно отличается от примеров, данных выше, тем не менее значение, передаваемое этим рисунком, практически не отличается от вышеприведенных (Why did you have to do that?). Такая схожесть значений при использовании различных мелодических рисунков обуславливается использованием одного и того же ядерного тона (High fall). Мы находим подтверждение этому также и при анализе следующих мелодических рисунков:

Why did you have to do that?

He hasn't gone.

Оба предложения звучат мягче и осторожнее при использовании восходящего тона (rise).

На основании изложенного, мы пришли к выводу, что наиболее важная часть мелодического рисунка, несущая основное значение, это ядерный

тон, который по сути является «основой слова», а частью мелодического рисунка, предшествующая и следующая за ядерным тоном, соответствует аффиксу, то есть ядерный тон несет в себе основное значение, в то время как аффикс модифицирует это

значение.

Таким образом, исследование семантики интонационных конструкций, на наш взгляд, следует вести, в первую очередь, в рамках исследования семантики ядерных тонов.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Изд-во: Прогресс М., 1974. 124 с.
2. Cruttenden A. Falls and rises: meaning and universals. In: Proceedings of the 9th Intern. Congress of Phonetic Sciences. Copenhagen, 1979, v.I, P.10,13.
3. Cruttenden A. Intonation. Cambridge: Cambridge university press, 1997. P. 47
4. Halliday M.A.K. On the “architecture” of human language. In: On Language and Linguistics. Volume 3 in the Collected Works of M.A.K. Halliday. London and New York: Equinox, 2003. P. 32
5. O'Connor J.D. and Arnold G. (1973) Intonation of Colloquial English. London: Longman, 1973. 24 p.
6. Palmer H.E. English intonation with systematic exercises. Cambridge, 1922, XV. P.105

E.V. OZEROVA

ABOUT THE ADVANTAGES OF CONTOUR ANALYSIS AS AN APPROACH APPLIED TO THE DESCRIPTION OF INTONATION (ENGLISH LANGUAGE)

The article concerns the problem of choosing the most effective approach to the intonation description in relation to the English language within the research on the semantics of intonation patterns existing in speech. It regards the historical development of the basic principles of each approach and gives the conclusion on pluses and possible minuses revealed while applying the approaches.

Key words: *intonation, contour analysis, level analysis, semantics.*

С.В. ФЕДОТОВА

кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Тел. 8 910 753 47 86

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ПОД «БРИТВОЙ ОККАМА», ИЛИ ОПРАВДАННОСТЬ ПРИУМНОЖЕНИЯ ТЕРМИНОВ (ПОЭТИКА – МЕТАПОЭТИКА – ПОЭТОЛОГИЯ)

В статье рассматриваются понятия «поэтика», «метапоэтика», «поэтология», выясняются зоны пересечения их объема и содержательные нюансы, которые оправдывают существование в литературоведении близких, но не равнозначных по смыслу категорий. Для этого анализируются различные трактовки названных понятий в контексте литературоведческих концепций XX века.

Ключевые слова: поэтика, метапоэтика, поэтология.

В современном литературоведческом дискурсе наблюдается процесс «приумножения сущностей», с которым издавна борется методологический принцип, названный по имени его создателя Уильяма Оккама. Суть его заключается в том, что *не следует множить сущее без необходимости*. Иными словами, в науке следует искать только одно, самое точное и экономное объяснение изучаемых явлений, безжалостно отсекая, как бритвой, все другие, ведущие к тому же результату, но гораздо более сложным или похожим путем.

Обратившись к науке о литературе, к ее самой фундаментальной категории «поэтика», можно заметить, что вокруг нее движется понятийное облако, в котором клубятся еще несколько терминов, претендующих на законное существование. Речь идет прежде всего о понятиях «метапоэтика» и «поэтология», в последнее время активно привлекаемых исследователями. Цель данной работы – выяснить, хотя бы в первом приближении, точки пересечения и отталкивания трех понятий, вынесенных в подзаголовок статьи. Тем самым мы попытаемся разобраться, оправданно или нет появление новых литературоведческих терминов. Иными словами, попробуем предположить, устоят ли они под напором «бритвы Оккама», критически отрицающей неоправданные новшества в научной методологии?

Приступая к сопоставлению их содержания, мы сразу становимся в тупик, обозревая поистине безграничный объем первого из интересующих нас понятий. Согласно закреплённым в словарях значениям, поэтика (от греч. *poetike technē* – творческое искусство) – это наука о системе средств выражения в литературных произведениях. Есть два устойчивых значения термина – расширенное и узкое. В первом случае поэтика совпадает с теорией литера-

туры (и в таком понимании предмет ее изучения – специфика литературных родов и жанров, течений и направлений, стилей и методов, а также законы внутренней связи и соотношения различных уровней художественного целого). Во втором она – одна из областей теоретической поэтики, которая, в свою очередь, делится на три сферы изучения строения текста: звуковое (*стихovedение*), словесное (*стилистика*) и образное (*топика* или *тематика*, т.е. поэтика в узком смысле слова) [10, стб. 785-786].

Помимо этого существует еще частная, или описательная поэтика, которая «работает» на уровне композиционного единства всех элементов художественного произведения, исследуя время-пространство, образ автора и его точку зрения, в совокупности создающих художественную модель мира. При этом возможно и расширение предмета описания, когда объектом внимания становятся некие группы текстов (одного автора, одного цикла, жанра и т.д.). Тогда описание исходных элементов модели и правил их соединения между собой принимает формализованный характер. Из такого подхода рождается так называемая генеративная поэтика, имитирующая процесс постепенного создания произведения от тематического и идейного замысла до окончательного словесного оформления [10, стб. 787]. Наконец, историческая поэтика изучает эволюцию отдельных поэтических приемов и их систем с помощью сравнительно-исторического метода, выявляя общие черты поэтических систем различных культур и сводя их или (генетически) к общему источнику, или (типологически) к универсальным закономерностям человеческого сознания [Там же].

Нельзя не заметить, что под родовое понятие поэтики так или иначе можно подвести абсолютно все литературные явления как ее разновидности.

Изначальная всеохватность и дальнейшая внутренняя дифференциация делают поэтику поистине протейной и всеядной. Справедливо говорят также о «двойственности поэтики как учения о словесном художественном творчестве; системе научных понятий, обоснованной как с философской, так и с лингвистической точек зрения и адекватной своему двойственному предмету – «художественному языку литературы» и *произведению* как высказыванию на этом языке» [16, с.182].

Вполне очевидно, что эта двойственность во многом определяла исторические варианты поэтики. В античности и средневековье сохранялся *синкретизм философского постижения предмета и практически-«технологического» с ним обращения*, хотя постепенно и усиливался канонически-нормативный момент. С XVII в. начинается принципиальное расхождение *творчески-мировоззренческого (барокко) и нормативно-формального (классицизм) аспектов первоначального единства* [16, с. 183]. Несмотря на дальнейшие попытки синтеза в немецком романтизме, на появление на рубеже XIX-XX вв. *исторической поэтики* А.Н. Веселовского и *психологической поэтики «переживания»* (А.А. Потебня, В. Дильтей), указанная двойственность продолжала определять полярные методы поэтики как науки. Эта полярность могла осознаваться как противопоставление *формального и философско-эстетического* подходов в литературоведении. В конце XX века она выступила как противостояние «новой критики» и структурализма, с одной стороны, и *рецептивной эстетики и герменевтики* – с другой. Например, представитель французского структурализма, а потом и постструктурализма Ж. Женетт определяет поэтику как «общую теорию литературных форм» [5, с. 8], различая при этом *классическую поэтику*, идущую от Аристотеля, склонную «возводить традицию в норму, а достижения литературы в канон» и новую поэтику, исследующую «различные возможности дискурса» [5, с. 9].

Все эти исторически обусловленные типы поэтики, несмотря на их различия, тем не менее имеют одну общую цель – все они так или иначе *служат пониманию* (С. Аверинцев, М. Бахтин). Единая стратегическая цель разнообразных поэтик определяется их изначальным истоком. Согласно авторам классической работы «Категории поэтики в смене литературных эпох», им является «сам процесс осознания литературы самой себя именно в качестве литературы» (первыми опытами такого самоосмысления являются «Поэтика» Аристотеля в Греции, «Натьяшастра» Бхараты в Индии, сочинения Цао Пи и Лю Се в Китае, позднее – античная и средневековая европейская риторика, санскритская наука

поэзии, арабские и персидские поэтологические трактаты и т. д.) [1].

Отметим в цитате появление определения «поэтологические», которое используется здесь явно в лингвистическом смысле как производное от «поэтики», т. е. *относящееся к поэтике*. Именно в таком значении оно встречается неоднократно. Рассматривая смену типов художественного сознания с позиций исторической поэтики, авторы статьи говорят о «фундаментальных поэтологических категориях» и «поэтологических понятиях»: «В каждом типе, в каждую эпоху складывается своя система таких категорий, с особым родом связей между ними, со специфическим содержанием, объемом, иерархией поэтологических понятий. Среди этих категорий особенно важными, особенно репрезентативными, с точки зрения эволюции художественных средств литературы, представляются категории стиля, жанра и автора, каждая из которых доминирует на разных этапах словесного творчества» [1].

Оправданно ли здесь появление нового термина? Имеет ли он свой специфический смысл или на наших глазах происходит процесс *приумножения сущностей*, сдвиг в сторону удвоения смысла? Судя по контексту, авторы статьи не ставили перед собой задачи введения нового понятия, уточняющего старое. Но филологическое ухо непроизвольно фиксирует некоторую странность проведенного словопроизводства: от *поэтики* можно образовать *поэтический*, но никак не *поэтологический* (ср. по аналогии: *космос* – *космический* – *космологический*). Однако имея в виду базовый постулат исторической поэтики («тип художественного сознания»), можно предположить, что авторы, хотели они того или нет, ввели новую категорию, которая относилась к поэтике не как к объекту, а сама по себе выступала сложным проявлением субъект-объектных отношений. Тем самым она выходила за границы классической поэтики как искусства слова и вносила, образно говоря, некую стереоскопическую перспективу в осмысление художественного творчества. В самом деле, если поэтика – это наука о литературном искусстве, то *поэтологический* – означает «относящийся к науке о науке поэзии», т. е. это уже *метапоэтика*. К ней мы сейчас и переходим.

В современной лингвистике и литературоведении в последние годы концепция метапоэтики активно развивается К.Э. Штайн. Исследователь определяет метапоэтику как *поэтику по данным метапоэтического текста* (языка, на котором описывается язык-объект) и метатекста, поэтику самоинтерпретации автором своего или чьего-то другого

текста. Таким образом, это те тексты, в которых сам художник-творец выступает как исследователь или интерпретатор, вступая в диалог с собственными текстами или текстами собратьев по перу – других мастеров [19].

Эта теория, очевидно, ориентирована на постструктуралистскую поэтику, заимствуя из ее арсенала ведущие методики *деконструкции текста* и *дискурс-анализа* «как динамической процедуры, фиксирующей результаты смыслопорождающей работы языковых и «поэтических» кодов в процессе развертывания литературно-художественного текста» [16, с. 178]. Постмодернисты и постструктуралисты, провозгласившие, что мир – это совокупность текстов (пантекстуальность), определяющая сознание обезличенного автора-скриптора, радикально потрясли науку о литературе второй половины XX в. Критически переосмысливая все литературоведческие и лингвистические подходы, постструктурализм объявил фикцией зону референции (*означающего*), обязательную еще с Соссюровской концепции знака. Все мыслительные операции автора, его сознание и самосознание представало только сферой *означающего*, т. е. собственно текста или, вернее, суммы текстов, которые и образуют в совокупности литературный дискурс. «Мир может быть познан только в форме литературного дискурса, поэтому всякая наука – это «наука о тексте» (Ж.-Ф. Лиотар) или о нарративе» [Там же].

Метапоэтика, опираясь на подходы постструктурализма, тем не менее не хочет жертвовать автором как создателем художественного произведения, отвечающим за свое сообщение, присутствующим в нем на всех уровнях организации как творец. Короче говоря, тем автором, который пережил свое акме в поэтике нового времени, особенно в романтизме и модернизме. Так можно понять главное положение метапоэтики о том, что в *любом художественном тексте заложены данные об отношении художника к своему детищу, к тому материалу, который является основой вербального искусства – к языку* (отметим в скобках амбивалентность высказывания, не позволяющего однозначно установить, как все-таки относится писатель к языку – как к *своему детищу* или как к *материалу*, он творец или технолог?). То, что данные об этом заложены в дискурсивных практиках, в авторском коде, т. е. в явлениях безличностного характера, склоняет чашу весов в сторону постструктурализма. Тем не менее нельзя забывать и о том, что в центре внимания метапоэтики – *авторская саморефлексия на творчество*, которая определяет собой авторский код, метаязык поэтического текста и выявляется в процессе анализа *рефлексии, то есть самоинтерпретации,*

которая осуществляется поэтом на протяжении всего творчества, причем не всегда осознанно [13].

Таким образом, представляется, что метапоэтика имеет право на существование, рассматривая тот аспект, который был недостаточно представлен в традиционно понимаемой поэтике – самоинтерпретацию автора, инкорпорируемую в художественные тексты (*имплицитированный метатекст*) или же открыто представленную в текстах о поэзии или о художественном творчестве вообще (*эксплицитированный метапоэтический текст*). Но есть в метапоэтике (в том варианте, который мы разбираем) некое родимое пятно эклектики, соединяющей модернистское внимание к авторскому пониманию творчества и постмодернистскую идею «смерти автора» (Р. Барт). Не случайно положение о том, что «выработка стратегий в исследовании художественного текста должна осуществляться с установкой на этику диалога *текст – читатель* (исследователь, интерпретатор), в предельной толерантности к тому, чего «хочет» сам текст» [13]. Заметим, не диалог автора и читателя, а текста и интерпретатора, – диалог, в котором сталкиваются определенные культурные коды, репрезентируемые текстом, с одной стороны, и читательскими практиками – с другой.

Любопытно, что очень часто понятия «метапоэтический» и «поэтологический» бытуют как синонимы. Так, например, читаем в современном словаре: «Металирика – то же, что «поэтологическая лирика»: стихотворения с установкой на профессиональное самоопределение и самопознание, с поисками мотивировки права на существование, с привлечением аргументов поэтической «правоты» через ссылку на прецеденты, с рефлексией над собственными генетическими и типологическими параметрами» [16, с. 119]. В таком толковании поэтология и метапоэтика объединяются идеей саморефлексии искусства. Напомним, что и появление первых поэтик связано с рефлексивным моментом. Таким образом, можно уже сейчас сформулировать общую платформу интересующих нас терминов – это саморефлексия, самонаблюдение, самоосознание и самопознание литературы и искусства.

Как только мы концентрируем внимание на первом этимоне («само»), сразу же приходит на ум лосевская диалектика личности: «Вещь, противопоставляющая себя самой себе же самой, есть вещь, имеющая *самосознание* и *вообще сознание*». И дальше: «Сознание может быть субстанцией и не быть субстанцией. Возьмем первое и получим сознание как субстанцию, т. е. вещь, которая является сразу и субъектом и объектом. Это значит, что она есть *личность*. Личность может быть взята сама по себе, как голый диалектический принцип, и как

осуществление. Инобытийное осуществление личности есть ее *жизнь*» [11, с. 598].

Какое отношение имеет приведенная цитата к обсуждаемой теме? Самое прямое! Если речь идет о саморефлексии литературы, то с диалектической точки зрения это означает, что категория личности (автора) должна быть в ней определяющей. Однако для постмодернизма и постструктурализма мыслить диалектически вовсе не обязательно, а сама диалектика отрицается как метафизический конструкт *онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризма*, фундированного, по Деррида, *пафосным идеалом «логократии»*, *восходящим к платоновской модели устройства мира и социума* [14, с. 291]. Поэтому, с точки зрения этих хаологических концепций, нет никакого противоречия в одновременном утверждении саморефлексивности автора в процессе письма и постулируемом факте его «смерти». Амбивалентность категории автора в рассмотренной выше метапоэтической теории вызвана, таким образом, ее ориентацией на постмодернизм и постструктурализм, с их критикой основных ценностей культуры XIX-XX вв. – *логоцентризма* и *пансубъективности* [16, с. 178]. Для этих течений *мир есть текст* и *мир есть хаос* – суждения одного порядка, в них нет места личности, а значит, по существу, некому саморефлексировать, или же речь может идти о самосознании некоего безличностного начала.

Можно предположить, что именно в силу деструктивной и жутковатой антропологии, мерцающей в рассмотренной теории метапоэтики, в современном литературоведении все активнее выдвигается понятие «поэтология». Оно действительно почти синонимично метапоэтике, но это *почти* является тем важным нюансом, который может перевесить чашу правосудия в сторону оправдания *приумножения терминов*. Уже по самому облику слова понятно, что демаркационной линией, разделяющей метапоэтику и поэтологию, является как раз различное отношение к Логосу.

Попробуем для начала разобраться с самим термином. Его значение буквально означает *наука о поэте* или *поэзии*. Но на практике его понимание почти так же широко, как и поэтики. Одно значение определения «поэтологический» как *относящийся к поэтике* мы уже рассмотрели выше. Оно достаточно распространено [6, 12].

Впервые термин «поэтология» в качестве самостоятельной области поэтики был предложен немецким исследователем Ф.Ф. Ингольдом и в статье «Das Bild» der Poesie bei Innokentij Annenskij», посвященной анализу идиостиля И. Анненского. В этой статье «поэтологическими» называются стихотворения, посвященные теме поэта и поэзии.

Однако подробного объяснения термина здесь нет.

Появление поэтологии в отечественной науке связано с именем М.В. Тростникова. Он расширил содержание понятия и назвал поэтологией науку, «изучающую поэтическое во всех его проявлениях». Поэтическая форма признается им «самой краткой, концентрированной и емкой формой выражения художественного сознания», а художественный текст – «зеркалом» художественного сознания носителя определенной культуры [22, с. 3-6]. В таком ключе поэтология выступает прежде всего культурологической дисциплиной.

Этимологически-буквально поэтология понимается А. Новиковым. Под термином он подразумевает *комплекс эстетических представлений поэта о сущности поэзии и поэтического творчества, а также раздел литературной теории, изучающей представления поэтов о сущности поэзии и поэтического творчества*. Как видим, автор монографии «Поэтология И.А. Бродского» становится на почву тематического анализа. В этой связи не случайно он разводит поэтологию и стиховедение. «Обе дисциплины занимаются проблемами поэзии, – пишет он. – Однако стиховедение сосредоточенно, главным образом, на исследовании формальных средств, используемых поэтом, на поэтике стихотворения» [15, с. 5]. Обратим внимание на понимание поэтики стихотворения как набора формальных средств. Хотя «поэтология, подобно стиховедению, исследует и технические параметры стиха – но с точки зрения их взаимной обусловленности с содержательным аспектом как конкретного произведения, так и с философией поэта в целом» [15, с. 5].

Поэтология, по мысли автора, напрямую связана с анализом мировоззрения поэта, его эстетической программой, его философской базой. Непременные категории поэтологии включают вопросы о критериях подлинной поэзии, о поэтической аксиологии и теологии, о назначении поэта, о генезисе поэтического творчества, о сущностном соотношении поэзии и прозы, о месте поэзии в ряду прочих искусств, об особенностях поэтического метода познания и его отличий от других методов познания – как то: религиозного, философского, научного.

Такой широкий диапазон поэтологического «объекта изучения» угрожает размыть границу между поэтикой (в широком смысле) и поэтологией. Позиция автора отчетливо локализуется в существующем со времен романтизма философско-эстетическом крыле поэтики, которое Новиков считает нужным выделить как отдельную область и назвать ее поэтологией – наукой о поэте и поэзии в классическом (метафизическом) понимании всех составляющих определения.

Мировоззренческим, или идеологическим, подходом отличается статья О.А. Бердниковой «Поэтологические модели Серебряного века в контексте христианской духовной традиции». Автор связывает зарождение поэтологии с декларируемым модернизмом «миром искусства» как единственно возможной формой реальности, в которой необыкновенно повышается статус творческой личности, художника, поэта. «Именно поэтому главным становится вопрос о поэте и его духовном пути, о сущности и назначении поэзии», – пишет исследователь и продолжает: «В поэтологии сформировалась своя типология творческой личности, свои поэтологические модели, в основе которых две концепции: античная – *поэт-собеседник Муз* и библейская – *поэт-пророк* [3, с. 17-18].

Центральной проблемой поэтологии является личностная идентификация субъекта, осознающего свою причастность к творчеству, отраженная в тексте и подтексте поэтического высказывания [17, с. 302]. Об этом пишет Ю. Казарин, характеризуя «антропологический, или поэтологический, компонент поэтической личности» как один из «экстравербальных параметров <...>, обуславливающих особенности реализации языковой способности». Рассматривая прежде всего феномен *творческой личности*, исследователь предлагает понимать поэтологию, зарождающееся направление в филологии и в текстоведении, как нерасторжимый *синтез поэтики и биографии* [8].

Художественно-антропологический аспект поэтологии подчеркивает и О. Седакова, обращаясь к анализу творчества Б. Пастернака: «Поэтология Пастернака, – утверждает она, – это в значительной мере антропология. Поэт – просто самый известный ему род человека вообще, “бедного *Homo Sapiens'a*”, его словами. Опыт Пастернака о поэте – это опыт о человеке, как у многих поэтов XX века» [20].

В свете последних двух трактовок поэтологии особенно заметно, что слово получает дополнительную смысловую нагрузку. Поэтология в таком ключе выступает не просто наукой о поэте и поэзии, а скорее философско-религиозной антропологией, раскрывающей миссию поэта в Логосе. Тут уместно вспомнить, что в русской культуре начала XX века, да, собственно, начиная еще со славянофилов, существовало отчетливое противопоставление Логоса и Рацио. Особенно ярко оно прозвучало в работе В. Эрн «Борьба за Логос».

В предисловии Эрн излагает принципиально важные положения, которые мы можем экстраполировать на нашу тему: «В слове *логос* для меня объединяются все особенности той философии, которая основательно забыта современностью и которая

мною считается единственно истинной, здоровой, нужной. *Λόγος* – есть лозунг, зовущий философию от схоластики и отвлеченности вернуться к *жизни* и, не насилая жизни схемами, наоборот, *внимая ей*, стать вдохновенной и чуткой истолковательницей ее божественного *смысла*, ее скрытой радости, ее глубоких задач. Если рационализмом называется философия, которая сознательно избирает органом своего исследования *ratio*, т.е. формальный *рассудок*, оторванный от полноты и бесконечного многообразия жизни, то позволительно назвать логизмом такую философию, которая отрицает рационализм в самом корне, которая избирает органом своих постижений *Λόγος*, т.е. *разум*, взятый *вне* отвлечения от живой и конкретной действительности, ей сочувственный и ее имманентно проникающий. Логос есть коренное и глубочайшее единство *постигающего и постигаемого*, единство познающего и того объективного *смысла*, который познается» [23, с. 3].

В таком контексте поэтология может выступать разновидностью *логизма* в эрновском смысле, который, кстати, был близок такому известному теоретику и поэту-символисту, как Вячеслав Иванов (1866-1949). Не случайно в дневниках его друга и биографа Ольги Шор есть замечательная запись от 24 июня 1931 г.: «Говорили о Вячеславологии: [21, с. 137]. На взаимосвязь «Вячеславологии» и логизма Эрн указывает краткое пояснение к записи, отсылающее к отрывку «Деревья», тематически связанного с памятью недавно умершего друга [21, с. 143].

Нащупав принципиальное отличие поэтологии от метапоэтики, лежащее в сфере художественной антропологии, мы тем не менее вынуждены признать, что так понимаемая поэтология оказывается в зоне риска, где легко подменить литературоведческие методы «исповеданием веры (зачастую – подчеркнуто конфессиональным)» [16, с. 183]. Детальная разработка поэтологической методологии, очевидно, – дело ближайшего будущего, если судить по тем исследовательским усилиям, о которых мы уже упоминали.

Отдельно выделим еще три ярких поэтологических подхода, появившиеся в самое последнее время. Первый можно охарактеризовать как сознательную попытку синтеза художественной антропологии и постмодернистской теории пантекстуальности, предпринятую А.В. Корчинским в диссертации «Поэтология И.А. Бродского в контексте «позднего модернизма» (стихотворения к. 1960 – н. 1980-х гг)». Автора прежде всего интересует «антропологический аспект литературного творчества, текстуальности вообще». Все метатекстуальные отношения в тексте он рассматривает «под углом зрения литературной антропологии, что означает концентрацию

внимания на задействованности субъекта в текстовой саморефлексии и выяснение статуса границ компетенции субъекта в процессуальном континууме, который можно назвать «письмом», не стесняясь «постмодернистских коннотаций». Таким образом, исследователь сохраняет обе категории – автора (как творческой личности) и текста, – отслеживая их динамические взаимоотношения как разновидности более глобальных отношений субъекта и «символического» [9, с. 14]. Не случайно он подчеркивает свою методологическую близость к «поэтике творчества» В.Н. Топорова, противопоставленную «поэтике текста» и призванную рассмотреть взаимовлияния автора и текста, фиксируя их как бы «на выходе» из текста [9, с. 15]. Отсюда употребление на равных паях терминологии из полярных областей – художественно-эстетической антропологии и постмодернистски ориентированной метапоэтики. Поэтология определяется как «ответственно явленная система эстетических взглядов, прочитываемая как в художественном автометатексте, так и, к примеру, в публицистических работах автора» [9, с. 18].

Примерно в том же направлении, хотя и несколько отличаясь по терминологическому облачению, движется недавняя статья К. Исупова «Имманентная поэтика и поэтология имманентности». Автор рассуждает об архитектурных метафорах оригинального литературоведа Ю. Чумакова, которые приводят его «к созданию внутри имманентного анализа собственной архитектоники (здесь: металогики) научно-эстетического суждения, то есть поэтологии самой имманентности – как той, что принадлежит художественному тексту с таящейся в нем программой описания, так и той, что дискурсивно вменена стилю аналитика» [7, с.221-222]. Чрезвычайно значимым выглядит заключающее статью предположение о плодотворности поэтологии как филологической науки, способной «осознать в едином комплексе смыслопорождающую функцию стихового ритма и проблему оправдания Бога» [7, с. 226], о котором в свое время писал С. Аверинцев [2].

Наконец, стоит упоминания серьезная заявка авторов статьи «Тезаурус как инструмент поэтологии».

Под поэтологией они понимают «группу дисциплин, ориентированных на всестороннее теоретическое и историческое изучение поэзии. Сюда входят следующие дисциплины: 1) теория и история стиха (анализ и описание метрики, ритмики, строфики, рифмы, морфологии и синтаксиса стихотворной речи); 2) теория и история поэтического языка (анализ и описание поэтической фонетики и просодии, лексики и фразеологии, словообразования и др. уровней поэтического языка); 3) поэтика, риторика и стилистика стихотворного текста; 4) сюжетология, мотивный анализ, нарратология (исследование приемов художественного повествования), теория и история поэтических жанров; 5) история национальной поэзии (изучение генезиса и эволюции поэтических форм; хронология и периодизация литературного процесса; история художественных направлений, школ и групп; изучение биографии поэтов); 6) библиография национальной поэзии [4, с. 6].

На сегодняшний день эта структура максимально полно учитывает все аспекты (неформальные и формальные) и специфику поэтологического тезауруса, одной из особенностей которого является то, что в области его применения находятся как поэтические произведения, так и поэтологические исследования, т.е. как поэтический язык, так и язык его описания (метаязык).

Завершая наш аналитический обзор различных концепций, связанных с традиционным термином «поэтика» и новыми понятиями «метапоэтика» и «поэтология», остается ответить положительно на поставленный в начале вопрос. На наш взгляд, *приумножение терминов* оправдано теми нюансами смысла, которые различают исследовательские подходы. Понятно, что эмансипация «метапоэтики» и «поэтологии» от родовой категории «поэтика» никогда не будет окончательной. Но тем не менее встать на ноги в качестве дочерних и более конкретных по содержанию дисциплин они могут. И делают это уже вполне успешно, оспаривая между собой сферу саморефлексии творческой личности, репрезентируемой в ее поэтических и метапоэтических текстах.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох [Электронный ресурс] Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. М.: Наследие, 1994. С. 3-38. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_CategoriesPoetics.htm, свободный.
2. Аверинцев С.С. Ритм как теодицея [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/ritm.php, свободный.
3. Бердникова О.А. Поэтологические модели Серебряного века в контексте христианской духовной традиции. Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 16-23.
4. Бойков В.Н., Захаров В.Е., Пильщиков И.А., Сысоев Т.М. Тезаурус как инструмент поэтологии.

Моделирование и анализ информационных систем. 2010. Т. 17. № 1. С. 5–24.

5. Жеттис Ж. Критика и поэтика. Фигуры. В 2 т. Т. 2. Фигуры III. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
6. Захариева И. Поэтологический аспект лирики О. Мандельштама. Русские поэты XX века: феноменальные эстетические структуры. София, 2007. С. 131-136.
7. Исупов К. Имманентная поэтика и поэтология имманентности. Вопросы литературы. 2010. Январь-Февраль. С. 212-226.
8. Казарин Ю. Антология «Последнее стихотворение» (XVIII-XX вв. русской поэзии) [Электронный ресурс]. Уральская новь. 2003. № 15. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/urnov/2003/15/kazar-pr.html>, свободный
9. Корчинский А.В. Поэтология И.А. Бродского в контексте «позднего модернизма» (стихотворения к. 1960 н. 1980-х гг.). Диссер. на соис. уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 2004. 196 с.
10. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПКи «Интелвак», 2001. 1600 стб.
11. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Из ранних произведений. М.: Изд-во «Правда», 1990. 655 с.
12. Махов А.Е. Система понятий и терминов музыковедения в истории европейской поэтики [Электронный ресурс]: Автореф. дисс. на соис. уч. ст. докт. филол. наук. М.: РГГУ, 2007. Режим доступа: <http://intrada-books.ru/mahov/referat.html>, свободный.
13. Метапоэтика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikiversity.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0>, свободный.
14. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Под ред. А.А. Грицанова. Мн.: Современный литератор, 2007. 816 с.
15. Новиков А. Поэтология Иосифа Бродского. М: МАКС Пресс, 2001. 100 с.
16. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. Гл. научн. ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
17. Тернова Т.А. Ab actu ad potentiam (от действительного к возможному): поэтология русского футуризма. Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Филология. Вып. 5 (85). 2010. С. 302-306.
18. Топоров В.Н. Об «этропическом» пространстве поэтики (поэт и текст в их единстве). От мифа к литературе. М., 1993. С. 21-39.
19. Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. Т. 1. XVII–XIX вв. Барокко. Классицизм. Сентиментализм. Романтизм. Реализм. Под ред. проф. К.Э. Штайн. Ставрополь, 2002. 703 с.; Т. 2. Конец XIX – начало XX века. Реализм. Символизм. Акмеизм. Модернизм. Под ред. К.Э. Штайн. Ставрополь, 2005. 884 с.; Т. 3. Первая половина XX века. Авангард. Под ред. К.Э. Штайн. Ставрополь, 2006. 829 с.; Т. 4. Реализм. Соцреализм. Постмодернизм. Под ред. К.Э. Штайн. Ставрополь, 2006. 983 с.
20. Седакова Ольга. «Вакансия поэта»: к поэтологии Пастернака [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.niworld.ru/poezia/sedakova/paster_r/paster_r.htm
21. Сентенции и фрагменты Вяч. Иванова, записанные О. Шор. Русско-итальянский архив III. Вячеслав Иванов – новые материалы. Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2001. С. 133-150.
22. Тростников М.В. Поэтология. Автореф. дисс. в виде опубликованной монографии на соис. уч. ст. докт. культурологи. М., 1998. 47 с.
23. Эрн В.Ф. Борьба за Логос: Опыты философские и критические. Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Сковорода. Жизнь и учение. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 3-332.

S.V. FEDOTOVA

LITERARY SCIENCE UNDER THE «OCCAM'S RAZOR», OR PROPRIETY OF THE TERMS MULTIPLYING (POETICS - METAPOETICS - POETOLOGIA)

The article deals with the notions as “poetics”, “metapoetics”, “poetologia,” clarifies the intersection zone of their volume and meaningful nuances that justify the existence of the close but no equivalent categories in literary science. For this aim the various interpretations of these notions in the context of the literary concepts in the XX-th century are analysed.

Key words: poetics, metapoetics, poetologia.

А.А. ЧЕРКАССКАЯ

аспирант кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета
Тел. (4862) 75 27 13

П.А. КОВАЛЕВ

доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета
E-mail: kavalller@mail.ru
Тел. 8 953 616 56 38

РИФМЕННЫЙ ДИСКУРС И АРХИТЕКТОНИКА РУССКОГО СТИХА

Статья посвящена анализу структурных особенностей русской поэзии. Предложенная классификация позволяет говорить о том, что рифменный дискурс создает в поэтическом тексте особенную эстетическую систему. Различные модификации рифмы формируют разные архитектурные модели.

Ключевые слова: архитектоника, поэтическая система, композиция, ритм, рифма.

Поэтическая система – одна из самых устойчивых и в то же время динамично развивающихся областей национального художественного сознания, по самой своей природе существенно отличающаяся от прозы. Поэтический текст имеет целый ряд формальных особенностей (графика, метр, ритм, рифма, строфика), накладывающих на систему языкового материала совокупность обусловленных традицией ограничений, так как, «входя в состав единой целостной структуры стихотворения, значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой соотношений, со- и противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции».[7: 38] Каждый элемент поэтической структуры выполняет локальную функцию эстетического выдвижения, приводящую на уровне архитектурного строения к формированию концептуального смысла всего произведения.

Рифма, выступающая в стихе в качестве эвфонического и, вместе с тем, концептуального элемента, играет весьма существенную роль в формировании архитектурной поэтического текста. С одной стороны, расположение рифменных созвучий в тексте определяет его внешнее строение, с другой – сугубо позиционные факторы в рифме приобретают статус содержательных, задавая тот или иной архитектурный профиль и выявляя смысловые акценты.

Как особый элемент поэтической системы рифма выполняет в стихе сразу несколько функций: 1) ритмическую – за счет чередования различных каталектических форм (мужская, женская, дактилическая, гипердактилическая) или монотонизированности акцентной базы рифменного созвучия; 2) делимитативную (разделительную) –

сигнализацию об окончании стихового ряда; 3) эвфоническую – образование созвучий той или иной степени точности, подкрепляющих звукопись стиха обязательными концевыми комплексами; 4) семантическую – вынесение того или иного слова в рифменную область, актуализирующее его в читательском сознании. Роль рифмы в классической модели русского стиха [6: 191-192] оказывается в целом структурообразующей: система формируемых ею корреспондирующих рядов, как правило, отличается большей упорядоченностью и в метрическом, и в ритмическом отношении, что особенно отчетливо ощущается именно при ее отсутствии.

Структурные особенности рифмы во многом обусловлены ее специфическими функциями на уровне архитектурной поэтического текста. С одной стороны, рифменное созвучие маркирует отдельные фрагменты стиха, выделяя их в самостоятельные строки, с другой – служит важнейшим средством соединения стиховых рядов в более крупные архитектурные формы – строфы. Таким образом, рифма одновременно выполняет и функцию дифференциации, и функцию интеграции. Подобная функциональная амбивалентность связана, видимо, с самой сущностью феномена рифмы, который заключается в том, что компоненты созвучий объединены фонетическим (и/или графическим) сходством при обязательном семантическом расхождении. Именно это имел в виду Р.О. Якобсон, когда в статье о двух аспектах языкового знака выделял комбинацию и селекцию в качестве смыслообразующих осей языкового знака. [8: 204]

Одной из важнейших функций рифмы в стихе является ритмическая, реализуемая посредством

чередования различных каталектических форм. Как ритмическая категория рифма способна моделировать не только ритмику текста, но и в известной степени его семантический строй. Разные каталектические типы рифмы могут подверстывать под себя ритмический профиль строк, что вполне допустимо по аналогии с моделированием стихового ряда из системы параллелизмов. Мысль о подчиненности рифмы ритму в этом отношении не кажется столь безусловной, особенно если принять во внимание специфику авторского сознания, оперирующего на смысловом уровне текста не только ритмическими, но и не в последнюю очередь – семантическими и лексическими категориями.

Как известно, литературная поэтическая традиция в России началась с монотонизированных форм: «Русские силлабисты восприняли женское окончание польского стиха как самостоятельную тоническую константу <...>, решительное преобладание правильных женских рифм создавало тоническую инерцию, которой поэты подчинялись все больше и больше». [1: 47-48] В ходе реформы Тредиаковского-Ломоносова русской версификацией было усвоено правило альтернанса, позволившее существенно модернизировать всю систему отечественного стиха. Необходимо отметить, что эта реформа не только коренным образом изменила метрический облик русской поэзии, но и привела в движение множество других эстетических механизмов, вызвав серьезные изменения в самом поэтическом языке.

Альтернанс стал основой нового типа архитектоники, увеличившего ритмологическую, грамматическую и, в конечном счете – эвфоническую базу русской рифмы. В рифменный арсенал вошли самые разные грамматические формы, в том числе достаточно сложные по своему морфемному составу, что в дальнейшем позволило поэтам активно экспериментировать со словообразовательной и лексико-грамматической природой созвучий. Особенное место в этом процессе занимает овладение дактилическими и гипердактилическими формами, которые до определенного момента употреблялись в русской поэзии крайне редко и стилистически были ограничены рамками комических жанров. По всей видимости, такие созвучия, преимущественно грамматически однородные, оказывали весьма существенное влияние на архитектуру строки, заставляя ее «подстраиваться» под рифму. Эксперименты М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова, который активно и регулярно употреблял дактилическую рифму в самых разных произведениях, легализовали расширение ритмологического репертуара русских рифм и привели к усилению ее де-

лимитативной функции в относительно свободных стиховых формах.

Возможность чередования разных типов созвучий позволила существенно разнообразить и обогатить ритмический репертуар русского стиха, а саму рифму сделать более значимым элементом поэтической архитектоники, так как большая вариативность сочетаний позволила конструировать более сложные строфы именно на основании тех или иных рифменных цепей. Возможность альтернанса различных каталектических форм сделала более выразительными и те произведения, где сохранялась монотонизированная рифма, так как теперь они воспринимались не как единственно возможный вариант, а как сознательно избранная модель, позволяющая говорить об определенной творческой установке на однородность.

Рифмы стали выступать в качестве одного из наиболее существенных ритмических факторов, создавая две основные архитектурные модели – альтернансную и монотоническую. При этом важно отметить, что сама монотоническая модель после формирования альтернансной оказалась куда более структурно и семантически насыщенной, чем во времена своего безраздельного господства. С появлением альтернансной модели, монотонические формы перестали быть априорно заданными, а их использование стало отражать индивидуальные художественные установки автора.

Таким образом, в процессе формирования рифменного дискурса в русской поэтической практике было легализовано несколько архитектурных моделей:

1. Монотоническая модель со сплошными женскими рифмами.
2. Альтернансная модель с чередованием женских и мужских созвучий.
3. Альтернансная модель с использованием «длинных» рифм.
4. Монотоническая модель со сплошными мужскими и сплошными дактилическими рифмами.

Исследователи отмечают, что доминирующим типом русского альтернанса является подвид ЖМ второй модели в метрически урегулированных формах стиха. На этот феномен в частности указывал В.М. Жирмунский, отмечавший: «...обычно мужская рифма следует за женской, давая впечатлительные завершения, более отчетливого окончания». [3: 24] Можно утверждать, что в русской поэтической традиции приоритетной является архитектурная модель, в которой начало строфы маркируется длинными каталектическими формами.

Среди указанных архитектурных моделей встречаются и достаточно редкие подвиды рифмова-

ния: монотонический – гипердактилическое + гипердактилическое, альтернансный – мужское + женское, женское + дактилическое, мужское + гипердактилическое, гипердактилическое + мужское, женское + гипердактилическое, гипердактилическое + женское, смешанный – с использованием трех и более типов каталектики для повышения текучести (динамичности) и создания эффекта амбивалентности формы

Впрямую с каталектической моделью поэтического дискурса связывается грамматическая структура рифменного созвучия. Согласно наблюдениям М.Л. Гаспарова: «Разные части речи по-разному распределяются в мужских, женских и дактилических рифмах: это означает, что каждая часть речи имеет, так сказать, свой ритмический (в том числе клаузульный) словарь». [2: 7]

Грамматическая природа рифмы часто выступает важным архитектурным фактором, в ряде случаев диктующим использование определенной синтаксической организации строк. Можно выделить несколько основных принципов, актуализирующих морфологическую структуру рифмы:

1. Синтаксическая инверсия, в результате которой конец строки-предложения оказывается маркирован формой, которая не могла бы расположиться в этой позиции при прямом порядке слов.

2. Стихотворный перенос (*enjambement*), заключающийся в несовпадении «интонационно-фразового членения стиха с его метрическим членением». [4: 206] Архитектонический модуль таких структур характеризуется возможностью попадания в область рифмы служебных частей речи – предлогов, союзов, частиц.

3. Особым случаем переноса является так называемая разнословная (рассеченная) рифма, когда из строки в строку переносится часть слова, морфемная, а не синтаксическая единица. Разнословные рифмы предельно усложняют архитектуру, так как задействуют и механизмы слогового переноса, и приемы внутрисловных морфологических созвучий.

4. Создание грамматически однородных монотонизированных рифменных рядов, актуализирующих читательское восприятие и создающих специфический эффект телестиховой семантики. Особое место в этом отношении занимает монорим («стихотворение или часть его с однозвучной рифмовкой» [4: 163]), представляющий предельную степень грамматической однородности, так как, как правило, строится на вынесении в рифменную область одной морфологической формы.

Архитектура может апеллировать и к качеству созвучия, учитывать позиционные закономерности возникновения тех или иных эвфонических

типов. В этом отношении русская рифма располагает следующими архитектурными моделями:

1. Точные созвучия, которые создают семантически и композиционно нейтральный по отношению к классической модели русского стиха феномен. Читатель воспринимает подобную модель рифмы как наиболее естественную для русской поэзии.

2. Неточные, йотированные и приблизительные созвучия. С точки зрения архитектурного строения текста, они функционально близки и противопоставлены не столько друг другу, сколько точным формам.

3. Чередования различных типов созвучий. Расподобленные по тому или иному признаку рифмы могут возникать на определенных позициях в строфе, помогая разнообразить и усложнить рифменный модуль, расширяя его грамматический репертуар и дополняя клаузульный альтернанс еще и своего рода «эвфоническим альтернансом».

4. Редкие, экспериментальные формы созвучий: омонимические, однокорневые и тавтологические рифмы, создающие эффект игровой однородности. Так, например, омонимические созвучия при абсолютном фонетическом и графическом тождестве дают разнообразный в грамматическом отношении архитектурный профиль. Особого рода диссонанс, возникающий между фонетической тождественностью и грамматической разнородностью, создает специфическое эстетическое напряжение в тексте, побуждающее читателя к постоянному переосмыслению предыдущих строк. Особенное место в этом ряду занимает эпистрофа как феномен композиционного повтора строк в ряде форм твердой строфики (триолет, виланель, рондо).

5. Составные рифмы, представляющие собой сочетание слова с фонетическим комплексом, расширяют рифменный модуль за счет попадания в рифменную область несколько слов, объединенных одним метрическим ударением, но все-таки раздельно оформленных, графически самостоятельных.

6. Разноударные рифмы, представляющие собой изменение местоположения ударения при тождестве остальных компонентов. Нарушая эффект метрического ожидания, они выводят на первый план графико-аллитерационные комплексы, усиливая игровой рифменный модуль.

7. Разносоставные (разносложные) рифмы, представляющие собой сочетание неравных по слоговому составу форм (усечение или выпадение заударного слога в одном из рифмокомпонентов при тождестве прочих), трансформируют ритмико-эвфонический вертикальный модуль, создавая эффект актуализированного неравенства корреспон-

дирующих строк. [5: 35]

8. Левосторонняя рифма, связанная с расширением рифменного комплекса влево от ударного гласного, актуализирует внутреннюю глубину созвучия и создает эффект рифмования слов, а не их частей.

9. Особенное место в этом ряду занимают маргинальные по отношению к классической традиции диссонансы, в которых несовпадение происходит только в области ударных фонем при тождестве всего прочего, и ассонансы, представляющие собой совпадение только в области ударных фонем при распадении всех прочих фонетических комплексов. Их появление, обусловленное инациональной традицией, может напрямую соотноситься с эффектом неполной рифмовки.

10. К маргинальным феноменам примыкают формы с использованием внестиховых механизмов акцентуации: шрифтовая акциденция, иноязычные вставки, псевдорифма – использование различных сокращений и аббревиатур, чисел и цифр, а также – иконических рифмозаменителей.

11. Несмотря на то, что современные авторы все чаще отказываются от рифменных созвучий,

активно экспериментируя с белым стихом и верлибром, в массовом читательском сознании рифма продолжает оставаться важнейшим признаком поэтической формы, а, следовательно – эстетически значимым феноменом, одним из стихообразующих факторов русского поэтического дискурса.

Будучи одним из значимых элементов внешней поэтической формы, рифма, несомненно, обладает функциональными параметрами архитектурного объекта, и в этом отношении может выступать полноценным компонентом лирической композиции, наделяя стихотворный текст дополнительным (вертикальным) уровнем прочтения. Разные виды рифменных отношений являются отражением разных архитектурных моделей, из которых ведущим для русской поэзии является европейский тип, сформированный многовековой литературной традицией. Именно на его основе строится базовая (стереотипная) модель русского поэтического текста и именно отклонения от нее сигнализируют о возникновении новационных архитектурных структур. Процесс этот обусловлен взаимодействием различных национальных систем и степенью открытости культурного типа.

Библиографический список

1. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000.
2. Гаспаров М.Л. Эволюция русской рифмы. Проблемы теории стиха. Л., 1984. С.3–36.
3. Жирмунский В.М. Рифма, ее история и теория. Петербург: Academia, 1923.
4. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.
5. Ковалев П.А. Современный русский стих (актуальные аспекты стихосложения). Орел, 2001.
6. Ковалев П.А. Классическая и постмодернистская модели поэтического текста. Ученые записки Орловского государственного университета. 2009. №3. С.185–193.
7. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972.
8. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика. Структурализм: «за» и «против». Сб. ст. Под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

A.A. CHERKASSKAYA, P.A.KOVALEV

RHYMING DISCOURSE AND ARCHITECTONICS OF RUSSIAN VERSE

The article is devoted to the analysis of structural features of Russian poetry. The offered classification allows saying that the rhyming discourse creates especial esthetic system in the poetic text. Various modifications of a rhyme organize different architectonic models.

Key words: *architectonics, poetic system, composition, rhythm, rhyme.*

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

А.В. БАТИЩЕВ

кандидат экономических наук, доцент, зав.отделом информационной поддержки факультета дистанционного обучения Госуниверситета – УНПК
E-mail: batishchev@ostu.ru
Тел. 8 920 8124247

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируются изменения, происходящие в современном образовании, характеризующие формирование системы непрерывного профессионального образования, основанной на принципах открытой образовательной системы и связанные с этим процессом изменения требований к преподавателю. Рассматриваются вопросы подготовки педагогических кадров в вузах для системы непрерывного профессионального образования.

Ключевые слова: непрерывное профессиональное образование, открытое образование, информационные технологии, преподаватель.

Проблема институционализации новых мировых тенденций в развитии содержания и форм образования обнаружилась в начале 70-х годов XX века [1]. Эти тенденции отразили движение общества к информационному. Одной из новых форм организации образования явилось открытое образование. В области профессионального образования это привело к необходимости формирования системы непрерывного профессионального образования, основанного на принципах открытой образовательной системы, обеспечивающей возможность человеку в соответствии со своими индивидуальными потребностями реализовать свое «образование через всю жизнь».

Принципы открытости в образовании выражаются, как правило, в возможности проявления субъектом своей воли, в познанной необходимости, в независимости, отсутствии каких-либо ограничений и стеснений. В высшем профессиональном образовании это прежде всего – «политика доступности», означающая следующее [2]:

1) свобода в поступлении, например, в вуз (отказ от любых условий и требований для зачисления на обучение; «политика открытых дверей»);

2) свобода в планировании обучения (относительная свобода составления индивидуальной программы обучения путем комбинирования курсов; «индивидуальная образовательная траектория развития личности»);

3) свобода в выборе времени и темпов обучения (прием в течение всего года и отсутствие ограничения сроков обучения или темпа обучения);

4) свобода в выборе места обучения (органи-

зация учебного процесса такова, что имеет место выбор того, где, как и с кем обучаться; «точки открытого доступа»);

5) свобода выбора преподавателя (определение того преподавателя, который в наибольшей степени потенциально соответствует потребностям личности, особенно в дальнейшем, когда обучение может перерасти для обучаемого и обучающего в образовательный консалтинг);

6) свобода выбора средств обучения и форм доставки знаний.

Для реализации на корпоративном (университетском, институтском) уровне вышеперечисленных положений требуется разработка новых организационных структур и институциональных форм в области образования. Идея создания такой организационной структуры признается и поддерживается большинством российских специалистов, но к детальному смысловому определению и к формам ее конкретной реализации отношение неоднозначное. В настоящее время существует целый ряд организационных структур (открытые университеты, институты, школы; факультеты, кафедры открытого, дистанционного (дистантного) обучения; институты, факультеты непрерывного образования и т.д.) в той или иной степени реализующих образовательные технологии на принципах открытого образования.

В этой связи необходимым условием успешной работы преподавателя в современной системе непрерывного профессионального образования является, во-первых, повышение перечня основных профессиональных требований (таблица 1), предъ-

являемых к таким преподавателям, во-вторых, непрерывное повышение его квалификации в соответствии с изменениями в формах, технологиях, средствах и методах обучения.

Таблица 1.

Перечень основных профессиональных требований к преподавателю в системе непрерывного профессионального образования

№	Основные профессиональные требования в системе непрерывного профессионального образования
1	Способность быстро овладевать и работать с сетевыми образовательными и коммуникационными технологиями, интегрированными средствами разработки сетевых курсов и сетевых коммуникаций, мультимедийными технологиями
2	Обладать определенной психологической устойчивостью и работать с виртуальными студентами, когда преподаватель не видит своих студентов практически за все время обучения
3	Уметь работать в условиях распределенного времени
4	Быть внутренне хорошо организованным человеком, способным заранее подготовить все необходимые компоненты сетевого курса, разработать четкий календарь событий в течение курса и всех видов отчетности по учебным заданиям
5	Быть готовым к очень активному обмену информацией со студентами, поскольку без активного диалога и сетевых коммуникаций типа «преподаватель – студент(-ы)» и «студент – студент(-ы)», «студенты – студенты» технологии обучения сводятся лишь к немого модифицированному заочному обучению по переписке («корреспондентское обучение»)
6	Активно стимулировать и поощрять совместную работу студентов при выполнении учебных заданий посредством сетевых технологий
7	Быть готовым достаточно часто изменять или модифицировать содержательные стороны своего учебного сетевого курса

Преподаватель-консультант (тьютор) должен демонстрировать свое умение видеть технологические, организационные, социально-экономические и социально-психологические возможности получения максимального педагогического результата. В этом смысле одним из существенных моментов при становлении и развитии корпоративных структур непрерывного профессионального образования (института или факультета непрерывного образования) в вузах является и соответствующая подготовка новых педагогических кадров, способных разрабатывать учебные курсы нового поколения, организовывать и реализовывать учебный процесс на основе современных информационных технологий.

Часто получается так, что на начальном этапе становления корпоративной структуры непрерывного профессионального образования руководство образовательного учреждения, приняв решение об

активных действиях по развитию непрерывного профессионального обучения, стремится, в первую очередь, оснастить все образовательное учреждение современными компьютерами, объединить их в сеть, подключиться к Internet, поставить современное программное обеспечение, полагая, что при этом учебный процесс развернется как бы сам собой. Однако, не преуменьшая значения вышеперечисленных действий, это – типичная ошибка игнорирования системного подхода. Требуется учитывать все элементы педагогической системы, включая участников образовательного процесса, и прежде всего подготовку преподавателей как в области средств информационных и коммуникационных технологий, так и педагогики современного образования.

При этом отметим, что анализ программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации преподавательских кадров показывает, что основное внимание до сих пор уделяется подготовке в области средств информационных и коммуникационных технологий, основываясь на ошибочной посылке о том, что знание и умение преподавателя использовать возможности этих технологий автоматически позволит эффективно использовать их в учебном процессе. Преподаватель в современной образовательной системе должен иметь представление:

- в какой системе образования ему предстоит работать (системе открытого образования);
- как готовить учебно-методический материал;
- о новой роли преподавателя, использующего всё богатство дидактических, программно-технологических, аппаратно-технических и других возможностей системы;
- о правовом статусе преподавателя, и, прежде всего, – о его правах и обязанностях как субъекта образовательного права.

Технология взаимодействия участников процесса в системе непрерывного профессионального образования в первую очередь должна опираться на новейшие информационные технологии, т.е. технологии открытого и дистанционного обучения. Центральным звеном открытого и дистанционного обучения являются средства телекоммуникации. Они используются для обеспечения образовательного процесса: необходимыми учебными и учебно-методическими материалами, обратной связью между преподавателем и обучаемым, обменом управленческой информацией внутри образовательной системы, выходом в международные информационные сети, а также для подключения к образовательному процессу зарубежных пользователей (студентов, преподавателей).

Библиографический список

1. Солдаткин В.И. Проблемы модернизации российского образования. Единая образовательная информационная среда: проблемы и пути развития: Матер. III Всеросс. научн.-практ. конф.-выставки. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 3-9.
2. Солдаткин В.И. Проблемы создания образовательной информационной среды открытого образования. Университетское управление. 2001. № 4(19). С. 14–17.

A.V. BATISHCHEV

**PROBLEMS OF PREPARATION OF PEDAGOGICAL SHOTS
FOR SYSTEM OF CONTINUOUS VOCATIONAL EDUCATION**

In article the changes occurring in modern formation, systems of the continuous vocational education based on principles of open educational system and connected with this process by change of requirements to the teacher characterizing formation are analyzed. Questions of preparation of pedagogical shots in high schools for system of continuous vocational education are considered.

Key words: *the continuous vocational training, open formation, information technology, teacher.*

Н.А. КОХАНИК

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дизайна, скульптуры и теории искусства, докторант кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловского государственного университета
E-mail: kohanik-natalya@mail.ru
Тел.: (0862) 74 09 58 (раб.), 8 906 569 73 05

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРА

В статье рассматривается процесс профессиональной подготовки дизайнера, формирование такого важного профессионального качества, как коммуникативная компетентность. Приведена характеристика системного подхода формирования коммуникативной компетенции дизайнера. Также рассмотрены некоторые аспекты методологии и технологии конструирования в дизайнерской практике с точки зрения неопрагматистской исследовательской традиции, показаны некоторые социокультурные аспекты дизайн-образования.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, дизайн, профессиональная подготовка, концепт, социокультурный базис дизайна, методология дизайна.

Дизайн в настоящее время является одним из самых распространенных видов художественной деятельности. Сегодня сам термин «дизайн» прочно укоренился в массовом сознании, охватив многие виды деятельности современного человека: дизайн среды, дизайн одежды, графический дизайн и др.

Дизайн (англ. design) – проектировать, конструировать, чертить – в широком смысле любое проектирование, процесс создания новых предметов, инструментов, формирования предметной среды. «Дизайн – как институт проектирования, стал настоящим «культурным феноменом» нашего времени» [1, с.168]. Доктор философских наук Г.Н. Лола в своей монографии «Дизайн-код – культура креатива», рассматривая определение дизайна, считает, что «до сих пор бытующее понимание дизайна как способа создания функциональных и эстетичных вещей отсылает к его исторической связи с промышленным серийным производством предметов потребления. Это положение на границе искусства и техники нашло отражение в первых определениях дизайна как «художественного производства», «промышленной эстетики», «художественного проектирования» и т.п... Но даже краткий экскурс в историю проблематизации дизайна позволяет преодолеть этот стереотип и увидеть дизайн как самобытную культурную практику» [6, с.13]. Г.Н. Лола дает определение дизайну как коммуникативной практики: «Дизайн есть коммуникативная практика конструирования знакового продукта, способного создавать ситуацию впечатления» [6, с.28]. Таким

образом, согласно этому определению, происходит перенос акцента с понятия «художественного производства» на коммуникативные качества дизайнерской практики и самого дизайн-продукта, будь то одежда, обувь, интерьер, аксессуары. Важным становятся коммуникативные качества дизайнера, т.е. насколько верно дизайнер понимает задачи, поставленные заказчиком, и как он выражает их в виде концепции и затем в конечном результате творческой деятельности дизайнера. Впечатление характеризуется пониманием-переживанием смысла. Автор рассматривает дизайн-продукт как знаковый продукт, который «не является предметом потребления в буквальном смысле, поскольку мотивация его потребителя состоит не в том, чтобы купить и использовать, а в стремлении быть вовлеченным в определенное состояние, среду» [6, с.48].

Проблему коммуникации исследовали представители разных научных областей: психологи, философы, социологи и др. К анализу самого понятия «коммуникация», «коммуникативные умения» в своих трудах обращались: Б.Г. Ананьев; Ю.М. Жуков; Ю.С. Крижанская; В.В. Охотникова; Л.А. Петровская; Б.М. Теплов; А.Л. Леонтьев; Б.Ф. Ломов; В.Я. Якунин и др.

Среди теоретиков дизайна наибольший интерес представляют работы: Ю.Б. Борева; Л.Н. Безмоздина; А.В. Иконникова; К.М. Кантор; Г.Н. Лолы; В.Ф. Рунге; С.О. Хан-Магомедова и др.

В процессе профессиональной подготовки дизайнера основное внимание уделяется форми-

рованию общекультурных и профессиональных компетенций, которые тесно связаны с коммуникативной компетентностью дизайнера: умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; готовность к кооперации с коллегами по работе, в коллективе; способность находить организационно – управленческие решения в нестандартных ситуациях; анализировать и определять требования к дизайн-проекту; составлять подробную спецификацию требований к дизайн-проекту; способность синтезировать набор возможных решений задач или подходов к выполнению дизайн-проекта; разработка проектной идеи, основанной на концептуальном, творческом подходе к решению дизайнерской задачи.

Тем не менее, формированию коммуникативной компетентности в процессе обучения будущего дизайнера уделяется недостаточно внимания. А в настоящее время в условиях жесткой рыночной конкуренции выпускнику вуза как никогда важно умение применить полученные знания на практике, в своей профессиональной деятельности, быть востребованным на рынке труда.

Рассматривая коммуникативную компетентность в процессе профессиональной подготовки дизайнера, необходимо обратиться к коммуникативной функции искусства и культуры в целом. Дизайн занимает пограничное положение между искусством и производством. Именно через разнообразные виды искусства и художественной культуры устанавливается связь «художник-зритель», «писатель-читатель», «музыкант-слушатель» и др. Дизайн, безусловно, тесно связан с производством, но с момента своего возникновения он всегда был включен в общий культурный процесс. Как уже приводилось нами выше, первые определения дизайна содержали формулировку: «художественное производство»; «художественное проектирование». Искусствовед В.Б. Мириманов пишет: «В широком смысле каждое художественное произведение имеет коммуникативное значение, закрепляет связь между человеком и обществом. В более узком смысле искусство может оперативно выполнять ту функцию, которая позднее переходит к письменности. Различные виды изображений, имеющие специальное коммуникативно-мемориальное значение, в свое время существовали у всех народов» [7, с.67]. Дизайн, как часть материальной культуры, несет в себе коммуникативные функции.

С точки зрения социальной психологии, коммуникативная компетентность, как отмечает Ю.М. Жуков, «рассматривается как система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в опре-

деленном круге ситуаций межличностного взаимодействия. Коммуникативный акт включает в себя анализ и оценку ситуации, формирование цели и операционального состава действия, реализацию плана» [4].

Неопрагматистская исследовательская традиция рассматривает коммуникацию «как активность индивидов, позволяющую создавать общую реальность в процессе взаимодействия с другими и управлять ею посредством определенных практик. В отличие от психологического подхода, объясняющего социальное действие индивидуальными устремлениями субъектов, неопрагматистская методология сфокусирована на той области, в которой люди действуют не столько исходя из внутренних побуждений, сколько сообразуясь с возникающими обстоятельствами» [6, с.16]. Что особенно важно для дизайнера в процессе работы над дизайн-проектом, поскольку ему, как и всякому практику, приходится действовать в постоянно меняющейся ситуации.

В диссертационном исследовании В.В. Охотниковой «Развитие коммуникативной компетентности субъектов образовательного процесса в высших учебных заведениях» [7] отмечается, что коммуникативная компетентность не формируется сама по себе. Необходимо специально организовывать образовательную деятельность с учетом многообразия и многогранности квалифицированного труда в современном сообществе. В процессе профессиональной подготовки будущих дизайнеров важно развивать навыки комплексного мышления, профессиональной рефлексии, преодолевать ориентацию образовательного процесса на «предметность», акцентировать внимание студентов на включенность дизайна в общие социокультурные процессы.

Т.В. Гончарова, рассматривая специфику программ по художественному проектированию, основам художественного производства в профессиональной подготовке дизайнеров, считает, что: «использовать только образный подход в художественном проектировании сегодня недостаточно. Правомерно отступление от стандартного осмысления действительности через создание абстрактной формы и формирования ассоциативно-образного мышления как главного метода художественно-познавательной деятельности. Уникальная возможность использования ассоциативного механизма позволяет превратить неясные ощущения, мимолетные впечатления, знакомые образы и воспоминания в неповторимую художественную целостность, окрашенную индивидуальными представлениями автора» [2, с.471].

В этой связи целесообразно применение системного подхода к обучению, который включает различные формы организации занятий: индиви-

дуальные и групповые, активные и интерактивные формы, проектирование индивидуальных образовательных траекторий студентов, внеаудиторных занятий. Самостоятельная работа студентов является обязательной составляющей системного подхода. Саморазвитие, самосовершенствование личности студента очень важно для развития коммуникативных умений. Помимо выполнения творческих заданий, будущему дизайнеру необходимо развивать особую чувствительность, восприимчивость к различным видам искусства, много читать, постоянно расширять свой кругозор.

Для формирования коммуникативной компетентности должна активно использоваться производственная практика, которая проходит в студиях дизайна и рекламы, на различных предприятиях. Аудиторные практические задания необходимо максимально приближать к конкретной профессиональной задаче. В ходе таких заданий студенты включаются в деятельность временных творческих групп, индивидуально разрабатывают дизайн-проекты, используя определенную методологию: определение основной идеи, концепта дизайн-проекта; целесообразно применять так называемое «семиотическое моделирование» с использованием наиболее типичных образов – «протомоделей, оснащенных смысловыми маркерами» [6, с.67].

Так называемые «прото модели», или фундаментальные «образы», упрощают понимание задач, которые ставятся перед будущим дизайнером. Если рассматривать в качестве примера дизайн среды, то наиболее популярны в настоящее время следующие образы:

- «natura» – эстетизация природы;
- «tech» – эстетизация технической конструкции;
- «art» – эстетизация окружающего мира и

сам акт эстетизации.

Если обратиться к ведущим тенденциям мирового и отечественного дизайна, то отчетливо прослеживается, что «в культурной ситуации последних двух десятилетий лидирующие позиции у образа «art»... Для образа «art» характерны подчеркнутая искусственность, постановочность, детальная продуманность. Эстетизация не просто обнаруживается, а демонстрируется, и в зависимости от того, что эстетизируется, можно выделить его основные версии: «концепт-«art», «богемный «art», «глэм-«art», «треш-«art», «ретро-«art» [6, с.68].

Те или иные требования к дизайн-продукту можно соотнести с определенным образом, к которому он близок и уже далее применять «семиотическое моделирование», соответствующее этому типу. «Семиотическая модель» берется за основу дальнейшего приложения творческого воображения дизайнера, в результате должна получиться своя собственная новая модель на основе типичных образов, поскольку дизайнеру необходимо учитывать веяния моды, материалы и технологии, как, например, при оформлении интерьера.

В современных условиях информационного постиндустриального общества подготовка высококвалифицированных специалистов в области дизайна, их конкурентоспособность на рынке труда невозможна без высокого уровня коммуникативной компетентности, занимающей важное место в профессиональной компетентности выпускника. И здесь вполне применим системный подход формирования коммуникативной компетентности будущего специалиста в области дизайна.

Формирование коммуникативной компетентности, безусловно, есть следствие постоянного саморазвития личности дизайнера, способности к самосовершенствованию.

Библиографический список

1. Арайс С.О. Система факторов, влияющая на оценку работ студентов кафедры дизайна по специальным дисциплинам. Проблемы современного художественно-графического образования: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Смоленского гос.ун-та. Смоленск: Изд-во Смол. ГУ, 2011. 316 с.
2. Гончарова Т.В. Специфика программ в профессиональной подготовке дизайнеров. Материалы 14-й международной научной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии» под ред. Н.М. Калашниковой. СПб.: СПГУТД, 2011. 544 с.
3. Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Соловьева О.В. Введение в практическую социальную психологию. М.: «Смысл», 1999. 384 с.
4. Жуков Ю.М. Позиции психологопрактика. Интернет-ресурс http://www.i-u.ru/biblio/archive/hrest_socpsih/05.aspx
5. Лола Г.Н. Дизайн как социокультурный феномен: философский анализ. дис. ...д-ра филос. наук. СПб.: 1998. 305 с.
6. Лола Г.Н. Дизайн-код: культура креатива. СПб.: «ЭЛМОР», 2011. 140 с.
7. Мириманов В.Б. Малая история искусств. Первобытное и традиционное искусство. М.: Искусство, 1973. 320 с.

8. Охотникова В.В. Развитие коммуникативной компетентности субъектов образовательного процесса в высших учебных заведениях. Дис. ...канд. пед. наук. Омск, 2000. 169 с.
9. Рунге В.Ф., Сеньковский В.В. Основы теории и методологии дизайна. М.: «МЗ-Пресс», 2003. 252 с.

N.A. KOHANIK

**THEORETICAL ASPECTS OF COMMUNICATIVE COMPETENCE
IN TRAINING DESIGNER**

This article discusses the training of the designer, the formation of an important professional quality - communicative competence. The characteristic of a systematic approach of forming communicative competence of the designer is given in the article. Also, it shows some aspects of design methodology and technology in design practice from the sight of neopragmatic research tradition and shows some of the socio-cultural aspects of design education.

Key words: *communicative competence, design, training, concept, social and cultural basis of design, methodology of design.*

Е.В. КУКАНОВА*доктор педагогических наук, профессор кафедры
общей педагогики Орловского государственного
университета**E-mail: elana-korolev@mail.ru**Тел: 8 910 458 12 84*

МОДЕЛЬ ПОЭТАПНОГО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА БУДУЩИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОУ В УСЛОВИЯХ ВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье представлена модель формирования социального интеллекта будущих воспитателей ДОУ. Цель модели конкретизируется в системе задач, принципах, содержании, критериях, показателях и уровнях сформированности социального интеллекта будущих воспитателей ДОУ в процессе вузовского обучения. Социальный интеллект характеризуется следующими особенностями: восприятие и понимание профессиональных проблем репрезентируется в двух основных категориях – конструктивизм и доверительность; тип контроля в области общей активности – экстернальный; структура межличностных отношений описывается тремя факторами: агрессивный эгоизм, дружелюбный инфантилизм, авторитарный альтруизм.

Ключевые слова: социальный интеллект, модель, структура, компоненты, социальное восприятие, социальное знание, поведенческая гибкость.

Модернизация отечественной системы высшего образования требует новых подходов к построению профессиональной подготовки специалиста, ориентированной не только на содержание профессиональной деятельности, но и на личностные особенности специалиста, реализуемые в этой деятельности. В этом случае становится необходимым выделение некоторых базисных психологических образований, отображающих в себе специфику труда и характеристики субъекта деятельности. В них каждый специалист проявляет специфику индивидуального интеллекта, характерного для конкретной профессии и отличающего его от «родственников» по предметному содержанию профессий. Это касается и профессиональной подготовки воспитателей ДОУ. Как правило, их обучение в вузе ограничивается алгоритмизацией конкретных образовательных приобретений, реализуемых в заранее обусловленных видах практической деятельности. За границами профессиональной подготовки воспитателя при этом нередко остаются его отличительные особенности как субъекта профессиональной деятельности (особенности мышления, интеллекта, поведения, ценностной ориентации и др.) от субъекта другой, содержательно с ней схожей деятельности. Это находит целостную выраженность в социальном интеллекте воспитателя. В связи с этим формирование социального интеллекта воспитателя выступает одной из актуальных проблем его профессионального обучения в вузе.

Во-первых, рассмотрение процесса формирования социального интеллекта воспитателей ДОУ

имеет несомненную важность с позиции формирования системы личностных ценностей и идей современного российского общества. Во-вторых, формирование социального интеллекта является частью общей культуры личности, что может способствовать рассмотрению его как средства личностной самореализации.

Абстрагированным выражением сущности процесса формирования социального интеллекта выступает модель поэтапного его формирования, которая воплощает в себе теоретические и технологические результаты осмысления данного феномена.

В ходе построения нашей модели мы учитывали следующие условия развития педагогической системы: целостность, коммуникативность, структурность, междисциплинарность, управляемость, развитие, полноту и многоуровневость описания. *Целостность* данной модели характеризует единство ее компонентов, наличие у системы интегративных качеств (сформированности социального интеллекта определенного уровня), которых нет у ее компонентов, систему связей и отношений, которые выделяют ее (как самостоятельную единицу) из окружающей среды. *Коммуникативность* данной модели утверждает наличие и учет различных связей разного вида и уровня (субъектов, компонентов, видов деятельности и т.п.). *Структурность и многоуровневость* данной модели характеризуются возможностью выделения этапов становления социального интеллекта воспитателей ДОУ, значимых форм деятельности, в рамках которых реализуется ее содержание, и видимых параме-

тров фиксации получаемых результатов. Наряду с устойчивостью структура обладает изменчивостью и подвижностью, с чем связана возможность преобразования системы деятельности и появления новых интегративных качеств или перехода имеющих на более высокий уровень. В процессе моделирования мы использовали данные, концепции и методы различных наук (философии, психологии), что обеспечивало *междисциплинарную* интеграцию в рамках нашей модели. *Управляемость* данной модели обеспечивается направленностью на интересы будущих воспитателей; сопряженностью с ценностями общества, дошкольного учреждения, семьи и т.п.; реальностью достижения поставленной цели формирования социального интеллекта; конкретностью, диагностичностью и возможностью коррекции, в случае необходимости. Возможность *развития* данной модели обуславливается переходом целостности на другой уровень. *Полнота* гарантировалась адекватностью отражения объекта в модели, эмпирическим характером получения материала, многократностью проверки с помощью различных приемов.

Опираясь на структурно-функциональную характеристику педагогической системы, данную В.А. Сластениным, можно выделить следующие компоненты педагогического процесса: целевой, содержательный, операционально-деятельностный, результативный (рефлексивно-оценочный). При построении модели мы исходили из научного представления о наличии подобных структурных компонентов системы и взаимосвязей между ними.

Модель поэтапного формирования социального интеллекта воспитателей ДООУ в условиях вуза строилась нами на основе следующих *ведущих идей* и теоретических основ.

Концептуальной идеей выступает положение о том, что формирование социального интеллекта базируется на дидактическом синтезе, предполагающем максимально эффективное использование познавательного и воспитательного потенциала в развитии детей указанного возраста на основе единства чувственного и рационального, формирование целостных представлений об окружающем мире в их взаимосвязях и взаимозависимостях.

Сущность современной образовательной парадигмы образования выражается в идее личностно-ориентированного образования и заключается в том, что студент рассматривается как сложная саморазвивающаяся система, признается уникальность и неповторимость каждой личности и траектории ее развития, ее самооценности; целевые установки вузовского образования смещаются с информатизации на создание условий и помощь в саморазвитии

личности в целом (с точки зрения вероятностной модели мира, степень его освоения определяется не столько его познанием, сколько пониманием, то есть овладением смыслами); изменяется позиция студента в жизненном пространстве, которое должно строиться в соответствии с потребностями, интересами, возможностями, обеспечивать личностный смысл его деятельности.

Социальный интеллект будущих воспитателей ДООУ в процессе вузовского обучения характеризуется следующими особенностями: восприятие и понимание профессиональных проблем репрезентируется в двух основных категориях – конструктивизм и доверительность; тип контроля в области общей активности – экстернальный; структура межличностных отношений описывается тремя факторами: агрессивный эгоизм, дружелюбный инфантилизм, авторитарный альтруизм.

Изменение социального интеллекта происходит посредством специально организованного обучения, ориентированного на развитие структурных компонентов интеллекта в процессе решения профессиональных ситуаций. Эти изменения связаны с содержательной трансформацией перцептивно-мыслительного и аксиологического компонентов интеллекта в сторону когнитивного усложнения процессов восприятия профессиональных ситуаций и развития новых ценностных ориентиров – бескорыстия, ориентации на оказание помощи, способности к принятию решения и независимости. Регулятивный компонент изменяется в области производственных, межличностных отношений.

Социальный интеллект выступает как личностное новообразование студентов и как общественная характеристика. Поэтому представляется весьма важным и актуальным выделение факторов, влияющих на формирование социального интеллекта в процессе вузовского обучения.

Практически любое явление, процесс, ситуация содержит воспитательный и образовательный потенциал, который может быть актуализирован при определенных условиях. Педагогический фактор – то, что независимо от желания людей способно порождать педагогический эффект, объективно оказывая влияние на природу, ход и результаты исследуемых явлений. Следовательно, природа фактора, в значительной мере, объективна и определяет возрастающую значимость его влияния на природу социального интеллекта. В силу объективности и универсальности действия педагогических факторов кардинально повлиять на их «вмешательство» в названный процесс довольно сложно. Можно в определенной мере компенсировать, корректировать, усиливать, блокировать это действие

с помощью различных видов соответствующей деятельности.

Таким образом, необходимо тщательно изучать, учитывать, прогнозировать и использовать действие всех факторов, влияющих на формирование социального интеллекта. Только в этом случае факторы создают соответствующие условия для решения поставленных педагогических задач.

Всю совокупность факторов формирования социального интеллекта можно объединить в три группы: факторы общекультурного, социального и личностного порядка.

Факторы общекультурного порядка оказывают глубокое и важнейшее влияние на формирование социального интеллекта. К ним относятся: социокультурная ситуация в стране, регионе, вузе, субкультура, социальное положение личности студента.

Значимость фактора *социокультурного окружения* переоценить трудно. Именно в данной среде определяется поведение и потребности личности. Наиболее заметно влияние данного фактора на формирование социального интеллекта прослеживается в процессе вузовского обучения. Социокультурная ситуация складывается в результате воздействия таких групп агентов, как: образовательная среда вуза, семейные традиции, культурно-просветительных программ в СМИ, моделирования, творческих заданий, педагогических ситуаций, тренингов.

Субкультура – наиболее мелкая составляющая часть культуры, предоставляющая возможности общения с себе подобными. В обществе выделяются группы лиц, которые имеют одинаковые потребности и пристрастия: по религиозной принадлежности (православные, старообрядцы, атеисты); по расовым признакам (европейцы, азиаты, негры); по географическому положению (жители европейского Севера и Кавказа, западной или восточной Украины) и т.п.

Безусловно, что национальная и расовая принадлежность, вероисповедание и географическое окружение оказывают влияние на формирование социального интеллекта, однако еще большее значение имеет общность культурных и (или) досуговых предпочтений в типичной возрастной среде. В случае принадлежности личности к определенной субкультуре, представляется достаточно проблематичной переориентация ценностных установок, культурных интересов, нормативных характеристик поведения и деятельности, отношений.

Социальные факторы оказывают значительное влияние на формирование социального интеллекта и включают в себя референтные группы, семью, роли и статусы конкретной личности.

Референтные группы оказывают особенно сильное влияние на деятельность и поведение личности. Их называют членскими коллективами, которые оказывают прямое (при личном контакте) или косвенное влияние на отношения и поведение человека. К ним относятся: семья, друзья, студенческая группа – это первичные коллективы. Кроме того, человек принадлежит в ряду вторичных коллективов: в нашем случае это – творческо-исполнительские коллективы.

Референтные группы оказывают влияние на людей разными путями: индивид сталкивается с новыми для него проявлениями поведения и образом жизни; группа воздействует на отношения индивида и его представления о самом себе; группа подталкивает индивида к конформизму. На формирование социального интеллекта важное влияние оказывает, несомненно, вовлеченность личности в художественно-исполнительские, творческие объединения, сплоченность и общность интересов участников.

Роли и статусы характеризуют человека как члена различных социальных групп. Роль представляет собой набор действий, которых ожидают от человека окружающие. Каждой роли присущ определенный статус, отражающий степень положительной оценки ее со стороны общества.

Актуальной задачей выступает в нашем исследовании расширение спектра социальных ролей в вузе и повышение их статусного уровня (актуализация значимости в различных сферах деятельности, моральное стимулирование, широта практического применения и т.п.)

Личностные факторы оказывают заметное влияние на формирование социального интеллекта и включают в себя пол и возраст, тип личности и представление о самом себе.

Проведенный анализ выделения факторов, способствующих формированию социального интеллекта, позволяет нам, таким образом, говорить о двух группах факторов: факторах внешней среды (общекультурных и социальных) и факторах внутренней среды (личностных).

Идея развития, обеспечивающего возникновение нового качественного состояния личности, детерминирует цели формирования социального интеллекта как динамичное явление, изменяющееся под воздействием внешних и внутренних факторов.

Модель поэтапного формирования социального интеллекта проявляется на следующих уровнях: целевом (цель, задачи); содержательном (знания, способности деятельности, опыт творческой деятельности и осуществления эмоционально-ценностных отношений); операционально-деятельностном (этапная:

[социальное восприятие, социальное знание, поведенческая гибкость] реализация интегрированных занятий, моделирования, творческих заданий, педагогических ситуаций, тренингов и результативном (рефлексивно-оценочном) (результат в соответствии с критериями уровня его сформированности).

Целевой уровень модели поэтапного формирования социального интеллекта является наиболее значимым, так как детерминирует содержание интеллектуального образования и интеллектуального воспитания и их процессуальную сторону.

Модель формирования социального интеллекта старших дошкольников ориентируется на стратегическую *цель*: создание условий, способствующих проявлению и востребованности элементов социального интеллекта в образовательном процессе вуза, что обеспечит интеллектуальное развитие личности, формирование творческой направленности и будет способствовать становлению их коммуникативных способностей.

Исходя из целей, предполагающих гармонизацию объективных требований к будущим воспитателям ДОУ и личностного саморазвивающегося начала, содержание предлагаемой нами модели включает в себя содержание социального интеллекта (аксиологический, деятельностно-практический и личностно-творческий) и содержание процесса формирования искомого новообразования (знаний, умений и навыков, опыта творческой деятельности, опыта эмоционально-ценностных отношений).

В контексте нашего исследования социальный интеллект – это система установок, интересов, вкусов, которые находят свое выражение в поведении студентов.

Таким образом, основу содержания процесса формирования социального интеллекта составляет универсальная формула педагогического процесса «*потребность – переживание – осмысление – действие*» и принцип чувственно-эмоционального восприятия, а его структуру – знания, способы деятельности, опыт творческой деятельности и опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений.

Процессуально-управленческий уровень в рассматриваемой модели представлен последовательным, поэтапным процессом формирования социального интеллекта. Функцией данного компонента является построение педагогического процесса в соответствии с логикой содержания и поставленными целями.

Формирование социального интеллекта является педагогическим процессом. Отличительной особенностью педагогического процесса является разница фиксируемых состояний в начале и в

конце педагогического воздействия на конкретную личность.

Динамика процесса отражается нами в модели поэтапного формирования социального интеллекта и имеет место при соблюдении следующих его этапов: социального восприятия, социального знания, поведенческой гибкости.

Первый этап – социальное восприятие (позитивный образ «Я» будущих воспитателей ДОУ). *Второй этап* – социальное знание (творческая самореализация). *Третий этап* – поведенческая гибкость (удовлетворенность студента своим положением в группе).

Реализация модели поэтапного формирования социального интеллекта будущих воспитателей ДОУ будет оптимальной, если сопровождается систематическим мониторингом статуса студента, созданием условий для развития его личности.

Завершенность педагогического процесса обуславливается правильным выбором способа организации управления им. Возможность управления процессом формирования социального интеллекта старших дошкольников будет обеспечена при выполнении следующих требований: указание и конкретизация цели управления; установление исходного состояния социального интеллекта, в частности, изучение исходного уровня социального интеллекта, изучение их индивидуальных особенностей; определение программы действий; обеспечение систематической обратной связи (итоговая и поэтапная организация оценки и контроля); обеспечение переработки информации; (анализ ситуации, коррекция ситуации); итоговый анализ и оценка.

Систематизирующим аспектом модели поэтапного формирования социального интеллекта выступает результативный (рефлексивно-оценочный) уровень, который мы осмысливаем как меру отражения целостности модели, обеспечивающую ее существование; методологический инструментарий управления качеством процесса формирования социального интеллекта; средство, с помощью которого осуществляется выбор стратегии формирования социального интеллекта; основание для оценки реального уровня личностных достижений будущих воспитателей ДОУ.

Результативность процесса формирования социального интеллекта будущих воспитателей ДОУ зависит от соблюдения определенных педагогических условий: внешней среды (социально-педагогических), условий внутренней среды (организационно-педагогических) и личностных (педагогических).

Таблица 1.

Структурная модель поэтапного формирования социального интеллекта будущих воспитателей ДОУ
в процессе вузовского обучения

Конечный результат, который мы предполагаем получить от внедрения разработанной нами теоретической модели поэтапного формирования социального интеллекта, – повышение уровня сформированности социального интеллекта у студентов.

Динамика развития социального интеллекта будущих воспитателей ДОУ связана с реализацией специально организованного процесса обучения, ориентированного на развитие структурных компо-

нентов интеллекта в процессе решения профессиональных ситуаций.

Таким образом, модель определяет цель формирования социального интеллекта студентов, которая конкретизируется в системе задач, принципах, содержании, критериях, показателях и уровнях сформированности социального интеллекта будущих воспитателей ДОУ в процессе вузовского обучения.

E. V. KUKANOVA

**THE MODEL OF PHASE-FORMATION OF SOCIAL INTELLIGENCE OF FUTURE
EDUCATORS OF THE PRE-SCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION
IN THE CONDITIONS OF HIGHER EDUCATION**

The article presents a model of the formation of social intelligence of future teachers to the children's educational institution. The purpose of the model is specified in the system of objectives, principles, scope, criteria, indicators and levels of the formation of social intelligence of future educators of the DOW in the process of higher education. Social intelligence is characterized by the following features: perception and understanding of the professional problems it seems in two major categories – constructivism and empowerment; type of control in areas of common activity – the factors of external environment; the structure of interpersonal relations is described by three factors: aggressive egoism, friendly infantilism, authoritarian altruism.

Key words: social intellect, model, structure, components, social perception, and social knowledge, behavioral flexibility.

Е.В. МАРКОВИЧЕВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета
Тел. (4862) 45 17 19

И.Р. ЛЕВИНА

доцент кафедры истории государства и права
Орловского государственного университета
Тел. (4862) 59 07 55

РОЛЬ УЧЕБНОГО КУРСА «СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ» В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Статья раскрывает проблемные аспекты подготовки студентов-юристов к научной исследовательской деятельности. Показана роль изучения правовой компаративистики в формировании у студентов необходимой основы для использования сравнительно-правового метода исследования. Сформулированы предложения по совершенствованию процесса подготовки студентов-юристов к научной работе.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, студенты-юристы, научное исследование.

Одной из задач высшего профессионального образования будущих юристов является подготовка их к научно-исследовательской деятельности. К сожалению, в государственном образовательном стандарте подготовки бакалавров по направлению «Юриспруденция» не нашли своего отражения компетенции, связанные с научно-исследовательской деятельностью юристов. В качестве негативного момента следует отметить и тот факт, что выполнение выпускной квалификационной работой не является обязательным условием присвоения квалификации «бакалавр», поскольку вуз вправе перераспределить кредиты, отведенные на выполнение ВКР, на другие формы учебной работы. А между тем выпускник-бакалавр имеет право поступить в аспирантуру, а значит должен иметь определенные навыки организации и проведения исследовательской работы. С этой позиции более удачными являются стандарты подготовки специалистов по специальностям «Правоохранительная деятельность» и «Правовое обеспечение национальной безопасности», поскольку в качестве одной из задач подготовки специалистов-юристов обозначена подготовка к научно-исследовательской деятельности.

Разработчики федеральных государственных образовательных стандартов по направлению «Юриспруденция» предусмотрели подготовку к научной исследовательской деятельности только магистров, которые должны быть подготовлены к проведению научных исследований по правовым

проблемам и участию в проведении таких исследований по профилю своей профессиональной деятельности. Реализация данной задачи предполагает формирование у студентов ряда компетенций, связанных с:

- использованием на практике приобретенных умений и навыков в организации исследовательских работ;
- способностью квалифицированно проводить научные исследования в области права;
- способностью организовывать и проводить педагогические исследования.

Очевидно, что формирование данных компетенций должно представлять собой результат подготовки выпускников не только уровня магистратуры, но и уровня бакалавриата, несмотря на отсутствие прямых указаний в Государственном образовательном стандарте. При этом следует согласиться с теми авторами, которые указывают на сложность подготовки в процессе вузовского обучения студентов именно к научно-исследовательской деятельности.¹

Решение данной задачи предполагает повышение научного потенциала процесса изучения различных учебных дисциплин и требует комплексного подхода к решению данной проблемы. В рамках данной статьи остановимся лишь на одном направлении, которое кажется нам весьма перспективным, в рамках обозначенной проблемы.

¹ Лобова Г.Н. Проблема подготовки студентов к научно-исследовательской работе и пути решения. Успехи современного естествознания. 2008. № 9 С. 56-57.

*Статья подготовлена по результатам выполнения госзадания Орловскому государственному университету на 2012г. (регистрационный номер 6.4506.2011, прикладные научные исследования).

Известно, что юридическая наука оперирует различными методами научного исследования, предлагая современным ученым значительный арсенал «приемов, средств, принципов и правил, с помощью которых постигается предмет, приобретаются новые знания».² Традиционно к собственно-юридическим методам принято относить формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Первый метод используется в качестве инструментария фактически во всех правовых исследованиях. Что касается сравнительно-правового метода, то здесь наблюдается не столь однозначная ситуация. Попробуем ее проанализировать.

С одной стороны, наблюдается более активное использование юристами сравнительно-правового метода, что связано, в первую очередь, с объективными процессами сближения, интеграции и взаимопроникновения различных правовых систем.³ С другой, сам процесс использования этого метода, обоснованность его использования применительно к решению тех или иных научных задач вскрывают целый ряд проблем.

С сожалением приходится констатировать, что современные аспиранты, докторанты и соискатели считают правилом хорошего тона указывать в методологическом аппарате использование сравнительно-правового метода, даже, если цель и задачи диссертации не предполагают проведение сравнительного исследования. Процесс научного исследования всегда связан с реализацией двух компонентов: целевого и технологического. Метод, как определенный инструментарий, должен использоваться для достижения конкретной научной цели. И если для исследователя не ясна цель, вряд ли он сможет подобрать адекватный инструментарий. Таким образом, сравнительный метод в правовом исследовании должен применяться для достижения четко определенной цели, которая в обобщенном виде может быть определена как сравнение различных правовых систем и существующих в их структуре различных правовых явлений.

Сравнительно-правовой метод функционирует фактически в двух своих разновидностях: синхронном и диахронном. Диахронический аспект – это, фактически, последовательный процесс истории права, разворачивающийся во времени, запечатлевающий смену одной исторической формы культуры другой и позволяющий произвести сравнение различных правовых систем в сравнительно-

историческом аспекте. Синхронный срез позволяет «осмыслить самобытные культурные процессы, идущие одновременно в пространственно-территориальных регионах и континентах или в рамках одной культуры, которая, в свою очередь, представляется многоэтажным строением со сложной морфологией»⁴. Именно синхронный анализ позволяет исследовать право как культурный феномен с позиции признания его полифонизма, т.е. определенным образом организованной многослойности. Полифонизм является одной из характеристик современной культуры, когда параллельно могут существовать разнородные национальные культуры, каждая из которых имеет свое сложное строение.

Использование сравнительного метода в правовом исследовании, в первую очередь, преследует задачу сопоставления различных государственно-правовых явлений. Совершенно обоснованно А.Ф.Черданцев выделяет следующие стадии сравнительно-правового исследования:

1. изучение государственно-правовых институтов в отдельности, выявление их существенных черт и признаков,
2. сравнение выделенных и исследованных признаков аналогичных институтов, установление на этой основе их сходства и различия,
3. оценка признаков различия с разных позиций.⁵

Соблюдение подобной стадийности во многом обеспечивает эффективность сравнительного исследования. Однако нередко в конкретном исследовании, претендующем на сравнительно-правовое, присутствуют от силы одна или две стадии. Чаще всего автор делает только выводы на основе достаточно хаотичного сравнения отдельных правовых институтов и норм. При этом нередко выделяются лишь отдельные признаки того или иного правового явления, а само явление рассматривается изолированно от специфики той правовой системы, в рамках которой оно существует. По такому принципу, например, сравнивают суд присяжных в современной России с его зарубежными аналогами. Причем сравнение ведется не на основе системного и упорядоченного исследования различных зарубежных моделей отправления правосудия с участием присяжных заседателей, а чаще всего на основе какого-то случайного сопоставления отдельных черт, присущих данному правовому институту. При этом сам правовой институт рассматривается как

2 Малько А.В. Теория государства и права. М., 2000. С. 10.

3 Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права). Автореф. дис. ...д-ра. юрид. наук. СПб., 2003. С. 16.

4 Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры / Пер. с англ. М., 2004. С. 27.

5 Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2001. С. 393.

бы в чистом виде, то есть в состоянии его извлечения из определенной правовой системы, которая имеет свою специфику, отражающуюся, в частности, и в функционировании суда присяжных.

Проблема качества сравнительно-правовых исследований – это сложная проблема, которая определяется целым рядом объективных и субъективных факторов. Среди объективных, в первую очередь, следует сказать об ограниченном круге источников получения соответствующей информации. К сожалению, многие годы в советский период отечественная юридическая наука развивалась в значительной степени изолированно, и работы по сравнительному правоведению были скорее исключением из правила. Строились эти исследования в основном на критике различных зарубежных моделей правовой действительности, а количество таких работ применительно ко всем отраслям права было единичным. Возможности для выезда из страны с целью непосредственного изучения зарубежных правовых систем были ограничены.

Однако большинство факторов, определяющих качество современных сравнительных исследований, носит скорее субъективный характер. В настоящее время, когда, благодаря информационным технологиям, доступны нормативные материалы и материалы судебной практики большинства государств, когда практически в каждом втором вузе реализуются программы международного обмена, качество исследования во многом начинает зависеть от установки современного ученого, его знаний и умений.

К сожалению, возможности для проведения сравнительного исследования существенно ограничивает языковая некомпетентность многих исследователей. Недостаточное знание в области иностранных языков является существенным препятствием в поиске и анализе соответствующей информации. И это при том, что российский исследователь даже сдает экзамен кандидатского минимума на знание иностранного языка. Вряд ли стоит ждать значительных результатов в плане изучения иностранного языка, когда он изучается не с целью общаться и работать, а с целью сдать экзамен. Однако, хотя это препятствие и существенное, оно устранимо. В современных условиях повышение уровня языковой подготовки во многом зависит скорее от желания и прилежания обучающегося, чем от наличия возможности изучить иностранный язык. Поскольку часто отсутствие соответствующей языковой подготовки мешает студенту или аспиранту выехать в другое государство для проведения научного исследования в рамках программ международного обмена. Именно такого подхода

придерживаются и при организации научных исследований в зарубежных странах, где принято апеллировать к первоисточнику, а не к его переводу. Поэтому изучение того или иного иностранного языка производится не с целью сдачи некоего квалификационного экзамена, а с целью работы с иноязычными источниками информации. В России же до сих пор встречаются попытки проведения сравнительного исследования на основе ранее опубликованных российских же работ. Получается ситуация, когда аспирант А. анализирует правовое явление, функционирующее, скажем, в рамках правовой системы Германии, по работам профессора В., изданным, причем, не менее десяти-пятнадцати лет назад. И при этом такой исследователь с гордостью указывает, что сравнение российского правового института с подобным правовым институтом в Германии является его личным вкладом в науку и определяет новизну его исследования.

Еще одна проблема связана с неумением или нежеланием российских исследователей пользоваться возможностями сети Интернет. Большинство иностранных правительственных учреждений, законодательных и правоприменительных органов имеют свои регулярно пополняемые сайты. Информация, размещаемая на них, часто носит характер официальной. Кроме того, на них регулярно публикуются статистические и аналитические материалы. Научные работы зарубежных авторов также часто размещаются в виде платных или бесплатных электронных ресурсов. Причем эта информация носит актуальный характер. Ведь нередко российский исследователь анализирует зарубежные правовые явления, опираясь на некий нормативный акт, не подозревая, что в него уже внесены изменения или он прекратил свое действие и был заменен другим актом.

Справедливости ради необходимо отметить, что главной объективной причиной ограниченного количества сравнительных исследований является отсутствие достаточного количества программ финансирования исследовательской работы за рубежом. К сожалению, очень незначительное число российских ученых может себе позволить самофинансирование зарубежных командировок и стажировок. Поэтому наличие государственной программы поддержки сравнительного правоведения в России является весьма актуальным и должно рассматриваться как одно из приоритетных направлений российской правовой политики. Проведение сравнительных исследований в различных отраслях правового знания имеет не только теоретическую значимость, но и явный практический аспект. По крайней мере, если бы российские разработчи-

ки законов имели бы более четкие представления о сущности и функционировании тех правовых институтов, которые они предлагают заимствовать из зарубежного права, возможно, что в целый ряд российских федеральных законов не пришлось бы вносить поправку буквально через несколько месяцев после вступления закона в силу. На наш взгляд, именно неумение или нежелание провести соответствующее комплексное сравнительно-правовое исследование порождает такие новеллы. Да и на уровне научных работ стало обычным делом рекомендовать создать тот или иной правовой институт, аналогичный зарубежному. В качестве наглядного примера можно привести популярную идею возрождения в России ювенальной юстиции. Причем различные авторы аккумулируют свои усилия не в сфере разработки российской модели ювенальной юстиции, соответствующей возможностям, потребностям и нуждам российской действительности, а в сфере поиска лучшей западной модели, которую можно было бы перенести на российскую почву, максимум чуть-чуть подкорректировав. При этом сравнение российского правосудия в отношении несовершеннолетних и зарубежного производится по принципу: все российское – плохо, зарубежное – хорошо. Такое некритичное отношение может привести к неблагоприятным последствиям. Да, в российском уголовном судопроизводстве практически отсутствует принцип конфиденциальности, характерный для ювенального судопроизводства большинства западных стран. Однако такое положение дел нельзя однозначно трактовать именно как ущербность российской модели. Именно отсутствие конфиденциальности часто позволяет в большей степени обеспечить права несовершеннолетнего, поскольку снижается риск следственного произвола и злоупотреблений. Почему-то сторонники западных вариантов ювенальной юстиции предпочитают не писать о том, что целесообразность данного принципа в настоящее время активно обсуждается учеными и общественностью многих стран.

Подобных этому примеров можно привести множество. Однако и сказанного достаточно для аргументации необходимости не просто более активного использования сравнительного метода в правовых исследованиях, но, в первую очередь, более качественного его использования. Именно качество подобной исследовательской работы будет во многом определять развитие различных подходов (ценностного, типологического, модельного) к сравнительному изучению российских и зарубежных правовых феноменов. В этой связи обозначим основные направления подготовки студентов к использованию сравнительно-правового метода

исследования.

Во-первых, будущий исследователь должен получить соответствующую подготовку в области правовой компаративистики. Сравнительное правоведение имеет достаточно высокий научный и практический потенциал, поскольку способно ответить на многие актуальные для современной России вопросы: как обеспечить эффективную реализацию правовых норм, как обеспечить авторитет правоохранительных органов, какие зарубежные правовые конструкции могут быть «вживлены» в российское право и др.

В настоящее время сравнительное правоведение и как сфера научного знания, и как учебная дисциплина нередко находится в незавидном положении. По ряду объективных и субъективных причин число научных центров и ученых, занимающихся проблемами сравнительного права, в современной России весьма ограничено. Присутствие же в учебном плане подготовки юристов соответствующих спецкурсов, построенных на компаративистском подходе, является скорее исключением, чем правилом. К сожалению, сказывается и широко распространенное в отечественном правоведении отношение к собственному праву как к чему-то полностью самодостаточному, и отсутствие соответствующей, в том числе и языковой, подготовки, и ограниченные возможности в изучении иностранной правовой сферы.

Нельзя не сказать и о том, что в России изучение сравнительного права зачастую рассматривается как некое чисто академическое занятие, не имеющее прикладного значения. Это ведет к игнорированию практики применения тех или иных правовых норм в зарубежных государствах и зачастую не позволяет критично относиться к тем или иным правовым явлениям, проникающим в российскую правовую действительность. И примеров тому можно привести немало. В частности, российские законодатели несколько лет работали над законом о примирительных процедурах (медиации). Но даже беглый анализ принятого закона говорит о том, что при работе над ними ни в коей мере не был использован позитивный опыт зарубежных государств, в которых институт медиации функционирует уже достаточно давно. Правовые технологии медиации очерчены в российском законе столь абстрактно и схематично, что ставят под сомнение его жизнеспособность. Нежелание анализировать зарубежный опыт приводит и к тому, что для России решения Европейского суда по правам человека до сих пор носят лишь праввосстанавливающий характер, а не превентивный, как в практике целого ряда европейских государств, с которой россий-

ский правоприменитель практически не знаком. И наконец, построение в нашей стране того правового государства, в котором на первое место выходят правовые способы защиты человека и его прав, настоятельно требует обращения к правовой культуре тех государств, которые исторически породили соответствующие правовые механизмы.

Во-первых, необходимо изменить само отношение к сравнительному правоведению как к чему-то факультативному и излишнему. Результатом такого подхода является хотя бы то обстоятельство, что две трети российских учебников по теории государства и права полностью игнорируют сравнительное право как правовое явление. Очевидно, пришло время изменить сложившиеся стереотипы, признав, что сравнительное изучение правовых явлений в разных государствах является необходимым элементом подготовки современного юриста как будущего практика, так и будущего ученого.

Во-вторых, видятся весьма значимыми систематизация информационных ресурсов в области сравнительного правоведения, доступных российским ученым, а также создание условий для получения информации о конкретных правовых явлениях в иностранных государствах для российских юристов-практиков.

В-третьих, несомненно, должны поощряться исследования российских ученых, нацеленные на исследование тех или иных тенденций и закономерностей в зарубежном праве. Изучение зарубежной правовой культуры будет способствовать как определенному сближению правовых систем, так проведению качественного глубокого анализа различных правовых феноменов, присутствующих в праве того или иного государства. Именно на основе такой работы должно проводиться установление определенных аналогий между правовыми институтами и юридическими технологиями в российском и зарубежном праве.

Эффективность реализации очерченных мероприятий будет во многом зависеть от наличия четкой установки на значимость и необходимость изучения зарубежного права, различных правовых учений, конкретных правовых явлений, создание

условия для интеграции российских ученых в различные зарубежные проекты в рамках правовой компаративистики.

Естественно, что исследователь должен получить соответствующую подготовку в области правовой компаративистики. Уровень этой подготовки может варьироваться, особенно в условиях грядущего для России перехода на многоуровневую систему подготовки специалистов. Обучение сравнительному правоведению целесообразно начать с получения студентом базовых знаний о плюрализме различных правовых систем в курсе теории государства и права, а также истории государства и права. Затем целесообразно включить в учебный план серию специальных курсов, которые могли бы углубить подготовку в области правовой компаративистики. Это тем более оправданно, что в течение последнего десятилетия идет интенсивная разработка учебных и учебно-методических материалов по сравнительному правоведению, которые могут быть положены в основу преподавания данных курсов в вузе. В качестве примера, приведем учебно-методический комплекс (УМК) по сравнительному правоведению, разработанный А.В.Малько и А.Ю.Саломатиным.⁶ К несомненным достоинствам данного УМК является акцентирование внимания на особенностях правовой жизни в конкретных национальных правовых системах.

Изучение особенностей отдельных правовых систем имеет огромный потенциал и позволяет использовать различные формы учебной работы. В частности, изучение общих вопросов сравнительного правоведения может быть дополнено индивидуальной исследовательской работой студентов, например, связанной с анализом действующего зарубежного законодательства и проведением соответствующего сравнительного анализа. Очевидно изначально можно планировать такие формы работы, которые позволят перевести сравнительное правоведение из абстрактной в реальную плоскость.

6 Малько А.В., Саломатин А.Ю. Сравнительное правоведение. Учебно-методический комплекс. М.: НОРМА, 2008.

Библиографический список

1. Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права). Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб., 2003. 46 с.
2. Лобова Г.Н. Проблема подготовки студентов к научно-исследовательской работе и пути решения. Успехи современного естествознания. 2008. № 9. С. 56-57.
3. Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 956с.
4. Малько А.В. Теория государства и права. М.:Юрист, 2000. 300с.
5. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Сравнительное правоведение. Учебно-методический комплекс. М.: НОРМА, 2008.- 351с.
6. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М.:Юрайт, 2001. 429с.

E.V. MARKOVICHEVA, I.R. LEVINA

**THE ROLE OF TRAINING COURSE “COMPARATIVE LAW”
IN PREPARING STUDENTS-LAWYERS TO SCIENTIFIC RESEARCH**

The article reveals the problematic aspects of training law students to scientific research. The role of comparative legal studies in the formation of the students the necessary foundation for the use of comparative legal research method. The paper makes proposals to improve the process of preparing law students to research.

Key words: *comparative law, law students, the scientific research.*

Т.А. МИЩЕНКО*кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Брянского государственного университета**E-mail: mta-post@yandex.ru**Тел. 8 953 272 32 67***Ю.А. ШЕВЦОВА***кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных и экономических дисциплин Брянского государственного университета**E-mail: shevcoff@modifikator.ru**Тел. 8 962 138 42 52***«К БАБУШКЕ ИЛИ В ДЕТСКИЙ САД?» – СТРАТЕГИЯ ВОСПИТАНИЯ
КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МАРКЕР ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ**

В статье рассматривается одна из проблем, характеризующих кризис современной семьи. Авторы анализируют взаимопомощь между поколениями советской семьи и современной российской провинциальной семьи с помощью особого социально-исторического маркера, под которым понимается вопрос о том, кому доверялся уход за детьми до школы – бабушке или детскому саду. Изменение отношения родителей к детскому саду на протяжении нескольких десятилетий свидетельствует об утрате одного из основных институтов в общесемейной деятельности.

Ключевые слова: советская семья, детский сад, помощь бабушки, распад поколенной структуры, социально-исторический маркер.

Историческая трансформация семьи как социального института складывается из трансформации разных параметров, характеризующих те или иные стороны семейной жизни. Одной из важных характеристик семьи является ее поколенная структура, формирующаяся на основе взаимосвязи между поколениями. Многие исследователи отмечают на протяжении XX – начала XXI вв. тенденцию нуклеаризации российской семьи и распада большой расширенной семьи [См.: 6, 11].

По расчетам специалистов, в начале XX в. в России 70% молодоженов оказываются в расширенной семье, но из супружеских пар в возрасте 30 и более лет лишь 20-25% живут в расширенной семье [9, с. 27]. В то же время территориальное отделение состоящих в браке детей от родителей не обязательно означает распад расширенной семьи. Исследователь демографической структуры семьи А.Б. Синельников обращает внимание на сохранение в российской семье на протяжении нескольких десятилетий единой общесемейной деятельности: «... Во многих случаях дети со своими семьями живут недалеко от родителей, часто видятся с ними и постоянно помогают друг другу. Старшее поколение (дедушки и бабушки) занято уходом за младшим поколением (внуки) и их воспитанием, особенно в то время, когда среднее поколение (родители) находится на работе и обеспечивает всю семью средствами к существованию. Среднее по-

коление заботится о старшем в случае болезней, и эта помощь носит обычно постоянный характер... При правильном воспитании дети-подростки помогают не только родителям, но также дедушкам и бабушкам. Все это вместе и есть единая общесемейная деятельность, которая связывает все три, а нередко и четыре поколения в расширенных семьях» [13, с. 55]. Как видим, в концепции связи поколений в структуре семьи через деятельность особое место занимает помощь старшего поколения по уходу за детьми. Таким образом, рассматривая решение общесемейного вопроса «К бабушке или в детский сад?» как социально-исторический маркер, мы имеем возможность проследить трансформацию единой общесемейной деятельности поколений в исторической ретроспективе.

В традиционной семье, основанной на патриархальной власти мужчины как кормильца и главы семьи, уход за детьми был обязанностью женщин. В советский период вся политика государства была направлена на предельную мобилизацию трудового потенциала женской рабочей силы. Заниженная заработная плата делала модель семьи с одним кормильцем либо экономически непривлекательной, либо вообще невозможной. Повышение уровня образования советских женщин дополнительно ориентировало их на активное участие в общественном производстве. Начиная с 1960-х гг. труд женщин приобретает всеобщий характер.

Таблица 1.
Численность женщин в народном хозяйстве СССР
в 1960 – 1985 гг.[7,с.417]

Среднегодовая численность женщин-рабочих и служащих	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Всего, тыс. человек	29250	45800	57569	60172
В % от общей численности рабочих и служащих	47,2	50,8	51,2	50,9

Проблема ухода за детьми для работающей семьи частично снималась за счет нехватки отдельного жилья и вынужденного совместного проживания с другими родственниками. В 1979 г. в России увеличилась доля горожан до 69% в общей численности в сравнении с 52% в 1959 г. и 62% в 1970 г. (и до 74% в 1989 г.)[2,с.142], что вызывало острый жилищный кризис.

Численный рост городского населения происходил за счет переселенцев из деревни, носителей традиционной общекультурной ценности семьи и уважительного отношения к пожилым людям. Совместное проживание нескольких поколений имело ряд экономических преимуществ. Организация семейного потребления позволяла расходовать более экономно средства из семейного бюджета, распределять хозяйственно-бытовой труд между членами семьи.

Исследования ЦСУ СССР структуры семейного бюджета различных категорий населения в 1960 – 1961 гг. указывают на значительную долю затрат на питание семьи.

Таблица 2.
Расходы на питание в структуре годового бюджета
[10, л.1-9]

Категории населения	Расход в % за год
Инженерно-технические работники	25,33
Учителя средних школ	32,19
Учителя начальных школ	35,21
Врачи	33,51
Средний медицинский персонал	34,82
Служащие	33,14
Пенсионеры	58,86

В целом затраты на питание составляют около $\frac{1}{3}$ всех расходов, за исключением высокооплачиваемой группы НТР. Заметно ниже других исследуемых категорий был уровень доходов пенсионеров, так как почти 60% расходов бюджета тратилось на питание. Однако преимущества экономного ведения домашнего хозяйства в рамках расширенной семьи и возможности получать помощь и советы по воспитанию детей все меньше соблазняли молодое поколение 1960 – 1980-х гг. Урбанистические ценно-

сти усваивала, прежде всего, молодежь, возрастала роль комфортности быта. С.И. Голод отмечал возрастание «вклада» комфорта в удовлетворенности браком с 1969 г по 1989 г. у женщин с 12,5% до 29%, у мужчин с 12,9% до 30,6%[6,с.134].Рост индивидуализма, связанный с либерализацией политического режима в 1960-е гг., вызывал межпоколенные противоречия и приводил к территориальному обособлению молодых семей. Государство содействовало этому процессу с помощью активного жилищного строительства.

Таблица 3.
Численность лиц, улучшивших жилищные условия
(млн. чел.) в СССР [7, с. 517]

Период	Численность лиц, получивших жилую площадь или построивших собственные квартиры
1955 – 1960 гг.	54,0
1961 – 1965 гг.	54,6
1966 – 1970 гг.	54,9
1971 – 1975 гг.	56,1
1976 – 1980 гг.	51,0
1981 – 1985 гг.	50,0

В условиях отдельного проживания проблема ухода за ребенком-дошкольником обострялась для молодых семей. В 1960 г. обеспеченность детей постоянными дошкольными учреждениями составляла 13% от общего количества детей, причем в городских поселениях – 24%, в сельской местности – 4%.

Опросы, которые проводились в 1960-е гг., указывают на то, что детский сад оценивался семьей как преимущественный вариант пребывания ребенка, так как родителей пугало отсутствие педагогических знаний у старшего поколения, однообразие и мало-содержательность деятельности ребенка дома. Уход за детьми, возлагаемый на бабушку (реже дедушку), оценивался скорее как неизбежный при отсутствии возможности устроить ребенка в детский сад [См.: 8].

В.В. Семенова изучала семейные и социальные функции прародительского поколения методом массового опроса возрастной когорты 1965 – 1967 гг. рождения в г. Москве. Исследовательница отмечала: «Даже если до рождения ребенка молодая семья проживала отдельно от прародителей, то зачастую в связи с рождением первенца бабушки «вызывались» из другого города или из села для выполнения домашних функций, ухода за ребенком. Однако в своем большинстве они не только необразованны и не могут помочь в интеллектуальном развитии ребенка. Они – мигранты, вырванные из привычной, чаще крестьянской среды. Они не могут передать навыки своей крестьянской культуры, ни научить образу жизни в городе» [См.: 12]. Исключение со-

ставляли семьи интеллигенции, которые старались отдавать детей в детский сад в крайнем случае, так как общественное воспитание успешно компенсировалось культурной программой семьи.

К 1970 гг. с возрастанием общей культуры семьи повышались требования родителей к воспитанию. По данным опросам, проведенного в 1970 г. в Литовской ССР, процент женщин, довольных детским садом, был немногим выше процента довольных уходом за детьми бабушками и дедушками[1, с.80].

Таблица 4.

Удовлетворенность женщин помощью
в воспитании детей

Кто ухаживает за детьми	Удовлетворены ли в %	
	да	нет
Детский сад	89,2	10,8
Ясли	70,2	29,8
Группа продленного дня в школе	61,5	38,5
Бабушки и дедушки	86,4	13,6

Из таблицы видно, что пребывание маленького ребенка в яслях оценивается более отрицательно, чем домашний уход. Таким образом, помощь бабушек и дедушек остается актуальной для родителей с самыми маленькими детьми. Опросы родителей в 1973 – 1976 гг. указывают на выбор детского сада для подготовки детей к обучению в школе[См.: 8]. Комиссия по вопросам труда и быта женщин при Верховном Совете СССР, обобщая преимущества детских дошкольных учреждений, указывала: «Воспитательная работа в дошкольных учреждениях проводится согласно «Программе воспитания в детском саду». Физическое, нравственное, умственное, эстетическое воспитание детей осуществляется в соответствии с их режимом дня. Интересны познавательные занятия, игры. Созданы условия для трудовой деятельности детей: уголки ручного труда, природы, огороды и цветники, дежурство по столовой»[5, л.47].

Предпочтение родителями детского сада для обучения и воспитания ребенка до школы подтверждается постоянным ростом количества детей в детских садах в 1970 – 1980 гг.

Таблица 5.

Обеспеченность детей постоянными дошкольными учреждениями (в % к численности детей в возрасте 1 – 6 лет, на конец года) [4, л.70]

	1970 г.	1975 г.	1980 г.	В том числе сельская местность		
				1970 г.	1975 г.	1980 г.
СССР	37	45	54	15	23	32
РСФСР	49	57	65	23	35	44

Таким образом, более половины городских и более трети сельских детей до шести лет посещали в 1980 г. детские сады. Однако потребность в детских садах никогда в советское время не была удовлетворена полностью. По данным органов народного образования и здравоохранения, в 1980 г. не было удовлетворено 2,3 млн. заявлений родителей о помещении детей в дошкольные учреждения[4, л.71].

Не следует считать, что отдавая предпочтение детскому саду перед присмотром за детьми бабушкам и дедушкам, родители не видели недостатков в организации работы детских дошкольных учреждений.

По запросу Комиссии по вопросам труда и быта женщин в 1979–1981 гг. проводились многочисленные ведомственные проверки дошкольных учреждений, которые выявили несоблюдение денежной и натуральной норм питания. В рационе детей не хватало свежих овощей, рыбы, молока и молочных продуктов, мяса. Отмечались факты сдачи к эксплуатации детских садов с массой недоделок, нехватку детской мебели и игрушек[5, л.34]. Наиболее остро стояла проблема заболеваемости в детских садах детей респираторными вирусными инфекциями (до 80% всей заболеваемости детей). Для ухода за больным ребенком мать вынуждена была временно покидать рабочее место, а государственные ассигнования на пребывание детей в дошкольном учреждении оставались недоиспользованными (По данным Минфина СССР, только в результате снижения среднего числа посещения ребенком дошкольного учреждения на один день считались недоиспользованными девять миллионов рублей)[4, л.213].

Однако почти половина советских детей в 1960 – 1980-е гг. не могла посещать детские дошкольные учреждения: либо детские сады были переполнены и мест не было, либо в населенном пункте отсутствовал детский сад.

Все чаще на правительственном уровне начала обсуждаться проблема текучести женской рабочей силы по причине отсутствия ДДУ. Из отчета Стройбанка СССР Комиссии по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства следует: «... Отдельные министерства неудовлетворительно строят дошкольные учреждения даже для детей своих рабочих... Вследствие некачественно составленной проектно-сметной документации управления «Брянскоблсельстрой» Минсельстроя РСФСР к строительству собственного детского сада приступило лишь в ноябре 1982 г. или на год позже установленного срока. В связи с этим ввод объекта в эксплуатацию был сорван и техническая готовность его в настоящее время не превышает 15%... Невозможность устройства детей в дошкольные

учреждения является одной из причин увольнения рабочих с важнейших строек XI пятилетки. Так, со строительства Смоленской АЭС по этой причине в 1982 г. уволилось 168 чел. (11% от общего числа уволенных), в то же время сорван ввод в эксплуатацию детского сада на 320 мест»[5, л.32-33].

Таким образом, семейная функция воспитания детей со временем становилась полномочиями других социальных групп (педагогов, воспитателей) и социальных инстанций (ясли, детский сад), где решались воспитательные и образовательные задачи. В то же время многие молодые супружеские пары в середине 1980-х гг. продолжали поддерживать достаточно тесную связь с родителями, о чем говорит исследование социолога А.Г Волкова. Из 27,6 тыс. семей, у которых на момент обследования были живы один или оба родителя обоих или одного из супругов, 60% получали помощь родителей и почти 50% сами оказывали им помощь[3, с.223].

Характеризуя дальнейшую трансформацию структуры российской семьи А.Б. Синельников утверждает, что современному российскому обществу свойственна полная нуклеаризация семей, связанная с разрушением общесемейной деятельности, основанной на взаимодействии поколений: «В наше время во всем мире почти все молодые пары при первой возможности уходят от родителей. Их не соблазняет ни финансовая помощь, ни участие старшего поколения в уходе за детьми, ни перспектива получения основной доли наследства, которая стала очень отдаленной из-за роста средней продолжительности жизни»[13, с.54].

Используя обозначенный выше социально-исторический маркер «К бабушке или в детский сад?» можно попытаться рассмотреть характер общесемейной деятельности современных семей в провинциальном городе. Среди студентов, преподавателей и технических сотрудников нескольких возрастных групп филиала ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове было проведено исследование с применением методики фокус-групп и анкетирования.

Исследование было спланировано таким образом, что фокус-группы представляли своеобразный социальный и возрастной срез. Студенты факультета «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» в основном происходят из семей, относящихся к среднему классу; родители студентов факультета «Физика и математика» принадлежат к слою интеллигенции бюджетного сектора; учащиеся факультета «Физическая культура» в основном из сельской среды. Все учащиеся были отнесены нами к возрастной категории «дети 90-х». Технический пер-

сонал университета имеет школьное или среднее специальное образование, среди преподавателей большинство имеет научные степени. Сотрудники и преподаватели были разделены на три возрастные группы: дети 60-х, 70-х и 80-х годов.

Участникам фокус-групп предлагалось обсудить следующие вопросы, среди которых были: «Кто должен заниматься воспитанием ребенка на каждом возрастном этапе (дошкольное детство, школьное детство)?», «Могут ли бабушки заменить детские сады?», «В чем выражается Ваша помощь бабушкам/дедушкам? Их помощь Вам?».

Проведение анкетирования позволило нам получить информацию, отражающую особенности воспитательного и образовательного процесса у разных поколений (дети 60-х, 70-х, 80-х и 90-х гг.), в семьях разного социального статуса (технический персонал вуза, преподавательский состав и студенты).

В результате были получены следующие сведения: 90% родителей преподавателей имеют высшее образование, у технических сотрудников только 30% родителей имеют дипломы профессионально-технических училищ, образование остальных 70% процентов ограничивается 5-10 классами общеобразовательных школ. Около 40% родителей студентов (чаще учащихся факультетов «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» и «Физика и математика») имеют высшее образование, и более половины родителей студентов являются выпускниками техникумов и училищ.

Большая часть бабушек преподавателей имеет среднее специальное, техническое и реже высшее образование (65%). Технические сотрудники часто не обладали информацией об образовании своих бабушек или его уровень был ограничен несколькими классами общеобразовательной школы. Около половины (47%) бабушек студентов получили среднее или высшее образование, остальные – закончили общеобразовательную школу. Во многом подобная ситуация обусловлена принадлежностью бабушек к разным поколениям.

Кто должен заниматься воспитанием ребенка на каждом возрастном этапе (дошкольное детство, школьное детство)?

Отвечая на этот вопрос абсолютное большинство преподавателей всех возрастных групп отмечали, что заниматься воспитанием ребенка должны родители и в этом им должны оказывать помощь квалифицированные специалисты, имеющие педагогическое образование – сотрудники детских садов и учителя школ. Мнение технического персонала было практически единым: «родители играют первостепенную роль в воспитании ребенка». В этой группе достаточно часто отмечалась роль ба-

бушек, при этом подчеркивались функции бабушки как няни: «бабушка часто присматривает, когда у родителей нет времени». Характерно, что в студенческих фокус-группах бабушкам отводилась более значимая роль в воспитательном процессе, особенно в период дошкольного детства ребенка. Девушки отмечали, что бабушки должны «обучать уходу за ребенком», «передавать свой опыт». Многие ребята говорили о том, что «молодым родителям часто хочется проводить свой досуг вне дома, в это время бабушки должны присматривать за ребенком».

Некоторые преподаватели и студенты озвучили проблему расхождения во мнениях и взглядах на процесс воспитания у родителей и бабушек: «бабушки не должны влезать в воспитание ребенка», «бабушки часто разлагают дисциплину».

Таким образом, ответы участников фокус-групп свидетельствуют о том, что воспитанием ребенка в большей степени должны заниматься родители, а бабушки могут присматривать за детьми и выступать в роли консультантов по вопросам воспитания.

Могут ли бабушки заменить детские сады?

Данный вопрос вызвал наибольшую полемику во всех фокус-группах. Однако, в группах преподавателей и сотрудников было больше однозначных ответов в пользу детского сада. Здесь приводились аргументы о том, что ребенок должен адаптироваться в социальной среде, научиться общаться с окружающими его людьми, готовиться к обучению в школе при участии квалифицированных специалистов по специально разработанным программам. Во многом это объясняется тем, что у участников этих фокус-групп имеется личный опыт: большинство является родителями или бабушками.

Студентами было озвучено несколько острых проблем, связанных с детскими садами. Это их недостаточное количество и «случайные люди», то есть люди, которые не имеют соответствующего образования и никак не заинтересованы работой с детьми. Последнее часто является причиной невнимания к детям, а иногда и жестокого обращения с ними.

В студенческих группах также подчеркивались положительные стороны домашнего воспитания и бабушки рассматривались как достойная альтернатива детских садов. Отмечалось, что у бабушек ребенок всегда накормлен, вымыт, реже болеет. Уровень образования большинства современных бабушек достаточен для того, чтобы вполне успешно справляться с подготовкой ребенка к школе. Кроме того, оставаясь с бабушкой, ребенок находится в привычной для него атмосфере и меньше плачет и скучает при расставании с родителями.

Обобщая различные мнения, можно говорить о том, что бабушки рассматриваются в качестве альтер-

нативы детских садов, но не могут заменять их.

Можно ли семье обойтись без поддержки бабушки/дедушки (старшего поколения)?

Большинство участников всех фокус-групп (преподаватели, сотрудники, студенты) отметили, что семьи не могут обойтись без поддержки старшего поколения. Однако в группе преподавателей акцент был сделан на поддержке моральной, психологической, подчеркивалась духовная связь между поколениями семьи. В группах студентов и технического персонала кроме вышеперечисленных причин часто упоминалась финансовая помощь со стороны бабушек и дедушек, возможность снабжать семью продуктами собственного хозяйства, а также помощь в уходе за детьми.

В чем выражается Ваша помощь бабушкам/дедушкам? Их помощь Вам?

Среди преподавателей помощь бабушкам и дедушкам чаще выражается в финансовой или материальной поддержке. В фокус-группах технического персонала и студентов чаще делался акцент на помощь физическую («помощь по хозяйству», «сходить в аптеку за лекарствами», «уход за немощными стариками»).

Большинство преподавателей, сотрудников и студентов отметили значимость моральной и психологической поддержки со стороны старшего поколения: «с бабушкой можно поделиться своими проблемами», «бабушка и дедушка всегда примут и поймут, с ними проще общаться, чем с родителями». Часто студенты упоминали о финансовой помощи со стороны бабушек и дедушек: «иногда дают деньги, когда получают пенсии», «дают деньги на подарки к праздникам».

Итак, один из основных видов помощи старшего поколения молодым родителям – присмотр за внуками-дошкольниками – существенно изменил свое содержание. Решение вопроса «К бабушке или в детский сад?» лежит в осознании того, что дошкольное образование невозможно заменить семейным воспитанием. Если 25 лет назад детский сад воспринимался в советском обществе как институт помощи работающим матерям, то сейчас к дошкольным учреждениям относятся как к образовательным.

Исчезла ли при этом связь между поколениями семьи, разрушилась ли общесемейная деятельность? Наше исследование показало сохранение традиционных установок, направленных на уважительное отношение к старикам, духовную близость поколений семьи. Скорее всего, это объясняется тем, что основным носителем традиционных семейных и гендерных установок является провинциальная часть российского общества.

Библиографический список

1. Андрюшкявичене Я. Женский труд и проблема свободного времени. Проблемы быта, брака и семьи Вильнюс, 1970.
2. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования) структур и процессов). М., 1998.
3. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М., 1986.
4. ГАРФ Ф.7523. Оп.136. Д.1916.
5. ГАРФ Ф.7523. Оп.136. Д.1918.
6. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб. 1998.
7. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987.
8. Проблема взаимодействия детского сада и семьи в СССР и постсоветской России[Электронный ресурс]// Режим доступа:<http://doshkolniki.org>.
9. Психология семьи. Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 2002.
10. РГАЭ Ф.1562. оп.26. ед.х.877.
11. Седракан С.А. Социальная психология семьи. М., 2011.
12. Семенова В.В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения. Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996.
13. Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. М., 2008.

T.A. MISHCHENKO, JU.A. SHEVTSOV

« TO THE GRANDMOTHER OR IN A KINDERGARTEN? » – STRATEGY OF EDUCATION AS A SOCIOHISTORICAL MARKER OF TRANSFORMATION OF FAMILY

This article discusses one of the problems that characterize the crisis of the modern family. The authors analyze the mutualinter-generational family of Soviet and modern Russia provincial family with particular socio-historical marker, which refers to the question of whom to trust the care of children to school - kindergarten or grand mother. Changing the attitudes of parents for kindergarten for several decades indicate that the loss of one of the main institutions in obschesemeynoy activity.

Key words: soviet family, kindergarten, the help of the grandmother, the collapse of the structure of generations, social and historical marker.

Е.С. САВАТЕЕВА*кандидат педагогических наук, доцент кафедры
общих математических дисциплин Орловского
государственного университета**E-mail: katrin_s@inbox.ru**Тел. (4862) 41 26 78*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье анализируются изменения, происходящие в современном российском образовании. Рассматриваются вопросы формирования общекультурных компетенций студентов медицинских специальностей. Выделяются структурные составляющие ИКТ-компетентности. Предлагается методика организации занятий.

Ключевые слова: *компетенции, ИКТ-компетентность, Интернет-ресурсы, компетентностный подход.*

В последнее десятилетие происходит значительное преобразование системы российского образования в связи с включением в него компетентностного подхода, которое обусловлено общеевропейской тенденцией развития высшего образования. В движении от понятия «квалификация» к понятию «компетенция» акценты смещаются с принципа репродуктивности, адаптивности на принцип компетентности выпускников образовательных учреждений.

Можно выделить причины, порождающие эту тенденцию: новое содержание труда и видов деятельности; сфера информационных технологий порождает новые цели высшего образования; возрастает роль гибких, краткосрочных проектов и коллективов; рабочей моделью будущего становится обучение в течение всей жизни; перед выпускниками вузов появляется необходимость организовывать свою деятельность в широких социальных, экономических и культурных контекстах; складываются новые формы труда, требующие от выпускников способности мыслить различными сценариями и категориями процесса, действовать с учетом нескольких альтернатив. Все эти новые обстоятельства требуют освоения новых моделей выпускников и новых моделей их подготовки. Происходит кардинальное изменение способностей, востребованных на рынке труда, расширение квалификации за счет компетенции.[1]

Согласно Болонскому процессу предполагается и определённая терминологическая унификация. Вводятся такие термины, как компетенция и компетентность. Они являются базовыми для раскрытия сути самого подхода. Есть два варианта толкования соотношения этих понятий: первый – эти понятия отождествляются, второй – дифференцируются.

Позиция неразграничения понятий компетен-

ция и компетентность характерна для большинства зарубежных авторов. Компетентность используется в тех же значениях, что и компетенция.

Анализ отечественной научной литературы показывает, что эти два понятия имеют различия в содержании. По мнению А. Петрова, несмотря на представленные замечания и некоторые различия в определении понятий «компетенция» и «компетентности», представляется, что термин «компетенция» следует толковать как готовность специалиста к деятельности, основанной на знаниях и умениях, которые приобретены в процессе обучения и направлены на успешное включение в профессиональную деятельность. Что же касается понятия «компетентность», то оно связывается, прежде всего, с определенной областью деятельности. [4]

Под профессиональной компетентностью, обобщая мнения ученых, можно понимать владение на достаточно высоком уровне собственно профессиональной деятельностью в определенной области; способность проектировать свое дальнейшее профессиональное развитие; умение профессионально общаться; способность нести профессиональную ответственность за результаты своего труда.

Проектирование образовательных стандартов и программ нового поколения происходит с позиций компетентностного подхода. Выпускник должен обладать общекультурными и профессиональными компетенциями. Требования к освоению основных образовательных программ бакалавриата представлено различными «единицами» компетенций. Например, в математическом и естественнонаучном цикле в федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 230700 «Прикладная информатика» (квалификация (степень) «бакалавр») выделены

компетенции ОК-1 (способен использовать, обобщать и анализировать информацию, ставить цели и находить пути их достижения в условиях формирования и развития информационного общества), ОК-7 (способен понимать сущность и проблемы развития современного информационного общества), ОК-8 (способен работать с информацией в глобальных компьютерных сетях), ОК-13 (способен понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны), ПК-4 (способен ставить и решать прикладные задачи с использованием современных информационно-коммуникационных технологий), ПК-5 (способен осуществлять и обосновывать выбор проектных решений по видам обеспечения информационных систем), всего выделено двадцать две профессиональные компетенции. [6] А в ФГОС ВПО по направлению подготовки 060108 «Фармация» (квалификация (степень) «бакалавр») в математическом и естественнонаучном цикле выделены компетенции ОК-3 (владеет практическими способностями поиска научной и профессиональной информации с использованием современных компьютерных средств, сетевых технологий, баз данных и знаний). [5] Очевидно, что специалист в области прикладной информатики должен обладать несомненно большей компетентностью и профессиональной, и общекультурной, чем фармацевт, провизор и врач, однако невозможно преуменьшить роль компетентности в информационной сфере медика. В первую очередь важны знания, умения, а в итоге – общекультурная компетентность в использовании Интернет-ресурсов для повышения профессиональных компетентностей.

Для того, чтобы реализовать требования ФГОС по формированию практических способностей поиска информации, т.е. фактически информационно-коммуникационной технологической компетентности, необходимо выработать основные положения частной методики, при этом акцент делается на формирование обобщенных познавательных, этических и технических навыков. Уточним, что под ИКТ-компетентностью подразумевается уверенное владение человеком всеми составляющими навыками ИКТ-грамотности (использование цифровых технологий, инструментов коммуникации и сетей для получения доступа к информации, управления ею, ее интеграции, оценки и создания для функционирования в современном обществе) для решения возникающих вопросов в учебной и иной деятельности. При этом акцент де-

лается на сформированность обобщенных познавательных, этических и технических навыков. [2]

В процессе формирования ИКТ- компетентности необходимо рассмотреть применительно к конкретной специальности и дисциплине: ключевые составляющие компетентности; структуру компетентности; ключевые задания компетентности, которые позволяют перейти от «знаний» репродуктивных к «знаниям» компетентностным.

В дальнейшем будем рассматривать третью группу ключевых составляющих компетенции, относящихся к деятельности человека:

- компетенция познавательной деятельности: постановка и решение познавательных задач; нестандартные решения, проблемные ситуации – их создание и разрешение; продуктивное и репродуктивное познание, исследование, интеллектуальная деятельность;

- компетенции деятельности: игра, учение, труд; средства и способы деятельности: планирование, проектирование, моделирование, прогнозирование, исследовательская деятельность, ориентация в разных видах деятельности;

- компетенции информационных технологий: прием, переработка, выдача информации; преобразование информации (чтение, конспектирование), мультимедийные технологии, компьютерная грамотность; владение электронной Интернет-технологией. [3]

Выделим следующие структурные составляющие ИКТ-компетентности: стремление добиваться поставленных целей; потребность к углублению знаний в области ИКТ; грамотное использование офисных пакетов; использование технических и программных средств; использование Интернет-ресурсов; использование специализированных программ.

Для примера рассмотрим признаки проявления компетенции – использование Интернет – ресурсов:

студент перечисляет основные виды Интернет-ресурсов – сформирована может быть на лекции, в ходе выполнения тематического домашнего задания;

использует доступные Интернет-ресурсы в качестве электронной библиотеки – сформирована может быть в процессе подготовки рефератов, материалов для круглого стола;

использует Интернет-ресурсы для повышения профессионального уровня – сформирована может быть в процессе проведения дискуссий на форумах и чатах как локальных, так и глобальных;

анализирует пригодность Интернет-ресурсов для использования по данной учебной дисциплине – сформирована может быть в ходе коллективного анализа выполненных заданий.

Оценить, уровень сформированности компетенции, можно используя следующие методы:

отчеты по лабораторным и практическим работам; тестирование; доклады и выступления в рамках дискуссий; использование телекоммуникаций для общения с преподавателем, сокурсниками; создавать и/или проектировать свое личное информационное пространство.

Усилия педагогов должны быть направлены на совершенствование культуры преподавания и культуры учебы. Необходимо дополнить и углубить традиционную роль преподавателя новыми акцентами: сопровождающая функция для приобретения студентами компетенций; более высокие уровни консультирования и мотивирования студентов; критический отбор информационных материалов и источников; организация учебных ситуаций; поддержка многообразия темпов и ритмов учебной деятельности студентов.

Формирование компетенций можно организовать, обобщив занятия общей идеей – научным проектом. В ходе реализации такого проекта студенты могут быть поделены на группы по 1-3 человека. Тема должна быть связана с получаемой специальностью, например, для студентов, обучающихся по направлению фармация, можно предложить следующие «Классификация статистических критериев в

медицинских исследованиях», «Информационные технологии в фармацевтической деятельности». В процессе подготовки необходимо будет использовать интернет-ресурсы для подбора информации, электронную почту для обмена письмами и документами (файлами) между «коллегами» и руководителем (преподавателем), чатом для быстрых сообщений, программами переводчиками для работы с ресурсами на иностранных языках (в частности поисковая система Google позволяет ознакомиться с содержанием найденных сайтов на русском языке), создание учебных баз данных для иллюстрации материала, разумеется итоговый текст работы должен быть оформлен с использованием офисных программ, а доклад представлен с использованием программы создания презентаций.

Однако, для совершенствования процесса формирования компетенций требуется разработка целостной системы поддержки учебной деятельности студентов, включающей в себя в том числе: ознакомление с библиотечными и информационными технологиями; электронную почту, электронные журналы, базы данных отечественных и зарубежных журналов; доступ к педагогическому составу с помощью электронной почты. Особого внимания требует формирование интеллектуальных навыков: отбора и упорядочения информации, навыки в области ИТ.

Библиографический список

1. Байденко В.И. Экспериментальная учебная программа обучения разработчиков образовательных стандартов нового поколения М.: Изд-во: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2007. 187 с.
2. Бурмакина В.Ф., Зелман М., Фалина И.Н. Большая семерка. Информационно-коммуникационно-технологическая компетентность. Методическое руководство для подготовки к тестированию учителей. М., 2007. 100 с.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетентности – как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании <http://metod.dvpion.ru/asp/article/download.asp?id=3>
4. Петров А.Ю. Профессиональная компетентность: понятийно-терминологические проблемы. Alma mater (Вестник высшей школы). 2004. №10. С. 6-10.
5. Проект государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования <http://www.kgmu.kcn.ru/sources/gost/pv060301s.pdf> (исходный файл: <http://www.edu.ru/mon-site/pro/fgos/vpo/pv060301s.pdf>)

E.S.SAVATEEVA

TO A QUESTION ON FORMATION COMMON CULTURAL COMPETENCE STUDENTS OF MEDICAL SPECIALITIES

In article the changes occurring in a modern Russian education are analyzed. Questions of formation common cultural competence students of medical specialities are considered. Structural components of IKT-COMPETENCE are allocated. The technique of the organisation of employment Is offered.

Key words: the competence, IKT-COMPETENCE, the Internet-resources, competence the approach.

Н.Д. СОБОЛЕВА

старший преподаватель кафедры общей педагогики Орловского государственного университета

E-mail: sobolefa@bk.ru

Тел. 8 920 283 91 00

ОБ ИНТЕГРАТИВНОМ ХАРАКТЕРЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматривается проблема организации исследовательской деятельности школьников. Она понимается как инструмент повышения качества образования. Исследовательской деятельности присуща интегративная характеристика. При организации исследования учащийся не только целостно воспринимает окружающий мир, но и происходит перевод знаний, умений и навыков, полученных при изучении различных предметов, на уровень межпредметных связей.

Ключевые слова: исследование, исследовательский метод, исследовательская деятельность, межпредметные связи, интеграция.

Глобальные изменения в информационной, коммуникационной, профессиональной и другой сферах современного общества требуют корректировки содержательных, методических, технологических аспектов образования, пересмотра прежних ценностных приоритетов, целевых установок и педагогических средств.

С точки зрения развития технического прогресса в обществе, как известно, давно поставлена проблема развития в образовании новых подходов, которые могли бы дать возможность осваивать не суммы готовых знаний в условиях стремительно-го увеличения совокупных знаний человечества и актуальной необходимости для каждого человека зрелого возраста уже в современности осваивать принципиально новые специальности, инструменты деятельности и т.д. Это позволяет говорить о том, что исследование как инструмент освоения действительности в ближайшее время способно занять в образовании центральную роль. Исследование в скором времени может перейти в сферу образования как главную сферу своего воплощения и культурного существования.

Касаясь этимологического анализа слова «исследование», заметим, что под этим типом деятельности подразумевается извлечь нечто «из следа», то есть восстановить некоторый порядок вещей по косвенным признакам, отпечаткам общего закона в конкретных, случайных предметах. В математике такой подход называется «решением обратной задачи» – по данным измерений в разных точках восстановить весь ход явления. Это является принципиальной особенностью организации мышления в исследовании, с которым сопряжены развитие наблюдательности, внимательности, аналитических

навыков, в отличие, например, от проектного типа организации мышления, при котором ставится задача решения «прямой задачи» – по заданным начальным условиям промыслить конкретные результаты.

Спонтанное, неосознанное исследование свойственно человеку, оно всегда сопровождает его независимо от способностей и социального статуса, являясь мощным средством освоения действительности.

Исследование есть самый «деликатный» по отношению к объекту вид деятельности, его главная цель – установление истины, «того, что есть», «наблюдение» за объектом, по возможности без вмешательства в его внутреннюю жизнь. Развитие способности занимать исследовательскую позицию является важной задачей образования и воспитания как средства оценки своей деятельности, ее возможных последствий.

Хотя технология классно-урочной системы на протяжении столетий оказывалась наиболее эффективной для массовой передачи знаний, умений, навыков молодому поколению, тем не менее, происходящие в современности изменения в общественной жизни требуют развития новых способов образования, педагогических технологий, имеющих дело с индивидуальным развитием личности, творческой инициацией, навыка самостоятельного движения в информационных полях, формирования у обучающегося универсального умения ставить и решать задачи для разрешения возникающих в жизни проблем – профессиональной деятельности, самоопределения, повседневной жизни. Акцент переносится на воспитание подлинно свободной личности, формирование у детей способности самостоятельно мыслить, добывать и применять

знания, тщательно обдумывать принимаемые решения и четко планировать действия, эффективно сотрудничать в разнообразных по составу и профилю группах, быть открытыми для новых контактов и культурных связей. Это требует широкого внедрения в образовательный процесс альтернативных форм и способов ведения образовательной деятельности.

Этим обусловлено введение в образовательный контекст образовательных учреждений методов и технологий на основе исследовательской деятельности обучающихся.

Исследовательский метод обучения давно используется в преподавании и предполагает построение обучения на активной основе, через целесообразную деятельность ученика, согласуясь с его личным интересом именно в этом знании. Перед учителем стоит задача пробудить в детях личную заинтересованность в приобретаемых знаниях, которые могут и должны пригодиться в жизни. Проблема исследования, взятая из реальной жизни, знакомая и значимая для учащихся, для решения которой им предстоит приложить усилия, применить знания уже имеющиеся и приобрести новые, стимулирует интерес детей, направляет мысль в нужном направлении для самостоятельного поиска ее решения.

В развитии исследовательской деятельности учащихся в России имеются давние традиции. Так, во многих регионах создавались и функционировали юношеские научно-технические общества и малые академии наук. Главной целью этой деятельности являлось подготовка абитуриентов для вузов и формирование молодой смены для научно-исследовательских институтов. На деле это означало реализацию учебно-воспитательного процесса в более индивидуализированном виде в дополнительно вводимой предметной области.

В современных условиях, когда актуален вопрос о снижении учебной нагрузки детей, значение термина «исследовательская деятельность учащихся» приобретает несколько иное значение. В нем уменьшается доля профориентационного компонента, факторов научной новизны исследований, и возрастает содержание, связанное с пониманием исследовательской деятельности как инструмента повышения качества образования [2, с.5].

Под исследовательской деятельностью учащихся сегодня понимается такая форма организации учебно-воспитательной работы, которая связана с решением учащимся творческой, исследовательской задачи с заранее неизвестным результатом в различных областях науки, техники, искусства и предполагающая наличие основных этапов, харак-

терных для научного исследования:

- постановку проблемы,
- ознакомление с литературой по данной проблематике,
- овладение методикой исследования,
- сбор собственного материала, его анализ и обобщение,
- выводы.

Использование исследовательского метода отвечает насущным требованиям к образованию сегодняшнего дня. Личностная ориентация педагогического процесса, поиск, развитие задатков, способностей, заложенных природой в каждом индивидууме, построение личностно-ориентированной педагогической системы невозможны без изменения образовательных технологий. Образовательная технология должна способствовать раскрытию субъективного опыта ученика, формированию значимых для него способов учебной работы, овладению умениями самообразования. Таким образом, индивидуальная исследовательская деятельность обогащает практику личностно-ориентированных технологий.

Приобщение учащихся к проведению различного вида исследований способствует решению следующих задач:

- принудительная активизация мышления, когда учащиеся вынуждены быть активными, независимо от их желания;
- осуществление непроизвольного стимулирования учеников к познанию мира, себя, себя в этом мире;
- достаточно устойчивая и длительная активность вовлечения в учебный процесс;
- самостоятельность, творческая выработка решений;
- повышение степени мотивации;
- развитие важных интеллектуальных качеств человека, обеспечивающих и в дальнейшем его активность в постоянном овладении знаниями и применении их на практике. Приобщение учащихся к интеллектуально-творческой деятельности по выдвиганию и реализации в научных исследованиях творческих идей;
- формирование навыков исследовательской работы для получения знаний при подготовке научных работ и проектов;
- расширение представления о способах получения информации;
- развитие коммуникативных способностей, создание условий для расширения среды общения;
- участие в проводимых в рамках школы, района, края, страны олимпиадах и научно-практических конференциях [4, с.30-31].

Исследовательская деятельность представляет одну из весьма продуктивных моделей образования – трансляции, помимо чисто предметного содержания, культурных норм и ценностей от старшего поколения к младшему. Даже если ориентироваться на трансляцию именно традиций науки, основной целью остается создание средового контекста для становления позиции, что подразумевает создание как можно более разнообразных ситуаций социокультурного взаимодействия, в которых учащиеся играют активные роли.

В исследовании деятельность учащегося характеризуется целостным восприятием, умением находить как внутриспредметные, так и межпредметные связи.

Целостность научной картины мира в сознании обусловлена наличием логических связей между отдельными ее элементами. Недостаток какого-либо звена приводит к разрыву логических связей. Необходимость приобретения конкретного знания для придания целостности субъект определяет самостоятельно. Учащийся ориентируется на рефлексивное восприятие материала, формирует умение ставить перед собой проблему, сравнивает и выбирает информационный материал, переводит знания, умения и навыки, полученные при изучении различных предметов, на уровень межпредметных связей.

В отличие от познавательных умений, ограниченных предметным содержанием, межпредметные умения представляют собой умения обобщать разнопредметные знания. Специфичным для таких умений является познавательное действие широкого переноса предметных знаний и умений в новые межпредметные ситуации. Сущность этого действия заключена в установлении связей между элементами разнопредметных знаний и их обобщение в новое межпредметное знание (общенаучное, понятие, мировоззренческая идея, универсальный закон природы и др.).

Межпредметные умения – это обобщенные познавательные умения высокого уровня развития, которые обеспечивают широкий перенос и обобщение разнопредметных знаний и умений учащихся в условиях их комплексного применения. Межпредметные умения носят комплексный характер. Они включают в себя действия разной степени обобщенности, в частности:

- предметные действия, связанные с содержанием конкретного материала различных предметов;
- обобщенные действия, характеризующие в целом мыслительную и поисковую деятельность и приобретающие специфику в условиях межпредметных связей;

- действия переноса и установления связей между элементами разнопредметных знаний и умений в деятельности на основе межпредметных связей, что и составляет ее специфику [1, с.145].

Овладение межпредметными умениями ведет к развитию познавательной активности и самостоятельности учащихся в обучении.

Важное значение имеет содержание межпредметной проблемы, которое определяет отбор необходимых знаний, их систематизацию, последовательность изложения. Существенно также учитывать характер самостоятельной деятельности (проблемность, обобщенность задания, поиск, широкий охват материала), который отражается на системе знаний ученика. Важным фактором, способствующим формированию системы знаний, является и методика обучения, которая создает у учащихся определенный опыт межпредметного обобщения в познавательной деятельности [1, с.148].

Межпредметное учебное исследование – это исследование, требующее привлечения знаний для его выполнения из разных учебных предметов одной или нескольких образовательных областей. Результаты такого межпредметного исследования выходят за рамки отдельного учебного предмета и не могут быть получены в результате его изучения.

Это исследование помогает ученику углубить свои знания по нескольким учебным предметам или образовательным областям. Мотивом межпредметного исследования чаще всего становится глубокий интерес ученика к проблеме, которая рассматривается в различных образовательных областях по-разному. Интерес к пониманию проблемы приводит ученика к изучению различных трактовок проблемы и, в конечном счете, к межпредметному исследованию.

Важное значение имеет содержание межпредметной проблемы, так как она формирует опыт межпредметного обобщения в познавательной деятельности.

Продуктивность познавательной деятельности, формирование системы знаний в значительной степени определяются умением увидеть суть межпредметной проблемы, осознать познавательную задачу как субъективную цель, приводящую в движения знания, способы и мотивы деятельности [1, с.149].

Таким образом, исследовательская деятельность требует глубокой содержательной интеграции уже на этапе постановки проблемы.

Межпредметные связи реализуются на основе плодотворного сочетания интеграции и координации знаний, которые дополняют друг друга. Интеграция содержания образования помимо обобщающих курсов выражается и в том, что в учебный

материал включаются элементы смежных областей научных и научно-прикладных знаний. Например, курс анатомии, физиологии и гигиены человека включает элементы гистологии, медицины, общей биологии, а также химии, физики и др., все они структурно выстраиваются в логически цельный учебный предмет, исходя из содержания которого осуществляется его координация с другими предметами.

Интеграция есть процесс и результат создания неразрывно связанного, единого, цельного. В обучении она осуществляется путем слияния в одном синтезированном курсе (теме, разделе программы) элементов разных учебных предметов, слияния научных понятий и методов разных дисциплин в общенаучные понятия и методы познания, комплексирования и суммирования основ наук в раскрытии межпредметных учебных проблем.

Интеграции способствует и координация. Координация – это согласование учебных программ по родственным предметам с точки зрения общности трактовки изучаемых понятий, явлений, процессов и времени их изучения, то есть тщательно разработанная взаимосвязь учебных предметов (межпредметные связи в узком смысле), которая способствует и интеграции знаний.

Использование межпредметных связей может применяться при организации исследовательской деятельности учащихся. Исследовательский метод обучения обеспечивает эффективный перенос знаний и умений учащихся в новые условия данной учебной деятельности.

Знания и умения учащихся, обобщающие учебный материал различных предметов с позиций основополагающих идей, философских категорий, общенаучных теорий и понятий и сформированные на основе межпредметных связей, мы называем

межпредметными [1, с. 74]. Межпредметность – это качество знаний, которое они приобретают в процессе предметного обучения, реализующего многообразие видов содержательно-информационных связей. Межпредметность знаний – необходимое звено в формировании целостного мировоззрения школьников – диалектико-материалистических представлений, идейно-политических убеждений, нравственно-эстетических идеалов.

Одной из характеристик исследовательской деятельности является интегральность как взаимопроникновение знаний различных областей наук друг в друга, подкрепление значимой информации на различном материале, что обеспечивает большую эффективность ее осмысления в процессе развития, связанная с объединением в целом ранее разрозненных частей и элементов научной картины мира в сознании [3, с. 7].

Знания и методы одной научной дисциплины переносятся в другую, происходит их взаимное обогащение и развитие (принцип эвристического взаимодействия знаний), они становятся универсально значимыми. Исследовательская деятельность приобретает характер интегрированности, что возможно при условии возбуждения эмоционального отношения, внутреннего стремления к осмыслению и освоению, обеспечения непротиворечивости всех усваиваемых знаний.

Таким образом, исследовательской деятельности как дидактическому пространству становления мировоззренческой позиции присущи характеристики не только активной, объективной, логической, гуманистической, ориентирующей, но и интегрирующей познавательной деятельности, выражающейся в осознанности и смысловой направленности действий, имеющей эмоциональную привлекательность для учащегося.

Библиографический список

1. Зверев И.Д., Максимова В.Н. Межпредметные связи в современной школе. М.: Педагогика, 1981. 160 с.
2. Исследовательская деятельность учащихся в профильной школе. Авт.-сост. Б.А. Татьянkin, О.Ю. Макаренко, Т.В. Иванникова, И.С. Мартынова, Л.В. Зуева. Под ред. Б.А. Татьянкина. М.: 5 за знания, 2007. 272 с. («Электив»).
3. Обухов А.С. Исследовательская деятельность как возможный путь вхождения подростков в пространство культуры. Развитие исследовательской деятельности учащихся. М., 2001. (Профессиональная библиотека учителя). С. 48-63.

N.D. SOBOLEVA

INTEGRATIVE CHARACTERISTIC OF PUPILS' RESEARCH WORK

This article deals with the problem of pupils' research work organization. It is considered as a tool of quality education improvement. Research work has got an integrative character. Carrying on research work pupils not only perceive the whole world but knowledge got while studying is transformed with other subjects.

Key words: research work, research method, integration, subject interrelation.

Е.А. ХОВАНСКАЯ

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета

Тел. 8 920 811 11 72

ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (на примере изучения спецкурса студентами филологического факультета)

Процесс интеграции образовательной и научной деятельности определяется необходимостью глубокого владения и эффективного управления процессами преподавания конкретной учебной дисциплины (русский язык); возможностью реализации принципов научности, преемственности и перспективности при формировании знаний, умений и навыков учащихся; развитием речевой способности, творческого потенциала учащихся; обеспечением непрерывности и преемственности школьного и вузовского образования; развитием интеллектуальной и личности.

Ключевые слова: процесс интеграции, научная и образовательная деятельность, спецкурс по русскому языку, речевая способность, школа и вуз.

Процесс интеграции (от лат. *integratio* – соединение, восстановление) представляет собой объединение в единое целое ранее разрозненных частей и элементов системы на основе их взаимозависимости и взаимодополняемости [www. wikipedia. org]. Исследования проблем интеграции в образовании отражены в работах В.В. Краевского, А.В. Петровского, Н.Ф. Талызиной, Л.И. Новиковой, Г.Ф. Федорец и других. Под интеграцией в педагогическом процессе исследователи понимают одну из сторон процесса развития, связанную с объединением в целое ранее разрозненных частей.

Традиционная образовательная система основывается на передаче готового знания, отстраненного от динамики развития культуры и общества в целом. Она недостаточно учитывает растущую потребность непрерывного развития человека в динамично меняющемся современном мире.

Наиболее важной применительно к гуманитарному образованию становится интеграция науки и образования, что естественным образом обеспечивает взаимопроникновение фундаментальной науки в образовательный процесс и практику.

На современном этапе актуальной для профессионального обучения является задача развития у студентов способностей к интеграции знаний в процессы научной и учебной деятельности.

Научно-исследовательская работа студентов: 1) помогает расширить профессиональные знания, 2) развивает исследовательские способности,

3) обеспечивает профессиональную практику и способствует быстрой адаптации на рабочем месте.

Интегрированный характер обучения определяется следующими факторами:

- необходимостью глубокого владения и эффективного управления процессами преподавания конкретной учебной дисциплиной;
- возможностью реализации принципа научности при формировании знаний, умений и навыков учащихся;
- развитием творческих способностей учащихся в соответствии с их интересами и наклонностями;
- обеспечением непрерывности и преемственности школьного и вузовского образования;
- развитием высоконравственной, интеллектуальной и личности.

Применение системы спецкурсов, спецсеминаров, научных кружков, «круглых» столов, конференций систематизирует знания студентов, повышает стремление обучающихся заниматься исследовательской деятельностью.

В научной работе студентам больше всего нравится ее творческий характер и возможность проявить самостоятельность, независимость.

Очень часто студенты во время прохождения педагогической практики в школе сталкиваются с незнанием многих особенностей деятельности учителя-словесника, а знание теории русского языка не всегда успешно реализуется ими на практике. Предлагаемый спецкурс для студентов филоло-

*Научно-исследовательская работа проводится в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ на 2012 год (номер: 6.4506.2011, прикладные научные исследования).

гического факультета, ориентированный на интеграцию школьного и вузовского филологического образования, направлен на обучение школьников 2-5 классов русскому языку с учетом возрастных возможностей учащихся, содержания общеобразовательных стандартов, анализа действующих учебно-методических комплексов для начального и среднего (5 класс) звеньев. Не менее важной особенностью спецкурса является его направленность на умение развивать речевую способность обучаемых на примере имени прилагательного.

Содержание спецкурса предполагает обучение студентов постепенному, целенаправленному развитию речевой способности каждого ученика при изучении имени прилагательного, а также: знание фонетических, лексических и грамматических особенностей слова, словосочетания, предложения, текста; умение работать с готовым текстом; выработку навыков по преобразованию языкового и речевого материала (звука, слова, словосочетания, предложения, текста, речевого высказывания), в том числе способность создавать собственное речевое высказывание (готовый текст).

Программа курса состоит из следующих разделов: «Фонетика», «Слово, словосочетание», «Предложение», «Лексика», «Морфемика», «Словообразование», «Морфология» (в рамках данного исследования важное место уделяется изучению имени прилагательного), «Синтаксис». Структура программы выстроена таким образом, чтобы показать постепенное усложнение материала от класса к классу.

Важное место в спецкурсе занимает раздел «Речь и речевая деятельность. Речевой этикет», способствующий формированию грамотной личности, в совершенстве владеющей всеми видами речевой деятельности и этикетными формами речи.

Непременным условием речи образованного человека является ее правильность, т.е. «соответствие нормам произношения, словоупотребления, словообразования, построения словосочетаний и предложений» [Русский язык в 5-6 классах, 1979: 8]. Одним из важных направлений обучения студентов филологического факультета и учащихся общеобразовательных учреждений является формирование навыков правильной речи.

Спецкурс по изучению имени прилагательного включает в себя сведения по культуре речи, а именно: по произношению, словоупотреблению, образованию слов, словосочетаний и предложений в связи с изучением лексических и грамматических особенностей всех частей речи русского языка, а особенно имени прилагательного.

Основные направления работы студентов по

спецкурсу:

- изучение фонетических, лексических, морфемных, словообразовательных и грамматических особенностей имени прилагательного в родном русском языке;
 - ознакомление учащихся с взаимосвязями, существующими в языке и речи;
 - показ употребительности прилагательных в разных сферах применения русского языка;
 - формирование у учащихся умений анализировать, преобразовывать, конструировать изучаемые языковые явления на текстовой основе;
 - выявление специфики говорения и слушания, письма и чтения;
 - умение определять стилистическую окраску и функциональную направленность текста;
 - формирование умения создавать собственное речевое высказывание (текст).
- Важно обратить внимание студентов на учет следующих фактов в процессе будущей педагогической деятельности:
- Языковые единицы обладают разным значением и используются во всевозможных сферах применения языка, которые обслуживаются разными функциональными стилями. Одни единицы служат для выражения различных оттенков речи, чувств, эмоций, другие не обладают указанными качествами.
 - Знание особенностей анализа языкового явления помогает учащимся найти его отличительные особенности, которые проявляются только в языковом пространстве, в совокупности с другими единицами языка и речи.
 - Умение создавать и воспроизводить устно и письменно собственное речевое высказывание развивает культуру общения, обогащает речь, развивает чувство языка и ориентирует учащихся на грамматическую правильность использованных языковых конструкций и стилистическое соответствие выбранной теме и замыслу высказывания.
- Изучение спецкурса «Развитие речевой способности учащихся при обучении русскому языку во 2-5 классах» предпочтительнее начинать в четвертом или пятом семестре, что предваряет или соответствует параллельному изучению курса «Методика преподавания русского языка», а также прохождению педагогической практики в общеобразовательных учреждениях студентами учительских специальностей (бакалаврами направления подготовки, соответствующего профилю спецкурса).
- Регулярность изучения спецкурса соответствует двум часам учебного времени в неделю (см. содержание программы спецкурса ниже)

Программа спецкурса «Развитие речевой способности учащихся при обучении русскому языку во 2-5 классах общеобразовательной школы»

2 класс

Понятие о языке и речи. (2 часа)

Язык и речь. Язык как средство общения.

Значение речи в жизни человека. Речь устная и письменная.

Фонетика. (4 часа)

Звук как единица языка. Классификация звуков русского языка: гласные и согласные. Звонкие и глухие согласные, твердые и мягкие. Ударение. Гласные безударные и ударные. Понятие о слоге. Фонетический анализ слова. Интонация. Орфоэпия. Литературная норма, произношение и ударение. Орфоэпические словари.

Слово. Словосочетание. (5 часов)

Слово как единица языка. Значение слова. Понятие о словосочетании. Сочетаемость слов. Однозначные и многозначные слова. Прямое и переносное значение слова.

Слова, обозначающие предмет и отвечающие на вопросы кто? что? (имя существительное).

Слова, обозначающие признаки предметов и отвечающие на вопросы какой? какая? какое? какие? (имя прилагательное).

Слова, обозначающие действие предметов и отвечающие на вопросы что делать? что сделать? (глагол).

Общее понятие о корне слова, окончании, суффиксе, приставке. Морфемная структура имени прилагательного.

Предложение. (6 часов)

Предложение. Предложение – основная единица речи. Предложение как выразитель смысла.

Понятие о главных членах – подлежащем и сказуемом. Смысловая связь в предложении (по вопросам). Интонационное оформление предложения (точка, вопросительный и восклицательный знаки). Предложения по цели высказывания: повествовательное, вопросительное, побудительное. Восклицательные предложения.

Речь и речевая деятельность. Речевой этикет. (12 часов)

Речевое общение. Устная и письменная формы речи. Основные виды речевой деятельности: говорение – слушание (аудирование), чтение – письмо.

Говорение и понимание. Умение слушать собеседника.

Текст: смысловое единство структурных частей. Определение темы текста. Заголовок текста. Основная мысль текста. Роль прилагательных в тексте.

Основные типы речи: повествование, описание, рассуждение. Описание, его цель, основные части. Понятие об изложении, сочинении (по одной картинке, по серии сюжетных картинок).

Жанр сказки.

Вежливость в речи. Способы выражения благодарности («спасибо», «примите сердечную *благодарность*»). Слова, используемые при знакомстве («меня зовут...», «разрешите *представить* вам...», «очень приятно с вами *познакомиться*»).

Повторение изученного за год. (6 часов)

Язык и речь. Речь устная и письменная.

Гласные и согласные. Звонкие и глухие согласные, твердые и мягкие. Ударение. Гласные безударные и ударные. Интонация.

Однозначные и многозначные слова. Прямое и переносное значение слова.

Имя существительное. Имя прилагательное. Глагол.

Понятие о главных членах – подлежащем и сказуемом. Смысловая связь в предложении (по вопросам).

Речевое общение. Устная и письменная формы речи. Основные виды речевой деятельности: говорение – слушание, чтение – письмо.

3 класс.

Повторение изученного во 2 классе. (3 часа)

Звуки и буквы. Гласные и согласные. Ударение. Слово. Состав слова: корень, суффикс, приставка, окончание.

Словосочетание. Предложение. Главные и второстепенные члены предложения.

Основные виды речевой деятельности: говорение – слушание, чтение – письмо.

Текст. Основная мысль текста. Заголовок текста.

Слово. Словосочетание. (5 часов)

Слово и его значение. Прямое и переносное значение слова. Переносное значение слова в художественных текстах.

Смысловые отношения между единицами языка: синонимы, омонимы, антонимы. Языковая и художественная метафора. Исконно русские и заимствованные слова.

Словари иностранных слов. Старые и новые слова.

Понятие об основе слова. Состав слова: корень, окончание, суффикс, приставка. Однокоренные

слова. Структура имени прилагательного.

Словосочетание: главное и зависимые слова.

Связь слов в словосочетании: согласование, управление, примыкание.

Нейтральные и стилистически окрашенные слова. Лексическая норма и ненормированная лексика: диалектизмы, профессионализмы, жаргонизмы.

Морфология. (5 часов)

Имя существительное. Его значение, грамматические вопросы. Род имен существительных, изменение существительных по числам и падежам (склонение). Мягкий знак после шипящих на конце слов у существительных женского рода и его отсутствие у существительных мужского рода.

Имя прилагательное. Его значение, грамматические вопросы. Изменение прилагательных по родам, числам и падежам. Правописание окончаний *-ий, -ый, -ая, -яя, -ое, -ие, -ые*. Краткие прилагательные. Изменение кратких прилагательных по числам и родам. Отличие полных прилагательных от кратких прилагательных.

Зависимость имени прилагательного от имени существительного.

Глагол. Его значение, грамматические вопросы. Изменение глагола по временам (настоящее, прошедшее, будущее). *Не* с глаголами.

Синтаксис. (6 часов)

Второстепенные члены предложения: определение, дополнение и обстоятельство. Порядок слов в предложении. Роль прилагательных в предложении.

Классификация предложений: по цели высказывания (повествовательное, вопросительное, побудительное), по эмоциональной окраске (восклицательное), по наличию главных членов предложения (двусоставное, односоставное), по наличию второстепенных членов (распространенное и нераспространенное), по наличию необходимых для понимания смысла членов предложения (полное, неполное).

Однородные члены предложения. Обобщающие слова при однородных членах предложения.

Речь и речевая деятельность. Речевой этикет. (14 часов)

Речь как способ общения. Повседневное общение. Речь диалогическая и монологическая.

Говорение: логическое ударение, мелодика, темп, громкость, соответствие замыслу высказывания (основной мысли).

Слушание: фиксация темы высказывания и опорных слов.

Чтение: выделение ключевых слов, их соответствие замыслу высказывания.

Письмо (письменная речь): словесные способы выражения основной мысли высказывания, тематическое единство как признак текста.

Высказывание как результат речи. Речь правильная и неправильная. Объем высказывания: предложение, текст; формы высказывания: устная и письменная, монологическая и диалогическая.

Текст как речевое произведение. План текста. Смысловая связь между частями текста. Структура текста: начало, основная часть, концовка.

Понятие о стиле речи. Разговорный, деловой, художественный стили речи.

Роль изобразительных средств (эпитет, метафора, олицетворение, сравнение) в художественном тексте

Изложение повествовательного характера.

Сочинения (устные и письменные) по жизненным впечатлениям. Описание предмета, животного, картины. Роль прилагательных в описании.

Сочинение-повествование. Рассказ как основной повествовательный жанр. Рассказ с элементами описания и рассуждения (по жизненным впечатлениям, о наблюдениях и т.д.). Сочинение-рассуждение. Структура рассуждения: основная мысль (тезис), доказательства, вывод.

Знакомство с жанровыми особенностями письма.

Различные ситуации общения.

Слова, используемые при встрече, прощании («*здравствуйте*», «*привет*», «*до свидания*», «*прощайте*»).

Повторение изученного за год. (2 часа)

Состав слова. Склонение существительных. Значение имени прилагательного. Изменение прилагательных по родам, падежам и числам. Особенности кратких прилагательных. Предложение. Главные и второстепенные члены предложения. Изменение глагола по временам.

Особенности говорения и слушания, чтения и письма. Текст. Структура текста. Повествование, описание, рассуждение. Описание. Роль прилагательных в описании. Особенности описания.

4 класс.

Повторение изученного в 3 классе. (6 часов)

Состав слова. Стили языка. Нейтральные и стилистически окрашенные слова. Предложение. Главные и второстепенные члены предложения. План текста. Описание, повествование, рассуждение.

Падеж и род существительных. Прилагательные полные и краткие, их отличие. Формы будущего, настоящего, прошедшего времени глагола.

Синтаксис. (6 часов)

Простое предложение. Обращение в простом предложении. Использование обращений в устной и письменной речи.

Вводные слова. Значение вводных слов в устной и письменной речи.

Сложное предложение. Особенности сложносочиненных предложений (значение, союзы *и, а, но, или, да*). Использование сложносочиненных предложений в речи.

Особенности сложноподчиненных предложений (значение, союзы *что, чтобы, потому что, если, как, когда, который*). Использование сложноподчиненных предложений в речи.

Предложения с прямой речью. Особенности прямой речи.

Морфология. (6 часов)

Три склонения имен существительных. Правописание безударных падежных окончаний имен существительных.

Имя прилагательное. Склонение имен прилагательных мужского, женского и среднего рода в единственном числе. Склонение имен прилагательных во множественном числе. Понятие о качественных и относительных прилагательных.

Неопределенная форма глагола. Изменение глаголов по лицам и числам в настоящем и будущем времени (спряжение). Глаголы 1 и 2 спряжения. Совершенный и несовершенный вид глагола

Речь и речевая деятельность. Речевой этикет. (15 часов)

Значение речи в жизни человека. Точность речи.

Слушание: составление плана как результата услышанного и способа запоминания.

Говорение: подготовленная и неподготовленная (спонтанная) речь.

Чтение: выделение основных смысловых компонентов текста по вопросам.

Письмо: способы правки (редактирование) текста (замена, изменение).

Особенности речевой ситуации: кто говорит/пишет – кому/чему обращена речь – о чем – с какой целью – где – когда – при каких условиях.

Разговорный, художественный, деловой стили речи, их отличие, основные особенности, сфера употребления.

Типы речи с точки зрения стилистической окраски и функциональной направленности: описание, повествование, рассуждение. Художественная и учебно-деловая речь, их отличие. Роль прилагательных в создании художественной речи.

Подробное и сжатое изложение текста по коллективному и самостоятельно составленному плану.

Элементы описания, повествования, рассуждения в рассказе (описание животного, действий; повествование в рассказе о каникулах, фильмах, временах года; рассуждение в объяснении решений, выражении собственной точки зрения). Роль прилагательных в создании описания. Невыдуманный рассказ (О себе).

Редактирование авторского текста.

Жанровое своеобразие характеристики.

Слова, используемые при извинении, просьбе и отказе (*«простите», «извините», «вы не могли бы...», «не сочтите за трудность...», «к сожалению», «на данный момент это невозможно»*).

Повторение изученного за год. (2 часа)

Состав слова. Морфологические признаки имени прилагательного.

Сложносочиненное и сложноподчиненное предложения.

Текст и предложение. Слушание, чтение, говорение, письмо. Описание, повествование, рассуждение.

5 класс

Повторение изученного в 4 классе. (3 часа)

Звуки речи: гласные и согласные. Слово. Состав слова. Синонимы, антонимы, омонимы. Однозначные и многозначные слова. Склонение имени существительного. Правописание безударных падежных окончаний имен существительных. Имя прилагательное: род, падеж, число. Зависимость имени прилагательного от имени существительного. Правописание гласных в падежных окончаниях прилагательных. Глаголы 1 и 2 спряжения. Правописание окончаний глаголов в зависимости от спряжения.

Простое и сложное предложения. Однородные, вводные конструкции. Обращения. Прямая речь.

Текст. Тема текста. Стили текста.

Фонетика. Орфоэпия. Графика. (3 часа)

Фонетика. Звуки речи: гласные и согласные. Гласные ударные и безударные. Твердые и мягкие согласные. Звонкие и глухие согласные.

Понятие о графике. Обозначение звуков речи на письме.

Орфоэпия. Основные правила литературного произношения. Умение работать с орфоэпическим словарем.

Лексика. Морфемика. (6 часов)

Общее понятие о лексике. Слово как основная единица языка. Лексическое значение слова. Однозначные и многозначные слова. Прямое и пе-

реносное значение слов.

Способы толкования значения слова: по толковому словарю, по контексту, путем подбора синонимов, антонимов, однокоренных слов.

Слова общеупотребительные и ограниченные в употреблении (диалектизмы, архаизмы).

Обогащение словарного запаса.

Фразеологизмы, использование их в речи. Стилистическая принадлежность фразеологизмов.

Морфема как часть слова. Корень – основной выразитель смысла. Лексические и грамматические особенности суффикса и приставки. Умение употреблять слова с разными приставками.

Окончание как морфема, участвующая в словообразовании. Постфикс.

Взаимосвязь лексического значения, морфемного строения и написания. Способы словообразования: приставочный, суффиксальный, приставочно-суффиксальный, сложение. Словообразование и формоизменение.

Синтаксис. (5 часов)

Основные синтаксические понятия: словосочетание, предложение, текст.

Особенности использования повествовательных, вопросительных, побудительных предложений в речи. Умение интонационно правильно произносить повествовательные, восклицательные и вопросительные предложения.

Восклицательные и невосклицательные предложения.

Главнее члены предложения. Имя прилагательное в роли сказуемого. Второстепенные члены предложения: дополнение, определение, обстоятельство.

Сложное предложение с бессоюзной и союзной связью. Сложносочиненное и сложноподчиненное предложения, их значение в речи.

Морфология. (6 часов)

Имя существительное – самостоятельная часть речи. Общее грамматическое значение, морфологические признаки, синтаксические признаки.

Существительные одушевленные и неодушевленные, собственные и нарицательные.

Существительные, имеющие форму только единственного и только множественного числа. Склонение существительных на -ия, -ий, -ие. Роль существительных-синонимов для более точной передачи основной мысли высказывания.

Имя прилагательное – самостоятельная часть речи. Общее грамматическое значение, морфологические признаки, синтаксические признаки.

Связь имени прилагательного с именем существительным. Роль имени прилагательного в речи.

Полные и краткие прилагательные. Разряды прилагательных по значению: качественные, относительные и притяжательные.

Степени сравнения имен прилагательных. Образование и изменение прилагательных в сравнительной и превосходной степени. Употребление прилагательных в роли определений и сказуемых.

Словообразование прилагательных при помощи суффиксов, приставок, сложения основ.

Правописание гласных *о* и *е* в падежных окончаниях прилагательных с основой на шипящую. Правописание кратких прилагательных с основой на шипящую. Особенности падежных окончаний прилагательных с суффиксом *-ий*.

Прилагательные с суффиксами *-ин (ын)*, *-ов (-ев)*.

Изменение полных прилагательных по родам, падежам и числам, а кратких – по родам и числам.

Особенности постановки ударения в кратких прилагательных.

Функции прилагательных в текстах разных жанров и стилей.

Употребление прилагательных-синонимов в речи.

Глагол – самостоятельная часть речи. Общее грамматическое значение, морфологические признаки, синтаксические признаки.

Неопределенная форма глагола, правописание окончаний в неопределенной форме.

Акцентологические нормы глагола.

Умение использовать в тексте глаголы – синонимы для более точного выражения мысли, для устранения неоправданного повтора слов.

Речь и речевая деятельность. Речевой этикет. (12 часов)

Официальное и неофициальное общение. Основная мысль текста. Смысловые части текста. Простой план. Сложный план.

Говорение-письмо, слушание – чтение, что между ними общего и различного.

Особенности деловых, научных, художественных, публицистических (газетных) стилей речи, их характерные языковые признаки, сфера употребления.

Способы и средства связи между частями текста.

Выразительные средства устной речи.

Типы речи. Повествование: художественное и деловое. Описание: места, состояния природы. Рассуждение-объяснение. Отбор языковых средств в зависимости от темы, цели, адресата высказывания. Роль прилагательных в создании выразительной речи.

Прямая речь как форма диалога. Интонационное оформление диалогической речи. Роль синонимов, антонимов, омонимов; тропов (метафоры, олицетворения, сравнения); фразеологических оборотов в художественной речи.

Слова, используемые при восхищении, удивлении, страхе, огорчении («рад видеть вас», «это великолепно», «неужели вы смогли это сделать», «как вам это удалось», «мне страшно», «мне так жаль»). Устное и письменное приглашение, поздравление.

Повторение изученного за год. (3 часа)

Обозначение звуков речи на письме.

Орфоэпия. Основные правила литературного произношения.

Лексическое значение слова. Способы толкования значения слова: по толковому словарю, по контексту, путем подбора синонимов, антонимов, однокоренных слов.

Фразеологизмы, использование их в речи. Стилистическая принадлежность фразеологизмов.

Способы словообразования.

Словосочетание, предложение, текст.

Лексические, грамматические и синтаксические особенности имени существительного, имени прилагательного, глагола. Функции прилагательных в текстах разных жанров и стилей.

Особенности деловых, научных, художественных, публицистических стилей речи, их характерные языковые признаки, сфера употребления.

Структура и содержание данного спецкурса состоит в том, что акцент делается не на перечислении языковых фактов, а на практической демонстрации того, как язык функционирует, в каких формах выражается и какие универсальные языковые механизмы обеспечивают процесс общения. Учет принципов преемственности и перспективности позволяет будущим учителям повторять в начале и в конце учебного года пройденный материал и качественно увеличивать уровень языковых и речевых знаний, умений и навыков школьников.

Интеграция научной и образовательной деятельности студентов гуманитарного профиля в системе вузовского образования на примере спецкурса по изучению русского языка в 2-5 классах способствует осмыслению обучающимися процессов порождения, восприятия и понимания письменной и устной речи, ее реализации на практике. Расширение форм сотрудничества школы и вуза в современных условиях многоступенчатости современного образования – одно из приоритетных направлений развития и формирования социализированной личности как активного, самостоятельного и открытого к познанию участника образовательного процесса.

Библиографический список

1. Баранов С.П. Принципы обучения (Лекции по дидактике). Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина; кафедра педагогики начального обучения. М.: МГПИ, 1975. 94 с.
2. Львов М.Р. Методика преподавания русского языка в начальных классах. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.Р. Львов, В.Г. Горецкий, О.В. Сосновская. М.: Издат. центр «Академия», 2000. 472 с.
3. Методика развития речи на уроках русского языка. Пособие для учителя. Н.Е. Богуславская, В.И. Капинос, А.Ю. Купалова [и др.]. Под ред. Т.А. Ладыженской. М.: Просвещение, 1980. 240 с.
4. Методические рекомендации к учебному комплексу «Русский язык. Теория», «Русский язык. Практика», «Русская речь»: 5 кл.. А.Ю. Купалова, А.П. Еремеева, Г.К. Лидман-Орлова [и др.]. Под ред. А.Ю. Купаловой. М.: Дрофа, 2001. 224 с.
5. Программно-методические материалы: Русский язык. 5 – 9 классы. Сост. Л.М. Рыбченкова. 5-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. 320 с.
6. Программы общеобразовательных учреждений: Начальные классы (1-4) в двух частях. Ч. 1. Сост. Т.В. Игнатьева, Л.А. Вохмянина. 2-е изд. М.: Просвещение, 2001. 320 с.
7. Программы четырехлетней начальной школы: Проект «Начальная школа XXI век». рук. проекта проф. Н.Ф. Виноградова. М.: Вентана-Графф, 2003. 144 с.
8. Русский язык в 5-6 классах. Метод. указания к учебнику. Ред.-сост. М.Т. Баранов. 2-е изд. М.: Просвещение, 1979. 288 с.
9. www.wikipedia.org.

E.A.KHOVANSKAYA

INTEGRATION OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITY
OF STUDENTS OF HUMANITARIAN PROFILE
IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

(on the example of study of the course the students of the philological faculty)

The process of integration of educational and scientific activity is defined by the necessity of deep ownership and effective control of processes of teaching particular academic discipline (the Russian language); the possibility of the realization of the principles of scientific character, continuity and long-term prospects for the formation of knowledge, abilities and skills of the students; the development of speech abilities and creative potential of students; ensuring the continuity and succession of school and higher education; the development of intellectual and personality.

Key words: integration, scientific and educational activities, a special course on the Russian language, verbal ability, school and College.

Е.А. ЧЕРТЫКОВЦЕВА

кандидат искусствоведения, профессор кафедры дизайна, скульптуры и теории искусства Орловского государственного университета

E-mail: venedy53@mail.ru

Тел. (4682) 76 44 30, 8 953 623 44 03

**НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ИСКУССТВА
НА ХГФ ВУЗОВ**

В статье рассматриваются вопросы становления искусствоведения как научной дисциплины, дается обзор трудов зарубежных и отечественных теоретиков искусства, вскрываются основные линии взаимодействия истории искусства с другими науками. Обосновывается вывод о том, что курс истории искусства имеет первостепенное значение для обучения учителя изобразительного искусства.

Ключевые слова: история искусства, художественный процесс, методы исследования, междисциплинарное изучение, воспитание, мировоззрение, учитель.

С первых лет существования художественно-графических факультетов предмет «История изобразительного искусства» обязательно входит в учебный план, наряду с живописью, рисунком и композицией, и по праву считается их теоретической базой. История искусства является составной частью науки «Искусствоведение». Искусствоведение – одна из самых молодых гуманитарных наук. Её составные части – история искусства, теория искусства и художественная критика – сложились в основном в XVIII веке. Сама же синтетическая научная дисциплина окончательно сформировалась только во второй половине XIX столетия. К этому времени наука об искусстве стала подлинной специальностью, профессией, только с этих пор она вошла в круг дисциплин, систематически преподаваемых в университетах и специальных высших школах. При этом, основы искусствоведения были заложены гораздо раньше. Оно возникало по мере осознания людьми искусства как особой сферы духовной жизни. Каждая историческая эпоха, создавая свою культурную традицию, самобытно осмысливает то новое, что было найдено в её художественной практике, делает попытку его систематизации и анализа.

С формализма Вельфлина в искусствоведении начинается подлинно научное развитие гуманитарности. Он предстает основанием всей подлинной науки об искусстве в условиях, когда традиционная (позитивистская, культурно-историческая, психологическая и т.д.) наука уже институционально упорядочена.

В XX веке новой нетрадиционной системой творческого мышления стала экспериментальная, художественная практика, отразившая дух противоречия нашего времени. Наступила пора глубокого

переосмысления индивидуального бытия человека, которое сопряжено с многочисленными факторами и проблемами. В этом отношении искусство оказалось единственной комплексной формой духовной и культурной деятельности человека, которая позволила наиболее полно проследить все изменения, которые происходили с человеком, его сознанием и внутренним миром, определить место личности в современном мире на основе произведений искусства. Поскольку именно искусство дает человеку возможность самоопределиваться, творчески и индивидуально самовыразиться. Художник избирателен, субъективен в своем отношении к внешнему миру. Этот феномен в своей целостности находит отражение только в творческой деятельности, которая характеризуется полихудожественностью, интегральностью. Максимальные возможности социальной интеграции и индивидуализации содержатся именно в искусстве как специфической форме духовного производства «человека целостного» и искусствоведении. Этот аспект нашел своё развитие в работах таких учёных, как Ю.Б. Борев, Е.Г. Соколов, Л.Н. Столовин и др.[1] Художественная деятельность человека, по мнению М.С. Кагана, включает в себя все остальные возможные виды его деятельности (преобразование, познание, коммуникация, ценностная ориентация). [2]

Историк искусства подвергает объект своего исследования рациональному, археологическому анализу, опираясь на интуицию и эмоции, эстетическое восприятие. Все этапы исследования взаимно дополняют и корректируют друг друга в процессе искусствоведческой деятельности. По мнению Э. Панофского, очень сложно превратить историю искусства в научную дисциплину, если ее объекты воплощаются в результате иррациональных и субъективных

ективных процессов. Техничко-технологический анализ произведений искусства не может являться единственным, веским аргументом в пользу определения научности искусствоведения как гуманитарной дисциплины. Несмотря на то, что он помогает искусствоведу больше увидеть, произведение должно интерпретироваться «стилистически». Таким образом, ученый полагает, что каждый, кто сталкивается с произведением искусства, испытывает влияние трех составляющих: материализованной формы, идеи и содержания. Единство все трех элементов способствует эстетическому наслаждению. Для Э. Панофского история искусства рассматривается как гуманистическая дисциплина. Понятие «гуманист» отождествляется с понятием «гуманитарий». Историк искусства – это и ученый-гуманист и ученый-гуманитарий. Э. Панофский отмечает: «Можно ни минуты не сомневаться, что история искусства заслуживает по праву считаться гуманитарной дисциплиной».[3]

Задача истории искусства, по мнению другого известного учёного Ганса Зельдмайра, – это не только изучение и изложение прошлого, а еще и актуализация произведений искусства, которая является малым миром. Актуализация как раз и осуществляется в процессе интерпретации великих творений прошлого, что является полноценной задачей истории искусства. Все большее распространение получает взгляд на произведение как на что-то самобытное, имеющее духовно-образный характер. Историческая необходимость уходит на второй план. Исключительность истории искусства среди наук о духовной стороне жизни проистекает именно из того, что предметы ее изучения одновременно обусловлены временем и свободны от него, принадлежат прошлому и присутствуют в настоящем. [4] О лидерстве искусствоведения в ряду современных наук о духовной сфере жизни человека говорил в свое время немецкий философ и психолог Макс Дессуар. Он выдвинул концепцию «всеобщей науки об искусстве». [5]

Развитие отечественного искусствоведения в XX столетии, в отличие от стабильного положения западного, претерпевало значительные изменения: академическое искусствоведение осталось в поле зрения традиционных искусствоведов, но наряду с ним появились современное искусство, художественная критика (журналистика), художественный рынок в сфере искусства. Как классический образец гуманитарной науки, методологической и теоретической основой которого являются философия и эстетика, оно стремится по-своему влиять на художественный процесс; тесно связано с общественными, философскими взглядами (Н.Н. Пунин,

Б.Р. Виппер, В.П. Лазарев, А.А. Эфрос и др.).

Логика мышления, характерная для данной гуманитарной научной дисциплины, сочетается в трудах отечественных искусствоведов со своеобразным, чувственным переживанием явлений искусства, как например, работах А. Эфроса, написавшим книгу «Два века русского искусства»(1969). [6] Достойным образцом слияния логического подхода с непосредственностью чувств может служить и трехтомная история искусства М.А. Алпатова. [7]

В XX веке рождаются новые методы исследования как в современном отечественном, так и западноевропейском искусствоведении: формальный, сравнительно-исторический, структуралистский, иконологический, семиотический, феноменологический, постструктуралистский, герменевтический и т.д. Формальный анализ служит главным инструментом искусствоведа, помогающим прояснить «что» и «как». Почти всегда исследователи стремятся также рассматривать анализируемое произведение в контексте всей духовной культуры эпохи, найти ему аналогии в других видах искусства и в современных ему идеологических установках. Такой сравнительно-исторический подход, в сочетании с формальным анализом, достаточно распространен в отечественном искусствознании на сегодняшний день. Неизбежная субъективность такого подхода ведет к распространению в исследовании искусства метода структурализма.

Современное искусствоведение уже не рассматривает историю искусства как историю стилей. Если в изучении классического искусства акцент обычно ставится на конечном результате – произведении, то при обращении к современным формам художественной деятельности – на творческом процессе. При этом анализ формы художественного произведения для традиционного искусства по-прежнему остается единственным специфическим инструментом исследования, а искусствоведческий подход к анализу процессов художественного творчества представляет собой традиционно историко-культурный и историко-художественный тип исследования.

Известный отечественный ученый В.В. Ванслов в своих трудах отмечает значительное влияние искусствознания на художественную практику, формирование сознания будущих художников, искусствоведов, критиков. [8] Отсюда можно говорить о взаимодействии искусствознания с педагогикой и системой художественного образования.

С.Х. Раппопорт в своей статье «Научная революция и искусствознание» говорит о многостороннем, сложном и полифункциональном характере искусствознания, изучение которого не возможно без

помощи других наук, указывает на его «традиционные связи с социологией, историей и археологией, в меньшей степени – с психологией, психофизиологией и некоторыми другими науками». [9]

Поскольку искусство отражает действительность и является источником информации, создает «эффект присутствия» зрителя, читателя и слушателя в атмосфере реальной жизни, то оно может рассматриваться в контексте современных интегральных дисциплин, развитие которых было продиктовано современной научной революцией: теории информации и теории моделирования. Однако передавать информацию невозможно без владения языками, изучением закономерностей их развития и формирования занимается семиотика. Теория систем позволяет рассматривать искусство как устойчивую, функционирующую в общественной жизни систему, она позволяет целостно взглянуть на художественные явления. Первым рассмотрел функции искусства, его роды, виды жанры в их единстве М.С. Каган. [10] Это позволило совершенствовать синтетический подход к изучению искусства, а также синтезировать результаты искусствovedческого освоения других отраслей знания.

В XX веке не раз проводились попытки осмыслить и связать естественнонаучное и художественное. Так в статье «Научная революция и искусствознание» С.Х. Раппопорт говорит о том, что искусствознание, как и область естественных наук, также отражает действительность, но, в отличие от естествознания, искусство отражает отношение человека к миру и к самому себе. То есть предмет изучения и цели у искусствovedения иные. Кроме того, Раппопорт замечает, что естественнонаучные дисциплины не отражают сущность художественных явлений: например, психология подчас обходит стороной художественные эмоции и представления, художественное восприятие и художественную интуицию, акцентируя внимание чаще не на художественном, а на научном, либо обыденном сознании. Сложность, по мнению ученого, заключается в том, что «современные интегральные дисциплины отличает высокий уровень абстрагирования, при котором избранная сторона явлений (скажем, информационная или знаковая), берется в отвлечении от всех других». [11]

В свою очередь, искусствovedение – интегративная наука, поэтому требует интегративного подхода к своему предмету изучения. О сотрудничестве искусствознания с теорией моделирования, кибернетикой, семиотикой, теорией информации, теорией ценностей и т.д. размышляют в своих трудах: А.Г. Егоров, Л.Н. Столович, В.В. Бирюков и

Е.С. Геллеры др.

В последние десятилетия искусствознание принимало участие в решении многих проблем в духовной жизни России, разрабатывает собственную методологию, определяя свою роль в сфере гуманитарных наук и в области гуманитарного знания в целом. XX век, по мнению Г.Ю. Стернина, – век истории искусства [12], который оказывает активное влияние на развитие искусствovedения в целом. В этой связи художественное произведение является частью как духовной культуры, так и отражением историко-культурного бытия. Наблюдается стремление создать «комплексную» историю искусства, что приводит к методологическим сложностям, так как необходимо преодолеть беспорядочное соединение разных видов искусства для выявления их связей между собой. Вместе с тем, между двумя подходами к искусству уже давно наблюдается противоречие, которое может быть преодолено, как считает Г.Ю. Стернин, благодаря структурно-семиотическому способу изучения истории искусства, имеющему значительное влияние на развитие методологии гуманитарных наук в целом. Другой современный теоретик искусства С.М. Даниэль полагает, что искусствознание неоднородно, выделяя два типа рефлексий, установки которых противоположны: с одной стороны, атрибуция произведения искусства с точки зрения его роли в культуре и искусстве, стилистического анализа, свершившегося творческого процесса; технико-технологический анализ произведения с помощью инструментария точных наук (физика, химия и т.д.), с другой – интерпретация и истолкование художественного текста посредством языка и возможностей герменевтики, которые позволяют заново понять художественно-образное своеобразие произведения, открыть новые смысловые значения. Таким образом, по мнению Даниэля, «искусствознание, как и смежные гуманитарные дисциплины, – это наука двойного зрения, двойного осознания, вырабатываемая им «оптика» обращена как на зримое, так и на зрителя, как на познаваемого, так и на познающего. Поле зрения и знания зависят от исторической дистанции... Интерпретация есть умение оперировать искусствovedческой «оптикой» в зависимости от той или иной культурно-исторической диспозиции». [13]

В.Г. Арсланов в своих работах рассматривает междисциплинарные связи искусствознания: «искусствознание выступает в определенном отношении с рядом искусствovedческих научных дисциплин, методологические подходы, выводы и наблюдения которых существенны для комплексного изучения искусства. В этом отношении осо-

бенно значимы социология искусства, психология художественного творчества, семиотика искусства и культурология искусства. Междисциплинарное изучение искусства обогащает искусствознание, способствуя более углубленному изучению его различных аспектов: закономерностей творчества, характера художественных коммуникаций, особенностей социального функционирования художественных ценностей, специфики восприятия искусства и т.д.» [14]

Поэтому в последнее десятилетие минувшего века невозможно было игнорировать интегративный характер искусства: с одной стороны, гуманитарное суммирование эстетики и теории искусства с историей, социологией, философией, психологией, культурологией, педагогикой, с другой – искусство рассматривалось с позиции естественнонаучных дисциплин: математики, биологии, психофизиологии, антропологии, теории информации и синергетики, современной космологии и т.д. Несмотря на накопленный наукой об искусстве теоретический и эмпирический опыт, игнорировать ее интегральный характер было невозможно.

Основные линии междисциплинарности теоретического искусствознания – гуманитарная, социологическая, естественнонаучная, культурологическая, космозотерическая – расширяют спектр научных принципов, необходимых для познания сущности искусства.

Таким образом, курс истории искусства имеет первостепенное значение для обучения преподавателя изобразительного искусства. Чтобы стать специалистом в данной области, необходимо разностороннее гуманитарное образование, умение апеллировать как фактологией, так и теоретическими знаниями. Учителю важно ориентироваться в разных видах художественного творчества и смежных гуманитарных дисциплинах: всеобщей истории, философии, эстетики, социологии, психологии, понимать сам художественный процесс, знать «кухню» искусства и т.д.

Искусство, имеющее гуманитарный характер и эстетическую природу, является средством воспитания, суть которого в обращении к человеку – носителю творческой созидательной природы, в развитии этой творческой природы. Специфика искусствоведческой науки заключается в знании и понимании сущности искусства, его особом духовном содержании, анализе истории его развития, основных, художественных направлений, стилей и тенденций, современной проблематики, интерпретации художественных произведений. Изучение истории искусства на ХГФ вузов способствует формированию мировоззрения и мировосприятия будущих учителей, их отношения к искусству, формированию эстетических предпочтений, вкуса, развитию духовной культуры, которые они должны будут передать подрастающему поколению.

Библиографический список

1. *Борев Ю.Б.* Эстетика. Смоленск: Русич, 1997.
2. *Столлович Л.Н.* Природа эстетической ценности. М.: Политиздат, 1972.
3. *Каган М.С.* О понятии «гуманитарная культура» и роли гуманитарности на современном этапе истории человечества. – День науки в СПбГУП: материалы конференции 23-24 мая 1996г. СПб.: СПбГУП, 1996. С.98-101
4. *Пановский Э.* Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб.: Академический проект, 1999. С.24.
5. *Зедльмайр Г.* Искусство и истина: теория и метод истории искусства. СПб.: Аxioma, 2000.
6. *Дессуар М.* Эстетика и всеобщая наука об искусстве. Штутгарт, 1906.
7. *Эфрос А.М.* Два века русского искусства. М.: Искусство, 1969.
8. *Алпатов М.В.* Всеобщая история искусств. Т. 1-3. М.;Л.: Искусство, 1948-55;
9. *Ванслов В.В.* Постигание искусства. 2-е издание. М.: Знание, 2006. С.20.
10. *Ванслов В.В.* В мире искусства: Эстетические и художественно-критические эссе. М., Знание, 2003.
11. *Раппопорт С.Х.* Научная революция и искусствознание. Творчество. 1975. №2. С.10.
12. *Каган М.С.* Морфология искусства: Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Л.: Искусство, 1972.
13. *Раппопорт С.Х.* Научная революция и искусствознание. Творчество. 1975.-№2. С.10.
14. *Стернин Г.Ю.* Искусствознание в системе гуманитарных наук. Альманах «Вестник истории, литературы, искусства». Т.1. М.: Наука, 2005. С.30.
15. *Даниэль СМ.* Искусство видеть: О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Изд. 2-е, изм. СПб.: Амфора, 2006.
16. *Арсланов В.Г.* Переосмысление истории искусства как задача XXI века (по материалам западного искусствознания 1980-1990-х гг.). Искусство XX века. Итоги столетия. Избранные материалы конференции. Декабрь 1999 года. СПб: Государственный Эрмитаж, 2003.

E.A. CHERTYKOVTSOVA

SCIENTIFIC BASES OF TEACHING OF HISTORY OF ART
ON XGF OF INSTITUTIONS OF HIGHER LEARNING

In the article is examined questions of becoming of искусствознания as scientific discipline, the review of labours of foreign and home theorists of art is given, the mainlines of co-operation of history of art are unsealed with other sciences. A conclusion is grounded about that, that the course of history of art has a primary value for educating of teacher of fine art.

Key words: *history of art, artistic process, research methods, interdisciplinary study, education, world view, teacher.*

Е.В. ШАМАРИНА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
педагогики и психологии начального обучения и
основ психолого-педагогических технологий Ор-
ловского государственного университета
Тел. 8 910 300 53 42

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПСИХОЛОГО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКАМИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ППМС-ЦЕНТРА

В статье представлен теоретико-практический и методологический подход к возможностям сопровождения детей с задержками психического развития в условиях ППМС-центра. Описан опыт работы специалистов Центра г. Ливны Орловской области. Статья будет полезна учителям специальных (коррекционных) классов VII вида, психологам, учителям-дефектологам.

Ключевые слова: задержка психического развития, сопровождение, специальное образование, преемственность.

Специальное образование как самостоятельное направление педагогической науки и практики достаточно молодо, ему менее 200 лет. Истинным началом истории специального образования является момент осознания властью необходимости обучать аномальных детей. Отсчет принято вести от момента появления в Европе в конце XVIII века первых специальных классов для детей с сенсорными нарушениями. Очевидно, что философы и педагоги античности и Ренессанса, могли достичь определенных успехов в обучении неслышащих, незрячих и интеллектуально несостоятельных детей. Идеи Г.Я.Трошина (1915) утвердились в отечественной специальной педагогике и психологии. При взаимодействии смежных с педагогикой научных областей знаний, включающих психологию и медицину, Г.Я.Трошин считал целесообразным создать специальную дисциплину – педагогическую психопатологию, как «пограничную область знаний», где взаимно преломляются педагогические и психиатрические аспекты.

Подчеркнем, что в работах Н.А. Добролюбова (1910) впервые были охарактеризованы причины «медленного понимания» детьми учебного материала. «Их нужно искать частью в природной, врожденной способности души, частью в ходе ее развития. В медлительных умах слаба внутренняя восприимчивость... поэтому им нужно гораздо больше времени не только для совершения акта восприятия, но и для того, чтобы вновь вызвать в своей душе несколько одинаковых представлений. Можно сказать, что умственно – медлительный ученик не довольствуется общими впечатлениями, но все ищет ясности». В дальнейшем эта точка зрения найдет подтверждение в исследованиях

А.С.Грибоедова (1926), выдвинувшего мысль о необходимости пересмотра и учебных планов, и методов работы во вспомогательных школах. «... И уменьшение учебного материала, и удлинение времени его переработки, т.е. чисто количественные признаки, составляют до сих пор характерное отличие специальной школы».

В последние годы расширяется сеть образовательных учреждений для детей с проблемами в развитии. Потребность в их открытии обусловлена постоянно увеличивающимся количеством таких детей, среди которых значительное место занимают дети с пограничными и сочетанными нарушениями, которых нельзя с достаточной однозначностью отнести к одному из традиционно выделяемых видов психического дизонтогенеза. Это дети с минимальными, а, следовательно, трудно выявляемыми нарушениями развития. Знание особенностей и возможностей таких детей позволит учителю, воспитателю, психологу и другим специалистам выбрать оптимальные средства коррекционно-педагогического воздействия. Наряду со специализированными детскими образовательными учреждениями и специальными (коррекционными) школами, где эти дети продолжают свое обучение, открыты реабилитационные центры, центры развития, смешанные группы и т.п.

В системе коррекционно-развивающего обучения диагностико-консультативная служба (ДКС) должна осуществлять медицинское, психологическое, специальное педагогическое (логопедическое и дефектологическое) консультирование и сопровождение учебно-воспитательного процесса. Осуществление процесса психолого-педагогической поддержки с использованием психологически обо-

снованных методов коррекции, а также с учетом особенностей развития детей и подростков, требующих поддержки в образовательных учреждениях различного типа и вида, а также обучающихся в условиях интеграции и инклюзии (Л.С. Выготский, И.Ф. Марковская, К.С. Лебединская, Э.Я. Пекелис, В.Г. Петрова, И.А. Коробейников, Л.И. Переслени, Н.М. Назарова, Г.Ф. Кумарина, О.Д. Смолин, И.И. Мамайчук, В.И. Лубовский, Н.Н. Рудь, Е.А. Екжанова, Н.Н. Малофеев, Рамон Ш.).

В последние десятилетия в области специальной педагогики и психологии нарастает интерес к ранней помощи детям с нарушениями развития. Актуальность этой проблемы обусловлена тем, что клиницистами подчеркивается высокая частота рождения детей с перинатальной энцефалопатией, достигающая более 30 детей на 1000 родившихся (Ю.Е. Вельтишев, 1995). По данным Т.В. Волосовец, в результате коррекции в раннем возрасте до 20% детей к 18 месяцам достигают показателей нормального развития, у 90% детей наблюдается стойкий положительный эффект.

Причинами, вызывающими перинатальную патологию центральной нервной системы, могут быть неблагоприятные воздействия в период внутриутробного развития, различные родовые травмы, тяжелые заболевания, перенесенные в раннем возрасте, вызывают риск возникновения у детей нарушений в развитии. Современные научные исследования (Е.А. Стребелева, Е.Ф. Архипова, Ю.В. Герасименко, Ю.А. Лисичкина, Ю.А. Разенкова, М.Л. Дунайкин, О.Г. Приходько) показывают, что своевременная помощь и коррекция психического развития в данном возрасте дают возможность сгладить имеющиеся недостатки в развитии ребенка, а в ряде случаев даже их устранить. В то же время по многим данным у детей с последствиями перинатальной энцефалопатии в школьном возрасте обнаруживается негрубо выраженная задержка психического и речевого развития.

В городе Ливны около 2000 детей раннего возраста. Специальную педагогическую поддержку получают лишь 1/5 детей в дошкольных образовательных учреждениях, остальные дети воспитываются в семье.

С сентября 2005 года на базе образовательных учреждений г. Ливны Орловской области была открыта экспериментальная площадка «Содействие полноценному интеллектуальному и личностному развитию ребенка на разных возрастных этапах», в ходе работы которой специалисты образовательных учреждений различных типов обобщали, систематизировали имеющийся опыт работы по коррекционно-развивающему обучению, апроби-

вали методики работы с детьми с особыми образовательными потребностями.

Особая роль в организации и проведении экспериментальной деятельности принадлежит специалистам ППМС-центра г. Ливны. Ими проводится большая консультативная работа с учителями на методических объединениях, педагогических советах и в других формах. Комплексная диагностика детей, выполненная на высоком профессиональном уровне, позволила разработать индивидуальные программы психолого-педагогического сопровождения ребенка с проблемами в развитии на разных возрастных этапах (Е.В. Шамарина, 2008).

Одним из приоритетных направлений в деятельности специалистов Центра психолого-медико-социального сопровождения (ППМС) на современном этапе является психолого-педагогическое сопровождение детей с задержкой психического развития различного возраста. Это связано с несколькими причинами: во-первых, как отмечалось выше, увеличилось количество детей с пограничными и сочетанными нарушениями, что затрудняет определение образовательного маршрута ребенка (Л.В. Кузнецова, И.Ю. Левченко, Н.А. Киселева); во-вторых, многие образовательные учреждения не укомплектованы специалистами: психологом, дефектологом, логопедом, социальным педагогом; в-третьих, многие дети с задержкой психического развития остаются невыявленными и в связи с этим испытывают стойкие трудности при усвоении всех или некоторых разделов программы дошкольного и школьного образовательного учреждения, так как оказываются без специально организованной коррекционно-педагогической помощи стихийно интегрированными в среду нормально развивающихся сверстников. Им требуется пристальное внимание врачей, педагогов, психологов, целенаправленная помощь, учитывающая проблемы и потребности каждого ребенка. Следует отметить, что в период 60-70 годов такая помощь оказывалась только при НИИ дефектологии, но при этом дети с негрубо выраженными формами задержки психического развития обучались в массовой или вспомогательной школе. Это затрудняло последующее развитие и интеграцию детей в подростковый возраст.

В современной специальной психологии и специальной педагогике задержка психического развития рассматривается как особый вид нарушенного развития, характеризующийся замедленным темпом формирования психических функций и личности ребенка.

В.П. Кащенко вошел в историю педагогической мысли как один из деятелей отечественной дефектологии, разрабатывающий организационные осно-

вы обучения и воспитания детей с нарушениями высшей нервной деятельности, психическими и физическими недостатками. Результаты клинических исследований детей с задержкой психического развития М.С. Певзнер и Т.А. Власовой (1967) сыграли определенную роль в осознании необходимости организации системы специальных учреждений для таких детей.

К.С.Лебединской (1980) было выделено четыре варианта задержки психического развития, каждому из которых присущи как специфические особенности инфантилизма, так и различный - прогностически значимый – характер недостаточности познавательной деятельности. Классификация задержки психического развития К.С.Лебединской в настоящее время широко используется в практике работы с детьми. Выявлено, что значительное отставание и своеобразие обнаруживается в развитии у детей с задержкой психического развития мыслительной деятельности (К.С. Лебединская, Т.В. Егорова, Л.И. Переслени). Следует особенно подчеркнуть, что обеспечить индивидуальное психолого-педагогическое сопровождение ребенка возможно лишь на основе результатов комплексной диагностики психического развития ребенка с задержкой психического развития. Такая диагностика осуществляется на основе работ В.И. Лубовского, В.В. Лебединского, С.Я. Рубинштейн, И.Ю. Левченко, Е.Ф. Архиповой, Т.Н. Волковской, С.Д. Забрамной, Е.А. Стребелевой, в которых представлен необходимый диагностический инструментарий и критерии оценки результатов. Несмотря на имеющиеся противоречия в диагностике нарушенного развития, практически все авторы сходятся во мнении о необходимости использования системы качественных показателей, имеющих особую практическую значимость для воспитателя и учителя.

Так, **психолог** проводит диагностику с целью выявления нарушений психического развития ребенка и определения его индивидуальных потребностей. Кроме того, психолог проводит индивидуальные коррекционные занятия с детьми и консультирует учителя. Психолог осуществляет сбор базы данных на учащихся с целью выделения индивидуально-типических вариантов развития и обоснованной реализации индивидуального подхода. Дифференциация и индивидуализация обучения оптимально протекает, если соотношение психолог – учащийся составляет не более 1:60. При увеличении этого соотношения страдают отдельные стороны психологической работы, особенно формирование и коррекция.

Согласно концепции коррекционно-развивающего обучения (КРО) индивидуальные и группо-

вые коррекционные занятия, а также диагностику сформированности знаний, умений и навыков, соответствующих школьной программе, проводит **учитель - дефектолог**.

Социальный педагог диагностирует влияние микросоциальных условий на успешность обучения и воспитания ребенка.

Некоторые аспекты психолого-педагогического сопровождения детей с задержкой психического развития описаны в работах И.Ф. Марковской, В.Б. Никашиной, Т.Д. Пускаевой, И.Ю. Кулагиной. Это непрерывность, комплексность сопровождения. Ряд работ посвящен влиянию семьи на успешность психолого-педагогического сопровождения (Т.А. Власова, И.Ю. Левченко, В.В. Ткачева, Т.А. Добровольская, Н.В. Мазурова, М.М. Семаго, Н.Я. Семаго, Г.В. Грибанова, М.М. Райская). В то же время остается много нерешенных вопросов, связанных с определением содержания такого сопровождения, места каждого специалиста в психолого-педагогическом сопровождении, хотя значительный вклад в разработку программ по формированию познавательной деятельности младших школьников с задержкой психического развития внесли учителя-практики.

Служба сопровождения является необходимой структурой образовательной системы в городе Ливны, к организационным формам которой относятся: консилиумы в образовательных учреждениях, центр психолого-медико-педагогического и социального сопровождения. Обычно психодиагностическое изучение детей начинают после 1,5–2 мес. Объектами такого изучения становятся дети с признаками раннего органического поражения мозга или находящиеся в условиях социальной или эмоциональной депривации, например, в условиях дома ребенка или при эмоциональном отвержении ребенка матерью. Среди отечественных методов изучения ребенка первого года жизни можно отметить работы Г.В. Пантюховой, О.В. Баженовой, К.Н. Почоры, Л.Т. Журбы, Е.М. Мастюковой, Е.Ф. Архиповой.

Психолого-педагогическое сопровождение в образовательном учреждении для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи «**Центр психолого-медико-социального сопровождения**» города Ливны Орловской области организуется специалистами в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями ребенка, уровнем актуального и потенциального развития, состоянием соматического здоровья и неврологического состояния. На наш взгляд, более успешно осуществляется сопровождение детей с задержками психического развития в условиях ти-

пового образовательного учреждения «Детский сад – Начальная школа», так как строится с учетом преемственности деятельности специалистов, возможностями более длительного наблюдения за развитием ребенка с раннего возраста до окончания начальной школы. Но, являясь образовательным учреждением компенсирующего вида, отметим, что дети испытывают трудности, связанные с адаптацией детей к новым образовательным условиям. Это связано с особенностями развития детей, их состоянием здоровья.

Высокая результативность сопровождения детей, обучающихся в специальных (коррекционных) классах VII вида, обнаруживается при тесном взаимодействии **специалистов ППМС – центра и школы**. На основе комплексной диагностики специалистами центра – психологом, врачом, дефектологом – составляется программа индивидуального психолого-педагогического сопровождения ребенка. Она включает упражнения, задания развивающего характера, рекомендации для воспитателей, учителей и родителей. Отметим, что программа сопровождения составляется при тесном взаимодействии специалистов. Например, учитель-дефектолог и врач-педиатр комбинируют игры и задания таким образом, чтобы они оказывали разностороннее воздействие на развитие ребенка. Величина нагрузки распределяют с учетом индивидуальных особенностей развития и возможностей ребенка.

Анализ результатов исследования особенностей развития детей с признаками перинатальной энцефалопатии свидетельствовал, что у детей выражены задержки в речевой, познавательной и двигательной сферах.

Андрей К., 3 месяца.

Данные анамнеза. Мать 23г, отец 24г., ребенок от 1 беременности, в первой половине токсикоз. У матери пиелонефрит. Роды преждевременные 32 недели, вес ребенка при рождении 2 кг 800г.

Диагноз: перинатальная энцефалопатия.

Особенности развития. У ребенка наблюдается раздражительность, беспокойство, тремор конечностей, плохой сон. Головку держит слабо. Поворачивает голову на звук, который слышен на уровне уха. Услышав резкие звуки, затихает. Комплекс «оживления» выражен слабо. Взор на предметах фиксирует.

Таня О., 3 месяца.

Данные анамнеза. Мать 24 г, отец 25 лет. Ребенок от 2 беременности, 2 родов. Токсикоз. Роды в срок, вес 3000. По шкале Апгар 7-9 баллов, асфиксия.

Диагноз: перинатальная энцефалопатия.

Особенности развития. Удерживает голову, лежа на животе, непродолжительное время.

Начинает плавно следить за движущимися предметами. Улыбается, прислушивается к звукам. Гуления нет. Взор на предметах фиксирует. Развивать движения рук и общие движения, обратить внимание, на сенсорное развитие, голосовую активность.

Вадим Т., 7 месяцев.

Данные анамнеза. Мать 23г, порок сердца, отец 24г. Ребенок от 1 беременности, протекавшей с токсикозом. Роды срочные, масса при рождении – 3 кг 100 г.

Диагноз: врожденный порок сердца, синдром двигательной расторможенности.

Особенности развития. Продолжительно певуче гулит, играя погремушкой, размахивает ей. Самостоятельно поворачивается со спины на живот, с живота на спину. Не ползает, на вопрос: «Где?» предмет, расположенный в одном и том же месте, не ищет. По-разному реагирует на лица знакомых и незнакомых людей. У ребенка необходимо развивать двигательную сферу, обучать социальным играм, необходимы лечебные мероприятия: массаж, оздоровление.

Павел Б., 8 месяцев.

Данные анамнеза. Мать 26 лет, страдает алкоголизмом, в семье не живет. Отец 26 лет. Ребенок от 2 беременности, токсикоз, роды 1-ые со стимуляцией. По шкале Апгар 7–10 баллов, вес ребенка при рождении 2 кг 900г, рост 50см. В период адаптации выраженная физиологическая желтуха.

Диагноз: перинатальная энцефалопатия. Аффективно-респираторные приступы. Часто болеет простудными заболеваниями.

Особенности развития ребенка. Переворачивается на бок, на живот, упирается ножками, выпрямляя их. Не ползает, самостоятельно не сидит. Улыбается своему отражению в зеркале. Произносит отдельные слоги. По команде взрослого действия: «ладушки», «дай ручку» не выполняет. Проявляет избирательность в отношении взрослых. Необходимы оздоровительные мероприятия: развивать общие движения, стимулировать и совершенствовать навыки ползания, хождения. Развивать моторику, уделить внимание развитию познавательной деятельности.

Задачи сопровождения эффективно решаются при условии включения в этот процесс родителей. Формами организации психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с задержками психического развития, специалистами ППМС-центра являются:

– консультативная помощь, включающая в себя психофизическое изучение особенностей развития ребенка и рекомендации по обучению и воспитанию;

– просветительская работа, которая заключается в различных формах работы с родителями, где их знакомят с особенностями развития, обучения и воспитания детей с задержкой психического развития. Действенной оказалась форма **университета для родителей**, которая позволяет перейти к дискуссиям, семинарам и другим формам работы; практические занятия с родителями, на которых они получают знания и навыки по формированию тех или иных умений и навыков; индивидуальные занятия с ребенком, на которых присутствуют родители.

Чем раньше будет выявлена задержка психического, двигательного и речевого развития, тем больше вероятности, что ребенок будет охвачен специальными образовательными условиями уже в дошкольном возрасте. Следовательно, при раннем начале коррекционной работы и при благоприятной динамике развития может быть принят в первый класс массовой школы, но даже в таком случае он будет нуждаться в психолого-педагогическом сопровождении образовательного процесса специалистами разного профиля. Аномальное развитие протекает по своим законам и имеет свои особенности, и на каждом возрастном этапе у ребенка появляются новые проблемы. В то же время при раннем начале коррекционной работы ее эффективность лучше, так как не упускаются сензитивные периоды в развитии психики ребенка и он своевременно получает необходимую помощь (И.Ю.Левченко, 2007). В раннем возрасте оказать квалифицированную психолого-педагогическую коррекцию могут только специалисты ППМС-центра, поскольку до года ребенок оказывается вне поля зрения психолога, дефектолога, логопеда. Отметим, что элементы коррекции могут быть осуществлены в поликлиниках, в которых работают логопеды.

Считаем, что важнейшим условием коррекции имеющихся недостатков, является правильно организованное взаимодействие родителей и специалистов разной профессиональной направленности с ребенком. В связи с этим приоритетными направлениями в работе специалистов ППМС-центра с детьми раннего возраста является: разработка и реализация индивидуальной программы сопровождения развития ребенка.

Итак, анализируя результаты проведенного исследования, мы обнаружили, что органическое поражение центральной нервной системы осложняет нормальный ход психического развития ребенка. У многих обследованных детей психические функции формируются со значительной задержкой. Кроме этого, у детей наблюдается отставание в развитии двигательной сферы, несформированность зрительно-моторной координации движений рук,

снижение интереса к окружающему, недостаточно развивается предметная деятельность, с запозданием формируется речь ребенка.

Анализ результатов исследования особенностей развития детей с задержкой психического развития в два года позволил усовершенствовать выбор диагностического материала для обследования детей и представить рекомендации к последующей коррекционной работе.

Диагностический материал: «Лови шарик», «Спрячь шарик», Разборка и складывание матрешек, «Цветные кубики», «Разрезные картинки», «Парные картинки», «Цветные кубики», «Конструирование из палочек», «Достань тележку» (Е.А.Стребелева).

Вадим Т., 2 года. Ребенок начал сотрудничать с педагогом, пытается катить и ловить шарик, но это удается ему не всегда. Необходима помощь взрослого при выполнении заданий. Задание понимает, но нанизывает колечки без учета их размера, после обучения задание выполняет. Выполнение задания сопровождается речью. Ребенок сличает два цвета, цвет по слову не выделяет даже после обучения. Складывает разрезную картинку только с помощью педагога, самостоятельно картинку не складывает.

Рекомендации к коррекционной работе. Развивать двигательные навыки, совершенствовать ручную моторику, ориентировочно-познавательную деятельность, речь ребенка. Формировать игровую деятельность в продуктивных видах деятельности: лепке, рисовании.

Павел Б., 2 года. Ребенок понял задание, старается самостоятельно катить и ловить шарик, поймать шарик не всегда удается. Сличает и выделяет цвет по слову, заинтересован в результате. Сложил картинку с помощью после элементов обучающего эксперимента. Понимает, что конечный результат положительный.

Рекомендации к коррекционной работе. Проводить занятия с использованием песочной терапии, сказкотерапии (А.В.Гнездилов, Т.Д.Зинкевич-Евстигнеева).

Развивать познавательную деятельность, речь, обогащать словарь ребенка. Необходимо формировать интерес к качествам и свойствам предметов, развивать познавательную деятельность в продуктивных видах деятельности: лепке, конструировании.

Андрей К., 2 года. Ребенок задание не понял. Помощь принимает, после обучения с заданием самостоятельно не справился. Нанизывает колечки без учета их размера. После обучения с заданием справился, но согласованность действий обеих рук не выражена. Ребенок сличает два цвета, но по слову

цвет не выделяет даже после обучения. Складывает разрезную картинку с помощью педагога.

Рекомендации к коррекционной работе.

Уделить больше внимания эмоциональным контактам с родителями. Проводить физические упражнения.

Анализ результатов исследования особенностей развития детей в 2 года позволил определить **рекомендации к коррекционной работе.**

Дети с задержкой психического развития являются охваченными системой коррекционно-развивающего обучения, которая функционирует в России с начала 80-х годов.

В 1994 году сотрудниками института Коррекционной педагогики РАО была разработана «Концепция коррекционно-развивающего обучения», получили широкое распространение классы коррекционно-развивающего обучения в общеобразовательной школе. Цель их организации – создание в общеобразовательном учреждении целостной системы, обеспечивающей оптимальные педагогические условия для детей с трудностями в обучении в соответствии с их индивидуально-типологическими особенностями, состоянием нервно-психического и соматического здоровья.

Система работы в классах коррекционно-развивающего обучения, а с 2003 года специальных (коррекционных) классах VII вида, направлена на компенсацию недостатков дошкольного развития, восполнение пробелов предшествующего обучения, нормализацию и совершенствование учебной деятельности учащихся повышение их работоспособности, активизацию познавательной деятельности. В.И.Лубовский, Г.И.Жаренкова, С.Г.Шевченко, Г.В.Капустина в течение этих лет разрабатывали организационные основы и содержание деятельности по обучению детей с задержкой психического развития. В настоящее время накоплен большой опыт в работе с детьми данной категории. В то же время существует большое количество нерешенных проблем в связи с ростом количества детей с признаками раннего органического поражения центральной нервной системы. Увеличивается число учреждений для их обучения и воспитания. Однако эти учреждения не укомплектованы специалистами, не разработано содержание коррекционного блока в работе с этими детьми, нет рекомендаций по организации лечебно-профилактического режима в данных учреждениях.

За последние годы число специальных (коррекционных) классов VII вида существенно возросло, пересмотрены и дополнены программы обучения и воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста. Например, программа

курса: «Ознакомление с художественной литературой» предусматривает средства для развития речи детей: работу по обогащению их словарного запаса, формированию грамматического строя речи, умений использовать задания, направленные на освоение значения авторской лексики различными средствами выразительности, используемыми в произведениях. В связи с этим существенную помощь в организации логопедических занятий оказывает учитель начальных классов. Однако, как показывает анализ практики, формирование познавательной деятельности детей с задержкой психического развития чаще всего сводится к утверждению необходимости использования отдельных игр, упражнений, этюдов, содержание которых не обосновано, подбор случаен, а эффективность не доказана. В связи с этим Концепция коррекционно-развивающего обучения предусматривает занятия, включенные в Типовой базисный учебный план общеобразовательного учреждения с классами коррекционно-развивающего обучения, для которых предусмотрено от 3 до 5 ч в неделю. Это время предусмотрено в расписании уроков.

Цель индивидуальных коррекционных занятий – повышение уровня общего развития учащихся, восполнение пробелов предшествующего развития и обучения, индивидуальная работа по формированию недостаточно освоенных умений и навыков, коррекция отклонений в развитии познавательной деятельности и речи, направленная подготовка к восприятию нового учебного материала. Коррекционная работа осуществляется в рамках целостного подхода к воспитанию и развитию ребенка. Изучение индивидуальных особенностей развития детей позволяет планировать сроки коррекционной работы. Продолжительность индивидуальных занятий в 1–2 классах не должна превышать 15–20 минут, а в 3–4 классах 35–40 минут. Коррекционно-развивающее обучение осуществляется группой специалистов: учителем, психологом, дефектологом.

Особенностью детей первого года жизни является большая зависимость от воздействий взрослого человека. Общение со взрослым – необходимая потребность детей уже в первые месяцы жизни.

Задержка психического развития – это особый вид нарушенного развития, который характеризуется замедленным темпом формирования психических функций и личности ребенка. В психолого-педагогических исследованиях по отношению к этой группе детей используются и другие определения: «дети с пониженной обучаемостью», «отстающие в учении», «дети группы риска», «дети со специфическими трудностями в обучении». В

связи с разными подходами остается невыверенной терминологическая система в отношении детей данной категории, что затрудняет соотношение клинического и психолого-педагогического диагноза, и часто ребенок направляется в специальную школу на основе показателя стойкой неуспеваемости. Неуспеваемость ребенка может быть вызвана разными причинами:

- неподготовленность к школьному обучению, несформированность психических процессов и навыков деятельности. Дети не приучены подчиняться требованиям, не умеют доводить дело до конца, быть внимательными в процессе выполнения задания;

- причиной неуспеваемости являются неблагоприятные условия жизни ребенка в семье: отсутствие контроля и помощи в учебе со стороны родителей. У таких детей запас знаний и способностей к приобретению новых знаний ниже, чем у их сверстников, поэтому уже в первом классе они оказываются в числе неуспевающих. Именно эти социально и педагогически запущенные дети ошибочно направляются в специальные (коррекционные) школы для детей с задержкой психического развития;

- неуспеваемость может быть связана с астеническими состояниями ребенка, вызванными длительной болезнью. Но все эти проявления не носят стойкого характера и не имеют в основе органических нарушений. В подобных случаях для преодоления неуспеваемости требуется создание благоприятных условий жизни, прежде всего охранительного педагогического режима, использование здоровьесберегающих технологий.

Таким образом, изучение задержки психического развития связано с потребностями школьной практики: во-первых, необходимостью поиска причин и способов устранения неуспеваемости, а во-вторых, с потребностью в совершенствовании методов дифференциальной диагностики умственной отсталости и других нарушений (В.И.Лубовский).

Семьи, в которых воспитываются дети с нарушениями в развитии, могут выступать в качестве дополнительного источника деструктивного влияния, способствующего формированию вторичных нарушений в психике ребенка (В.В.Ткачева). Создание психолого-педагогических условий, оптимальных для каждого ребенка с задержками психического развития, на основе личностно-ориентированного подхода предполагает формирование коррекционно-развивающей среды в образовательных учреждениях. Для построения коррекционно-развивающей среды для детей с задержкой психического развития имеют

большое значение исследования Н.Ю. Боряковой, Е.А. Екжановой, Е.А. Медведевой, С.Г. Шевченко. Все исследователи подтверждают, что через организацию коррекционной деятельности в условиях правильно организованной педагогической среды можно преодолеть отставание детей в социальном развитии (И.Ю.Левченко, В.В.Ткачева, 2008).

Одним из важных условий построения коррекционной среды для детей с задержкой психического развития является профессиональная готовность педагогов. Наиболее важными критериями профессиональной готовности являются:

- личностно-ориентированный подход;
- знание психолого-педагогических особенностей детей с задержкой психического развития;
- владение новейшими и эффективными педагогическими технологиями.

Одним из важнейших направлений работы по повышению эффективности психолого-педагогического сопровождения детей с задержкой психического развития является работа с педагогами. В исследованиях Р.В.Овчаровой, И.В.Дубровиной достаточно полно раскрыты направления такой работы через организацию семинаров, «круглых столов», дискуссий, курсов повышения квалификации. Подчеркнем особую значимость **методического объединения** учителей специальных (коррекционных) классов VII вида, в ходе работы которого решаются следующие задачи: обеспечение высокого методического уровня проведения индивидуальных и групповых коррекционных занятий, создание условий, адекватных особенностям развития, обучения и воспитания детей с задержкой психического развития в общеобразовательной школе.

Успешность воспитания, обучения и социальной адаптации детей как в ДОУ, так и в условиях массовой школы зависит от правильной оценки его возможностей и особенностей развития. Эту задачу решает комплексная психодиагностика нарушений развития, которая является первым и очень важным этапом в системе коррекционно-педагогической и психологической помощи детям с задержкой психического развития. Такого рода помощь более эффективна в системе коррекционно - развивающего обучения.

Специалистами Центра психолого-педагогического сопровождения проводится большая работа по психолого-педагогическому сопровождению детей с задержкой психического развития как в условиях образовательных учреждений различных типов, так и в Центре. Она представляет собой систему деятельности психологов, дефектологов, логопедов, воспитателей, учителей, социальных педагогов, основанную на результатах комплекс-

ной диагностики. Содержание деятельности, направленной на сопровождение детей с задержкой психического развития, осуществляется и в образовательных учреждениях, и в ППМС-центре, где в полной мере реализуются индивидуальные программы для таких детей, проводится работа с роди-

телями. Общий характер взаимоотношений в семье создает те предпосылки, которые в одном случае способствуют развитию и успешному обучению детей, в других - делают учащихся нечувствительными к оказываемым педагогическим воздействиям.

Библиографический список

1. Абуталипова Э.Н., Галяутдинова С.И., Семаго М.М. Психолого - медико-педагогический консилиум в образовательном учреждении: Методические рекомендации. Уфа, 2002
2. Актуальные проблемы диагностики задержки психического развития. Под ред. К.С. Лебединской. М.: Педагогика, 1982. 128с.
3. Медведева Е.А., Левченко И.Ю., Комиссарова Л.Н., Добровольская Т.А. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании. М.: Академия, 2001. 248с.
4. Архипова Е.Ф. Актуальные проблемы ранней диагностики и коррекции отклонений в развитии // Специальная психология.- 2005.- №1 (3).- С. 60-68
5. Власова Т.А., Лебединская К.С., Лубовский В.И., Никашина Н.А. Дети с задержкой психического развития: Обзорная информация. М.: Просвещение, 1976. 47с.
6. Волковская Т.Н. Генезис проблемы изучения задержки психического развития у детей. Коррекционная педагогика. №2. 2003, С.5-17
7. Гонеев А.Д., Лифинцева Н.И., Ялпаева Н.В. Основы коррекционной педагогики. Под ред. В.А.Сластенина. М.: Академия, 1999. 280с.
8. Дети с задержкой психического развития. Под ред. В.И. Лубовского. М.: Педагогика, 1984. 256с.
9. Дружиловская О.В. Значение антрополого-гуманистической концепции Г.Я.Трошина в дефектологии. Специальная психология. 2004. №2 (2). С.14-17
10. Добролюбов Н.А. «Тупые ученики». Журнал для воспитания. 1857. №2
11. Добролюбов Н.А. Ученики с медленным пониманием. С-Петербург: Русское Товарищество Деятели. 1911. 31 с.
12. Дробинская А.О. Пути формирования активного отношения к обучению младших школьников с ЗПР. Дефектология. 1999. №3. С.12-17.
13. Екжанова Е.А., Резникова Е.В. Основы интегрированного обучения. М.: Дрофа, 2008. 286 с.
14. Костенкова Ю.А., Тригер Р.Д., Шевченко С.Г. Дети с задержкой психического развития: особенности речи, письма, чтения. М.: Школьная пресса, 2004. 64 с.
15. Левченко И.Ю., Киселева Н.А. Психологическое изучение детей с нарушениями развития. М.: Книголюб, 2008. 160с.
16. Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. М.: Просвещение, 2008. 239 с.
17. Лубовский В.И. Актуальные проблемы психодиагностики развития. Проблемы диагностики в системе психологического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья: Сб. научных статей. Под ред. Е.С. Романовой, С.М.Валявко. М.: «Спутник +», 2010. с.5-10
18. Лубовский В.И. Методологические вопросы диагностики нарушений психического развития. Актуальные проблемы психодиагностики лиц с ограниченными возможностями здоровья: Межвузовский сборник научных статей. Под ред. Е.С. Романовой, С.М.Валявко. М.: «Спутник +», 2011. С.4-7
19. Рубинштейн М.М. История педагогических идей в ее основных чертах. Иркутск, 1922.-304с.
20. Ткачева В.В. Система психологической помощи семьям, воспитывающим детей с отклонениями в развитии.- Автореф. ... дис. доктора психологич. наук. Н.Новгород, 2005. 46 с
21. Шамарина Е.В., Табагари Г.П. Вопросы организации исследовательской деятельности в условиях экспериментальной площадки сельской местности. Специальная психология.- №1 (7), 2006. С.42-47
22. Шамарина Е.В. Обучение детей с ЗПР: организация индивидуальных и групповых занятий в классе коррекционно-развивающего обучения. М.: Гном и Д, 2003. 80 с.
23. Шамарина Е.В., Богданова В.Н. Диагностика и коррекция недостатков психического развития детей раннего возраста. Орел, 2008. 89 с.

E.V. SHAMARINA

ABOUT THE OPPORTUNITIES OF PSYCOLOGICO- PEDAGOGICAL
AND INDIVIDUAL CONDUCTING CHILDREN
WITH PSYCOLOGICAL DELAY IN THE PPMC CENTER

The paper presents a theoretico - practical approach to the approach opportunities of conducting children with psychological delay in the PPMC centre. The work experience of PPMC centre specialists of Livny town, Orlovskaya region is described in this article. The article may be of use for teachers of 8th - type special (correctional) classes, psychologists, teachers - defectologists.

Key words: *Psychological delay, conducting children, special education, continuity (succession) of education.*

В.Н. ЮШИН

кандидат педагогических наук, профессор кафедры физики Академии ФСО России
 E-mail: viktor-yushin@yandex.ru
 Тел. 8 910 302 66 11

И.В. КОРОГОДИНА

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры физики Академии ФСО России
 E-mail: ekorogodin@yandex.ru
 Тел. 8 919 263 53 59

ФРАКТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БАЗОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ КАК ОСНОВА ПРОЕКТИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНЖЕНЕРНОМ ВУЗЕ

В статье анализируются подходы к определению содержания физического образования на основе фрактальной структуры базовых компетенций в инженерных вузах. Анализируются изменения, которые происходят в современном инженерном образовании, и роль физики в формировании базовых компетенций.

Ключевые слова: компетенции, фракталы, физика, иерархические структуры, инженерное образование.

Повышение качества инженерного образования является важным направлением реформирования работы системы высшей школы. На необходимость повышения престижа инженерных профессий и повышения ответственности высшей школы за результаты своей деятельности через механизмы конкуренции на рынке труда и образовательных услуг обращают внимание руководители страны [1].

Инновационный процесс в образовании сегодня олицетворяет компетентностный подход, который соответствует принятой в большинстве развитых стран общей концепции образовательного стандарта и прямо связан с переходом на систему компетентностей в конструировании содержания образования и систем контроля его качества. Запросы развития экономики и социальной сферы, науки, техники, федерального и территориального рынков труда, а также перспективные потребности их развития поставили вопрос о смене образовательных парадигм и движению к подготовке обучающегося, обладающего некоторым уровнем компетентности в своей будущей профессиональной деятельности и способах жизнедеятельности в обществе. На основании компетентностного подхода становится понятным необходимость перехода в системе образования высшей школы от форм и методов, ориентированных на овладение системой готового знания, к технологиям формирования деятельности обучающихся, связанной с возможностью использования ее в условиях требований, которые складываются на рынке труда по отношению к работнику. Все это приводит к переоценке возможностей фундамен-

тальных дисциплин, включенных в учебный план вуза.

Сущность понятия «компетентностный подход» рассматривается отечественными учеными в разных аспектах, а именно:

- это определение выпускника, владеющего компетенциями, т.е. тем, что он может делать, каким способом деятельности он овладел, к чему готов (Г.К. Селевко);
- набор компетенций, ориентированных на смысловую составляющую любого вида деятельности (Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич);
- умение самостоятельно разрешать проблемы в различных сферах деятельности, т.е. способности использовать для этого знания, умения и навыки (В.А. Болотов, В.В. Сериков);
- совокупность общих принципов определения целей образования (способность самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности), отбора содержания образования (дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем), организации образовательного процесса (создание условий для формирования опыта самостоятельно-го решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем) и оценки образовательных результатов (анализ уровня образованности, достигнутых обучающимся на определенном этапе обучения) (О.Е. Лебедев) и др.

Одна из возможных трактовок компетентности, которую предлагает М. А. Чошанов, состоит

в том, что компетентность одним словом выражает значение традиционной триады «знания, умения и навыки» и служит связующим звеном между ее компонентами. Компетентность в широком смысле может быть определена как углубленное знание предмета или освоенное умение. Она наиболее целесообразна для описания реального уровня подготовки специалиста – выпускника профессиональной школы.

Анализ научной и учебно-методической литературы показывает, что большинство педагогов придерживаются определения, согласно которому компетентностный подход есть совокупность общих положений, определяющих логику образовательного процесса, ориентированного на развитие системного комплекса знаний, умений, смысловых ориентаций, адаптационных возможностей, опыта и способов преобразовательной деятельности с получением конкретного продукта. В качестве основных единиц обновления содержания образования рассматриваются компетенции и компетентности, при этом первое из них «включает совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов», а второе соотносится с «владением, обладанием человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [2, с. 24].

При определении требований к выпускникам вузов широко применяется термин «профессиональная компетентность» как готовность и способность специалиста принимать эффективные решения при осуществлении профессиональной деятельности, в основу которой могут быть положены характеристики актуальной и потенциальной деятельности специалиста (К.В. Шапошников, А.Н. Дорофеев).

Интеллект и личностные особенности лежат в основании как освоения профессии, так и деятельности в ней. Это положение носит универсальный характер и определяет успешность освоения когнитивных компетенций («знать»), приобретения умений («уметь»), использования навыков («делать»), а также характеризует их обладателя личностными компетенциями («быть») [2, 3].

Компетентностный подход нашел свое воплощение в современных образовательных стандартах. Реализуемый в федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования третьего поколения (ФГОС ВПО-3) компетентностный подход к образованию предполагает не просто усвоение студентами отдельных друг от друга знаний, умений и навыков, а овладение ими в комплексе. При этом имеют в виду, что понятие «компетентность» гораздо шире как ад-

дитивной суммы этих составляющих триаду ЗУН, так и их целостной структуры. Для описания конечного результата обучения понятие «компетенция» приобретает значение «знаю, как» в отличие от ранее принятого ориентира в педагогике «знаю, что».

Обратим внимание на тот факт, что зарубежные и отечественные исследователи компетентностей (Дж. Равен, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Л.А. Петровская, Н. Хомский и др.) выделяют их различные виды. Для различных видов деятельности исследователи выделяют различные виды компетентностей, число которых может колебаться от трёх до сорока. Однако Дж. Равен рекомендует «... не просто изучать данные компетентности, но и строить обучение, имея в виду их формирование как конечный результат обучения» [3].

В ФГОС ВПО-3 по естественнонаучным и техническим направлениям подготовки бакалавров выделены базовые компетенции, в состав которых входят общекультурные компетенции и профессиональные компетенции, составной частью которых являются ЗУНы.

Согласно требованиям к выпускнику ФГОС ВПО, реализуемых в техническом вузе, сущность базовых компетенций при изучении дисциплины «Физика» можно представить следующим образом:

общекультурные (ОК): – обладает естественнонаучной культурой, как частью профессиональной и общечеловеческой культуры; обладает способностью проводить доказательства утверждений как составляющей когнитивной и коммуникационной функции; способен понимать и излагать получаемую информацию и представлять результаты физических исследований в рамках учебного процесса и др.;

профессиональные (ПК):

а) **общенаучные (ПК1)** – способен научно анализировать проблемы, процессы и явления в области физики; умеет использовать на практике базовые знания и методы физических исследований и др.;

б) **инструментальные (ПК2)** – способен применять знания о физических объектах и явлениях на практике; способен планировать и проводить физические эксперименты адекватными экспериментальными методами, оценивать точность и погрешность измерений, анализировать физический смысл полученных результатов; способен использовать знания основных физических теорий для решения возникающих фундаментальных и практических задач, для понимания принципов работы приборов и устройств и др.;

в) **профессионально-специализированные (ПК3)** – умеет использовать знания всех разде-

лов общей физики на соответствующем уровне; умеет решать физические проблемы повышенной сложности, в том числе требующие оригинальных подходов; демонстрирует активность, умение и способность к применению новых фундаментальных результатов в области физики к созданию новых практических, в том числе технических и технологических, решений объектов; знает физический фундамент современной техники и технологий и др.

Учебные циклы представлены в нормативных документах как проектируемые результаты их освоения. Так, согласно требованиям ФГОС ВПО, при формировании базовых компетенции в структуре профессиональной подготовки специалиста в техническом вузе в результате изучения базовой части курса физики обучающийся должен

- **быть** (уровень ОК): разносторонне развитой личностью; способным понимать процессы и явления природы для активной деятельности по охране окружающей среды, рациональному природопользованию, развитию и сохранению цивилизации; способным выстраивать и реализовывать перспективные линии интеллектуального и профессионального саморазвития и самосовершенствования; настойчивым в достижении цели; способным изменять при необходимости профиль своей профессиональной деятельности; способным понимать социальную значимость своей будущей профессии и др.;

- **знать** (уровень ПК1): основные понятия и законы механики; основы статистической физики и термодинамики; основы электричества и магнетизма; физику колебаний и волн; основы квантовой физики и физики твёрдого тела; основные физические явления; фундаментальные понятия, законы и теории классической и современной физики; современную научную аппаратуру и др.;

- **уметь** (уровень ПК2): строить и изучать математические модели конкретных явлений и процессов для решения расчетных и исследовательских задач; решать типовые прикладные физические задачи; применять основные законы общей физики при решении практических задач и др.;

- **владеть** (уровень ПК3): методами теоретического исследования физических явлений и процессов; навыками проведения физического эксперимента и обработки его результатов и др.

Учитывая классификацию базовых компетенции в структуре профессиональной подготовки специалиста в техническом вузе, а также, анализируя содержание ФГОС ВПО, можно графически представить их иерархическую структуру следующим образом (рис. 1).

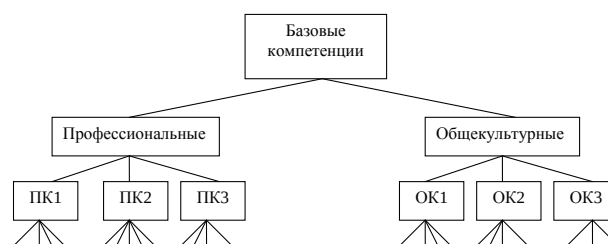

Рис. 1. Классификация базовых компетенций.

Структура процесса формирования компетенций на разных этапах обучения имеет типично фрактальный характер [4]. Согласно нестрогому определению Мандельброта, фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому [5]. Приведенное определение отражает важный отличительный признак фрактальных объектов. Заметим, что свойство точного самоподобия характерно лишь для регулярных фракталов. Если в алгоритм построения структуры включен некоторый элемент случайности, то фракталы называются случайными. Основное их отличие от регулярных фракталов состоит в том, что свойства самоподобия справедливы лишь после соответствующего усреднения по всем статистически независимым реализациям объекта. При этом увеличенная часть фрагмента не точно соответствует исходному фрагменту, однако их статистические характеристики совпадают. Очевидно, что иерархическую структуру базовых компетенций можно рассматривать как случайный фрактал. Кстати, различное количество видов компетенций, выделяемых исследователями, может служить косвенным доказательством их фрактальной природы. Действительно, при переходе с одного уровня иерархической структуры на другой число рассматриваемых элементов структуры изменяется, поскольку происходит переход к более мелкому масштабу. В содержании образования фундаментальных дисциплин также легко прослеживаются самоподобные структуры. Например, подобным образом может быть представлена многоуровневая структура изучения курса физики как в школе, так и в вузе. Все инженерные дисциплины, являясь по сути дела прикладной физикой, формируют профессиональные компетенции еще на более глубоком уровне. Фрактальный характер структуры характерен как для учебных дисциплин, так и для отдельных разделов и тем изучаемых курсов, а также и для научных понятий. На рисунке 2 в качестве примера представлена часть структуры научного понятия «диэлектрики». Как правило, в общем курсе физики многих вузов достаточно подробно рассматриваются лишь два структурных элемента этого понятия

– полярные и неполярные диэлектрики. В вузах с фундаментальной подготовкой достаточно глубоко изучаются и активные диэлектрики: пьезоэлектрики, сегнетоэлектрики, пирозэлектрики и электреты. В то же время оптически активные диэлектрики рассматриваются в большинстве случаев лишь в курсах специальных дисциплин, если их изучение предусмотрено специализацией.

Рис. 2. Структура научного понятия «диэлектрики».

Важно отметить, что фрактальный характер компетенций проявляется также и в том, что процесс их формирования можно представить в виде отдельных этапов, которые имеют инвариантные структуры. Переход же от одного уровня фрактальной структуры учебной дисциплины к другому согласуется с теорией поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина.

Модернизация содержания образования высшей школы требует осмысления методологических оснований, совокупностей целей, путей их достижения и планируемых результатов обучения, а, значит, и поиска новых педагогических подходов к определению содержания образования.

Одним из таких подходов может быть фрактальный подход к определению структуры содержания учебной дисциплины. Суть такого подхода может состоять в следующем. В иерархической структуре учебной дисциплины выделяются узлы, которые характеризуются некоторой условной силой. Эта сила определяется числом более слабых узлов, лежащих ниже его по структуре и которые необходимы для формирования соответствующей профессиональной компетенции. Такие узлы должны иметь приоритет перед другими при включении в содержание образования физики. Глубина и полнота изучения фундаментальных дисциплин при фрактальном подходе также определяются целями и задачами

конкретного вуза.

При формировании содержания образования происходят как конкретизация, так и наполнение ключевых компетенций. Проектируя систему образования и его педагогические системы, следует постоянно помнить о его уровнях и необходимости обеспечения логических связей между этими уровнями.

В настоящее время в преподавании физики прослеживаются два характерных подхода. Одной из тенденций, которая наблюдается в некоторых инженерных вузах, является облегчение содержания физического образования. Такой подход к изучению физики обосновывается тем, что фактическое содержание физики будто бы включается в программы специальных дисциплин. И эта позиция находит свое подтверждение в программных документах, где основные компетенции отнесены к профилирующим дисциплинам.

Другой распространенной точкой зрения является представление об утилитарном приспособлении общего курса к нуждам специализации обучающихся. При этом полностью игнорируется фундаментальная и методологическая роль общего курса физики, основной задачей которого следует считать формирование у студентов научного мышления, развития физической интуиции, овладения методами научного исследования, количественного описания явлений природы.

В соответствии с предложенными требованиями к результатам освоения и структуре основных образовательных программ (в частности по дисциплине «Физика») подготовки специалистов высшая школа ориентирована на одну цель – формирование компетентного инженера за требуемое время. Однако, несмотря на декларируемые цели, в рамках класса моделей подготовки инженеров в компетентном формате могут сформироваться модели, которые при реализации их на практике имеют разные значения показателей эффективности.

Действительно, оставаясь в рамках компетентного подхода, можно проектировать специалистов различного уровня подготовки – специалиста исполнителя и творческого специалиста. Очевидно, что роль курса физики в этих случаях будет совершенно разной.

Образование в прикладном вузе направлено, в основном, на формирование определенных стандартных знаний, умений и навыков или компетенций. Проектирование содержания физического образования на основе специализации будущего инженера формирует узкого специалиста-исполнителя, характерного для западной системы образования. Сущность такого подхода предельно

ясно сформулировал в свое время известный английский физик Пиппард, который писал: «современное образование должно быть направлено на то, чтобы сделать компетентного исполнителя нормой, и в то же время поощрять незаурядных быть выше этой нормы» [6].

Компетентный исполнитель – это узкий специалист. При обучении такого специалиста на фрактальной структуре учебных дисциплин будут отсутствовать многие горизонтальные ветви одного уровня, которые необходимы для развития широты мышления. Аналогично изучаются и другие темы дисциплины. Узкого специалиста с позиции фрактальной структуры базовых компетенций можно назвать «вертикальным специалистом».

Как показывает опыт многих стран, которые исповедуют принцип жесткой специализации системы образования, такой подход перестает оправдывать себя. В современных условиях, как в научном исследовании, так и на производстве, лучше ориентируются и оказываются более эффективными работники с высоким уровнем фундаментальной подготовки.

Многолетний опыт организации преподавания курса общей физики в ведущих вузах нашей страны показал, что фундаментальность общеобразовательной подготовки позволит выпускникам в дальнейшем сравнительно быстро осваивать при необходимости смежные области исследований, способствует преодолению нетерпимой в современных условиях профессиональной ограниченности. При фундаментальной подготовке в курсе физики изучается большинство горизонтальных элементов фрактальной структуры. Такого выпускника можно назвать «горизонтальным специалистом».

Образование в инженерном вузе должно быть ориентировано на долгосрочную перспективу и носить характер опережающего. В период информационного взрыва, характерного для сегодняшнего дня, объем знаний, накапливаемых человечеством в ходе своего развития, удваивается каждые 10 лет. Отсюда следует, что становится невозможно за период обучения в вузе ознакомить обучающегося даже с малой частью информации, необходимой ему в процессе будущей деятельности. Роль фундаментальных наук состоит в обучении студента современным научным понятиям, логическому мышлению и умению доучиваться уже во время профессиональной деятельности. Сейчас общество остро нуждается в специалистах, способных постоянно обновлять свои знания и самостоятельно овладевать новыми навыками. В настоящее время происходит достаточно быстрое старение многих технологий. В этих условиях неоправданное увели-

чение доли узкоспециальных дисциплин в учебных программах неизбежно приводит к консервации экономической отсталости. Все эти обстоятельства существенно увеличивают цену специалиста с глубокой фундаментальной подготовкой. В этой связи основной целью обучения в инженерном вузе должна состоять в том, чтобы научить обучаемых самостоятельно ставить задачи и самостоятельно их решать. Следовательно, максимальное внимание в процессе обучения должно быть приковано к развитию творческих способностей будущих специалистов.

Физика, как учебный предмет, обладает широкими возможностями в плане формирования первоначальных навыков ведения исследовательской работы в общем русле подготовки специалистов, отвечающим современным тенденциям развития науки и техники. При воспитании будущего специалиста раннее развитие его творческих способностей имеет исключительно большое значение.

Воспитание творческих способностей в человеке основывается на развитии самостоятельного мышления. По мнению П. Капицы, оно может развиваться в следующих основных направлениях: умение научно обобщать – индукция; умение применять теоретические выводы для предсказания течения процессов на практике – дедукция; и, наконец, выявление противоречий между теоретическими обобщениями и процессами, происходящими в природе, – диалектика [7].

Трудности преподавания физики связаны не только со сложностью стоящих перед преподавателем задач, но и с тем, что содержание курса непрерывно изменяется в соответствии с развитием самой физики и появлением новых специальных дисциплин. В частности при переходе к системам нанометрового масштаба начинают отчетливо проявляться квантовые эффекты. В результате возникает принципиально новая ситуация, когда квантовые явления (размерное квантование, туннелирование, интерференция электронных состояний и др.) играют ключевую роль в физических процессах в таких объектах и в функционировании приборов на их основе. Проявляются они и в технологических процессах, в химических реакциях, поскольку межатомное взаимодействие имеет квантовый характер. Таким образом, от будущих специалистов потребуются умение мыслить квантовомеханическими категориями, существенно отличающимися от обычных классических представлений. Таким образом, развитие нанотехнологий требует подготовки кадров для междисциплинарных исследований. Это еще одна из причин необходимости существенной перестройки инженерного образования – его необ-

ходимо осваивать с упором на фундаментальные дисциплины.

Само же преподавание физики необходимо перестроить с учетом новых реальностей. Основное направление такой перестройки – это не только знакомство студентов с современными достижениями науки, но и изложение традиционного материала с точки зрения современной физики. Например, в курсах механики и колебаний ввести в рассмотрение динамического хаоса [8].

Основные проблемы модернизации современного российского образования связаны с традиционно большим разрывом между замыслом и условиями его реализации. В своем обращении к Президенту России участники Международной школы-семинара по проблеме «Физика в системе высшего и среднего образования России» говорят о том, что физика, как одна из основных интеллектообразующих дисциплин, находится в настоящее время в глубоком кризисе, одной из причин которого, по мнению преподавателей ведущих вузов страны, является осуществляемый на практике механизм перехода на двухуровневое обучение [9, 10]. В настоящее время фундаментальность образования приносится в жертву сложившимся обстоятельствам. Дело в том, что при обосновании необходимости двухуровневой системы говорилось о том, что бакалавр-инженер на первой ступени обучения получит фундаментальное образование, изучив физику, математику и общетехнические дисциплины. Магистратура же готовит узкого

специалиста.

Перестройка структуры высшего образования вынуждала ликвидировать многие специальные кафедры, что оказалось неприемлемым. В результате содержание образования, рассчитанное на 5 лет, сжали до 4. Это привело к тому, что на изучение курса физики стали отводить еще меньше времени, чем ранее. Так, в стандартах 3-его поколения он сокращается на 25-30%.

Выход из сложившейся ситуации видится в усилении самостоятельной работы студентов, изменении ее форм и методов, в перемещении центра тяжести в обучении с преподавания на самостоятельное учение студента. При этом под термином «самостоятельное учение» следует понимать систематическую, управляемую преподавателем самостоятельную деятельность студента.

В настоящее время все самое передовое и перспективное в науке возникает «на стыке» дисциплин. Современность характеризуется объединением наук. Эффективность обучения в этом случае может быть достигнута только тогда, когда в вузе будут организованы научные конференции, комплексные межфакультетские и межкафедральные научные работы, научные конкурсы и олимпиады. При этом содержание образования должно включать в себя не только фундаментальную компоненту, но и инновации. В решении этой задачи большую помощь может оказать и анализ фрактальной структуры знаниевой компоненты базовых дисциплин в рамках компетентностного подхода.

Библиографический список

1. *Медведев Д.А.* Стенограмма совещания Д. Медведева по вопросам развития инженерного образования и подготовки инженерно-технических кадров для отечественной промышленности [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента России [сайт]. [2011]. URL: <http://www.kremlin.ru>.
2. *Бобиенко О.М.* Ключевые компетенции личности как образовательный результат системы профессионального образования. Дисс... к.п.н. О.М. Бобиенко. Казань, 2005. 275 с.
3. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. Дж. Равен. М.: Когито-Центр, 2002. 400 с.
4. *Юшин В. Н.* Фракталы и фракталоподобные структуры в науке и образовании. Образование и общество, 2010. № 3. С. 72-76.
5. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. М.: Мир, 1981. 256 с.
6. *Пиппард А.Б.* Образованный ученый. Пер. с англ. А.В. Митрофанова. М.: Наука, 1979. 160 с.
7. *Капица П.Л.* Некоторые принципы творческого воспитания и образования современной молодежи. Вопросы философии, 1971. №7. С. 60-68.
8. *Мартынов М.С., Долотин Ю.Г., Юшин В.Н.* Изучение динамического хаоса в общем курсе физики. Физическое образование в вузах, 2007. № 3. С. 83-94.
9. *Спирин Г.Г.* Обращение к президенту России Д.А. Медведеву. Физическое образование в вузах, 2010. № 4. С. 3-4.
10. *Гладун А.Д., Спирин Г.Г.* Нужна ли в России физика инженеру? Физическое образование в вузах, 2010. № 4. С. 5-10.

I.V. KOROGODINA, V.N YUSHIN

**THE FRACTAL STRUCTURE OF BASIC COMPETENCES AS THE BASIS
FOR PROJECTING PHYSICS EDUCATION CONTENT AT PHYSICS HIGHER SCHOOL**

The main approaches to defining physics education content on the basis of the basic competences fractal structure at engineering higher school are analyzed in the article. The changes taking place in modern engineering education and the role of physics in forming basic competences are also analyzed.

Key words: *competences, fractals, physics, hierarchical structures, engineering education.*

Е.З. ЯХНИНА

кандидат педагогических наук, профессор кафедры сурдопедагогики Московского педагогического государственного университета

E-mail: yaez@mail.ru

Тел. 8 916 551 97 89

О ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «СПЕЦИАЛЬНОЕ (ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОЕ) ОБРАЗОВАНИЕ» К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ОБУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЮ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЮ УСТНОЙ РЕЧИ ЛИЦ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА

В статье рассматриваются актуальные вопросы подготовки бакалавров по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» (профиль «Сурдопедагогика») к профессиональной деятельности в области обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха: подходы к проектированию содержания учебной дисциплины «Технологии обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха» и специального модуля по выбору, пути активизации учебной деятельности студентов.

Ключевые слова: подготовка бакалавров, направление «Специальное (дефектологическое) образование», профиль «Сурдопедагогика», обучение восприятию и воспроизведению устной речи, лица с нарушениями слуха, профессиональные компетенции, системно-модульный подход, активизация учебной деятельности студентов.

Подготовка бакалавров по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» (профиль «Сурдопедагогика») к профессиональной деятельности в области обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха является одной из важнейших задач сурдопедагогического образования, обусловленной значимостью развития у глухих и слабослышащих устной речи как «наиболее употребительного способа общения, ...носителя языка, важнейшего инструмента мышления» (Ф.Ф.Рау, 1973, с.3).

В современной отечественной системе специального образования обучение устной речи рассматривается как важное условие формирования личности, получения полноценного образования, социальной адаптации лиц с нарушениями слуха (И.Г. Багрова, К.А. Волкова, С.А. Зыков, Т.С. Зыкова, А.Г. Зикеев, Е.П. Кузьмичева, К.Г. Коровин, Т.К. Королевская, Э.И. Леонгард, Л.П. Носкова, Т.В. Пельмская, А.Н. Пфафенродт, Ф.Ф. Рау, Н.Ф. Слезина, Н.Д. Шматко, Е.З. Яхнина и др.).

В истории высшего сурдопедагогического образования одно из центральных мест всегда занимала дисциплина «Методика обучения устной речи» (Ф.А. Рау, Ф.Ф. Рау, 1955, Ф.Ф. Рау, В.И. Бельтюков, К.А. Волкова и др., 1976 и др.).

Результаты научных исследований в области развития слухового восприятия у лиц с нарушениями слуха, начиная с младенческого возраста, про-

веденных в 70–80-ых годах XX века в Институте дефектологии по инициативе его директора академика Т.А. Власовой под руководством доктора педагогических наук, профессора Кузьмичевой Е.П., их внедрение в систему специального образования послужили основанием для включения в учебный план подготовки сурдопедагогов дисциплины «Методика развития слухового восприятия».

С введением ГОС ВПО по специальности 031600 «Сурдопедагогика» подготовка специалистов к профессиональной деятельности в области обучения восприятию и воспроизведению устной речи детей с нарушениями слуха осуществлялась, прежде всего, в процессе овладения студентами содержанием дисциплин предметного блока «Методика обучения устной речи (с фонетической ритмикой)» (Т.И. Галишникова, Е.З.Яхнина, 2005) и «Методика развития слухового восприятия» (Л.А. Плуталова, 2005). В содержании этих дисциплин раскрывались теоретические основы, методика обучения, системы развития слухового восприятия и обучения произношению детей с нарушениями слуха младенческого, раннего, дошкольного и школьного возраста. К достоинствам курсов, по нашему мнению, следует отнести разработку содержания на основе фундаментализации образовательных программ, реализации принципов научности, системности, систематичности, доступности и развивающего обучения, преемственности на основе междисци-

плинарных и внутрипредметных связей, необходимости и достаточности с позиций достижений сурдопедагогической науки и практики, смежных наук, а также гуманитарной направленности образования. Однако, необходимо указать и на определенные недостатки, обусловленные выделением в учебном плане двух самостоятельных дисциплин – «Методика обучения устной речи (с фонетической ритмикой)» и «Методика развития слухового восприятия»: в курсах дублировалось содержание некоторых тем, связанных с теоретическими основами развития слухового восприятия и произносительной стороны речи у детей при нормальном и нарушенном слухе, а также с организационными формами работы в данном направлении в системе специального образования; несмотря на то, что содержание данных дисциплин разрабатывалось на основе межпредметных связей, раскрытие в двух самостоятельных курсах вопросов развития речевого слуха и обучения произношению не позволяло в полной мере сформировать у студентов готовность к ее планированию и проведению в едином педагогическом процессе на уроках, фронтальных и индивидуальных занятиях, музыкально-ритмических занятиях, во внеурочное время и др.

Отметим, что в соответствии с ГОС ВПО, профессиональная подготовка студентов в области обучения устной речи расширялась и совершенствовалась за счет овладения ими содержанием дисциплин «Методика музыкально-ритмических занятий» (Яхнина Е.З., 2003, 2005) и «Педагогические технологии воспитания и обучения детей с нарушениями слуха дошкольного возраста» (Речицкая Е.Г., Пархалина Е.В., Яхнина Е.З., 2005), в которых также рассматривались вопросы развития слухового восприятия и обучения произношению детей с нарушениями слуха с учетом межпредметных связей. Ценным являлось и проведение целенаправленной педагогической практики по данному направлению коррекционно-развивающей работы.

На кафедре сурдопедагогики дефектологического факультета МПГУ были разработаны и внедрены ряд дисциплин по выбору, связанных с раскрытием зарубежных технологий, а также актуальных проблем формирования устной речи у лиц с нарушениями слуха, в том числе разработанных на кафедре и внедренных в систему специального образования: «Основы верботональной системы реабилитации лиц с нарушениями слуха» (Руленкова Л.И., Яхнина Е.З., 2000), «Развитие ритмико-интонационной структуры устной речи у детей с нарушениями слуха» (Яхнина Е.З., 2000), «Дифференцированный подход к развитию восприятия и воспроизведения устной речи у глухих детей» (Яхнина Е.З., 2009) и др.

Важно отметить, что в соответствии с ГОС ВПО были подготовлены и изданы рабочие программы и учебно – методические комплексы по дисциплинам «Методика развития слухового восприятия», «Методика обучения устной речи (с фонетической ритмикой)», «Методика музыкально - ритмических занятий» (2005, 2009), а также учебные пособия для студентов вузов (Назарова Л.П., 2001, Микшина Е.П., Горбунова Н.В., Мамедова Е.Ю., 2001, Яхнина Е.З., 2003, К.А. Волкова, В.Л. Казанская, О.А. Денисова, 2008 и др.).

Введение ФГОС ВПО по направлению 050700 «Специальное (дефектологическое) образование» послужило основанием для разработки новых подходов к подготовке бакалавров к профессиональной деятельности в области обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха, базирующихся на методологии инновационных технологий высшего профессионального образования, достижениях вузовской системы сурдопедагогического образования, современных педагогических технологиях развития нарушенной слуховой функции, восприятия и воспроизведения устной речи у лиц с нарушениями слуха.

В учебный план подготовки бакалавра по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» (профиль «Сурдопедагогика») включена новая интегрированная дисциплина «Технологии обучения восприятию и воспроизведению устной речи» (модуль 3.2.5 «Технологии образовательно-коррекционной работы с лицами, имеющими нарушения слуха»).

При проектировании содержания дисциплины реализован компетентностный подход, целевой установкой которого является формирование у выпускников компетенций как интегративных показателей профессиональных, психологических и социальных качеств личности, обеспечивающих их применение в профессиональной деятельности. Компетентность как результат овладения компетенциями представляет собой сложное и многоуровневое образование, включающее когнитивный, поведенческий и ценностный компоненты (И.А. Зимняя, В.Д. Шадриков и др.).

Процесс изучения дисциплины «Технологии обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха» направлен на формирование следующих компетенций бакалавра: способность к рациональному выбору и реализации коррекционно-образовательных программ на основе личностно-ориентированного и индивидуально-дифференцированного подходов к лицам с ОВЗ (ПК-1); готовность к организации коррекционно-развивающей среды, ее методическому обеспече-

нию и проведению коррекционно-компенсаторной работы в сферах образования, здравоохранения и социальной защиты с целью успешной социализации лиц с ОВЗ (ПК-2); способность к осуществлению коррекционно-педагогической деятельности в условиях как специальных (коррекционных), так и общеобразовательных учреждений с целью реализации интегративных моделей образования (ПК-3); способность организовывать и осуществлять психолого-педагогическое обследование лиц с ОВЗ с целью уточнения структуры нарушения для выбора индивидуальной образовательной траектории (ПК-5); способность осуществлять динамическое наблюдение за ходом коррекционно-развивающего воздействия с целью оценки его эффективности (ПК-7); готовность к оказанию консультативной помощи лицам с ОВЗ, их родственникам и педагогам по проблемам обучения, развития, семейного воспитания, жизненного и профессионального самоопределения (ПК-8); способность к планированию, организации и совершенствованию собственной коррекционно-педагогической деятельности (ПК-10); способность использовать данные медицинской документации в процессе организации и осуществления коррекционно-педагогической работы с лицами с ОВЗ (ПК-12); способность осуществлять работу по популяризации дефектологических знаний среди населения (ПК-14).

В ходе изучения дисциплины большое внимание уделяется развитию таких компетенций, как способность осознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладанием мотивацией к выполнению профессиональной деятельности, способностью к эмпатии, корректному и адекватному восприятию лиц с ОВЗ (ОП-1); способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы, выявлять сущность проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности (ОП-2); готовность к использованию в своей профессиональной деятельности современные компьютерные, информационные и телекоммуникационные технологии (ОП-3).

Бакалавр по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» (профиль «Сурдопедагогика») должен быть подготовлен к профессиональной деятельности по обучению восприятию и воспроизведению устной речи у разных категорий лиц с нарушениями слуха с учетом их возраста (детей младенческого, раннего, дошкольного, школьного возраста и взрослых), степени (глухота, тугоухость) и характера нарушения слуха, времени его нарушения (долингвальное или постлингвальное нарушение слуха), наличия комплексных нарушений развития, особенностей

слухопротезирования и специального (коррекционного) психолого-педагогического сопровождения в общеобразовательных и специальных (коррекционных) общеобразовательных школах – интернатах (школах) I и II видов, в ДОО компенсирующего и комбинированного видов, в психолого-педагогических центрах реабилитации и коррекции, в учреждениях профессионального образования, а также в учреждениях здравоохранения (сурдологических центрах, кабинетах и др.), в медико-психолого-педагогических комиссиях.

Проектирование интегрированной дисциплины обосновано, прежде всего, тем, что в системе специального образования развитие восприятия и воспроизведения устной речи у детей с нарушениями слуха осуществляется как единый процесс, базирующийся на закономерностях становления и развития устной речи при нормальном слухе (В.И. Бельтюков, И.Г. Багрова, К.А. Волкова, Н.И. Жинкин, Е.И. Исенина, Е.П. Кузьмичева, Леонгард Э.И., Леонтьев А.А., Лепская Н.И., Рау Ф.Ф., Салахова А.Д., Слезина Н.Ф., Пельмская Т.В., Шматко Н.Д., Цейтлин С.Н. и др.).

Создание интегрированного курса позволяет представить теоретические основы развития слухового восприятия и произносительной стороны речи у детей с нормальным и нарушенным слухом в их единстве, во взаимосвязи и взаимовлиянии процессов восприятия и воспроизведения устной речи. В дисциплине раскрывается единый педагогический процесс развития нарушенной слуховой функции, слухозрительного восприятия устной речи и произношения как одно из важнейших направлений целостной системы образовательно-коррекционной работы, созданной и реализуемой в нашей стране с учетом возраста, состояния, причин, времени и характера нарушения слуха, особенностей слухопротезирования, наличия комплексных нарушений развития, организации и проведения медико-психолого-педагогического сопровождения лиц с нарушениями слуха в условиях специального или инклюзивного образования, семейного воспитания и др.

Введение интегрированной дисциплины позволяет рассмотреть в единстве вопросы организации и проведения специальной (коррекционной) работы в данном направлении в разных организационных формах образовательно-коррекционного процесса (на общеобразовательных уроках, индивидуальных и занятиях по развитию речевого слуха и произносительной стороны речи, музыкально – ритмических занятиях, фронтальных занятиях в слуховом кабинете, во внеурочное время и др., а также на фронтальных занятиях по различным разделам программы и

специальных индивидуальных и фронтальных занятиях в ДОУ компенсирующего и комбинированного видов и др.) при реализации дифференцированного и индивидуального подходов. При этом методические вопросы развития слухового восприятия речи и неречевых звучаний, обучения произношению, дифференцированные методики динамического изучения развития речевого слуха, восприятия неречевых звучаний, состояния произносительной стороны речи у лиц с нарушениями слуха, планирования работы рассматриваются в специальных разделах и темах дисциплины.

При проектировании дисциплины реализован системно-модульный подход. Дисциплина включает 12 модулей, в содержании которых раскрываются:

- теоретические основы развития восприятия и воспроизведения устной речи при нормальном и нарушенном слухе;
- педагогические технологии выявления нарушений слуха у детей (начиная с младенческого возраста) и взрослых как части комплексного аудиолого – педагогического обследования;
- методика развития слухового восприятия речи и неречевых звучаний (выработка условной двигательной реакции при восприятии речевых и неречевых стимулов; использование разных типов электроакустической аппаратуры; обучение различению, опознаванию, распознаванию на слух неречевых звучаний, слов, словосочетаний, фраз с учетом состояния слуха, возраста, индивидуальных особенностей и др.; обучение восприятию текстов; принципы отбора речевого материала);
- методика обучения произношению (развитие речевого дыхания, работа над голосом, звуковым составом речи, ее ритмико-интонационной структурой, словами и фразами с учетом состояния слуха, времени его потери, возраста, индивидуальных особенностей и др.; принципы отбора речевого материала);
- система работы по развитию нарушенной слуховой функции, восприятия и воспроизведения устной речи у детей младенческого и раннего возраста (задачи, организация, содержание коррекционно-развивающей работы, динамическое изучение ее результатов, анализ и планирование, консультирование родителей (законных представителей) и др.);
- система работы по развитию нарушенной слуховой функции, восприятия и воспроизведения устной речи у детей дошкольного возраста в ДОУ компенсирующего и комбинированного видов (задачи, организация, содержание коррекционно-развивающей работы, ее проведение в разных формах образовательно-коррекционного процесса, динамическое изучение результатов обучения, анализ

и планирование, ведение нормативной документации; методическая работа; консультирование родителей (законных представителей);

- система работы по развитию нарушенной слуховой функции, восприятия и воспроизведения устной речи у глухих детей в специальных (коррекционных) общеобразовательных школах-интернатах I вида (задачи, организация, содержание коррекционно-развивающей работы, ее проведение в разных формах образовательно-коррекционного процесса в младших, средних и старших классах, во внеурочное время, динамическое изучение результатов обучения, анализ и планирование, ведение нормативной документации; методическая работа; консультирование родителей (законных представителей);

- система работы по развитию нарушенной слуховой функции, восприятия и воспроизведения устной речи у слабослышащих детей в специальных (коррекционных) общеобразовательных школах-интернатах II вида (задачи, организация, содержание коррекционно-развивающей работы, ее проведение в разных формах образовательно-коррекционного процесса в младших, средних и старших классах, во внеурочное время, динамическое изучение результатов обучения, анализ и планирование, ведение нормативной документации; методическая работа; консультирование родителей (законных представителей);

- коррекционно-развивающая работа по восстановлению и развитию устной коммуникации у внезапно оглохших детей и взрослых,

- специальное психолого-педагогическое сопровождение глухих детей и взрослых при кохlearной имплантации;

- особенности организации и проведения специальной (коррекционной) работы по развитию восприятия и воспроизведения устной речи у детей с нарушениями слуха в условиях инклюзивного образования, семейного воспитания, в учреждениях здравоохранения и психолого-педагогического сопровождения;

- развитие восприятия и воспроизведения устной речи у лиц с нарушениями слуха в процессе профессионального образования.

Проектирование содержания дисциплины на основе системно-модульного подхода предполагает базирование на компетенциях, сформированных в процессе предшествующего образования в ходе освоения содержания дисциплин «Информационные технологии в специальном образовании»; «Анатомия, физиология и патология органов слуха и речи», «Психолингвистика», «Современный русский язык», «Сурдопедагогика», «Сурдопсихология», «Аудиология и слухопротези-

рование». В свою очередь, профессиональные компетенции, сформированные в курсе «Технологии обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха», используются при изучении следующих дисциплин: «Технологии музыкально-ритмической работы с детьми дошкольного и школьного возраста», «Технологии воспитательной работы в специальных (коррекционных) общеобразовательных учреждениях I и II видов», «Технологии коррекционно-развивающей работы с детьми младенческого, раннего и дошкольного возраста», «Технологии инклюзивного обучения», «Психолого-педагогическое помощь семье, воспитывающей ребенка с нарушениями слуха», а также дисциплин модуля по выбору студентов «Слухоречевая реабилитация лиц с нарушениями слуха», при прохождении педагогической практики, при подготовке студентов к итоговой государственной аттестации.

При разработке содержания модулей дисциплины учитывалась значимость фундаментализации образовательных программ при отборе учебных элементов и раскрытии их содержания. Модули дисциплины разработаны на основе принципов научности, системности, систематичности, доступности и развивающего обучения, преемственности с учетом междисциплинарных и внутрипредметных связей, необходимости и достаточности с позиций достижений сурдопедагогической науки и практики, смежных наук, а также гуманитарной направленности образования, создания условий для развития мотивации и удовлетворения потребности личности в самоактуализации, самообразовании, в проявлении и раскрытии творческих способностей, в инициативности и мобильности.

Важное значение придается системному анализу общих положений и различий в технологиях развития восприятия и воспроизведения устной речи у детей и взрослых с нарушениями слуха в зависимости от его состояния, слухопротезирования, времени нарушения, возраста, особенностей организации и проведения образовательно-коррекционной работы.

Приоритетное использование в курсе личностно ориентированных технологий, в основу которых положен диалогический подход, определяющий субъект – субъектное взаимодействие студента и преподавателя, способствует саморазвитию личности будущего сурдопедагога, его открытости к инновационной деятельности и взаимодействию с различными участниками образовательного процесса (учащимися и их родителями, коллегами), к самостоятельному выявлению актуальных профессиональных проблем, разработке конструктивных путей их решения.

Реализация системно-модульного подхода позволила существенно сократить сроки формирования у студентов профессиональных компетенций, предусмотренных в дисциплине «Технологии обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха». Это согласуется с мнением Смирнова С.Д.: системно-модульный подход позволяет «избежать повторного обращения примерно к трети учебного материала, который располагается в зоне взаимного перекрытия тем или даже различных дисциплин» (Смирнов С.Д., 2009, с.193).

В учебном плане бакалавра по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» (профиль «Сурдопедагогика») предусматривается педагогическая практика в 6 семестре (6 недель, 9 зачетных единиц), что имеет большое значение для формирования профессиональных компетенций выпускника. Подчеркнем значимость проведения педагогической практики студентов на базе специально подготовленных образовательных учреждений, в которых на основе Договора с кафедрой ведется совместная с педагогическим коллективом научно-исследовательская опытно-экспериментальная работа преподавателями, аспирантами и студентами. Важным является и включение студентов в процессе прохождения педагогической практики в инновационную деятельность образовательного учреждения.

С целью повышения качества подготовки бакалавров к профессиональной деятельности в области обучения устной речи лиц с нарушениями слуха на кафедре сурдопедагогики МПГУ под руководством зав. кафедрой профессора Речицкой Е.Г. разработан модуль дисциплин по выбору «Слухоречевая реабилитация лиц с нарушениями слуха». Выделение данного модуля в целом и отдельных дисциплин, включенных в него, обусловлено социальным запросом, связанным со значимостью обучения устной речью лиц с нарушениями слуха как условия их наиболее полноценного развития, получения качественного общего и профессионального образования, адаптации в обществе, трудоустройства; потребностями работодателя в сурдопедагогических кадрах с углубленной подготовкой к профессиональной деятельности в области обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха; значимостью обеспечения студентам индивидуального образовательного маршрута в системе высшего профессионального образования в соответствии с их познавательными интересами, потребностями в мобильности при трудоустройстве, востребованности как сурдопедагога, подготовленного к реализации инновационных педагогических технологий развития восприятия и

воспроизведения устной речи в системе комплексного сопровождения разных категорий лиц с нарушениями слуха.

Образовательные технологии, используемые при подготовке бакалавров к профессиональной деятельности в области обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха, предполагают активизацию учебной деятельности студентов в процессе аудиторных занятий и внеаудиторной самостоятельной работы, формирование мотивации к высокому качеству овладения профессиональными компетенциями, саморазвитию личностных качеств, необходимых сурдопедагогу.

Пути активизации учебной деятельности студентов при подготовке к профессиональной деятельности в области обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха включают:

1. Изучение подготовленности студентов к овладению содержанием дисциплины на основе компетенций, сформированных при овладении содержанием курсов в предыдущий период обучения в вузе (контрольное тестирование), своевременное устранение выявленных недостатков.

2. Широкое внедрение интерактивных технологий, ориентированных на развитие активности и самостоятельности обучающихся: проведение проблемных лекций, лекций – дискуссий, включение в лекции методического анализа педагогических ситуаций, представленных в видеозаписи; применение на практических занятиях учебных деловых игр, реализация методов проектов, кейсов, «мозгового штурма», подготовка студентами портфолио, проведение коммуникативных упражнений (в том числе направленных на устранение конфликтных ситуаций), ситуационных упражнений, а также самопрезентаций и защиты творческих работ. Наряду с этим сохраняют значимость традиционные формы и виды аудиторной работы, способствующие глубокому освоению студентами содержания дисциплины, их подготовке к практической деятельности: изучение научно-методической литературы по актуальным проблемам и презентация результатов работы, в том числе с использованием новых информационных технологий, методический самоанализ и анализ самостоятельно разработанных конспектов уроков и занятий, анализ результатов обследования учащихся и выработка соответствующих рекомендаций, проектирование различных мероприятий по консультированию родителей (законных представителей), выступлений перед общественностью, др.

3. Систематическое использование новых ин-

формационных технологий в аудиторной и внеаудиторной работе, включая компьютерные презентации при проведении лекций преподавателями, защите творческих работ студентами, ситуативном моделировании ими фрагментов уроков и занятий с детьми.

4. Активизация внеаудиторной самостоятельной работы с учетом характера познавательной деятельности обучаемых в соответствии с уровнем знаний, что предусматривает последовательное выполнение заданий, соответствующих четырем уровням усвоения (В.П. Беспалько, Ю.Г. Татур, 1989); широкое использование формирующего тестирования, обеспечивающего систематический самоконтроль усвоения учебного материала студентами и способствующего развитию у них рефлексивной культуры, ценностно-смыслового отношения к будущей профессии, стремления к самообразованию, способностей к проектированию собственной образовательной деятельности.

5. Систематический контроль формирования профессиональных компетенций, в том числе проведение на каждом практическом занятии контрольного тестирования (не более 10-15 минут), включающего задания по основным учебным элементам изучаемой темы; своевременное устранение студентами выявленных недостатков;

6. Использование бально-рейтинговой системы оценивания учебной деятельности студентов как условия повышения их активности, стремления к наилучшим результатам освоения дисциплины;

7. Создание педагогических условий для развития инициативы и творческого поиска студентов, приобщение их к НИРС, обобщению результатов научно-исследовательской деятельности в форме докладов (с компьютерными презентациями), статей и др., выступлениям на научных студенческих конференциях и семинарах;

8. Включение в содержание итогового контроля, наряду с вопросами, разработанными в соответствии с формируемыми компетенциями, комплексных заданий, связанных с решением или методическим анализом педагогических ситуаций, а также результатов обследования восприятия и воспроизведения устной речи детьми с нарушениями слуха, планированием работы.

Комплексная реализация рассмотренных педагогических условий будет способствовать реализации запросов социума в качественной подготовке бакалавра по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» (профиль «Сурдопедагогика») к профессиональной деятельности в области обучения восприятию и воспроизведению устной речи лиц с нарушениями слуха.

Библиографический список

1. Кузьмичева Е.П., Яхнина Е.З. Обучение глухих детей восприятию и воспроизведению устной речи: учебное пособие для студ. учреждений высшего профессионального образования. Под ред. Назаровой Н.М. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 336с.
2. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: От деятельности к личности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 400с.
3. Сборник рабочих программ дисциплин предметной подготовки по специальности 031600 сурдопедагогика. Под ред Речицкой Е.Г. М.: Прометей, 2005. 384с.
4. Совершенствование подготовки сурдопедагогов в новых условиях высшего педагогического образования: учебно-методические комплексы. Под ред Речицкой Е.Г. М.: Прометей, 2009. 528с.
5. Яхнина Е.З. Методика музыкально-ритмических занятий с детьми, имеющими нарушения слуха: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Под ред. Б.П.Пузанова. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2003. 272 с.
6. Яхнина Е.З., Макарова О.В. Использование тестирования в процессе высшего профессионального образования (на примере подготовки сурдопедагогических кадров). Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. №3 (37), часть 2.

E.Z. YAKHNINA

**BACHELORS' PREPARATION (AREA- SPECIAL (DEFECTOLOGY) EDUCATION)
IN THE FIELD OF HEARING PERCEPTION AND REPRODUCTION
OF ORAL SPEECH EDUCATION OF PEOPLE WITH HEARING IMPAIRMENTS**

The article is dedicated to the actual problems of bachelors' preparation (Area- Special (Defectology) education, specialization -special education of hearing impairments people) in the field of development of hearing perception and reproduction of oral speech of people with hearing impairments. The following questions are reviewed in the article: development of the teachers' preparation for oral speech education of children with hearing impairments, elaboration of the content of the course "The methods of teaching of oral speech perception and reproduction to people with hearing impairments" and a special module (on students' choice) on oral speech education, ways to enhance students' learning activities.

Key words: *Bachelors' preparation, area- special (Defectology) education, the methods of teaching of oral speech perception to people with hearing impairments, professional competence, systematic- modular approach, ways to enhance students' learning activities.*

А.П. АЛЕКСАНДРОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета
E-mail: arnold71@inbox.ru
Тел. 8 920 825 39 97

ПРАВОСУДИЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ТЮДОРОВ

В данной статье предлагается краткий обзор системы правосудия в период правления династии Тюдоров в Англии (1485-1603); рассматриваются суды Звездной Палаты и манориальные суды.

Ключевые слова: Звездная палата, Суд лорд-канцлера, манориальные суды, выездные сессии суда присяжных, династия Тюдоров.

«Первое, что мы сделаем, уберем всех адвокатов», – говорит Дик Мясник в произведении У. Шекспира “Генрих VI” (часть II). Такое настроение было всеобщим в эпоху правления Тюдоров. Еще одним популярным описанием представителей юридической профессии было “мошенники, шарлатаны, кляузники, крючкотворы и гадуки содружества”. Но если бы все английские юристы таинственным образом исчезли, королевство, несомненно, ощутило бы потерю, поскольку англичане имели определенное пристрастие к закону. Практически все в то или иное время были вовлечены в судебный процесс в качестве присяжного заседателя, свидетеля, истца или ответчика. Множество людей, особенно представителей дворянства, были втянуты в судебные разбирательства ежедневно на протяжении всей своей жизни. Доступ к правовой системе был на удивление широк, и в то время как адвокаты в «Судебных Иннах» (четыре корпорации барристеров в Лондоне) взимали значительные платы, соседи-бедняки могли собираться вместе, жертвуя несколько пенни или шиллингов для финансирования судебного процесса, даже против влиятельных противников. Такая практика была весьма распространенной.

Повсеместность закона требовала тщательно разработанной системы судов и процедур для его поддержки. Королевские суды включали *Звездную Палату*, основанную на королевской прерогативе и наделенную широкими полномочиями; *Суд лорд-канцлера* (*Канцлерский суд*), задача которого состояла в том, чтобы при осуществлении правосудия руководствоваться только справедливостью, опираясь на указы и другие источники права. *Суд казначейства* рассматривал вопросы, связанные с доходами короля. Большинство дел Суда казначейства были гражданскими и вращались вокруг многолетних спорных вопросов: земля, наследование и

договор. Уголовные дела также рассматривались в центральных судах, но в большинстве случаев дела, связанные с тяжкими преступлениями, доходили до судей во время выездных сессий суда присяжных, которые регулярно проводились в графствах.

Правовая система была чрезвычайно сложной. Кроме Королевских судов были и другие: некоторые привилегированные лица обладали особой юридической властью, дарованной Короной – к примеру, епископ Дарема, наслаждался, в сущности, полной независимой юрисдикцией. В Шотландии судебная власть во многих местах передавалась по наследству. Церковь имела свою систему судов, занимающихся в первую очередь богословскими, моральными и семейными делами: ересь, блуд, и разводы. Существовали и адмиралтейские суды, которые разбирали дела, связанные с морской практикой. Действуя согласно законам гражданского права, сформулированным по образцу римского права, церковные и адмиралтейские суды были крайне непопулярны среди тех, кто практиковал общее право. Юристы-специалисты по общему праву действительно были возмущены любой формой проявления конкуренции в системе правосудия, в том числе это касалось Звездной палаты и Канцлерского суда. Также существовала хорошо продуманная система манориальных судов, контролируемых владельцами феодальных поместий, выполнявших многочисленные рутинные правовые обязанности в повседневной жизни: регулирование вопросов, связанных с арендой и наследованием, а также обеспечение соблюдения местных подзаконных актов.

Задержки и недостатки, присущие такой сложной правовой системе, удерживали немногих людей от рассмотрения их дел в судебном порядке. На самом деле скрытая природа судов и их процедуры работали в пользу юристов, экспертов, а также сторон, задействованных в судебном процессе, поскольку

ку они могли защитить себя (или “напасть” на своих противников), используя почти неисчерпаемый резерв юридических трюков. Несмотря на все жалобы сторон по поводу задержек и расходов, связанных с судебными разбирательствами, процесс реформирования системы правосудия был очень медленным. Иногда этот процесс был настолько длительным, что проходило несколько поколений, прежде чем споры были, наконец, разрешены, – но это сутяжничество указывает на фундаментальную приверженность к верховенству закона, которая охватила всё общество. Уверенность в законе и доверие к закону привели к ограничению применения насилия.

Уголовное право показывает приверженность к стабильности и порядку, при необходимости на счет обвиняемого. Эта система была предвзятой в отношении обвиняемых, однако она функционировала, опираясь на осознание того факта, что порядок (предписание) требует снисхождения. Хотя закон может показаться жестким, на самом деле судьи и присяжные демонстрировали удивительную гибкость в судебных процессах. В целом, даже с её многочисленными недостатками, современная правовая система на раннем этапе своего развития, судя по всему, сохранила доверие общества и была важной силой социальной стабильности.

Звездная палата была первым прерогативным судом. Она была создана Генрихом VII для судов над дворянами после Войны Алой и Белой роз. Первоначально Звёздная палата была апелляционным судом, призванным минимизировать влияние аристократов на правосудие, обеспечить порядок, справедливость и защиту прав простолюдинов.

Звездная палата возникла из средневекового совета, который всегда был наделен судебными функциями, но в конце пятнадцатого века суд начал существовать отдельно. Вопреки распространенному мнению, Парламентский акт от 1487 фактически не расширил права и возможности Звездной палаты, а привел к созданию отдельного органа правосудия, отличного от общего королевского совета. Таким образом, Парламентский акт от 1487 привел к появлению нового суда, наделив его полномочиями, направленными на укрепление его юрисдикции по ряду судебных процессов, самые важные из которых – процессы по преступлениям, связанным с беспорядками: бунт и драка. Обычными мишенями этих обвинений были пэры, епископы и их прихлебатели, чьё господство в провинции Генрих VII пытался сломить. Монарх определил состав суда, который являлся комитетом королевского совета. Судьи и королевские советники делали большую часть работы, хотя в редких случаях монарх могут присутствовать на заседаниях лично.

Суд был создан для обеспечения справедливого исполнения законов, направленных против известных людей, тех, кто обладал таким влиянием, что обычные суды не могли осудить их за совершенные ими преступления. Звездная палата была призвана действовать как суд справедливости, который может ввести наказание за действия, считавшимися морально предосудительными, но не связанными с нарушением буквы закона. Это дало Звездной палате большую гибкость так, что она могла наказывать нарушителей за любые действия, которые суд мог счесть незаконными, даже если на самом деле они были с формальной юридической точки зрения законными; однако, это также означало, что правосудие, осуществляемое палатой, могло быть весьма произвольным и субъективным. Более того, такая ситуация способствовала тому, что суд, как показывает история, в дальнейшем был использован как орудие угнетения, а не правосудия, для которого он изначально был предназначен. Многие преступления, которые сегодня преследуются, такие как попытка заговора, клевета и лжесвидетельство, изначально рассматривались судом Звездной палаты, наряду с её главной функцией, направленной на борьбу с беспорядками и подстрекательстве к мятежу.

К середине шестнадцатого века Звездная палата зарекомендовала себя как важная составляющая правовой системы королевства. Полезный для короны как средство для обуздания подчиненных короля, суд был, вплоть до семнадцатого века, весьма популярным среди простолюдинов. Они ценили простую судебную процедуру, которая была практически лишена сложности и запутанности судов традиционного общего права. Кроме того, Звездная палата имела тенденцию действовать быстро при решении судебных дел.

С ростом популярности суда росла и его юрисдикция. Споры по наследству или законным правам стали рассматриваться в палате, хотя они, вероятно, должны были слушаться в другом суде. Рост дел, рассматриваемых Звездной палатой, неизбежно привел к враждебности юристов, поскольку такое положение дел угрожало их финансовому состоянию.

Под руководством кардинала Уолси (архиепископ Йоркский и лорд-канцлер) и Томаса Кранмера (архиепископ Кентерберийский) (1515-1529), суд Звездной палаты стал политическим оружием для действий, направленных против противников политики короля Генриха VIII, его министров и его парламента. Хотя первоначально он был апелляционным судом, король Генрих VIII, Уолси и Кранмер призывали истцов обращаться со своими делами

непосредственно к Звездной палате, минуя суды низшей инстанции. Заседания суда проходили втайне, без обвинений, без права на апелляцию, без присяжных и без свидетелей. Доказательства были представлены в письменной форме.

В семнадцатом веке Яков I и Карл I обратились к Звездной палате, чтобы заставить замолчать критиковавших их политику, в результате чего репутация палаты еще больше ухудшилась. В 1641 году Парламент упразднил Звездную палату.

Хотя контакты простолюдинов с судами по различным вопросам были достаточно распространенным явлением, Звездная палата и Королевская скамья оставались все же недоступными для большинства людей. Даже суды присяжных, которые рассматривали тяжкие преступления, были в большей степени прерогативой дворянства и более состоятельных йоменов, которые служили в качестве присяжных. Но почти каждый за пределами самых крупных городов знал что-либо о работе магистратских судов. Проводимые в разное время в зависимости от местных обычаев (часто раз в год, иногда чаще), эти суды рассматривали дела, связанные с наиболее важными правовыми вопросами, которые затрагивали обычного жителя общины. Они регулировали вопросы по управлению поместьем: определяли, кто наследует обычные права, такие как арендные права, а кто имеет право на все важные общие права, и разрешали вопросы, которые касались незначительных долгов и споров между соседями. Обычно под председательством управляющего (представителя лорда) они собирали все местные общины вместе, и, хотя их работа едва ли была «захватывающей», тем не менее, она была жизненно важной. Если управляющий и лорд были добросовестными и справедливыми, они могли сохранить мир в общине через свое посредничество; но если они таковыми не были (постоянно угнетали свою общину), то это приводило к расколу местной общины. Поскольку процесс развития рыночной экономики в Англии в семнадцатом веке затягивался, суды лордов порой рассматривались как средство максимального увеличения доходов лордов, но во многих местах они продолжали выполнять свою «стабилизирующую» функцию вплоть до восемнадцатого века.

Что касается выездных сессий суда присяжных,

то четыре раза в год королевские судьи объезжали все провинции, слушая уголовные дела в суде присяжных. В некоторых более серьезных случаях местная община, собравшаяся для того, чтобы увидеть, как вершится справедливость, имела возможность наблюдать проявление королевской власти. Судьи возглавляли процессию в городе и пиршества, в которых принимали участие местные дворяне, и получали назидание от проповедей местных священнослужителей. Большинство дел, которые они рассматривали, были уголовными – обвинения в таких уголовных преступлениях, как убийство, разбой, изнасилование. Суды присяжных часто рассматривали десятки дел всего лишь за несколько дней. Уголовное право в эпоху правления Тюдоров имело одну основную цель: поддержание порядка. Правосудие для отдельно взятого человека было менее важным, чем безопасность общества, и в результате закон был направлен против обвиняемого. Обвиняемые не имели право на адвоката (хотя некоторые обвиняемые могли позволить себе нанять адвоката); они не могли заставить свидетелей давать показания; они не могли заставить свидетелей дать присягу, подтверждающую истинность их показаний. Если их признавали виновными, круг наказания был узким: порка, увечье или смерть. В XV-XVI веках в Англии не существовало пенитенциарных учреждений, были только тюрьмы, в которых содержались обвиняемые между их арестом и судом и в которых они ждали окончательного наказания. Оправдательные приговоры имели место даже тогда, когда присяжные считали обвиняемого виновным. Преступники, или те, кто мог указать на смягчающие обстоятельства, иногда убеждали присяжных признать виновных невинными и вынести оправдательный приговор. Интерес людей к уголовным преступлениям в период правления Тюдоров был настолько велик, что каждый суд присяжных издавал множество брошюр, в которых описывались сами преступления и их разборательства.

Таким образом, в период царствования династии Тюдоров, особенно в период правления Генриха VIII, система правосудия, и главным образом Звездная палата, стала орудием для закрытых расправ с действительными и мнимыми оппонентами короля и по многим делам выступала как единственная инстанция.

Библиографический список

1. Котова Ю.П., Александрова А.П. Взгляд на историю Великобритании (Spotlight on the History of Great Britain). Орёл: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2011.
2. B. Bowler; L. Thompson Timesaver, British History Highlights. Mary Glasgow Magazines.
3. A. Harding, Medieval Law and the Foundations of the State. Oxford University Press, 2001.
4. Illustrated Encyclopedia of Britain. London: Reader's Digest, 1999.

5. *K.B. McFarlane* England in the Fifteenth Century (Collected Essays). London: The Hambledon Press, 1981.
6. *Ch. Phillips* The illustrated encyclopedia of the kings and queens of Britain. London, 2006.
7. *V.Stater* The political history of Tudor and Stuart England. London and New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2005.
8. The Wordsworth Dictionary of British History. Ed. Consultant: J.P. Kenyon. Market House Books Ltd., 1981.
9. The World Book Encyclopedia. Field Enterprises Educational Corporation. London, 1966.
10. <http://www.bbc.co.uk>
11. <http://www.encyclopedia/Britanica-online.com>
12. <http://www.englishmonarchs.co.uk>
13. <http://www.historyworld.net>
14. [http:// www.projectbritain.com](http://www.projectbritain.com)
15. <http://www.wikipedia.com>

A.P. ALEXANDROVA

JURISDICTION DURING THE REIGN OF THE TUDORS

The article gives a brief survey of the judicial system during the Tudor era in England (1485-1603); it throws some light on the Star Chamber and the manor court.

Key words: *the Star Chamber, Chancery, the manor court, the Assizes, the Tudor dynasty.*

О.М. ЕФРЕМОВА

адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России; преподаватель Центра профессиональной подготовки УМВД России по Орловской области
E-mail: EfremovaOlga777@rambler.ru
Тел.: 8 915 504 57 77

ФУНКЦИЯ ЮСТИЦИИ И ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

В рамках настоящей статьи дано понятие уголовно-процессуальным функциям, функции юстиции и функции уголовного преследования и раскрыта их сущность. Также рассмотрены и проанализированы разные взгляды ученых на уголовно-процессуальные функции. В статье дано объяснение, почему функция юстиции и функция уголовного преследования являются процессуальными альтернативами друг друга.

Ключевые слова: процессуальные функции, следователь, уголовный процесс, принцип состязательности.

Рассмотрение такого вопроса, как учение об уголовно-процессуальных функциях, на наш взгляд, имеет большое значение для правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности и развития науки уголовного процесса в целом. Поскольку в рамках состязательного уголовного процесса без разделения уголовно-процессуальных функций невозможно представить уголовно-правовой спор между равноправными сторонами, разрешаемый независимым, беспристрастным и пассивным судом. Именно равноправие сторон в состязательном уголовном процессе обеспечивается разделением основных процессуальных функций на всех этапах уголовного судопроизводства в связи с чем следует признать приоритетное положение данного элемента состязательности, его особую связующую роль по отношению к другим.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных процессуальных функций, на наш взгляд, необходимо сказать в целом о процессуальных функциях.

Отправным пунктом серьезных научных изысканий по поводу уголовно-процессуальных функций был Устав уголовного судопроизводства 1864г., который впервые утвердил принцип состязательности в том понимании, которое соотносится с сегодняшними представлениями о нем. Ввиду значимости уголовно-процессуальных функций в науке появилось учение о них, развивающееся и по сей день.

Вопрос о сущности процессуальных функций исследовался в юридической науке во второй половине XIX века С.И. Викторским, М.В. Духовским, Н.Н. Розиным, В.К. Случевским, Д.С. Тальбергом, И.Я. Фойницким, А.А. Чебышевым-Дмитриевым и другими русскими учеными. Однако появ-

ление определения уголовно-процессуальных функций как «отдельных видов, отдельных направлений уголовно-процессуальной деятельности» процессуалисты связывают с именем М.С. Строговича¹. Впоследствии данную позицию разделили Д.С. Караев, Р.Д. Рахунов, Л.Д. Кокорев, В.М. Савицкий, В.П. Нажимов, А.В. Смирнов, С.Д. Шестакова и другие.

Однако в науке уголовного процесса существует другая кардинальная позиция, которая определяет уголовно-процессуальные функции не как основные направления уголовно-процессуальной деятельности, а с точки зрения функций участников уголовного процесса. Представителем данной позиции является П.С. Элькинд, по мнению которой функции – это определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности специальное назначение и роль ее участников². Данная позиция была поддержана В.Г. Даевым, который пишет: «Содержание каждой из ... функций нужно рассматривать в неразрывной связи с вопросом о ее носителе, так как уголовный процесс – строго регламентированный порядок государственной деятельности особого вида, и участие в нем в том или ином качестве не может быть случайным. В конечном счете, сама теория уголовно-процессуальных функций важна лишь для правильного определения правового статуса участников процесса, и в этом ее служебная роль»³. В.Н. Шпилев, поддерживая позицию, высказанную П.С. Элькинд полагает, что «все лица, участвующие в уголовном деле, имеют установленные законом процессуальные функции» и рассматривает уголовно-процессуальные функции как «урегулированные законом отдельные на-

правления уголовно-процессуальной деятельности, в которых проявляется роль и специальное назначение участников процесса»⁴.

Таким образом, в науке уголовного процесса сложились два самостоятельных подхода к исследованию уголовно-процессуальных функций: как функций уголовного процесса в целом и функций его отдельных участников. М.Л. Якуб, Я.О. Мотовиловкер допускали существование обоих понятий в качестве самостоятельных, не исключаящих друг друга. «Оба определения выражают сущность рассматриваемого понятия, одно – применительно к самой деятельности, другое – к ее носителю», – считал Я.О.Мотовиловкер.

Мы согласны с мнением, высказанным по данному вопросу Я.О. Мотовиловкером, и считаем более правильным такой подход, когда сначала дается понятие, что является уголовно-процессуальной функцией, а затем уже определяется, кто ее субъект. Термин «уголовно-процессуальная функция» применяется для характеристики не отдельных процессуальных действий либо роли того или иного субъекта процесса, а более широкого и емкого понятия, каким является направление в процессуальной деятельности. Так как, определив, из каких направлений состоит уголовно-процессуальная деятельность и кто её субъект, а также выявив соотношение между направлениями, можно раскрыть сущность уголовного процесса в целом и определить тип (форму) уголовного процесса.

В теории уголовного вопроса также дискуссионным является вопрос о количественном составе уголовно-процессуальных функций и их содержании и какие уголовно-процессуальные функции являются основными и являются ли вообще.

М.С. Строгович выделяет три основные уголовно-процессуальные функции: 1) обвинение (уголовное преследование); 2) защита и 3) разрешение дела⁵. Аналогичную позицию занимают В.П. Нажимов, Я.О. Мотовиловкер, В.П. Смирнов, С.Д. Шестакова и другие авторы. Следует отметить, что три вышеуказанные функции признаются практически всеми авторами.

В то же время, значительная группа ученых- процессуалистов полагает, что данный перечень не является исчерпывающим. Так, например, С.В. Бородин считает, что основными функциями являются: расследование преступлений, обвинение, защита, разрешение дела по существу⁶. Функцию расследования выделяют и ряд других авторов, например, А.М. Ларин, В.М. Савицкий, П.С. Элькинд, однако они называют данную функцию «исследование обстоятельств дела».

Основная причина появления в науке уголов-

ного процесса четвертой функции – расследования – обусловлена господствовавшей в то время идеологией и необходимостью расширения состязательных начал.

Рассматривая процессуальную деятельность на этапе предварительного расследования, ученые процессуалисты либо признавали, что функции обвинения, защиты и разрешения дела соединены в руках одного субъекта уголовного процесса – тако- го как следователя, либо утверждали о существовании функции расследования.

«Функция расследования», – полагает В.М. Савицкий, «исчерпывает себя в результате прекращения дела до предъявления кому-либо обвинения или же в момент о вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В последнем случае она уступает место функциям обвинения, защиты и разрешения дела...»⁷.

В отличие от трактовки функции расследования, данной В.М. Савицким, Р.Д. Рахунов считал, что это функция основная, охватывает всю стадию предварительного расследования, независимо от того - предъявлено обвинение или нет⁸.

Следует отметить, что на этом этапе формирования учения о процессуальных функциях, возможность осуществления нескольких функций одним субъектом, допускалась большинством ученых. Так, М.С. Строгович писал, что «... В силу требований закона следователь при расследовании дела обязан выяснять не только обстоятельства, уличающие обвиняемого и отягчающие его ответственность, но и обстоятельства, оправдывающие обвиняемого и смягчающие его ответственность. Это направление деятельности следователя ... в смысле процессуальной функции также есть защита»⁹.

Анализируя функцию разрешения дела и признавая ее преимущественно судебной, М.С. Строгович, тем не менее, допускает, что в процессе предварительного следствия «эта функция в известных пределах принадлежит и следователю, и прокурору, поскольку они могут при наличии к тому оснований прекращать дело»¹⁰.

А.М. Ларин полагал, что «следователь, наряду с исследованием обстоятельств дела, производит уголовное преследование, обеспечивает участникам процесса возможность осуществления их прав и т.д.»¹¹.

В работе Даева В.Г., Алексеева Н.С., Бастрыкина А.И. признаются не только три так называемые основные функции в уголовном процессе, но и: расследование уголовного дела, прокурорский надзор, охрана личных интересов, охрана общественных интересов, а также вспомогательные функции: организационно-техническое обеспечение процес-

са, содействие в получении доказательственной информации (свидетели, эксперты)¹².

В.Н. Шпилев говорил о том, что нельзя сводить весь уголовный процесс только к обвинению, защите, судебному рассмотрению и разрешению уголовного дела. Такая концепция процессуальных функций является узкой, неполной. Теория трех основных функций не дает ответа на вопрос, какие же функции выполняют участники процесса, действия которых не укладываются в их систему. В связи с этим им было предложено выделять в уголовном судопроизводстве три вида процессуальных функций: основные, дополнительные и вспомогательные. К основным процессуальным функциям В.Н. Шпилев относил: 1) обнаружение, проверку и расследование общественно опасных деяний; 2) обвинение, осуществляемое прокурором в качестве государственного обвинителя, а равно общественным обвинителем и потерпевшим в случаях, предусмотренных законом; 3) защиту, осуществляемую подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, защитником обвиняемого и общественным защитником; 4) рассмотрение и разрешение уголовного дела судом; 5) функцию надзора прокурора за исполнением законности в уголовном судопроизводстве.

Дополнительными процессуальными функциями являются: 1) предъявление и поддержание гражданского иска гражданским истцом или его представителем; 2) возражение подсудимого или гражданского ответчика по предъявленному гражданскому иску.

Деятельность иных многочисленных участников уголовного процесса, так или иначе содействующих органам расследования, суда и прокуратуры в их борьбе с преступностью, представляет собой вспомогательную процессуальную функцию.

Все эти перечисленные процессуальные функции находятся в тесной, неразрывной связи друг с другом. Анализ их помогает установить общее и особенное в деятельности каждого участника уголовного процесса¹³. Данная позиция была ранее высказана П.С. Элькинд, которая попыталась создать иерархию функций, выделяя основные, вспомогательные и «побочные» функции¹⁴. Под «побочными» функциями она подразумевала то же самое, что и В.Н. Шпилев под дополнительными процессуальными функциями.

Также предлагались иные теоретические конструкции системы уголовно-процессуальных функций. Так, Р.Д. Рахунов в систему уголовно-процессуальных функций включает: 1) расследование дела; 2) обвинение; 3) защиту; 4) поддержание гражданского иска; 5) защиту от гражданского иска; 6) разрешение дела¹⁵.

По мнению Л.А. Мариупольского и Г.Р. Гольста, в качестве уголовно-процессуальных функций следует рассматривать: 1) предупреждение преступлений; 2) обвинение (изобличение виновного); 3) защиту; 4) правосудие; 5) участие общественности; 6) воспитание¹⁶.

По нашему мнению, некоторые из указанных выше направлений уголовно-процессуальной деятельности не следует выделять в качестве самостоятельных уголовно-процессуальных функций. Так, установление, проверка данных относительно преступлений, обвинение, предупреждение преступлений входят в содержание функции уголовного преследования, к которой мы чуть позже еще вернемся.

Что касается количественного состава уголовно-процессуальных функций, то мы считаем, что в уголовном судопроизводстве есть основные функции, без которых уголовного судопроизводства вовсе не могло бы быть, но есть еще в уголовном процессе вспомогательные, в этом случае мы поддерживаем позицию В.Н. Шпилева и П.С. Элькинд. Вспомогательные функции, осуществляемые свидетелями, экспертом, специалистами, переводчиком и понятым, не связаны напрямую с деятельностью участников, выступающих на стороне обвинения и защиты, однако, именно с их помощью стороны осуществляют свои функции, – это определяет их исключительность и в то же время оправданное самостоятельное существование. Наличие вспомогательных функций не противоречит ни сущности уголовного процесса, ни структурным элементам состязательности. Состязательность не допускает смешение основных процессуальных функций, но не исключает наряду с основными существование иных вспомогательных функций.

Таким образом, уголовно-процессуальные функции – это совокупность не совпадающих друг с другом основных направлений уголовно-процессуальной деятельности субъектов уголовного процесса, обеспечивающие равноправие сторон, и вспомогательных, осуществляемые другими субъектами уголовного процесса, с помощью которых стороны осуществляют свои функции.

К основным уголовно-процессуальным функциям мы относим: функцию защиты, функцию уголовного преследования и функцию юстиции. Теперь мы подробно рассмотрим содержание каждой из функций и объясним, почему мы считаем, что правильно говорить не «функции обвинения» и «функция разрешение дела», а «функции уголовного преследования» и «функция юстиции», а также почему «функция юстиции и функция уголовного преследования являются процессуальными альтер-

нативами друг друга.

Наиболее простым и очевидным является вопрос о функции защиты. В связи с этим мы не будем останавливаться подробно на ней. Следует сказать только то, что в рамках состязательного уголовного процесса функция защиты обособлена от функции уголовного преследования и функции юстиции как на судебных, так и на досудебных стадиях.

Что касается функции уголовного преследования, то в теории уголовного процесса нет единства мнений относительно ее существования, ее соотношение с функциями обвинения и предварительного следствия (расследования, исследование обстоятельств дела). В связи с этим, на данный момент в теории уголовного процесса сложились следующие позиции:

1. Функция уголовного преследования и функция обвинения обозначают одну и ту же сферу деятельности, т.е. они тождественны и совпадают по своему значению¹⁷.

2. Функция уголовного преследования и функция обвинения находятся в определенном соотношении. Функция уголовного преследования соотносится с функцией обвинения как общее с частным: обвинение является одной из форм уголовного преследования¹⁸.

3. Функция уголовного преследования помимо обвинения охватывает функцию предварительного расследования, начинается осуществляться на стадии возбуждения уголовного дела¹⁹.

Термин «уголовное преследование» был введен в научный оборот в дореволюционный период российской правовой науки и использовался как синоним понятию «обвинение». После революции точку зрения на уголовное преследование как обвинительную функцию разделяли многие процессуалисты, в том числе М.С. Строгович. Он считал, что обвинение как уголовно-процессуальная функция – обвинительная деятельность, совокупность действий, направленных на то, чтобы изобличить совершившее преступление лицо и обеспечить применение к нему заслуженного наказания, носит также наименование уголовного преследования и возникает на стадии предварительного расследования с момента предъявления обвинения²⁰.

М.А. Чельцов, анализирувавший уголовное судопроизводство по УПК РСФСР 1923 г., занял другую позицию по данному вопросу, включив в понятие «уголовное преследование» возбуждение уголовного дела и деятельность, направленную на установление лица, совершившего преступление, т.е. ассоциировал уголовное преследование с производством по делу в целом²¹.

Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин поддержали точ-

ку зрения М.А. Чельцова о том, что «уголовное преследование лица, совершившего преступление, начинается с первого же шага предварительного расследования независимо от того, имеются ли данные о личности правонарушителя или нет»²². Данной позиции также придерживался З.З. Зинатуллин. Он утверждал, что «уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и имеет место на всем протяжении производства по уголовному делу, во всех стадиях уголовного процесса»²³.

Точку зрения на то, что уголовное преследование начинает осуществляться со стадии возбуждения уголовного дела, и даже в том случае, когда неизвестно лицо, совершившее преступление, отстаивают и другие процессуалисты, такие как З.Д. Еникеев, А.В. Фролов, В.И. Рохлин.

Не соглашаясь с такой трактовкой уголовного преследования, Н.Н. Полянский писал: «возбудить уголовное дело – это значит идти по следам, быть может, еще не известного преступника, забывая, что прежде чем идти по следам преступника, бывает нужным сначала удостовериться, что преступление действительно совершено». В связи с чем автор предлагал считать самостоятельной функцией расследования до предъявления обвинения»²⁴.

Попытку обосновать и сконструировать функцию уголовного преследования как неравнозначную обвинению, а также расследованию дела предпринял А.М. Ларин. По его мнению, «обвинение является одной из форм функции уголовного преследования, причем основной формой. Уголовное преследование прекращается при прекращении уголовного дела или постановлении приговора»²⁵.

Несмотря на множество мнений относительно соотношения функции уголовного преследования и функции обвинения, большинство процессуалистов используют термин «функции обвинения» и определяют её как направление уголовно-процессуальной деятельности по изобличению лица, виновного в совершении преступления.

Согласно данной позиции, функция обвинения начинается осуществляться с момента появления в уголовном процессе обвиняемого и не охватывает всю процессуальную деятельность, предшествующую этому моменту. Поэтому, по нашему мнению, следует говорить о более широком по содержанию направлении уголовно-процессуальной деятельности, таком как уголовное преследование. Что касается функции предварительного следствия (расследования, исследование обстоятельств дела), то, на наш взгляд, введение в научный оборот данной функции в качестве основной является неправильным, поскольку её существование фактически

маскирует инквизиционность досудебных стадий процесса, так как она предполагает, что функции уголовного преследования, защиты и юстиции соединены в руках одного субъекта уголовного процесса – следователя, только прямо об этом не говорит, а называет соединение трех основных процессуальных функций функцией предварительного следствия. Что в рамках состязательного процесса просто недопустимо.

Поэтому, использовать функцию предварительного следствия (или как её еще называют функция предварительного расследования, исследование обстоятельств дела) для обозначения направления уголовно-процессуальной деятельности по выявлению и изобличению лиц, виновных в их совершении, мы не можем, так как это неправильно, о чем было сказано выше. И вообще данная функция в рамках состязательного процесса не имеет смысла.

В связи с этим, мы поддерживаем позицию ученых-процессуалистов, которые считают, что следует говорить о функции уголовного преследования, а не о функции обвинения. Во-первых, функции уголовного преследования шире, чем функции обвинения по своему содержанию. Так как функция уголовного преследования начинает осуществляться с момента возбуждения уголовного дела независимо от того, в отношении конкретного лица либо по факту совершенного преступления, и завершается при прекращении уголовного дела, в том числе, и на этапе досудебного производства как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям, или с момента вступления приговора в законную силу. Также, если мы обратимся к этимологическому значению слов «преследовать» и «обвинять, обвинение», то мы еще раз убедимся, что слово «преследовать» шире по своему значению, нежели слово «обвинять или обвинение».

Так, словарь С.И. Ожегова выделяет следующие значения слова «преследовать»: 1) следовать, гнаться за кем-нибудь с целью поимки, уничтожения (преследовать врага, преследовать зверя); 2) (в переносном смысле) неотступно следовать за кем-нибудь; 3) (в переносном смысле) не оставлять в покое, мучить (о мысли, чувстве, образе и т.п.) подвергать чему-нибудь неприятному, донимать чем-нибудь, угнетать, притеснять, подвергать гонениям; 6) стремиться к чему-нибудь (например, преследовать благородные цели)²⁶.

Слово «обвинять» означает выступать на суде в качестве обвинителя, а «обвинение» толкуется С.И. Ожевым как 1) признание виновным в чём-нибудь, приписывание кому-нибудь какой-нибудь вины; 2) юридические действия, направленные на доказательство виновности того, кто привлекается

к уголовной ответственности 3) обвиняющая сторона в судебном процессе.

Во-вторых, по нашему мнению, в основе функции уголовного преследования лежит обвинение, что определяет соотношение функции уголовного преследования и функции обвинения как общее с частным.

По нашему мнению, под функцией уголовного преследования следует понимать направление уголовно-процессуальной деятельности по установлению события преступления, выявлению и изобличению лица, его совершившего.

В связи с этим, более правильно говорить о функции уголовного преследования, а не о функции обвинения, и употреблять термин «функция уголовного преследования», а не термин «функция обвинения».

Теперь перейдем к рассмотрению функции юстиции. В теории уголовного процесса существуют в основном два понятия, обозначающие направление уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемое судом, – это функция разрешения уголовного дела и функция правосудия.

По мнению некоторых ученых-процессуалистов, нет оснований рассматривать в качестве самостоятельной функцию разрешения уголовного дела. Так, например, Л.А. Мариупольский и Г.Р. Гольст считают, что единой и для следователя, и для суда функции разрешения дела не существует. Суд, решая дело и вынося приговор, осуществляет правосудие. Содержание функции правосудия значительно богаче и многообразнее той, которая ныне охватывается понятием разрешения дела²⁷. Такой же точке зрения придерживались Я.О. Мотовилков и П.А. Лупинская²⁸.

П.С. Элькинд, напротив, полагает, что разрешение уголовного дела является самостоятельной уголовно-процессуальной функцией, осуществлять которую уполномочен только суд, поскольку, «во-первых, ...в смысле распределения прав и обязанностей между различными участниками уголовного процесса, в смысле их правового положения функция рассмотрения и разрешения уголовного дела, как таковая, вручается только суду. Разрешение уголовных дел другими органами государства (путем их прекращения) – возможный результат осуществления других процессуальных функций (например, расследования)»²⁹.

Мы считаем, что функция правосудия шире, чем функция разрешения дела, и в этом мы согласны с Л.А. Мариупольским, Г.Р. Гольст, Я.О. Мотовилковым и П.А. Лупинской, так как назначением суда является не только вынесение решения по конкретному уголовному делу, но и предшествующая де-

тельность суда (подготовка к судебному заседанию, предварительное слушание, судебное разбирательство) и последующая, связанная с проверкой законности и обоснованности постановленного приговора. Понятие правосудия шире, чем просто рассмотрение уголовного дела, хоть по значимости разрешение дела – это основа правосудия. Однако правосудие возможно лишь в судебных стадиях. Наряду с этим на досудебных стадиях суд также принимает участие, например, принимает меры, ограничивающие конституционные права и свободы личности, рассматривает и разрешает жалобы на незаконные действия и решения органов, ведущих производство по уголовному делу. В связи с этим, использовать понятие правосудия для обозначения функции, которая осуществляется судом, неверно, так как она не охватывает весь уголовный процесс, а касается лишь судебного производства. По нашему мнению, данное направление уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемое судом, охватывается таким понятием, как функция юстиции.

Под функцией юстиции С.Д. Шестакова понимает направление деятельности, состоящее в принятии решений о привлечении лица в качестве обвиняемого и прекращении дела на подготовительном этапе и осуществлении правосудия на этапе разрешения дела по существу³⁰.

В свою очередь, К.Б. Калиновский и А.В. Смирнов считают, что функция юстиции – направление уголовно-процессуальной деятельности, состоящее в разрешении юрисдикционных вопросов по уголовному делу³¹.

Также А.В. Смирнов полагает, что прерогативу суда в состязательном уголовном процессе должны составлять следующие направления деятельности: принятие решений о ходе процесса, легализация фактических данных в качестве доказательств в ходе следственных действий, контроль процессуального ограничения конституционных прав и предъявления обвинения³².

С.Д. Шестакова тоже придерживается данной позиции, относительно содержания функции юстиции,³³ однако включает в неё рассмотрение и разрешение жалоб на незаконные действия и решения органов, осуществляющих уголовное преследование.

С приведенными выше позициями мы согласны и, принимая во внимание их, считаем, что функция юстиции – это направление уголовно-процессуальной деятельности по отправлению правосудия, в основе которого лежит разрешение уголовного дела по существу, а также по легализации доказательств, полученных в ходе проведения следственных действий, по разрешению вопросов об утверждении обвинения, выдвигаемого органами уголовного преследо-

вания, по рассмотрению и разрешению жалоб на незаконные действия и решения органов, осуществляющих уголовное преследование, по контролю применения мер уголовно-процессуального принуждения и контролю ограничения конституционных прав и свобод граждан.

Функция уголовного преследования и функция юстиции являются процессуальными альтернативами друг друга, так как это связано, прежде всего, со смешением данных функций. Таким образом, наиболее важным и сложным аспектом в теории уголовного процесса является последовательное разграничение функций уголовного преследования и юстиции.

Так, по мнению С.Д. Шестаковой, с которой мы полностью согласны, существуют правила, характеризующие состязательную форму уголовного процесса. Во-первых, сторона обвинения не вправе принимать решения, порождающие или прекращающие процессуальные отношения со стороной защиты. Во-вторых, суд не может осуществлять деятельность, составляющую содержание уголовного преследования. Ответственность суда за всестороннее и полное исследование обстоятельств дела противоречит состязательным началам и является элементом розыска³⁴.

Противоположного мнения придерживаются, например, Т.Н. Добровольская, Я.О. Мотовиловкер³⁵.

По нашему мнению, вопрос о разделении функций уголовного преследования, защиты и юстиции возникает тогда, когда в уголовном процессе появляется подозреваемый или обвиняемый, в отношении которого ставится вопрос о применении мер уголовно-процессуального принуждения, связанных с уголовным преследованием. В этом случае, у подозреваемого, обвиняемого возникает право на защиту. Для достижения балансов процессуальных статусов этих участников процесса требуется разделение процессуальных функций. Оно предполагает обязанность органов уголовного преследования обосновывать достаточность обвинительных доказательств для придания лицу статуса подозреваемого или обвиняемого. Приобретение лицом статуса подозреваемого или обвиняемого является одним из условий применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения, а также основанием для ряда ограничений в иных сферах общественной жизни (например, отстранения от должности). Не может идти речи о равенстве процессуального положения органов уголовного преследования и лица, в отношении которого поставлен вопрос о привлечении к уголовной ответственности, если органы уголовного преследования, собирая улики (то есть выполняя функцию уголовного преследования),

сами же решают вопрос об их достаточности для применения мер уголовно-процессуального принуждения или предъявления официального обвинения (то есть выполняют функцию юстиции)³⁶.

Мы считаем, что разделение функций уголовного преследования и юстиции происходит за счет того, что вопрос о достаточности оснований для применения мер процессуального принуждения или для предъявления официального обвинения

разрешает суд. Это является условием достижения формального равенства процессуального положения органов уголовного преследования и лица, в отношении которого поставлен вопрос о привлечении к уголовной ответственности.

Таким образом, равенство процессуальных статусов сторон обвинения и защиты обеспечивается разделением основных процессуальных функций на всех этапах уголовного судопроизводства.

Примечания

1. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса, М., 1968. Том 1. С. 65.
2. *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С.54.
3. *Даев В.Г.* Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве. Известия вузов. Правоведение. 1974. № 1. С. 66.
4. *Шпилев В.Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства, Минск. 1974. С. 68.
5. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 188-189.
6. *Бородин С.В.* Советский уголовный процесс. Учебник для вузов. М. 1982. С. 7.
7. *Савицкий В.М.* Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 43-44.
8. *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 47-48.
9. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т.1. М., 1986. С.197-198.
10. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т.1. М., 1986. С.200.
11. *Ларин А.М.* Расследование по делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 14.
12. Цит. Советский уголовный процесс. Учебник. Под ред. Н.С. Алексеева, В.З.Лукашевича. Л., Изд-во ЛГУ, 1989. С.86 - 87.
13. *Шпилев В.Н.* Указ. соч. С. 59, 67 - 68.
14. *Элькинд П.С.* Указ. соч. С. 59 - 69.
15. *Рахунов Р.Д.* Указ. соч. С. 10-11.
16. *Мариупольский Л.А., Гольст Г.Р.* К вопросу о процессуальных функциях следователя. Сов. гос. и право. 1963. № 6. С. 112-116. С. 114.
17. *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М, 1951. С. 156.
18. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 25, 38; *Лупинская П.А.* Уголовный процесс. М., 1995. С. 48; *Халиулин А.Г.* Проблемы осуществления уголовного преследования. Вестник Нижегородского университета. 1997. С. 115.
19. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 88-89; *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.И.* Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 69-70; *Еникеев З.Д.* Актуальные вопросы уголовного преследования в свете судебно-правовой реформы. Известия вузов. Правоведение. 1995. № 4-5. С. 86; *Лобанов А.П.* Функции уголовного преследования и защиты в Российском судопроизводстве, - Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 21.
20. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т.1. М., 1968. С. 190.
21. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М, 1951. С. 88 – 89.
22. *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.И.* Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 69-70.
23. *Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З.* Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1997. С.57.
24. *Полянский Н.Н.* Очерк развития Советской науки уголовного процесса. М., 1960. С. 115.
25. *Ларин А.М.* Указ. соч. С. 38.
26. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Под ред. Шведовой. М.: Русский язык, 1997. С.505.
27. *Мариупольский Л.А., Гольст Г.Р.* К вопросу о процессуальных функциях следователя. Сов. гос. и право. 1963. № 6. С. 114.
28. *Мотовиловкер Я.О.* О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. С. 65; Уголовный процесс. Учебник. Под общей ред. П.А. Лупинской. М., 1995. С. 50 и др.
29. *Элькинд П.С.* Указ. соч. С. 63-64.
30. *Шестакова С.Д.* Состязательность уголовного процесса. СПб, 2001. С.24.
31. *Калиновский К.Б.* Законность и типы уголовного процесса. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 74,

- 148; Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб, 2000. С. 50-52, 216-217.
 32. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб, 2000. С. 50-58.
 33. Шестакова С.Д. Метод Российского уголовно-процессуального права: от инквизиционности к состязательности. СПб, 2003. С.79.
 34. Шестакова С.Д. Указ. соч. С.80.
 35. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С.138; Мотовиловкер Я.О. О принципе объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. С. 65
 36. Шестакова С.Д. Указ. соч. С.81.

O.M. EFREMOVA

**FUNCTION OF JUSTICE AND FUNCTION OF CRIMINAL PROSECUTION
AS PROCEDURAL ALTERNATIVES**

This article gives concept «criminal - procedural functions», « function of justice» and «function of criminal prosecution» and opens their essence. Also different views of scientists on the criminal - procedural functions are considered and analyzed. The article gives an explanation why function of justice and function of criminal prosecution are procedural alternatives each other.

Key words: *procedural functions, inspector, criminal trial, competitiveness principle.*

Ю.Е. ЖИРОНКИНА

адъюнкт кафедры конституционного и муниципального права Московского университета
МВД России, лейтенант полиции

E-mail: kileria@rambler.ru

Тел. 8 926 854 47 94, 8 920 289 56 89

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ МЕДИЦИНСКОЙ ТАЙНЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Законодательно гарантируется конфиденциальность медицинской тайны. Однако имеются факты ее нарушения, в том числе в деятельности органов внутренних дел. Для преодоления данной проблемы необходимо формирования единой службы защиты информации различных категорий, фактической персональной ответственности осведомленных лиц.

Ключевые слова: медицинская тайна, органы внутренних дел, частная жизнь, конфиденциальная информация, соблюдение и защита прав человека, персональная ответственность.

Сегодня во всем мире информация, становясь одним из основных ресурсов, имеет самую высокую ценность. Разглашение сведений, подпадающих под категорию «тайна», может нанести существенный вред правам и законным интересам человека и гражданина. Конституция РФ гарантирует каждому неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Основы конституционно-правового регулирования частной жизни составляют положения статьи 23 Конституции РФ.¹ Частная жизнь представляет собой жизнедеятельность человека в особой сфере общественных отношений, не подлежащих контролю со стороны государства, гарантированную возможность доверить свои личные и семейные тайны конкретному субъекту без опасения их разглашения. «Неприкосновенность» и «тайна» – понятия, характеризующие природу данного института.

Необходимо отграничить тайны исключительно личные, никому не доверенные, и тайны профессиональные, например, личные тайны, доверенные врачам. Вынужденная необходимость разглашения сведений о частной жизни граждан возникает в трех основных областях: борьбы с преступностью; защиты здоровья человека; при возникновении чрезвычайного и военного положения.²

По нашему мнению, медицинская тайна по содержанию шире, чем врачебная тайна. Отличие состоит в субъекте, обязанном хранить тайну. По смысловому значению, врачебную тайну должны сохранять врачи, а медицинскую – все медицинские работники.

Данная тайна, сформулированная в п. 6 ч. 1 ст. 30 и ст. 61 Основ законодательства об охране здоровья граждан, включает данные о факте обращения за медицинской помощью, о диагнозе болезни и лечении, его методах, о состоянии здоровья (исключение составляет общая оценка состояния здоровья высших должностных лиц государства), физических и психических недостатках лица, его половой ориентации. Закон допускает ограниченные случаи, когда сведения о болезни граждан в общественных интересах должны быть сообщены, а именно: когда этого требуют интересы охраны здоровья населения либо когда поступают законные требования следственных и судебных органов. В первом случае это необходимо для предотвращения массовых заболеваний населения данной местности особо тяжелыми формами болезней, а во втором случае сведения о больном необходимы для установления истины по некоторым категориям дел. Однако в обоих случаях информация о больном и его фамилия не должны оглашаться для всеобщего сведения.

Наиболее информативной в части процентного содержания сведений ограниченного распространения является деятельность, связанная с информированием ОВД лицами, осуществляющими сотрудничество с ними на конфиденциальной основе, а также сотрудниками ОВД, оперативно внедряемыми в организации, по отношению к которым имеются реальные предположения, что они занимаются преступной деятельностью. Существенный приток сведений, составляющих медицинскую тайну, в ОВД дают также такие оперативно-розыскные мероприятия, как наведение справок, наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, осуществляемые в ходе деятельности по выявлению, рас-

¹ Конституция Российской Федерации. По состоянию на 2011 год. С комментариями юристов. М.: Эксмо, 2011. С.13.

² Права человека: энциклопедический словарь. Отв. ред. С.С. Алексеев. М.: Норма, 2009. С.288.

© Ю.Е. Жиронкина

крытию и пресечению преступлений.

Существенные поступления данных сведений в ОВД дает также служебная переписка, осуществляемая ими с иными государственными органами, государственными и негосударственными организациями и учреждениями. Значительный объем подобной информации аккумулируется ОВД также в ходе проведения предварительного расследования по уголовным делам.

Специфическим свойством сведений, составляющих медицинскую тайну, является то, что степень их конфиденциальности изначально не предопределяется. Зачастую они попадают в ОВД в потоке общей переписки открытого характера, и серьезные меры к их неразглашению не применяются.

Закон устанавливает ответственность за нарушение врачебной тайны лица, допустившего подобное нарушение (дисциплинарная, административная или уголовная ответственность), так и самого медицинского учреждения (гражданско-правовая ответственность). Так, например, в феврале 2011 года в г. Алматы было возбуждено уголовное дело по статье 137 УК РФ за разглашение врачебной тайны в отношении теперь уже бывшего хирурга ГKB №4 Адила Кельдыбаева. Во время предварительных слушаний Кельдыбаев признал, что разгласил конфиденциальную информацию о своем пациенте Дмитрии Данилове в редакции газеты. При этом хирург пояснил, что разглашал указанную информацию не для печати. Однако к уголовной ответственности врач может быть привлечен не только в случае публикации конфиденциальной информации, составляющей врачебную тайну, но и при ее разглашении хотя бы одному постороннему лицу без согласия пациента.³ Тем не менее, как показы-

вает практика, фактов по привлечению лиц, распространивших сведения, составляющие медицинскую тайну, ничтожно мало.

Необходимо подчеркнуть, что руководители медицинских учреждений должны помнить о необходимости сохранения врачебной тайны и об основаниях, дающих законное право на ее разглашение. Им следует доводить эту информацию до сведения всех подчиненных им сотрудников, от врачей-специалистов до регистраторов, так как сохранение врачебной тайны является правовой обязанностью и моральным долгом каждого работника медицинского учреждения. Этими же принципами должны руководствоваться сотрудники ОВД в ходе выявления, пресечения, раскрытия и расследования противоправных деяний с целью осуществления эффективной деятельности и недопущения нарушения прав и законных интересов человека и гражданина.

Следует отметить, что существующие охранительные меры применяются в отношении государственной тайны и фактически не распространяются на охрану сведений о частной жизни, в число которых входит и медицинская тайна, в силу малозначительности. Несмотря на это, неумолимо происходит нарушение прав и законных интересов человека и гражданина, что противоречит целям деятельности правоохранительных органов. Однако, на возможность эффективного решения задач по сохранности сведений, составляющих личную тайну, в ОВД существенное влияние оказало бы формирование единой службы, которая отвечала бы за весь комплекс мероприятий по защите информации различных категорий в их деятельности, а также фактическая персональная ответственность лиц, работающих с такими данными.

3 Т. Азамат. Кельдыбаев признал, что тайну разгласил. Деловая газета «Взгляд» от 23.02.2011 года. №07 (189)

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. По состоянию на 2011 год. С комментариями юристов. М.: Эксмо, 2011. 80 с.
2. Большой юридический словарь. Под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2009. 704 с.
3. Карпов А. В. Конституционное право России. М.: Омега-Л, 2011. 204с.
4. Козлова Е.И. Кутафин О.Е. Конституционное право России. М.: Проспект, 2010. 608 с.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). Бархатова Е.Ю. М.: Проспект, 2010. 256 с.
6. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного суда России. 2-е изд., доп. М.: Формула права, 2008. 688 с.
7. Права человека: энциклопедический словарь. Отв.ред. С.С. Алексеев. М.: Норма, 2009. 656 с.

Y.E. ZHIRONKINA

PROBLEMS OF PROTECTION OF MEDICAL SECRET IN ACTIVITY
OF LAW-ENFORCEMENT BODIES

Confidentiality of medical secret is legislatively guaranteed. However there are facts of its infringement, including the activity of law-enforcement bodies. For overcoming of the given problem it is necessary to organize one protection service for information of different categories, actual personal responsibility of the informed persons.

Key words: medical secret, law-enforcement bodies, a private life, the confidential information, observance and protection of human rights, personal responsibility.

Е.А. ЗАГУДАЕВ

аспирант кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета

E-mail: Zagudaev@freemail.ru

Тел. 8 960 697 41 99

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СВОДА ЗАКОНОВ ГРАЖДАНСКИХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1832 ГОДА (ГРАЖДАНСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТОРОНА)

В данной научной статье рассматриваются итоги работы Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии по систематизации гражданского процессуального законодательства Российской империи во второй четверти XIX века, а именно проведена подробная характеристика Свода законов гражданских 1832 года в части гражданских процессуальных норм.

Ключевые слова: систематизация, законодательство, Свод, гражданский процесс, империя.

В числе основных проблем оценки Свода законов Российской империи находился вопрос о преемственности Свода законов гражданских и изданных ранее гражданских узаконений, о его историчности – соответствии между содержанием Свода законов гражданских и его нормативными основаниями-законодательными источниками. Эта проблема неоднократно поднималась в русской юридической литературе второй половины XIX – начала XX вв. и являлась предметом жесточайших научных споров. Но авторы так и не пришли к единому мнению. Наиболее тяжкое обвинение против Свода состояло в том, что «...законы эти изготавливались при непосредственном участии того же Сперанского, именно в виду сводных работ, и представляли собою свободное заимствование из западных образцов...»¹. Доказательством чужеземного происхождения законов выставилось представление о личности М.М. Сперанского. Как известно, в первый период своей деятельности, Сперанский «...был напитан наполеоновскими идеями, был большим поклонником Франции и не давал никакой цены отечественному законодательству, называл его даже варварским и находил совершенно бесполезным и лишним обращаться к его пособию. В это время он составил проект Уложения, представляющего собой ничто иное, как переложение и иногда буквальный перевод Code Civil»².

Однако, эти нападки на Сперанского представляются просто абсурдными. К тому же отсутствуют какие-либо данные, говорящие о внесении Сперанским в Свод законов «чуждых для России» норм европейского права. Как нам представляется,

Сперанский при составлении Свода законов гражданских не имел ни явной, ни тайной целью ломку российского и внедрение зарубежного законодательства. Итак, следует признать, что Свод законов гражданских 1832 года соответствует своим историческим законодательным источникам. Обратим внимание на нормы гражданского процесса в Своде законов гражданских. Часть II Свода первоначально содержала 2 книги (5 и 6). Книга пятая. О тяжбном судопроизводстве. Часть I. О тяжбе вообще. Часть II. Производство в первых трех инстанциях. Часть III. Производство, рассмотрение и решение тяжбы в высших ступенях суда. Часть IV. Изъятия в общем судопроизводстве. Часть V. Об исполнительном судопроизводстве. Часть VI. Судопроизводство по межевым делам. Книга шестая. Учреждение гражданских судебных мест. Однако после особой ревизионной проверки в период с апреля 1828 по май 1832 года Часть II Свода законов гражданских содержала уже 3 книги. Составители Свода не внесли в него ничего нового, а лишь привели в единообразие весь накопленный с 1649 г. и действующий законодательный материал. Сходство некоторых статей Свода законов гражданских с положениями иностранных законодательств не является результатом заимствования. Положения таких статей скорее свидетельствуют о сходстве с другими странами содержания регулируемых правом различных процессов, которые закреплялись в гражданском праве. Далее необходимо исследовать Свод законов гражданских как форму систематизации, что является необходимым элементом его историко-юридической характеристики. Ряд авторов XIX–XX вв. Л.А. Кассо, Г.Ф. Шершеневич, С.В. Пахман, А.Э. Вормс, В.Б. Ельяшевич, А.Н. Иодковский,

1 Шимановский М.В. соч. С. 96.

2 Курдиновский В.И. соч. С. 168.

А.А. Ушаков формой систематизации Свода считали кодификацию и, следовательно, признавали Свод законов кодифицированным правовым актом³. Некоторые авторы: Т.В. Лях, П.К. Бонташ, А.Н. Колесников, Ю.И. Гусев формой систематизации Свода законов признавали инкорпорацию. В связи с этим напомним, что подготовительными к составлению Свода законов гражданских стадиями были именно составление Полного собрания законов Российской империи и, на его основе, составление исторических сводов на соответствующий предмет.

Первое Полное собрание законов состояло в хронологическом собрании всех правовых актов с Соборного Уложения 1649 г. по 12 декабря 1825 г. Следовательно, Полное собрание законов является ничем иным как хронологической инкорпорацией законов. Затем, содержащиеся в Полном собрании законы были систематизированы по предметному признаку: на каждую часть Свода законов, согласно плана его разделения, были приведены относящиеся к ней законодательные акты. Следовательно, второй стадией подготовительных работ являлась предметная инкорпорация законов. Таким образом, подготовкой к составлению Свода законов были хронологическая, затем предметная инкорпорация законодательства. Но составители Свода законов гражданских не остановились на просто предметной инкорпорации законов. Ему была придана несколько иная форма систематизации. Как верно выразился А.Ф. Шебанов «... инкорпорация была проведена настолько своеобразно, что ничего подобного ни до, ни после этого в других странах не проводилось»⁴. Завершением работ по составлению Свода законов было составление его статей. Из всех законов извлекались и слагались воедино действующие нормы права, устранялись противоречия и повторения.

В статьях, как правило, объединялось содержание сразу нескольких законов, что доказывают приведенные под ними многочисленные ссылки. Таким образом, по мнению некоторых ученых, завершающим этапом стала консолидация узаконений по отраслям. Однако консолидация законодательства в теории права предполагает объединение нескольких правовых актов в один укрупненный акт по определенному вопросу, правовому институту, но не по всей отрасли права в целом. Исходя из этого, следует сделать вывод о том, что завершающим этапом систематизации гражданского процессуального законодательства в виде Свода законов гражданских была не консолидация. Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что Свод законов гражданских – это акт систематизации законодательства в форме сначала тематической инкорпорации, которая завершилась отраслевой кодификацией. После издания Свода законов Российской империи 1832 г. новый законодательный материал также нуждался в систематизации. Сначала новое законодательство концентрировалось в периодически издаваемых продолжениях к Своду законов, а затем вносилось в сам Свод. В таком порядке на свет появились Своды законов гражданских последующих годов. Противоречащие новым законам статьи Свода отменялись, изменялись или дополнялись новыми положениями.

Свод законов гражданских, созданный в рамках общеимперского Свода, создал условия для дальнейшего совершенствования регулирования соответствующих отношений в стране, возможности для проведения кодификации, повысил уровень законности в деятельности государственных учреждений и правоприменительной практике, составил основу изучения российского права в учебных заведениях и оказал значительное влияние на развитие и становление русской цивилистики. Систематизация гражданского процессуального законодательства имела позитивное значение для развития юридической сферы жизнедеятельности российского общества.

3 Кассо Л.А. К истории Свода законов гражданских. Журнал Министерства юстиции. 1904. № 3. С. 53.

4 Шебанов А.Ф. Из опыта создания Полного собрания законов и Свода законов в дореволюционной России. Правоведение. 1967. № 2. С. 96.

Библиографический список

1. Общая теория права и государства. Под ред. В.В. Лазарева. М., 1996. 517 с.
2. Курдиновский В.И. Что такое наш Свод законов гражданских. Журнал министерства народного просвещения. 1900. № 1. С. 167-177.
3. Шимановский М.В. О значении Свода законов Российской Империи для науки и жизни. Одесса, 1889. 191 с.
4. Кассо Л.А. К истории Свода законов гражданских. Журнал Министерства юстиции. 1904. № 3. С. 53.
5. Шебанов А.Ф. Из опыта создания Полного собрания законов и Свода законов в дореволюционной России. Правоведение. 1967. № 2. С. 96.
6. Свод Законов Российской империи, т.Х. СПб., 1832.

E.A. ZAGUDAEV

THE ISTORIKO-LEGAL CHARACTERISTIC OF THE CODE OF LAWS CIVIL
IN THE RUSSIAN EMPIRE OF 1832 (THE CIVIL REMEDIAL PARTY)

In the given scientific article it is considered results of work of the Second branch of own its imperial majesty of office on ordering of the civil remedial legislation of the Russian empire in the second quarter of a XIX-th century, namely the detailed characteristic of the Code of laws of civil 1832 regarding a civil legal procedure is spent.

Key words: *ordering, the legislation, the Arch, remedial civil law, empire.*

Д.А. КУЗИН

аспирант кафедры административного и муниципального права Орловского государственного университета

E-mail: dimk_189@mail.ru

Тел. 8 920 825 39 97

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу и сравнению организации местного самоуправления в современных странах. Автор указывает на возможность использования зарубежного опыта при реформировании системы местного самоуправления, однако отмечает, что в Российской Федерации этот опыт следует использовать с поправкой на российские социально-политические условия и исторические традиции.

Ключевые слова: комитет, муниципальный совет, мэр, орган местного самоуправления, представительный орган, публичная власть.

В современных зарубежных странах местное самоуправление представляет систему децентрализованной организации местного управления, сложившуюся в результате длительного, преимущественно эволюционного, развития. Становление централизованных государств привело к разделению публичной власти на государственную и муниципальную. На основе взаимодействия различных уровней публичной власти обеспечивается достижение эффективного управления делами общества.

Рассматривая развитие однопорядковых групп общественных отношений в различных странах, сравнивая их с современным состоянием в РФ, мы получаем возможность наряду со знакомством с уникальными особенностями различных моделей местного самоуправления выделить ряд общих закономерностей, имеющих общечеловеческое, общегуманитарное значение.

Прежде всего, международный исторический опыт реализации идеи народовластия свидетельствует о постоянном поиске баланса между двумя диалектическими противоположностями – самоуправлением (местным, региональным) и государственностью. Борьба с централизмом и порождаемым им государственным бюрократизмом уходит в глубокое прошлое. Противниками централизованной заурегулированной власти выступают люди разных убеждений, ориентации, которые солидарны в одном: они негативно относятся к явлению, порождаемым централизмом, – якобы единственно рациональная власть есть власть «избранных» на общегосударственном уровне, а собственно управленческие функции предполагают механическое осуществление, – и выступают за создание условий для обеспечения активной жизненной позиции граждан.¹

Органы местного самоуправления составляют один из значительных элементов государственной организации современных стран. Представительные органы (советы, собрания представителей, депутатов) на низовом и среднем уровнях избираются на срок от двух до шести лет. Низовой уровень представляют компактные городские и сельские общины. Основными критериями для получения статуса муниципального образования являются численность населения, историческая значимость, общий уровень развития, наличие экономических предпосылок и т. д.

Крупные города имеют двухуровневую систему местного самоуправления: общегородскую и окружную (районную) – Париж, Брюссель и др. Отдельные города имеют двойной статус: субъекта федерации и муниципального образования (Берлин, Бремен, Гамбург в ФРГ, Вена в Австрии).

Критерии разграничения городских и сельских муниципальных образований по численности населения весьма относительны. В различных странах они находятся в диапазоне от 500 до 2000 человек. Часто на одном уровне находятся «карликовые общины» и общины, которые по числу жителей могут претендовать на более высокий статус.

Представительные органы местного самоуправления выступают ядром муниципального образования. В Великобритании, ФРГ, Франции, США и ряде других стран они называются графскими, городскими, окружными, муниципальными, коммунальными советами.

Во Франции в состав муниципального совета входит от 9 (минимум для коммун, имеющих 100 жителей) до 69 членов (минимум для коммун с населением свыше 300 000 человек). Для Парижа, Марселя и Лиона сделано исключение, числен-

ность муниципальных советов соответственно составляет 163, 101 и 73 члена².

В Австрии численность муниципального совета колеблется от 9 до 45 членов. Советы 15 крупнейших муниципалитетов страны насчитывают до 61 члена. Совет Вены состоит из 100 человек. В Бельгии численность муниципальных советов колеблется от 5 до 55 членов, в Италии – от 15 до 80, в Голландии – от 7 до 45, в Норвегии – от 13 до 85³.

В ФРГ число общинных советников устанавливается до 80. В Англии в состав приходских советов входит от 5 до 21 человека. Крупнейшие городские советы имеют более 150 членов. Такое представительство свидетельствует о создании условий для вхождения в советы представителей различных общественных слоев.

В США в отличие от Великобритании численный состав муниципальных советов определяется вне всякой связи с требованиями и возможностями отображения социальной структуры общества. Средняя численность городских советов в США – пять-семь членов. Характерно, что даже в крупных городах, население которых превышает 500 000 человек, средний состав совета – 13 человек, наиболее распространены советы из 9 выборных. Муниципальные советы графств, как правило, насчитывают три или пять членов, иногда встречаются советы из девяти и совсем редко из 30, 50 и более человек. Население крупнейшего графства Лос-Анджелес в Калифорнии (примерно 6,5 млн жителей) представлено советом из пяти выборных. Крупнейший в США городской совет – чикагский, состоит из 50, а муниципальный совет Нью-Йорка из 35 человека⁴.

Прямая зависимость между сокращением числа выборных и повышением роли исполнительного аппарата очевидна. В былые времена численность муниципальных советов в США была значительно большей – в отдельных случаях советы насчитывали свыше 200 человек.

Традиционными формами работы представительных органов местного самоуправления являются сессии. В муниципальных образованиях низшего звена сессии, как правило, проводятся ежемесячно, среднего звена – раз в три месяца. Имеет место практика проведения внеочередных сессий. Они могут созываться по инициативе соответствующей государственной администрации, определенного числа советников – членов представительного органа или главы исполнительного органа⁵.

Широко распространена практика образования представительными органами постоянных и временных отраслевых, функциональных или территориальных комиссий (комитетов, рабочих групп,

советников). Существующая практика свидетельствует о довольно широком функциональном предназначении комиссий. В странах, где преобладает континентальная (французская) модель самоуправления, основными функциями комиссий являются подготовительная и контрольная. В некоторых странах, где распространены англосаксонская или смешанные модели местного самоуправления, комиссии могут наделяться и распорядительными функциями.

Д. Гарнер достоинством британской системы считает наличие у комитетов возможности руководства многими направлениями муниципальной деятельности. Комитеты фактически играют роль исполнительных органов, которым совет делегирует многие свои полномочия⁶. На наш взгляд, этот опыт целесообразнее применять для немногочисленных муниципалитетов. Двойственное положение комитетов, совмещающих представительные начала с исполнительной деятельностью, создает возможность смягчить обычное противостояние представительных органов и исполнительного звена местного самоуправления.

Современная тенденция смещения центров принятия решений от представительных органов к их административному аппарату в равной степени характерна для всех моделей организации местного самоуправления.

Фактическое положение каждого из муниципальных органов определяется, прежде всего, его компетенцией, а также функциональной связью выборных коллегий и исполнительных органов.

В ФРГ, исходя из особенностей строения исполнительного аппарата и взаимоотношений исполнительных органов с представительными, можно выделить следующие типы муниципальной организации, применяемые в разных землях: совет – обербургомистр (бургомистр); совет – магистрат (коллегиальный исполнительный орган); совет – общинный директор – комитет по управлению; собрание жителей общины.

В США в результате эволюционного развития местного самоуправления сложились три основных формы: «мэр – совет», «совет – менеджер», «комиссионное управление». Традиционной является форма «мэр – совет». До сих пор она продолжает оставаться наиболее распространенной.⁷

Следует отметить, что тенденция к усилению бюрократического начала свойственна в той или иной мере всем названным формам. Хотя в законодательстве о местном самоуправлении декларируется ведущая роль общинных советов, на деле ключевые позиции переходят к коммунальной бюрократии. Свидетельством этого являются многочисленные

примеры фактического отстранения советов от решения наиболее важных вопросов. Они лишены возможности самостоятельного назначения на должности – в подавляющем большинстве случаев назначения могут осуществляться по согласованию с бургомистром. На практике советы большей частью вообще не участвуют в решении вопроса о должностных назначениях, отдавая его на откуп бургомистрам и общинным директорам. Ограничены права советов в бюджетной сфере, они не имеют эффективных средств для осуществления контроля за деятельностью исполнительных органов.

Усиление роли бургомистра как главы муниципального аппарата заметно во всех сферах коммунальной деятельности. Как правило, бургомистры одновременно являются председателями советов, обладают правом опротестования решений совета и в связи с этим – приостановления их исполнения. Бургомистр является распорядителем финансов, к его исключительному ведению относятся вопросы, делегируемые общине аппаратом земель. Доминирующее положение бургомистра объясняется также и тем, что он – не только высшее должностное лицо местных органов управления, но и представитель центральной администрации земель. Именно поэтому совет избирается на меньший период времени, чем бургомистр. Такой вариант преемственности обеспечивает стабильность проведения политики органов управления земель и федерации.

В модели «совет – обербургомистр (бургомистр)» можно увидеть значительное сходство с американской формой «сильный мэр – слабый совет». Необходимо отметить, что в ФРГ в отличие от США фактически изжита система типа «сильный совет – слабый бургомистр». При сохранении ряда внешних признаков (например, избрание не населением, а советом), фактическое его положение не менее весомо, чем в случаях избрания непосредственно населением. В США такая форма руководства получила широкое распространение в крупных городах. Но у нее есть свои недостатки. Большая концентрация полномочий у мэра создает основу для напряженных и даже конфликтных отношений между ним и советом. Другая проблема возникает из-за совмещения мэром функций политического и административного руководства. Сильный в политическом отношении мэр может не обладать способностями и профессиональной подготовкой, необходимыми для эффективного управления административным аппаратом. Напротив, у мэра с качествами хорошего управляющего может не хватать черт политического лидера. В ряде городов эта проблема находит частичное разрешение с помощью введения в систему управления долж-

ности главного администратора, подотчетного мэру и обеспечивающего оперативное руководство работой муниципального аппарата.⁸ Вышеописанный опыт, по нашему мнению, следует учесть при реформировании местного самоуправления в РФ.

Принижена роль совета и в модели «совет – магистрат». Магистрат – коллегиальный исполнительный орган, избираемый коммунальным представительством из своей среды, состоит из бургомистра, штатных советников и советников на общественных началах. Бургомистр и штатные советники избираются на срок шесть лет, т. е. на срок, в 1,5 раза превышающий время полномочий представительного органа и членов магистрата на общественных началах. О реальных возможностях исполнительного звена в этом муниципальном механизме свидетельствует наличие у магистрата права опротестования решений собрания депутатов, а у бургомистра – возможности делегировать полномочия совета магистрату.⁹

Форма управления «совет – менеджер» или «совет – директор – комитет по управлению» является американским нововведением в практику муниципального управления и для ФРГ является относительно новым. Она возникла в начале XX в. на волне реформистского движения прогрессистов. В противовес «городской политике» реформаторы-прогрессисты выдвигали принципы профессионализма, «эффективности» и «экономии» в управлении. Образцом для них служили формы и методы управления, используемые в частном бизнесе.¹⁰

Результатом практического воплощения этих воззрений стало использование в городском управлении системы «совет – менеджер», строящейся по аналогии с формами руководства частными корпорациями, управляемыми профессиональными менеджерами под контролем советов директоров.

Для данной разновидности муниципального управления характерен небольшой состав советов (пять – девять членов). Советники избираются без участия партий от города в целом. За советом закрепляются все нормотворческие функции и формирование общей политики муниципалитета. Наряду с этим важнейшей задачей совета является поиск и назначение на определенный срок (как правило, на четыре года) главного администратора (менеджера), на которого и возлагается ответственность за практическую организацию руководства муниципальным аппаратом. Менеджеры являются профессиональными чиновниками, прошедшими специальную подготовку и имеющими опыт работы в сфере городского управления.

Менеджеру дается право подбирать руководите-

лей важнейших департаментов и служб, утверждение которых в должности осуществляется советом. Второстепенные чиновники назначаются самим менеджером. Он непосредственно направляет и координирует деятельность всех подразделений муниципального аппарата, докладывает совету о состоянии дел в городе и вносит свои предложения, подготавливает проект бюджета, участвует в заседаниях совета с правом совещательного голоса.

При этой системе управления формально сохраняется должность мэра, но он выполняет в основном представительские функции и председательствует на заседаниях совета. У него полностью отсутствуют административные полномочия и нет права вето. Круг выборных должностей при данной системе обычно ограничивается только членами муниципального совета, что делает управление административным аппаратом более интегрированным.

Система «совет – менеджер» получила в США широкое распространение. В настоящее время она преобладает в городах с населением от 25 до 250 тыс. человек и немногим уступает системе «мэр – совет» среди городов с числом жителей от 5 до 25 тыс. и от 250 до 500 тыс.¹¹

Институт муниципальных менеджеров (управляющих) в наши дни применяется во многих стра-

нах как континентальной, так и англосаксонской моделей местного самоуправления, например, в Норвегии, Швеции, Финляндии и др. В настоящее время данная система управления стала применяться и в РФ. Данный положительный опыт нельзя не отметить.

Сравнение организации местного самоуправления в современных странах свидетельствует, что в тех или иных модификациях находят отражение вышеприведенные модели. В большинстве стран могут существовать одновременно все известные модели. Историческая и географическая преемственность в организации муниципальных органов ни в какой степени не создает условий, противодействующих современным процессам оптимизации управления на местах.

По нашему мнению, зарубежный опыт построения системы органов местного самоуправления, свидетельствующий о многообразии форм организации муниципального управления, не может остаться не исследованным при формировании эффективной системы местного самоуправления. В РФ этот опыт должен использоваться при реформировании системы местного самоуправления с поправкой на российские социально-политические условия и исторические традиции.

Примечания

1. Авакьян С.А., Лютцер В.Л., Пешин Н.Л. [и др.] Муниципальное право России. М.: Проспект, 2011. С.69
2. Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право. М.: Манускрипт, 1996. С. 693.
3. Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право. М.: Манускрипт, 1996. С. 693.
4. Барабашев Г. В. Местное самоуправление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 52.
5. Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право. М.: Манускрипт, 1996. С. 695.
6. Гарнер Д. Великобритания: центральное и местное управление. М.: Прогресс, 1984. С. 331.
7. Гладышев А.Г., Иванов В.Н., Савченко Е.С., и др. Под общ. Ред. Иванова В.Н., Патрушева В.И. Муниципальное управление: учебное пособие для вузов. М.: Муниципальный мир, 2002. С. 404
8. Гладышев А.Г., Иванов В.Н., Савченко Е.С., и др. Под общ. Ред. Иванова В.Н., Патрушева В.И. Муниципальное управление: учебное пособие для вузов. – М.: Муниципальный мир, 2002. С. 406.
9. Муниципальное право России. Под ред. А.Н. Костюкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право., 2010. С.645
10. Муниципальное право зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ). / под ред. В.В. Еремяна. М.: Академический Проект; Фонд «Мир». С. 148
11. Гладышев А.Г., Иванов В.Н., Савченко Е.С., и др.; под общ. Ред. Иванова В.Н., Патрушева В.И. Муниципальное управление: учебное пособие для вузов. М.: Муниципальный мир, 2002. С. 407

Библиографический список

1. Авакьян С.А., Лютцер В.Л., Пешин Н.Л. [и др.] Муниципальное право России. М.: Проспект, 2011.
2. Барабашев Г.В. Местное самоуправление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
3. Гарнер Д. Великобритания: центральное и местное управление. М.: Прогресс, 1984.
4. Гладышев А.Г., Иванов В.Н., Савченко Е.С., и др. Под общ. Ред. Иванова В.Н., Патрушева В.И. Муниципальное управление: учебное пособие для вузов. М.: Муниципальный мир, 2002.
5. Муниципальное право зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ). Под ред. В.В. Еремяна. М.: Академический Проект; Фонд «Мир».
6. Муниципальное право России. Под ред. А.Н. Костюкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право., 2010.
7. Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право. М.: Манускрипт, 1996.

D.A.KUZIN

**THE FOREIGN EXPERIENCE OF CONSTRUCTING THE SYSTEM
OF THE LOCAL GOVERNMENT**

The article is devoted to the analysis and comparison of the local government in the contemporary countries. The author points to the possibility of using the foreign experience in reforming the system of the local government, but notes that in the Russian Federation this experience should be used with the adjustment for the social and political conditions and historical traditions.

Key words: committee, municipal council, mayor, local authority, representative body, public authority.

Д.А. ЛУКАШЕВИЧ

аспирант кафедры истории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: demitriyi007@mail.ru

Тел. 8 903 531 59 70

РОЛЬ ОБЩЕСОЮЗНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РАЗРУШЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА СОЮЗА ССР

В статье рассматривается проблема влияния общесоюзных законодательных актов СССР на его разрушение. Автор обосновывает позицию, согласно которой законотворческая деятельность самого Союза ССР стала решающим фактором в возникновении «парада суверенитетов» и, в конечном счете, в прекращении существования союзной федерации.

Ключевые слова: союзные республики, суверенитет, разрушение СССР, законодательные акты.

Разрушению СССР содействовали различные факторы, в том числе и законодательная деятельность самого Союза ССР.

Рассмотрим основные правовые акты общесоюзного уровня, которые оказали свое действительное влияние на разрушение единства союзного государства.

I

Исторически сложилось так, что управление государством осуществлялось общественной организацией – Коммунистической партией Советского Союза. Она была движущей силой при создании СССР и впоследствии стала главной скрепой для сохранения его единства. Поэтому КПСС представляла собой и фундамент, и несущие конструкции союзного государства. Членство в партии руководителей союзных республик являлось своего рода гарантией, что республики не воспользуются правом свободного выхода из СССР.

К 80-м годам XX в. сложился такой порядок, при котором управление союзными республиками осуществлялось соответствующими ЦК союзных республик. Первые секретари республиканских комитетов КПСС входили в Центральный комитет партии, который возглавлял Генеральный секретарь ЦК КПСС. Поэтому посредством ЦК генсек осуществлял руководство всеми союзными республиками, а значит и Союзом ССР в целом. Следовательно, разрушение КПСС привело к разрушению главного канала управления страной и, в конечном счете, поставило под угрозу единство Советского Союза.

Передача управления государством от общественной организации государственным органам, и в первую очередь Президенту СССР, в условиях возрастающего сепаратизма еще более дестабилизировала единство союзных республик. Провозглашенные перестройкой “свобода” и “гласность” стали умело

использоваться руководителями республиканских партийных комитетов союзных республик с целью удовлетворения своих политических амбиций. Страну пропитывали сепаратистские настроения¹. Введение на союзном уровне института президентства стало блестящей возможностью для руководителей республиканских комитетов партии легализовать свою власть. Поэтому, как цепная реакция, стали создаваться посты президентов союзных республик. И хотя на союзном уровне существовал возглавляемый Президентом СССР Совет Федерации, в состав которого входили “высшие государственные должностные лица союзных республик”, управление страной посредством ЦК и посредством Совета Федерации кардинально различалось.

Первому секретарю республиканского комитета КПСС власть принадлежала лишь фактически, а президенту союзной республики – юридически со всеми вытекающими отсюда правовыми возможностями. Первый секретарь напрямую подчинялся генеральному секретарю как руководителю ЦК, а президенту СССР президент союзной республики уже не подчинялся, поскольку первого секретаря избирал Пленум ЦК, а президента избирало население республики, и никакой “должностной лестницы” теперь не существовало. И, наконец, в ЦК не было первого секретаря КП РСФСР (поскольку до 1990 г. в РСФСР не существовало самого республиканского комитета КПСС), а в Совет Федерации по должности входил Президент РСФСР...

Поэтому попытка навести в стране порядок, централизовать государство путем введения поста Президента СССР привела к обратному результату – “разрыхлению” государственного единства СССР.

II

Следует отметить, что существенное влияние на разрушение государственного единства СССР

оказали также законодательные акты союзных республик.

Правовые акты, принятые союзными республиками и затрагивающие вопрос государственного единства СССР, по характеру “притязаний” имели несколько разновидностей. Одна из них – правовые акты, с помощью которых осуществлялась “суверенизация” союзных республик, а попросту – отмежевание их от Союза ССР и, прежде всего, от власти союзного “центра”. Первыми такие акты стали принимать прибалтийские республики, затем к этому процессу с разной степенью «желания» стали подключаться и другие субъекты СССР; другую группу актов составляют правовые акты, с помощью которых осуществлялось разрешение межнациональных конфликтов, возникших между союзными республиками. Лидерами в данном процессе, бесспорно, являются закавказские республики – в первую очередь, Азербайджанская и Армянская союзные республики. Значительная часть принятых ими актов находилась в прямом противоречии с Конституцией СССР, но противоборствующие республики это мало волновало, поскольку в пылу конфликта они отдавали приоритет национальному суверенитету, нежели государственному суверенитету СССР, что, безусловно, напрямую подрывало последний.

Были среди республиканских актов и такие, которые не имели явную цель создать какие-либо правовые последствия, а принимались скорее ради показательной демонстрации “независимости” республик. К данным актам можно отнести межгосударственные соглашения, акты-признания республик друг друга, принятые ими, будучи в составе СССР.

Первая категория актов, как уже упоминалось выше, формировала полнокровную государственность союзных республик. Данный процесс начали прибалтийские республики и, в первую очередь, Эстонская ССР. 16 ноября 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял три важных документа: Закон ЭССР “О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР”²², Декларацию Верховного Совета ЭССР “О суверенитете Эстонской ССР”²³ и Резолюцию Верховного Совета Эстонской ЭССР “О союзном договоре”²⁴.

В Законе содержались изменения, вносимые в Конституцию ЭССР. Часть этих изменений имела явнопровокационный характер. Новая редакция ст. 74 Основного закона Эстонской ССР устанавливала, что “законы и нормативные акты СССР вступают в силу на территории Эстонской ССР после их регистрации в порядке, установленном Президиумом Верховного Совета Эстонской ССР. Верховный Совет Эстонской ССР имеет право при-

останавливать или устанавливать пределы применения законодательного или иного нормативного акта СССР, если этим актом нарушен суверенитет Эстонской ССР или урегулированы вопросы, которые по Конституции Эстонской ССР относятся к ведению Эстонской ССР, либо если в них не учтена специфика республики”.

Таким образом, Эстонская ССР, по сути, оставляла за собой широкий простор для законотворческой деятельности.

Декларация «О суверенитете Эстонской ССР» гласила: “В 1940 году гомогенное в национальном отношении, суверенное Эстонское государство стало составной частью Советского Союза, при этом было предусмотрено сохранение гарантий суверенитета и расцвет нации. Однако внутренняя политика сталинизма и периоды застоя игнорировала эти гарантии и принципы...”

Верховный Совет Эстонской ССР видит лишь один выход из трудного положения – дальнейшее развитие Эстонии должно происходить в условиях суверенитета. Суверенитет Эстонской ССР означает, что ей в лице ее высших органов власти, управления и судебных органов принадлежит высшая власть на своей территории... В соответствии с этим дальнейший статус республики в составе СССР должен быть определен Союзным договором”²⁵.

Как видно, на законодательном уровне впервые был поднят вопрос о пересмотре Договора об образовании СССР 1922 г.

Резолюция, посвященная Союзному договору, предусматривала, что “Верховный Совет Эстонской ССР, основываясь на Декларации о суверенитете Эстонской ССР, входит в Президиум Верховного Совета СССР с предложением разработать Союзный договор и уполномочивает Президиум Верховного Совета Эстонской ССР представлять интересы республики при разработке текста договора”.

Таким образом, Эстонская ССР стала первой союзной республикой, заявившей свои притязания на независимость от Союза ССР. Далее этот процесс приведет к тому, что и в Эстонской ССР, и в других прибалтийских союзных республиках будут приняты акты, законодательно закрепляющие:

- новую государственную символику республик и новое официальное наименование республик, исключаящее употребление слов «советский» и «социалистический»⁶;
- создание собственных вооруженных сил⁷;
- формирование независимого бюджета⁸ и самостоятельной системы налогообложения⁹;
- формирование собственной правовой системы¹⁰, в том числе, введение нового основного закона¹¹, отказ в признании юрисдикции высших

законодательных органов Союза ССР¹²;

- переподчинение органов государственной власти и управления, органов суда и прокуратуры от соответствующих органов СССР органам республики¹³;

- формирование собственной денежной системы¹⁴.

Была заявлена и экономическая самостоятельность прибалтийских республик¹⁵.

В это же время в прибалтийских республиках стала культивироваться точка зрения, что Латвия, Литва и Эстония в 1940 г. потеряли свою государственность, став жертвой “политических игр” между СССР и фашистской Германией. На официальном уровне в этих республиках стали издаваться правовые акты, осуждающие пакт Молотова-Риббентропа и заявляющие о незаконности власти СССР на своей территории¹⁶.

В частности, в одном из актов Эстонской ССР заявлялось: «внешнеполитические и военные акции, предпринятые сталинским руководством Советского Союза против Эстонской Республики в 1940 году, квалифицируются как агрессия, военная оккупация и аннексия Эстонской Республики... включение Эстонии в 1940 году в состав Советского Союза не было правоммерным.

Исходя из вышесказанного и опираясь на неоднократное волеизъявление народа восстановить государственный суверенитет Эстонии парламентским путем, Верховный Совет Эстонской Советской Социалистической Республики п о с т а н о в л я е т:

Признать решение Государственной Думы Эстонии от 22 июля 1940 года – “Декларацию о вступлении Эстонии в Союз Советских Социалистических Республик” – юридически недействительным, поскольку оно не основывалось на свободном волеизъявлении эстонского народа¹⁷.

Что же способствовало принятию таких решений союзными республиками? Как ни странно – активная антисоюзная политика самого союзного «центра».

Известный факт, что в конце 80-х г.г., в период крушения “социалистического лагеря”, разгара межнациональных конфликтов в СССР и дестабилизации общественных отношений некоторые представители руководства СССР, среди которых немало важное место занимал академик А.Н. Яковлев, стали с удивительным рвением вспоминать событие, произошедшее более полувека назад – подписание договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (так называемого “пакта Молотова-Риббентропа”). Причем заинтересованные круги привлекал не столько сам договор, сколько “секретный дополнительный протокол” к нему.

24 декабря 1989 г. вопрос нашел отражение на государственном уровне. В этот день Съезд народных депутатов СССР принял постановление “О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года”¹⁸. В постановлении Съезд указал, что “содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований. Однако как при заключении договора, так и в процессе его ратификации скрывался тот факт, что одновременно с договором был подписан “секретный дополнительный протокол”, которым размежевывались “сферы интересов” договаривавшихся сторон от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Бессарабии.

Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако графологическая¹⁹, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования”.

Удивительно, но, несмотря на отсутствие секретного дополнительного протокола в архивах, и это признает сам Съезд, все-таки им безапелляционно делается вывод, что протокол все равно был, поскольку это косвенно подтверждают документы и дальнейший ход событий. Хорошо, что Съезд не сделал вывод о наличии между СССР и Германией подписанного секретного протокола по поводу проведения в будущем войны с последующим разгромом третьего рейха. Ведь последующее развитие событий это тоже подтверждает...

В скором времени в продаже начинают появляться сборники документов, касающиеся отношений СССР и Германии в предвоенный период²⁰, и в этих сборниках появляется и “секретный дополнительный протокол”²¹ (!), причем не только к договору о ненападении...

Интриги по поводу секретного дополнительного протокола и определения “сфер влияния” в Европе привели, в конечном счете, к подрыву легитимности союзной власти в СССР, поскольку были поставлены под сомнение составляющие элементы легитимности – законность (протокол не соответствует нормам международного права) и поддержка населением (протокол подписан втайне от народа СССР).

Именно новая трактовка известных исторических фактов, данная на высшем государственном уровне СССР, подхлестнула некоторые союзные республики – Латвию, Литву, Эстонию и Молдавию – пересмотреть вопрос добровольности своего вхождения в состав СССР.

В результате, помимо упоминавшегося выше акта Верховного Совета Эстонской ССР, 7 февраля 1990 г. Верховный Совет теперь уже Литовской ССР принимает постановление “О советско-германских договорах от 1939 года и ликвидации их последствий для Литвы”²², в котором указывает, что “Закон СССР “О принятии Литовской Советской Социалистической Республики в Союз Советских Социалистических Республик” от 3 августа 1940 года, основанный на Декларации Народного сейма Литвы от 21 июля 1940 года, является незаконным и юридически Литву не связывающим. Предложить Союзу Советских Социалистических Республик приступить к двусторонним переговорам о восстановлении независимости Литовского государства.”

В свою очередь, в Молдавии 23 июня 1990 г. было принято постановление “О заключении Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 года, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины”.

В конечном счете, прибалтийские республики и Молдавия упорно стремились выйти из состава Советского Союза (а Латвия, Литва и Эстония в итоге это осуществили) под предлогом восстановления государственности, “растоптанной” сталинским “сговором”.

III

Теперь остановимся на рассмотрении нормативных правовых актов союзного уровня, которые напрямую затрагивали вопрос изменения организации государственного единства СССР.

Пожалуй, первым таким актом явился Закон СССР “Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР”²³. В принципе, данный закон был принят после издания аналогичных законов в прибалтийских республиках. Однако непонятно, почему Союз ССР стал потворствовать сепаратистам Прибалтики вместо защиты имеющихся федеративных связей и территориальной целостности государства.

Рассматриваемый закон предусмотрел беспрецедентную норму: “законодательные акты СССР, регулирующие хозяйственные отношения, действуют на территориях указанных республик постольку, поскольку они не препятствуют их переходу на экономическую самостоятельность”. То есть в федеративном государстве центральная власть добровольно передает решение, в сущности, *всех* экономических вопросов части республик. При этом устанавливается, хотя и в определенных пределах, приоритет республиканского правового регулиро-

вания над союзным и в то же время создается заманчивый прецедент для остальных республик, входящих в состав СССР.

Еще одним нормативным правовым актом, подрывающим государственное единство Советского Союза, стал Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409- I “О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР”²⁴.

Данный закон предусматривал достаточно сложную (но обоснованно сложную) процедуру выхода союзной республики из состава СССР. Используя данную процедуру, осуществить выход республики из СССР практически невозможно, поскольку “республиканское” желание независимости на пути к своему воплощению должно было пройти два препятствия – республиканский референдум (на котором за реализацию права на выход из СССР избиратели должны проголосовать квалифицированным большинством голосов не менее двух третей от общего числа граждан СССР, постоянно проживающих на территории союзной республики и имеющих право голоса) и переходный период (не более пяти лет, причем в последний год периода мог быть проведен повторный референдум с целью подтверждения желания республики выйти из СССР). И в случае неполучения квалифицированного большинства голосов в поддержку независимости республики, процедура выхода республики из состава СССР прекращалась, а новый референдум мог быть проведен не ранее, чем через 10 лет после проведения последнего референдума.

Вместе с тем, следует учитывать, что принятием закона, регулирующего порядок выхода союзной республики из СССР, союзный “центр” впервые на законодательном уровне признавал возможность такого выхода, поскольку отсутствие детального регламентирования данного процесса в предшествующий период, думается, объясняется не законодательным пробелом, а “неверием” в возможность отделения республики от Советского Союза. Принятие же данного закона подрывало монолитность и спаянность Советского Союза. Причем подрывало в *любой* редакции закона, в какой бы он не вышел: упрощенной процедурой выхода непременно бы воспользовались заинтересованные сепаратистки настроенные круги союзных республик; любую другую процедуру, так или иначе содержащую “усложняющие” элементы, просто бы “обошли”, как это и было сделано впоследствии²⁵.

Союзным нормативным актом, затрагивающим вопрос организации государственного единства СССР (теперь уже напрямую), стал и Закон СССР от 26 апреля 1990 г. “О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации”²⁶.

На первый взгляд, кажется, что данный закон ничего нового в регулирование отношений между Союзом ССР и союзными республиками не привносит, а является своеобразным “буфером” союзного государства, защищающим его от нападков сепаратистки настроенных кругов союзных республик.

Из закона, так же как и из Конституции СССР, следует, что СССР – это единое государство (причем в отличие от Конституции СССР, в которой говорится, что СССР – это “союзное государство”, в рассматриваемом законе указывается, что СССР – это “федеративное государство”); союзная республика имеет право свободного выхода из СССР, а также право вступления в дипломатические отношения с иностранными государствами, участия в деятельности международных организаций; устанавливается разграничение полномочий между Союзом ССР и союзными республиками путем определения исключительного ведения СССР, совместного ведения Союза и союзных республик и ведения только союзных республик; устанавливается приоритет (по юридической силе) союзных нормативно-правовых актов в установленной сфере ведения над республиканскими.

Однако все же закон имеет существенные расхождения с Конституцией СССР, связанные с правовым статусом союзных и автономных республик. В рассматриваемом законе автономные республики наравне с союзными определяются как *государства*, причем являющиеся “субъектами федерации – Союза ССР”.

Закон существенно сужает и предметы ведения Союза ССР в лице его высших государственных органов. В законе содержится “закрытый” перечень предметов ведения СССР, хотя в союзной Конституции, как известно, содержалась формулировка – “решение других вопросов общесоюзного значения”, что было новеллой Конституции СССР 1977 г. по сравнению с предшествующими общесоюзными Основными Законами.

Таким образом, Закон СССР от 26 апреля 1990 г. “О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации” на официальном уровне “расшатывал” организацию государственного единства СССР. Закон СССР “расшатывал” единство СССР.

Несколько ранее был принят аналогичный закон, разграничивающий регулирование в экономической сфере между Союзом и союзными и автономными республиками, с явным перевесом в сторону последних²⁷.

В конце 1990 г. не без содействия Президента СССР поднимается вопрос о необходимости проведения референдума с целью определения дальнейшей судьбы Союза ССР. Следует отметить, что при всей неоднозначности формулировки вопроса, которая была включена в бюллетень для голосования и которую можно было трактовать по-разному, *сам факт* инициирования высшим эшелоном власти СССР проведения референдума о сохранении государства справедливо было бы рассматривать как государственную измену. Трудно себе представить, чтобы, к примеру, ректор Университета вынес на рассмотрение Ученого Совета вопрос о сохранении Университета. Тем более абсурдным выглядит определение на референдуме судьбы государства. К тому же, гарантии того, что избиратели выскажутся именно за “сохранение обновленной федерации”, не было.

IV

Следующим этапом союзного правового регулирования демонтажа государственного единства СССР является нормотворчество созданного в сентябре 1991 г. Государственного Совета СССР.

Вновь созданный орган первым делом издал три постановления, которыми признавалась независимость прибалтийских республик: Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-1 “О признании независимости Литовской Республики”²⁸, Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-2 “О признании независимости Латвийской Республики”²⁹, Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-3 “О признании независимости Эстонской Республики”³⁰.

Данные постановления “прямой наводкой” начинали разрушение СССР³¹, а Государственный Совет выступил в роли “ликвидационной комиссии” Советского Союза.

Таким образом, анализ нормативных актов общесоюзного уровня свидетельствует о том, что при всем негативном влиянии, которое оказали на государственное единство СССР законодательные акты союзных республик, все же активным двигателем разрушения СССР, его инициатором стал сам “союзный” центр.

И данный факторстал решающим в процессе, который в итоге привел к тому, что в декабре 1991 г. Союз Советских Социалистических Республик прекратил свое существование.

Примечания

1. Ко времени введения поста Президента СССР уже были приняты Декларации о суверенитете в Эстонии и Литвы, а также соответствующий конституционный закон в Азербайджане.
2. Закон ЭССР “О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР”. Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР, 25.11.1988., № 48. ст. 684;
3. Декларация Верховного Совета ЭССР “О суверенитете Эстонской ССР”. Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР, 25.11.1988., № 48. ст. 685;
4. Резолюция Верховного Совета Эстонской ЭССР “О союзном договоре”. Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР, 25.11.1988., № 48. ст. 686.
5. ГАРФ. Ф. 9654, о. 7, д. 1067. Л. 21
6. См., напр.: Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской Республики от 18.05.1990 г., № 14, ст. 239; Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Советской Социалистической Республики от 25.01.1990 г. № 4, ст. 79; Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 31.03.1990 г., № 9, ст. 221.
7. Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР от 15.12.1989 г. № 39, ст. 603; Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 31.03.1990 г. № 9 ст. 233; Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 20.04.1990 г. № 11 ст. 350; Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 30.04.1990 г. № 12 ст. 363.
8. Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР от 15.12.1989 г. № 39, ст. 605.
9. Ведомости Эстонской Республики от 2 июля 1990 г. № 1 ст. 9.
10. См., напр.: Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР от 23.11.1989 г., № 47, ст. 687; Ведомости Эстонской Республики от 07.08.1990 г. № 5, ст. 64.
11. Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 31.03.1990 г. № 9 ст. 223. Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 31.03.1990 г. № 9 ст. 224.
12. Интересно, что в одном из актов Верховный Совет Латвийской ССР содержится такой тезис: «...Указ Президента СССР ... не имеет юридической силы в Латвийской Республике. В соответствии с Декларацией от 4 мая высшим законодательным органом Латвии является Верховный Совет Латвийской Республики...». См.: Постановление Верховного Совета Латвийской Республики от 17.10.1990 г. «О принятии сообщения в связи с Указом Президента СССР М. Горбачева от 10 октября 1990 года» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики от 01.11.1990 г. № 44, ст. 684.
13. См., напр.: Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской Республики от 25.05.1990 г. № 15 ст. 247; Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 31.03.1990 г. № 9 ст. 225.
14. См., напр.: Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики от 23.08. 1990 г. № 34, ст. 588;
15. См., напр.: Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР от 10.08.1989 г., № 32, ст. 450;
16. См., напр.: Постановление Верховного Совета Эстонской ССР от 18 мая 1989 г. “Об отношении к пакту Молотова-Риббентропа” // Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР от 26.05.1989 г. № 18 ст. 231; Постановление Верховного Совета Эстонской ССР от 12 ноября 1989 года “Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 году” // Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР от 13.11.1989 г. № 34 ст. 519; Постановление Верховного Совета Литовской ССР от 07.02.1990 г. “О советско-германских договорах от 1939 года и ликвидации их последствий для Литвы” // Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 20.03.1990 г. ст. 182; Акт Верховного Совета Литовской Республики от 11.03.1990 г. № 1-12 «О восстановлении Литовского государства» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики от 31.03.1990 г., № 9, ст. 222.
17. Постановление Верховного Совета Эстонской ССР от 12 ноября 1989 года “Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 году” // Ведомости Верховного Совета и Правительства ЭССР от 13.11.1989 г. № 34 ст. 519.
18. Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24.12.1989 № 979-1 “О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года” // Ведомости СНД и ВС СССР, 1989, № 29, ст. 579
19. Любопытно было бы узнать, кто писал текст заключения комиссии, основные выводы которого были положено в основу данного постановления, поскольку, как известно, графология – это наука, изучающая отнюдь не сам текст с целью установления его автора, а *характер человека* по почерку. Видимо, авторы заключения имели в виду графическую экспертизу. Впрочем, каким образом и графическая экспертиза может установить, что секретный протокол был, также остается загадкой...
20. См., напр.: Оглашению подлежит: СССР-Германия 1939-1941: Документы и материалы/ Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991 г.
21. Примечательно, что даже в современных справочных правовых системах можно встретить электронный вариант “секретного дополнительного протокола”. А в договоре о ненападении между Германией и Советским Союзом – исторически появившееся “добавление” – “пакт Молотова-Риббентропа” / сайт Консультант Плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card;page=splus;ts=AAD4862E0D175C1A6900086F44E2C2A3>. Дата обращения к сайту: 22.02.2010 г

22. Постановление Верховного Совета Литовской ССР “О советско-германских договорах от 1939 года и ликвидации их последствий для Литвы” // Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики. 1990. № 8. С. 182.
23. Закон СССР от 27.11.1989 г. “Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР” // Ведомости СНД и ВС СССР, 1989, № 25, ст. 490.
24. Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-I “О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР” // Ведомости СНД и ВС СССР, 1990 г. № 15, ст. 252.
25. Как известно, ни одна из союзных республик даже не начинала соблюдать процедуру выхода из СССР.
26. Закон СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457-I “О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации” // Ведомости СНД и ВС СССР, 1990 г. № 19, ст. 329.
27. Закон СССР от 10 апреля 1990 г. № 1421-I “Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик” // Ведомости СНД и ВС СССР, 1990 г. № 16 ст. 270;
28. Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-1 “О признании независимости Литовской Республики” // Ведомости СНД и ВС СССР, 1991 г. № 37 ст. 1091;
29. Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-2 “О признании независимости Латвийской Республики” // Ведомости СНД и ВС СССР, 1991 г. № 37 ст. 1092;
30. Постановление Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. № ГС-3 “О признании независимости Эстонской Республики” // Ведомости СНД и ВС СССР, 1991 г. № 37 ст. 1093.
31. Примечательно, что Государственный Совет СССР, в соответствии с Законом СССР “Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период” (Ведомости СНД и ВС СССР, 1991 г. № 37 ст. 1082), возглавлял Президент СССР, то есть М.С.Горбачев.
32. После таких судьбоносных для союзного государства решений, которые были приняты возглавляемым им Государственным Советом СССР, удивляешься, откуда у М.С.Горбачева берется смелость заявлять, что “Союз можно было сохранить”? См. подробнее: Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 2007 г.

D.A. LUKASHEVICH

THE ROLE OF USSR LEGAL ACTS IN THE PROCESS OF USSR COLLAPSE

The article examines a problem of influence of USSR legal acts on the process of USSR collapse. The author concludes that the USSR legal activity was the main cause in the process of “the parade of sovereignties” creation and USSR collapse.

Key words: *union republics, sovereignty, USSR collapse, legal acts.*

В.А. НИКИФОРОВ

доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета

Тел. (4862) 76 12 25

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОРГОВОЕ ПРАВО КАК МЕЖСИСТЕМНОЕ КОМПЛЕКСНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ*

В статье рассматриваются вопросы становления международного торгового права как межсистемного комплексного образования, тенденции взаимодействия международного и национального права в механизме правового регулирования мирового торгового оборота в условиях глобализации.

Ключевые слова: международное торговое право, глобализация, интеграция, внешнеторговая деятельность, комплексное нормативное регулирование торговых отношений.

Концепция сложноструктурного комплекса норм не отрицает традиционный научный подход деления правовых систем на отрасли, институты и отдельные нормы, а позволяет выявить иной уровень связей, существующих между нормами различных систем права (международного и внутригосударственного). Его значение состоит в том, что его необходимо учитывать при реализации норм МТП в отношениях России с другими государствами. Участие государства в подобных международных договорах свидетельствует об увеличении объема его международной правоспособности в международных торговых отношениях.

Установлено, что концепция сложноструктурных комплексов норм позволяет уточнить представления о международном торговом праве. С учетом этого под международным торговым правом следует понимать систему международно-правовых, национально-правовых и иных (создаваемых без участия государств и ММПО) норм, регулирующих торговые отношения различных по своей природе субъектов (государств, международных организаций, юридических и физических лиц) в сфере торговли материальными вещами, услугами и работами, имущественными правами, исключительными правами на объекты охраны интеллектуальной собственности. В структуру международного торгового права входят следующие компоненты: система принципов, регулирующих основы международных торговых отношений; система международных организаций (межправительственных и неправительственных); акты международных органов и организаций в области международной торговли; международные торговые договоры и соглашения; международно-правовое регулирование сделок во

внешней торговле; международно-правовой режим торговых портов; международно-правовой режим морских, железнодорожных, речных и воздушных торговых путей; международно-правовые средства разрешения торговых споров, государственное правовое регулирование внешнеторговой деятельности.

Таким образом, международное торговое право является межсистемным образованием комплексного характера, так как предметом регулирования являются многообразные и вместе с тем различные по своей природе международные торговые отношения, что приводит к своеобразному совмещению в рассматриваемой области действия неоднородных начал – международно-правовых, гражданско-правовых, государственно-правовых и ряда других.

В современных условиях глобализации наблюдаются интеграционные процессы в области международного торгового и национального права, характеризующиеся согласованием принципов, форм и методов правового регулирования торговых отношений, определением совместных мер по развитию национальных законодательств, выработкой общих правовых позиций. К указанным методам относятся гармонизация законодательства государств, согласование концепций и программ, выработка общих понятий и оценок, упорядоченность правовых действий, т.е. обеспечение единства в многообразии; унификация законодательства, создание единообразных актов и норм, заменяющих или действующих параллельно с национальными нормами, т.е. осуществление единообразного регулирования правовых отношений; стандартизация законодательства, создание технико-юридических норм, обязательных для применения при соверше-

*Научно-исследовательская работа проводится в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ на 2012 год (номер: 6.5038.2011, фундаментальные исследования).

нии действий технико-экономического и иного характера; трансформация, исполнение государством международно-правовых норм путем их трансформации в национальные законы и подзаконные акты; имплементация, исполнение государством международно-правовых норм путем включения их в национальную правовую систему.

Анализ механизма государственного регулирования внешнеторговой деятельности в Российской Федерации показывает, что в настоящее время создан новый публично-правовой блок регулирования, состоящий из системообразующего Закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» 2003 г. и законов, имеющих специальную сферу государственной регламентации внешнеторговой деятельности, который постепенно приближает российское внешнеторговое законодательство к стандартам ВТО. Однако растущий объем требований к вступлению РФ в ВТО позволяет ставить вопрос о дискриминации и неправомерных ограничениях РФ, о нарушении принципа обеспечения справедливого доступа РФ к многосторонней торговой системе и необходимости нормативно-правового обеспечения выполнения данного принципа.

Анализ основных источников частноправового регулирования внешнеторговой деятельности в РФ показывает, что в настоящее время национальное правовое регулирование внешней торговли РФ входит в блок гражданского права, основным нормативным актом, регулирующим эти отношения, является Гражданский кодекс Российской Федерации.

Хотя внешнеторговая деятельность является по преимуществу предметом регулирования публичного права каждого государства, за пределами набора методов государственного (публично-правового) регулирования внешнеторговая деятельность регулируется рыночным, частноправовым инструментарием.

В результате нарастания комплексного нормативного регулирования торговых отношений большинство норм экспортно-импортного регули-

рования, имея публично-правовую природу, проникают в правовой режим внешнеторговых сделок посредством механизма применения императивных норм, предусмотренного п. 1 ст. 1192 ГК РФ, являясь императивными нормами, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие основные направления развития международного и национального права Российской Федерации в условиях глобализации:

- углубление взаимодействия международного и внутригосударственного права;
- интернационализация и гомогенизация внутреннего права;
- признание приоритета международного права над внутренним;
- интенсивное изменение внутреннего права под влиянием международного;
- стандартизация права;
- гармонизация российского законодательства с законодательством стран СНГ и Европы;
- социализация права, в результате расширение социальной деятельности государства увеличение сферы действия публичного права;
- размывание границ между частным и публичным правом, нарастание комплексного нормативно-правового регулирования общественных отношений;
- активное вторжение публичного (административного) права в сферу частного права;
- нарастание процессуальности (процедурности) в правовом регулировании;
- тенденция политизации права в условиях развития глобализационных процессов;
- тенденции демократизации и гуманизации права;
- экологизация права в результате возрастания роли экологического фактора в жизни общества и др.

V.A. NIKIFOROV

INTERNATIONAL COMMERCIAL LAW AS INTERSYSTEM COMPLEX EDUCATION

In article questions of formation of the international commercial law as intersystem complex education, tendency of interaction of the international and national law in the mechanism of legal regulation of a world trade turnover in the conditions of globalization are considered.

Key words: international commercial law, globalization, integration, foreign trade activity, complex standard regulation of trade relations.

В.А. НИКИФОРОВ

доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета

Тел. (4862) 76 12 25

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПРАВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ЭТАПЕ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО)*

В статье уделяется внимание научной типологизации международных организаций, реализующих свою нормотворческую функцию в сфере международной торговли. Предлагается классификация ММПО, влияющих на формирование международного торгового права и его отдельных институтов и норм.

Ключевые слова: международные организации, международная торговля, международные договоры, международная торговая система, международное торговое право.

В условиях глобализации экономики и международных торговых отношений отмечается возрастающее количество международных межправительственных организаций, которые вовлекаются с разной степенью интенсивности в решение международно-правовых проблем международной торговли путем реализации своих нормотворческих, контрольных, посреднических, консультативных, оперативных, информационных функций. В этих условиях самостоятельное и самостоятельное значение приобретает научная типологизация международных организаций, реализующих свою нормотворческую функцию в сфере международной торговли, которая позволяет сформулировать институционно-правовую модель мировой торговли.

Предлагается следующая классификация ММПО, влияющих на формирование международного торгового права и его отдельных институтов и норм.

Международные организации универсального характера:

ООН – это центральное ядро международной институциональной системы, которая способствует поддержанию международного правопорядка в международных торговых отношениях: через акты «мягкого права» она формирует цели и принципы МТП (Генеральная Ассамблея и ЭКОСОС), через проекты конвенций, типовых законов и правил содействует прогрессивному согласованию и модернизации права международной торговли (ЮНСИТРАЛ), через разработку конвенций, рекомендательных актов (актов мягкого права) содей-

ствует правовому обеспечению международного сотрудничества в целях развития (ЮНКТАД).

ВТО как специализированная ММПО, формирующая международную торговую систему путем заключения многосторонних соглашений, направленных на осуществление сокращения тарифов и иных барьеров торговле и на ликвидацию дискриминационных мер в международной торговле.

Международный институт унификации частного права (УНИДРУА) осуществляет деятельность по правовой унификации путем разработки единых образных норм в виде проектов международных конвенций.

Иные универсальные ММПО, влияющие на правовое регулирование отдельных аспектов международной торговли (МВФ, МОТ, ЮНЕСКО и некоторые другие специализированные учреждения ООН).

Международные региональные организации, в которых участвует Россия:

Международные организации прединтеграционного типа – это, прежде всего, СНГ, выполняющее функции координации национальной политики и содействия развитию главным образом взаимной торговли государств-членов, а также ШОС, которая развивается в том же направлении.

Международные организации интеграционного типа – ЕврАзЭС и активно формируемый в рамках последнего Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана, на основе которого к 2012 году планируется создать единое экономическое пространство (особую модель общего рынка).

*Научно-исследовательская работа проводится в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ на 2012 год (номер: 6.5038.2011, фундаментальные исследования).

Отсутствие единой институциональной системы формирования норм международного торгового права (МТП), контроля за обеспечением их соблюдения и урегулирования международных торговых споров, является одной из самых фундаментальных характеристик и проблем современной международной торговой системы, создающей риски фрагментации МТП и несогласованности различных элементов механизма правового регулирования мировой торговли.

Анализ нормативных и правовых актов ММПО, направленных на регулирование международных торговых отношений, позволяет предложить следующую их классификацию:

Акты мягкого права, имеющие рекомендательный характер и оказывающие влияние на формирование нормативных моделей поведения:

- Резолюции ММПО (декларации ООН, ВТО, международных форумов);
- Типовые законы ММПО (ЮНСИТРАЛ);
- Комментарии ЮНСИТРАЛ,
- Рекомендации ЮНСИТРАЛ,
- Наборы согласованных в многостороннем порядке справедливых принципов и норм (ЮНКТАД).

Характеризуются различным «удельным весом» в мировом торговом правопорядке, «мягким» регулирующим воздействием на участников международных торговых правоотношений, отсутствием юридической ответственности за несоблюдение тех или иных положений, этическими и политико-моральными основаниями обязательности исполнения.

Международные договоры:

– Учредительные акты международных организаций (Устав ООН, Устав ВТО, Устав УНИДРУА). Содержат обязательства для государств-членов, чаще всего формулируют цели и принципы МТП в сфере деятельности соответствующей ММПО, формируют основы международного торгового правопорядка.

– Международные соглашения по отдельным торговым вопросам (ГАТТ, ГАТС и др.), носят обязательный характер для государств-участников, не только создают международно-правовые обязательства государств, но и оказывают воздействие на их внутренние правовые системы.

– Международные договоры о торговых преференциях для развивающихся государств, содержат международно-правовые обязательства определенных групп государств, оказывают влияние на внутренние правовые системы государств-участников.

– Международные соглашения по торговле отдельными видами товаров, содержат

международно-правовые обязательства государств.

– Международные соглашения по отдельным вопросам международной торговли (Конвенция ООН об уступке дебиторской задолженности и международной торговле 2001г.), содержат международно-правовые обязательства по имплементации согласованных норм и правил во внутренние правовые системы государств.

– Международные конвенции по модернизации, гармонизации и унификации внутреннего права государств по имплементации унифицированных норм во внутренних правовых системах.

Различное регулирующее воздействие международных торговых договоров во внутренние правовые системы государств-участников позволяет классифицировать их на договоры, реализующие преимущественно в межгосударственных отношениях; договоры, реализующиеся одновременно в международных и внутригосударственных отношениях, и договоры, реализующиеся преимущественно во внутригосударственных отношениях (унификация внутригосударственных норм и институтов). Следовательно, реализация норм МТП в ряде случаев значительно зависит от характера соответствующего международного договора.

Решения судебных, арбитражных и иных органов ММПО, имеющие прецедентный характер:

- решения Органа по разрешению торговых споров в ВТО;
- решения региональных судов международных организаций интеграции (Экономический суд Таможенного союза);
- решения арбитражных и иных органов.

Тенденция развития международных средств разрешения торговых споров такова, что они начинают все активнее оказывать влияние на правовые системы государств-участников международных торговых соглашений или членов ММПО.

Анализ механизма международно-правового регулирования международной торговли и его влияния на внутреннее право государств позволяет сформулировать концепцию сложноструктурных комплексов норм, включающих в себя международные нормы (акты мягкого права или положения международных договоров) и нормы внутреннего права государств. Это следует из того, что особенностью целого ряда многосторонних международных торговых договоров, заключаемых при содействии ММПО, является то, что их положения оказывают непосредственное воздействие не только на государства, но и на внутригосударственных субъектов (физических и юридических лиц), являющихся непосредственными участниками международной

торговли. Следовательно, каждое государство, становясь участником подобного международного торгового соглашения, в соответствии с основными принципами своей конституционно-правовой системы имплементирует его положения в свою правовую систему, последствия которой могут иметь значение как для частного, так и для публичного права данного государства. Иными словами, принятием международного торгового договора не завершается процесс регулирования соответствующих международных торговых отношений, наоборот, содержащиеся в нем положения требуют принятия целого ряда норм внутреннего права, регулирующих как частноправовые, так и публично-правовые отношения. Данное обстоятельство позволяет заключить, что правотворческая, а в отдельных случаях и нормотворческая деятельность международных организаций по регулированию международной торговли имеет своим конечным результатом формирование сложных по своей внутренней структуре (включающих международно-правовые и внутригосударственные нормы) комплексов норм, регулирующих отношения в сфере международной торговли. Концепция сложноструктурного комплекса норм не отрицает традиционный научный подход деления правовых систем на отрасли, институты и отдельные нормы, а позволяет выявить иной уровень связей, существующих между нормами различных систем права (международного и внутригосударственного). Его значение состоит в том, что его необходимо учитывать при реализации норм МТП в отношениях России с другими государствами. Участие государства в подобных международных договорах свидетельствует об увеличении объема его международной правоспособности в международных торговых отношениях.

Установлено, что концепция сложноструктурных комплексов норм позволяет уточнить представления о международном торговом праве. С учетом этого под международным торговым правом следует понимать систему международно-правовых, национально-правовых и иных (создаваемых без участия государств и ММПО) норм, регулиующую торговые отношения различных по своей природе субъектов (государств, международных организаций, юридических и физических лиц) в сфере торговли материальными вещами, услугами и работами, имущественными правами, исключительными правами на объекты охраны интеллектуальной собственности. В структуру международного торгового права входят следующие компоненты: система принципов, регулирующих основы международных торговых отношений; система международных организаций (межправительственных и неправительственных); акты международных органов и организаций в области международной торговли; международные торговые договоры и соглашения; международно-правовое регулирование сделок во внешней торговле; международно-правовой режим торговых портов; международно-правовой режим морских, железнодорожных, речных и воздушных торговых путей; международно-правовые средства разрешения торговых споров, государственное правовое регулирование внешнеторговой деятельности.

Таким образом, международное торговое право является межсистемным образованием комплексного характера, так как предметом регулирования являются многообразные и вместе с тем различные по своей природе международные торговые отношения, что приводит к своеобразному совмещению в рассматриваемой области действия неоднородных начал – международно-правовых, гражданско-правовых, государственно-правовых и ряда других.

В современных условиях глобализации наблюдаются интеграционные процессы в области международного торгового и национального права, характеризующиеся согласованием принципов, форм и методов правового регулирования торговых отношений, определением совместных мер по развитию национальных законодательств, выработкой общих правовых позиций. К указанным методам относятся гармонизация законодательства государств, согласование концепций и программ, выработка общих понятий и оценок, упорядоченность правовых действий, т.е. обеспечение единства в многообразии; унификация законодательства, создание единообразных актов и норм, заменяющих или действующих параллельно с национальными нормами, т.е. осуществление единообразного регулирования правовых отношений; стандартизация законодательства, создание технико-юридических норм, обязательных для применения при совершении действий технико-экономического и иного характера; трансформация, исполнение государством международно-правовых норм путем их трансформации в национальные законы и подзаконные акты; имплементация, исполнение государством международно-правовых норм путем включения их в национальную правовую систему.

Анализ механизма государственного регулирования внешнеторговой деятельности в Российской Федерации показывает, что в настоящее время создан новый публично-правовой блок регулирования, состоящий из системообразующего Закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» 2003 г. и законов, имеющих специальную сферу государственной регламентации

внешнеторговой деятельности, который постепенно приближает российское внешнеторговое законодательство к стандартам ВТО. Однако растущий объем требований к вступлению РФ в ВТО позволяет ставить вопрос о дискриминации и неправомерных ограничениях РФ, о нарушении принципа обеспечения справедливого доступа РФ к многосторонней торговой системе и необходимости нормативно-правового обеспечения выполнения данного принципа.

Анализ основных источников частноправового регулирования внешнеторговой деятельности в РФ показывает, что в настоящее время национальное правовое регулирование внешней торговли РФ входит в блок гражданского права, основным нормативным актом, регулирующим эти отношения, является Гражданский кодекс Российской Федерации.

Хотя внешнеторговая деятельность является по преимуществу предметом регулирования публично-права каждого государства, за пределами набора методов государственного (публично-правового) регулирования внешнеторговая деятельность регулируется рыночным, частноправовым инструментарием.

В результате нарастания комплексного нормативного регулирования торговых отношений большинство норм экспортно-импортного регулирования, имея публично-правовую природу, проникают в правовой режим внешнеторговых сделок посредством механизма применения императивных норм, предусмотренного п. 1 ст. 1192 ГК РФ, являясь императивными нормами, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников граждан-

данского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие основные направления развития международного и национального права Российской Федерации в условиях глобализации:

- углубление взаимодействия международного и внутригосударственного права;
- интернационализация и гомогенизация внутреннего права;
- признание приоритета международного права над внутренним;
- интенсивное изменение внутреннего права под влиянием международного;
- стандартизация права;
- гармонизация российского законодательства с законодательством стран СНГ и Европы;
- социализация права, в результате расширение социальной деятельности государства увеличение сферы действия публичного права;
- размывание границ между частным и публичным правом, нарастание комплексного нормативного регулирования общественных отношений;
- активное вторжение публичного (административного) права в сферу частного права;
- нарастание процессуальности (процедурности) в правовом регулировании;
- тенденция политизации права в условиях развития глобализационных процессов;
- тенденции демократизации и гуманизации права;
- экологизация права в результате возрастания роли экологического фактора в жизни общества и др.

V.A. NIKIFOROV

CLASSIFICATION OF THE INTERNATIONAL INTERGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS INFLUENCING FORMATION OF THE INTERNATIONAL COMMERCIAL LAW DURING THE ERA OF GLOBALIZATION (AT THE RUSSIA'S ACCESSION TO THE WORLD TRADE ORGANIZATION STAGE)

In article the attention of a scientific tipologizatsiya of the international organizations realizing the rule-making function in the sphere of international trade is paid. Classification of MMPO influencing formation of the international commercial law and its separate institutes and norms is offered.

Key words: international organizations, international trade, international contracts, international trading system, international commercial law.

В.А. НИКИФОРОВ

доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета

Тел. (4862) 76 12 25

М.А. СОБОЛЕВА

старший преподаватель кафедры международного и международного частного права Орловского государственного университета

Тел. 8 (4862) 76 12 25

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О СТАНОВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПРАВА КАК МЕЖСИСТЕМНОГО КОМПЛЕКСНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

В данной статье осуществляется попытка рассмотрения процесса становления международного торгового права как межсистемного комплексного образования.

Ключевые слова: международные организации, принципы международного права, международное право, глобализация, международные отношения.

В современных международных отношениях наблюдается своеобразный феномен международных организаций: происходит их бурный рост и усиление роли и влияния в решении важнейших проблем современности. Назначение универсальных международных организаций – быть центром совместных действий всех государств в решении глобальных проблем современности, способствовать укреплению международного мира и безопасности, разоружению, экономическому и социальному прогрессу народов, ликвидации колониализма и расизма во всех его проявлениях, дальнейшему прогрессивному развитию международного права. Создание ООН явилось крупным политическим достижением в области межгосударственных отношений и международного сотрудничества, началом эпохи глобальной структуризации международных организаций, образования всеобщей системы международных органов и организаций, их институционализации на международной арене. В Уставе ООН нашли отражение такие важные принципы современных международных отношений и международного права, как: неприменения силы и угрозы силой, мирного урегулирования международных споров, равноправия и самоопределения народов, широкого международного сотрудничества для всех народов, обеспечения основных прав и свобод личности, уважения к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права и др.

Устав ООН – это многосторонний универсальный договор особого рода и значения. Он не

только определил права и обязанности членов Организации, но и закрепил общепризнанные принципы и нормы международного права. В силу этого он является основным источником современного международного права. Положения Устава имеют преимущественную силу по отношению к другим международным договорам. Статья 103 Устава предусматривает: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную «силу» имеют обязательства по настоящему Уставу»¹. Значительное количество двусторонних или многосторонних договоров принято на основе Устава или содержит прямые ссылки на него.

Как известно, основные принципы – это ядро системы международного права. Они имеют руководящее значение для всего механизма международно-правового регулирования. Принципы международного права – это обобщенные нормы, отражающие характерные особенности, а также главное содержание международного права и обладающие высшей юридической силой. Особое значение придаётся императивным нормам, характеристику которых обычно связывают со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. В этой статье сказано, что «императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение

*Научно-исследовательская работа проводится в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ на 2012 год (номер: 6.5038.2011, фундаментальные исследования).

от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»². Нормы, обладающие высшей юридической силой, именуются *ius cogens*. К ним относят основные принципы современного международного права, специальные (отраслевые) принципы, а также некоторые другие нормы. Сформированные по предмету регулирования нормативные комплексы – институты и отрасли международного права – действуют в полном соответствии с этими принципами, каждый из которых во взаимосвязи с остальными является критерием правомерности отраслевых норм и критерием эффективности их реализации.

Одним из средств реализации основных принципов, охватывающих всю область международно-правового регулирования, становятся межотраслевые, отраслевые или даже внутриотраслевые принципы, регулирующие отдельные комплексы международных отношений. Международные отношения в сфере мировой торговли часто относят к международным экономическим отношениям в широком смысле наряду с производственными, научно-техническими, валютно-финансовыми и многими другими. С подобным мнением трудно не согласиться, потому что вся история мировой торговли свидетельствует о тесной взаимосвязи и взаимодействии торговли и иных экономических отношений. Наряду с этим отношения в сфере мировой торговли, бесспорно, имеют свою специфику и представляют собой особый предмет правового регулирования. Анализ международно-правовых актов в сфере международной торговли позволяет выделить специфические принципы и институты, характерные именно для данного вида экономической деятельности, которые нуждаются в современной трактовке и понимании. В работе дается характеристика данной группы международно-правовых принципов и раскрывается их роль в формировании международно-правовых институтов. Как известно, современные международно-правовые принципы международной торговли стали складываться в 60-х годах XX века при активной роли ООН и ее вспомогательных органов и организаций, а к концу 70-х годов прошлого столетия их содержание было консолидировано³. Вместе с тем, события конца XX века (распад мировой системы социализма и СССР) не могли не сказаться и на принципах международной торговли, которая стала базироваться преимущественно на рыночных концепциях. Это обстоятельство требует внимательного анализа произошедших изменений, поэтому без учета нового содержания и значения этих принципов трудно строить глобальную стратегию освоения мировых рынков торговли товарами и услугами.

Международное право как самостоятельная правовая система⁴ подразделяется на отрасли – большие группы (комплексы) международно-правовых норм, регулирующих однородные (с точки зрения объекта) отношения. Становление отраслей обусловлено состоянием межгосударственных отношений и уровнем международно-правового регулирования. По некоторым представлениям, своё оптимальное развитие отрасль получает с момента создания кодификационного акта⁵ или комплекса международно-правовых актов, которые в своей совокупности формируют некоторую «юридическую оболочку» однородных групп международных отношений, в которых еще не созрели достаточные условия для принятия кодификационного акта. Международная торговля в этом плане являет собой яркий пример специального (казуального) договорно-правового регулирования отношений: заключаются соглашения по самым разнообразным торговым вопросам (торговля сырьевыми или сельскохозяйственными товарами, торговля услугами, приграничная торговля и т. д.), создаются международные органы и международные организации, которые либо содействуют заключению многосторонних торговых соглашений, либо занимаются кодификацией отдельных институтов международного торгового права, либо принимают акты «мягкого права», оказывающие влияние на торговую политику отдельных государств или их групп.

Подобная конструкция правовой общности, каковой является международное торговое право, повышает в ней значение как межотраслевых, отраслевых, так и подотраслевых (или внутриотраслевых) принципов, играющих роль не только общих правовых ориентиров, но и в ряде случаев непосредственных регуляторов тех или иных не урегулированных в договорном порядке международных торговых отношений. Это обстоятельство настоятельно потребовало исследования места и роли данных принципов в общем механизме правового регулирования международной торговли.

В связи с современными тенденциями в развитии мировой торговли в условиях нарождающейся глобализации «второго поколения»⁶ хотелось бы обратить внимание на то, что для решения глобальных проблем необходимо обеспечить достаточно высокий уровень управления мировой системой в целом и ее отдельными подсистемами, к которым относится мировая торговля. Отсюда неизбежность роста роли всеобщих международных организаций, расширения их полномочий и повышения эффективности деятельности. ООН подчеркивает, что «многосторонний механизм защиты играет уникальную роль в отношении вызовов и возможно-

стей, порождаемых глобализацией»⁷ Вместе с тем для международно-правовой науки принципиально важным является вопрос о юридической природе и характере международно-правовых норм, создаваемых международными организациями в целях регулирования международных торговых отношений. Сложившиеся в науке подходы, которые можно рассматривать как традиционные, акцентируют внимание при анализе данных вопросов на процедурных аспектах данной проблемы, уделяя внимание в основном юридической силе актов международных организаций и их типологизации на основе критерия отнесения к тому или иному виду международно-правовых источников (международные договоры – не договорные источники). Не отрицая важности и сохраняющегося значения данного подхода, нам представляется необходимым отметить, что при анализе механизма международно-правового регулирования не следует упускать из вида и содержательный аспект международно-правовых актов, принимаемых международными организациями.

Отнесение определенного акта к такому широко используемому в международной торговле акту, как «международный договор», не дает возможности продвинуться в понимании роли и места данного акта в общем контексте международно-правового регулирования международной торговли. Например, Марракешское соглашение о создании Всемирной торговой организации 1994 г. (Устав ВТО), Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) 1994 г., Международное соглашение по тропической древесине 2006 г., Конвенция о кодексе поведения линейных конференций 1974 г., Типовой закон об электронной торговле 1996 г. и т.д. были приняты в форме международного договора, но, безусловно, что их роль и значение в механизме международно-правового регулирования международной торговли значительно различаются. Более того, особенностью большинства многосторонних международных торговых договоров является то, что их положения оказывают непосредственное воздействие не только на государства, но и на внутригосударственные субъекты (физические и юридические лица), являющиеся непосредственными участниками международной торговли. Следовательно, каждое государство, становясь участником международного торгового соглашения, в соответствии с основными принципами своей конституционно-правовой системы имплементирует положения такого международного договора в свою правовую систему, последствия которой могут иметь значение как для частного, так и для публичного права данного государства. Иными словами, принятием международного торгового договора не завершается процесс

регулирования соответствующих международных торговых отношений, наоборот, в силу его содержания возникает потребность в принятии целого ряда норм внутреннего права, регулирующих как частноправовые, так и публично-правовые отношения. Данное обстоятельство позволяет заключить, что правотворческая, а в отдельных случаях и нормотворческая деятельность международных организаций по регулированию международной торговли имеет своим конечным результатом формирование сложных по своей внутренней структуре (включающих международно-правовые и внутригосударственные нормы) комплексов норм, регулирующих отношения в сфере международной торговли.

Категория «комплекс» как нельзя лучше подходит для характеристики сложившейся юридической ситуации, поскольку она позволяет сконцентрировать внимание не только на отдельных объектах международно-правового или внутригосударственного регулирования, а рассматривать механизм регулирующего воздействия норм международного права на соответствующие отношения в совокупности всех его элементов, имеющих различную правовую природу⁸. В комплексах может наблюдаться сочетание разных по своей природе явлений и действий, составляющих единое целое. Данное понятие не отменяет традиционное и широко признанное деление права на системы (международное и внутригосударственное), а каждой системы на отрасли, подотрасли или институты. Вместе с тем, оно не лишает логики и характера различные нормы, регулирующие соответствующие отношения, поскольку у каждого государства может изменяться со временем стратегия участия в международной торговле, делающая акцент на инновационных правовых подходах внутри правовой системы, или появляться новые международные обязательства в этой сфере, обусловленные его присоединением к региональным или иным международным организациям, имеющим компетенцию по регулированию международной торговли. В работе подробно исследуется характер и особенности подобных сложноструктурных комплексов с учетом практики России.

Таким образом, процессы глобализации, происходящие в современном мире, предъявляют новые требования к международному и внутреннему праву государств, их взаимодействию и взаимовлиянию. Однако в данном контексте было бы правильнее говорить не о глобализации, а об интернационализации внутреннего права государств, отражающей «растущее влияние на внутреннее право международного права и правовых систем других государств»⁹, в том числе и на правовое регулирование внешнеторговой деятельности России.

Примечания

1. Устав ООН: Международное право в документах. М., 1982. С. 196-223.
2. Там же, С. 87.
3. См.: Геновский М. Правовые принципы международной торговли. Международное торговое право: Некоторые вопросы теории и практики: Сб. статей. М., 1979. С.47-71. Войтович С. А. Принципы международно-правового регулирования межгосударственных экономических отношений. Киев, 1988. Вельяминов Г. М. Основы международного экономического права. М., 1994. Шумилов В. М. Международное публичное экономическое право. М., 2001 и др.
4. См.: Фельдман Д.И. Система международного права. Казань, 1983.
5. См.: Колосов Ю. М. Массовая информация и международное право. М., 1974. С.152. Подробный анализ различных точек зрения о критериях выделения отраслей международного права см.: Лазарев М. И. Теоретические вопросы современного международного морского права. М., 1983. С.19-40; Копылов М.Н. Введение в международное экологическое право: Уч. Пособие. М., 2007. С. 43-49. О международном экономическом праве как отрасли международного права см.: Ковалев А. А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности: Уч. Пособие. М., 2007. С. 20-29.
6. См.: Док. ООН: А/64/177. С. 4.
7. См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г. А/ 55/102.
8. На проблему «комплексности права» в свое время обращал внимание профессор М. И. Лазарев, отметивший, что на практике в одном и том же правоотношении одновременно используются нормы различных отраслей международного права, или нормы международного и внутригосударственного права, или нормы внутреннего права различных государств. См.: Лазарев М. И. Указ.соч. С. 99.
9. Лукашук И. И. Глобальная ответственность государств// Правовая система России в условиях глобализации: Сборник материалов «круглого стола». Под ред. Н. П. Колдаевой, Е. Г. Лукьяновой. М., 2005. С.21.

Библиографический список

10. Вельяминов Г.М. Основы международного экономического права. М., 1994.
11. Войтович С.А. Принципы международно-правового регулирования межгосударственных экономических отношений. Киев, 1988.
12. Геновский М. Правовые принципы международной торговли// Международное торговое право: Некоторые вопросы теории и практики: Сб. статей. М., 1979. С.47-71.
13. Док. ООН: А/64/177. С. 4.
14. Колосов Ю.М. Массовая информация и международное право. М., 1974. С.152.
15. Лукашук И.И. Глобальная ответственность государств// Правовая система России в условиях глобализации: Сборник материалов «круглого стола». Под ред. Н. П. Колдаевой, Е. Г. Лукьяновой. М., 2005. С.21.
16. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г. А/ 55/102.
17. Устав ООН: Международное право в документах. М., 1982. С. 196-223.
18. Фельдман Д.И. Система международного права. Казань, 1983.
19. Шумилов В.М. Международное публичное экономическое право. М., 2001.

V.A. NIKIFOROV, M.A. SOBOLEVA

TO THE HISTORICAL BACKGROUND ABOUT FORMATION OF THE INTERNATIONAL COMMERCIAL LAW AS INTERSYSTEM COMPLEX EDUCATION

In this article attempt of consideration of process of formation of the international commercial law as intersystem complex education is carried out.

Key words: *international organizations, principles of international law, international law, globalization, international relations.*

И.В. ОРЛОВ

кандидат юридических наук, доцент кафедры
административного и муниципального права
Орловского государственного университета
Тел. 8 910 748 50 33

ИСТОЧНИКИ ТАМОЖЕННОГО ПРАВА ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается понятие «система источников таможенного права Таможенного союза Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация», обосновывается необходимость формирования системы источников таможенного права Таможенного союза, аргументируется необходимость включения в существующую систему источников норм конституций государств – участников Таможенного союза, предлагается авторская система источников таможенного права Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации.

Ключевые слова: Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, единая таможенная политика, таможенное регулирование, система источников таможенного права Таможенного союза, конституции государств – участников Таможенного союза.

С 1 июля (6 июля) 2010 года¹ Таможенный союз – Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация – функционирует в полном объеме, с этого же момента вступили в действия нормы Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС)², а также международные договоры и решения Комиссии Таможенного союза, принятые в развитие вышеуказанного Кодекса.

Основной целью Таможенного союза – Беларусь – Казахстан – Россия является проведение единой таможенной политики, направленной на создание благоприятных условий для международной интеграции национальных экономик, расширение рынков сбыта национальной продукции, формирование единого экономического пространства с государствами-участниками Содружества Независимых Государств.

Таможенным кодексом Таможенного союза установлено, что таможенное регулирование в Таможенном Союзе в рамках Евразийского экономического сообщества представляет собой правовое регулирование отношений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, их перевозкой по единой таможенной территории Таможенного союза под таможенным контролем, временным хранением, таможенным декларированием, выпуском и использованием в соответствии с таможенными процедурами, проведением таможенного контроля, уплатой таможенных платежей, а также властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и распоряжения указанными товарами. Следовательно,

таможенное регулирование представляет собой систему норм права, позволяющих реализовать правовое воздействие на общественные отношения в таможенной сфере. Безусловно, что нормы права и возникающие на основе их правоотношения должны быть закреплены в соответствующих нормативных правовых актах, касательно таможенного регулирования такие нормы закреплены в таможенном законодательстве Таможенного союза.

Таможенное законодательство Таможенного союза состоит из:

1. Таможенного кодекса Таможенного союза;
2. международных договоров государств-участников Таможенного союза, регулирующих таможенные правоотношения в Таможенном союзе;
3. решений Комиссии Таможенного союза, регулирующих таможенные правоотношения в таможенном союзе, принимаемых в соответствии с Таможенным Кодексом таможенного союза и международными договорами государств-участников Таможенного союза (статья 3 ТК ТС).

Таким образом, Таможенным кодексом Таможенного союза установлена трехэлементная система таможенного законодательства, правовое закрепление которой позволяет рассматривать вопрос о формировании системы источников таможенного права Таможенного союза.

Система источников определенной отрасли права устанавливается в каждой отрасли с учетом ее специфики правового регулирования, так, например, Ю.Н. Старилов констатирует, что: «Источниками административного права являются акты государственных и муниципальных органов, в

которых содержатся административно – правовые нормы»³. В учебнике «Финансовое право России» Ю. А. Крохина определяет источники финансового права как внешние конкретные формы его выражения, т. е. правовые акты представительных и исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления, содержащие нормы финансового права⁴.

В области таможенного права Российской Федерации до недавнего времени источники таможенного права определялись как правовые акты федеральных законодательных и исполнительных органов государственной власти, содержащие общеобязательные правила поведения в области таможенного дела⁵. Определения источников таможенного права, данные в других научных трудах, практически ничем не отличались от вышеприведенного⁶.

В комментарии к Таможенному кодексу Таможенного союза О.Г. Анохина устанавливает шестиуровневую систему таможенного законодательства в рамках Таможенного союза, включая в нее: Таможенный кодекс Таможенного союза; международные соглашения; решения Комиссии Таможенного союза; Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации»⁷; иные федеральные законы; акты Правительства РФ; нормативные правовые акты Федеральной таможенной службы РФ⁸. По нашему мнению, высказанная позиция представляется не совсем верной по ряду критических замечаний, прежде всего, простой арифметический подсчет системы показывает наличие не шести, а семи ее элементов. Во-вторых, неясно, какие «иные федеральные законы» имеются в виду автором, в-третьих, в связи с чем в систему таможенного законодательства Таможенного союза не включены законы Республики Беларусь и Республики Казахстан, осуществляющие таможенное регулирование в этих республиках, этот вопрос в полной мере можно отнести и к невключению нормативных правовых актов исполнительных и специальных органов Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Рассматривая систему нормативного правового регулирования в Таможенном союзе (систему источников таможенного права Таможенного союза), Д. В. Чермянинов, со ссылкой на доклад руководителя Федеральной таможенной службы Российской Федерации А. В. Бельянинова, определяет ее следующим образом:

1. Таможенный кодекс Таможенного союза;
2. Международные договоры государств участников Таможенного союза;
3. Решения Комиссии Таможенного союза;

4. Таможенные кодексы государств-участников Таможенного союза;

5. Решения правительств государств-участников Таможенного союза;

6. Нормативные правовые акты таможенных служб государств-участников Таможенного союза.⁹

Условно приведенную систему нормативного правового регулирования в Таможенном союзе, по нашему мнению, можно разделить на две части, первая – наднациональная, в которую входят Таможенный кодекс Таможенного союза; международные договоры государств-участников Таможенного союза; решения Комиссии Таможенного союза, вторая – национальная, в которой содержатся Таможенные кодексы государств-участников Таможенного союза; решения правительств государств-участников Таможенного союза; нормативные правовые акты таможенных служб государств-участников Таможенного союза. Вместе с тем, представляется, что в предложенной системе источников таможенного права Таможенного союза отсутствует обязательный и необходимый элемент, являющийся связующим звеном между двумя частями. Таким элементом является Конституция государства-участника Таможенного союза, ибо Конституция государства, являясь основой правовой системы, предопределяет взаимоотношения национального законодательства и международных договоров.

В конституциях государств-участников Таможенного союза содержатся нормы, определяющие нормативное правовое регулирование национального законодательства при применении норм международного права и заключении международных договоров.

В Конституции Республики Беларусь установлено: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных норм международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Республика Беларусь в соответствии с нормами международного права может на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них».¹⁰

Конституция Республики Казахстан определяет: «Действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики. ... Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона».¹¹

Конституция Российской Федерации закрепляет следующее положение: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».¹²

Приведенные выше извлечения из конституций государств-участников Таможенного союза в части, касающейся приоритета международного договора над национальным законодательством, позволяет сделать вывод об обязательности включения конституций государств-участников Таможенного союза в систему источников таможенного права Таможенного союза. Наша позиция по данному вопросу косвенно подтверждается и мнением ряда ученых, так Г.М. Вельяминов отмечает: «Заключение международного договора о создании таможенного союза не предполагает каких-либо особенных формальностей, кроме обычно принятых в том или ином государстве правил, касающихся межгосударственных договоров. Во всяком случае, к примеру, в Конституции РФ или в ином российском законе не обнаруживается специальных правовых процедур для участия России именно в таможенном союзе»¹³.

Касательно включения в систему источников таможенного права Таможенного союза Таможенных кодексов государств-участников

Таможенного союза как единственной формы нормативного правового акта, то такой подход вряд ли представляется обоснованным. По нашему мнению, более верной формой будет следующая: законы государств-участников Таможенного союза, осуществляющие национальное таможенное регулирование.

Исходя из вышеизложенного, система источников таможенного права Таможенного союза – это совокупность норм права, установленных в таможенном законодательстве Таможенного союза и правовых норм национального законодательства государств-участников Таможенного союза, предназначенная для осуществления таможенного регулирования в Таможенном союзе. Таким образом, система источников таможенного права Таможенного союза включает в себя:

1. Таможенный кодекс Таможенного союза.
2. Международные договоры государств-участников Таможенного союза.
3. Решения Комиссии Таможенного союза.
4. Конституции государств-участников Таможенного союза.
5. Законы государств-участников Таможенного союза, осуществляющие национальное таможенное регулирование.
6. Решения правительств государств-участников Таможенного союза.
7. Нормативные правовые акты таможенных служб государств-участников Таможенного союза.

Примечания

1. Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза (принят Решением Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного союза) на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 17). Республикой Казахстан и Российской Федерацией был ратифицирован 1 июля 2010 года, Республикой Беларусь – 6 июля 2010 года.

2. Приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27.11.2009 г. № 17. СЗ РФ. 13.12.2010. № 50. Ст. 6615.

3. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право/ М.: Норма, 2004. 768 с.

4. Крохина Ю. А. Финансовое право России. М.: Норма, 2008. 688 с.

5. Бакаева О. Ю., Матвиенко Г. В. Таможенное право России. М.: Юрист, 2003. 427 с.

6. См. например, Тимошенко И. В. Таможенное право России. Практикум. М.: Книга - сервис, 2002. 144 с., Халипов С. В. Таможенное право. М.: ИКД «Зерцало – М», 2004. 249 с., Беляшев К. А., Моисеев Е. Г. Таможенное право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. 2007. 360 с.

7. СЗ РФ, 29.11.2010, № 48, Ст. 6252.

8. См. Анохина О. Г. Комментарий к Таможенному Кодексу Таможенного союза. М: Проспект, 2011. 448 с.

9. Чермянинов Д. В. Таможенное право. М: Издательство Юрайт, 2012. 390 с.

10. Статья 8 Конституции Республики Беларусь. Конституции стран СНГ и Балтии. М.: Юрист, 1999. 640 с.

11. Статья 4 Конституции Республики Казахстан. Конституции стран СНГ и Балтии. М.: Юрист, 1999. 640 с.

12. СЗ РФ, 26.01.2009. № 445. Официальный текст Конституции РФ с внесенными в нее поправками от 30.12.2008 г.

13. Таможенный союз в правовом ракурсе. Г. М. Вельяминов. Государство и право. № 2. 2010. С. 55–58.

I.V. ORLOV

THE CUSTOMS LAW SOURCES OF THE CUSTOMS UNION
BETWEEN BELARUS, KAZAKHSTAN AND RUSSIA

In the article a concept of “system of the customs law sources of the Customs Union between Belarus, Kazakhstan and Russia” is considered, the need of forming the system of the customs law sources of the Customs Union is substantiated and the argumentation of necessity of including in the present system of the customs law sources constitutional standards of the Customs Union member states is given. The author suggests his own system of the customs law sources of the Customs Union between Belarus, Kazakhstan and Russia.

Key words: the Customs Union between Belarus, Kazakhstan and Russia, unified customs policy, customs regulation, system of the customs law sources of the Customs Union, the Customs Union member states constitutions.

М.В. СИТНИКОВ

аспирант кафедры конституционного и муниципального права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: sunrise57@mail.ru

Тел. 8 903 029 95 02

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТУРЫ И ДРУГИХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ И США

В статье исследуются вопросы функционирования и взаимодействия адвокатского сообщества и институтов гражданского общества по защите конституционных прав и свобод граждан в России и США. Автор выявляет существующие проблемы по данным вопросам в России и предлагает предложения по их решению на основе анализа опыта США.

Ключевые слова: адвокатура, институты гражданского общества, права и свободы человека, Американская Ассоциация Адвокатов, правозащитные организации.

Изучение опыта стран с развитой демократической традицией в вопросах создания, деятельности и взаимодействия адвокатских сообществ и институтов гражданского общества, на наш взгляд, представляет значительный научный интерес в рамках применения такого опыта в деятельности адвокатуры и институтов гражданского общества в России.

Так, в Соединенных Штатах Америки формы реализации идей и гражданского общества нашли свое применение в способности граждан объединяться с целью сплочения собственных усилий для решения самых различных вопросов в тех сферах, где есть основания не особенно доверяться властям. Как писал французский историк Алексис де Токвиль, «Америка сумела извлечь из права создавать объединения максимальную пользу. Там это право и сами объединения были использованы как мощное и действенное средство при достижении самых разных целей... Американцы самых различных возрастов, положений и склонностей беспрестанно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек. Американцы объединяются в комитеты для того, чтобы организовывать празднества, основывать школы, строить гостиницы, столовые, церковные здания, распространять книги, посылать миссионеров на другой конец света» [7, с. 380].

Но, разумеется, для нас представляет интерес

деятельность именно тех общественных объединений, которые играют весьма заметную роль в защите прав и свобод граждан в США. Это Американская ассоциация адвокатов (АВА) и различные институты гражданского общества, занимающиеся оказанием правовой помощи.

Деятельность АВА основывается на индивидуально-коллективном членстве. Помимо более 410 тысяч так называемых «индивидуалов» (адвокатов, судей, прокуроров, ученых-юристов, студентов), которые представляют все пятьдесят штатов и округ Колумбия, ее коллективными членами являются и «узкопрофессиональные» союзы юристов – Общество судей, Национальная ассоциация генеральных атторнеев, Национальная ассоциация женщин адвокатов, Национальная ассоциация юристов-экологов и другие [1, с. 12-15].

Роль АВА в Соединённых Штатах очень велика. Это подтверждается словами доктора юридических наук, заслуженного юриста РФ М. Ю. Барщевского: «в свое время советская пропаганда утверждала, что в США правит военно-промышленный комплекс. Я бы сказал, что Америкой правит АВА. Впрочем, серьезно говоря, оба эти утверждения являются весьма сильным преувеличением. Но, однако, правда такова, что влияние АВА на социально-политическое состояние американского общества колоссально. Во-первых, вспомним, что более половины американских президентов были юристами. Добавим к этому, что очень большое количество сенаторов, конгрессменов, губернаторов штатов и мэров городов – тоже юристы. Учтем роль юристов-членов правлений крупнейших промышленных корпораций и финансовых концер-

нов. А теперь «наложим» все это на американскую структуру общества, зарегистрированную нормами права так, как ни в одной другой стране мира. Вывод напрашивается сам собой – АВА, реально объединяющая американских юристов, действительно имеет большое влияние на жизнь американского общества» [2, с. 10].

В России же такого масштабного и влиятельного профессионального объединения адвокатов и юристов не существует. Конечно, нельзя забывать об основанной в 2005 году Ассоциации юристов России. Однако нам кажется, что в ее построении существуют определённые проблемы. На первую линию в ней выходят, так сказать, настоящие юристы: ученые, судьи, прокуроры, а адвокаты где-то там, глубоко в тылах. Адвокатам нужно активнее включаться в работу данной организации. Как замечает сопредседатель Ассоциации юристов, доктор юридических наук С. В. Степашин: «Федеральная палата адвокатов вошла в состав Ассоциации, но на этом и закончилось ее участие. А ведь адвокаты в рамках Ассоциации могут бесплатно оказывать юридическую помощь, осуществлять юридическую пропаганду и ликвидировать юридическую неграмотность» [6, с. 6]. Создание на базе Ассоциации юристов России и Федеральной палаты адвокатов организации подобной АВА, по нашему мнению, является приоритетной задачей в процессе развития российской правовой системы.

Нельзя обойти вниманием и деятельность адвокатов США во взаимодействии с общественными правовыми организациями по оказанию правовой помощи отдельным этническим или профессиональным группам. В результате чего создаются и успешно осуществляют свою деятельность так называемые «общества юридической помощи». Финансируются они за счет частных пожертвований, частично за счет местных бюджетов. Еще в конце 70-х годов 20 века стали формироваться и специальные адвокатские конторы для «защиты интересов общества». Не ведя дела конкретных клиентов, они поддерживают иски к государству или крупным корпорациям, связанные с охраной окружающей среды, выпуском недоброкачественных лекарств и т. п. Похожие функции выполняют и адвокаты, получающие зарплату (поэтому точнее было бы их называть юрисконсультантами) в некоторых специализированных общественных организациях: в Американском союзе защиты гражданских свобод, Центре охраны конституционных прав граждан, Национальном союзе борьбы с расовыми и политическими репрессиями, Национальной ассоциации содействия развитию цветного населения, Американском союзе защиты гражданских свобод,

Национальном совете по охране природных ресурсов и многих других. Нужно отметить, что большинство юридических фирм в той или иной степени принимают участие в такой работе бесплатно. Это и внутренняя потребность, и внешняя необходимость, так как люди должны знать, что адвокаты не безразличны к общественным потребностям.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в Российском государстве для реализации адвокатуры в качестве института гражданского общества нужно создавать условия для вовлечения адвокатов в деятельность общественных правозащитных организаций. Как сказал в своем выступлении на пятом Всероссийском съезде адвокатов известный юрист В. В. Гриб: «...адвокатура на федеральном и региональном уровне должна более активно включаться в общественную деятельность, направленную на обеспечение прав и свобод граждан в законодательстве и правоприменении. Большие возможности для влияния на законодательную и исполнительную власть в этом отношении открывает участие руководителей адвокатских палат в работе общественных палат субъектов Федерации, включение представителей адвокатского сообщества в состав общественных советов, контролирующей деятельность правоохранительных органов, участие в работе Ассоциации юристов России и других общественных организаций» [4, с. 7]. Реализация этих направлений уже осуществляется, так в состав Общественной палаты РФ и Общественных палат субъектов входят представители адвокатского сообщества, кроме того адвокаты приняли активное участие в деятельности корпуса наблюдателей «За чистые выборы», осуществлявшего контроль за недавно прошедшими президентскими выборами. Кроме того, например, в Орловской области адвокаты совместно с фондом «Правовая реформа» реализовали проект по оценке деятельности мировых судей, составив рейтинг. Это мероприятие напрямую воздействовало на мировых судей. Узнав о том, что проводится опрос, они стали внимательнее следить за тем, что делают. Однако это лишь единичные примеры. В общем и целом адвокатура пока слабо взаимодействует с общественными организациями, что нужно исправлять. Для этого, на наш взгляд, (анализируя опыт США) можно развивать негосударственную систему бесплатной юридической помощи, участниками которой могут быть юридические клиники и негосударственные центры бесплатной юридической помощи, которые формировались бы на добровольных началах. Такие центры бесплатной юридической помощи могли бы создавать некоммерческие организации, адвокаты, адвокатские образования, адвокатские палаты субъектов РФ.

Также хотелось бы уделить внимание вопросу работы адвокатов, привлекаемых для оказания защиты в уголовном судопроизводстве по назначению. В этой сфере деятельности как у американских адвокатов, так и у российских существуют определённые проблемы. Как пишет в своей статье журналист Эрик Экхолм, которая недавно была опубликована в «Нью-Йорк таймс»: «Так называемые ведомства публичных защитников по крайней мере в семи штатах США подают сигнал бедствия, отказываясь принимать новые дела и ходатайствуя о сокращении уже принятых, так как, по их словам, непосильная нагрузка подрывает конституционное право бедняков на юридическую помощь». Организации публичных защитников обеспечивают оказание юридической помощи большинству малоимущих обвиняемых по уголовным делам. Работа адвокатов в этих ведомствах оплачивается государством, и в них могут работать от одного до сотни адвокатов. Во многих таких ведомствах сотрудникам запрещено совместительство, чтобы их рабочее время целиком уделялось защите малоимущих [3, с. 10]. На наш взгляд, положительной чертой такой системы является постоянный обмен опытом в сфере методики защиты, созданный между адвокатами. А отрицательной чертой является ограниченность кадровых ресурсов и стесненность в средствах из-за отсутствия у политиков и населения в целом энтузиазма по вопросу выделения средств на оплату защиты преступников. Перегруженность публичных защитников и недостаточная оплата их труда хорошо известны в США. Но сейчас, в рамках наиболее открытого мятежа в своей истории, государственные защитники заявляют, что урезание бюджета и растущая нагрузка привели их к критической черте. Так в г. Нью-Йорке финансирование защиты по уголовным делам со стороны штата и города уменьшилось за год на 2,7 миллиона долларов. В то же время число дел возросло с 210 000 в 2006 г. до 226 000 [3, с. 10].

А ситуацию в России, сложившуюся вокруг данной проблемы, ярко характеризуют слова президента Федеральной палаты адвокатов Е.В. Семеняко: «Ситуация, при которой на протяжении ряда лет представители государственных органов игнорируют настоятельные требования адвокатского сообщества о пересмотре униженных ставок оплаты труда адвокатов, привлекаемых для оказания защиты в уголовном судопроизводстве по назначению, наглядно демонстрирует отношение к адвокатуре. Терпение адвокатов на пределе, и нам с трудом приходится сдерживать наших коллег от протестных акций. Тем не менее, отказы адвокатов от защиты по назначению становятся все более частными. Замалчивать эту ситуацию далее невоз-

можно. В создавшихся условиях Федеральная палата адвокатов РФ, адвокатские палаты регионов не могут гарантировать выполнения адвокатами возложенных на них задач по защите прав граждан в уголовном судопроизводстве». Однако представители Министерства финансов не видят оснований для пересмотра ставок оплаты труда адвокатов, считая ее вполне достаточной. Оценивая труд адвоката ниже, чем любого другого участника судебного разбирательства, государство, по нашему мнению, не только подрывает принцип равенства сторон, но и разрушает конституционные права на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь. Нетрудно представить, что может случиться, если однажды адвокаты откажутся приходить в суд за те небольшие деньги, в которые оценивает их труд государство. Причем некоторые чиновники цинично заявляют, что защитники вполне могут себя прокормить гонорарами от других дел. А ведь каждый год по поручению правоохранительных органов адвокаты совершают тысячи процессуальных действий, с их участием рассматриваются сотни уголовных дел, общее число которых за год составляет порядка 1,5 млн. Даже временное устранение адвоката из этих процессов будет означать коллапс судопроизводства и кризис всей правоохранительной системы. Потому вопрос повышения оплаты труда нужно решать в течение ближайшего времени.

Ещё одной проблемой деятельности российских адвокатов является отсутствие возможности работы по трудовому найму. Закон об адвокатской деятельности запрещает адвокату работать по найму, этот запрет объясняется как гарантия обеспечения независимости адвоката при осуществлении им профессиональной деятельности. Хотя, по словам вице-президента адвокатской палаты Санкт-Петербурга А. С. Савича: «в 99,99 % случаев работодатель такого адвоката и не имеет никаких правоотношений с другими клиентами данного адвоката. От снятия этого запрета выиграли бы как раз наименее социально защищенные слои адвокатского сообщества, имеющие по тем или иным причинам недостаточную адвокатскую практику – молодые адвокаты, ветераны, адвокаты, работающие в отдаленных районах и т.д.» [5, с. 7].

А в США работа адвоката по найму является давно устоявшейся. Так особенно молодые, адвокаты, не имеющие собственной практики, работают по найму, но от этого не становятся менее независимыми, чем их коллеги. И большинство руководителей юридических служб являются адвокатами. И это нисколько не сказывается на их профессиональной независимости.

Ни при работе по договору найма, ни в случае

заключения гражданско-правового договора с определенным клиентом адвокат не утрачивает своей профессиональной независимости и не освобождается от соблюдения норм Кодекса профессиональной этики адвоката. В России, на наш взгляд, вначале можно разрешить такой вид найма, как наем адвоката адвокатской фирмой, как это возможно в США.

Таким образом, представляется важным отметить, что адвокатура в США является институтом частным и сильно удаленным от государства, и вмешательство в деятельность адвокатов там строго преследуется. А недостатки российской адвокатуры существуют из-за того, что, с одной стороны, она подконтрольна государству (в вопросах оказания бесплатной помощи и лишения статуса адвоката), а с другой стороны, адвокатура в РФ выступает институтом частным и потому является фактически «брошенной» государством. Государство с удовольствием вспоминает о своих правах по контролю адвокатской деятельности и тут же забывает о своих обязанностях по поддержанию деятельности адвокатов. Рассматривая систему организации адвокатуры в США, нужно применять положительный опыт такой системы организации в России. Так, по нашему мнению, необходимо внести ряд поправок в КоАП и другие акты, устанавливающие

ответственность за неисполнение запросов адвокатов, и ввести ответственность за вмешательство в деятельность адвокатов. За нарушения прав адвокатов на выполнение своей деятельности установить вплоть до уголовной ответственность должностных и иных лиц. Также нужно определиться, является ли адвокатская деятельность в России публичной или частной. Если данная деятельность будет исключительно частной, то необходимо запретить министерству юстиции обращение в судебные органы с целью лишения статуса адвоката, в обход управляющих органов адвокатских палат. А если данная деятельность в России будет рассматриваться как публичная, то необходимо четко регламентировать и гарантировать заработок адвоката.

При этом в любом случае необходимо осознание адвокатской деятельности как необходимой и обязательной в государстве, и в связи с этим решить вопрос о представлении интересов граждан и организаций не адвокатами. В США представление в судах интересов клиента юристами-неадвокатами строго запрещено. При этом в России по этому вопросу сложилась абсолютно дикая практика. Интересы граждан и организаций могут представлять не только юристы, но и лица, которые, по всем законам здравой логики, не могут быть допущены к таковой деятельности.

Библиографический список

1. The U.S. Legal System. Volume 1 Acquittal–Jurisdiction, Edited by Timothy L. Hall, University of Mississippi Law School, 2004, by Salem Press, Inc., Pasadena, California Hackensack, New Jersey. 797 p.
2. Барцевский М. Ю. Бизнес – адвокатура в США и Германии: Учебное пособие. М.: Белые альвы, 1995. 64с.
3. Голиков Н.В. На грани коллапса. Новая адвокатская газета. М.: ФПА РФ. 2009. №1 (042). С. 10-11.
4. Навстречу переменам. Отчет о V Всероссийском съезде адвокатов. Новая адвокатская газета. М.: ФПА РФ. 2011 №10 (99). С. 6-9.
5. Савич А.С. Адвокатура здравого смысла. Новая адвокатская газета М.: ФПА РФ. 2008 №9 (026). С.7-9.
6. Степашин С.В. Копейка рубль бережет. Российский адвокат. М., 2008 №1. С. 6-7.
7. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 2000. 560 с.

M. V. SITNIKOV

ABOUT SOME QUESTIONS OF ACTIVITY OF ADVOCACY AND OTHER INSTITUTES OF THE CIVIL SOCIETY ON PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOM OF THE PERSON AND THE CITIZEN TO RUSSIA AND THE USA

The article investigates the issues of functioning and interaction of the legal community and civil society for the protection of constitutional rights and freedoms of citizens of Russia and the United States. The author identifies the existing problems on these issues in Russia and offers suggestions for dealing with them on the basis of analysis of U.S. experience.

Key words: advocacy, institutions of civil society, human rights and freedoms, American Bar Association, human rights organizations.

Р. Ю. ЧЕПРУНОВ

аспирант кафедры конституционного и административного права Орловского государственного университета

E-mail: roman88@orel.ru

Тел. 8 910 303 87 72

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПУТЬ РЕОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СПОСОБА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЧЕТАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗМА И ДЕЦЕНТРАЛИЗМА В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

В статье описывается система народного управления, которая представляет собой своеобразно измененную форму местного самоуправления, адекватную современной российской действительности. Для организации такого управления необходимо создать теоретическую базу, основанную на устранении наиболее очевидных деформаций, сложившихся на настоящий момент в системе местного самоуправления, причем устранение таких деформаций должно осуществляться простым для понимания и исполнения путем.

Ключевые слова: реформа местного самоуправления, стабилизационно-идеологическая роль, народное самоуправление, двойственность местного самоуправления, вектор управленческих решений, управленческая культура.

Реформа местного самоуправления в Российской Федерации, очередной этап которой начался с принятия 6 октября 2003 года нового Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», называется «переходным» и считается уже окончанным, имеет весьма спорные итоги. Основные цели этой реформы системы местного самоуправления в России 2000-х гг. состояли, во-первых, в приближении власти к населению за счет повсеместного создания на территории Российской Федерации муниципальных образований низового уровня – сельских и городских поселений, во-вторых, в четком разграничении предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти (органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления муниципальных образований различных видов – муниципальных районов, сельских и городских поселений), в-третьих, в разграничении расходных обязательств между уровнями публичной власти¹.

В результате реформы территориальную основу местного самоуправления, осуществляющегося на всей территории Российской Федерации, составляют муниципальные образования, которые функционируют на двух уровнях: муниципальный район – несколько городских и/или сельских поселений (сельское поселение – один или несколько сельских населенных пунктов, городское

поселение – один город или поселок городского типа с прилегающими населенными пунктами сельского или городского типа); городской округ – городское поселение, не входящее в состав муниципального района; внутригородская территория города федерального значения – часть территории города федерального значения (Москвы или Санкт-Петербурга)². Но как видно выше, поставленные задачи состоят из двух частей, и если создание низового уровня сельских и городских поселений произошло, то приближения власти к населению само это население не ощутило. Даже без приведения неутешительных итогов многих проводимых в последнее время опросов и социальных исследований ярким фактором, подчеркивающим слабую степень вовлечения населения в процесс формирования института местного самоуправления на данный момент, является уровень заинтересованности граждан в формировании органов местного самоуправления, проявляющийся в средней явке на муниципальных выборах.

Были в итоге реформы разграничены также полномочия и расходные обязательства, правда, тот уровень полномочий, который достался органам местного самоуправления, позволил сделать вывод о том, что уровнем самостоятельности, соответствующим общемировым стандартам, в России обладают лишь 2% муниципальных образований³.

1 Киричук С.М. Состояние и перспективы реформы местного самоуправления в свете Послания Президента Российской Федерации. Аналитический вестник Совета Федерации, № 21. 2008. С. 7–9.

2 Кабашов С.Ю. Местное самоуправление в Российской Федерации. М., 2009. С. 29–53.

3 Адуков Р.Х., Адукова А.Н. Проблемы и пути совершенствования местного самоуправления на селе. Местное самоуправление в Российской Федерации, № 7. 2007. С. 32.

Естественно, реформа возымела и ряд положительных итогов, но учитывая степень решенности задач, провозглашенных как первоочередные, актуально говорить о поиске пути реорганизации местного самоуправления альтернативного осуществляемому. Такой альтернативный путь представляется разумным обозначить, беря за отправную точку для рассуждений отечественный способ решения проблемы сочетания централизма и децентрализма в местном самоуправлении, вкратце описанный ниже.

На сегодняшний день существенными чертами отечественного местного самоуправления, позволяющими судить о его преемственности на протяжении всего исторического пути Российского государства, являются учреждение местного самоуправления «сверху», фактическое включение его в систему государственного управления при формальной самостоятельности, идеологический характер местного самоуправления, свободная спекуляция его принципиальными основами в угоду политической власти.

Европейская хартия местного самоуправления в статье 3 даёт общее понятие местного самоуправления: «Под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения. Это право осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путём свободного, тайного, равного, прямого и всеобщего голосования. Советы или собрания могут иметь подотчётные им исполнительные органы. Данное положение не исключает обращения к советам граждан, референдуму или любой другой форме прямого участия граждан, если это допускается законом».⁴ Ни одна из черт, приведенных в данном понятии, не относится к тем чертам, что присущи российскому местному самоуправлению на всем протяжении его исторического развития. Хотя, безусловно, в отдельные его периоды состояние местного самоуправления было схоже с приведенными понятиями, но лишь эпизодически, что не позволяет судить об их существенности для отечественного пути развития местного самоуправления.

В России местное самоуправление на основании выделенных существенных признаков – это созданный государством институт государственной власти, играющий преимущественно

стабилизационно-идеологическую роль. На деле получается, как ни парадоксально, местное самоуправление, для которого самостоятельная управленческая функция не является основой и уходит на второй план. Из сказанного вытекает понимание отечественного способа решения проблемы централизма и децентрализма в местном самоуправлении.

Вначале следует определить, что такое в самом общем смысле централизм и децентрализм. В словаре Ожегова централизм – система управления, руководства, при которой местные управления, органы подчинены вышестоящим органам, в свою очередь, управляемым, руководимым из единого центра, а соответственно, децентрализм – система ей обратная. Но в рассматриваемой ситуации речь идет о местном самоуправлении, существенная функция которого не управление, а идеологическая стабилизация местного населения. По сути, всё управление остаётся в руках государства, а отдельные управленческие полномочия передаются местным органам только для создания благоприятного идеологического эффекта наличия одного из демократических столпов, а именно, прямого участия населения в решении вопросов публичного управления на местах при том, что даже оные могут быть по желанию государства возвращены в его компетенцию. Принимая местное самоуправление как систему, осуществляющую идеологическую функцию, тем самым мы снимаем проблему сочетания централизма и децентрализма, ибо в самой сути идеологической функции лежит её обслуживающий характер по отношению к центральному управлению.

Таким образом, в России нет необходимости следовать одному из европейских вариантов решения проблемы сочетания централистских и децентралистских начал в местном самоуправлении, но она может предложить иной путь при условии изменения основного предназначения местного самоуправления с управленческого на идеологическое. Но на этом пути местное самоуправление в его современном состоянии подстерегает несколько весьма значительных парадоксов. Например, при следовании вышеупомянутым путем предполагается, что местное самоуправление способно выступить как идеологически-стабилизационный институт, причём в качестве распространяемой им идеологии понимается идеология суверенной демократии, а в качестве стабилизационной задачи – поддержание социальной стабильности путем обеспечения высокого уровня жизни населения. На деле же оказывается, что на своем примере местное самоуправление показать преимущества демократической идеологии неспособно, ибо само базовым её принципам соответствует не вполне, а точнее –

⁴ Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985). Российская юстиция, № 9. 1996. С. 2-5.

только формально. Поддержать социальную стабильность неспособно по причине ограниченности и компетенции, и ресурсов, и квалифицированных кадров, и доверия населения, и всего того, что не позволяет местному самоуправлению стать действительно самостоятельной властной силой, а не проводником государственной идеологии и усмирителем дестабилизирующих настроений в обществе.

Этим самым обнаруживается проблемный характер осуществления органами местного самоуправления своих основных функций, в том числе, идеологической функции, которая традиционно в нашем государстве признается едва ли не самой главной функцией местного самоуправления. Для изменения существующего положения дел представляется разумным разработать систему мер преодоления основных проблем местного самоуправления. Среди таковых у органов местного самоуправления как идеологического института на первых позициях находятся отчужденность местного самоуправления от населения, недоверие населения органам местного самоуправления, нечеткое разграничение полномочий между уровнями власти, недостаточная квалификация муниципальных кадров, усложненный механизм межбюджетных отношений, и это только верхушка айсберга.

Детальная разработка описания такой системы займет существенно больше места, чем отведено для отдельной статьи, но вполне достаточным в её рамках будет описание общей концепции по преодолению указанных и многих сопутствующим им проблем. Стоит отметить, что тезисы, с которых начинается настоящая статья, в ней доказательству не подвергаются и постулируются как аксиоматические для обеспечения в её пределах возможности сделать следующий шаг в решении проблемы сочетания централизма и децентрализма в местном самоуправлении в Российской Федерации.

Кратко резюмируя современное состояние местного самоуправления как идеологически-стабилизационного института, можно говорить о местном самоуправлении как о неполноценном придатке государственной власти, наделенном широким спектром функций, справиться с которыми в совокупности неспособен по причине ограниченного доступа к государственным ресурсам в силу, в том числе, формального обособления от государственного управления, которое невозможно в соответствии с действующей системой распределения доходов и расходов в рамках государства. При этом, являя населению себя в таком неприглядном свете, местное самоуправление не способно реализовать и идеологически-стабилизационное свое предназначение по причине тесной связи демокра-

тической идеологии с идеализированным образом самоуправления при том, что многие сущностные черты одного отсутствуют в той системе, которая называется местным самоуправлением в российском государстве, а функция поддержания социальной стабильности без возможностей, как минимум, равных потребностям населения, обречена на провал.

Необходимость перемен очевидна. Важно только понять, что этим переменам нужно подвергнуть в первую очередь. Много уже создано и ещё будет создаваться научных трудов, посвященных глубинным причинам существования местного самоуправления в столь неоднозначном виде и способам глубокого реформирования, направленного на ликвидацию таковых причин. Подобный путь представляется совершенно оправданным и отражающим фундаментальный подход к решению существующей проблемы, но, учитывая ситуацию, не меняющуюся к лучшему уже несколько десятилетий, похоже не слишком действенным как пособие для практических реформаций. Пользуясь метафорой, в медицине есть интересный подход к лечению заболевания, причина которого не ясна, а местное самоуправление в наши дни очень напоминает тяжелого пациента, а именно, лечить не неизвестную причину, а бороться с явно проявляющимися симптомами. Конечно, такое лечение сравнительно менее эффективно, но как альтернатива ставшего уже классическим для России метода коренного слома и переустройства по «новому» зарубежному стандарту без какой-либо апробации на действительном состоянии государства вполне оправдано.

В чем состоит поверхностная проблема местного самоуправления? Очень похоже, что в его двойственности. Местное самоуправление в нормативно-правовых источниках и оно же в действительности – два разных института, здесь же сокрыта и проблема несовершенного выбора между государственным и обособленным от него характером местного управления, которая иначе может быть названа проблемой сочетания централизации и децентрализации в местном самоуправлении.

В философии существует древний принцип решения сложных задач – бритва Оккама, отсечь все лишнее, чтобы увидеть суть проблемы и приступить к её решению. К примеру, существует проблема несообразного разделения полномочий между местным самоуправлением и государством, при которой последнее оказывается неспособным своими средствами выполнять возложенные на него задачи. Самый простой и очевидный без дополнительного теоретизирования путь решения – сократить объем задач до того размера, который органам местного самоуправления по плечу. Причем, учитывая разно-

родность в рамках большого государства ситуаций в различных административно-территориальных образованиях, расчет допустимого максимума таких задач должен вестись по наименее финансово обеспеченным из них. По сути, такой подход при сохранении за административно-территориальными единицами достаточного количества источников доходов исключит потребность в государственном финансировании местного самоуправления и всего лишь переведет часть муниципальных органов в разряд органов государственных, что изменит их название, но не сущность.

К примеру, есть проблема отчужденности органов местного самоуправления от населения, что мешает решению базовых задач идеологически-стабилизационного института. Ассоциация сибирских и дальневосточных городов в прошлом году попыталась выяснить отношение органов местного самоуправления к населению зауральских территорий. Выяснилось, что местная власть больше всего сетует на привычку «подведомственного» населения надеяться на готовое и жить по принципу «каждый за себя». Только последнее место в этом опросе занял с 18,5% пункт «отсутствие организации», подразумевающий роль органов местного самоуправления в самоорганизации граждан. Может, поэтому, по данным Всероссийского совета местного самоуправления, абсолютное большинство населения убеждено, что местные власти мало интересуются мнением населения. Получается, как в классической школьной формуле, – сила противодействия равна силе воздействия. Примечательно при этом, что более половины опрошенных Фондом общественного мнения россиян считают, что по мере усиления вертикали власти местные руководители все больше отдаляются от населения, поскольку растет ответственность перед вышестоящим начальством. Исходя из всего вышесказанного, участники прошедшего в Институте экономики города круглого стола «Города России после кризиса: новые возможности или старые ограничения» выработали Новую повестку дня по управлению городом.

Новая повестка дня по управлению городом содержит следующие положения:

1. Возможно полная занятость населения относительно к сектору или отрасли экономики.
2. Максимально полный спектр социальных ролей без популистских мечтаний о сосредоточении в городе рабочих мест с высокой зарплатой.
3. Привлечение среднего класса, не только стимулируя создание новых рабочих мест, но по критериям улучшения качества среды обитания по широкому спектру – от стадионов до театров.
4. Акцент на верхние этажи сферы услуг – на-

уку, искусство, что позволяет увеличить долю творческих людей.

5. Охрана памятников архитектуры и культурного ландшафта, пропаганда значимости города для истории страны, его особой роли в современной жизни.

6. Работа над имиджем города во внешней среде, маркетинг города и его брендинг как особая форма маркетинга.

7. Развитие у горожан чувства идентичности со своим городом, позволяющего мобилизовать их на социально значимые позитивные мероприятия, формирование публичных пространств, через «освоение» которых и происходит такая идентификация.

8. Теснейший контакт городского руководства с общественностью вплоть до использования нарочитых форм полурекламного характера⁵.

Участники круглого стола полагают, что решение этих задач городского управления может стать решающим фактором в конкурентной борьбе городов за жителей.

Вышеуказанные меры, безусловно, полезны, но являются скорее списком намерений, чем инструкцией к действию. Более конкретное решение проблемы отчужденности – оставить в компетенции органов местного самоуправления только те полномочия, которые непосредственно отражаются на повседневной жизни населения (благоустройство территории, организация культурной и просветительской деятельности, поддержание функционирования системы ЖКХ, вопросы занятости и защита прав трудящихся), и изменить порядок формирования органов местного самоуправления – при сохранении необходимого минимума профессионального аппарата увеличить значение различных форм непосредственного волеизъявления, таких как сходы, публичные совещания, референдумы и прочие. При этом должен повыситься уровень вовлеченности населения в решение местных вопросов, прозрачности системы принятия решений, ответственности за их целесообразность, что в конечном счете представляет собой идеал демократического устройства общества и помимо этого как нельзя лучше сочетается с решением первой приведенной в качестве примера проблемы. В дополнении это повысит уровень доверия населения к деятельности органов местного самоуправления и позволит решить проблему некомпетентных управленческих кадров. Последняя проблема решится путем создания небольшого аппарата из профессиональных специалистов и передачи многих управленческих реше-

5 Дугар Санжиев. Местная власть, бизнес и население – треугольник отчуждения. Экономика и жизнь, № 08. ЗАО ИД «Экономическая газета», 3 марта 2011.

ний в компетенцию представительных сессионных органов или сходов граждан.

Такие простые решения, при поверхностном взгляде, способны устранить основные деформации системы местного самоуправления путем включения органов местного самоуправления в их современном понимании в систему органов государственной власти в качестве их низового уровня и создания своеобразной системы народного самоуправления для решения ограниченного круга вопросов, находящихся в компетенции непосредственно населения какой-либо административно-территориальной единицы. При этом, полностью справляясь со всеми переданными им функциями, органы народного самоуправления смогут реализовать и свою идеологически-стабилизационную роль, что в современном состоянии затруднено отсутствием достаточных к тому ресурсов у органов местного самоуправления, а также многими деформациями бюрократического и компетенционного характера, кои неизбежны при сохранении двойственности между нормативно-правовым статусом такого института и его реальным воплощением.

Таким образом, удастся достигнуть в реформировании местного самоуправления определенного оптимума – при сохранении традиционной роли местного самоуправления, сложившейся на протяжении существования российской государственности, будут устранены очевидные проблемы, имеющиеся в сфере местного управления.

Естественно, что любое кажущееся простым решение даже в первом приближении демонстрирует целый ряд побочных задач, без уделения внимания которым реализация такого решения невозможна. Верно это и в отношении вышеобозначенной концепции народного самоуправления. Концепция эта сама по себе не нова, и каждый раз, когда вставал вопрос о её целесообразности, возникало справедливое сомнение в способности населения к самоуправлению как таковому. Даже при условии передачи большей части задач в компетенцию государственных органов у народного самоуправления должно предположительно остаться солидное их число, что придает деятельности народного самоуправления существенную значимость. Такая значимость делает актуальным вопрос: способно ли население при минимальной поддержке бюрократического аппарата выработать единое решение хотя бы по какому-то вопросу? Как правило, общество демонстрирует удивительное единство в случае преобладания в нем единой сильной идеологии, но этот случай вряд ли можно отнести к актуальным для российской действительности, ведь именно во многом для формирования и внедрения в обще-

ство идеологии суверенной демократии и ставится вопрос о необходимости реформаций в области местного самоуправления. Для современного общества актуальны скорее проблемы низкой правовой, управленческой культуры, что ставит под серьезное сомнение возможность сознательного и эффективного самоуправления. Тем не менее, за последние десятилетия у российских граждан сформировался образ идеальной жизни, понятие которой во многом заимствовано из американских кинокартин, СМИ и глянцевого журналов, то есть у среднестатистического обывателя есть представление о благополучии, прежде всего финансово-бытовом, что само по себе уже может послужить своеобразным единым вектором принятия решений. В случае оставления в компетенции народного самоуправления вопросов благоустройства населения подобный вектор в управленческих решениях народного самоуправления представляется уже неплохим началом, причем в ходе деятельности такой управленческой системы теоретически данный вектор должен только укрепиться. О наличии подобного вектора помимо всего прочего свидетельствуют основные положения Программного обращения партии «Единая Россия» от 24 сентября 2011 г, несмотря на то, что партия неоднократно подвергалась критике за отсутствие реальной программы. Известный российский политолог и политтехнолог Глеб Павловский 8 апреля 2011 года в интервью в частности сказал: «Мы видим хаос, где никто ни в чём не уверен: правящая партия за полгода до выборов не знает, в чём её программа и чьи интересы ей представлять»⁶. Тем не менее, данное обращение в самом примитивном виде содержит обещания, которые, по мнению составителей такого обращения, наиболее полно отвечают массовым чаяниям будущих избирателей. Среди таковых:

1. «быть сильными и за следующие пять лет войти в пятерку крупнейших экономик мира»;
2. «общенациональная задача на ближайшие 20 лет – кардинально обновить или создать не менее 25 миллионов современных рабочих мест в промышленности и в бюджетном секторе»;
3. «В ближайшие 5 лет мы обеспечим практически полную независимость страны по всем основным видам продовольствия»;
4. «К концу 2014 года средняя заработная плата в стране должна увеличиться в 1,5 раза»;
5. «За два года фонд заработной платы в здравоохранении вырастет на 30 процентов. Уже в будущем году зарплаты школьных учителей и препода-

⁶ Глеб Павловский. ТанDEM превратился в тромб Государства российского [Электронный ресурс] // Новая Газета, № 90 (<http://www.novayagazeta.ru>). - АНО «РИД «Новая газета», 17 августа 2011 года.

вателей всех российских вузов сравниваются или превысят среднюю зарплату по экономике во всех без исключения регионах России»;

6. «За 5 лет мы должны построить в России не менее 1 тысячи новых школ, и за эти же 5 лет у нас не должно остаться ни одной школы в аварийном состоянии»;

7. «Доступное жильё – для каждой российской семьи. К 2016 году предстоит практически удвоить объём жилищного строительства»;

8. «Уже в ближайшее время вслед за снижением инфляции намерены обеспечить дальнейшее снижение годовых ставок по ипотечным кредитам»;

9. «Как и было запланировано, мы обеспечим жильем всех участников Великой Отечественной войны»⁷.

Здесь идеологическую опасность составляет отсутствие глубокой идентичности подобных векторов у большинства населения. Сильны до сих пор те установки, которые были восприняты российскими гражданами в перестроечный и постперестроечный периоды, столпами которых является коррупционность, деликвентность, правовой нигилизм и нивелирование значения культурных ценностей и высшего профессионального образования. Конечно, любое рассуждение об единых векторах целей для населения навсегда останется в рамках отвлеченного теоретизирования, поэтому для практической реализации реформационной схемы народного самоуправления подобные рассуждения не годятся. Схема устройства народного самоуправления должна быть построена таким образом, чтобы при учете максимального количества мнений возможность наличия равновеликих оппозиций сводилась к минимуму, и даже в этом случае принятие решения было всего лишь замедлено. Здесь неразрешимый вопрос целесообразности подобной системы лежит в области полагания изначальной разумности человека или же, в противовес этому, полагания неспособности населения управлять своими действиями без элитарного аппарата управления.

Важным элементом концепции является организационная составляющая, которая во многом должна обеспечить правильность и взвешенность принимаемых решений, а также позволить прийти к консенсусу даже при отсутствии единого вектора целей. Любая схема в этой области примерна и только отражает ключевые концептуальные моменты. Важным условием целесообразности такой схемы является её иерархичность, позволяющая решить проблему локализации и численной состав-

ляющей отдельных её элементов. Иерархичность – свойство, присущее более сложным схемам, реализовать которые в рамках одного единого элемента невозможно. Здесь это обусловлено практической трудностью собрать в одном месте население большого города и учесть мнение всех присутствующих на таком собрании, даже с учетом использования всех новейших технических средств. Потому логичной для большого населенного пункта представляется система из небольших представительных групп, реализованная, примерно, следующим образом: от 10-ти совершеннолетних граждан по одному представителю в первичную группу, не превышающую, допустим, 50 человек. Обсуждение проблемы происходит в устном порядке, решение принимается простым большинством голосов путем тайного голосования и оформляется в письменном виде. По одному представителю от каждой первичной группы вместе с их письменным решением присутствует на заседании вторичной группы, состоящей из не более чем 50 таких представителей, на котором обсуждаются представленные проекты решений первичной группы и принимается решение таким же образом на уровне вторичной группы. В случае наличия более чем одной вторичной группы, происходит тот же самый процесс на вышестоящем в иерархической системе уровне. Такая система позволяет учесть все многообразие мнений и, имея непрофессиональный состав, сократить расходы на финансирование управленческого аппарата местного самоуправления. Время участия представителей населения в работе подобных органов не должно превышать, допустим, 20 часов в месяц и осуществляться в течение нормальной продолжительности трудовой недели для каждой отдельной профессии с сохранением заработка на период отвлечение от занятия непосредственными трудовыми обязанностями. Примерно так выглядит совещательный орган власти, исполнение решений подобным путем естественно невозможно и должно осуществляться либо небольшим профессиональным аппаратом, хотя тут и есть опасность постепенного раздутия такого аппарата до прежних пределов. Поэтому в исполнительскую деятельность должны быть более тесно вовлечены коммерческие организации на основе системы государственной закупочной деятельности. Возможно разумным будет передать в полной мере осуществление, например, функции обслуживания ЖКХ в частные организации с привлечение государственного капитала на начальном этапе. За примером такой успешной передачи некоторых функций можно обратиться к истории местного самоуправления в Великобритании. Впервые правительство внедрило систему конкурентных

7 Программное обращение партии «Единая Россия» от 24 сентября 2011 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт партии «Единая Россия» - <http://er.ru/party/adress/>

торгов на получение средств и заказов для реализации программ городского развития в 1981 г. В соответствии с новой системой для реализации программ создавались так называемые корпорации городского развития (Urban development corporation), в управление которыми входили наряду с чиновниками, представляющими местные органы власти, и официальными представителями других правительственных агентств (например, советов по обучению и предпринимательской деятельности) представители Торговых палат и различных добровольных организаций. Такая система должна была, по мнению правительства, способствовать выработке решений, в наибольшей степени отвечающих местным потребностям, развитию взаимодействия между различными ведомствами и уровнями исполнительной власти, так же как взаимодействию с местными предпринимательскими кругами. При этом общее руководство оставалось за местным советом. Кроме того, последующий закон «О местных органах власти» 1991 г. в целях устранения перегруженности существующих пенитенциарных учреждений установил принципы строительства и функционирования новых тюрем с привлечением частного капитала; к 1996 г. действовали уже четыре подобные тюрьмы. Согласно условиям контракта, заключаемого между частной компанией и муниципалитетом, компания осуществляет ежедневное управление тюрьмой и заключенными, в то время как при принятии Министерством внутренних дел соответствующего решения местный орган власти имеет право расторгнуть этот контракт (если какое-либо из его условий будет нарушено или если изменится политика правительства в этой области). Директор тюрьмы назначается частной компанией и несет ответственность за ее функционирование, осуществляет необходимые меры безопасности и сотрудничает с различными учреждениями и местными органами власти. Такие пенитенциарные учреждения постоянно контролируются Управлением тюрем Министерства внутренних дел. Поначалу идеи передачи функций местных властей частным организациям, в частности передачи функций управления тюрьмами, казались немыслимыми и даже абсурдными, но в настоящее время эти идеи не только успешно претворены в жизнь, но и демонстрируют явные преимущества. В 1990 г. значительному реформированию подверглась Национальная система здравоохранения (которая, напомним, традиционно находится в ведении местных властей по всей стране). Все организации системы здравоохранения, подчиняющиеся местным властям, были разделены на «покупателей» (районные органы здравоохра-

нения и участковые врачи) и «продавцов» (больницы в виде самоуправляемых трастов), где «покупатели» могли свободно выбирать наиболее подходящие для своих пациентов больницы, а «продавцы» были вынуждены конкурировать между собой⁸.

Элементы представленной схемы совещательно-го органа власти должны функционировать не только в рамках целого муниципального образования, но быть применимыми для решения локализованных проблем, например, организация детских площадок на дворовых территориях в рамках отдельно взятой улицы. Должна быть возможность принятия решения по подобному вопросу в рамках тех же представительных групп, это достижимо при формировании первичных, вторичных и последующих представительных группы по месту жительства их членов, что само по себе достаточно простой и действенный способ, применяемый при необходимости учета мнения населения отдельной территории во многих управленческих отраслях. Естественно, что при меньшем числе жителей, заинтересованных в принятии решения, схема будет состоять из меньшего числа элементов, что обеспечит ускоренное решение незначительных текущих проблем. Хотя даже при этом подобная схема представляется слишком медлительной, даже в сравнении с деятельностью постоянного представительного органа власти. Важным элементом подобной схемы, обеспечивающим со временем ускорение обработки конкретных задач, что дает ей ещё одно преимущество по сравнению с действующей в местном самоуправлении сегодня схемой, является массовая управленческая, правовая и политическая культура населения муниципального образования. Не секрет – и об этом уже упоминалось ранее, что в современном российском обществе сложно говорить о данных массовых культурах по причине их в целом очень низкого значения. Схема с вовлечением широких масс населения в управленческую деятельность даст необходимый опыт каждому гражданину для повышения уровня массовой культуры. Ведь, по сути, правовой нигилизм, проблема которого была особенно остра в постперестроечный период, во многом был порожден отсутствием действенных правовых схем, в которых бы граждане могли осуществлять свою деятельность, тем самым, накапливая некий опыт и формируя правовую культуру. Очень проста сама по себе мысль о том, что любое управление было бы много эффективней и осуществлялось существенно быстрее в том обществе, члены которого знают, понимают и умеют пользоваться себе во благо различными управленче-

8 Goldsmith M., Page E. Farewell to the British state?. Public sector reform: Rationale, trends and problems. Ed. by Lane J. London: Sage publ., 1996. С. 149.

скими, политическими и правовыми механизмами. Теоретически долговременное существование вышеозначенной схемы местного самоуправления должно сыграть роль своеобразного массового образовательного института. Естественно, помимо образовательной такой элемент схемы как культура должен осуществлять ещё и накопительную функцию, аккумулируя благодаря современным электронным носителям информации огромный объем знаний и опыта, знакомство с которым должно позволить каждому новому участнику непрофессионального управленческого механизма ощутить себя его полноценной частью. Подобная база данных является своего рода прецедентной основой для решения проблем, возникающих в дальнейшем, что, например, в системе англосаксонского права признается вполне эффективным принципом решения спорных ситуаций в рамках судопроизводства и что позволяет находить уже апробированное решение без дополнительных затрат времени и интеллектуальных ресурсов.

Даже для представления схемы народного самоуправления в самых общих чертах непозволительно было бы упускать из внимания, что любая управленческая схема не может функционировать безотносительно к той среде, в рамках которой она призвана регулировать отношения. Любые проблемы, с решением которых сталкиваются органы местного самоуправления, порождаются средой, и только по реакции среды можно определить, привели ли действия органов управления к желаемому результату. Поэтому в любой управленческой теории важным элементом является скорость отклика управленческого аппарата на требования окружающей среды и скорость обратного эффекта – реакции среды на внедренное решение. В схеме, описанной в данной статье, проблема учета подобного механизма снимается, потому что при широком представлении интересов в совещательном органе среда становится практически тождественной управленческому аппарату и обмен информацией происходит в рамках одного целостного образования, что само по себе делает скорость такого обмена максимальной.

Реорганизация местного управления по модели народного самоуправления потребует переработки современной нормативно-правовой базы. Помимо издания нормативно-правовых актов, закрепляющих вышеозначенные изменения, необходимо будет принять к сведению и ликвидировать существующие коллизии между нормативно-правовыми актами разного уровня, регулирующими отношения в области местного управления. Одним из ярких примеров таких коллизий является противоречия между статьей 131 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право местного населения самостоятельно

определять структуру местного самоуправления, и тем подходом, который применил законодатель при издании Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», фактически закрепив в статье 34 этого закона единую структуру органов местного самоуправления, существенно ограничив тем самым конституционное право населения. Подобная ситуация сложилась во многом благодаря тому, что каждая из правовых норм призвана решить равно важные задачи, конституционная – предоставляет гарантию против игнорирования исторических и других местных традиций при организации управления на местах, а норма федерального закона призвана создать единообразную структуру для оптимизации управленческого процесса. В контексте представленной выше организационной системы конституционное положение, конечно, желательно переработать, во многом потому, что подобная установка является слишком идеалистической, и её прямое применение вообще снимает вопрос организационного устройства органов местного управления. Вывод о целесообразности переработки данной конституционной нормы можно сделать, исходя и из зарубежной правотворческой практики. Европейская хартия местного самоуправления подобного положения не закрепляет и многие европейские страны, с давней традицией местного самоуправления, придерживаются более реалистичного подхода. Например, Великобритания в Акте о местном управлении фактически устанавливает единую для всей территории структуру органов местного самоуправления, при этом оставляя за органами местного самоуправления и населением право самостоятельного формирования внутренней структуры управленческих служб⁹. Представляется, что переработка конституционной нормы в Российской Федерации по тому же образцу сняло бы имеющееся противоречие при внедрении концепции народного самоуправления и при этом бы полностью соответствовало духу прав и свобод человека. Подобная проблема, к сожалению, представлена в современном праве не в единственном числе, и с юридической стороны внедрение системы народного самоуправления потребует титанической и кропотливой работы для недопущения в очередной раз противоречия как между реальным и законодательно закрепленным состоянием института, так и между правовыми нормами, регулирующими его деятельность.

Получается, что существующее состояние местного самоуправления и та тенденция, которой сле-

9 Акт о местном управлении 1972 г. [Электронный ресурс] // <http://www.gmu-countries.ru/europa/uk/uk-encl-locgovact.html>

дуют реформаторы, далеки от приемлемого и дают карт-бланш для поиска и предложений альтернативных концепций. К примеру, теоретически получается, что следование максимально простому и очевидному пути реформирования системы местного управления может привести к созданию механизма народного самоуправления, который будет обладать большим набором достоинств по сравнению с существующим сегодня в России. И помимо этого, учитывать традиционную для страны роль органов местного самоуправления как идеологически-стабилизационного института и не только учитывать, но и позволять эту роль реализовывать на практике. В дополнение подобная система достаточно близка к духу местного самоуправления, его идеализированному образу, закрепленному в международной доктрине, хотя и потребует значительной законодательной работы. Местное управление, обладающее чертами исторической и правовой преемственности, учитывающее мнение всего населения через мнение каждого его

представителя, отвергающее ценность разросшегося бюрократического аппарата, направленное на удовлетворение текущих потребностей населения вместе с формированием общего идейного или идеологического вектора, развитию массовой правовой, политической и управленческой культуры, – это существенно более приемлемый вариант, нежели существующее местное самоуправление. Для любой реформы наиважнейший параметр – это эффективность, что означает не только достижение эффекта, но его достижение максимально простым и быстрым путем, что представляется более вероятным при помещении в качестве базы подобной реформы системы простых, понятных всем и оттого очевидных идей, что может, с одной стороны, показаться ненаучным, но с другой стороны, отвечает сущности местного самоуправления как, казалось бы, предельно простой и близкой населению управленческой системы, влияние на которую не требует прохождения длительных и запутанных бюрократических процедур.

Библиографический список

1. Адуков Р.Х., Адукова А.Н. Проблемы и пути совершенствования местного самоуправления на селе. Местное самоуправление в Российской Федерации, № 7. 2007. С. 32.
2. Акт о местном управлении 1972 г. [Электронный ресурс]. <http://www.gmu-countries.ru/europa/uk/uk-encl-locgovact.html>
3. Глеб Павловский. Тандем превратился в тромб Государства российского [Электронный ресурс]. Новая Газета, № 90 (<http://www.novayagazeta.ru>). АНО «РИД «Новая газета», 17 августа 2011 года.
4. Дугар Санжиев. Местная власть, бизнес и население – треугольник отчуждения. Экономика и жизнь, № 08. ЗАО ИД «Экономическая газета», 3 марта 2011.
5. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985). Российская юстиция, № 9. 1996. С. 2-5.
6. Кабашов С.Ю. Местное самоуправление в Российской Федерации. М., 2009. С. 29–53.
7. Киричук С.М. Состояние и перспективы реформы местного самоуправления в свете Послания Президента Российской Федерации. Аналитический вестник Совета Федерации, № 21. 2008. С. 7–9.
8. Программное обращение партии «Единая Россия» от 24 сентября 2011 г. [Электронный ресурс]. официальный сайт партии «Единая Россия» <http://er.ru/party/adress/>.
9. Goldsmith M., Page E. Farewell to the British state?. Public sector reform: Rationale, trends and problems. Ed. by Lane J. London: Sage publ., 1996. С. 149.

R. U. CHEPRUNOV

ALTERNATIVE WAY OF REORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT WHEN CHOOSING A DOMESTIC WAY OF A SOLUTION OF THE PROBLEM OF A COMBINATION OF CENTRALISM AND DECENTRALISM IN LOCAL SELF-GOVERNMENT

In the article the system of national management which represents originally changed form of local self-government adequate to the modern Russian validity is described. For the organization of such management it is necessary to create the theoretical base based on elimination of the most obvious deformations, developed currently in local self-government system, and elimination of such deformations should be carried out by a simple way for understanding and execution.

Key words: reform of local self-government, a stabilization-ideological role, national self-management, a local self-government duality, a vector of administrative decisions, administrative culture.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

И.П. БУЛЫКО

кандидат богословия, преподаватель С.-Петербургского Православного Института Религиоведения и Церковных Искусств
E-mail: IvanBulyko@yandex.ru

ПНЕВМАТОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ ЭККЛЕЗИОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ В БОГОСЛОВИИ КАРДИНАЛА ИВА КОНГАРА

Учение о Святом Духе имеет важное значение для богословия и для жизни Церкви в целом. Кардинал Ив Конгар рассматривает его не только с точки зрения внутритроичной жизни, но также говорит о Его спасительных действиях в мире в области домостроительства. Святой Дух действует как в отдельно взятой личности, так и в совокупности многих личностей, которые объединены в едином Телес – Церкви Христовой. Поэтому кардинал Конгар настаивает на синтезе пневматологической экклезиологии и пневматологической антропологии. Этот синтез кардинала Ива Конгара был значительным вкладом в католическое богословие Святого Духа.

Ключевые слова: пневматология, экклезиология, антропология, сотериология, пневматологический синтез, храм Святого Духа.

Богословие кардинала Ива Конгара о Святом Духе способствовало возрождению католической богословской мысли и облегчило в определённой мере взаимопонимание между Востоком и Западом. В своём богословии Святого Духа он попытался показать ту важную роль Святого Духа, которую Он играет в жизни Церкви, а также в жизни каждого отдельно взятого христианина.

Человек сотворён по образу и подобию Божию. Этот образ, по мнению кардинала Конгара, не может быть ограничен физической структурой человеческой личности. «Человеческое существо сотворено по образу Троицыного Бога не только в физической структуре, но также в реальности существования в обществе и общении» [2, с. 254]. Человеческие личности наделены знанием и любовью для того, чтобы существовать в отношениях с Богом и друг с другом. Они – активные, свободные исторические субъекты, причастные общей человеческой природе.

Верующие есть воистину живые камни этого храма. Бог входит в их жизнь до самого основания. Они воистину святы, потому что Бог лично вошёл в этот мир и реально соединился с каждым из них. Это соединение стало возможно благодаря событиям Боговоплощения, Пасхи, Пятидесятницы, благодаря домостроительствам Сына и Святого Духа, которые были посланы в этот мир для того, чтобы восстановить утраченное в раю общение между Богом и человеком. Если Сын Божий, ставший человеком через своё Воплощение, смерть, Воскресение, совершает наше Искупление, то Святой Дух усваивает нам плоды этого Искупления, обитая в нас, как

в своих храмах. Он соединяет нас с Собой, а через это единение мы также соединяемся с Лицами Отца и Сына. Святой Дух приводит нас в общение с другими людьми. Во Святом Духе наша любовь друг ко другу возвышается до сверхъестественного уровня. Мы любим друг друга любовью Божией, мы соединены друг с другом единством Тела Христова.

Интерес кардинала Ива Конгара к богословию Святого Духа неотделим от экклезиологии – учения о Церкви. Богословие Святого Духа является компонентом его экклезиологии, а экклезиология естественно и органично должна включать в себя антропологию, учение о человеке, потому что Церковь как Богочеловеческий организм состоит из людей, которые являются членами этого организма. И каждый верующий, который принадлежит Церкви, также есть также храм живущего Святого Духа, который животворит как отдельного верующего, так и всё Тело Церкви.

Следовательно, пневматологию мы должны рассматривать не отдельно от экклезиологии, но в синтезе с ней. Именно поэтому богословие Святого Духа, по мнению кардинала Конгара, требует синтеза пневматологической антропологии и пневматологической экклезиологии. Этот взгляд на развитие и интеграцию этих двух измерений пневматологии есть существенный вклад кардинала Ива Конгара в современное Римо-католическое богословие Святого Духа.

Как отмечает Элизабет Тереза Гропп, «именно православное богословие побудило его интегрировать пневматологическую экклезиологию и пневматологическую антропологию» [5, с. 35]. Кардинал

Конгар пришёл к выводу о необходимости данного синтеза под влиянием православных богословов. В октябре 1963 года, когда был подготовлен документ «О Церкви» на Втором Ватиканском Соборе, кардинал Конгар имел беседу с протоиереем Александром Шмеманом и греческим богословом Никосом Ниссиотисом, которые сделали ему замечания по данному документу: «Если бы мы должны были приготовить трактат «О Церкви», мы бы включили в этот трактат главу о Святом Духе, к которому также добавили бы ещё одну главу, которая касалась бы христианской антропологии»[2, с. 470].

Для кардинала Ива Конгара пневматологическая антропология и пневматологическая экклезиология – это два неразрывных измерения одного и того же дара Святого Духа. «Пневматология есть некое измерение экклезиологии, так что она включает в себя и антропологию» [4, с. 18]. Святой Дух является одновременно оживляющим началом человеческой личности и соучредителем, и жизненным принципом Церкви. Истинное богословие Святого Духа должно включать в себя богословие обитающей личности и богословие Церкви, потому что Святой Дух приводит все личности, все поместные Церкви в общение друг с другом.

Кардинал Ив Конгар осознавал, что разрыв антропологии и экклезиологии недопустим с точки зрения библейского и святоотеческого богословия, с точки зрения богословия Фомы Аквинского, а также с точки зрения Восточного богословия. Он в Доминиканской богословской школе Сольшвар под влиянием своих великих учителей, таких как Мари-Доминик Шеню, открыл для себя традицию, которая интегрировала богословие Церкви и богословие человека. Точкой соприкосновения этих двух областей вероучения, по мнению кардинала Конгара, является пневматология. Именно учение о Святом Духе является для него тем основанием, которое должно присутствовать как в антропологии, так и в экклезиологии. Без этого основания было бы совершенно невозможно объяснить тайну общения Бога и человека, тайну обожения и Божественного усыновления.

Кардинал Ив Конгар с сожалением отмечал, что «современная антропология отделена от экклезиологии»[1, с. 325-326]. «Самое большое различие между святоотеческой экклезиологией и современной экклезиологией заключается в том, что первая включает в себя антропологию, тогда как вторая является книгой общественного права... Антропология святоотеческой экклезиологии – это антропология человеческого общества, которая находит своё выражение через это общество, потому что только таким образом раскрывается

Богоподобие. Вот то место, где встречаются антропология и экклезиология, и именно это человечество, которое имеет общение с Богом и между собой, является предметом Церковных действий»[6, с. 31-32].

Синтез пневматологической антропологии и пневматологической экклезиологии кардинала Ива Конгара есть богословие, укоренённое в библейской, патристической и средневековой традиции.

Рассматривая данный синтез с точки зрения библейского богословия, кардинал Конгар отмечает, что в Библии нет разрыва между богословием обитания Святого Духа в праведном человеке и богословием Церкви. Христианин, согласно Библии, органично вписан в реальность Церкви. Он есть член Церкви как Тела Христова, а следовательно, её часть. Если Святой Дух действует во всём целом, точно так же Он должен действовать и в части этого целого.

В богословии апостола Павла как отдельно взятая личность, так и вся Церковь есть храм Святого Духа, и Святой Дух даётся нам не как индивидуумам, но как лицам, находящимся в общении друг с другом, лицам, соединённым через общее прославление и почитание Бога. Апостол Павел говорит: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас?»(1 Кор. 3,16). У апостола Павла есть неоднократное утверждение обитания в нас Святого Духа как в своём святилище, которое относится одновременно как к личностям, так и к общине как таковой. Понятие обитания у апостола Павла передаёт, по мнению кардинала Конгара, значение постоянного присутствия и идею «обитания-владения».

Исследуя святоотеческую традицию, в частности, труды святого Иринея Лионского и святого Кирилла Александрийского, кардинал Ив Конгар говорит о том, что они указывают на то, что каждая душа – это Церковь. Духовные ценности Церкви, как Храма Невесты, реализуются в каждой верующей душе. Подобно тому, как человеческая личность становится храмом Святого Духа через постоянную молитву, точно так же и Церковь является храмом, чьи стены отражают звук голосов тех, кто объединён в хвале Бога.

Однако кардинал Конгар предупреждает о том, что это не означает, что обитание Святого Духа в человеческой душе причинно предшествует действию Святого Духа в Церкви и действие Святого Духа в Церкви причинно предшествует обитанию Святого Духа в человеческой личности. И как отмечает собрат кардинала Ива Конгара по монашескому Доминиканскому ордену и его ученик (в настоящий момент профессор и ведущий специалист в области экклезиологии Парижского

Католического Института) отец Эрве Легран, «совершенно неправильным было бы представить себе то, что кардинал Ив Конгар вначале развивал антропологию, а затем экклезиологию и в конечном итоге пытался бы синтезировать эти два элемента богословия»[5, с. 169]. Обитание Святого Духа не чуждо нашей тварной человеческой природе, но оно, как подчёркивает кардинал Ив Конгар, неотделимо от тайны Церкви.

Антропология кардинала Конгара ни в коем случае не является индивидуалистической. Мы сотворены со способностью общаться с другими, стремиться познать других, любить друг друга. Человеческое существо сотворено для того, чтобы жить в отношениях друг с другом. Наше призвание к знанию и любви указано способностью быть призванными Богом. Мы сотворены по образу Божию с целью получить Божественное призвание и ответить Богу истиной, верностью и любовью.

Пневматологическая экклезиология кардинала Ива Конгара также не есть некая конгрегация, в которой индивидуумы объединяются вместе по общему признаку, она также не есть иерархия, в которой некоторые личности имеют автономную власть даровать Божественную благодать другим. С точки зрения богословия Святого Духа, которое в то же время есть антропологическая пневматология и экклезиологическая пневматология, Церковь – это не просто иерархия в смысле подчинённых и начальствующих, потому что обитание Святого Духа обще всем. Святой Дух обитает в каждом члене Церкви, независимо от того, обличён ли христианин иерархической властью или нет.

Пневматологическая экклезиология кардинала Ива Конгара – это сложное богословие Церкви, которое имеет общинный характер природы и благодати. Святой Дух действует через отношения взаимности и общения. Церковь для кардинала Ива Конгара – это не просто общественная организация, которая имеет свой статус в человеческом обществе, живёт и существует по установленным законом, но это живой организм, это собрание людей, которые руководимы Святым Духом и которые стремятся к Богообщению и Богоподобию.

Кардинал Ив Конгар, синтезируя пневматологическую антропологию и пневматологическую экклезиологию, полагает в основу своих рассуждений следующие соображения.

Во-первых, он исходит из того принципа, что ни человеческая личность, ни Церковь, ни даже дар Святого Духа не являются целью сами по себе. Обитание Святого Духа в человеческой личности и миссия Церкви объединены в общей направленности к трансцендентному Богу. Дух Христов исходит

от Бога и призывает нас вернуться к Богу – отвратиться от греха и эгоизма и жить в святости, правде, любви и общении. Это сильный теоцентрический акцент его богословия.

Во-вторых, для кардинала Ива Конгара важным принципом интеграции пневматологической антропологии и пневматологической экклезиологии является богословие природы и благодати. Он утверждает, что у нас есть естественное желание благодати Божией и что с момента творения Бог определил для нас Божественное общение. Кардинал Конгар делает особый акцент на том, что благодать – это Сам Святой Дух. Согласно учению кардинала Конгара, мы способны познавать Бога тогда, когда в нас присутствует Святой Дух, который совершает наше обожение.

Ещё одним ключевым принципом для синтеза пневматологической антропологии и пневматологической экклезиологии для кардинала Ива Конгара является пневматологическая христология. Кардинал Конгар подчёркивает, что Иисус Христос стал Мессией для нас благодаря действию Святого Духа в событиях жизни, смерти и воскресения. Через Святого Духа всё человечество ипостасно соединяется с Превечным Словом. Благодаря Святому Духу, через которого Церкви сообщается благодать, каждый член Церкви соединён с Её Главой – Господом Иисусом Христом. Святой Дух делает нас причастниками Самого Превечного Слова благодаря таинствам Церкви, а особенно в таинстве Евхаристии, когда под видом хлеба и вина, которые под действием Святого Духа становятся Телом и Кровью Христовой, мы причащаемся Самого Источника Жизни – Господа Иисуса Христа.

Именно во Святом Духе Иисус Христос служит основанием для Церкви. Святой Дух делает Иисуса Христа Начальником нового искуплённого человечества, которое составляет Церковь Христову. Господь Иисус Христос возглавляет это человечество в своей Ипостаси, будучи Главою Церкви. Церковь есть результат Его искупительного подвига, а также сошествия Святого Духа в день Пятидесятницы. Поэтому можно сказать, что в основе Церкви лежат два домостроительства: домостроительство Христа и Святого Духа.

Таким образом, пневматологическая экклезиология кардинала Конгара предполагает пневматологическую христологию. И пневматологическая антропология также требует эту предпосылку, ибо как «Святой Дух преобразует человечество Христа из формы служебной в форму Божественную, так Он совершает и обожение человечества»[5, с. 35]. Через Боговоплощение и вхождение в мистическое Тело Христово мы становимся чадами Божиими. Мы ста-

новимся сотелесными Христу, который воспринял нашу человеческую природу, кроме греха, и который прославил наше воспринятое человечество через своё телесное вознесение на небо. В Теле Христовом мы соединены мистически Святым Духом с Христом как единым Главой этого Тела и друг с другом. Через это соединение мы являем собой эсхатологический народ Божий, усыновлённый Богу, Глава которого есть Сам Господь Иисус Христос.

Кардинал Ив Конгар на основании библейского и святоотеческого богословия проводит параллель между обитанием Святого Духа в Церкви как Теле Христовом и Его обитанием в человеческой душе. Душа человека также, как и Церковь, есть храм живущего в ней Святого Духа. Таким образом можно говорить о том, что душа – это храм

Святого Духа в малом масштабе, где Святой Дух обитает в человеке как индивидууме, а Святая Церковь есть храм Святого Духа во вселенском масштабе. Она есть совокупность тех, в ком обитает Святой Дух. Бог присутствует в нас и находится в общении с нами до такой степени, что тела наши есть храмы Господа.

Если рассматривать пневматологическую антропологию в отрыве от пневматологической экклезиологии, то тогда возникают проблемы в понимании учения о спасении. Догматическое учение Церкви построено так, что все догматы рассматриваются в тесной связи друг с другом, и эта связь даёт нам целостную картину того, как происходит спасение человека от греха и приведение его в общение с Богом.

Библиографический список

1. Congar Y. o.p. J'aime l'Orthodoxie//Ecrits Reformateurs. Choisis et présentés par Jean-Pierre Jossua, Les Editions du CERF, 1995, P. 325-326.
2. Congar Y. o.p. Je crois en L'Esprit Saint. Paris. 1998.
3. Congar Y. o.p. Le mystère du Temple, Paris, 1958.
4. Congar Y. o.p. Le Saint Esprit dans la theologie thomiste d'agir morale// L'agire morale, Napoli, 1974.
5. Groppe E.T. Yves Congar's theology of the Holy Spirit. Oxford University Press, 2004.
6. Kallistos (Ware), bishop Preface// Flynn G. Yves Congar theologian of the Church, Peeters Press, Louvain-Paris-Dudley, 2005.

I.P. BULYKO

PNEUMATOLOGIC SYNTHESIS OF THE ECCLISSIOLOGY AND ANTHROPOLOGY IN THE THEOLOGY OF CARDINAL YVES CONGAR

The doctrine of the Holy Spirit is very important for the theology and for the life of the Church in general. The Holy Spirit acts either in the human person and also in the gathering of the persons united in the Body of the Church of Christ. Either the Church and the human person are the temple of the habituating Holy Spirit. Cardinal Yves Congar insists on the synthesis of pneumatological ecclesiology and pneumatological anthropology. This conclusion he makes under the influence of the Orthodoxy on the basis of the biblical theology and the theology of the Holy Fathers of the Church that is inclined to regard all the doctrine of the Church synthetically as the whole. This synthesis was a considerable contribution in the catholic theology of the Holy Spirit.

Key words: pneumatology, ecclesiology, anthropology, sotreology, pneumatological synthesis, temple of the Holy Spirit.

О.В. ДАВЫДЕНКОВ

кандидат философских наук, зав. кафедрой
Восточно-христианской филологии и Восточ-
ных Церквей ПСТГУ
E-mail: odavydenkov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ VI ВЕКА: УМЕРЕННОЕ МОНОФИЗИТСТВО

В статье рассматриваются общие методологические вопросы исследования византийской философии и теологии эпохи Вселенских соборов, предпринята попытка рассмотреть философскую проблематику христологических дискуссий на примере одного из наиболее значительных догматических движений VI столетия – умеренного монофизитства.

Ключевые слова: византийская философия и теология, христология, философско-догматическая система, умеренное монофизитство, халкидониты, Севир Антиохийский, Иоанн Филопон.

Проблематика христологических споров в Византии представляет значительный интерес не только с историко-культурологической и теологической, но также и с философской точки зрения. Как отмечает А.Х. Армстронг, «влияние христианской теологии на последующую европейскую мысль очень велико, и именно поэтому для историка... философии абсолютно необходимо предоставить некоторый обзор... этой теологии. В конце концов, именно христианская теология передала философские идеи греков Средним векам, а от Средних веков, в большей степени, нежели это иногда осознается, Ренессансу и философам Нового времени» [1, 176].

Уже во II столетии начинается процесс интенсивного усвоения философской культуры античности формирующимся христианским мировоззрением. Согласно К. Шенборну, «два главных вопроса христианского богословия – проблема единобожия и учение о вочеловечении – требовали философского осмысления. И оно оказалось возможным лишь на том пути, когда христианские богословы стали осваивать греческую ментальность и тем самым подвели христианское благовестие к встрече с греческим мышлением» [12, 90]¹. Эта тенденция стала очевидной уже со времени Климента и Оригена (кон. II–пер. пол. III в.) и весьма ярко проявилась в период триадологических споров IV в. По словам прот. Г. Флоровского, «арианство поставило перед богословским сознанием философскую задачу. И в философских понятиях и словах ответила Церковь на арианский соблазн. Уже св. Александр Александрийский в обличение Ария... “богословствовал по-философски”» [10, 12]². По образному выражению Э. Жильсона, ветхие мехи античной философии оказались достаточно пригодными для того, чтобы вместить молодое вино христианства [16, 82].

Начиная с VI столетия, наблюдается широкое использование методов логического решения христологических вопросов, дальнейшее проникновение в патристическую мысль форм и методов философского мышления, выработанных в античности, что даже позволяло некоторым исследователям определять это столетие как «век византийской схоластики» [20, 59; 21, 638–639]³. В VI–VII вв., т.е. в период напряженных христологических дискуссий, завершается формирование того особого способа и стиля философствования, который и может быть определен как «византийская философия». Начиная с этого времени можно говорить об уникальном феномене «византийского философско-теологического единства», ставшего характерной чертой византийского мировоззрения и образа мысли. «Мы вправе констатировать, что в истории европейского мышления патристика явилась *первым* типом рефлексии, который по большинству параметров отвечает... понятию религиозной философии» [9, 66–67].

Тем не менее, византийская эпоха является, вероятно, наименее изученным периодом в истории европейской философской мысли, что обусловлено особым статусом философии в системе византийского мышления [6, 46–50]. В отличие от позднейшей латинской схоластики [1, 174], византийская мысль не стремилась четко разграничить сферы богословия и собственно философии, точно указав последней пределы ее компетенции [6, 51]. В качестве важнейшей характеристики греческой патристической мысли исследователи называют ее органическое внутреннее единство, определяя ее как совершенно чуждое противопоставлению понятий «теология» и «философия» «единое любопытство» [8, 472–473], в котором «философские и религиозно-догматические элементы практически

неотделимы друг от друга» [9, 71], а мировоззрение византийских мыслителей рассматриваемого периода характеризуют как «гармоническое объединение богословия и философии, веры и знания» [4, 53].

Поскольку в греческой патристике II–VIII вв. не существовало четко оторефлексируемой границы, отделяющей философию от теологии, оказывается фактически невозможным, с одной стороны, исследовать философскую проблематику этого периода вне соответствующего теологического контекста [7, 81–82], а с другой – понять логику развития богословской мысли, игнорируя философский аспект теологических дискуссий⁴.

Христология, являясь одним из важнейших разделов христианской теологии, традиционно выступала связующим элементом между собственно догматическими основаниями христианской религии и религиозно-философскими построениями, создаваемыми христианскими авторами в полемическо-апологетических целях. Поэтому изучение христологической проблематики с философской точки зрения является более перспективным, чем изучение какого-либо другого раздела теологии.

В истории христологических споров в Византии одним из наиболее значительных догматических движений явилось так называемое умеренное монофизитство⁵, философско-догматическим оформлением которого стала система виднейшего нехалкидонитского мыслителя Севира Антиохийского (ок. 465–538 гг.)⁶. Изучение этой системы и ее восприятия в византийской философско-теологической традиции представляет немалый интерес для выявления философской и теологической проблематики христологических дискуссий указанного периода⁷. Во-первых, это одна из тех систем, которые являются детально разработанными и претендующими на то, чтобы соответствовать всем критериям научности своего времени. Во-вторых, без изучения этой системы невозможно понимание и диофизитской христологической традиции, на становление которой противостояние севирианству оказало огромное влияние. В-третьих, органически выросшая из греческой традиции и являющаяся по существу своему «греческой верой» [11, 30] система Севира была отвергнута в Византии и, будучи вытесненной на негреческий Восток, оказалась вне основного русла развития византийской философской и теологической мысли. Тем самым она дает возможность взглянуть на византийские философию и теологию как бы со стороны и таким образом лучше понять внутреннюю логику их развития.

Стремление Севира представить свое учение в систематическом виде с использованием строго на-

учной терминологии стало причиной того, что его философско-догматическая система воспринималась его последователями как своего рода «сумма веры» (*summa fidei*), по которой обучались многие последующие поколения монофизитов [23, 256]⁸.

Для обоснования монофизитской доктрины Севир впервые использовал ряд философских идей.

1. В основу своей философско-догматической системы он положил концепцию «сложная природа» (*σύνθετος φύσις*), опирающуюся на понятие «сосложение» (*σύνθεσις*). Под сосложением Севир понимает такой тип соединения, при котором соединяющиеся элементы, не претерпевая изменения со стороны своей сущности, изменяют как образ своего существования, так и свой онтологический статус. Севир определяет Христа как сложную природу, в которой элементы соединения – божество и человечество – существуют уже не как две отдельные ипостаси и не как две различные природы, но как две части или два полюса общей сложной природы [24, 39; 27, 214]. Для пояснения своего учения Севир использовал антропологическую парадигму, согласно которой божество и человечество соединены подобно соединению души и тела в человеке [24, 61; 25, 78].

2. Сложность природы Христа, согласно Севиру, обусловлена тем, что Его природа обладает всеми естественными свойствами как божества, так и человечества. Для обоснования этой идеи Севир использует заимствованное у свят. Кирилла Александрийского [15, 193BC] понятие «свойство в смысле естественного качества» (*ἰδιότης ὡς ἐν ποιότητι φυσικῇ*) [25, 55; 28, 5]. Однако, несмотря на то, что божество и человечество в состоянии сосложения различаются на уровне естественного качества, они не являются в силу этого двумя различными природами. Согласно Севиру, различие между элементами ипостасного соединения есть «различие природного качества», которое не подразумевает наличие двух природ [25, 59].

3. Особенностью учения Севира о природных свойствах является запрет распределять свойства между божеством и человечеством: хотя элементы соединения как части сложной природы различаются на уровне естественного качества, тем не менее, распределять природные свойства, которыми обладает Христос, между частями сложной природы недопустимо [28, 4–5]. Таким образом, «Севир для нужд своей христологии выковал собственное понятие свойства, сознательно отграниченное от принятого в светской философии» [17, 406], суть которого заключается в том, что в сложных природах, несмотря на сохранение качественного различия составных частей, все природные свойства принад-

лежат сложной природе и осуществляются единой природой как таковой, а не ее составными частями.

4. Учение о различении на уровне естественного качества дополняется у Севира концепцией «примышление» (ἐπίνοια) [24, 185; 27, 214]⁹. Хотя внутри сложной природы не может быть различия составляющих на природном уровне, однако в порядке примышления можно усматривать во Христе две природы, две ипостаси и даже два лица¹⁰.

5. Вопреки дохалкидонской и халкидонитской традициям Сефир рассматривал энергию как производное не от природы, а от ипостаси и исповедовал во Христе «единую богомужную энергию» (μία θεανδρική ἐνέργεια) [26, 309]. По Севиру, во Христе имеет место только одна энергия, источником которой является воплотившийся Логос, воспринятое же человечество оказывается лишенным собственной природной активности. Однако, преломляясь в человечестве, божественная энергия порождает человеческие дела или поступки (ἐνεργηθέντα). Таким образом, при единстве самой энергии совершенные Христом дела могут быть отнесены к двум порядкам – божественному и человеческому [24, 225; 25, 60–61; 29, 758–759]. Очевидно, что концепция богомужней энергии органично дополняет учение о различении на уровне природного качества.

6. Отказываясь отождествить в христологии термины «природа» и «сущность», Сефир, тем не менее, понимал, что во избежание крайностей еutihianства и несторианства необходимо каким-то образом разубить цепочку жестко связанных друг с другом терминов: «природа» – «ипостась» – «лицо». С этой целью он вводит в свою понятийно-терминологическую систему различие между двумя типами ипостасей: самобытными (ἰδιούσται) и несамобытными (οὐκ ἰδιούσται). По Севиру, самобытная ипостась всегда образует отдельное лицо, в то время как ипостась несамобытная отдельным лицом не является [24; 61, 63]. Самобытные ипостаси могут быть сложными (σύνθετος), каковыми является всякий человек, а также Богочеловек Иисус Христос. Однако между Христом и прочими людьми имеет место существенное различие: всякий человек слагается из двух несамобытных ипостасей, т.е. души и тела, тогда как Христос представляет собой результат соединения самобытной ипостаси Слова с несамобытной человеческой ипостасью [14, 9–11]. Понятие «несамобытная ипостась» «является абсолютной новостью во всей византийской философии» [13, 634], и выступает в системе Севира как формальное определение онтологического статуса человечества в состоянии ипостасного единства.

Указанные философские идеи, использован-

ные Севиrom, еще не дают основания утверждать, что его философские предпосылки принципиально отличались от тех, на которых основывались его оппоненты-диофизиты. В современной научной литературе высказывалось мнение, что главное философское расхождение между диофизитством и умеренным монофизитством заключалось в различном понимании соотношения между общим и единичным [31, 107–151]. Хорошо известно, что в Средние века многие философские и научные вопросы ставились в богословской форме. Так, вопрос о соотношении общего и единичного в контексте христологических дискуссий выступал как вопрос о характере соединившихся во Христе природ: являлись ли они общими или же частными¹¹?

В середине VI в. в арсенал антихалкидонской христологии была введена концепция «частная природа (сущность)», закрепившая в монофизитстве представление о частном характере природ, соединившихся во Христе. Эта концепция оказала огромное влияние на монофизитскую мысль и вызвала обширную полемическую литературу со стороны сторонников Халкидона. Данное философское нововведение связано с именем самого известного среди севириан второй генерации мыслителя александрийского грамматика Иоанна Филопона (ок. 490–ок. 575 гг.). В христологии он старался точно следовать учению Севира, близость их позиций проявляется как на уровне идей, так и в части, касающейся терминологии [18, 114–116; 22, 3]¹². Будучи профессиональным философом, получившим образование, основанное на Аристотеле¹³, Филопон, не затрагивая основных принципов построения системы Севира, употребил свои знания на то, чтобы сообщить антихалкидонскому вероисповеданию философское обоснование [18, 120].

О том, что христология Филопона вполне укладывалась в рамки севирианства, свидетельствовали и его современники. Тимофей Константинопольский писал, что «севириане (Σεβηρίται) или феодосиане, они же филопониане (Φιλοπονιάκοι), принимающие епископов Севира и Феодосия, принимают как учителя (εἰς διδάσκαλον) Иоанна Филопона, а также и его сочинения...» [42, Col. 64A].

Однако у Севира сам термин «частная сущность» не встречается. В связи с этим возникает закономерный вопрос, требующий отдельного исследования: являлись новые идеи Иоанна Филопона разрывом с севирианской традицией, или же, напротив, предпосылки концепции «частная природа», пусть и не в явном виде, содержатся уже в произведениях самого Севира и, следовательно, учение Филопона следует признать вполне закономерным развитием севирианской мысли?

Примечания

1. Согласно А.Л. Доброхотову, «очевидно, что теизм вообще – а христианский теизм особенно – требует философии: хотя бы потому, что очертить сферу Откровения в достойной чистоте можно, только постоянно уточняя ее границы с умозрением»; см.: Доброхотов А.Л. Философия и христианство // Сборник докладов конференции «Христианство и философия». М., 2000. С. 19.

2. Как замечает Л. Бриссон, «Отцы Церкви прямо говорят о философских истоках своих учений»; см.: Канто-Спербер М., Барнз Дж., Бриссон Л. и др. Греческая философия. Т. II. М., 2008. С. 781.

3. С.Л. Епифанович отмечал, что христологический вопрос «с VI в. начал постепенно выходить уже из фазы... сотериологического освещения и переходить в фазу... сухой диалектической борьбы»; см.: Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996. С. 40.

4. Вероятно, именно некорректное определение христологических систем рассматриваемого периода как чисто богословских, изначально помещающее исследователя в ложную перспективу, объясняет тот факт, что при рассмотрении проблематики христологических споров VI–VII вв. их философский аспект почти всегда оказывается вне поля зрения исследователей и потому не получает достаточного освещения, а между тем влияние философского фактора в теологической полемике могло иметь весьма существенное значение. По этой причине представляется более правильным определять христологические системы эпохи Вселенских соборов как философско-догматические.

5. Монофизитство (от греч. *μόνος* – «один» и *φύσις* – «природа») – догматическое движение, возникшее и сформировавшееся в Византии в V–VI вв. на основе отрицания вероопределения Халкидонского (IV Вселенского) собора 451 г., где было провозглашено учение о том, что во Христе имеют место две природы – божественная и человеческая, соединенные в одной ипостаси или лице. В предании Православной (дифизитской, халкидонитской) Церкви противники Халкидонского собора (нехалкидониты, антихалкидониты), начиная с VI в., традиционно называются «монофизитами», т.е. формально исповедующими во Христе, вопреки оросу IV Вселенского собора, не две, а одну природу. В настоящее время существует семь фактически автокефальных нехалкидонских (Древних Восточных) Церквей: Коптская, Эфиопская, две Армянских (Эчмиадзинский и Киликийский католикобаты), Антиохийская (Сиро-Яковитская), Маланкарская (Сирийская Церковь Индии) и Эритрейская, которые являются историческим продолжением монофизитских общин, окончательно отделившихся от Вселенской Церкви в VI столетии, и объединяют в общей сложности более 60 миллионов верующих; см.: Робертсон Р. Восточно-христианские Церкви. СПб., 1999. С. 33–50.

6. Именно христологическая доктрина Севира, а также его единомышленников и последователей (Феодосий Александрийский, Иоанн Филопон и др.), получила в современной науке наименование умеренного монофизитства (греч. *ο μετριοπαθής μονοφυσιτισμός*; англ. *moderate monophysitism*) (Например, см.: Ларше Ж.-К. Христологический вопрос. По поводу проекта соединения Православной Церкви с Дохалкидонскими Церквями: нерешенные богословские и экклесиологические проблемы // Богословские труды. № 41. 2007. С. 173–175; Berardino A., di. ed. *Patrology. The Eastern Fathers from the Council of Chalcedon (451) to John of Damascus (+ 750)*. Institutum Patristicum Augustinianum. U.K. 2006. P. 189, 372; Μλοζοβίτη Σ.Ν. Τὰ αἰώνια σύνορα τῆς Ὀρθοδόξιας καὶ Ἀντιχάλκηδονί. Ἀθήναι, 1999, Σ. 71–77). В отличие от более радикальных представителей этого догматического движения (евтихиане, афтартодокеты, актиститы и др.), Сефир и его сторонники признавали сложный характер единой природы Христа и утверждали, что внутри единой сложной природы сохраняется различие между божеством и человечеством на уровне свойства в смысле природного качества.

7. Следует отметить, что последователи Севира рассматривали своего учителя не только как выдающегося богослова, но и как искусного философа. Например, один из биографов Севира – Захария Схоластик – именует его истинным «христианским философом» (См.: Zacharie le Scholastique. *Vie de Sévère* // *Patrologia Orientalis*. P., 1903. T. 2. Fasc. 1. P. 90). Современные исследователи также отмечают, что в произведениях Севира монофизитство предстает не только как богословская, но и как философская доктрина; см.: Wallace-Hadrill D.S. *Christian Antioch: A Study of Early Christian Thought in the East*. Cambridge, 1982. P. 106–107.

8. В том, что доктрина Севира представляет собой непревзойденную вершину монофизитской мысли, согласны практически все как зарубежные, так и отечественные исследователи (Например, см.: Асмус В., прот. О монофизитстве // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 1992–1996 гг. М., 1996. С. 208; Дьяконов А.П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 2006. С. 57; Ларше Ж.-К. Указ. соч. С. 171; Флоровский Г.В. Восточные отцы V–VIII веков. М., 1992. С. 29; Шмеман А., прот. Исторический путь Православия. М., 1993. С. 198; Berardino A., di. Op. cit. P. 198; Mebratu Kiros Gebre. *Miaphysite Christology (an Ethiopian Perspective)*. NY, 2010. P. 58–59). В силу данного обстоятельства, в настоящей статье термины «умеренное монофизитство» и «севирианство» употребляются как равнозначные.

9. Согласно П.Б. Михайлову, «с одной стороны, *ἐπίνοια* есть этап познавательного процесса, смыслообразующая деятельность рассудка, с другой – его результат, закрепленный в понятии, некий смысл познаваемого предмета или явления» (См.: Михайлов П.Б. Деятельность разума в богословии. Анализ понятия *ἐπίνοια* в древнехристианской и позднеантичной письменности // Вестник ПСТГУ. Серия I: «Богословие. Философия». М., 2006. № 15. С. 72). Тем самым выделяются два основных значения этого слова: функциональное и результативное. В отечественной философской и богословской литературе XIX–XX вв. перевод греческого *ἐπίνοια* как «примышление» стал традиционным. Однако это слово малопонятно для современного носителя русского языка. «Как кажется, наиболее уместным отражением основного значения слова *ἐπίνοια* будет “мысленное представление”, которое, с одной стороны, вполне учитывает функциональную нагрузку слова, а с другой – сохраняет результирующее значение слова. Выражение “мысленное представление” удачно совмещает в себе весь основной набор значений слова *ἐπίνοια*...»; там же. С. 77.

10. «Лицо каждой [природы]... воображается в порядке примышления (*τὸ ἐκάστης... φαντάζεται πρόσωπον ἐν ἐπίνοια*)... Осознавая же [путем] размышления и силу соединения и показывая единую из обоих ипостасей, по примышлению усматриваем две ипостаси (*τὰ ἐπίνοια σκοπῆθέντα δύο τῇ ὑποστάσει*)... После же мысли о соединении... примышление (*ἡ ἐπίνοια*) избегает различения двух воображаемых лиц или природ или ипостасей (*τῶν φαντασθεῖσων δύο προσώπων ἢ φύσεων ἢ ὑποστάσεων*)»; цит. по: Eustathii Monachi. *Epistola ad Timotheum Scholasticum de duabus naturis adversus Severum* // PG T. 86. I. Col. 921AB.

11. Данное предположение выглядит весьма правдоподобно. В самом деле, все усилия Севира были направлены на то, чтобы отрицать за воспринятым Логосом человечеством онтологический статус природы и лишить его свойственной человечеству природной активности. Для халкидонитов, понимавших ипостасное соединение как сочетание двух общих природ

ипостаси Бога Слова, которая выступает как самый принцип ипостасного единства, усвоение человечеству природной активности во всей полноте не могло восприниматься как некая «угроза» ипостасному соединению. Если же природы мыслятся как частные, а само ипостасное соединение как их непосредственное сочетание, то человечество будет рассматриваться как потенциальное лицо, усвоение же ему природного статуса и природной активности превратит его в лицо актуальное, что фактически будет означать разрушение ипостасного единства.

12. Взгляд на Филопона как на ученика Севира закрепился и в арабо-мусульманской традиции. Об этом сообщается, например, в «Фихристе» Ибн ан-Надима (X в.) и в «Тарих аль-Хукама» Ибн аль-Кифти (XIII в.) (См.: Berardino A., di. Op. cit. P. 360). Учеником и преемником Севира называет Иоанна Филопона и византийский историк Никифор Каллист (XIV в.); см.: Nicephori Callisti. Ecclesiastica Historia // PG T. 147. Col. 429C.

Хотя в конце жизни Филопон разошелся с большинством севириан в вопросах триадологии и эсхатологии и был осужден большей частью умеренных монофизитов, несмотря на испорченную богословскую репутацию, в глазах последующих поколений севириан его христологические трактаты сохранили высокий авторитет и еще долгое время имели употребление в монофизитской среде, являясь ценным материалом для антихалкидонской аргументации; см.: Herman T. Johannes Philoponus als Monophysit // Zeitschrift für die neutestamentische Wissenschaft. 29. 1930. S. 12, 209.

13. Как считает Т. Херман, «для Филопона святым отцом, несомненно, в первую очередь был Аристотель» (См.: Herman T. Op. cit. S. 213). М. Ришар отмечает, что в своих трудах Иоанн Филопон пользовался аристотелевскими научными методами» (ἀριστοτελικαὶς τεχνολογίαις) (См.: Richard M. Le Traite de Georges Hieromoine sur les heresies // Revue des etudes byzantines. 1970. T. 28. P. 266), а В. Татакис именует Филопона «основателем христианского аристотелизма»; Tatakis B. La philosophie byzantine. Paris, 1949. P. 47.

Библиографический список

1. Армстронг А.Х. Истоки христианского богословия: Введение в античную философию. СПб., 2006.
2. Доброхотов А.Л. Философия и христианство. Сборник докладов конференции «Христианство и философия». М., 2000. С. 5–21.
3. Дьяконов А.П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 2006.
4. Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996.
5. Заболотского. Ленинградская Духовная Академия, 1975. С. 2–3 [Машинопись]
6. Мейендорф И. протопр. Византийское богословие. М., 2001.
7. Сидоров А.И. Иоанн Грамматик Кесарийский (к характеристике византийской философии в VI в.) // Византийский Временник. 1988. Т. 49. С. 81–99.
8. Сидоров А.И. Христианство как философия или любомудрие по Христу по свидетельству греческих отцов Церкви и церковных писателей II–VIII веков. Преп. Анастасий Синаит. Избранные творения. М., 2003. С. 461–476.
9. Столяров А.А. Патрология и патристика. М., 2001.
10. Флоровский Г.В. Восточные отцы IV века. М., 1992.
11. Флоровский Г.В. Восточные отцы V–VIII веков. М., 1992.
12. Шенборн К. Бог послал Сына Своего: Христология. М., 2003.
13. Щукин Т.А. Севир Антиохийский. Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия. Т. I. СПб., 2009. С. 643–657.
14. Chesnut R.C. Three Monophysite Christologies: Severus of Antioch, Philoxenus of Mabbug, and Jacob of Sarug. Oxford, 1976.
15. Cyrilli Alexandrini. Epistola 40 ad Acacium Melitinae episcopum. PG T. 77. Col. 181D–201B.
16. Gilson É. L'Esprit de la philosophie médiévale. P., 1944.
17. Hainthaler T. Eine christologische kontroverse unter den Severianern Ende des 6. Jh. Grillmeier A. Jesus der Christus im Glauben der Kirche. Bd. 2 / 3. Freiburg; Basel; Wien. S. 403–437.
18. Hainthaler Th. Johannes Philoponus, Philosoph und Theologe in Alexandria. Grillmeier A. Jesus der Christus im Glauben der Kirche. Bd. II/4. Freiburg im Breisgau; Basel; Wien, 1990. S. 109–149.
19. Herman T. Johannes Philoponus als Monophysit. Zeitschrift für die neutestamentische Wissenschaft. 29. 1930. S. 209–264.
20. Lang U.M. John Philoponus and the Controversies over Chalcedon in the sixth Century. Leuven; Peeters, 2001.
21. Moeller Ch. Le chalcédonisme et le Neo-chalcédonisme. Das Konzil von Chalkedon. Geschichte und Gegenwart. Würzburg, 1951. Bd. 1. S. 637–720.
22. Scholten C. Antike Naturphilosophie und christliche Kosmologie in der Schrift «De Opificio Mundi» des Johannes Philoponos. Berlin; NY, 1996.
23. Sellers R.V. The Council of Chalcedon: A Historical and Doctrinal Survey. London, 1953.
24. Severi Antiocheni. Contra impium Grammaticum. Lib. I–II. Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium (далее – CSCO). T. 112. Lovanii, 1938.
25. Severi Antiocheni. Ac Sergii Grammatici. CSCO T. 120. Lovanii, 1949. P. 51–144.

26. *Severi Antiocheni*. Epistola III ad Johannem abbatem. Doctrina Patrum de Incarnatione Verbi. Aschendorff; Münster, 1981. P. 309–310.
27. *Severi Antiocheni*. Le Philalethès // CSCO T. 134. Lovanii, 1952.
28. Severus of Antioch. Letter 1. To Oecumenius the count, about properties and operations. *Patrologia Orientalis* (далее – PO). T. 12. Fasc. 2. 1919. P. 3–14.
29. *Sévère d'Antioche*. Homilia 109 // PO. T. 25. Fasc. 4. 1942. P. 732–781.
30. Timothei presbyteri Constantinopolitani. De receptione haereticorum. PG T. 86. I. Col. 11–74B.
31. ΛΟΥΚΑΣ (ΓΡΗΓΟΡΙΑΤΗΣ), ΙΕΡΟΜΟΝ. ΔΙΟΣΚΟΡΟΣ ΚΑΙ ΣΕΒΗΡΟΣ ΟΙ ΑΝΤΙΧΑΛΚΙΔΟΝΙΟΙ ΑΙΡΕΣΙΑΡΧΑΙ. ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ, 2003.

O.V. DAVYDENKOV

**PHILOSOPHICAL PROBLEMS IN CHRISTOLOGICAL POLEMICS
OF THE 6TH CENTURY: MODERATE MONOPHYSITISM**

The article considers some general questions of methodology in studying Byzantine philosophy and theology in the age of Ecumenical councils. The author attempts to elucidate philosophical aspects of theological discussions on the basis of Christological doctrine of the so called “moderate monophysitism”, one of the most important dogmatic movements of the 6th century in Byzantium.

Key words: Byzantine philosophy and theology, Christology, philosophical and dogmatic system, moderate monophysitism, Chalcedonians, Severus of Antioch, John Philoponus.

Ж.В. ЛАТЫШЕВА

кандидат философских наук, доцент кафедры
философии и религиоведения Владимирского
государственного университета имени А.Г. и
Н.Г. Столетовых

E-mail: joan_lat@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОНИМАНИЯ ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье, на основе анализа философии К. Ясперса и М. Мерло-Понти, раскрывается и развивается трактовка трансцендирования, сложившаяся в экзистенциально-феноменологической традиции. Устанавливается неразрывная связь трансцендирования с экзистенцией, выделяются такие способы трансцендирования, как пребывание в пограничной ситуации, коммуникация, свобода. Аргументируется идея трансцендирования человеком как целостным телесно-духовным существом, помещенным в интерсубъективное пространство. Подчеркивается, что трансцендирование осуществляется посредством самовыражения, которое подразумевает восприятие и говорение.

Ключевые слова: трансцендирование, трансценденция, экзистенция, свобода, коммуникация, телесность, интерсубъективность, самовыражение.

В век профицита информации и дефицита духовности особую актуальность приобретает исследование такой неотъемлемой составляющей человеческого духа, как трансцендирование. Трансцендирование – это неустранимая духовная тяга, «духовно-творческий прорыв к высшим универсалиям культуры и бытия (истине, красоте, благу, Богу), позитивное превосхождение человеком самого себя, выводящее его поначалу поверхностное инертное сознание и существование на уровни постижения глубинных основ подлинно человеческого бытия» [9, с. 20].

«Трансцендирование» выступает высокоёмким термином, охватывая онтологический, гносеологический, этический, эстетический, социальный, религиозный и иные аспекты. В данном термине сконцентрированы различные способы, направления, формально-содержательные и другие особенности процессов превосхождения. Так, в ходе изучения семантики трансцендирования, сложившейся в философской литературе прошлых эпох, нами выделены некоторые из его многообразных смысловых контекстов. В частности, трансцендирование выступает как:

1. стремление к высшим универсалиям бытия (благу, прекрасному, Богу, любви), самосовершенствование (в эпохи Античности и Возрождения);
2. символично-анагогическое познание Бога, религиозно-духовное возрастание и опыт непознаваемого запредельного (в Средние века);
3. диалектическое единство рационального и интуитивного в преодолении эмпирической реальности и постижении актуальной бесконечной реальности (Бога) (у Р. Декарта и Б. Паскаля);

4. развертывание целостной системы трансцендентального идеализма (у И. Канта);

5. постижение и принятие установлений Абсолютного бытия в качестве руководства к творческой деятельности ученого (у И. Фихте);

6. иррациональный выбор, «прыжок» в абсурдную ситуацию как возможность общения с Богом, приход к парадоксу веры (у С. Кьеркегора) и др.

Представленная смысловая палитра показывает, что в философской рефлексии предшествующих исторических периодов данная идея присутствует лишь имплицитно. И только в таких направлениях философии XX столетия, как феноменология и использующий феноменологическую методологию экзистенциализм происходит последовательная тематизация и экспликация сущности трансцендирования. Поэтому, в настоящей статье мы считаем необходимым осуществить анализ трактовки трансцендирования, сложившейся в экзистенциально-феноменологической традиции с целью выявления глубинных характеристик и особенностей указанного процесса превосхождения.

О. Ф. Болльнов в своей глубокой и тонкой работе «Философия экзистенциализма» пишет: «...в экзистенциальной философии говорится о настоящем прорыве сквозь плоскость всех содержательных определений в такое новое пространство, которое недоступно иррациональным силам в человеке настолько же, насколько и его мыслительным возможностям», «... экзистенциальная философия учит, что существование проявляется в человеке лишь в реализации такого движения, в котором все возможные содержательные определения отводятся в качестве несоразмерных» [1]. Эти высказывания верно

характеризуют экзистенциальное существование – наиболее интимную область, сердцевину человеческого внутреннего мира, которая открывается как нечто истинное и глубинное по мере удаления человека от предметностей и содержаний текущей жизни, по мере выхода его субъективности в иное измерение бытия. Кроме того, слова О.Ф. Больнова достаточно ярко раскрывают и трансцендирующую специфику человеческого существования, существования, называемого экзистенциальным.

Действительно, как явствует из рефлексии представителей экзистенциализма, эта философия буквально пронизана идеей трансцендирования. Аргументируем этот тезис посредством рассмотрения подходов К. Ясперса и М. Мерло-Понти, чьи творческие поиски выступают одними из наиболее оригинальных и убедительных проявлений экзистенциального и экзистенциально-феноменологического мышления.

К. Ясперс признает существование трансцендентной реальности. Однако, по его мнению, трансцендентное – это не потусторонний мир, а, скорее, символическое бытие, бытие неких символов. Трансцендентное проявляется в языке, мифах, религии, метафизических объектах и постигается как конец, граница эмпирического мира. Причиной возникновения трансценденции является экзистенциальное существование, которое, согласно немецкому экзистенциалисту, «... есть то, что относит себя к самому себе и в этом – к своей трансценденции» [1]. Именно Ясперс впервые определил особое экзистенциальное движение к трансценденции (абсолютному бытию), форму связи с ней как трансцендирование (*das «Transzendieren»*).

Ясперс выделяет три измерения бытия – *Dasein*, (предметное существование), экзистенцию (бытие-для-самого-себя) и трансценденцию (сущее-само-по-себе). Данные измерения выступают крайними точками сущего и не составляют единого целого. Вообще, как считает немецкий философ, мир изначально не является цельным, а всегда предстает в виде глубоких трещин, разломов, руин, тотального крушения. Именно в ощущении подобного крушения и заключается, как он считает, возможность философского трансцендирования, которое, как трансцендирование к единству, целостности бытия, может реализовываться трояко – через мироориентацию, просветление экзистенции и метафизику.

В процессе осуществления философской мироориентации происходит преодоление закрытости, ограниченности мира, преодоление необоснованности суждений о нём. Причем совершается данный переход во всех областях реальности мира, в частности, в таких её проявлениях, как наука, по-

литика, воспитание, мировоззрение, философия. Перед лицом выявленных недостаточности и неопределенности возникают, согласно Ясперсу, два потенциальных альтернативных способа их превосходства – возврат к религии и движение к философской суверенности.

Просветление экзистенции, показывающей себя как «...прорыв мирового бытия, прорыв, находящийся все время в действии» [2], носит характер мыслительного подтверждения экзистенции. Однако способы подобного просветления должны быть адекватны неуловимости, непредметности «прорыва мирового бытия». Тем не менее, пути просветления экзистенции, в числе которых – формирование всеобщего в его особенностях, способствуют вырабатыванию только формальной экзистенциальной схемы, пригодной лишь в качестве примерной предварительной инструкции взаимодействия с экзистенцией.

Экзистенция, как и трансценденция, являясь непостижимой для разума, раскрывается через трансцендирование, которое проявляется, как мы считаем, многопланово: в пограничной ситуации, в коммуникации, историчности и свободе.

Пограничные ситуации – это нечто нисходящее в мир в виде особых представлений, знаков, шифров. Среди этих шифров – эротика, единство человека с миром, свобода, смерть, крушение. Понять шифры трансцендентного помогают, по мнению Ясперса, искусство во всех его видах и философия. Зыбкость, неустойчивость бытия побуждает человека к поискам вечного и постоянного, стремлению «видеть знак непреходящего в более или менее эмпирически устойчивом, длящемся. Долг, терпение, надежда в душе человека противостоит нигилизму и страсти к разрушению, свидетельствуя о трансцендентном, о Боге» [3, с. 312]. Переживание указанных ситуаций, прочтение шифров предстает, на наш взгляд, именно как трансцендирование, открывающее человеку лишь присутствие трансцендентного, но не его понимание и выступающее глубинным процессом осуществления полноты экзистенциального бытия.

Коммуникация – это форма существования экзистенции. В экзистенциальной коммуникации как форме трансцендирования выявляется и обретает действительность самость Я, обоюдно создаются самости участвующих в коммуникации сторон. «Коммуникация – это *любовная борьба*, в которой экзистенция борется за безусловную открытость. Но это борьба особого рода, ибо здесь не стремятся ни к превосходству, ни к победе и каждая сторона предоставляет все в распоряжение другой» [2]. Именно в коммуникативном трансцендировании

реализуются добро, верность, ответственность и философствование.

Историчность представляет собой еще одну сущностную сторону экзистенции и её трансцендирования. Стремящееся к целостности, т.е. трансцендирующее бытие экзистенции всегда исторично. «Историчность – это единство наличного бытия и экзистенции, необходимости и свободы: в историческом сознании сняты как абсолютная необходимость, так и не знающая сопротивления свобода» [2]. Вследствие этого историчность предстает целокупностью конечного (временного) и бесконечного, отраженного в мгновении.

Экзистенция – это еще и свобода. Понимая себя как свободу, человек тем самым постигает свою трансценденцию, явлением которой он оказывается, и оказывается именно через свободу. Экзистенция не коренится в повседневности, а напротив, противостоит ей, опираясь на свободное от утилитарных мотивов сознание ничто. Экзистенция – это, с одной стороны, «сопротивление» (Trotz), а с другой – «самоотдача» (Hingabe), это подъем и крушение, это противоположность законов дня и ночи.

В «сопротивлении» обнаруживается свобода, которая устремляет человека к познанию и самопознанию. Порыв свободы определяет только человеку присущее разнообразие путей духовного роста. Он, предстающий как свободное самосознание, свободная воля, вырывает человека из природы, отделяет его от божества и противопоставляет как природе, так и божеству. Однако, в устремленности к трансцендентному, проявляющемуся в поисках истины, одной свободной воли недостаточно. Важно совершить скачок от противостояния, свободного отрицания к полной самоотдаче. «Божество не желает слепой самоотдачи, оно хочет свободы, которая сопротивляется, и только из противостояния может возникнуть полная самоотдача» [11, с. 79]. Таким образом, человек обретает себя через свою свободу и трансцендирование.

Итак, сущность трансцендирования в контексте философии К. Ясперса, коренится в невыразимой сущности экзистенции и её неизбежном тяготении к абсолютному бытию. Именно в трансцендировании экзистенция обретает целостное бытие. Трансцендирование может проявляться в пограничной ситуации, коммуникации, историчности, свободе. Философское трансцендирование реализуется посредством мироориентации, просветления экзистенции и метафизики. Трансцендирование ставит человека перед альтернативой принятия либо религиозных, либо философских истин. Оно носит характер качественного скачка от противостояния к самоотдаче; принимает форму свободного и ре-

шительного выбора вечных, непреходящих ценностей человеческого бытия, отрицающих пустоту и бессмысленность «повседневного сна», излечивающих слепоту духовного ока. Так понятое трансцендирование включает в себе, на наш взгляд, момент внутренней борьбы, борьбы духа с обыденностью, низменностью и трагизмом человеческой жизни, борьбы как прорыва к подлинному, экзистенциальному существованию.

Особую значимость в контексте настоящего исследования приобретают идеи Мориса Мерло-Понти. В его творчестве последовательно и ярко проведена тема двух сущностных центров человека – телесности и духовности, которые могут быть истолкованы, по нашему мнению, как две принципиально значимые сферы трансцендирования человека. Рационализм Э. Гуссерля, одного из основных идейных предшественников М. Мерло-Понти, предполагает такой путь поиска истин, как рефлексия трансцендентальной субъективности. Однако впоследствии самим автором трансцендентальной феноменологии этот способ признается недостаточным, вследствие чего им поднимается тема интерсубъективности, вводится понятие вчувствования (Einfühlung), обозначается различие тела-Körper и тела-Leib (чувственно-воспринимаемого тела вообще и тела меня самого). Вслед за Гуссерлем Мерло-Понти ставит проблему смысловой связи человека и мира, человека и человека, первичным и основополагающим моментом которой является восприятие. Поэтому его подход открывает, как мы считаем, очень важные направления в выявлении трактовки трансцендирования в экзистенциально-феноменологической традиции. Обратимся в этой связи к рассмотрению основных идей французского философа.

В своих работах мыслитель выступает как сторонник поиска априорных и предельных составляющих культуры, познания и человеческого существования [см.: 4; 5; 6; 7; 8]. В этом смысле он апеллирует к «чистой предметности» и рефлексии относительно ее «чистого сознания». По мнению В. В. Фурс, «Мерло-Понти ставит перед собой задачу показать, что человек в своем существовании не является ни чистым «в-себе-бытием» (вещью, материальным телом), ни чистым «для-себя-бытием» (мыслящей вещью, суверенной свободой), и попытаться обнаружить решение проблемы в синтезе, «между двух бытий» [6, с. 171].

Именно поэтому французский феноменолог ставит в центр своего исследовательского внимания человеческую субъективность, причем трактует ее как единение считаемых ранее несоединимыми начал: духовности и чувственности, сознательного и

бессознательного. Однако в данном слиянии обнаруживается доминанта, очерчивающая жизненное пространство субъективности, и эта доминанта не «разум, синтезирующий согласно априорным правилам разобренное многообразие ощущений или чувственных качеств», а «живое психосоматическое «я», тело, воспринимающее мир – и самим фактом восприятия образующее его и осмысливающее – в подлежащих феноменологическому прояснению универсальных формах или образах» [5, с. 11].

Исследуя человека как телесность, Мерло-Понти размышляет о неотъемлемой его характеристике – свободе. Свобода, считает ученый, появляется тогда, когда человек принимает определенное решение и реализуется она в постоянном изменении способов бытия-в-мире, представая как «власть прервать свои планы», «власть начать что-то другое» [6, с. 194]. В то же время, отмечает философ, человек осуществляет собственную свободу в уже заданном пространстве и времени и посему никогда не бывает полностью независимым. «Если мы и в самом деле помещены в бытие, то наши действия с необходимостью приходят извне, если мы возвращаемся к конституирующему сознанию, то необходимо, чтобы они шли изнутри. Но мы только что научились признавать порядок явлений. Мы смешаны с миром и с другими в неразрывном беспорядке. Идея ситуации исключает абсолютную свободу в самом начале наших вовлеченностей. Впрочем, она исключает ее равным образом и из их окончания» [6, с. 196 – 197].

Мерло-Понти развивает такую трактовку личности, согласно которой человек есть по своей сути бесконечная открытая потенциальность. Ни одним из проявлений человека не ограничивается его постоянно творимое бытие. Тем не менее, французский исследователь замечает, что человек в своем становлении не замкнут, что единственная стабильная характеристика бытия личности – это интересубъективность, «несвобода игнорировать других».

Вышеизложенное дает основания считать, что телесность человека, «живое психосоматическое «я» выступает мощным регулятором трансцендирования. Именно в телесности отзываются, находят отклик самые высокие откровения духовной жизни, именно телесность выступает материально-физическим фундаментом, на котором вырастают многообразные интенции духовного по своему истоку и природе процесса трансцендирования. Именно телесность подпитывает трансцендирующего человека эмоционально-чувственной, телесной энергией. Вместе с тем, трансцендирование «помещено в бытие» и потому испытывает влияние внешних природных и, особенно социальных,

воздействий. Отсюда трансцендирование не может быть признано сферой исключительной, ничем не ограниченной свободы, а оказывается всегда связанным с той социальной ситуацией, в которую помещен человек.

Трансцендирование человека, кроме того, можно интерпретировать как бесконечную открытую возможность духовного возрастания. Оно всегда интересубъективно, не выступает замкнутым, закрытым процессом и невозможно без участия в этом процессе сообщества других личностей: «Другие, не бывающие для меня просто особями одного со мной рода ..., но захватывающие меня и захватываемые мной, «другие», вместе с которыми я осваиваю единое и единственное, действительное и наличное Бытие ...» [5, с. 11– 12] являются индивидуально-личностным пространством, полем свободы или «обусловленной свободой» [6, с. 196]. Итак, пространство трансцендирования в контексте экзистенциальной феноменологии Мерло-Понти показывает себя как сфера «обусловленной свободы».

Мерло-Понти считает, что общение между индивидами происходит посредством самовыражения, целью которого является сообщение другим результатов собственного опыта восприятия. Перцептивный опыт в процессе самовыражения выводится на уровень символизации. Безмолвная символизация (природное выражение) основывается на индивидуальном стиле субъекта, а языковая (искусственная) символизация функционирует благодаря взаимодействию стабильных форм языка и творения новых значений говорящим субъектом. Тем не менее, французский исследователь не ограничивает трактовку феномена говорения лишь лингвистическим контекстом. Искусство, особенно литература и живопись, является «говорящим словом», где язык из средства сообщения трансформируется в язык смыслоговорящий и где человек доказывает свою способность к трансцендированию, творчеству, инициативе. То есть именно акт говорения выступает, как мы считаем, одним из центральных путей трансцендирования, в котором «реализуется начатое еще на эмоциональном уровне взаимное пересечение перспектив отдельных индивидов, образующее человеческую историю в живом слове...» [4, с. 243].

Следующая важная идея последователя Гуссерля связана с тем, что интересубъективность как сфера взаимного трансцендирования, возникает в момент восприятия индивидуальным телом тела «другого» как видения мира и носителя поведения, как «первичного культурного субъекта» [4, с. 241]. Для нас представляется бесспорным то, что первичный момент возникновения отношения к миру, от-

ношения между субъектами является важнейшим импульсом, определяющим весь ход дальнейшего общения. Первичный импульс создает основу, на почве которой формируются и вырастают человеческая личность и человеческая культура.

Продолжая рассмотрение процесса восприятия, Мерло-Понти в большинстве своих работ уделяет внимание способности видения, опыту мира, благодаря которому видящий общается с мирозданием, приближает его к себе. Подобная способность видения предстает важным элементом системы трансцендирования, когда человек может осуществляться «... вне самого себя, изнутри участвовать в артикуляции Бытия и его «я» завершается и замыкается на себе только посредством этого выхода вовне» [5, с. 51].

Мысль о самоосуществлении «я» посредством его выхода вовне достаточно типична для философского мышления XX столетия. Так, Б. Кроче пишет о существовании как нахождении вне самого себя, о личностном становлении как превосходении себя и видении своей личности в зеркале другой личности. Мигель де Унамуно считает, что «этимологически «существовать» (*existir*) раскрывается как «находиться вне самого себя», «быть вне нашего ума» – *ex-sistere*. Однако тут же задает ряд вопросов, ответы на которые показывают невозможность полного выхода за пределы собственного ума. «Но есть ли что-нибудь вне нашего ума, вне нашего сознания, заключающего в себе все, что нам известно? – Разумеется, есть Материя познаваемого, она приходит к нам извне. Какова она, эта материя? – Это невозможно узнать, потому что узнать – это придать материи форму, и невозможно, следовательно, познать бесформенное как бесформенное. С таким же успехом можно искать порядок в хаосе» [10, с. 235]. Человек направляет свой взгляд на себя, на Других, на поиски истины, но не располагает никакими другими ресурсами познания, кроме своего Я. Взирая на окружающее и окружающих, индивид не ищет абсолютной, раз и навсегда данной истины, а обнаруживает ее в событии и оттого постоянно открыт для нее. Воспринимая мир, пишет французский феноменолог, углубляя и расширяя свою перцепцию, человек вначале несколько отстраняется от истины для того, чтобы впоследствии сильней почувствовать связь с ней. В итоге своего перцептивно-рефлектирующего трансцендирования человек-философ «обнаруживает не бездну собственного я или абсолютного знания, а обновленный образ мира и самого себя, укорененного в этом новом мире и живущего среди других людей» [4, с. 44].

Итак, подводя итог сказанному, можно утверждать, что трансцендирование осуществляется «живым психосоматическим «я», духовным, сое-

диненным с телесностью. Духовное содержание трансцендирования у Мерло-Понти всегда слито с чувственно-телесным началом, данный процесс всегда осуществляется как синтез «души и тела», «восприятия и *cogito*».

Трансцендирование «помещено в бытие», в человеческое бытие, а значит, сопряжено с социальной действительностью. Оно разворачивается в интерсубъективном пространстве и проявляет себя как сфера обусловленной сообществом других личностей свободы.

Важнейшим проявлением трансцендирования является общение, которое осуществляется через самовыражение, – безмолвное и языковое. На уровне безмолвного, природного общения большое значение имеет восприятие сферы чувственности другого (сенсорных полей), то есть осуществление своеобразного синергетического обмена (что позволяет увидеть в межличностном общении, и, следовательно, в трансцендировании признаки самоорганизующейся системы). Языковое (символическое) самовыражение реализуется в говорении. Говорение понимается Мерло-Понти очень широко – как стремление к высшим смыслам культуры, их творение, и в этом контексте выступает в роли одного из главных способов трансцендирования в обществе.

Особое значение французский феноменолог придает способности видения, организующей специфически человеческий опыт мира. Данная способность предстает неотъемлемым элементом сложной и динамичной системы трансцендирования. Пробужденный опыт мира как целостное телесное переживание этого мира помогает человеку осуществлять движение, суть которого – в постоянном обновлении, творении образа мира и себя, в постоянном саморазвитии и совершенствовании, возвращении к себе на новом, более высоком духовном уровне. То есть, трансцендирование, интерпретированное в контексте экзистенциальной феноменологии М. Мерло-Понти, приобретает черты *целостной, перцептивно-рефлектирующей, конституирующей деятельности человека*.

Таким образом, трансцендирование, в рамках проведенного исследования, показывает свои различные, можно даже сказать, противоположные аспекты. Во-первых, рассматриваемый процесс – это самоосуществление человека как фундаментального стремления к *целостности бытия*, во-вторых, – это самовыражение человека *посредством* своей психосоматической *целостности*. И, кроме того, трансцендирование выступает, с одной стороны, как *интимно-экзистенциальный процесс*, а с другой – как *социальный, осуществляющийся в сфере интерсубъективности*.

Библиографический список

1. Болльнов О.Ф. Философия экзистенциализма: Философия существования. СПб.: Лань, 1999. 222 с. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/bollnow.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Бохенский Ю.М. Современная европейская философия (первой половины XX века) [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/fil/index.htm, свободный. – Загл. с экрана.
3. Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Западная философия XX века. М.: «Проспект», 1998. 432 с.
4. Мерло-Понти М. В защиту философии. Пер. с франц., примеч. и послесл. И.С. Вдовиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1996. 248 с.
5. Мерло-Понти М. Око и дух. Пер. с фр., предисл. и коммент. А. В. Густыря. М.: Искусство, 1992. 63 с.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия (глава «Свобода»). От Я к Другому. Сб. пер. по проблемам intersubjectivity, коммуникации, диалога. А. А. Михайлов (ред.). Мн.: Менск, 1997. С.173 – 199.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия (предисловие). Зарубежная феноменология и экзистенциализм, 1994. С. 7 – 23.
8. Мерло-Понти М. Феноменология языка. Логос, 1994. № 6. С. 179 – 193.
9. Проблемы духовных ценностей в философии и культуре: Монография. Н.А. Дивакова, А.М. Егорова, В. А. Егорова, С. С. Чернова (ред.). Книга 5. Новосибирск: Изд-во «Сибпринт», 2011. 210 с.
10. Философия культуры. Становление и развитие. СПб.: «Лань», 1998. 448 с.
11. Jaspers K. Philosophie. – Heidelberg, 1973, Т. III.

Z.V. LATYSHEVA

ON CERTAIN PECULIARITIES OF UNDERSTANDING TRANSCENDENCE
IN THE EXISTENTIAL-PHENOMENOLOGICAL TRADITION

The article, basing on the analysis of K. Jaspers' and M. Merleau-Ponty's philosophy, reveals and develops the interpretation of transcendence that has taken shape in the existential and phenomenological tradition. An unbreakable link between transcendence and existency is established, such ways of transcending are highlighted as being in a border situation, communication, freedom. The idea of transcendence is argued for a human being as a whole bodily-spiritual being put in an intersubjective space. It is underlined that transcendence is accomplished through self-expression, which implies perception and speaking.

Key words: *transcendence, transcending, transcendency, existency, freedom, communication, bodily, intersubjectivity, self-expression.*

В.В. ПЕТРУНИН

кандидат философских наук, доцент, докторант Орловского государственного университета

E-mail: petrunin@list.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА ПРАВОСЛАВИЯ И КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПРОЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Автор рассматривает социальную этику православия в качестве реального основания для социальных преобразований российского общества. Взаимодействие Церкви с государством и обществом должно строиться на основе социальной доктрины Московского Патриархата, поскольку социальная концепция русского православия содержит необходимый минимум для выстраивания консервативного проекта развития, могущего составить альтернативу сегодняшним либеральным проектам.

Ключевые слова: социальные проблемы, либерализм, консюмеризм, Церковь, социальное учение русского православия, консерватизм.

Отличительной чертой постсоветского развития России стало продолжающееся разрушение традиционных ценностей, сформированных в рамках христианского мировоззрения. Россия пережила очередной кризис культурной идентичности, связанный с попыткой ее включения в западный глобальный проект, имеющий откровенно секулярный характер. Вместе с тем, ценности, провозглашенные либеральной идеократией, оказались несовместимы с задачей возрождения российской государственности. Напротив, для части политической элиты русская национальная идея, всегда подразумевавшая идеал сильного Российского государства, стала предметом идеологических спекуляций, прикрывающим откровенно компрадорские воззрения.

Последние события в мировой геоэкономике очевидным образом показывают слабость отечественной хозяйственной модели, усиленно реформируемой в постсоветское время по либеральным рецептам. Провозглашенная государством очередная экономическая модернизация невозможна, на наш взгляд, без преодоления духовного и нравственного кризиса современного российского общества. Потребительские идеалы не могут быть основанием успешного социального проекта в стране, еще помнящей свои нравственные ценности, сформированные тысячелетней христианской культурой. Более того, мы можем отметить, что потребительская идеология, активно пропагандируемая в современном мире, ведет к разрушительным нравственным последствиям: социальным, семейным, личностным. Демографический кризис в современной России служит этому наглядным подтверждением.

В силу этого перспектива дальнейшего развития России возможна только в опоре на соб-

ственную Традицию. Понятно, что речь может идти исключительно о Православной Традиции, в рамках которой имеются достаточно четкие духовные, этико-антропологические и социально-политические векторы. Данное обстоятельство вновь поднимает вопрос о степени вовлеченности Церкви в политический процесс. На наш взгляд, русское православие «не может занимать нейтральную позицию по отношению к “поворотам” исторического процесса, которые ведут к признанию (или отрицанию) достоинства человеческой личности, пусть даже светского, равных прав всех рас на существование, единства, хотя и светского, великой человеческой семьи, и которые побуждают к более активному, эффективному и сознательному участию в общественных делах» [1, с. 146].

Примечательно, что Церковь уже сформулировала свое видение дальнейшего развития России с опорой на христианские ценности. Речь идет о социальной программе Московского Патриархата, изложенной в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» [4]¹.

Этой доктриной Московский Патриархат не предлагает власти новой государственной идеологии, однако ясно дает понять, что православное социальное учение может стать основой возрождения российской государственности в рамках консервативного проекта. Причем Церковь открыто заявляет, что ее возможное сотрудничество с властью будет зависеть от понимания последней того факта, что «Церковь сохраняет лояльность государству, но выше требования лояльности стоит Божественная заповедь: совершать дело спасения людей в любых условиях и при любых обстоятельствах» [4, с. 20].

Социальная концепция русского православия не может оставаться исключительно теорией, но при-

звана быть основанием справедливой организации общественной жизни. Церковь предлагает посредством духовного и нравственного обновления человека преобразование социальное, ибо «правильное устройство социальной жизни возможно лишь при сохранении духовного равновесия человека, а оно для современного, христианством выработанного человека дается только живой религиозной идеей» [5, с. 259].

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» рассматривается довольно широкий круг проблем. Достаточно сказать, что документ содержит шестнадцать разделов. Для нашей темы наиболее значимыми являются следующие разделы – «Церковь и нация», «Церковь и государство», «Христианская этика и светское право», «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности», «Церковь и проблемы экологии» и др. Привлекательность этих разделов обусловлена актуальностью проблем, стоящих перед современной Россией: духовный и нравственный кризис, демографическая катастрофа, экологические проблемы. Церковь предлагает свое видение их разрешения. В разделах ее доктрины содержится необходимый минимум идей для выстраивания нового социального проекта.

Например, в разделе «Церковь и государство», указывается, что «в современном мире государство является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. ... Однако, как правило, государство сознает, что земное благоденствие немислимо без соблюдения определенных нравственных норм – тех самых, которые необходимы и для вечного спасения человека. Поэтому задачи и деятельность Церкви и государства могут совпадать не только в достижении чисто земной пользы, но и в осуществлении спасительной миссии Церкви» [4, с. 14].

В этом же разделе Московский Патриархат указывает области возможного соработничества с государством (миротворчество; духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; дела милосердия и благотворительности; здравоохранение; поддержка института семьи, материнства и детства; противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества; деятельность по сохранению окружающей среды и др.) [4, с. 22-23]. Речь идет, как видим, о сотрудничестве, направленном на сохранение традиционных ценностей, поддерживающих существование и развитие любой социальной системы.

Однако богословский реализм не должен означать приспособления Церкви к реалиям сегодняш-

ней жизни, важно помнить о том, что «христианское разрешение социальных вопросов не абсолютно и не совершенно, пока не произошло Второе пришествие ... православие всегда будет утверждать, что отправной пункт, источник и критерий для разрешения социальных вопросов – в непрерывном, таинственном и, в известном смысле, запредельном общении евхаристической общины» [3, с. 254-255].

Именно этико-сотериологический аспект является главной составляющей православного социального учения. Соработничество Церкви и государства должно быть направлено, в конечном итоге, на всемерную поддержку христианской миссии. Поэтому сегодня Московский Патриархат вновь открыто заявляет о необходимости «вызволить человеческую личность из объятий антикультуры, антихристианства, вернуть ее к Богу» [2, с. 73], а социальную концепцию видит, прежде всего, миссионерским документом.

Данное обстоятельство заставляет Русскую Православную Церковь искать новую методологию социального богословия, способную помочь выполнять Церкви различные задачи, стоящие перед ней в современном социальном пространстве. Старая парадигма социального богословия – византизм – не может быть актуальна для современной ситуации, характеризующейся светскостью государства. Исключительно секулярное понимание социальных проблем современным государством и обществом окончательно убедило Церковь в важности социального богословия, которое не получило должного теоретического осмысления в русском православии. Православный взгляд на социально-политические вопросы должен строиться на новом открытии эсхатологии и благодати, а актуализация социальной проблематики в современном церковном дискурсе должна способствовать консервативному повороту, наметившемуся в современном политическом и социальном пространстве России.

Более того, Московский Патриархат, чья каноническая территория не ограничивается пределами Российской Федерации, должен стремиться к утверждению христианских ценностей не только на национальном уровне, но и в рамках международных отношений. Всемирный процесс секуляризации подвигает русское православие к актуализации социальной проблематики не только в рамках общеправославного диалога, но и в рамках взаимодействия со всеми конфессиями, придерживающимися традиционных ценностей.

Совместными усилиями верующего сообщества Церковь надеется «добиться признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний (в том числе госу-

дарственных) и как существенного фактора, которые должны влиять на формирование (изменение) международного права и на деятельность международных организаций» [4, с. 104-105].

Остается надеяться, что государство и общество откликнутся на социальный призыв Русской Православной Церкви, являющий собой практически готовый план по консервативному преобразо-

ванию России с опорой на собственную Традицию. В современных условиях торжества глобализма Россия стоит перед необходимостью осуществления консервативной революции, идеи которой должны стать доминантой для русского политического процесса в XXI веке. В противном случае на нашей территории будут реализовывать свои социальные проекты иные заинтересованные силы.

Примечания

Можно отметить, что социальные доктрины других традиционных конфессий, например, Римско-Католической Церкви, являют собой пример необходимого минимума для выстраивания консервативного проекта в социально-политическом пространстве, окармливаемых ими народов. См.: Компендиум социального учения Церкви. М.: Паолине, 2006.

Библиографический список

1. Журне Ш. Христианские требования в политике. Киев: Дух и литера, 1998.
2. Кирилл, патриарх Московский и всея Руси. Русская Церковь и европейская культура. Эксперт. 2010. № 4. С. 73-75.
3. Мейендорф И., протопресв. Христианское благовестие и социальная ответственность. Рим – Константинополь. Москва. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 234-255.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8. С. 5-105.
5. Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности. Традиция и русская цивилизация. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. С. 200-259.

V.V. PETRUNIN

SOCIAL MORALITY OF ORTHODOX CHRISTIANITY AND CONSERVATIVE PROJECT IN MODERN RUSSIA

The author demonstrates that social morality of Orthodox Christianity can serve as a real basis for social transformations of the Russian society. Interaction between the Church, the State and society should be based on the social doctrine of Moscow Patriarchate. Social concept of Russian Orthodoxy contains the minimum necessary to create a conservative project of development, able to offer an alternative to liberal projects of today.

Key words: social problems, liberalism, consumerism, the Church, social teachings of Russian Christianity, conservatism.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Л.А. КУЗНЕЦОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета

Тел. 8 920 283 90 54

ТРАДИЦИИ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ

В статье рассматриваются традиции народных художественных промыслов, раскрывается существо художественной системы в искусстве народных промыслов, роль народного мастера в сохранении народных традиций, сравниваются народные и профессиональные мастера декоративно-прикладного искусства, в итоге статьи говорится о современном состоянии народных промыслов.

Ключевые слова: традиции, художественные промыслы, народный мастер, декоративно-прикладное искусство, народное искусство.

Современность диктует свои правила жизни. Сейчас во время всемирной глобализации практически все народы мира живут похожей жизнью. Молодёжь и пожилые люди носят джинсы, пропадают в интернете и социальных сетях, и лишь единицы обращаются к традициям, к народному искусству. Но остаются энтузиасты, которые всю свою жизнь посвящают возрождению народных промыслов, неся через века нерушимые образы, созданные когда-то нашими предками. То, что раньше мастера делали для украшения нехитрого быта, для красоты, которую они хотели привнести в мир, теперь мы называем искусством, народным искусством.

Искусство играет важную роль и является важнейшей из областей духовной жизни человечества. Разные виды искусства отражают разные стороны жизни человека. Одну из групп составляют пространственные, или пластические искусства, которые в свою очередь делятся на изобразительные и неизобразительные. К неизобразительным видам относится декоративно-прикладное искусство, оно не показывает окружающий нас мир таким, какой он есть, а создаёт материальную среду. Оно несёт в себе не только эстетическое, но и практическое назначение. Произведения прикладного искусства создаются с помощью пространства, формы, цвета и др.

Декоративно-прикладное искусство – это область декоративного искусства. Оно несёт в себе особый художественный смысл, свой язык образов, и в то же время служит человеку в его повседневном быту. Произведения декоративно-прикладного искусства могут быть выполнены из разных материалов: глины, дерева, ткани, металла, стекла и т. д.

Чтобы понимать декоративное искусство, не надо быть профессионалом, это доступно каждому,

но по-настоящему в полной мере его может понимать только тот, кто сам творит. С глубокой древности люди создавали предметы быта, которые удовлетворяли не только потребительские нужды, но и украшали дом, создавали уют, красоту.

Первоначально произведения прикладного искусства выполняли мастера со своими подмастерьями. Они передавали опыт, учили, раскрывая свои секреты на примере изготовления своих изделий. На этой основе создавались объединения мастеров, артели.

В народном искусстве живут традиции коллективного творчества. Эти традиции складывались веками и оттачивались многими поколениями людей. Кровная связь народного искусства с жизнью, трудом, бытом народа обусловила историческую преемственность традиций народной культуры, формирование не только общенародных, национальных традиций, но и их местных локальных проявлений в крестьянском творчестве и народных промыслах. Традиции крестьянского искусства в силу известного консерватизма бытового уклада, особой приверженности к патриархальной старине развивались медленно.

Развитие традиций в конкретном промысле непонятны, если не раскрыты черты, присущие этой традиции, а также неясна специфика выразительных средств и возможностей местного искусства. Ведь элементы художественной системы, которые составляют существо искусства данного промысла и передаются из поколения в поколение, и становятся традицией.

Существо художественной системы в искусстве народных промыслов составляют материал, способы его обработки и характер изготавливаемых предметов, принципы и приемы воплощения обра-

за. Важную роль играет свойство декоративности в виде особенностей форм предметов, орнамента, сюжетных изображений, выраженных живописными, пластическими или графическими средствами. Эти данные в каждом промысле складываются в ряд специфических выразительных средств и составляют свои взаимосвязи. Исторически все элементы системы подвержены изменению и развитию. Но степень их активности и подвижности в развитии местных традиций различна.

Определяющими и самыми устойчивыми факторами системы являются материал, способы и характер его обработки. Возникновение промысла нередко было обусловлено наличием природного сырья. Использование природных естественных материалов – одна из общих и основных традиций народного искусства. Именно в материале, с которым работали и работают многие поколения мастеров промысла, заключены все не только материально-технические, но и художественные особенности местного искусства. Двойственная природа произведений народного искусства – их материальная и художественная ценность – рождалась из определенного материала, знания его природных свойств, качеств, структурных и эстетических возможностей; в использовании этого материала, в технике его обработки и формировании навыков мастерства заключен труд многих поколений народных мастеров.

Материал определял и способы его обработки соответствующими инструментами, из чего возникали и исторически развивались традиции собственно художественного ремесла, где высокое техническое мастерство рождало искусство, а приемы обработки материала во многом обуславливали декор и специфику выразительных средств в целом. Уровень мастерства определял профессионализм народного искусства, навыки и опыт которого приобретались преемственностью поколений мастеров, а ныне, кроме этого, обучением в местной профессионально-технической или художественной школе и последующей практической деятельностью на промысле.

Материал и техника его обработки неотделимы от характера изготавливаемых предметов. Они диктовали как их родовую принадлежность, функциональное назначение (игрушки, утварь, ювелирные украшения, костюм), так и особенности формы (токарной, резной, ажурной и т. п.).

Взаимодействие этих трех факторов – материала, техники его обработки и предметного существа изделий – составляет основу и наиболее устойчивую часть художественной системы местного искусства, следовательно, играет существенную роль

в формировании его традиций. Далеко не всегда эти новшества сразу обогащали традиции, нередко они наносили ущерб художественным достоинствам произведений. Но коллективный опыт исправлял, либо отвергал новшество, либо преобразовывал его в русло традиций.

В меньшей мере, чем материал, меняются способы его обработки и инструмент. Но и в них технический прогресс вносил дополнения и изменения появлением новых механизмов, которые помогали работе мастера, ускоряли подсобные операции, облегчали воплощение творческого замысла. Однако никакая машина не может заменить традиционную рукотворность произведений народных промыслов, индивидуальность создания каждой, даже серийной вещи. Человеческая рука не может, как механизм, буквально повторить одно и то же. Уже в этом залог вариантности, присущей народному искусству.

В наши дни уже ни у кого не вызывает сомнения эстетическая ценность произведений народного искусства. Но возрастание эстетической роли самих предметов – явление не новое. Общеизвестна, например, исторически оправданная смена функций произведений глиняной пластики – от ритуального символа до игрушки и произведения малой скульптуры.

История народных промыслов дает нам примеры перестройки и изменений даже в основополагающих частях местной художественной системы. Правда, эти изменения зависят не только от творческой воли мастера, но и от объективных условий общего прогресса. Тем не менее, при всей устойчивости материала, определяющего суть самого искусства промысла, в нем происходили и происходят процессы замены отдельных составных частей, обусловленные временем, материально-техническими новшествами. Смена красок в росписи, замена олифы лаками и так далее.

Но сколько бы мы ни говорили о традициях и их особенностях, источником традиций, их носителями являются люди – мастера, творцы народного искусства. А они тоже меняются. В современной жизни меняется их социальный состав, мировоззрение, уровень культуры. Современные народные мастера принадлежат, в основном, поколениям, выросшим за годы Советской власти. Это не прежние кустари, работавшие скорее интуитивно, по сложившимся законам ремесла. Сегодня от народного мастера требуется не только высокое техническое мастерство, но сознательное творческое отношение к своей деятельности художника, глубокое проникновение в художественную культуру промысла, в котором он работает, определенная общая культура и образованность, способность ориентироваться в

вопросах современного и мирового искусства.

Во все времена художественные промыслы жили в ногу со временем, постоянно испытывали внешние воздействия: влияния моды, вкусов заказчиков, по-своему воспринимали и интерпретировали элементы больших стилей искусства – барокко, рококо, классицизма. Все это требовало мобильности, оперативности, творческой активности и высокой культуры.

Многие народные мастера получают художественное образование, сейчас существуют специальные учебные заведения, которые готовят специалистов для художественных центров народных промыслов.

С возникновением художественной промышленности народные мастера не пропадают, они работают параллельно с профессиональными мастерами. В своих произведениях они поддерживают традиции родного края. Произведения народных и профессиональных мастеров во многом схожи, но всё же имеют и отличия. Свои изделия народные мастера выполняют в основном по традиционным технологиям, чаще вручную. Их изделия тиражируются очень редко, даже если мастер выполняет партию изделий, каждое из них несёт свою

индивидуальность.

Произведения профессиональных художников прикладного искусства изготавливаются на предприятиях художественной промышленности или в творческих мастерских, и чаще всего выпускается массово. Разница между народным мастером и профессиональным художником декоративно-прикладного искусства становится всё прозрачнее. Сейчас, в целях сохранения народных художественных промыслов, для защиты их интересов в федеральных и региональных органах власти создана Ассоциация «Народные художественные промыслы России».

Но современное состояние народных промыслов, расположенных на территории Российской Федерации, в подавляющем своём большинстве оставляет желать лучшего. В жёстких рыночных условиях многие и многие предприятия были разорены, перепрофилированы, коллективы распались, школы мастерства перестали существовать. В таких условиях можно надеяться только на народную мудрость и великое терпение, на то, что народные промыслы будут, как и раньше, передаваться по наследству. От отца к сыну, от матери к дочери, от дедов к внукам.

Библиографический список

1. Богуславская И.Я. Народное искусство или ширпотреб? - Декоративное искусство СССР, 1976, №6, с. 22.
2. Богуславская И.Я. Традиции народных художественных промыслов и проблемы сувениров. Советское декоративное искусство 77/78, М., 1980, с. 116-122.
3. Салтыков А.Б. Самое близкое искусство. М., 1969.
4. Некрасова М.А. Канон в народном творчестве. - Декоративное искусство СССР. 1971, №5, с. 29-32.
5. Некрасова М.А. Традиции и проблемы индивидуального в народном искусстве. Декоративное искусство СССР. 1974, №5, с. 15-16.
6. Некрасова М.А. Искусство Палеха. М., 1966.
7. Василенко В.М. О содержании в русском крестьянском искусстве XVIII - XIX веков. В кн.: Русское искусство XVIII - первой половины XIX века. Материалы и исследования. М., 1971.
8. Канцедикас А.С. Искусство и ремесло (К вопросу о природе народного искусства), М., 1977, с. 22-24, 28-30.

L.A. KUZNECOVA

TRADITIONS PUBLIC ARTISTIC PROVIDENCE

In article are considered traditions public artistic providence, opens essence of the artistic system in art public providence, role of the public master in conservation public tradition, are compared public and professional master decorative - an applied arts, in total article is spoken about modern condition public providence.

Key words: traditions, artistic providences, public master, decorative - an applied arts, public art.

А.С. НОВОЖЕНИНА

аспирант кафедры сценарного мастерства и искусствоведения ИПК работников телевидения и радиовещания, преподаватель кафедры режиссуры и мастерства актера Орловского государственного института искусств и культуры

E-mail Alla_soloveva@mail.ru

Тел. 8 920 284 14 58

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ТЕЛЕЭКРАНА КАК СПОСОБУ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗРИТЕЛЯ

Современное телевидение имеет в своем арсенале богатейшую палитру выразительных средств, способных оказывать психологическое и эстетическое воздействие на зрителя. Но зачастую региональные телевизионные режиссеры и журналисты используют минимум средств, отдавая приоритет приемам масс-медиа, заключающихся в манипуляции зрительским сознанием, в ущерб качеству телеэфира. Автор статьи предлагает подходить к выбору художественно-выразительных средств телевидения системно, что позволит улучшить качество программ и оздоровить региональный эфир.

Ключевые слова: телевидение, экран, средства художественной выразительности, системный подход, манипуляция сознанием, телерепертуар.

Ориентация на массового зрителя подталкивает сегодня телережиссеров и журналистов ниже опускать планку профессионализма и эстетического вкуса. В технологический процесс телеиндустрии вторгся западный принцип «время – деньги». Процесс создания новостных сюжетов и тематических программ зачастую стал напоминать конвейер. Некоторые публицистические программы на региональном телевидении и вовсе стали похожи друг на друга как близнецы братья. Одни и те же герои, одни и те же студийные декорации – в них снимают и новостной блок, и развлекательную программу. (ТРК «Истоки – РЭН» г. Орел, ТК «Такт» г. Курск). Это все происходит при обилии выразительных средств, которыми располагает современное цифровое телевидение.

Процесс отбора художественно-выразительных средств экрана стал носить условный характер. Режиссеры в большинстве своем стали отдавать предпочтение средствам выразительности, подчеркивающим жанр программы, а не создающим образ. Системный подход к использованию художественно-выразительных средств экрана, при котором все компоненты экранной образности выступают слаженно и не противоречат друг другу, все больше стал уступать приемам дешевых масс-медиа. Делая акцент на компьютерной графике и спецэффектах, современные режиссеры стали пренебрегать словом и музыкой. Теми выразительными средствами выразительности, на которых строилось

классическое телеискусство прошлой эпохи. А ведь это была эпоха великих людей. Определения «художественные» верно и точно характеризовали тогда документальные фильмы И.Беляева, телеспектакли П.Фоменко, С. Евлахишвили, А.Эфроса, передачи И.Андроникова. Это были примеры для всех телевизионщиков. Им подражали, их стиль копировали, методы режиссуры применяли на собственной практике. Сегодняшний репертуар местного, а порой центрального телевидения – прямая противоположность вышеизложенных программ.

Речь ведущих в развлекательных программах зачастую представляет собой слэнг, героями программ стали политики и бизнесмены, что определило политическую ангажированность телеканалов. С экрана исчез народный герой-спортсмен, актер, художник, музыкант. Вместе с ним ушло и зрительское доверие.

Телевизионные художники прошлой эпохи несли ответственность за каждое слово и каждый кадр телепрограммы. И не только из-за строгости тогдашней цензуры. Они знали силу воздействия выразительных средств экранного творчества. Знали, что художественным образом можно увлечь до высоты духовного откровения и низвергнуть до низости животных страстей. Поэтому они так скрупулезно и системно подходили к отбору элементов экранной образности, к выбору героя, музыки, места действия события. Как писал академик М.В.Алпатов: «В искусстве все приобретает силу

воздействия, лишь будучи выражено в художественных образах»¹. Но сегодня телеиндустрия наминает больше ремесло, нежели искусство.

Выразительные средства как способ воздействия на зрителя, найденные за последнее десятилетие XX века, казалось, отошли на второй план. Это притом, что телеканалы сегодня оснащены по последнему слову техники, имеют в своем арсенале насыщенную палитру выразительных средств, присутствующих только телевидению. Это свет, цвет, звук и необычный ракурс, звуковая партитура, монтаж и нестандартная оптика, компьютерная графика, позволяющая сегодня создавать реальность, не выходя из студии. Фильмы, на которые режиссеры прошлой эпохи потратили бы годы, сегодня можно сделать за считанные дни даже и на региональной телевизионной студии. Но экранные проекты, претендующие на высокохудожественные произведения, сегодня редки. Если спросить у простого телезрителя, что было вчера по голубому экрану, а позавчера, или неделю назад? Если не было какого-то политического скандала на местном телевидении или звездного – по центральным каналам, то он вряд ли что вспомнит. Какой популярностью пользовались раньше «Взгляд» и «До и после полуночи» или прямые телепрограммы на местном телевидении, когда у каждого зрителя была возможность дозвониться в эфир и задать свой вопрос. Сегодня это сделать не так-то просто. Чтобы не смутить «платного» гостя, зритель должен согласовать вопрос с редакцией программы.

Раньше зритель жил этими программами, запоминал отдельные фразы, запоминал даже свои ощущения, соединялся с экраном. Сегодня подобного слияния уже нет. Режиссер В.Давидчук, давая оценку современному репертуару телеэкрана, как-то сказал: *«Нельзя утрачивать духовные критерии, нравственные начала, что несет искусство. Я понимаю, что спектаклем или фильмом не сделать из матерого преступника добродетельного человека, но подтолкнуть людей к размышлениям, как должен жить человек, – в этом сила и польза искусства»*².

Но несмотря на падение профессионального уровня, телевидение сегодня является неотъемлемой частью бытия, зеркалом социальной и политической жизни общества. Оно входит в каждый дом, являясь для некоторых из нас единственным собеседником. Телевидение по-прежнему занимает ведущую роль по управлению массовым сознанием,

а значит по-прежнему нуждается в изучении, в понимании его уникальной специфики, в системном подходе к самой сущности телевидения и системности при выборе средств его выражения.

Постичь многослойность телевидения возможно при помощи системного подхода, говорили в 80-е годы прошлого века Ю.П.Буданцев, О.Ф.Нечай, К.Э.Разлогов. Это представление о сущности телевидения отвечало широко распространенным за рубежом взглядам на телефеномен как на мозаичный, многоступенчатый объект, на что указывали в своих трудах Г.М.Маклюэн, А.Моль, Р.Уильямс и др. Подобная точка зрения нашла свое продолжение в работах В.Демина, Э.Ефимова, Н.Зоркой, Л.Козлова, Н.Хренова и др. Одним из первых, кто стал рассматривать само экранное творчество как некую систему, был С.М.Эйзенштейн. Вслед за ним появилась целая плеяда ученых, изучавшая телевидение сквозь понятия «синэстезия», «синкрез». При изучении художественного творчества под синэстезией подразумевают построение художественного мира через образное воспроизведение совокупности чувств.³ Применяя системный подход, ученые предлагали изучать телевидение, по крайней мере, в трех плоскостях. Поскольку оно имеет дело со всеми аспектами жизнедеятельности человеческого общества и поэтому является социальной информационно-коммуникативной системой. Телевидение имеет способность вмещать в себя весь художественный мир, созданный человечеством и существующий во времени и пространстве. По сути, это художественная система. Значит, его стоит и рассматривать как систему. Сегодня телевидение является еще и адаптивно-моделирующей системой, создавая для своей аудитории вымышленную картину мира, рождающуюся в момент взаимодействия зрителя с телеэкраном, в процессе восприятия.

Говоря о системном подходе к выбору художественно-выразительных средств экрана, можно говорить о некотором способе организации, таком, который охватывает процесс творческой деятельности, выявляя закономерности и взаимосвязи с целью их более эффективного использования.

Системный подход – направление методологии исследования, в основе которого лежит рассмотрение объекта как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними, то есть рассмотрение объекта как системы⁴.

Формирование образного языка телевидения и

³ Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р., Психология восприятия. М.: МГУ, 1973г, с. 54—58

⁴ <http://www.term.ru>. [сайт]. - М., [2003].- Режим доступа: www.term.ru. свободный. – Заг.-

Новая философская энциклопедия.

¹ Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. М./ Л.: Искусство, Т.1., 1948-1949. .385 с.[84] л.

² Ефимова Н.Н «Звук в эфире». М.: Аспект-пресс, 2005 г., с 121.

системности в выборе средств художественной выразительности проходило сложные этапы:

1. Экспериментальное вещание 30-40-х.
2. Приход журналистов в 50-х.
3. Прямые, транслируемые с места событий передачи.
4. Отснятые на киноленту программы.
5. Становление телепублицистики в 60-х.
6. Освоение цветного вещания, переход к полифоническим формам постановочных игровых и развлекательных передач и видеофильмов в 70-х.
7. Телевидение «перестройки и гласности».
8. «Открытость» прямой передачи, ток-шоу и развлекательных программ.

Сегодня телевидение способно охватить самые широкие слои населения, даже те, которые остаются за пределами влияния других средств массовой коммуникации. Эта способность телевидения объясняется особенностями его физической природы, определяющими специфику телевидения как средства создания и передачи сообщения. Системный подход к выбору средств выразительности обусловлен также эмоциональным и рациональным восприятием зрителя.

Еще Л. Вовенарг⁵ заметил: *«Разум и чувство помогают друг другу и дополняют друг друга. Тот, кто следует советам одного из них, отказываясь от другого, нерасчетливо лишает себя той помощи, которая дана нам для нашего руководства»*. И психика, и сознание имеют один общий источник — человеческий мозг. Известно, что любой акт сознания включает в себя отношение, а значит и эмоцию. Через телеэкран к зрителю поступает промышленно изготовленное подсознание, говорил М.Маклюэн⁶. Он отмечал, что оно (телевизионное подсознание) и воспринимается в первую очередь подсознанием человека-зрителя. Чтобы закончить формирование увиденной «картинки» — закончить не оптически, но смыслово, в дело должна вступить психика. Телевизионный экран, по Ж.Бодрийару⁷, *«это мы сами, это телевидение смотрит на нас и протаскивает сквозь нас магнитофонную ленту»*. Французский философ заканчивает мысль знаменательным уточнением: «ленту, но не образ».

Ж. Бодрийяр сравнивает телезрителя с кинематографическим проектором, который напичкан изображениями, пребывающими в зашифрованном состоянии, после чего должны произойти такие

операции, после которых эти изображения стали осознаваться. Психике телезрителя, приходит к выводу ученый, необходимы аналоги подобных операций, чтобы «протягиваемая» сквозь него лента заиграла образами в его сознании. Говоря о телевизионном образе, подразумевается слияние аудиовизуальных средств экранной выразительности.

Выбор художественно-выразительных средств напрямую зависит от жанра телевизионного произведения. Выбранный жанр диктует использование определенного набора выразительных акцентов. Но сегодня на телевидении мы имеем диффузию жанров, т. е. их взаимопроникновение. К примеру, беседа превратилась в ток-шоу и стала самостоятельным жанром, который в свою очередь можно отнести и к аналитической, и к художественной публицистике. От этого взаимопроникновения, смешения жанров, выбор выразительных средств становится гораздо шире. В отличие от аналитики и информации, художественные жанры находятся в более удачном положении, так как могут использовать практически все имеющиеся сегодня выразительные средства. Выбор жанра зависит от характера творческой, профессиональной задачи, а также объекта отражения, специфики жизненного материала. Поэтому, чем отчетливее понимает автор природу жанра, в форму которого он облекает свой жизненный материал, тем успешнее может он выполнить поставленную задачу. Специфические для экрана симультанность, персонификация информации, «эффект нимба» постоянно оказывают на зрителя психологическое и идеологическое воздействие. Средства передачи телевизионной информации, заключающиеся в характере изображения, цветовом решении, музыкальной партитуре, обладают большей убедительностью, чем в реальной жизни. Можно сделать вывод, что изображение и звук, аудиовизуальные средства телеэкрана несут информацию, которая часто воспринимается зрителем на подсознательном эмоционально-эстетическом уровне в отличие от информации семантического характера.

Телевизионный стиль проник во многие виды искусства. Клиповое сознание стало прообразом человеческих мыслей. Современный монтаж стал средством манипуляции зрительским восприятием, что родило «виртуальную действительность», которая во многом отличается от реальности «видимого мира». Можно, конечно, это отнести к выдающимся заслугам режиссеров монтажа, если бы только при этом не «страдали» другие средства художественной выразительности экрана, такие как слово, выбор героя, достоверность событий.

Сущность системного подхода заключается в том, что объект, в данном случае средства вырази-

5 Вовенарг Л.-К. де Размышления и максимы. Пер. Ю. Б. Корнеева и Э. Л. Линецкой. М./АСТ: Фолио, 2002 397 с.

6 Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. Пер. Николаева В. Г. М/ Жуковский Канон-Пресс —д Кучково поле, 2003 г.

7 Бодрийяр Ж. «Войны в Заливе не было». Художественный журнал. 1994. № 3.

тельности экрана, конструировались не случайным образом, делая ставку, к примеру, только на монтаж, а *по параметрам системы*. Осознанно применяя системный метод, художник, режиссер, использует те возможности, которые скрыты в определениях категорий, на которых базируются идея и параметры системы. Подход, применяемый по принципу гармонии эмоционального и рационального зрительского восприятия, способен объединить средства выразительности, подчинить второстепенные главным, что позволит наиболее ярко и образно донести до зрителя идею художника. Системный подход к выбору художественно-выразительных средств экрана как эмоциональному способу воздействия на зрите-

ля, при котором все элементы экранной образности выступают слаженно и не противоречат друг другу, помог бы не только улучшить качество вещания, но и «оздоровить» современный телеэфир. Подход, который заключается в соответствии разных частей друг другу, в подчинении частного общему, второстепенного – главному, частей (деталей) – целому, а также в единстве приемов исполнения, обогатил бы репертуар современного регионального телеэкрана, позволил бы создавать иные не только по форме, но и по сути программы. Познания в области образного языка телеэкрана увлекли бы многих творческих работников телевидения, работающих сегодня больше интуитивно, чем профессионально.

Библиографический список

1. Андронников И.Е. Избр. сочинения в 2-х томах
2. Большая советская энциклопедия М., 1979г.
3. Выготский Л. С. «Психология искусства» / Под ред. М. Г. Ярошевского. М. : Педагогика, 1987.
4. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. М., 1991. С.39.
5. Гаврилов К. «Как делать сюжет новостей и стать медиатором» СПб, «Амфора» 2007 г
6. Горюнова Н.Л «Художественно-выразительные средства экрана» М., 2000
7. Головня А.Д «Операторское искусство». М., ВГИК, 1976.
8. Головня А.Д «Мастерство кинооператора». М., Искусство, 1963.
9. Ефимова Н.Н «Звук в эфире» Аспект-пресс М., 2005г.
10. Кузнецов Г.В, Цвик В.Л, А.Я Юровский «Телевизионная журналистика». Изд-во МГУ; «Высшая школа», 2002.
11. Килпатрик Л. Свет и освещение. М., «Мир», 1988.
12. Маклюэн М. «Понимание медиа: Внешние расширения человека». М., 2003
13. Мединский С.Е. «Компонуем кинокадр». М., «Искусство», 1992.
14. Нечай О.Ф «Телевидение как художественная система»– Минск. : Наука и техника, 1981.
15. Прожико Г.С. «Концепция общего плана в экранном документе». М, ИПК РТР, 2000.
16. Пудовкин В. Собр. соч. М., Искусство, 1974. Т. 1.
17. Рабигер М. «Режиссура документального кино» Уч. пособие. М., 1999г
18. Ромм М.И « Беседы о кино». М., Искусство, 1964.
19. Утилова Н.И. Монтаж как средство художественной выразительности М., ИПК РТР, 2002.
20. Фелдман Дж. «Динамика фильма». М., Искусство, 1959.
21. Цвик В.Л «Телевизионная журналистика. История. Теория. Практика» М., «Аспект-пресс» 2004 г
22. Эйзенштейн С.М. Собр. Соч. В 6-ти т. Т. 2.

A.S. NOVOZHENINA

SYSTEMATIC APPROACH TO THE CHOICE OF MEANS OF ARTISTIC EXPRESSIVENESS AS A VODE OF EMOTIONAL IMPACT ON THE AUDIENCE

Modern television possesses a great variety of expressive means which are able to make psychological and aesthetic impact on the audience. But frequently regional television directors and journalists use minimum of means giving priority to mass media modes which are based on manipulating the audience's conscience and thus decreasing the the quality of broadcasting. The author of the article suggests systematic approach in choosing television expressive means which will allow to improve the quality of the programmes and normalize regional air.

Key words: television, screen, means of expressiveness, systematic approach, manipulation of conscience, television repertoire.

Н.И. РАДВИЛ

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дизайна, скульптуры и теории искусства Орловского государственного университета
E-mail: radwil@yandex.ru
Тел. 8 953 625 36 25

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИЗАЙНА ОБЪЁМНОЙ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье рассматриваются основные вопросы художественного проектирования объёмной рекламы, на основе анализа различных подходов к этой проблеме формулируются принципы формообразования объёмных рекламных конструкций в пространстве. Анализируются проблемы метро-ритмического и цветового решений, факторы применения архитектурной и воздушной перспективы, а также особенности зрительного восприятия такой рекламы.

Ключевые слова: пространство, формообразование, тектоника, перспектива, масштабность, иллюзорность.

В последние годы улицы наших городов уже невозможно представить без наружной рекламы, при этом отчётливо видно стремление дизайнеров отойти от существующих стереотипов при её создании, использовать нестандартные идеи и носители, то есть сделать рекламу креативной. Это означает рождение абсолютно новых мыслей, которые не похожи на традиционное восприятие и стандартные объяснения различных процессов, совершающихся в рекламном пространстве. Соответственно дизайн такой рекламы предполагает в первую очередь неординарность, яркость, простоту восприятия и чёткость формулировки визуального рекламного сообщения. В сегодняшней наружной рекламе эти тенденции проявляются в том числе и в виде использования различных инсталляций в качестве рекламоносителей. Целью такой рекламы является создание со смысловым символическим подтекстом необычных сочетаний обычных объектов. Это могут быть объёмные фигуры различного размера, надувные объекты, скульптуры, элементы декораций и природных форм, части архитектурных сооружений. Такая инсталляция служит одновременно и украшением города, и средством привлечения внимания его жителей к рекламируемому продукту. Эта специфика современной креативной наружной рекламы определяет и особенности её художественного проектирования как динамического объёмного рекламного объекта в пространстве окружающей среды. Для выявления этих особенностей необходимо обратиться к трудам выдающихся исследователей и дизайнеров, в разное время изучавших вопросы формообразования объёмных конструкций в пространстве.

Впервые само понятие «пространство» как категория композиции было исследовано в конце XIX века Г.Вельфлином и А.Риглем [1]. Н.А.Ладовский

выделяет главными элементами архитектурной композиции пространство, форму и конструкцию, второстепенными – массу, цвет, пропорции, движение и ритм [15]. В трудах А.Г.Габричевского показана история развития мирознания человека, связанное с ним изменение форм художественного мышления и практической деятельности, раскрыта суть глубоких изменений в восприятии пространства и формы [2].

А.Гильдебрандт, будучи скульптором, представлял проблему пространства объёмно-пластически, то есть как организацию пластического образа. Различая «форму бытия» и «форму воздействия», он полагал, что художник призван создавать образ не восприятия, а представления, которое является результатом переработки зрительного восприятия в пластический образ [3].

О важности композиции и формообразования среды писал признанный лидер БАУХАУЗа Вальтер Гропиус. Именно он разрабатывал такую концепцию формообразования, которая основывается не на стилиобразующих приёмах, подобно ордерным схемам в их декоративной трактовке, а в таком формообразовании, которое основывается на ощущении человеком гармонии и красоты, на внутренней художественной культуре, обеспечивающей целостный охват предметного мира и взаимного соотношения его частей. «В эпоху стремительно разрастающегося мира предметных форм и образов опасность надвигающейся визуальной небезберихи, становится особенно актуальным человеческий фактор», – писал исследователь [4, 231].

Н.М. Тарабукин отождествлял пластическое пространство с «вещью», т.е. пространство, как считал выдающийся теоретик, «предметно» в вещном смысле этого термина, оно замыкается пределами объёма вещи. «Художественное пространство

– это акт творчества, в котором обнаруживаются основные и особенные свойства художественного сознания определённой эпохи. И как это сознание меняется вместе с переменной социального лика культуры, так изменяются и формы пространства, в которых выражается отношение художника к реальному миру» [12,338].

Выдающийся исследователь и преподаватель ВХУТЕМАСа В.Ф.Кринский считал, что крупномасштабные формы образуют реальную пространственную среду для жизнедеятельности людей, а не иллюзорную, как в живописи. Свободно ориентироваться в этой среде человек может только при получении информации о геометрических качествах этой пространственной среды, которые обеспечивает аппарат зрительного восприятия человека. При этом огромное значение имеет и исторический опыт человека, выработанные механизмы представления и ориентации, особенности геометрических фигур и тел, называемых в психологии «оперативными единицами восприятия». Основной задачей художника В.Ф.Кринский считал качественное эстетическое решение этой среды, а композиция любого элемента этой среды должна приобрести подлинно художественные достоинства [9,87-92].

Основные принципы объёмно-пространственного формообразования были сформулированы ещё в первой половине XX века выдающимся зодчим И.В.Жолтовским. Он выделяет:

- принцип композиционного единства (это представление об объёмно-пространственной композиции как о едином органическом целом, выражающем отношение дизайнера к природе, к другому человеку и социальной среде в целом);
- принцип динамики и органичности роста (это связано с понятием «пропорция» – отношение частей к целому и друг к другу);
- принцип правдивости объёмно-пространственных форм, то есть пластическая форма должна соответствовать материалу, цвету и окружающей среде. Мысль художника всегда должна идти от целого к части, то есть, проектируя комплекс наружной надувной рекламы, необходимо изначально «программировать» его в конкретном ландшафте [7,128-131].

Особенностями художественного проектирования наружной объёмной рекламы соответственно будет являться ориентация на новый продукт, невозможность прямой репродукции образа, прототипа. Сущность пространственного проектирования и заключается не в воспроизведении уже существующих форм, а в представлении тех, которые должны появиться в будущем, преодолевая различные текущие потребности в сфере рекламы,

обусловленные изменением жизненных условий. Проектирование наружной креативной объёмной рекламы как деятельность художественного типа основана на индивидуально-личностном характере творческого процесса. Этот процесс в образной форме представляет собой индивидуальное эмоционально-оценочное отношение к окружающему миру. Как и любое художественное творчество, этот процесс опирается не только на логику, но и на интуицию. Пространственно-проектная рекламная деятельность в современном виде обладает достаточно сложной структурой и содержанием и требует высокой степени профессионализма как в художественной, так и в технической сфере.

Одним из наиболее важных средств достижения композиционного единства в наружной креативной рекламе как объёмно-пространственной конструкции является категория тектоники. Чёткое определение её даёт Д.Л.Мелодинский: «Под термином «тектоника» понимается пластически разработанная и художественно-осмысленная конструкция» [9,23]. Для композиции выражением логики формы, конструкции в чувственно-наглядной форме тектоника объёмного сооружения имеет первостепенное значение.

С особенностями тектонического построения тесно связан масштаб объёмной наружной рекламы. Именно тектоника выражает масштабность, так как для каждой конструктивной системы существуют целесообразные предельные габариты. Масштабность трактуется исследователями как средство достижения гармоничности и выразительности пространственной формы путём соизмерения её с человеком. В теории и практике формообразования установлено, что сама по себе величина сооружения не является характеристикой его масштабности. Решающее значение имеет характер членений, принцип пропорциональности.

Конструкции наружной объёмной рекламы – это материальные формы, обладающие весом, прочностью, динамикой и другими физическими свойствами. Их разработка будет основана на применении архитектурной перспективы, которая достигается достаточно сложными построениями: кроме линейной перспективы, учитывается и «динамизм» – увеличение видимых форм объекта при приближении к нему. Здесь будет использоваться несколько точек схода: перспективные сокращения моделируются как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях. Необходимо при этом учитывать и воздушную перспективу – явления смягчения деталей и контуров более удалённых объектов за счёт относительной прозрачности толщи воздуха между зрителями и инсталляциями. Они будут рассматри-

ваться как отношение силы света и тени, цвета и изменяющейся окраски в зависимости от расстояния до зрителя.

Важнейшим фактором для сбалансирования композиции наружной объёмной рекламы является цвет, само применение которого в рекламе эффективно способствует пониманию сути товара, помогает улучшить запоминаемость рекламы. При этом важно учитывать, что различные цвета оставляют у человека различные ощущения с точки зрения объёмности и динамики. Например, «тёплые» цвета зрительно выдвигаются вперёд, а «холодные», расположенные рядом, зрительно отодвигаются внутрь.

Важнейшим средством художественного проектирования являются метр, как закономерный повтор одинаковых элементов, и ритм, как последовательное изменение элементов, закономерное наращивание или убывание какого-либо предметного качества. «Именно в метре и ритме заключается цельность и единство объёмно-пространственной композиции, её выразительный характер», – подчёркивает Д.Л.Мелодинский [9,108]. Рекламные инсталляции имеют свои метро-ритмические особенности. Они могут выражаться любыми физическими и геометрическими свойствами объёмно-пространственных форм. Это величина, геометрический вид, положение форм в пространстве, масса, фактура, светотень и т.д. Один и тот же элемент ряда может отличаться несколькими свойствами одновременно. Различные характеристики ритмических рядов отражены в понятиях «протяжённости ряда», «начале и конце ряда», «направлении развития», «динамичности», «монотонности» и т.д.

Очень сильным композиционным средством в наружной объёмной рекламе является контраст. Именно он подчёркивает динамическую силу и на-

пряжение, и его использование при проектировании инсталляций должно быть уместным и оправданным. Контраст в наружной объёмной рекламе, кроме цветового, может быть представлен сопоставлением высотных вертикальных и горизонтальных объёмов, различных геометрических форм, плоскостных и объёмных форм с криволинейными очертаниями, массивных и пространственных, больших и малых, динамичных и статичных (например: статичная рекламная пневмофигура на вращающемся подиуме и т.п.).

Подобные физические свойства рекламных инсталляций (движение, вращение на большой высоте и взгляд человека, направленный снизу вверх при постоянно меняющихся очертаниях объёмов и цветовых соотношениях) будут являться причиной оптической иллюзии при зрительном восприятии, которое обязательно включает в себя глазомерную оценку. Обеспечивать человеку постоянство восприятия величины и формы такой рекламы будет врождённый психологический механизм константности, то есть предметности, соответствия зрительного образа объекта самому этому объекту.

Соответственно, базовыми категориями при дизайн-проектировании наружной объёмной рекламы будут являться категории: пространство, время, тектоника и масштабность. Разработка рекламных инсталляций будет основана на применении архитектурной и воздушной перспективы.

Особенности художественного проектирования таких конструкций будут отражаться в цветовых решениях, метро-ритмических рядах и контрастных сопоставлениях форм. В основе зрительного восприятия такой рекламы будут психологические механизмы оптической иллюзорности и константности, то есть предметности форм.

Библиографический список

1. Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М.: Изд-во В.Шевчук, 2009.
2. Габричевский А.Д. Пространство и масса в архитектуре. Искусство 1983; №1: С. 35-41.
3. Гильдебрандт А. Проблема формы в изобразительном искусстве. М.: Искусство, 1991.
4. Гропиус В. Границы архитектуры. М.: Искусство, 1971.
5. Дрецер Л. Нестандартная наружная реклама. Рекламные технологии 2010; №8(77): С. 23-27.
6. Ероценкова Н.Е. Наружная реклама как элемент коммуникативной среды мегаполиса. Диссертация кандидата социологических наук: 22.00.04. М., 2005. 134 с., ил. РГБ ОД 61:05 – 22/445.
7. Жолтовский И.В. Проекты и постройки. М.: Изд-во по строительству и архитектуре, 1955.
8. Лебедев-Любимов А.Н. Зигзаг удачи или точные технологии? Психологическая экспертиза наружной рекламы: проблемы и методы. Рекламный мир, 1996; №8: С. 34-38.
9. Мелодинский Д.Л. Объёмно-пространственная композиция – современное состояние и тенденции развития. Начальный этап архитектурного образования. М.: Архитектура, 1987.
10. Павловская Е.Э. Дизайн рекламы: стратегия проектного творчества Дисс. док. искусствоведения: 17.00.06. М., 2003, 379с., (102с. ил.). Приложение, РГБ ОД 71 04 – 17/11.
11. Сироткина И.Е. Нестандарт в рекламе или игра с потребителем. Рекламные технологии 2007; №1(78): 35-38.

12. Тарабукин Н.М. Проблема пространства в живописи. Вопросы искусствознания 1993; №4: 330-339.
13. Теплицкий А.Н. Нестандартная реклама – отличный способ, чтобы тебя заметили. Рекламные технологии. 2011; №4(81): С. 34-37.
14. Титов С.Ю. Скажите «нет» плоской рекламе. Рекламные технологии 2007; №2(22): 23-28.
15. Хан-Магомедов С.О. Н.Ладовский. М.: Искусство, 1984.

N.I. RADVIL

THEORETICAL ASPECTS OF DESIGN VOLUME OUTDOOR ADVERTISING

This article discusses the main issues of artistic design of volume advertising, based on an analysis of various approaches to the problem are formulated the principles of forming solid advertising constructions in space. Analyses the problems metro-rhythmic and color decisions, factors of architectural and aerial perspective, as well as features of visual perception of such advertising.

Key words: *space, forming, tectonics, vista, magnitude, but wishful thinking.*

А.С. ХВОРОСТОВ

доктор педагогических наук, профессор кафедры
декоративно-прикладного искусства и техни-
ческой графики Орловского государственного
университета

E-mail: Aqua_storm@mail.ru

Тел. 8 919 202 15 28

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ РИСУНКА В ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ ДЛЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ

Эффективность эстетического воспитания и художественного образования студентов, изучающих основы декоративно-прикладного искусства, во многом зависит от понимания ими своеобразия и специфики проектно-графических работ, предшествующих работе в материале. При изучении основ декоративно-прикладного искусства нередко наблюдается, как студенты, игнорируя стадию эскизных поисков, сразу приступают к художественной обработке материалов. Есть и другая ошибка – исполняя эскизы и проекты будущих изделий, студенты пользуются приёмами, свойственными реалистическому рисунку, в то время как в декоративно-прикладном искусстве есть свои, специфические средства передачи предметного мира, зависящие и от выбранного материала, и от технологии его обработки.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, художественное образование, декоративно-прикладное искусство, эскизно-проектная работа, проектно-графические материалы, эскизно-графические поиски.

В содержании профессиональной подготовки студентов на художественно-графических факультетах высших учебных заведений декоративно-прикладное искусство занимает одно из первых мест как по количеству учебных часов, так и по значимости для их становления как специалистов. Так как изготовление художественных предметов быта (т. е. изделий декоративно-прикладного искусства) требует предварительного рисунка, без которого мастер подобен слепому, бредущему без поводья, студентам в ходе обучения важно понять специфику подготовительного рисунка для этих изделий. Кстати сказать, рисунок здесь называется несколько иначе, чем в классическом рисовании: эскизно-проектная, проектно-графическая, эскизно-графическая и т. д. работа. И это не самостоятельные произведения графического искусства, а подготовительные рисунки, подчинённые многим специфическим особенностям декоративно-прикладных работ. Понимание этого студентами позволяет активно использовать специфику рисунка в декоративно-прикладном искусстве как одно из средств их эстетического воспитания и художественного образования.

В декоративно-прикладном искусстве без предварительного рисунка (эскизно-проектных разработок) мастер, быть может, и дойдёт до завершения изделия, но с большими потерями и в его образно-выразительном решении, и в количестве затраченного времени.

Отличительной особенностью рисунка в декоративно-прикладном искусстве является его образно-технологическая сторона. Здесь не только создаётся образ будущего изделия, но учитываются и свойства обрабатываемого материала, и технология исполнения конкретного вида работ. Подготовительный рисунок в декоративно-прикладном искусстве может вобрать в себя пластику скульптуры, живописную музыку цвета, чёткость графического штриха. И в то же время он будет оставаться в декоративно-прикладной области.

Что касается сюжетно-образной содержательности проектно – графических работ, то она простирается от самых простых, многократно повторяющихся геометрических фигур до сложнейших композиционных сочетаний и переплетений растительных, животных форм и даже фигуры человека. Всё зависит от воображения и ничем не ограниченной творческой фантазии автора. Но как бы ни были выразительны декоративные образы, они неизменно должны быть построены в гармонии формы, гармонии цвета, технологичны в исполнении и обладать чувством материала. Ведь задуманное и выполненное в рисунке художественно-образное содержание проектируемого декоративного изделия – это только промежуточная фаза. А конечная цель таких разработок – исполнение в конкретном материале изделия декоративно-прикладного искусства. Подготовительный рисунок в данной об-

ласти искусства всегда делается с расчётом на его практическое воплощение в заранее продуманном материале.

В декоративно-прикладном искусстве большое внимание уделяется выразительности самой формы изделия, несущей и функциональное назначение, и художественное оформление. Что касается преимущественно декоративного искусства, то здесь упор делается во многом на сюжетно-композиционные разработки. Но сюжетные мотивы, так широко применяемые в декоративном искусстве, не самостоятельны, а тесно связаны с назначением и характером среды, которую декорируют. Поэтому рисунок здесь более условен и стилизован, а художник, с одной стороны, чувствует себя раскованнее, чем в станковом рисунке, с другой – более скован, так как связан общими требованиями ансамбля.

Для изготовления подготовительных рисунков в декоративно-прикладном деле используются стандартные графические материалы, в том числе и красочные дополнения на водной основе – тушь, акварельные, гуашевые, акриловые. Причём, при активном применении техники акварели или пастели рисунок становится достаточно близким к живописному решению.

Широкое применение в проектных разработках получили и самые разные компьютерные программы, позволяющие добиваться очень убедительных результатов. Недостатком работы с компьютером является то, что у художника не возникает желания применять в проекте приобретённые ранее собственные профессиональные навыки в графическом искусстве. В результате, как художник-график он теряет необходимую в таком деле практику, а с ней – и профессиональные навыки. А оторванный от компьютера чувствует себя беспомощным. Чтобы этого не произошло, рекомендуем половину проектных работ выполнять с помощью компьютера, а оставшиеся 50 % – ручными графическими приёмами. При этом образное решение в проектно-графических работах осуществляется по трём направлениям: 1. откровенная авторская фантазия, придумывание декоративного образа на основе воображения без аналогий в природе; в простейшем виде – это линейно-геометрические комбинации узоров, декорирующих поверхность создаваемого изделия; 2. обобщение и стилизация реальных природных форм; это направление не требует иллюстрирования; 3. подражательная передача предметов, сделанная с видимостью реальности средствами рисунка и цвета; правда, эти проектно-графические работы ближе к живописи, нежели к рисунку.

В первых двух позициях использование цве-

та – достаточно условно, а строгость графического решения смягчается раскованностью цветовой гаммы. Но при всей декоративности, стилизации и технологической специфики рисунка в декоративно-прикладном искусстве, в его основе лежит рисование с натуры. Ведь работа с аналогами (замеры, зарисовки), без чего не может быть речи о сохранении и развитии традиций в декоративно-прикладном искусстве, изначально предполагает пользоваться методом рисования с натуры. Мало того, здесь требуется графическими приёмами создать копию исследуемого предмета, со всеми возможными подробностями и особыми приметами. И только после этой фазы идёт творческая работа над новыми образами.

Активный эскизно-поисковый период предшествует проектно-графической работе с выполнением множества форэскизов, где должна просматриваться обобщённая образная форма сочиняемого изделия декоративно-прикладного искусства. Эскизно-проектные работы должны не только передавать выразительный образ будущего изделия. По ним мастер должен понять, какие технологии, какие приёмы обработки материала применить и какими инструментами работать, чтобы изготовить спроектированное изделие. То есть, проект не только передаёт художественное, эстетическое впечатление о будущем изделии декоративно-прикладного искусства, но является и технической документацией.

В ходе обучения, уже на старших курсах студенты узнают, что в декоративно-прикладном искусстве имеет место и академический рисунок. Ведь декоративная лепка, к примеру, в классическом стиле или в стиле модерн не исключает изображение женской и мужской фигуры, обнажённой или красиво драпированной. Многофигурные композиции свойственны и различного рода декоративным росписям. Поэтому здесь актуально и рисование с антиков. А рисунки исполняются на основе таких принципов, как соблюдение пластики, симметрии, гармонии при применении цвета и, при этом, технологичности и передачи материальности, подчинение каждой из деталей всей декоративной композиции, или, как иногда говорят, ансамблю.

Чередования и повторяемость отдельных элементов композиции, свойственные подобным изображениям, позволяют говорить о ритмичности рисунка в декоративно-прикладном искусстве. Здесь ритм заявляет о себе решительно и откровенно. И равномерный повтор отдельных элементов в орнаменте тяготеет к простейшему виду ритмической организации проектно-графических работ для декорируемой поверхности. В итоге

закономерное повторение или чередование элементов декоративной композиции автоматически приводит к её ритмической организованности.

Студентам становится понятно, что с профессиональной точки зрения, художник, работающий над декоративными образами, более свободен и раскован, чем специалист академического рисунка. Ведь последний связан необходимостью возможно точной передачи и воспроизведения естественных объектов, тогда как в декоративно-прикладном искусстве передаются главным образом общие признаки рисуемого с активным привлечением полёта фантазии художника. Зачастую в таком изображении нет деления на передний и задний планы. Пространства там или нет совсем, или оно очень неглубоко (в резных, лепных или чеканных рельефах). Не надо ставить перед собой задачи по передаче глубины, там нет ни линейной, ни воздушной перспективы.

В каждом конкретном виде декоративно-прикладных работ своя специфика, свой изобразительный язык, свои графические приёмы. К примеру, рисунок для будущей рельефной чеканки передаётся обобщённо в светотеневой и тоновой манере сангиной или углем. Задаётся единый источник света (слева или справа, чуть выше изображения). Проектную часть для чеканных рельефов лучше делать на слегка тонированной бумаге. Тень передаётся графическими материалами по тону чуть плотнее тона бумаги, а свет – белилами или мелом. Цвет бумаги при этом методе работы будет играть роль полутона. И, если предполагается исполнение чеканного рельефа на латуни или бронзе, применяется бумага, тонированная в охристый цвет. А, если на алюминии или стали, то цвет бумаги – соответственно серый.

Когда создаётся графическая миниатюрная разработка для декора изделия перегородчатой эмалью, то это будет плоскостная, в красочном исполнении композиция, где каждое цветовое пятно окружено выразительными светлыми очертаниями. Рисунок для смальтовой мозаики может быть разложен на множество составляющих элементов. А проектно-графический материал для стенной росписи будет отличаться пульсацией больших цветовых пятен.

Есть композиции, где главенствуют контурные линии. В других – каскады геометрических узоров, в третьих – нескончаемые гирлянды цветов и листьев и т. д. Декоративный язык проектно-графических работ бесконечен.

Студентам известно, что выразительные средства рисунка – это штрих, линия, пятно. Эти же средства они начинают использовать и в подготовительном рисунке при проектировании изделий

декоративно-прикладного искусства.

Подготовительный рисунок во многом зависит от обрабатываемого материала. Слоистость и скальваемость дерева диктует применения одних форм и деталей в рисунке, пластика отожженного металла – других, тонкие пластинки шпона – третьих. Рисунок для резьбы на липе будет иным, чем для работы с дубовой древесиной, а эскизные разработки для чеканки на стальном листе будут иными, чем на мягкой, пластичной меди.

В ходе практических занятий студенты начинают понимать, что на характер рисунка в прикладном искусстве во многом влияют и инструменты, какими мастер будет переводить в материал сочиненный художником образ. К примеру, в проектных разработках для кудринской резьбы надо обязательно учитывать радиус скругления стамесок, а в рисунках для маркетри тон задают активные многообразные переплетения древесных волокон. И эти древесные узоры надо суметь передать в предварительном рисунке так, чтобы не было сомнений – карагач это или ясень, красное дерево или грецкий орех. Хорошо бы при этом не прятаться за мёртвые готовые фактуры компьютерных программ, а научиться графическими приёмами изображать характер ожидаемой поверхности материала как всего изделия, так и отдельных его частей. Говоря о мастерстве передачи фактуры дерева, уместно, порой, вспоминать слова живописца П. Федотова: «Я до тех пор не начну писать картины, пока не научусь передавать на холсте красное дерево». И, действительно, он добился своего. Вспомните, к примеру, его картину «Завтрак аристократа» (1849-1851. ГТГ), где фактура древесины столика на переднем плане не оставляет сомнений, что это палисандр – одна из элитных разновидностей красного дерева. Настолько убедительно живописец проник в декоративную сущность дерева. К такой же убедительности в ручном исполнении фактур должен стремиться и специалист в области декоративно-прикладного искусства.

Задача эскизно-проектных работ по декоративно-прикладному искусству состоит не в создании графического произведения, претендующего на экспонирование в составе академической выставки, а предоставление мастеру исчерпывающей информации для изготовления изделий не только полезных, но и красивых для использования в современных интерьерах.

Всё вышесказанное студенты усваивают в ходе практического исполнения проектов и графических листов, а также изделий в материале, что незаметно, но активно формирует их эстетический вкус, повышает качество художественной подготовки.

Библиографический список

1. Бесчастнов Н.П. Изображение растительных мотивов. М.: Гуманитарный центр ВЛАДОС, 2008.
2. Бесчастнов Н.П. Графика пейзажа: учебное пособие. М.: Гуманитарный центр ВЛАДОС, 2008.
3. Богуславская И.Я. Русское народное искусство: Краткая энциклопедия, СПб.: Гос. Русский музей, 2009.
4. Ветрова И.Б. Неформальная композиция: от образа к творчеству: учебное пособие. М.: Ижица, 2004.
5. Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. СПб.: Азбука-классика. 2007.
6. Дагдидян К.Т. Декоративная композиция: учебное пособие – изд. 3-е. Ростов н/Д: Феникс. 2011.
7. Ермолаев Л.П. Основы дизайнерского искусства: учебное пособие. М.: Архитектура. 2009.
8. Кандинский В. Точка и линия на плоскости. СПб.: Азбука-классика, 2005.
9. Капლოнова. С.Г. От замысла и натуры к законченному произведению. – М.: Просвещение, 1981.
10. Ковалев А.А. Теория и практика формального метода построения изображения в системе профессиональной и специальной подготовки художника- педагога. М., 2006.
11. Методика обучения изобразительной деятельности и конструированию: хрестоматия. Под ред. Т.С. Комаровой. М.: Просвещение, 1985.
12. Пономарьков С.И. Методика преподавания декоративно-прикладного искусства в школе. М.: Просвещение, 1976.
13. Салтыков А.Б. Самое близкое искусство- М.: Просвещение, 1976.
14. Сапего И.Г. Предмет и форма. Роль воспитания материально среды художником в создании пластической формы. М.: Советский художник, 1984.

A.S. KHVOROSTOV

**USE OF SPECIFICITY OF DRAWING IN APPLIED ART
FOR AESTHETIC VOSPITANIJA AND ART EDUCATION OF STUDENTS**

Efficiency of esthetic education and art the students studying bases of arts and crafts, in many respects depends on understanding them of an originality and specificity of the design-graphic works previous work in a material. At studying of bases of arts and crafts it is quite often observed, how students, ignoring a stage of outline searches, at once start processing of materials. There is also other error - executing sketches and projects of the future products, students use the methods, to realistic drawing while in arts and crafts there are, specific transmission media before the world, depending and from the chosen material, and from technology of its processing.

Key words: *esthetic education, art, arts and crafts, design work, design-graphic materials, graphic searches.*

А.С. ХВОРОСТОВ

доктор педагогических наук, профессор кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета

E-mail: Aqua_storm@mail.ru

Тел. 8 919 202 15 28

ПРАКТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ НА ПЛЕНЭРЕ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ

Природа была и остаётся постоянным источником прекрасного. Эстетическое воспитание подрастающих поколений через созерцание природы – один из самых эффективных методов воздействия на чувства ребёнка. Ещё эффектнее происходит приобщение детей к природе, если предложить им не просто созерцать явления природы, а активным образом впитывать их. Это возможно через занятия с детьми живописью на пленэре. Наблюдая явления природы, перенося на холст впечатления от увиденного, дети реально развивают эстетические чувства, наблюдательность, творческое воображение.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, природа, источник прекрасного, ребёнок, созерцание, живопись, пленэр.

Эстетическое воспитание учащихся через восприятие ими природы известно давно и широко используется в практической педагогике. Лагеря труда и отдыха, детские санатории, школьные лесничества и др. наряду с физическим воспитанием призваны способствовать развитию эстетических чувств детей, их наблюдательности и воображения.

Наибольший эффект в эстетическом воспитании средствами природы дают практические занятия детей рисунком и живописью на пленэре.

Рисунок и живопись – сложные виды искусства. Здесь столько профессиональных секретов, что у детей могут «опуститься руки» и от таких занятий может получиться обратный, то есть отрицательный результат. И задача учителя – рассказать детям о секретах просто и понятно. А для наглядности содержание рассказа должно сопровождаться графическими и живописными иллюстрациями и «живым» показом учителем практических приёмов работы.

Здесь мы лишены возможности дать иллюстративный материал и показать приёмы работы карандашом и красками. Но можем показать учителю то направление в объяснении нового материала, которое может стать содержанием его бесед с учениками.

Для зимнего примера рассмотрим то, как объяснить детям правила и приёмы передачи на холсте, например, заснеженных пейзажей.

Прежде всего, определимся, какого цвета и тона наблюдаемый нами снег. Можно ли взять на кисть белую краску, нанести её на холст и считать, что это снег?

Ребенку нужно объяснить, что в натуре, на природе, если посмотреть на мотив в целом, снег не соответствует белилам, он всегда имеет некий цветной оттенок. Снег, как самый светлый объект, воспринимает рефлексы от всех окружающих его цветных предметов. Белым его можно считать чисто условно, как, например, мы считаем траву условно зелёной. Но, как и траву, мы почти не пишем зелёной краской, так и снег не следует писать белилами. В основе, конечно, будут белила, но всегда подцвеченные. Ведь снег такой разный!

Снег меняет цвет в течение дня много раз. И при солнечном состоянии, и в облачную погоду. Меняется и в зависимости от времени года – от первого появления осенью, до последних сиротливых сугробов весной.

Первый снег нередко падает на ещё теплую землю и потому быстро проталивает, оседает, напиться влагой, как кусок сахара в блюдечке с чаем. На земле он лежит тонким слоем в соседстве с опавшими листьями, травой, осенней слякотью дороги. И всё это окружение, и рыхлое состояние снега активно вмешиваются в его цвет. А сам снег всё преобразует, украшает уставшую от непогоды землю, наполняет её особыми свежими оттенками и ароматами.

Рядом с выпавшим снегом любой предмет начинает звучать своим локальным цветом. И потому писать впервые выпавший снег большая радость.

Очень красив мотив замерзающей реки в начале зимы, когда от берегов наступает на водную гладь зелёный лёд, припорошенный снегом, а в остывающих полыньях чернеет зеркало воды. И в нём ещё

продолжает отражаться уснувшая природа.

Позднее, когда зима входит в свои права, кругом становится белым-бело. Ведь снегом покрыто всё: реки, озёра, поля, луга, овраги. Что касается деревьев, то вокруг их стволов метель наматывает высокие сугробы, и они стоят, как бы утопая по колени в снегу. Снег лежит на ветвях, цепляется за кору, налипает на хвою, прячет под белые «полушубки» небольшие ёлочки, плотно укрывает валежник и поваленные стволы.

Не открою секрета, если скажу, что зимой снег самый белый. Но это не значит, что только что выпавший зимний снег надо писать чистыми белилами.

Яркая белизна снега исчезает в оттепель: наст оседает и выжимает рыжую талую воду. Она заполняет низинки, покрывает грязью оттаявшую дорогу. Здесь уж раздолье для живописца! Но приходит мороз, вновь сковывает землю и накрывает её обновлённым снежным покрывалом. Зима возвращает свои права, по весне картина меняется. Под лучами солнца снег стает с ветвей и коры деревьев. Стволы нагреваются, и сугробы вокруг них начинают оседать, образуя глубокие лунки. Это один из явных и зримых признаков приближающейся весны.

Дальше – больше. На южных склонах снег сходит до земли, и тёмные мокрые проталины, окружённые голубовато-серым ореолом пропитанного талыми водами наста, пробивают брешь в белом панцире зимы. Снег становится сырым, рыхлым. В нём много воды и потому он набухает и темнеет. Сугробы тают и сползают с нагретых скатов крыш и держатся только на пологих навесах крылечек.

Наконец, снег, практически, стаял, сбегал ручьями с откосов, промочив и затемнив их. Отдельные серые снежно-ледяные груды ещё сохраняются в глубоких, затенённых оврагах и лощинах. Но и их век недолог, скоро и они истают, стекут в ложбины или впитаются в оттаявшую землю. Земля обнажается.

Мы попытались словами показать характер снежного покрова в разные фазы и состояния зимы и весны. Любое из них очень живописно, и может привлечь внимание пейзажиста. Найденный им мотив может взволновать зрителя, если художнику удастся понять и передать образ заснеженной природы.

А теперь посмотрим, как можно писать снег в солнечную и в пасмурную погоду.

Мы уже знаем, что цвет снега во многом зависит от освещения и окружения. О его восприимчивости к освещению можно убедиться, рассматривая зимний пейзаж А. Куинджи «Эффект заката», где световая часть снега, озарённая заходящими луча-

ми солнца, написана насыщенным красным цветом, а теневая, отражающая краски высокого купола неба, – тёмным зелёно-синим. И вся эта цветная мозаика убедительно смотрится белым снегом!

Снег очень активно воспринимает рефлексы от окружающих предметов. Это вы наглядно увидите, если прогуляетесь зимой по длинной заснеженной улице, застроенной частными домами. Они, как правило, окрашены бессистемно и в разные цвета. Перед зелёным домом снег будет зеленоватым, перед красным – розовым, а перед синим – голубоватым. Это хорошо видно в солнечную погоду, в пасмурную эффект менее заметен, но всё равно сохраняется. Таким цветным и надо писать снег в своих этюдах.

Зимой солнце не поднимается высоко, и его лучи освещают снег наклонно как бы скользящим светом. Но попадают пригорки, где солнце светит в упор, и в этом месте будет самое яркое пятно этюда. А за бугром, куда солнце не проникает, лежит тень. Это будет самое тёмное место на снежном покрове.

Рядом с теневыми зонами будут находиться яркие, сочные, напитанные солнцем пласты снега, от которых в эту холодную синеву будут отправлены теплые золотистые рефлексы.

Что касается снега на равнине, то здесь он будет окрашиваться одновременно тёплыми косыми лучами солнца и холодным купольным светом неба. Ровная поверхность снега, воспринимающая эти два цветовых воздействия, в результате окрасится в голубовато-фиолетовый цвет с множеством оттенков и рефлексов. Это будет полутон между ярким солнечным светом, и синим, теневым. Такой расклад освещения снега в солнечную погоду мы показали на схеме. Получается как бы четыре главных тона: полутон (равнина), свет, тень и рефлексы в глубине тени. Но в каждом из них такое множество оттенков, что невозможно передать. Чтобы убедиться в этом, вы можете обратиться, например, к зимним пейзажам наших великих пейзажистов.

Если будете в Третьяковской галерее, подойдите поближе к картине В. Сурикова «Боярыня Морозова» и посмотрите, каким обилием цвета насыщен снег. Биограф Сурикова Максимилиан Волошин утверждал, что в «Боярыне Морозовой» самый лучший снег во всей мировой пейзажной живописи.

Многообразие оттенков снега в теневых и освещённых зонах даёт возможность применять в зимних пейзажах самые разные цветовые сочетания. Представьте, например, такую картину: солнце село за бугор. Он весь в синевато-фиолетовой окраске от верхнего купольного света, и в то же время ярко освещённые оттенки бросают на него тёплые

световые рефлексы. А вот другое цветовое решение зимнего мотива: лучи солнца освещают в упор береговой откос, укрытый пышными сугробами. Здесь в отличие от предыдущего холодного колорита доминирует тёплый солнечный свет. Зимние мотивы бесконечны.

В одних пейзажах может доминировать тень, в других – свет, в третьих – полутон.

Что касается красок, то тени и полутона в зимних пейзажах пишут тонкими слоями и мазками в растирку, а освещённые места – густо, пастозно, в какой-то степени даже рельефно. Порой не только кистью, но даже мастихином.

Фактуру поверхности снега можно передавать самыми разными приёмами. Например, И. Грабарь в картине «Февральская лазурь» изобразил снег множеством мелких разноцветных мазков, расположив их по направлению теней от деревьев в глубину картины. Этот приём позволил художнику увести взгляд зрителя в снежно-берёзовое сказочное пространство приближающейся весны. Когда будете в Третьяковской галерее, постойте перед этим полотном, взгляните в поверхность снега, и вы увидите, насколько многоцветны мазки, сливающиеся в радостную, сверкающую симфонию.

Рядом с полотном Грабаря – картина К. Юона «Мартовское солнце». Та же тема – приближение весны. Подобное же состояние – высокое ясное небо и освещённый солнцем снег. Но решён пейзаж по-другому: в отличие от пейзажа Грабаря, здесь отдельные мазки не выделены. Они плавно слиты в общую синевато-фиолетовую плоскость снега, оживлённую светлыми тёплыми пятнами и полосками множества следов и тропинок.

Совсем иначе писал снег И. Шишкин. По свидетельству очевидцев, чтобы передать мягкость и воздушность сугробов, он сглаживал мазки краски подушечкой большого пальца.

Простоту и красоту снежной зимы в солнечную погоду можно почувствовать в пейзажах Н. Крымова. Например, в небольшом городском пейзаже «Зимой в провинции» состояние такое, что сердце щемит от какой-то сладкой тоски и детской радости. Снег написан плотно, пастозно, густым красочным слоем.

Из объяснения учителя дети должны понять, что приёмы написания снега могут быть самыми разными. Главное, чтобы, не подражая кому-то другому, по-своему увидеть и воплотить в материале образ зимнего снежного чуда.

Как в солнечные, так и в пасмурные дни цвет снега во многом зависит от неба. Свинцово-серые тучи отбрасывают на него свои рефлексы и окрашивают в серо-перламутровые оттенки.

Бывает, что на горизонте небо сливается со снегом по цвету и по тону. Стоит измениться цвету облаков, тут же меняется и цвет снега. Бывает, что в пасмурную погоду на рассвете или закате через тяжёлые тёмные тучи, вдруг, прорежется яркая жёлтая или оранжевая полоска чистого неба. И этот эффект сразу отразится на освещённости снега: на дальнем плане он станет светлее и теплее, а ближе к зрителям – темнее, холоднее, цветнее.

Тяжелые серые или с синевой тучи настолько тонально контрастны к снегу, что так и хочется написать его чистыми белилами. Но писать снег белой краской нельзя. Дети должны понять, почему нельзя. Потому, что чистые белила – это самая светлая краска палитры. Светонеснее её ничего нет. А если вдруг, пока они пишут этюд, сквозь плотность облаков пробьется тонкий лучик света и ударит в снежный склон, и в среде пасмурного дня засверкает ярчайшее солнечное пятнышко. А чем ученик его напишет, если самой светлой краской – чистыми белилами уже заполнена вся снежная часть этюда? И вот школьник растерянно смотрит на свой этюд, понимая, что с тоном снега здорово промахнулся. Становится ясно, что при написании снега в пасмурную погоду нужно всегда оставлять на палитре запас светлоты. Как это сделать? Только одним способом – уплотнять тон снежной поверхности, чтобы чистые белила были намного светлее её. В этом случае можно посоветовать: сделать на палитре небольшой замес белил с кадмием жёлтым. Это будет тон места, куда может попасть пробившийся лучик солнца. И этот замес без нужды не трогать. Рядом с ним ученик должен замешать тон и цвет пасмурного снега, естественно, темнее, чем «солнечный замес». Теперь по сравнению с тоном написанного «пасмурного снега» он может подбирать плотность хмурого неба и тональность всех предметов на земле.

С тоном тёмных предметов на снегу тоже надо быть осторожным. Они кажутся значительно темнее, чем на самом деле. Ведь их тон сравнивается с белизной снега. Поэтому даже далеко не тёмные предметы кажутся почти чёрными. Чтобы не ошибиться, глядя в предмет на снегу, надо мысленно спрашивать себя: «А чем ты будешь писать груды каменного угля, если её сейчас свалят поблизости?» То есть надо оставить на палитре не только запас светлоты, но и черноты, чтобы в случае необходимости иметь возможность правильно взять тон по-настоящему чёрных предметов. Говорят, что Константин Коровин перед началом работы над этюдом ставил перед собой чёрную лакированную трость и на неё надевал, снятый с рукава, белый манжет. И через эти полярные тона, сравнивая с ними степень освещённости окружающих предме-

тов, писал этюды. И в это можно поверить.

Из серых туч падает крупными хлопьями снег. Если у детей есть зонт художника, можно, воткнув его штык в сугроб, предложить им попробовать написать падающие снежинки. Хлопья летящего снега бывают такими большими, мохнатыми, что, выдерживая масштаб, их можно нанести на этюд.

Вначале пусть дети немного понаблюдают за падающими снежинками, чтобы почувствовать их визуальный образ. Так, они обнаружат, что снежинки очень разные и по размеру, и по тону: на фоне неба они смотрятся притемнёнными точками, на фоне тёмных предметов они светлые. Ещё одно наблюдение: со световыми пятнами сугробов они сливаются по тону и белеют на их затенённых боках. Отсюда и приёмы их передачи на холсте или картонке.

Сначала надо написать выбранный мотив, как бы не замечая падающего снега. Только задний план прописывается, как бы тающим во мгле. Ведь его будут перекрывать многие слои летящего снега. Чуть более контрастно будут выглядеть средние планы пейзажа. И только передний план пишется достаточно сочно, пастозно. Справившись с этой задачей, дети могут наносить мазками отдельные снежинки.

Начинать писать надо с неба и заднего плана – лёгкими прикосновениями кончика мягкой кисти,

без нажима, оставляя на предварительно подготовленном этюде точечные мазки. Не надо, чтобы дети пытались их калибровать, то есть делать одинаковыми. Ведь падающие хлопья не могут быть близнецами – они всегда разные. И прикосновения к холсту каждый раз будут оставлять следок, не похожий на предыдущий.

Краску на кисть следует брать густую, и касаться холста порой не волосом кисти, а кончиком сгустка краски. Напомним, что на фоне неба снежинки смотрятся несколько темнее и холоднее его, а на фоне тёмных предметов светлее. Чем ближе к переднему плану, тем отпечатки увеличиваются, так как на близком расстоянии снежинки кажутся и крупнее, и светлее, и теплее по цвету.

Всё ли здесь сказано о том, как писать снег? Конечно, нет. Очень много нового дети сами найдут и в натуре, и на пейзажах мастеров кисти. Ведь многие художники писали снег: и Шишкин, и Поленов, и Левитан... Интересно изображали зиму Каменев, Кустодиев, Степанов, Пластов, Шварц. Каждый из них по-своему видел и передавал заснеженные мотивы.

И всё же зимних пейзажей в истории живописи не так много, как весенних, осенних или летних. И это серьёзная ниша, которую вы можете пополнить своими мотивами.

Библиографический список

1. Ростовцев Н.Н., Игнатьев С.Е., Шорохов Е.В. Рисунок. Живопись. Композиция: Хрестоматия. Москва: Просвещение, 1989. с.207.

A.S. KHVOROSTOV

PRACTICAL EXERCISES ON THE OPEN-AIR AS THE EFFECTIVE REMEDY OF AESTHETIC EDUCATION OF PUPILS

The nature was and remains a constant source fine. Esthetic education of rising generations through nature contemplation – one of the most effective methods of influence on feelings of the child. There is a familiarizing of children with the nature even more effectively and more effectively if to suggest them to behold not simply natural phenomena, and in the active image to absorb them. It is possible through employment with children painting on an open-air. Observing natural phenomena, transferring on a canvas of impression from seen, children really develop esthetic senses, observation, creative imagination.

Key words: Aesthetic education, the nature, a source fine, the child, contemplation, painting, an open-air.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц формата А-4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через один интервал без переносов. Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы.

В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6). Вся информация предоставляется на русском языке, а в конце статьи на английском языке. Сведения об авторе (авторах) – ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). К статье в обязательном порядке должна прилагаться электронная версия, идентичная печатной одним файлом на диске CD или DVD (CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW).

Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка – Объект – Создание – Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg. должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после ее названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и ее выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после ее названия) приводятся название журнала и год издания (между ними знак препинания не ставится), затем после точки с запятой – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после двоеточия помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц.

Примеры библиографического описания источников:Книги

1. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
2. *Базыма Б.А.* Психология цвета: теория и практика. М.: Речь, 2005. С. 20-24.
3. *Ильин И.А.* Учение о правосознании. В кн.: Ю.Т. Лисица (ред.) Родина и мы. Смоленск: Посох. 1995: 355-364.
4. *Harding A.E.* The hereditary ataxias and related disorders. Edinburgh: Churchill Livingstone, 1984
5. *Goldman S.M., Tanner C.* Etiology of Parkinson's disease. In: Jankovic J., Tolosa E. (eds.) Parkinson's disease and movement disorders. 3d ed. Baltimore: Williams & Wilkins, 1998: 133-158.

Журналы

6. *Ершов В.Ф., Курамина Н.В.* Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920-1930 годов. Исторические записки 2004; 7:198-222.
7. *Block W., Karitzky J., Traber F. et al.* Proton magnetic resonance spectroscopy of the primary motor cortex in patients with motor neuron disease. Arch. Neurol. 1998; 55: 931-936.

Электронные публикации и базы данных

8. *Shulman L.M., Gruder-Baldini A.L., Anderson K.E. et al.* The evolution of disability in Parkinson's disease. Mov. Disord. 2008: epub ahead.
9. <http://www.globalreach.com/>

В конце статьи обязательно должна быть надпись **статья публикуется впервые**, ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, возвращаются авторам без рассмотрения.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. – (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин философского факультета Московского государственного университета;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель центра сравнительно-правовых исследований института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российского отделения Ассоциации международного права;

КОЛЕСНИКОВА А.Ф. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии, руководитель НИИ естественных наук Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной Российской экологической академии;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, заведующая кафедрой химии Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета; академик Академии социальных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

РЕПИН О.А. – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой Самарского экономического университета;

СЕДОВ Е.Н. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом селекции семечковых культур ВНИИСПК;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета, почетный доктор Бирмингемского и Нью-Йоркского университетов;

ТЫРТЫШНИКОВ Е.Е. – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института вычислительной математики Российской академии наук.

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор Орловского государственного университета; действительный член Международной педагогической академии;

ШАБАНОВ Н.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства Курского государственного университета, член Союза дизайнеров России, член международной ассоциации изобразительных искусств им. И.А. Пюнеско.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

БАХВАЛОВА Т.В. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии Орловского государственного университета;

КРЮЧКОВА Т.Б. – доктор филологических наук, профессор, зам. руководителя научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки РСФСР;

МАРКОВИЧЕВА Е.В. – кандидат юридических наук, доцент Орловского государственного университета;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХАЛЬЧЕНКО В.Ю. – доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Российской академии лингвистических наук, руководитель научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВА Г.Ф. – кандидат философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета;

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного и международного частного права, руководитель НИИ правовых проблем Орловского государственного университета;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета дополнительного профессионального образования и повышения квалификации, заведующий кафедрой непрерывного образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета;

РЫМШИНА Т.А. – кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры дизайна Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии.

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»**

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Ответственный составитель: Кирсанов М.А.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.08.2012 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 50,5 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 117
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-45-08

